

попаданец

01515HC

Николай Дитятин

ДЛАНЬ

ОДИНОЧЕСТВА

Annotation

Никас Аркас, сломленный жизнью журналист, попадает в удивительный мир страстей, называемый Многомирьем. Реальностью, в которой возможно все, что может представить человек. Там главному герою придется сразиться с сами собой, негативом всего человечества и самым страшным его врагом: Одиночеством.

Николай Дитятин
Длань Одиночества

Глава 1

Драма начиналась с побега кофе. Клокоча и пенясь, оно вырывалось на свободу, объявляя: еще один день пришел за тобой, Никас Аркас.

Никас старался допивать остатки пренебрежительно, так, словно никакого врачебного запрета не было. Ведь его «кофе» был варевом, в котором молотые кофейные зерна сочетались с разными неожиданными ингредиентами. Самым безобидным из них был мускатный орех. А самым заметным: угрызения совести.

Кто-то сказал ему, что если пить маленькими глотками, то вреда не будет. У каждого человека есть такой знакомый-рационализатор, который, при случае, говорит что-нибудь удобное. «Ничего страшного, что ты не занимаешься воспитанием своих детей. Они вырастут самостоятельными людьми». Когда приходит время вспомнить, кто же сказал тебе такую ерунду, оказывается, что это был ты сам. Только в шляпе, с усами-щеточкой, и звали тебя, почему-то, иначе.

Итак, все начиналось с кофе. Грязной плиты и простого самообмана. Что было потом? Потом, без особой сенсации, почти без прессы, освещалась пропажа таблеток. Обычное дело. Аркас, возможно, сам перекладывал их. Или это были проделки сущности.

Однажды он просто обнаружил сущность на кухне. Шизофрения сидела на столе, нагая, сгорбившись над чем-то. Аркас собирался было грохнуть в обморок. Закричать. Сделать что-нибудь малодушное, подходящее случаю. До нее он никогда не сталкивался с видениями. Терапевт обещал, что галлюцинации ему не грозят, если Никас станет принимать лекарства. Про «кофе» он, конечно, не знал.

Сущность считала его таблетки. Их там было больше, чем следовало, ведь Аркас не принимал прописанное неделю. Сначала это был протест неуверенной самоуверенности. Жалобное: «мне не нужны все эти транквилизаторы!».

А потом, после появления сущности, Никас уже не мог возобновить курс. Он настолько отчаялся в изоляции, что буквально не мог остаться один снова. В конце концов, шизофрения, или Френ, как он ее неостроумно назвал, была единственной компанией, которая спокойно переносило странности Никаса. В том числе, его ночные вопли и привычку запирается на все замки. Ведь кто же еще станет жить с человеком, который навесил на балконную дверь четыре замка и щеколду. И спит только за ней. Вот уже два года. Кто, если не безумие?

Собака? Нет, собака это плохой выбор для человека, которого она хоть раз стерегла, не давая выбраться на волю. Начинаешь понимать, что собачья верность бывает крайне невыгодной.

Кошек Никас любил. Они ни разу не пытались отхватить ему ползадницы.

Но Френ была предпочтительнее. Хотя бы потому, что у них был регулярный секс. Аркас всегда оставался пассивен. Она приходила к нему, и вцеплялась словно голодная пиявка. Человек ощущал себя треснувшей сферой каждое утро, но остановиться не мог. Потому что каждый раз с замиранием ждал, когда эйфория первых минут сделает его счастливым и не помнящим. Ничего.

Никас не перестал вообще принимать лекарства. Какой-то рудимент оставшийся от инстинкта самосохранения, не давал его личности погибнуть. Человек рассчитал все дозы самостоятельно, так, чтобы Шизофрения не завладела им полностью. Что вызывало

конфликты. И кражи.

Итак, шаг второй: мелкие бытовые споры между соседями.

После того как Никас, с грехом пополам, приводил себя в порядок, завтракал и одевался, ему предстояло еще одно испытание. День, проведенный на балконе, за написанием статей для издательства, либо, раз в неделю — она.

Лестница.

В лифте Никас находиться не мог, а ступеньки стремились вниз, на шестнадцать этажей. И на каждом из них могло ждать какое-нибудь ненужное приключение.

На одиннадцатом этаже жила, насколько мог Никас судить, семья селькупского старейшины. Он был знаком с этим народом после путешествия на крайний север. Что они делали здесь, вдали от пушнины и красной икры, было для Аркаса загадкой. Возможно, переправляли в тундру пальчиковые батарейки для радиоприемников.

Многокомнатная квартира старейшины была полностью заселена потомками. Эти потомки чувствовали себя стесненными в доступных пяти комнатах. Заботливый отец обратил внимание на лестничную площадку. Теперь там были: маленькие качели, вал игрушек, стоянка трехколесных велосипедов и пластиковый замок, загораживающий проход к мусоропроводу. Лестницы были обиты чем-то мягким. Перила закрыли полуметровыми щитами из фанеры. Они были густо разрисованы цветными мелками. На страже постоянно находились несколько мрачных мужчин с цепкими раскосыми взглядами. Попробуй таким объясни, что у тебя клаустрофобия, и что ты шастаешь между играющими детьми без вредных замыслов.

Охрана, впрочем, к Никасу давно привыкла. Даже здоровалась от скуки. Иногда.

Больше на этаже никто не жил. Старейшина заселился со своим племенем очень давно и, как ни странно, желающих попасть на этот этаж больше не находилось.

На восьмом этаже тоже было беспокойно. Там жил участковый, который, отчего-то, очень не любил Никаса. Вечно скорбное лицо журналиста, его запавшие глаза и бледные губы, рождали в шерифе самые черные подозрения. Сгибы локтей у Никаса были чистыми, но это еще ничего не значило. В конце концов, он мог принимать наркотики и транквилизаторы нетрадиционно. Проверить задницу Аркаса на следы инъекций, шериф не решался. Однако, это не мешало ему цепляться, задавать неудобные вопросы при каждой встрече.

Объяснить свое преступное сходство с опытным наркоманом, Аркас не мог. Ему становилось противно от мысли об этом. Что не скажи — жалоба. И не то что бы участковый ничего не знал, о прошлом Никаса, — напротив. Просто он его не любил. Хотя бы за то, что Аркас портил ему настроение своей отечной рожей. Не смотря на то, что действия шерифа были очевидно незаконны, отечная рожа старалась не связываться. Не хватало ей, роже, только обыска в квартире, где можно было найти очень интересные препараты, которые не продавались в аптеках. И пистолет. Без лицензии.

Но самым жуткими были конкретно четвертый этаж, и все что шли ниже. Там можно было столкнуться со здоровенным недоброжелательным мастифом и его хозяином: мальчиком лет шестнадцати. На предвзятый взгляд Никаса это было все равно, что выдать парню заряженный ремингтон. Юноша был вежливый, приветливый, и очень любил свою лучшую в мире собаку. Он не мог понять, почему дядя бледнеет, потеет, и начинает прерывисто и хрипло дышать, словно конь мамелюка.

Конечно, Никас старался держать себя в руках. Он мрачно кивал на доверчивое

«здравствуйте» мальчика, и неразборчиво бормотал что-то в ответ на: «Боря не кусается, поверьте, Боря — ласковое мопса».

Ситуация была одновременно смешная и печальная. Журналист не должен бояться собак. Как и почтальон, допустим, в сельской местности. Раньше так и было. Никас мог, как Маугли, найти общий язык с любым зверем. Он путешествовал по всему миру, брал отличные ракурсы новооткрытых чудес природы, здоровался за лапу со львами. Он спускался по пенным стремнинам вместе с горластыми аборигенами, не упускал возможности побывать в дикой местности. Карабкался на горы, чтобы читатели журнала «Экватор» могли посмотреть на фотографии скальных коз. И прочитатъ о том, как эти скальные козы преодолевают закон всемирного тяготения ради пучка травы.

Это было замечательное время. Время уверенности, достоинства и популярности. Беспоконной радости. Любовных приключений, кратковременных, но запоминающихся романов. Деньги. Редактор называл его гордостью редакции, первым выходил из своего кабинета, поздравать, польстить, поощрить, пообещать. Приглашал на семейные праздники.

А теперь Никас стал тенью себя прежнего. Холодным затворником, параноиком и пессимистом. Влюбленным в замки мизантропом. Не способным справиться со своим призраком на кухне. Уже два года ему не поручали ничего серьезнее онлайн-интервью с владельцем зоопарка или обзора турагентств. Получавший, некогда, по пять-шесть полных страниц в середине журнала, Никас теперь ютился у самой корки с двумя жалкими колонками...

Он знал, что его держат из уважения к прошлым заслугам. Редактор, возможно, все еще надеялся, что его прибыльный станок починят. Поставят какие-нибудь волшебные уколы или проведут магический тренинг. Никас все забудет, заточит перо, выбьет пыль из шляпы...

Не забывалось.

Шаг третий: страх неизвестности и пытка воспоминаниями.

Обычно все так и происходило.

Но сегодня день не задался как-то по-особому.

* * *

Никас лежал, глядя в светлеющее небо. Он не мог понять, от чего проснулся. Ему ничего не снилось, — значит не от крика.

Середина осени высасывала остатки тепла из земли и деревьев. Металлически шелкал обогреватель. На балконе было уютно. Шизофрениии уже не было рядом. Насытившись, она быстро исчезала. Аркас повернулся на бок и уставился на часы. Утро было безнадежно раннее. По часам нехотя ползла снулая муха. Она взобралась на вершину единицы и остановилась там, в изнеможении. Наблюдая за ней, Никас размышлял: не удастся ли ему заставить себя поспать еще минут тридцать.

Он закрыл глаза. Было необычайно тихо. Словно кто-то рядом говорил часами, годами, столетиями и вдруг замолчал, обернувшись.

Веки приоткрылись. На часах сидела бабочка. Вызывающе-пестрой, тропической окраски. Красный с синим и зеленым, и еще какие-то неуловимые искорки, словно блики на самоцвете. Бабочка увлеченно чистила хоботок. Никасу показалось, что она, при этом,

задорно на него поглядывала, словно говорила: иди, умойся, прощелыга ты мой ненаглядный!

Спать расхотелось совершенно.

Ну и дела, подумал Никас. Неужели я ее привез откуда-нибудь из Австралии в кармане? Может, не заметил гусеницу? Первым его желанием, почти рефлекторным, было сфотографировать ее. Никас даже загорелся этой идеей, что-то полыхнуло в нем, радостное, как в старые-добрые времена. Но довольно быстро погасло. Чудо, конечно. Бабочка, безусловно, красивая. Всем, разумеется, понравится. Скажут, звезда идет на поправку. Хрена там.

Никас вздрогнул и подскочил вместе со спальным мешком, как червяк. Глядя в окно, он видел далеко уходящий город. Тридевятье километры, на которых еще оставался лес. Но в основном улицы, проспекты и набережную. Долговязые новостройки, стеклянные небоскребы, кварталы низеньких пятиэтажек. Никому не интересные контрасты между индустриальной безнадежностью и островками дорогой безмятежности. Дороги. Серые ловушки для автомобилей. Может быть, даже, какое-то шевеление. В осеннем сумраке все это казалось объемным рисунком.

Раньше он не любил город за предсказуемость, но теперь чувствовал, что никогда не сможет покинуть его. Полис стал для него гарантом безопасности и надеждой на покой. Несмотря на ежедневные пытки нежелательными встречами, здесь он мог рассчитывать на то, что во тьме его не найдут озверевшие тени. Бывшие друзья и коллеги. Ищущие жизнь в промерзшей тьме.

Бабочка села Никасу на нос. Он не пошевелился, продолжал смотреть вверх крыльев. Нельзя сказать, чтобы картина сильно изменилась. Журналист обнаружил, что смотрит на город, словно через цветные очки. Это было странное впечатление. Сам того не желая, журналист улыбнулся и в тот же момент насекомое порхнуло в воздух и устремилась вверх.

Улыбку как рукой сняло. Никас вспомнил, почему он прильнул к окну. Что-то постучало по стеклу.

Поборов желание открыть створки и посмотреть, не болтается ли внизу ниндзя, Никас предпочел разгадать загадку в общепринятом ключе. Ему показалось. У него были на то все основания. Он жил на шестнадцатом этаже. Он решительно никому теперь не был нужен. Разве что муниципальной кассе. И все равно ему стало страшно. Он проверил, крепко ли заперты окна, и выбрался, наконец, из спального мешка.

Бабочка пропала, но Никас даже не вспомнил о ней. Он тщательно свернул свою постель, с озабоченным видом выхлопал подушку, накрыл телевизор тряпкой. Собрал пакеты, пустые бутылки, затолкал их в мусорный мешок.

Потом он по очереди отпер четыре замка и отодвинул щеколду. Ритуал был соблюден: Никас покинул свое убежище.

Зал встретил его неприветливо. Обои, выцветшие до неузнаваемости, пыльная мебель, голая люстра. Из опрокинутых коробок лезла какая-то ветошь, старые книги, забытые вещи. В сумраке царили иллюзии и мороки. Что-то мелькало, шевелилось, тихо сообщало о своем присутствии. Аркас потер глаза. От этого движение в пустой комнате стало еще более отчетливым. Серые приземистые силуэты делили углы и набивались в щели.

— *Никас.*

Человек вздрогнул. Не вступать в диалог. Терапевт говорил.

Шуршание становилось громче. Аркас затрясся. За спиной что-то снова звякнуло по

стеклу.

— Скажи.

Никас почувствовал, как мгновенно и невыносимо разболелась голова.

— Я. Был.

О, господи.

— Вкусным?

— Нет! — заорал Никас, не выдержав.

Его согнуло и как-то мягко повлекло назад. Словно комната сдвинулась относительно него. И сразу все прекратилось. Стоило ему заговорить с «этим». Углы мертвели. Было тихо, как при пробуждении. Аркас судорожно вздохнул.

Их завалило снегом.

Гора называлось странно... Нангапарбат. Гора богов. Крупным планом сталагмиты, крупным планом зеленые прожилки чудных пород, темные гроты и узкие коридоры, вызывающие трепет. И вот эти великолепные кристаллы тоже не забыть. А в это время наверху мягко сполз небольшой пласт снега, засидевшийся на своем месте. Он двинулся вниз, тревожа белую шапку горы. И то, что было абсолютно недвижимым десятки лет, вдруг обрушилось вниз.

Они пробовали раскапывать. Казалось, что двенадцати людям, в том числе, семи взрослым, крепким мужчинам — это по плечу. Через какое-то время — бросили. Ослабели от голода. Их, конечно же, искали. Но они ушли с запланированного маршрута.

— Простите меня.

Это он увел их с пути. Проверял наводку одного старого знакомого. Авторитета Никаса хватило, чтобы завести одиннадцать человек в ловушку. Ведь все хорошо знали: где он — там сенсация.

Черная ирония.

Это действительно была сенсация. Когда внешний мир добрался до них и узрел, наконец.

«Скажи, Аркас, я был вкусен?»

Френ нигде не было. Никас отчаянно нуждался в компании. Он включил по всей квартире свет.

Он помнил момент, когда у группы сели аккумуляторы и батареи. И остался один фонарь. Один слабеющий фонарь, вокруг которого собрались пятнадцать таких же гаснущих людей. К тому времени один оператор уже умер от сердечного приступа, и еще один журналист... Из «Вестника Мира» кажется, пропал. То ли заблудился в этой бесконечной каменной кишке, то ли наложил на себя руки. У него была опасная бритва, которой он брился.

Его искали совсем недолго.

Не хватало сил.

Аркас зашел в туалет. Желудок резало. Будто той самой бритвой. Унитаз был забит льдом. Белесой непрозрачной глыбой. От нее веяло настоящим холодом. Аркас отшатнулся, начиная плакать от ужаса.

— Я был вкусен?

— Я не ел тебя! Не ел! Я не опустился до этого!

Аркас кричал. Он был совершенно разбит.

Льда не было. Все пропало. Аркас опять проиграл: вступил в диалог. Он заперся в

туалете и зарыдал, сидя на фаянсе. Это напоминало какую-то скверную сцену с изнасилованием. Жесткий секс с собственными бреднями. Можно каждый день накручивать себя до невероятного по силе эмоционального оргазма.

Проблема была в том, что он самого важного, он не помнил. Не мог сказать с уверенностью. Ел он или нет.

Он помнил как погас фонарь. Это событие врезалось в его память как атомный ледокол и навсегда осталось там, не проходящее. Его прокрутить можно было в любой момент. Как видео-файл. Он отчетливо, с разрешением в миллионы пикселей, видел как начала меркнуть белая лампа. Потом щелкнула и погасла навсегда.

Кто-то уже людоедствовал до этого. Аркас вспомнил, что люди пропадали. Тот тип с бритвой нашелся. Противостоять ему, сытому и вооруженному, безумному, они не могли. Кто-то умирал сам, от переохлаждения и голода. Их осталось пятеро и они не отходили от фонаря. А тот — боялся его, словно стал зверем. Небывалым монстром из шкафа.

— Мы должны поймать его, — сказал Валентин.

И фонарь погас. Эти два события произошли одновременно. Никто даже не пошевелился в наступившей тьме. Пока не пришел он. Его ждали апатичные, замерзшие, готовые ко всему жертвы. Он хотел есть мясо и пить кровь.

Он ошибался так сильно, — Аркас понимал, что улыбаться кощунственно, но улыбался.

Валентин взял Аркаса за руку.

— С двух сторон, — прошептал он.

Их опередили. Глаза, давно привычные к темноте, различили силуэты бросившиеся на убийцу. Тот был настолько обескуражен, что почти не сопротивлялся, только отчаянно заорал, породив многоголосое, бесконечное эхо, когда его начали резать собственной бритвой.

Эти тени. Кто это был? Остальные выжившие? Сколько их было? Они тоже были каннибалами? Иначе их сопротивление нельзя было объяснить. В сознании Аркаса все путалось. Они, по-видимому, питались теми, кто умирал своей смертью. У них оставались какие-то моральные ограничители. И они, естественным образом, вступили в конкуренцию с активным хищником.

Потом все было как в кошмаре, приходящем с лихорадкой.

Аркас помнил недолгие передвижения в темноте. Голос Валентина, который говорил невнятно, но успокаивающе. Он был другом. Соперником, конкурентом по работе, но все же близким человеком. Один раз он уже спасал Аркаса, и тоже в горах. Тот сорвался и пробил ступню насквозь. Камень был острый как наконечник копья. Валентин нес Аркаса на себе до лагеря. С тех пор тот едва заметно прихрамывал на левую ногу.

За ними охотились.

— Мы не будем, — говорил Валентин. — Потом мы не сможем с этим жить. Люди не смогут с нами жить. Понимаешь?

Аркас соглашался беспрекословно. Они какое-то время провели рядом с озерцом, найденном в одном из коридоров. Там была вода, а в воде плавало что-то склизкое. Похожее на миног. Вялое, почти не сопротивляющееся ловле. Никас помнил мерзкий вкус жесткого холодного мяса, которое не насыщало.

Эхо доносило крики безумцев. Дольше всех, кроме Аркаса и Валентина, продержалась другая пара. Супруги. Он — биолог, она — профессиональный выживальщик. Даже передачу, кажется, свою вела по телевиденью. Ее забрасывали в какую-нибудь глушь. В

одних портках, с ножом. За неделю она находила путь к цивилизации.

Аркас тоже был не лыком шит и за свою карьеру, прошел множество курсов и тренингов. Но конкурировать с этой дикой бабой было бессмысленно. Она хотела жить.

В ванной дела обстояли еще хуже.

На белой эмали кто-то оставил грязь, отпечатки неузнаваемых конечностей, на полу стыла мутная лужа. Раковина жутко клокотала стоком. И гудели, как призраки, трубы. Аркас уже не обращал внимания. Он наступил в лужу, почувствовав только коврик. Сухой. В зеркале ничего не отражалось. Там, в этой пустоте, мелькнуло перекошенное лицо с окровавленным подбородком.

Мужа она, скорее всего, убила и объела, как и остальных. Ее уже ничего не сдерживало. Она напала на них так неожиданно, как только может это сделать опытный хищник. Аркаса оглушила камнем, а с Валентином сцепилась, вереща как пантера. Настоящая дикая пантера. Ничего в ней не осталось от человека, кроме забытого имени.

Никас пытался подняться, но они упали на него. Началась куча-мала, все боролись с темнотой, страхом и отчаяньем. Аркасу удалось схватить ее за ногу. Пятка была голой. Валентин навалился сверху. Плана у них не было. Что теперь было делать с ней?

Валентин вдруг заорал не своим голосом и в следующую секунду раздался глухой стук. Что-то влажно хрустнуло. Аркас почувствовал, что ее нога мелко задрожала и дернулась, словно рыбий хвост.

— Валя, — позвал он. — Ты живой?

Она зубами вырвала ему кусок шеи. А Валентин убил ее тем камнем, которым оглушило Никаса.

Да, он был еще жив. Но уже не отвечал, только булькал и хрипел. Аркас оцупал его лицо. «У тебя получится». Так Аркас понял его последние слова. Его хрипы и сипящие выдохи.

Зеркало надо было просто протереть. Оно было такое же грязное и захватанное, как все вокруг.

Аркас посмотрел на себя. Лицо острое, осунулось. Глаза запали. Были зеленые, стали блеклые, водянистые. И бурдюки под ними. Тяжелые бурдюки человека, пропускающего замечательные пробуждения.

Никас запустил пальцы в отросшие светлые волосы.

— Ты здоров, — проговорил он, следя за отражением. — Ты со всем справишься. Нечего бояться. Мучения кончились. Они в прошлом. Вдох... Выдо-о-ох... Вдох...

Он встал под душ.

Когда его нашли спасатели, он успел отползти от места этой короткой битвы на километр. Так ему сказали. А вот чего ему не сказали, так это то, как ему удалось это сделать. Откуда он взял силы?

Два месяца его держали в изоляторе. Кормили только растительной пищей. От одного вида мяса у него начинались продолжительные истерики. Он помнил еще что-то. Вкус меди во рту? Тяжелую сытость? Боль в наполненном желудке? Он ощутил этот кошмарный привкус на языке. Вода стала ледяной и ржавой. Меняли трубы. Как всегда перед началом отопительного сезона.

— Я был вкусен?

Аркас закрутил кран.

— Нет, — сказал он тихо. — На вкус ты был как дерьмо.

Никас принял прописанные терапевтом таблетки и сварил себе «кофе», просто для того, чтобы доказать себе: пока он спокоен, все идет гладко. Потом принял те таблетки, которые терапевт не прописывал.

— Главное, спокойствие, — произнес Никас, выливая «кофе» в раковину.

Вместо него он выпил немного теплого апельсинового сока забытого на столе, и полез в холодильник, чтобы сделать себе бутерброд с огурцом. Отвращение к мясу он так и не пересилил.

В холодильнике лежал окоченевший труп в синей полярной крутке. Его лицо и шея были обглоданы до хрящей. В глазницах блестела смерзшаяся масса белка.

Никас закрыл холодильник.

Странно улыбаясь, он допил сок. Через минуту его можно было найти в зале. Он искал. Открывал все двери, заглядывал за мебель. В нижнем ящике комода, он, наконец, обнаружил Френ. Девушка лежала в позе эмбриона, обняв колени бледными ручками. Она была светловолосой, худой, почти истощенной. Кожа — желтоватой, в оспинах. Глаза ее оставались вечно полузакрытыми. Лицо — острым, маленьким, совершенно незнакомым. Аркас не помнил его в своей жизни.

Когда они занимались сексом на балконе, Никас чувствовал, что Шизофрения становится тяжелее. Ее формы округлялись.

Увидев Никаса, она сжалась сильнее.

— Мы же договаривались! — заорал он. — Я не форсирую лечение, а ты следишь, чтобы этой херни не было в доме!

— Я здесь не при чем, — прошептала она плаксиво. — Это... Другой.

Голос у Френ был не совсем реальным. Аркас понимал, что она говорит, скорее интуитивно.

— Кто? — вздрогнул Никас. — Здесь есть кто-то еще?

— Он приходил ночью.

— Кто?! — Никас схватил Шизофрению за голову.

— Господин.

Журналист замолчал, моргая. Это было уже слишком.

— Что ему от меня нужно?

— Я не знаю. Но ты видишь его следы.

Внутри черепа знакомо звенело, появилось ощущение нарастающей легкости. Таблетки всасывались. Одевшись, Аркас со вздохом уселся на диван, и замер. Шизофрения была здесь. Она притулилась рядом, и ткнулась ему в плечо. Журналист погладил ее по щеке.

— Ничего, — произнес он спокойно. — Никас сейчас возьмет себя в руки. Ему просто нужно регулярно пить таблетки. А он не пьет.

Девушка всхлипнула.

— Итак, Френ. Кто такой Господин?

Ему никто не ответил.

Через несколько минут Никас поднялся и пошел на кухню. На плафоне, подрагивая крыльями, сидела бабочка. Та самая. У человека появилось неукротимое желание, размазать ее туго свернутым журналом.

Дверь холодильника была открыта. В нем ничего не было, даже полок. За спиной слышались шаги.

— Ты оставил самое вкусное...

Аркас понял, что сейчас он умрет от кровоизлияния в мозг. Или от инсульта. От сердечного приступа. Такое перенести было нельзя. Он будет жить, пока не обернется. Пока не увидит.

Несгибающиеся пальцы тронули его затылок. Холодные, как предательство.

— *Мой язык. Надо было съесть его, что бы я молчал!*

— Валя...

— Любимый, беги!

Аркас отшатнулся, рефлекторно поворачиваясь. Френ вцепилась в полярную куртку. Труп из холодильника шипел, хрустя промерзшей плотью. Они сцепились как два кошмара, отбивая жертву друг у друга. В коридоре стало тесно. Позади зазвенело стекло: что-то разбило его.

— Уничтожь свой страх, — сказал кто-то, властно, глубоко. — Сделай это сейчас.

Аркас посмотрел на здоровый осколок, зажатый в пальцах.

Труп отбросил Френ от себя и ногой раздавил ее горло. Шизофрения дернулась и начала кровоточить. Аркас вздрогнул.

— Нет!

Забитые льдом глазницы уставились на Никаса.

— *Ты заплатишь за то, что я остался там!*

Обломанные ногти, черные от некроза, метнулись к его шее. Аркас закричал и не глядя ударил осколком. Тот тяжело воткнулся и порезал журналисту ладонь.

— *Я считал тебя другом!*

— Сгинь! Я ни в чем не виноват! Это была случайность!

— *Случайность сделала меня твоей жертвой,* — прошептал Валентин.

Никас ударил ногой, и колено призрака легко подломилось. Он упал, разбившись на кристаллы мутного льда, которые скрежетали, будто корчились. Осталось лицо, в паутине трещин.

— *Желаю тебе стать жертвой своего случая...*

* * *

Журналист лежал на лестничной площадке. От бетона кисло пахло пылью. Все было до отвращения очевидно. Любимый наркоман участкового все-таки спятил. Он шел к этому давно, и был не слишком шокирован результатом.

Он поднялся, цепляясь за перила. На нем было старое пальто и летние сандалии на босую ногу. Аркас не помнил, как все это оказалось на нем. Брюки еще куда ни шло. Мятая рубашка. Пальто. Но сандалии-то откуда? Как у иудейского паломника. Он посмотрел на свою дверь. Та была закрыта. В замке торчал ключ. Никас вынул его, разглядывая символ, выдвинутый на железной двери. Рогатая голова.

«Господин».

Аркас нащупал в карманах бумажник и телефон. Ему фантастически везло. Он медленно перевязал порезанную руку носовым платком.

Потом Никас медленно спустился на этаж старейшины. Осмотревшись, он понял, что не видит игрушек, велосипедов и даже пластмассовый замок кто-то разобрал и унес. Ковры были скатаны и лежали у стены. Такого он здесь еще не видел. Даже стражи исчезли. Может

быть, решили переехать, рассеяно подумал журналист.

На середине лестницы Никас остановился. Он услышал, точнее спиной почувствовал, как за ним приоткрылась дверь.

— Аркас. Никас Аркас!

Тот медленно обернулся.

Он увидел гипнотически-выразительный глаз и половину бронзового лица. Женщина внимательно смотрела на него, вытянув в проем руку, словно стараясь удержать. Даже с расстояния Никас видел, что у нее дрожит агатовый перстень. Картина была почти жуткой, так что Аркасу захотелось дернуть вниз со скоростью выстрела.

— Не бойся! — умоляюще прошипела женщина, моментально разгадав настроение Никаса. — Иди сюда, войди в мой дом. Иди, нам нужно поговорить. Для твоего блага.

Возможно, она использовала гипноз. Никас слышал, что натуральная магия северных народов на такое способна. Он подумал с обреченным спокойствием: а не выпить ли мне чаю с этой женщиной. Половина ее лица выглядит вполне симпатичной. Если опираться на принцип симметрии, то она должна быть очень даже ничего. Возможно, я с пользой для себя скоротаю время до начала приема. А если меня похитят, то можно будет, во всяком случае, вспомнить старые добрые времена, когда я был одним из самых стойких людей на земле. И не ныл.

— Ох, слава богу, — проговорила женщина, увидев, что журналист стал неуверенно, как на шарнирах, подниматься.

Когда Никас приблизился на расстояние пощечины, селькупка метнулась на него, едва не ударившись о косяк, и втащила внутрь. Под собственное «эй», Аркас оказался в полутемной прихожей, наполненной запахом тлеющей травы. За ним захлопнулась дверь, и сладко щелкнул замок.

— Обувь сними. Пальто повесь здесь.

Возраста она была непредсказуемого. С равным успехом ей могло оказаться и тридцать и пятьдесят с лишним. Здоровая пища, подумал Никас.

Он ожидал особенных этнических нарядов, но женщина была одета скромнее и привычнее. Как рачительная домохозяйка, готовая к любой ситуации: начиная от ежедневной уборки и заканчивая интенсивной детской отрыжкой. Передник, закатанные до колен шаровары и застиранная футболка с надписью «Франциск». Только на шее у нее висело большое ожерелье из костяных фигурок. Судя по тому, как оно пожелтело и запылилось в резьбе, Никас мог предположить, что пользовались им не часто.

— Спасибо, — ответил журналист, снимая свои дурацкие сандалии. И, чтобы не молчать, добавил: — Красивое ожерелье.

Женщина, а она оказалась действительно симпатичной, поджала губы, и, как опытная мать, тут же почувствовала неповиновение.

— А ну в комнату! — вполголоса рявкнула она.

Любопытные чубы скрылись за углом коридора.

— Пойдем, — она поманила Никаса на кухню.

Там тоже было полутемно. По всей квартире горели лампы, накрытые тряпичными конусами. Окна были плотно зашторены. Никас с позабытым профессиональным любопытством разглядывал вывешенные под потолком обереги. Посреди стола лежал черный посеченный булыжник. Он был исполосован когтями какого-то зверя. Вокруг него собрались двое мужчин и один подросток лет шестнадцати. Они о чем-то тихо

переговаривались. Увидев Никаса, люди одновременно встали, с той характерной поспешностью, которая обычно означает: вот черт, этот парень здесь! Именно тот парень. Которого мы хорошо знаем. Этот жук на многое способен, так что будьте настороже!

Какого хрена, подумал Никас взволновано. С него как будто спало наваждение. Что я здесь делаю? Зачем позволил завлечь сюда? Сейчас дадут по уху и поминай как звали. Его скрутило от реликтового, застарелого страха западни. Левую, пробитую, ступню, свело судорогой.

— Это он, — сказала селькупка и качнула головой. — Выйдите. Скажите второй, чтобы следила за детьми лучше, а не то своих не дождетя. Девел украдет ее материнство. И позвоните старому, пусть не волнуется, ладит дела до конца.

Тщательно обойдя Никаса спиной к стене, мужчины покинули кухню, ведя между собой парня, как при обстреле.

— Да не бойся ты, — сказала селькупка, взглянув на согнувшегося Никаса. Она достала из кармана носовой платок и промокнула его лоб. — Нас не бойся, — многозначительно добавила она. — Садись за стол.

Никас, не чувствуя под собой ног, сел на предупредительно подвинутый стул.

Женщина чем-то орудовала у стойки. Выше над ней довлели полки, плотно заставленные банками. Никас видел столько заварных трав только в китайских магазинах. На едва дышащей плите что-то тихо побулькивало в большой десятилитровой кастрюле. С крючков на стенах свешивались сушеные корневища и разноцветные ромбические вышивки. На полу лежали мудреные половики. Атмосфера становилась почти волшебной.

— Откуда вы...

Он прервался. Перед ним оказалась кружка.

— Что это? — спросил он, чувствуя приступ злости на ситуацию. — Какой-то полыни наварили? Отвары из роголистника тернового?

— Это черный магазинный чай, — ответила женщина.

— А-а.

— Отвары тебе теперь вряд ли помогут.

Никас чуть не поперхнулся и отодвинул кружку.

— У меня такое впечатление, — сказал он, стискивая зубы, — что вы хотите мне что-то сказать. Как вы узнали мое имя?

— Мы всех в этом доме знаем, — невозмутимо ответила хозяйка, подвигая к нему вазу с финиками и садясь напротив.

— О-о-о, — протянул Никас, храбрясь, беря сразу два финика. — Сколько мрачной таинственности и неясного намека на скрытые силы в этом заявлении.

— Мы просто хорошо общаемся с участковым, — терпеливо сказала женщина. — Каждый человек имеет право знать, с кем он проживает в непосредственной близости. Никому не хочется жить рядом с наркоманами или извращенцами. У нас тут, между прочим, дети.

Огромным усилием воли Никас удержался от немедленного бегства. Вместо этого он ощерился.

— Тогда, быть может, — начал он снова, — вы хотите предложить мне закупать у вас героин? Но, должен заметить, я очень капризный. Морфин должен быть чистым. Только лабораторные условия. Сам героин — белый как снег. Только, значит, замечу, что отливает сереньким... А извращаться я готов хоть сейчас, только дайте мне кусок мяса и дрель.

Селькупка смотрела на него с выражением сострадательного долготерпения.

— Пожалуйста, — сказала она, — держите себя в руках. Я знаю, как он к вам относится.

А еще я знаю, что — напрасно. Вы мухи не обидите.

Журналист отвернулся. Мух он действительно не обижал. У него вообще появилось отвращение к насилию.

— Извините, — неохотно проговорил он. — Могу я узнать, как вас зовут?

— Ни в коем случае.

Никас угрюмо замолчал и отхлебнул прозаичного, но вкусного чая. Ну? — спросил он движением бровей.

— Девел здесь, — сказала безымянная селькупка таким тоном, словно ожидала от Никаса немедленного комментария по этому поводу.

Журналист, однако, таким поворотом чайной беседы оказался обескуражен. Он сделал вопросительный жест рукой.

— Это ваш родственник? — решился он.

— Думай, что говоришь! — прошипела хозяйка. — Не запирайся, Никас. Скажи, зачем он пришел к тебе. Мы должны знать. Другие не знают, ты можешь наплевать на их безопасность. Но мы видели его. Сегодня ночью он прошел мимо наших дверей! Мимо наших судеб! Один его взгляд вызывает порчу. А детей он травит просто своим присутствием. И ты смеешь лгать, притворяться, да еще и оскорблять нас!

Никас медленно облилиз губы и сказал:

— У вас кастрюля не выкипит?

— Не увиливай! Мы проследили его до твоей квартиры! Что у тебя за дело с Ним? Отвечай!

Может мне и это все мерещиться, подумал журналист с некоторой даже бесшабашностью.

— Почему ты молчишь? — не отставала селькупка.

— Послушайте, вы мне надоели. Я чувствую, что должен отыгрывать какую-то роль, но не знаю слов. Я сегодня не очень хорошо себя чувствую. Возможно, не замечаю каких-то намеков. Может быть, вы зайдете ко мне завтра, или я зайду к вам. Сегодня вечером я почитаю что-нибудь из мифологии. Как вы сказали, Девел? Мы обязательно обсудим его роль в вашей культуре. А сейчас давайте поговорим... ну хотя бы о чае. Что за сорт? Отличная штука.

Пока Никас говорил, выражение лица селькупки сменилось от решительно-враждебного к размышляюще-недоверчивому. Она смотрела на журналиста, а когда тот снова принялся за напиток, спросила:

— Так ты и сам не знаешь, да?

— На свете есть куча вещей, о которых я понятия не имею, — согласился Никас.

— Ты не знаешь, зачем он пришел к тебе, — проговорила женщина возбужденно. — Может быть, ты вообще не знаешь, что он пришел?

— Повторяю, мне сложно реагировать на эти намеки, — сказал Никас, запрокинув голову. — Я не понимаю, о чем вы говорите. Ко мне пришел Девел?

— Да!

— А кто он такой? Я имею в виду, чем занимается и чего от меня хочет?

— Он злой и непредсказуемый дух.

Аркас никогда не был суеверным человеком. Он бывал в джунглевых племенах Африки

и чувствовал, как цивилизация держит его над ними, не давая вникнуть в примитивное мироздание, состоящее из легенд и веры. И купания в водоемах кишаших паразитами. Однако с ним что-то происходило. Кроме очень неприятного предположения, состоящего из фразы «Аркас, ты слетел с катушек», он ничего не имел. И разве не чудное совпадение, что именно сейчас ему говорят о сверхъестественных силах?

Нет, сказал сам себе Никас. Не знаю, чего она в действительности от меня хочет, но лучше мне уйти, пока не стало хуже.

— Девел приходит, чтобы забрать жертву, — продолжала селькупка. — Подумай, что ему может быть нужно от тебя. Ты не мог сам заключить с ним договор. Ты не знаешь, как это делается.

Никас допил чай и сказал:

— Я пойду.

— Стой. Куда? Я прошу, подумай.

Никас остановился в прихожей, стараясь не трогать женщину руками. Вырваться пришлось движениями корпуса.

— Слушайте, — сказал он сквозь зубы, — прекратите нести ахинею. Я нервный человек. Вы со своими бреднями напали на меня совершенно некстати. Именно в тот день, когда этого делать не стоило. Откройте дверь, пока я ее не выломал нахрен!

Секунд десять селькупка молчала, а потом спросила, искательно заглядывая Никасу в глаза:

— Ты точно не хочешь никому зла? Я понимаю, что тебе пришлось тяжело. Очень тяжело. Не всякий такое выдержит. Но мы ведь не виноваты. Мы, значит весь этот дом. И другие люди. Девел коварен. Удивительно, что именно к тебе он пришел. Бабушка рассказывала мне, что такое случается раз в тридцать три года. И когда Девел приходит, может произойти нечто ужасное! Пострадают миллионы.

— Ну, это уж слишком, — едва сдерживаясь, проговорил Никас. — Байки байками, но надо и меру знать. Откройте дверь, иначе...

Его чуть ли не выпихнули наружу. Потом быстро сунули пальто, и дверь захлопнулась окончательно.

* * *

В кабинете было светло и тихо, Никас величественно лежал на кушетке, скрестив на груди руки, как почивший вождь. Он разглядывал знакомые лампы, знакомый шкаф с делами и знакомые мотиваторы, висящие на стене.

«Поверь в себя и приложи усилия», — говорила ему бабочка, выбирающаяся из кокона. Она была влажной и блеклой, со сморщенными крыльями, однако вид у нее был суровый.

Никас поежился.

Позади него Алексей Натанович уютно скрипел ручкой. Этот скрип убаюкивал и сам по себе был неплохой терапией. А еще сопение. Журналист был уверен, что если расположить сопящего Алексея Натановича в нужном месте и положении, то он мог бы останавливать международные конфликты. Никас так привык бывать здесь, что это место стало его храмом. Местом его однообразных исповедей. Здесь он бывал чаще, чем следовало бы, но ничего не мог с собой поделать.

— У меня обострение, — сказал Никас.

Скрип ручки затих на несколько секунд. И начался снова.

— Снова кошмары? — буднично спросил психотерапевт. — Возможно, есть что-то такое, о чем ты...

— Нет! — быстро ответил Никас.

Позади него стало тихо.

— Я вижу что-то. Совершенно неожиданное. Раньше такого не было. Это... Галлюцинации. Невозможные вещи. Я вижу человека из своего прошлого. Он приходил, чтобы отомстить. Это уже не просто рефлексия, это натуральный бред, быть может мне...

— Постой, постой, — позади взволновано завопили. — Не спеши. Я слегка ошеломлен. Ты мой клиент уже почти два года и все это время, твое состояние было стабильным. Твой случай не уникальный. Собственно регрессии я уже не опасался. И чтобы так сразу? Запросто этого случиться не могло, Никас. Давай по порядку. Возможно, с тобой что-то произошло накануне?

Никас задумался. На ум ничего не приходило. Он как обычно плохо проснулся, посредственно отработал и вечером заснул в тоске. Обычный день неудачника.

— Нет. Я даже не ел ничего необычного.

— Ну хорошо... А с чего все началось, можешь сказать? Я говорю «все», подразумеваю: твои видения.

Журналист закрыл глаза. Он мог сказать, с чего действительно все началось. С ненужной инициативы. Мир полон историй и у каждой свое начало. Ненужная инициатива, одна из самых худших завязок в мире. Возможно даже хуже удара прикладом по лицу.

— С бабочки, — выдавил Никас.

— Как ты сказал?

— Господи, с бабочки. Большой. Красивой. Я понятия не имею, откуда она взялась. Возможно, она была настоящей. Я мог случайно захватить с собой куколку или гусеницу откуда-нибудь из тропиков. Я не знаю. Но потом начался кошмар. Я видел что-то хаотичное. Слышал голос.

— Опять спрашивал?

— Да. Только теперь он пришел сам.

Теплая ладонь легла на лоб Никаса. Теплая шершавая ладонь самой безмятежности. Несколько таких ладоней в Третьем Рейхе...

— Успокойся, Никас. Возьми себя в руки. Сейчас ты не видишь всего этого?

— Сейчас нет.

— И как долго продолжались твои видения?

— Пока не выпил таблетки, которые мне прописали при глубокой терапии.

— И потом все прекратилось?

Аркас помедлил.

— Со временем.

— Ну что ж, это хорошо. Возможно, мы действительно имеем дело с обострением. Но только, разумеется, не в том смысле, которое ты вкладываешь в это слово. Это не трагедия и не повод бить в колокола. Это лишь признак того, что ты продолжаешь бороться. С переживаниями. Ты регулярно пьешь таблетки?

— Нет. В действительности... Как раз перед этим случаем у меня был недельный перерыв.

— Ах, вот оно что...

В голосе бесконечно одухотворенном и вдохновляющем послышалась нотка укоризны. Никас почувствовал укол совести... И вдруг подумал: черт возьми, я что, действительно так привязался к этому велеречивому пердуну? Какого хрена я чувствую себя, как кот, зацепившийся когтем за диван? Говорят, Фрейд засыпал на своих сеансах, а этот покупает с потрохами своей демонстративной заботой и домашним уютom. А ведь если вдуматься, я уже больше года прихожу лежать на этой кушетке. Она пахнет убежищем. Спокойным теплым местом. Сколько денег я вложил в ее аренду? Ясно ведь, что этот пень мне совершенно не помогает. Я в принципе здоров, просто я машина для нытья, я хнычущее торнадо, я циклон вздохов и охов. Я не могу избавиться от этого сладко-горькавого таинства самооплакивания. Господи, да я бы нанял себе дюжину плакальщиц, если б не соседи и нехватка денег!

Пока Никас размышлял в таком ключе, он, не отрываясь, глядел на мотиватор. А на него, притаившись среди листиков плюща, вьющегося по шкафу, глядела бабочка. Вполне настоящая.

— ...должен понимать, что нарушать предписания, к тому же такие несложные, это недостойно взрослого человека, Никас. Я даже скажу официальнее, ты сам спровоцировал обострение.

— Еще чуть больше отеческого тона и я потребую с тебя алиментов.

— Что-что?

Никас закусил губу. Он чувствовал небывалое воодушевление, почти ликование.

— Бабочка, возможно, была совершенно обыкновенной. Последним насекомым в этом году. Но твоя болезненная рефлексия ухватилась за нее как за спасительную связь с прошлым. Никас, мы договаривались с тобой, что ты должен смириться со своими воспоминаниями. То, что ты воспринимаешь как гибель, в действительности...

Точно. Начало новой жизни. Жизни, которая подошла бы человеку, живущему на болоте. В маленькой хибаре из тростника. Немного кипяченой грязи на завтрак, суп из тростника на обед и лягушачья икра на ужин. Мне постоянно внушают, что я должен смириться и продолжать жить дальше. Лучше всего в покое. Неплохо будет, если я со временем почувствую родственные чувства к амебам.

— Ты не хочешь мне рассказать, Никас, что почувствовал, когда начал грезить? И, кстати, почему ты так одет, и что с твоей рукой?

Никас, уже давно не слушающий, встрепенулся.

— Хотите знать, что я почувствовал?

— Конечно...

Никас вскочил и сел лицом к Алексею Натановичу.

— Я почувствовал интерес! Конечно, я бесился и был напуган. Но мне было, черт возьми, интересно, что происходит. Впервые за все время моей депрессии, я чем-то заинтересовался. Может быть, мне все это время нужна была именно встряска? Больше эмоций? Может быть, мне купить на остатки денег лошадь с экипажем и развозить свадьбы?!

Очевидно, с лицом Никаса произошли такие перемены, что обычно несут с собой намек на скорый дебош и различные эволюции, преимущественно без штанов, и, предпочтительно, в людных местах. Терапевт слегка побледнел и, — Никас ужаснулся, — растянул губы в улыбке для дурачков. Таковую ни с чем не спутаешь. Это была та самая улыбка для дурачков, с которой обычно происходит личное знакомство с Наполеоном.

— Как ты мог? — прошептал журналист ошеломленно.

— Никас, Никас, друг мой, не давай остаточному импульсу и нездоровому возбуждению взять над собой вверх. Тебе нужно успокоиться...

— Опять ты предлагаешь мне успокоиться! — выпалил Никас. — Я превращаюсь в герань! Подсохшую бабкину герань!

— Никас...

— К черту. Не желаю больше слушать!

— Никас, у тебя обычные скачки настроения, — посуровел Алексей Натанович. Журналист никогда еще не видел его таким не обтекаемым. — Это гормональная защита от стресса. Не воображай, пожалуйста, что ты первый рассказываешь мне, как просто лечить психические расстройства при помощи «русской рулетки». Я практикую четырнадцать лет. Каждый второй случай у меня связан с такими неожиданными озарениями, когда человек понимает, что я отнимаю у него время. Ведь ему не так уж плохо, как могло показаться. Он почему-то не задается вопросом: а в какой момент ему стало лучше и почему. Вспомни, как ты поначалу боялся даже солнечного света. И как мы это вместе преодолели! А теперь говоришь, что тебе помогут встряски? Они могут отбросить тебя назад, в самое начало пути! Я понимаю, что тебе хочется человеческих радостей, но сначала ты должен подготовить для них верную почву. Научится жить в мире с прошлым...

— Жить в мире с прошлым? — вдруг люто прошипел Никас.

Он сделался до того страшен, что терапевт не совладал с лицом.

— Жить в мире с прошлым ты говоришь, сонный пингвин? — журналист поднялся и навис над ним, словно восемьдесят килограмм сухопарой ярости. — Вот к чему я точно не стремлюсь.

— Ты должен прийти на следующий сеанс, — говорил Алексей Петрович, пока Никас накидывал пальто. — Не делай импульсивных поступков. Обдумай все как следует и приходи на следующий сеанс. А сейчас отправляйся домой. Я, как специалист, настаиваю. Никас... Никас!

Хлопнула дверь.

Бабочка взмахнула крыльями и пропала среди переплетений плюща.

* * *

Аркас не знал, где именно до этого прохлаждались его внутренние ресурсы и сожалел, что они открылись только сейчас и так... резко. Очевидно, до этого момента его воля и энтузиазм отсиживались в районе желчного пузыря. Но теперь все было просто прекрасно. Появилась хорошая спортивная злость. Никас чувствовал, что он вошел в новый этап своего выздоровления. Галлюцинации были последним вздохом побежденной болезни.

Он справился.

Определенно.

Так держать.

Никас открыл пришедшее на телефон сообщение.

«Давай не будем затягивать. Возвращайся домой. Жду. Девел».

Сообщение было отправлено с номера... В действительности это сложно было назвать номером. Скорее набором загадочных пиктограмм, среди которых журналист смог

различить обнимающихся крокодилов и нечто напоминающее крысиный череп. Он попытался активировать это странное сочетание как вызываемый номер.

Пошли гудки.

— Ну, где ты? — спросил хмурый вибрирующий голос.

Никас нажал кнопку сброса. Телефон, весело кувыркаясь, пролетел несколько метров и упал на газон. Его хозяин сидел прямо, крепко вцепившись в руль. Главное, не потерять настрой, твердил он про себя. Не потерять настрой. Все было так хорошо. Просто замечательно.

Телефон зазвонил, вибрируя в желтеющей траве. Почти сразу к нему начал подкрадываться неопределенной наружности маргинал, который терся поблизости.

Никас не выдержал и вышел из машины. Он поймал за шиворот отчаянного санитаря газонов и отнял у него трубку.

Звонила секретарь Арнаутова.

— Да, я слушаю!

— Аркас? Ты сегодня можешь приехать в издательство? Дмитрий Сергеевич имеет к тебе официальный разговор. Срочный.

— Бога ради, на хлебушко!

— Что?

Никас оттолкнул бродягу, профессионально воспользовавшегося ситуацией, и бросил ему смятую купюру.

— Здравствуй Мария. Слушай, все в порядке. Нет, даже отлично! Я чувствую себя на двести процентов. Скажи Диме, что я вернулся. Я снова готов действовать!

— Да мне насрать, — откровенно ответила Мария. — Я кадровыми вопросами не занимаюсь.

— Ну, можешь хотя бы намекнуть, в чем дело? — прельстиво заговорил Никас. — Ты ведь много знаешь. Скажи хотя бы злиться он или нет.

— Он вполне доволен, — нейтрально ответила секретарь.

— Даже так?

— Да.

Ну, слава богу, подумал Никас. Хочет мне что-то поручить! Я как чувствовал. Удачный день. Удачный день!

— Передай ему, что я сейчас буду. Минут двадцать, это максимум.

— Хорошо.

Журналист опустил руку с телефоном и позволил себе выдохнуть.

Притаившийся за углом нищий внимательно наблюдал за странным светловолосым человеком. Он услышал, как снова зазвонил телефон и испуганно вжался в стену, когда мужчина издал отчаянный вопль. Бродяга съежился под его взглядом.

— И-и-ах, — его схватили за грудки.

— Ответь! — прохрипел светловолосый, глядя ему в глаза. — Ответь на звонок.

— Я же не знал шо ваш, не знал же! — слабо защищался бродяга.

— Ответь на звонок, получишь еще денег! Просто ответь и скажи мне, слышишь ли голос!

Светловолосый не шутил. Это можно было понять хотя бы потому, как звонко клацали его зубы. Бродяга покорно взял трубку и принял вызов грязным пальцем.

— Здравсье, — сказал он. — Алло-у. Алло, говорите. Алло-у?

— Ну? — спросил человек шепотом.

Маргинал с глубокомысленным видом поглядел вверх. Обмирая от нехорошего предчувствия, незнакомец сделал то же. В сером небе летали редкие вороны.

— Не слышно ничего, — сообщил испытатель. — Шипит. Не говорит никто.

Странный человек как-то сразу обмяк и отпустил его, отдав второй полтинник. Он закрыл уши ладонями и негромко сказал что-то вроде: настрой, главное настрой. И пошел обратно к машине.

— А телефончик-то, — окликнули его.

— Оставь себе, — мрачно ответил светловолосый.

И уехал.

Бродяга впал в искреннюю новогоднюю эйфорию.

Известно, что радость его была недолгой, но почему именно, история умалчивает. Возможно, это как-то связано с тем, что на его затвердевшую от грязи шапку села сиюминутно явившаяся бабочка.

Ее крылья стали крайне недружелюбной окраски.

* * *

Если бы издательство журнала «Экватор» описывал восточный поэт с халвой в бороде, могло бы получиться что-то вроде:

О, почтенное здание!

Пять раз ты наполнено достоинством и надежностью. Пять раз ты прекрасно, пять раз неповторимо. Пять раз я поднимусь по твоим стройным лестницам. Пять раз спущусь. Твои коридоры светлы и прекрасны ровно полоса восхода. Окна твои ясны и прямоугольны, как самые лучшие окна светлы и прямоугольны. А в туалетах всегда есть бумажные полотенца. Врата в твой желанный вестибюль, столь волнующий и жаркий, да распахнутся от удара ноги Никаса Аркаса.

Пожалуй, на этом поэт бы остановился, потому что вышеупомянутый человек выглядел недостаточно претенциозно для популярных эпитетов. Лучше всего его описал бы какой-нибудь мэтр остросюжетного триллера или ужасов.

Глаза Никаса светились болезненной манией, — написал бы он темной ночью, вдохновляясь странными звуками из собственного погреба. Рот скривился в странном смешении улыбки и отвращения. Виски увлажнил пот. Не обращая внимания на оклики людей, он двигался вперед, сжимая в руках...

Тут и мастер ужаса откинулся бы на спинку кресла, потому что топора у Никаса не было. Не было даже монтировки или остро заточенного карандаша. Только стаканчик с кофе. Никас, с влажными висками, сам уже не помнил, сколько кофе он выпил. Руки у него тряслись.

Возможно, с этого момента за повествование взялся бы автор, балующийся детективными историями, преимущественно второсортными.

Глотая горький отвратительно-бодрящий кофе, Аркас шел по коридорам издательства «Экватора». Черт, как же он не любил это место. Клерки-подлизы, бездари на насиженных

местах, посредственность, отчаянно вцепившаяся в номенклатуру. Целующая табличку своего кабинета, пока никто не видит. Тьфу!

Кругом недоброжелательные рожи и подколки, от которых в мире каждую минуту умирает по комедианту. Остроумие в минус первой степени.

Никас надвинул шляпу на глаза.

— Эй, смотрите-ка, кто явился!

Знакомый голос. Когда рядом кто-то из начальства он обычно доносится с уровня задницы...

Ладно, это было бы уже слишком. В основном потому, что задирать Никаса никто не собирался. Даже Роман Белоголовцев был скорее неуклюжим товарищем, чем недоброжелателем. Он искренне считал, что своим циничным отношением помогает Никасу чувствовать себя конкурентоспособным коллегой, на которого обращают внимание.

Намерения у него были самые благородные.

— Ну как дела-заботы, Ник? — спросил он, загораживая дорогу. Он оценивающе посмотрел на сандалии Никаса, и продолжил: — Про зоопарки еще пишешь? Говорят, в Центральном родила кормовая мышь. Каков материалец, а? Ты бы не хлопал тут ушами, сгонял, осветил событие. Говорят еще, что мышат будут раздавать членам городской администрации! Я...

Роме пришлось ограничиться местоимением, потому что его схватили за горло и приперли к стене, как фанеру.

— Иди к черту со своими шуточками, — отдельно проговорил Никас, не реагируя на собирающихся вокруг людей и протестующий хрип Ромы. — Еще раз ты со мной заговоришь, козья морда, засуну в печатный станок. На роже у тебя будет передовица, на пятках — реклама.

Вокруг нарастал шум, кто-то пытался оттащить его, сыпались урезонирующие манифесты.

— Да ты чего, Аркас, он же по-доброму.

— Ник, ну успокойся, пожалуйста, ну Никас.

— Ой, он сейчас убьет его девочки. Мужики, ну сделайте что-нибудь!

— Да все нормально, видите, воспитательная беседа идет.

— (едва вполголоса) Ну да, а вдруг он окончательно...

— Замолчи ты!

— А с рукой-то у него что?

Никасу стало противно и стыдно. Он отпустил Рому и пошел дальше, скрипя зубами.

— Да все нормально, Ник, — прохрипел ему в спину Белоголовцев. — Я все понимаю Стой!

Аркас остановился, потому что не сделать этого, было бы уже совсем непростительно. Нужно было извиниться и немедленно.

— Прости, — сказал он, глядя в сторону.

— Да ничего! — выдохнул тот, довольный как слон. — Ну и хватка у тебя до сих пор, брат! Я чего сказать-то хотел, мы тут с ребятами договорились пойти вечером в бар. У Андрея жена забеременела, он угощает! Они три года мучились, и теперь, вот, получилось. Ты давай, приходи. Seriously, все за, хотят послушать истории...

Он осекся. И продолжил, осторожнее.

— Ну, какие расскажешь. Ты же все еще легенда.

Никас не знал, что на это ответить. Это было совсем уж неожиданно. Он и думать позабыл о всяких сходках и вечеринках. И об уважении.

— Не знаю, — сказал он. — Может быть.

— Ты подумай, — одобрительно сказал Рома. — Если что: в шесть на парковке.

— Я подумаю.

Никас ушел, чувствуя спиной взгляды. Отличная тема для шушуканья на весь день. Газета «Сплетня между делом». Срочно в номер: «Аркас начал бросаться на людей!».

В приемной было тихо. Мария сидела за своим столом, могуче ставя печати на документы. Это был секретарь. Ни в коем случае не секретарша. Другая школа. Никас не раз думал о том, что люди, принимающие на работу милостивых жриц из храма «девушка с приятными внешними данными ищет работу» многое теряют. Разумеется, они получают то, на что рассчитывают. Но ведь это смешно по сравнению с тем, что могла предложить Мария. Проще сказать чего НЕ могла. Не могла она провести открытую операцию на сердце и управлять самолетом. Все остальное можно было получить в течение пяти минут.

ЭТО она, между прочим, тоже могла. Проблема была в том, что...

— Приперся, наконец.

Хрясь!

Никас вздрогнул. Ему казалось, что для печатей, которые ставит Мария даже чернила не нужны.

...да, проблема была именно в этом.

Аркас услышал голоса, доносящиеся из кабинета.

— Привет. Он не один?

— Не один, — подтвердила Мария. — Но ты заходи. Сейчас самое время.

— Самое время для чего?

— Для наглядности. Заходи, не бойся!

Она нажала на кнопку коммуникатора и отпрапортовала:

— Аркас здесь, Дмитрий Сергеевич.

— Пусть заходит, мы уже заканчиваем.

Никас посмотрел на Марию. Ее суровое лицо специалиста по горящим избам ничего не выражало.

Хрясь!

В кабинете главного редактора Никаса ждала следующая картина: Арнаутов пожимал руку какому-то хмырю в пижонском кардигане. Хмырь, при этом, сидел в кресле, а редактор — стоял, льстиво улыбаясь.

Это было что-то новое.

— Добро пожаловать в «Экватор», — говорил редактор тоном, который он использовал для сохранения спокойствия в умах ничего не подозревающих новичков. Этот хмырь, явно привыкший к пиетету и надбавкам, еще не знал, что через неделю на него буду орать как на всех остальных. А он будет слушать. Слушать и не возражать. — А точнее, на экватор. Теплее места не найдете.

Что-то, однако, подсказывало Никасу, что случай не простой. На его глазах заканчивалась церемония крупного вложения средств и надежд. На столе остывал дорогой чай, была выставлена трепетно хранимая редактором статуэтка из Новой Гвинеи, а сам Арнаутов надел костюм.

Костюм, подумал Никас. Костюм. Он что, проиграл ему квартиру в карты?

Хмырь тем временем тоже поднялся и они распрощались. Никас старался не провожать его взглядом. Когда за ним щелкнула дверь, Арнаутов указал на кресло и принялся допивать остывший чай.

— Невкусно и дорого, — произнес он критически. — Значит, мешански рассуждая, высший сорт. Так же и с этим чертом. Видал? Виталий Антонов. Номинант на Пулитцеровскую премию. Каждую статью пишет как последнюю. С таким, знаешь, апломбом и пафосом, но в меру.

— Ни разу не слышал, — ответил Никас из кресла. От запаха навязчивого и дорогого одеколона, тоже первосортного, мутило.

— Он новичок, восходящая звезда, — пояснил редактор, пряча свою статуэтку-фетиш обратно в сейф. — Начал, когда ты... закончил.

— Ясно. Не знаю, зачем ты меня вызывал, Дима, но я хотел поговорить как раз по поводу «закончил».

— Как это кстати, — оживился Арнаутов и принялся снимать пиджак. — Ничего если я при тебе переоденусь? Мы ведь с тобой почти как родственники.

— Переживу.

— Ха! Хорошее настроение у тебя сегодня, да? Мария! Тащи повседневное!

Секретарь моментально оказалась в кабинете, с выглаженными джинсами и выстиранным свитером. Ее Арнаутов о чувствах не спрашивал. Просто начал облачаться в спец-костюм суперскупердяя. Никас подумал о том, что Мария похожа на одного из почти вымерших викторианских дворецких, которые точно так же могли и готовы были ко всему ради своего господина. Они были даже лучше самураев, потому что не брезговали стирать прокуренные свитера.

— Я хочу вернуться на полную ставку, — начал Никас, глядя в окно. — К настоящим делам. Мне кажется, я только так смогу вернуть себе форму. Этот полупостельный режим, эти постоянные сопли у терапевта и страхи, — они меня доконают. Сегодня я понял, что лекарство от моей хандры только одно: через немогу вернуться в строй.

— Вот как, — с нескрываемым сомнением проговорил редактор.

Он надавил себе на левое плечо, будто разминая его.

— Знаешь, я совсем не на это рассчитывал. Я думал под «закончить», ты подразумеваешь... закончить. То есть, все. Баста.

— Нет, — неприятно поразился Никас. — А что я буду делать? Черт возьми, у меня даже в мыслях не было уходить.

— Хм, — буркнул Арнаутов и вжикнул молнией.

Никасу очень не понравилось это «хм».

Редактор закончил перевоплощаться. Из доброжелательного, учтивого и открытого, он превратился в требовательного, толстокожего и непроницаемого. Никасу показалось, что у него за минуту отросла недельная щетина.

Арнаутов сел в свое кресло. Мария осталась стоять по правую руку от него.

— Аркас, ты ведь понимаешь, что я не могу тебя вот так, с бухты-баряхты отправить в командировку? Я себе не враг. И тебе не враг, — добавил редактор, подумав. — У тебя есть справка от врача, что ты полностью здоров или что-то похожее? Документ.

— Да я нездоров только потому, что меня держат под колпаком, постоянно напоминают мне, что я должен сидеть тише воды ниже травы. Я что, только так могу прийти в себя? Я нутром чую, что мне нужно действие!

Редактор посмотрел на руку Никаса, обмотанную носовым платком. На белом проступало красное. Потом Арнаутов заглянул под стол и увидел стыдливо поджатые ступни в сандалях.

— Да уж да.

— Что, да уж да?

— Слышал я про твои действия, — редактор сложил пальцы замком и заговорил по-дружески. — Слушай, хрен с ним с этим Белоголовцевым, он действительно кретин каких еще поискать...

— О господи, — Никас не мог поверить своим ушам.

Когда успели?! А, впрочем, Мария — это коллектор рассеянной информации. Ее способности в получении сведений граничат с предикторскими. Черт... Так вот почему он не прогнал ее сразу, приводить костюм в порядок. Оставил телохранителем.

— Не вздыхай, не маленький. Я говорю, что это не бог весть какое событие. У нас. Не что будет, если ты такое учинишь где-нибудь в США? А? С их-то законами? Тебя же за решетку упекут и меня заодно, потому что недоглядел, выпустил тебя.

— Я не сдержался. Ну, с кем не бывает?

— Согласен! Но в твоем случае, пока ты не получишь справку, всегда будет подтекст. Сам знаешь какой.

— Ну, какая справка, Дима, о чем ты говоришь? Я же не в психушке сидел. Ну, то есть, я был там... Но это была просто реабилитация!

— Хорошо, — редактор взял трубку. — Давай я позвоню твоему терапевту и спрошу, готов ли Никас Аркас лететь в США, Сербию, Бразилию. Да куда угодно, хоть в долбанное Перу! Что он мне скажет? А? Ну?

— Что не могу! — рявкнул Никас, и Мария напряглась как хищник перед броском.

— Вот именно, — мрачно проговорил Арнаутов. — Вот именно. Слушай, давай к сути. Я сделал для тебя все что мог. Ты сам знаешь, я сочувствовал тебе как никто другой. Будем называть вещи своими именами. Ты два года фактически висел у меня на шее. Я ждал пока ты пойдешь на поправку, но только не так, как ты сейчас это хочешь сделать. Выстрелить из большой пушки на луну. Никас, работники твоего нынешнего уровня мне не нужны. Шустрил у меня навалом. Я своего сына могу послать сфотографировать вылупившегося страусенка Васю. А на свой прежний уровень ты вернуться не успел.

— Что значит, не успел? — ледяным тоном спросил Никас.

— Виталий Антонов, — намекнул редактор.

— Ага-а-а.

— Точно так. Никас, я вижу, что ты не рад. Мол, ты приносил мне деньги, был главным добытчиком журнала, все тебя знали и любили, а как только тебя начало подтапливать, жадная сволочь Дмитрий Арнаутов, жадная и беспринципная, погнал тебя взащей. Ты жертва, Никас, я не спорю. Но некоторым приходится не слаще, чем тебе. Одни преодолевают, другие становятся развалинами. Я верю, что ты из первых. Что эта твоя энергия — здорова, признак восстановления. Но она появилась у тебя позднее, чем требовалось. Ты, согласишься, в последнее время почти перестал подавать признаки жизни... Дерзай. Возвращай себе мир. Однако, не в моей редакции. Ну не могу я из-за твоих предположений разорвать контракт с Антоновым.

— Ты предупредить меня мог? — спросил Никас после продолжительного молчания. — Ты что сегодня утром с ним повстречался? Ты мог меня предупредить. Заранее. Я бы...

— Ну что? — с тоской спросил редактор. — Что б ты сделал? Равнодушно агакнул бы в трубку. Я еще раз повторяю, то, что ты сейчас кипишь праведным гневом — для меня большой сюрприз. Я думал, и не безосновательно, что тебе будет по барабану. Пойдешь, устроишься корректором в какую-нибудь газету. Ну, нет у меня мест. Нет. А платить просто так, я даже тебе не намерен. Никас, ты уволен. За профнепригодность.

Аркас встал, опершись рукой о спинку кресла. Не стоило передавать его чувства языком слезливого романиста, потому что это было слишком личное. Кроме того, Никас вовсе не собирался ныть. Он спокойно вытащил из нагрудного кармана пропуск и положил его на стол Арнаутова. Тот одобритительно кивнул.

— Гонорары за последние работы я тебе выплачу, хотя они и... Такое. Знаешь, что я тебе еще скажу: если нужна будет помощь по трудоустройству... Рекомендации там, протекции: звони. Уж в этом не откажу.

Бабочка, сидящая на подоконнике, за оконным стеклом пошла гневно-бордовыми пятнами. Она будто никак не могла решиться на что-то.

И быстро ударила крыльями.

Редактор тут же поперхнулся чаем и надрывно заперхал, показывая на спину. Мария хлопнула его между лопаток. От такого участия мог бы рассыпаться бык.

— Вот дьявол, — просипел Арнаутов, пытаясь отдышаться. — Ой.

В этот момент сработала пожарная тревога. Никас обернулся на звук: звон был невыносимый.

— Это еще что такое?! — слабо воскликнул редактор. — Мария, быстро! Все узнать и доложить!

Никас вышел вслед за ней из кабинета. Лифт был занят. Он спустился по лестнице вниз, на четвертый этаж. Там все было в дыму. Что-то действительно горело. Метались люди. Кто-то убегал вниз, кто-то возился с огнетушителем. Слышались визги и мужская ругань.

Все происходило удивительно быстро, как будто заранее было спланировано и отрепетировано. На выходе Никас услышал приближающийся вой сирен. Небольшую площадь перед зданием наводнили люди. Выбежавшие работники и простые зеваки. Они смотрели, как лопаются от жара окна четвертого этажа. Подкатили пожарные расчеты.

Никас шел, проталкиваясь через сочувствующих и развлекающихся. Добрался до своей машины. Он не знал, что делать дальше. В его жизни появилось слепое пятно совершенной неопределенности.

Напиться сейчас было бы самой непродуктивной идеей, — подумал Никас. Он еще минуту, без всякого злорадства, смотрел на горящее издательство.

А потом уехал.

Никас надрался как пират.

Он знал, что именно этим все и закончиться. Он слишком долго, понемногу, но уверенно, совершенствовался в этом ремесле у себя на балконе.

Его самообладание стремительно падало. Сначала он пил как аристократ, рюмками, потом как работяга — стаканами. Пока, наконец, не вошел, собственно, в роль флибустьера пропивающего выручку с награбленного у колонистов какао.

Сюжетный поворот не слишком достойный сильного человека. К тому же грека, чьи предки были родоначальниками физики и философии.

А вел он себя безобразно. Особенно под конец. Никас то угрожал кому-то мстостью и знакомством потусторонними силами, то рыдал и жаловался на хромую судьбу. Его, то сопровождали, то оставляли наедине какие-то женщины. Разжалованный мастер географических сенсаций, призывал людей тут же, на месте, организовать издательство нового журнала под названием «Вокруг света за восемьдесят дней». И страшно оскорбился, когда ему сказали, что это название романа какого-то там Жюльверна.

Ох уж эти французы, — размышлял Аркас, каким-то образом оказавшийся посреди печального интерьера, состоящего из мусорных контейнеров, жирной грязи и пустых коробок. Он никак не мог определить, в каком положении находится. Во всяком случае, передвигаться в текущей позе было невозможно.

Какое-то время он экспериментировал, пока, наконец, не встал на ноги. После этого Никас вернулся в бар. Бабочка сидящая на водосточной трубе почти светилась от хаотично переливающихся узоров. Ее крылья мелко дрожали, словно в тонком ритме.

Никас этого не знал, но ему уже несколько раз чудом удалось избежать сильных травм. Он посетил несколько приличных мест, везде затеявая дебош и смуту. Пока не оказался в совсем уж злачном заведении, где чудом пропустил удар бутылкой. Один раз даже ножом. Сколько-то раз увернулся от кулака. Каждый раз его недоброжелателям что-то мешало. То они промахивались, то оскальзывались на ровном месте, то сами получали от Никаса в скулу.

Потом он самостоятельно приложился носом об заплыванный столик, и, вытирая кровавые сопли, добрал до раковины.

— Что ты делаешь? — спросило треснутое зеркало.

Никас, не обращая внимания, плескался в холодной водичке.

— Вернись домой. Просто выйди на тротуар и к тебе сразу подъедет такси.

— Я здоров, — пробормотал Никас, подставив голову под струю. — Я совершенно здоров.

— Ты до сих пор думаешь, что я иллюзия? — спросило зеркало утомленно. — Немедленно отправляйся домой, пока я окончательно не вышел из себя.

— Пошел ты...

— Вот так значит, да? Ну ладно.

Бабочка все еще сидела на водосточной трубе. Она перестала мерцать и вытянула вверх усики. Сигнал был принят. Она изменила узор и затрепетала иначе.

В эту же минуту Никас все-таки получил по морде. Его снова выволокли через служебный вход и дотащили до тротуара. Там он остался лежать, с ободранными коленями.

Стояла глубокая ночь.

Никаса заприметил какой-то мелкий отщепенец. Рассчитывая на легкую наживу, он направился к бывшему журналисту. Бабочка мигнула и чуть сильнее махнула крыльями.

Отщепенец испуганно порхнул во тьму, потому что на дороге показалась патрульная машина. Она медленно, словно карета графа Дракулы, подкатила и встала рядом с бесчувственным телом.

Из машины вышло двое. Полицейские мрачно глядели на Никаса.

— Живой? — спросил один.

— Наверное, — сказал второй. — Вроде бы дышит.

— В вырезатель его?

— Да, в вырезатель. Карманы только проверь сначала.

Из темноты показалась веселящаяся компания. Шумно обсуждая плюсы своей молодости и обеспеченности, они прошли мимо, как вдруг от общего к Никасу безразличия, отделилась неуверенное чувство узнавания.

— Ник? — негромко спросила девушка. — Никас это ты? Да что с тобой случилось?

Полицейские, с профессионализмом скульпторов, пытались придать Аркасу позу Давида.

— Знаете его? — оживился один.

— Конечно, знаю, — с грустью подтвердила девушка. — Идите, я дальше не пойду, — махнула она своим.

— Оля, да ты что? — обиженно спросил один из парней, пока остальные смеялись под светом фонаря. — Да кто он такой-то? Родственник, что ли?

— Идите, — повторила девушка, не оборачиваясь. — Это хороший друг.

Парень мгновенно взбесился, сказал что-то гадкое и увел праздник за собой.

— Так может, вы того? — неоднозначно осведомился полицейский. — Знаете, может, где он живет?

— Я знаю, знаю, мы вызовем такси, — успокоила его девушка. — Спасибо вам большое, что помогли его поднять.

— Вы теперь главное удержите, — ответили ей.

Машина с мрачными стражами уехала.

Девушка, пошатываясь вместе с Никасом, довела его до автобусной остановки и усадила на скамейку. Вызвала такси. Пока оно не приехало, Ольга сидела с ним в обнимку, время от времени смахивая набежавшую слезу.

Она довезла его до дому и за отдельную плату наняла таксиста дотащить взмывающего работника культуры до квартиры. Покопавшись в его карманах, нашла ключи, и Никас, наконец, оказался дома. Ольга раздела и уложила его на диван, потом умыла и приложила лед к синякам. Пробыла с ним до утра, задремав рядом. И ушла в шесть тридцать, оставив Аркасу поцелуй, о котором он так никогда и не узнал.

* * *

Никас лежал на диване, пребывая в замешательстве человека, давно не сталкивающегося с пространственно-временной магией алкоголя. Голова болела умеренно, но Никас знал, что когда тебе тридцать четыре, похмелье становится коварной штукой. Ты просыпаешься на

утро и думаешь, что все в порядке. Ровно до того момента, как встанешь на ноги. Нужно было полежать и проверить наверняка.

Никас стал строить гипотезы касающиеся своего возвращения домой. Он помнил почти все вплоть до удара в челюсть. Может быть, его нашел кто-то из коллег? Размышляя, Никас зевал перегаром, ворочался, и с отвращением водил по зубам языком.

Кто-то сунул ему в руку стакан с водой.

— Спасибо.

Никас жадно выхлебал воду. На секунду ему показалось, что от нее пахнет туалетным освежителем.

— Голова болит?

— Нет, не слишком... О, господи ты боже мой!

— Не ори... Я гово... Да не ори же ты! Заткнись, трусливая козявка! Жалкий плаксивый алкоголик!

Девел схватил извивающегося Аркаса могучими руками и потряс как куклу. Никас екнул и прикусил язык. Жалобно поскуливая, он совиными глазами глядел на винтовые рога, на которых весели гирлянды из игральных костей. Лицо Девела было мраморным, состоящим из подвижных частей. Они быстро переворачивались, собирая черты в выражение гнева и недовольства.

— По-твоему я должен отпуск взять, чтобы дождаться пока ты соизволишь явиться?! — проревел кошмар Никаса. — Бабочка на износ работала, чтобы уберечь тебя, инфантильный бездарь, от беды! Тебя могли убить дважды!

На правый рог село упомянутое насекомое. Она выглядела измотанной.

— Ей проще устроить землетрясение за тысячи километров отсюда, чем контролировать удачные обстоятельства для такого червя как ты!

Девел отпустил Никаса и выпустил пар из подрагивающих звериных ушей. Человек непроизвольно начал оседать, на подламывающихся ногах. Его взгляду открылась широкая грудь покрытая сусальным золотом. Оно местами отслаивалось, и тогда было видно просветы какой-то картины, написанной маслом. Можно было различить извивающиеся в наслаждении тела. Ниже шли лохмотья дорогих тканей, ржавые слитки драгоценных металлов и рубины, покрытые грязью. А вместе с тем карты, закрытые шкатулки и коробочки. Маленькие колеса. Они были оплетены щетинистой нитью, и висели на бедрах Девела как нечистая паутина человеческих стремлений. На ногах были штаны, сшитые из козлиного войлока. Никас посмотрел еще ниже, ожидая увидеть копыта. Копыт не было. Были женские ступни, в туфлях на высоких каблуках. Красных.

— Мне нужны мои таблетки, — сказал Никас, и сделал попытку отползти в сторону.

— Не нужны, — ровным вибрирующим голосом сказал Девел. — Смотри на меня. Я тебя верят миллионы людей. Разве могу я быть не настоящим?

Никас поморщился как шарпей и застонал, обхватив голову.

— Иди, умойся, — по-хозяйски распорядился Девел. — Потом можешь поесть, и мы отправимся в путь.

У Аркаса начиналась истерика. Он лежал на полу в беспомощной позе и слабо постанывал.

— Ну что ты будешь с ним делать, — утомленно проговорил Девел. — Как тебе вообще удалось стать жертвой? Ты ведь не подготовлен.

Аркас вдруг вскочил, раскорячившись как тарантул, и сиганул в коридор, ударившись

плечом об косяк. Девел услышал, как журналист растянулся там на линолеуме. Он вышел и направился в малую комнату, вслед за стонами и тяжелым дыханием. Там его встретило вороненое дуло пистолета.

— Еще шаг и стреляю, — прошепелявил обезумевший Аркас. — Я уже убивал.

В следующую минуту журналист летел в ванну, набранную самой холодной водой, которую только можно представить. На поверхности плавали маленькие айсберги. Мужчина почувствовал себя на дне антарктического моря и вынырнул, вопя как новорожденный.

— Бодрит, правда? — спросил Девел, разламывая пистолет как крекер.

— Что ты такое? — прозвенел журналист, стараясь не разбиться как сосулька, когда выбирался из ванны. — Какого хрена тебе от меня надо?

— Ну вот. Теперь ты хотя бы осмысленно реагируешь.

* * *

Пока Никас уныло жарил яичницу, Девел раскладывал на столе какой-то невероятно сложный пасьянс. Он урчал и взрыкивал, располагая карты. Тасовал их, разбивая на стопки. Карт было так много, что они начали расплзаться по кухне. Они трепетали и шелестели, перелетая с места на место.

— Ты уверен, что если я выпью таблетки, ничего не изменится?

— Я не исчезну, если ты об этом.

Никас пожал плечами и сыпанул на глазунью перца.

— Так что же ты такое?

— Когда к тебе обращаются как к вещи, это обижает.

— Хорошо, — Аркас двумя пальцами вытащил карту, заползшую ему за шиворот. На ней был изображен человек, распятый на колесе. Аркас выкинул ее с отвращением, как таракана. — Кто ты? У меня была одна маленькая шиза. Что-то вроде воображаемого друга. Ее мне было достаточно.

— Ты говоришь о своей лярве? — Девел щелкнул пальцами, и карты слетелись в какую-то точку позади Аркаса. — Я прогнал ее. Ты знаешь, это твое увлечение — медленно тебя убивало. Каждую ночь она высасывала твою жизненную силу. Лярвы — вероломные сущности, которые появляются из человеческих страданий. Они питаются теплом внутренней борьбы человека. Ты думал, что нашел какой-то доселе невиданный способ избежать одиночества, но на самом деле просто кормил большую энергетическую пиявку. Она не галлюцинация, не шиза, как ты это называешь. Она — существо из другого мира. Из моего мира.

Аркас снял с плиты сковороду и принялся, скрежеща вилкой, перекладывать свой завтрак в суповую чашку.

— Значит и ты — не галлюцинация?

Девел хохотнул. Аркас обернулся и обомлел. Пришелец подпирал потолок могучими плечами, едва помещаясь в своей половине кухни. Внутри него кипели молнии, дымчатые формы плыли, изменяясь. В нем зарождались и погибали миллионы миров. Триллиарды судеб обретали начало и находили конец под его пылающим сердцем из чистой веры, горящей как ядро вулканического мира.

— Твои глупые предположения, — загрохотал Девел, — твое безобразное поведение и

образ жизни недостойный жертвы, намекают мне на то, что я снова встретил случайного человека. Это знак, не иначе. Никас Аркас, поклянись, что ты не знаешь, кто я, и не ведаешь, зачем пришел к тебе.

Журналиста почти раздавил этот грохочущий бас. Эхо, казалось, пронеслось по всему миру, поколебав облака и смутив океаны.

— Клянусь, я не знаю! Неужели по мне не видно?!

Девел медленно уменьшился, обретая знакомую форму вечного странника.

— Я не галлюцинация, дорогой Никас, — сказал он почти ласково. — Для тебя я слишком сложен. Приземленный человек не способен грезить тысячами миров. Он будет видеть то, что способен понять.

Это было обидно. Аркас не считал себя приземленным человеком.

— И призрак моего друга был реален? — спросил он тихо.

— Не в той же мере, что и я. Ты сам спровоцировал его появление. Вокруг меня реальность становится податливой. Ее плетение выбивается из рук объективности. Многие мысли становятся видимы. Особенно те, с которыми люди не в ладу... Ты ешь. Кушай. Остывает.

Мужчина вздрогнул, словно очнулся, и принялся за яичницу.

Пришелец сцепил длинные пальцы унизанные сросшимися перстнями, и положил на них подбородок.

— Случайный человек, не готовый к своей роли. Не знающий даже, кто я такой. Так слушай, я — посол Многомирья, заслуживший свое положение по праву оригинальности, избранный фантазией. Девел.

Никас поперхнулся.

— Разве не Дьявол?

— Мы говорим о злобной сущности, которая стремится уничтожить мир?

— Ну да.

— Нет, это просто один из образов страсти, которая создала нас. Я появился вместе с первым напуганным человеком, а Дьявол, грань, — гораздо позже. Я не зло. Но хаос. Я не стремлюсь к уничтожению рода человеческого. Я повелитель неопределенности. И страха перед ней. Я несу неоднозначность, культивирую вопросы, сею сомнения. Нет лучшего генератора идей, чем озадаченный человек. И нет, порой, человека более опасного. Это понимали во все времена. Поэтому, мой образ стал ассоциироваться с растерянностью. Потом с бедой. С отчаяньем. Страхом. Страх — вот что составляет мою большую часть.

— А причем тут бабочка?

— Она самостоятельная часть моей сущности. Автономный модуль, в терминах технических. Она нужна, что бы часть меня была свободна, и сохранилась, если со мной... что-нибудь случится.

— Что, например? — удивился Аркас. — У тебя есть слабости?

Лицо Девела рассредоточилось.

— Когда-то давно я получил свой родовой образ — образ хозяина Неопределенности. Но со временем восприятие людей изменялось. Их понимание — искажалось. Негатив — копился. Неопределенность — вызывала у них ненависть. И желание нажать на случайностях. Зарабатывать на простой удаче. Посмотри на эти гнусные сокровища, которые меня украшают. Одно растление. Все остальное, загадки, шифры, случайные числа — это мое истинное «я». Но Страх. У него нет атрибутов. Он незримо растет во мне как ядовитый

плод. И однажды возьмет верх.

— Звучит жутко.

— Да, — согласился Девел безрадостно. — Мне приходится считаться с человечеством.

Никас молча ел, стараясь не прикусить язык во второй раз. Удивительно, как простая яичница может подсобить в нелегком деле сохранения душевного равновесия. Никас вспомнил о гибкости мышления. Человек бывает такой окаменелостью, что царь-пушкой не возьмешь. Он просто игнорирует все необычное, что может с ним произойти. Писатели юмористического фэнтези часто упоминают, что чудес вокруг видимо-невидимо, однако у обывателя на глазах шоры повседневной скукоты. Он просто не хочет видеть, как в двух локтях от него пара гномиков тащит рафинад из сахарницы. Это чревато сопутствующей мозговой активностью.

Очень отягощающей.

А ведь кроссворд так и не разгадан.

Разумеется, Никасу, даже готовому к новым впечатлениям, было не очень хорошо. Он буквально чувствовал, как подавленный ужас рвется наружу. Давление здравого смысла в черепной коробке. Но что он мог поделать? Яичница была такой же как всегда. Утро — цементно-серым. Пол — холодным. Кроме демона, испортившего Аркасу спокойное похмелье, решительно ничего не изменилось. Ему не хотелось верещать и корчиться на полу. Во всяком случае, теперь. По свежему мнению Никаса, ванна с мини-айсбергами оказалась просто отличным средством от лишних эмоций.

— А зачем ты явился ко мне? — спросил он, когда Девел замолк.

Это был контрольный вопрос. Никасу казалось, что он должен расставить все по своим местам. Если он обезумел, должно произойти что-нибудь предельно нелепое и тогда можно будет даже не мыть за собой сковородку.

— Я и сам задаюсь этим вопросом, — разочарованно ответил Девел, и Никас почувствовал себя виноватым. — От тебя будут одни проблемы, я уверен в этом.

Ну, знаете, подумал Аркас. И сказал:

— Я никого не звал.

— Нет, звал, — возразил Девел и соорудил из мрамора снисходительность. — Просто ты дилетант. Ты до такой степени дилетант, что даже не заметил, как оказался связан со мной.

— Бросай-ка ты меня чихвостить, — сказал Аркас злобно. — Ты сейчас сильно напоминаешь мое подсознание.

— О, ну так знай, что у твоего подсознания есть единомышленники, — невозмутимо ответил Девел. — Никас, я не хочу быть строг с тобой. Ты отлично служил Многомирью всю свою жизнь. Любой творческий человек наш друг.

— Что такое Многомирье? Какая связь между ним и моей работой?

— Начнем сначала. Никас, ты помнишь, как шесть лет назад посещал Новую Гвинею? Ты помнишь племя аборигенов, под названием Гуампа? Обряд, который показался тебе забавным шоу для туристов? Для белого гостя из холодных земель?

Никас задумался. Помнит ли он? Наверяд ли. Припоминает. Сколько у него было похожих впечатлений? Десятки.

— Ночь, странные маски, самозабвенный танец, и пение, в котором тебе слышалось что-то нечеловеческое. Ты помнишь?

Возможно. Никас вспомнил, как его потащили в круг, прямо в центр пляски. Было необъяснимо холодно, хотя до этого ночь утопала в духоте. На небе вращались звезды. Никас мог поклясться, что видит, как они оборачиваются вокруг дисков, которыми на самом деле были планеты. Пение стало совсем уж потусторонним, словно гулом земных недр. Происходило нечто недоступное пониманию Аркаса. Он пытался покинуть круг, но тот исчез. Остались вращающиеся галактики наполненные плоскими планетами и крохотными звездами.

— И тогда ты услышал голос, — произнес Девел.

— Да? — Никас, заморожено глядя в грязную миску.

— Он спросил тебя, согласен ли ты стать жертвой.

— Я не знаю.

— Именно это он и спросил.

— И что я?

— Ответил утвердительно.

— Я ведь был пьян. Меня напоили какой-то чудовищной брагой из змеиных языков.

— Да, — развел руками Девел. — Ты по-пьяни согласился отдать себя Многомирию.

— А причем тут вообще это племя? Они тоже служат вам?

— Как и все древние племена, — Бабочка села на плечо Девела и тот аккуратно погладил ее крылышки. — Южные, островные, северные. Они называют нас Духами. Племена очень тесно связаны с нами. Все их мироздание держится на вере в Духов. Они несут на себе посредническую миссию, отвечают за связь между нашими реальностями. Вы, цивилизованные люди, даже не представляете, как много они трудятся, чтобы поддерживать порядок на границе Многомирья и Материи.

— Ничего не понимаю.

— Хорошо, давай, теперь коснемся основ. Многомирье — это фантастическая, как бы вы сказали, реальность. В ней обитают сущности, образы, идеи, все, что вы можете создать силой одного лишь ума. А, кроме того, чувства, страсти, эмоции. Материальная вселенная — это то, где царствует абсолютная материя. Неподатливая, твердая, предсказуемая. И соединяет наши дома человеческий разум. Он — словно маленькое окошко, через которое Многомирье общается с вашим домом, обмениваясь ресурсами. Мы — даем вам эмоции, страсть, способность творить, вы нам — новую жизнь. Без вас Многомирье было бы просто бессмысленным вихрем энергии. Но без нас человек — всего лишь биологическая машина. Воистину, счастливый случай, что вы в своем скучном, затравленном физическими законами мире, смогли обрести разум. Теперь мы можем общаться, и люди могут создавать то, чего раньше не было. И наслаждаться этим.

Никас смотрел в потолок.

— Ну, хорошо. И зачем вам похищать людей? Мы же и так помогаем Многомирию.

Его собеседник вздохнул и провел ладонью по столу.

— Негатив, — сказал он безрадостно. — Злые эмоции. Понимаешь, Никас, пока мы не встретились с вами, энергия, наполняющая Многомирье, была в целом нейтральной. Но человек, как призма, преломляет ее на тысячи разных оттенков страсти. Как положительной, так и отрицательной. Таким образом, вы стали возвращать нам не только светлые образы, нейтральные образы, но и сущности злые. Иногда, очень опасные. А так как жизнь в материи сложна, вы чаще думаете о плохом, чаще окрашиваете энергию Многомирья в темные цвета.

— Понимаю, — Никас сидел, прислонившись спиной к стене. — И все же...

— Некоторые темные сущности необходимо сдерживать, — продолжил Девел. — Иначе они будут возвращаться к вам снова и снова, только увеличивая собственное присутствие. И в вашем мире, через разрушения, загрязнения, убийства, так и в нашем. Мы стараемся преуспеть в этом. Но есть одна сущность, с которой мы не можем совладать своими силами. Она очень древняя и обладает неподвластной нам силой.

Никас внимательно смотрел на него.

— Одиночество, — прошептал Девел. — Мы не можем его удержать без вашей помощи. А если дать ему свободу, оно сделает жизнь обоих реальностей невыносимой. Ты ведь знаешь эту жгучую боль внутри? Боль, которую причиняет Одиночество?

Никас кивнул, отвернувшись.

— Представь, что она усилится в несколько раз. Этого нельзя допустить. Для этого вы нам и нужны. Единственный способ удержать Одиночество, это свести его с материальным человеком. Принести жертву. Для этого, я прихожу сюда. Раз за разом.

— Жертва, — повторил Никас с непонятной интонацией.

— Я предпочитаю термин «миссионер», — сказал Девел с улыбкой в голосе.

— Судя по тому, что ты приходишь, как выразился, «раз за разом», жертва погибает?

— К сожалению, это неизбежно.

Настало время для Вопроса с большой буквы. Одного из самых популярных вопросов по версии журнала «Вселенская хандра».

— Почему я? При чем тут я? Какого черта они меня в это впутали? По ошибке?

— Не думаю, — откликнулся Девел. — Скорее всего, это как-то связано с тем, что жертвой должна была стать дочь вождя... Я его не осуждаю.

Никас промолчал. Он пытался припомнить еще что-нибудь из той ночи. Он спокойно фотографировал и делал наброски статьи. Под вечер его пригласили принять участие в празднике. Дали выпить какой-то гадости. Настояли, чтоб он еще какой-то гадости покурил. Все это сделало его необыкновенно чувствительным. Он слышал скрип луны, плывущей по небосводу. Аборигены были улыбочивыми и доброжелательными. Никасу казалось, что он замечательно с ними сдружился. А его, оказывается, подсунули сверхъестественным силам вместо ценного члена племени.

Даже в такой невероятно важной работе, как дипломатическая работа с духами, есть место для махинаций.

Никас тоже не собирался осуждать вождя. Хотя бы потому, что это не имело смысла. Он действительно оказался дилетантом. В противном случае, прежде чем заходить в круг, (что ему отчаянно не рекомендовал переводчик) он бы десять раз подумал. То же самое касалось лихого путешествия по карте вин из ядовитых жаб.

— У меня нет выбора?

— Есть. Ты можешь остаться здесь. Поверь, мы никого не принуждаем.

Никас изумленно поглядел на Девела.

— Так просто? Я могу отказаться?

— Можешь. Однако знай, что это спровоцирует катаклизмы в твоём мире. За новой жертвой я смогу вернуться только через тридцать три года. Все это время Одиночество будет на свободе. А ведь оно, что наиболее опасно, делает людей более восприимчивыми к злу. Более подвластными темным мыслям. Злыми страстями вырвутся они из нашего мира и проникнут к вам в души, материализуясь в ужасных поступках. Каждую секунду на Земле будут появляться втрое больше преступников. Возможно, ваша цивилизация столкнется с

новыми коммерческими заговорами, конфликтами и ложью целых народов. Ночь станет рождать изоощренных убийц. Ты готов взять на себя ответственность за все это? Никас, тебе ли не знать, что такое темные замыслы? Ты правда хочешь отказаться?

Никому не нравится, когда на него давят. Особенно с использованием столь пространных доводов. Сложно представить, что ты один можешь стать причиной третьей Мировой, просто отказавшись следовать за существом, утверждающим, что оно прописано в мире страстей.

Никас тупо глядел в миску.

Как это обычно происходит в фантастических романах? — думал он. Гораздо быстрее, как минимум. Несчастный протагонист, просто не успевает разобраться в произошедшем: на него уже марширует гвардия короля.

Теперь ты рыцарь нашего королевства, говорят ему в замке.

Рыцарь.

Н-да, обычно эти попаданцы везучие жабы дети.

— Один раз я уже был жертвой, — сказал Никас, стараясь не прятать взгляд. — Больше не хочу. Ты сам знаешь, что ответственность будет лежать вовсе не на мне, а на этом... любящем отце. Я не готов. К тому же на грани умопомрачения.

— Ты отказываешься? — спокойно спросил Девел.

— Да. Отказываюсь. Просто уйди. Я, может быть, смогу убедить себя, что ничего этого не было. Займусь чем-нибудь полезным. Может быть, стану змееловом.

— Тогда знай: завала не было.

Сначала Аркас ничего не понял. Он глядел на повелителя неопределенности, медленно опуская челюсть.

— Н... Не касайся. Не касайся этой темы.

В руке Девела оказалась карта, на которой тени кружили в хороводе. Аркас видел блики, от которых изображение словно оживало.

— Завала не было, Аркас. Вы пробыли в той пещере меньше суток.

— Нет. Чушь.

— Вас нашли почти сразу.

— Замолчи.

— Вы убивали не потому, что хотели жить.

— Ты не можешь этого знать!

— Я знаю все о тебе.

Аркас скрипел зубами, бледнея как замерзающий. На его щеках проступила синева.

— Я помню завал. Я помню его!

— Ты придумал его, потому что не справлялся с правдой.

Никас отступал в угол.

— Мне бы сказали.

— Тебе говорили. Тебя пытались расспрашивать. Но ты не верил и забывал. Со временем, эту легенду, решили сохранить, чтобы не тревожить тебя. А ты был слишком труслив, чтобы узнать правду. Все было не так. Вы зашли в пещеру и впали в кататонию. На несколько часов. За это время вами овладели агенты негатива. Они пришли из разрывов реальности, которые открылись в глубинах этой горы. Половина из вас проснулись кровожадными тварями, жаждущими насилия. И ты был на грани, Никас Аркас. Почти переступил ее. Ты не ел человечину. Но вкус крови — знаешь.

— Ложь! — заорал Никас. — Я бы умер, но не сделал этого!

— Не разбрасывайся такими словами, Аркас! Смерть не делает благороднее! Она только уничтожает, рушит, стирает. Ее романтические нотки, — вот где настоящая ложь.

Девел вырос над Никасом. Тот стоял на четвереньках, быстро возвращая яичницу.

— Ты стал жертвой врага, с которым я прошу сразиться. Ты своими глазами видел, на что способен негатив. Не весь! Его крохотная, бесконечно малая часть! Аркас, ты должен помочь нам сдержать его от подобных инвазий, не дав Одиночеству вставлять палки в колеса!

— Выметайся, — сдавленно ответил журналист. Он подобрал кулаком тягучие слюни и покосился на красные туфли. — Уходи и не возвращайся. Тебе не свести меня с ума. Я — сильнее этого. Я... Сильнее.

* * *

Когда Аркас очнулся, в квартире никого не было. Он выполз в коридор, и прислонился спиной к стене. Его безжалостно колотило. Глубоко дыша, журналист стучал пальцами по паркету и покашливал, когда перехватывало дыхание. Немного успокоившись, обратил внимание на крохотную сережку, лежащую на полочке у входной двери. Никас долго глядел на одинокое украшение, потерявшее пару. Он хорошо помнил, когда и как купил их в Индии. Два рубиновых слоника.

Она была здесь?

Никасу стало горько. Ему нестерпимо захотелось поговорить с Ольгой. Все уладить. Распутать глубок противоречий. Устранить проблемы. Принести извинения.

А что если по твоей вине что-нибудь случится с ней? — спросил его внутренний голос. Никас изумленно прислушался к этому вопросу, не понимая, во что же он верит.

— Ничего не было. Борьба с переживаниями.

Он поднялся, чувствуя себя, более-менее, умиротворенным. Надо же, какое приключение. Как-то теперь придется жить с этим. Придумать несколько правил. Например, никому, никогда, ни при каких обстоятельствах об этом не рассказывать. Никаких «знаете ребята, у меня был сумасшедший дядя, так к нему якобы явился однажды...».

Табу.

Никас почувствовал себя лучше. Пожалуй, забыть об этом будет не так сложно. Главное, продолжать пить таблетки. И восстановить отношения с Олей! Ну конечно. Ничто так не поможет ему вернуть душевный покой, как плечо любимого человека. Это лучше всех лекарств.

Никас сверился с календарем. Суббота. Она должна быть дома. Конечно, нужно будет позвонить ей перед тем, как заявится. А телефон у бродяги! Ладно. Позвоню со стационарного.

Он обнаружил себя стоящим посреди кухни. Совершенно очевидно, что сейчас лучше сварить себе какао (без добавок!) и тихонечко пить его, лежа на балконе. Может быть, посмотреть комедию. Решительные перемены в жизни подождут. Нужно немного отойти от этой... потрясающей встречи с потусторонними силами.

Он лежал в спальном мешке, едва наблюдая фильмы. Никас не думал о потерянной работе. Ему становилось противно. Он всегда догадывался, что Арнаутов способен на такое.

Просто не верил, что это может произойти конкретно с ним. Через некоторое время он закрыл ноутбук. И открыл его снова. «Многомирье», — искал он. «Девел. Легенды народов Севера. Легенды народов Новой Гвинеи. Мифы племен Амазонии».

Он был там.

Изображения на камнях. На шкурах. На восковых дощечках. Винтовые рога были нанесены красной глиной на мощные торсы пляшущих кельтских воинов. Рогатая фигура неизменно угадывалась в замысловатых узорах, высеченных на тотемах и бортах гордых парусников. «Образ потустороннего существа, живущего в мире, альтернативном нашему, прослеживается во многих древних культурах как некий архетип и прообраз неуправляемого. Персонафикация хаоса, некто, способный влиять на ход событий».

Аркас даже успел прочитать несколько статей на эту тему, но вскоре понял, что эти знания лишь утомляют его. Вся эта мифологическая чепуха была ему знакома. Он так хотел, чтобы в его жизни что-то произошло, что умудрился вызвать из небытия даже пыльные сказки. Никас не мог сказать, что его настигло. Мог лишь предположить, что переломный момент наступил. Галлюцинации будут прогрессировать. Либо так, либо он решительно перечеркнет прошлое и начнет с начала хоть что-нибудь.

Невеселые мысли.

Ночью Никасу, как ни странно, снились не горящие города и сумрачные фигуры. И даже не привычная тьма с кровавыми подбородками. Ему снился Роман Белоголовцев. Рома, в тяжелых рыцарских доспехах, лобызал белоснежную ручку принцессы и при этом хитро косился на Никаса. Кроме этого ничего не было.

* * *

Наутро Аркас нынешний всеми силами пытался вернуть себе образ Аркаса трехлетней давности. Тот самый, действующий как блесна даже для самых хладнокровных щук. Из душа лилась прекрасная горячая вода. Никакого кофе! Бодрость духа. Никас вспоминал о вчерашнем с легкостью и здоровым смирением. Можно было, например, допустить, что Девел действительно существует. Существует же темная материя. В бесконечной вариативности вселенной, она могла бы однажды заглянуть к Никасу. Просто вместо нее пришел Девел.

Никас перестал чистить зубы и подумал, что эту мысль стоит пока убрать в коробку с надписью «опасное». В общем, суть его предположения была в том, что он вовсе не сумасшедший. Просто чрезвычайно крохотная статистическая аномалия.

Это было совсем неплохо, так считать.

Костюм. Одеколон. Чистые носки. Еще немного одеколona. Начищенные ботинки. Слоник.

— Ты забыла у меня это... — сказал Никас, обольстительно глядя в зеркало. — Оля, ты потеряла. По-моему, это знак... По-моему это произошло не просто так. Да, так лучше. «знак» звучит слишком напористо. Оля, давай поговорим. Впустишь меня?

Разумеется, она ответит положительно.

Последний штрих — любимая шляпа с короткими полями.

Аркас выключил в прихожей свет и распахнул дверь, решительно шагнув навстречу активной жизни.

Возможно, в этот момент история Никаса Аркаса могла стать прозаичнее. В лучшем случае, любовной новеллой о погоне за ускользящим счастьем. Никас, после нелегкого периода досадных ошибок и сомнений, нагнал бы Олю где-нибудь, скажем, в Париже и, схватив за талию сильной рукой...

Ну, вы понимаете.

Мир становился бы все злее и взрывоопаснее. Из темных трещин социума непременно вылезли чудовища внешне похожие на людей. Кровь стала бы дешевле, чем вода и все такое прочее.

Но только при условии, что Никас ступил бы на лестничную площадку.

* * *

Было прохладновато.

Насколько подобное замечание вообще уместно для открытого космоса.

Никас стоял, крепко вцепившись в косяки, и чуть отставив зад, пока воздух с глухим ревом покидал его квартиру. С головы сдуло шляпу. Она закружилась как маленькое НЛО, и устремилась куда-то вниз в звездную бездну. Возможно, через пару миллиардов световых лет она сторит на языке раздувшегося алого гиганта, отстраненно подумал Никас, провожая ее взглядом.

Он осторожно высунул голову и осмотрелся.

Это определенно был открытый космос. Со всеми его открытокосмическими развлечениями. Никас, приоткрыв рот, разглядывал композиции из далеких туманностей, пылевых облаков и незнакомых созвездий. И вряд ли этот ознакомительный этап мог полностью завершиться в ближайшие несколько недель.

Над ошеломленным журналистом преодолевал световые годы большой космический корабль. Он, вроде бы, от кого-то отстреливался, но Никас не мог разглядеть подробностей. Человеку инстинктивно захотелось пригнуться.

От порога, вдаль, в несуществующий зенит, уходила асфальтовая дорога, покрытая снегом. Никас в ужасе глядел на нее, раздумывая, как далеко теперь от него может находиться парадная подъезда. Он перевел взгляд на свои лакированные ботинки. Гиперпространственных двигателей на них не было. Не было даже крылышек как на сандалиях Гермеса.

— Вот же черт, — бессодержательно высказался он.

В этот же момент что-то толкнуло его в плечо. Френ выскочила на дорогу, кружась и хохоча. Откуда она взялась? Аркас словно впервые увидел ее, но тут же почувствовал укол сожаления. Она отдала за него жизнь, спасая от страха.

— Френ! — позвал Никас, сорвавшись на фальцет. — Вернись немедленно! Тебе туда нельзя!

Девушка ликовала. Ее бледные ножки давили снег, выталкивая его за край дороги. Никас почувствовал отчаянье. Ничего не кончилось. Ничего, мать его, даже не собиралось подходить к концу, кроме его спокойной жизни. Он подпер дверь стойкой для обуви и вышел на дорогу. На него налетел порыв сильного холодного ветра. По-видимому, солнечного, успевшего остыть. Хрустя настом, человек подбирался к лярве. Он помнил, что про нее говорил Девел. Но соседей не выбирают.

— Френ, давай вернемся. Здесь опасно, ты разве не видишь?

Она остановилась, посмотрев на него ласково и терпеливо.

— Здесь хорошо, — возразила она. — Я так давно здесь не была. Пойдем, осмотримся.

— Вернись назад!

Никас все дальше удалялся от дверного проема. Он беспокойно оглядывался на него, наполняясь сомнением. Новый порыв ветра, фронтовой, ударил прямо в грудь, начал давить назад. Аркас едва успел поймать невесомую Френ, чтобы ее не увлекло на маршрут «дорога — «такое-то созвездие»».

— Ты смерти моей хочешь?! — прямо спросил Никас у хохочущей лярвы. Ответом ему был металлический грохот. Обмирая от ледяного предчувствия, Никас посмотрел в сторону прихожей и убедился, что обувные полки упали. Инерция влекла назад широко распахнутую ветром дверь.

— Нет, — прошептал Никас, зверея. — Ну, уж дудки! Ну, уж нет!

Он поднялся и побежал назад, забросив Френ на плечо. С каждым его шагом полоса безопасности становилась все уже. Никас давно так не бегал. Ему казалось, что его пятки не касаются земли. Он был уверен, что успеет.

Скриииип, — пропела на прощанье дверь.

Щелк, — хором сказали пять замков.

— Ох, едрен-макарон! — возопил Никас, и едва успел схватиться за край дороги.

Френ сорвалась и ухватила его за вторую руку, повиснув. Аркас закричал. Все-таки она кое-что весила, а край был скользким от тающего снега.

— Держись, — просипел он, чувствуя уже, что не удержит их обоих.

— Отпусти, — попросила она.

— Не болтай чепухи!

— Все в порядке. Я вернусь. Отпускай.

Он не знал, стоит ли держаться вообще.

— Ты обещаешь? Мне не хочется оставаться здесь одному.

— Пока ты ждешь меня, я всегда буду возвращаться, любимый.

Аркас зарычал от злости и беспомощности.

Он разжал пальцы. Френ полетела вниз, вытянув руки. Аркас почувствовал себя большей сволочью, чем мог вообще от себя ожидать. Конечно, он относился к ней не как к живому человеку. Она была просто чем-то необъяснимым, хоть и не чужим.

Но так поступать нельзя было даже с энергетической пиявкой.

Никас смог вцепиться в край второй рукой. Кряхтя и раскачиваясь в потоках ветра, он подтянулся и бросился грудью на то место, где еще несколько секунд назад изволила пребывать дверь. Космическая гравитация едва его не угробила. Тяжело дыша, он полностью выполз на дорогу и замер, как раздавленная жаба.

— Аркас, — произнес журналист печально. — Ну что же ты?

— Я знал, что ты сделаешь правильный выбор, — донесся до него мягкий голос Девела. Зашуршал мрамор.

Никас мгновенно оказался на ногах. Стекленеющими от ярости глазами он глядел на бескрылого владыку неопределенности.

— Ты смелый человек, Никас Аркас. Я...

— Нет! — прервал его Никас, вцепившись в воротник Девела, сплетенный из случайных знаков и символов. — Я не смелый человек! Я же сказал тебе, что не хочу никуда идти! Чего

тебе еще от меня надо?! Немедленно верни меня назад! В мою прихожую! У меня важная встреча!

— Но ведь ты сам последовал за мной, — мягко проговорил Девел.

— Через целые сутки! Какого черта ты все еще делаешь за моей дверью? И где теперь моя дверь?!

— Сутки? — озадачено спросил Девел. — О, знаешь, я забыл предупредить тебя, сколько может держаться связь с миром Материи. И, знаешь, об относительности течения времени...

— Брехня собачья, — страшным шепотом парировал Никас. — Ты все подстроил. Ты заманил меня в ловушку, ведь так? Отвечай!

— Ловушка, Аркас, — терпеливо сказал Девел, — была за твоей спиной. Здесь ты — будешь жить, как не жил никогда. Не обманывай себя, тебе нечего было терять там.

Никас отпустил воротник. Он медленно согнулся и сел на снег, свесив ноги в пространство. Вокруг его стоп тут же принялась образовываться какая-то наглая микрогалактика.

— И что же теперь будет? — спросил он глухо.

— Ты в разреженном слое Многомирья — вечном космосе, — сообщил Девел, усаживаясь рядом. — Вернуться назад — невозможно. Дверь в мир Материи откроется нескоро.

— Значит, формально, я уже... миссионер?

— Да. Можешь, конечно, остаться здесь. Если не боишься.

Никас попытался отогнать галактику, но она почти сразу вернулась обратно и принялась образовываться с удвоенной скоростью. Кажется, там проходили целые эпохи, лопались малюсенькие звездочки, сторали и появлялись из пылиночек планетки. И за секунду расцветали и уходили незаметные цивилизации.

— Лучше вытащи ноги, — предупредил Девел.

— Да, я тоже об этом подумал, — согласился Никас.

Некоторое время он стряхивал с ботинок сверхновые и отдирал от брючин черные дыры.

— Далеко идти? — спросил он, наконец.

— Не очень, — просто ответил Девел.

— Я выберусь отсюда, — угрюмо сказал Никас. — Я не знаю, что со мной происходит. Но я справлюсь с этим. Я справился с одним пленом, справлюсь и с этим. Я выкарабкаюсь. Понял?

— Как скажешь, — серьезно согласился Девел. — Возможно, тебе будет легче без пяти замков.

Аркас молчал, изменившись в лице.

— Следуй за мной, — донеслось из мраморной улыбки.

— Можешь мне объяснить кое-что? — сказал Никас.

— Конечно. Я не привык отвечать на вопросы, но, по-моему, это не так уж и сложно.

— Почему мы можем дышать здесь? И откуда здесь гравитация?

Девел поглядел на Аркаса, собираясь с мыслями.

— Видишь ли, большинство людей понятия не имеют, что такое невесомость. Они никогда не ощущали ее, и поэтому не могут представить так, чтобы она могла появиться здесь повсеместно. Достаточно точно невесомость могут мысленно воспроизвести только космонавты. Их число ничтожно по сравнению с остальными людьми. А необязательные законы Многомирья определяет подавляющее большинство.

Недалеко от них пространство преломилось огромными сияющими разломами, и из них двинулись вперед циклопические черные существа, похожие на жуков. На них тут же набросился флот ярко окрашенных кораблей. Загремели орудия, засверкали взрывы. Жуки оглушительно верещали и отмахивались от нападающих лапами.

— Не нравится мне это, — объявил Девел. — Ускоримся.

Они быстрым шагом добралась до туманности, которая начала обволакивать дорогу и бегом миновала ее. Никас долго чихал и кашлял, надышавшись разноцветной пылью.

— Все в порядке? — спросил Девел. — Хорошо.

Никас хмуро глядел на планету, напротив которой они остановились. Планета была рыжая и ноздреватая, похожая на заржавевший подшипник. Можно было различить бешеные песчаные бури и крохотные города, закрытые прозрачными куполами. Она показалась Никасу странно знакомой, хотя он не взялся бы объяснить: почему.

— Это Земля, — тепло произнес Девел.

Никас изумленно взглянул на него.

— После апокалипсиса, — уточнил владыка неопределенности. — Я люблю бывать на ней, когда выдается свободная минута. Очень тихое место. Умиротворяющее. Если избегать сюжета, разумеется.

Из-за высохшей Земли показалась Луна. Точнее, ее половина. Спутник был словно обрезан ножом.

— Темная сторона Луны, — догадался Никас. — Никто ее никогда не видел.

— Нет, — возразил Девел. — Какое-то чудовищное оружие уничтожило часть спутника. Автор этой идеи решил, что ополовиненная Луна будет отличным компонентом атмосферы.

Аркас глазел.

— Так значит все, что может вообразить человек, появляется здесь? — спросил он.

— Да. Фантазии, образы, идеи, все они самоорганизуются, превращаясь в «миры». Каждый мир это мозаика из маленьких образов. А может и цельная картина, созданная сильным разумом. Допустим, хорошо прописанная книга. Мир может быть сколь угодно большим и сколь угодно маленьким. Его может населять кто и что угодно. Единственная граница в Многомирье, это условная пленка между мирами, которая и является вечным космосом. Отсюда, с Пути, можно попасть куда угодно. Но это под силу далеко не всем.

— Это обнадеживает, — сказал Никас.

— Что именно? — поинтересовался Девел.

— Я думаю, любому творцу приятно было бы узнать, что его замысел где-то процветает.

— Это справедливо. Люди часто недоценивают возможности своей веры. Она способна создавать жизнь там, где ее нет. Ты еще увидишь, Никас Аркас, как удивительно порой переплетаются причина и следствие. Боги, претендующие на сотворение человечества, сами были созданы им. Забавно, но они безоговорочно разделяют уверенность людей в своем первенстве. Возможно, ты будешь сильно разочарован, увидев, насколько они примитивны, и как сильно искажают их противоречия догматов. Мое неоднозначное обличие лишь слабое эхо тех мучений, которое испытывают человеческие боги первой величины.

— Постой, постой, — медленно сказал Никас. — Я что, встречу с Богом?

— Все может быть. Но не советую ожидать многого, — девел потянулся, как кот. — Однако: готов ли ты идти дальше?

Никас посмотрел на одинокого астронавта, дрейфующего на фоне изорванного флага. Его сопровождало гало из разнообразного мусора, а кислородный шланг, словно разорванная пуповина, тащился следом. Он слабо извивался от слабого напора уходящего кислорода.

— Кто-то нас преследует, — вымолвил владыка Неопределенности. — Подозрительно. Это оказалась Френ.

— Любимый! — воскликнула она, бросаясь Никасу на шею.

Аркаса повлекло назад, но он сохранил равновесие.

— Осторожнее, — сказал он, отстраняя ее от себя. — Давай больше не будем падать.

— Что ты тут делаешь? — брезгливо спросил Девел. — Я велел тебе убираться, ничтожество.

Френ спряталась за Никаса.

— Ты обещал, что разрешишь остаться, если помогу!

Аркас понял, что его перестала интересовать циклопическая черная дыра, из которой на них глядела хищная морда космического хомяка.

— Помогу? — переспросил он.

— Он сказал, что если я выманю тебя, то смогу остаться, — угодливо подтвердила Дели.

В наступившей тишине, было слышно, как потрескивают перегорающие звезды.

— Мелкий паразит, — процедил Девел, сквозь невидимые зубы. — Я уничтожу тебя. Не двигайся, Никас.

Он поднял руку.

— Нет! — гаркнул журналист. — Я знаю, что ты врешь мне. Наверное, во всем. Но раз уж у вас была сделка, она пойдет со мной.

— Никас, сколько раз тебе объяснять, что она — вредитель! Она с тобой только потому, что ты ее кормишь.

— Ее мотивы хотя бы ясны.

Френ с обожанием потерлась щекой о лопатку Никаса. Девел медленно приподнял плечи, и сказал, словно выдохнув:

— Когда-нибудь ты увидишь ее истинное лицо.

Он отвернулся.

— И мое.

Когда Никас порядком одурел от увиденного, троице преградила путь бригада безликих существ в оранжевых комбинезонах. Они взламывали дорогу отбойными молотками, и засыпали в пустоту новый асфальт. Он сыпался вниз, навсегда исчезая в световых столетиях.

— Вот так-так, — Девел остановился. — Это редкость. Несомненно, знамение. Путь не ремонтировался уже долгое время. Ничего, мы обойдем их по грязи.

Выломанный участок действительно огибала неровная тропинка из грязи и камней.

— Только не оскользнься, — предупредил Девел.

— Мог бы не предупреждать, — буркнул Никас, осторожно, как сапер, ступая. — А почему у них нет лиц?

— У кого?

— У рабочих.

— Их лиц никто не запоминает.

Никас помолчал. Когда они снова выбрались на твердую дорогу, он спросил:

— А не значит ли это, что здесь должны быть образы всех остальных людей? Каждого человека кто-то видел, знает и может представить.

— Я ведь уже говорил, что выживают только сильнейшие, — напомнил Девел. — В вечном космосе постоянно появляются новые планеты Земля. Они — обычное переложение восприятия людей. На них обитают призраки. И живут они призрачной жизнью. Некоторые из них мелькают, появившись на мгновение. Остальные могут существовать чуть дольше. Но, в конце концов, все они сливаются с прима-образом Земли, на которой одновременно есть все, и нет ничего. Это происходит потому, что оригинальная Земля не может совмещать всю историю своего существования одновременно. Она выглядит вовсе не так, как ты привык ее видеть. Это сложно объяснить. Знаешь, обычно жертвы... миссионеры, принимают все таким, как оно есть.

Никас хмыкнул и довольно несдержанно сморкнулся в космос.

— А у тебя не должно быть какой-нибудь... идеи для передвижения? Почему мы идем пешком?

Девел серьезно задумался.

— Знаешь, — сказал он сосредоточено, — а в этом есть смысл. Наверное, все дело в привычке. Все сложилось таким образом, что я вожу миссионеров пешком. В этом есть... символичность. Многомирие стоит на символичности.

Он еще помолчал.

— Так о чем мы говорили? Ах да, о выживаемости. Образы реальных людей, у нас, конечно, существуют. Но это люди, о которых знал весь мир. Ты можешь спросить: причем тут рабочие? Но на их стороне мететичность не меньшая, чем у Альберта Эйнштейна или Адольфа Гитлера. О них знают миллиарды. Миллиарды их видели. Людей в них верит гораздо больше, чем в меня. Но они, тем не менее, слабее. Потому что не обладают искрой творца.

— Кажется, я понимаю, что ты хочешь сказать.

— Не сомневаюсь. Искра творца — это заряд веры, любви и воодушевления, которое создатель вкладывает в свою идею. Все равно, что душа для образа-сущности. У некоторых она есть, у некоторых — нет. Возьмем мертвую планету, которую ты видел. Логично предположить, что автор не описывал ее в мельчайших деталях. Он не давал точных космологических данных, ее топографии. Но подарив часть своей творческой силы, он дал сущности возможность организовать саму себя, развиваться самостоятельно. Это называется

законом концентрации.

Никас слушал с интересом. Это была, пожалуй, самая необычная лекция в его жизни. За исключением того случая на Амазонке, когда ему объясняли как надо вытаскивать из уретры рыбку кандиру. Но те увлекательные минуты меркли по сравнению с происходящим. Если бы имелась возможность разнести эту информацию между людьми, возможно, они начали бы стараться куда лучше, думал Никас.

«Конец близок!».

Журналист устался на подмокший кусок картона, а потом медленно перевел взгляд выше. Из-под драной шапки на него вызывающе пялился комок грязи, отдаленно напоминающий человеческое лицо. Это был образ бродяги во всей его отталкивающей конфигурации.

Пахло.

— Конец близок, — прочитал Девел.

Зашуршал мрамор.

— Это что-то значит? — спросил Аркас.

— От любой точки здесь можно найти тропинку к чему-то большему, — был ответ. — Что-то назревает, мой друг. Символы, что мы встречаем, удручающе определены. Они указывают на беду.

Девел высоко поднял подбородок.

— О, как это кстати.

Он повлек Никаса за собой. Квинтэссенция бродяги медленно повернула осыпающееся лицо им вслед.

Аркас не сразу понял, что видит перед собой. Оказалось, справа от Пути притулился островок асфальта с двумя бензоколонками и забегаловкой. На стоянке коротал бесконечность могучий тягач. Его груз в синем прицепе перевалился через край и безнадежно качался над пустотой. Еще там была утлая легковушка и обуглившийся остов дорого спортивного автомобиля. В его выгоревшем чреве держался за остатки руля скелет с весело ухмыляющимся черепом. Перед забегаловкой бесцельно бродила идея заправщика. Она делала вид, что протирает невидимое стекло. Рядом валялся оборванный шланг, из которого бесконечным потоком хлестал бензин. Его маслянистые ручки стекали с неровных краев полуострова.

— Зайдем сюда, мне нужно сделать звонок, — предупредил Девел.

— Интересно, здесь можно перекусить?

— Тебе не нужно есть в Многомирье, — Девел тронул себя за лоб, словно сокрушаясь, что не объяснил этого раньше. — И пить тоже. Тебя будет кормить чистая созидательная энергия, наполняющая все.

— Это что-то воде праноедения? — скептически спросил Никас.

— Ну да, — согласился Девел, не принимая шутку. — Оно доступно и в Материи, между прочим, но требуется очень серьезная самоотверженность и концентрация.

Не говоря больше, Девел быстро пошел вперед, звонко щелкая каблуками. Никас никак не мог к этому привыкнуть, но пытался не реагировать. Неопределённо ухмыляясь, он подошел к сгоревшему автомобилю и поглазел на кости гонщика. Протянув руку, Аркас постучал по искорёженному крылу и отшатнулся. Над гробницей лихача вспорхнули маленькие злобные мыслишки.

— Давай-давай, мощцей много! — уязвлено верещала одна. — Позер! — завистливо

шипела другая. — Догоняешься ты на своей жужжалке, — желчно предсказывала третья.

Полетала сажа. Френ испуганно вскрикнула. Никас поспешил отойти подальше и, едва не оскользнувшись в бензине, столкнулся с идеей заправщика.

— Полный ба-а-ак... — прогудел тот голосом, дрожащим от сотен интонаций.

Он поднял с земли обрывок шланга с извергающимся пистолетом и направил его на брюки Никаса. Спасаясь, несчастный журналист влетел в двери харчевни и принялся отряхиваться.

Ему помешал оглушительный хлопок.

Никас подскочил и поглядел перед собой. Образ антисоциального сорвиголова прострелил голову какому-то богатырю с комплекцией стегозавра. Из-за загаженных столиков немедленно повыскакивали темные личности, одетые в винтажные полосатые тройки и камуфляжные защитные костюмы. Вспорхнули черные нарезные дула.

— О, господи, — прошептал Никас, беспомощно истекая бензином.

— Ложись! — крикнул сорвиголова.

— Ох, едрен-макарон...

— Да падай же! — взвизгнула Френ.

Она толкнула его в спину. Аркас повалился вперед, отбив локти.

Началась пальба, плотная как горизонтальный ливень. Метались обломки и щепки. То и дело взрывали белугами ни в чем не повинные сущности, падающие на нечистый кафель. Метался свет электрических ламп. Кто-то пронзительно верещал, с переменным успехом заглушая оружейный грохот. Дробно шелкали водопады гильз. Стремительно таяла мебель. Аркас уползал под столик, который закрывали красные мягкие сидения. Спинки их были выпотрошены.

Никас зарылся лицом в набивку, а потом сгруппировался вокруг ножки столика.

Похоже, я вляпался в какой-то штамп, — подумал Никас отчаянно.

Перед столиком, увлекая за собой визжащий образ официантки, рухнул сорвиголова. Он был одет в безвкусную композицию из черного плаща, под которым была черная же жилетка. За ней следовала майка, туго перетянутая ремнями и перевязями. Никас успел насчитать девять ремней до того как герой повернул к нему лицо. На нем не было ровным счетом ничего кроме ироничной ухмылки и солнцезащитных очков.

— Как дела? — спросил он, между делом доставая из кармана черных штанов пачку сигарет. — Огонька не найдется?

— Ради бога! — воскликнул Никас. — Займись делом!

— Не могу не сделать перерыв на два своих маленьких хобби! — лихой стрелок впился губами в серые губы официантки. Она перестала визжать и томно застонала.

Никас смотрел на это, испытывая странное чувство, взбирающееся по хребту. Ему словно ставили прививку. Прививку от болезни, которая вскоре начнет испытывать его постоянно.

— Так не найдется огонька? — с обаятельной хрипотцой переспросил сорвиголова, оторвавшись от своего первого хобби.

— Нет!

— Ну что ж, придется импровизировать!

Из смятой пачки была добыта единственная целая сигарета. Заглубевшие от курков пальцы подняли ее вверх. Назад она вернулась уже изрядно подпаленной, и слегка надломленной.

— Ну, — хмыкнул герой, сделав одну титаническую затяжку и сжевав окурок. — Пора браться за работу.

К этому времени что-то успело воспламениться, от желтого синтетического огня тянуло ядовитым дымом. Начиная кашлять, Никас с удивлением заметил, что слышит ритмичную музыку.

— Я ничего не вижу! — визгливо крикнул кто-то. — Где они?!

Музыка нарастала. Глухо били басы и повизгивала электроника. Выла сирена.

Сорвиголова вскочил, взмахнув полами плаща как крыльями летучей мыши. Дым свернулся вокруг него шелковым коконом.

— Он насрал проклятие вечной перезарядки! — взвизгнул один из нападающих. — Магазины пусты!

— Деритесь псы!

— Куда он делся?!

— Ничего не вижу!

Кто-то сдавлено вякнул.

— Стреляйте! Магазины полны!

Никас снова стиснул зубы от накатившего грохота. Он почти сразу прекратился, потому-то кто-то заорал:

— Готов! Я уложил его!

Послышались быстрые шаги. Кто-то отбросил в сторону столик Никаса. Огромная бесформенная лапа схватила журналиста за горло и подняла над полом.

Никас завопил от ужаса. Чудовище поглядело на него снизу вверх. Оно было камнем, бронзой и сталью. Грубо выкованным оружием и оружием тонким, словно нить жизни. Оно постоянно менялось, его шкура, серая от окалины, покрытая выбоинами примитивного кузнечного молота, становилось гладкой фантастической броней. Оно щетинилось стволами и лезвиями. Грузное тело раскалялось желтыми пятнами ярости.

— Это Жертва! — злобно проскрежетало оно. — Этим они надеются защитить себя? Смешно.

Оно отбросило журналиста, потеряв к нему всякий интерес.

Никас бросился прочь, перелезая через разорванные кресла. Все вокруг было засыпано обломками и тлеющими клочьями. Стойка напоминала решето, витрины разбиты на мельчайшие осколки. Дым горячей мебели понемногу втягивался в дыры в потолке. Цементная пыль покрывала тела погибших образов. Журналиста никто не преследовал, никто, кроме чудовища, даже не обратил на него внимания.

Оставшиеся бандиты, штук пять или шесть, столпились в дыму над черной ветошью.

— Это его плащ! — рыкнул один из них. — Ты изрешетил его плащ, кретин!

Никас отчаянно соображал. В его голове один за другим, без остановок, проносились скоростные локомотивы. Самой приятной мыслью была та, в которой он ловко удирает отсюда на самое безопасное расстояние, что удастся покрыть. Если б этот паяц дал мне оружие, — думал Аркас свирепея. — Хоть что-нибудь! Хотя бы нож.

Головорезы, тем временем, затравленно озирались по сторонам. Один из них дико заорал и вдруг исчез, словно вспышка фотоаппарата.

— Сосредоточьтесь!

Второго со страшной силой швырнуло в сторону. Кувыркаясь, стрелок вылетел в двери и сшиб заправщика. Вместе они заскользили в бензине, слабо вскрикивая.

— Стреляйте во все стороны! — взревело чудовище. — Искалечьте его! Нарушите его смысл!

Хотя бы ножку от стула! — мысленно воскликнул Никас.

Монстр пошатнулся, скорее от неожиданности. Никас, не давая себе времени засомневаться, ударил еще раз. Панцирь глухо отзывался под ударами. Кашляя от вонючего дыма, Никас нашел в себе силы ударить врага в третий раз. В район идеи о мужской уникальности. Вряд ли это могло сильно впечатлить существо, состоящее из ярчайших представлений о жестокости, но оно стало пятиться от Никаса как от прокаженного. Аркас страшно зарычал и погрозил ему своим леденящим кровь оружием. Оглушительно лязгая и взламывая плитку, монстр бежал. Пробил стену и исчез, засмеявшись стальным скрежетом.

— Вот так-то! — прохрипел Никас возбужденно. — Проваливай!

Тут его колени слегка подогнулись, и он оглянулся на оставшихся стрелков. Те, оцепенев, глядели на Девела. Бог Неопределенности медленно прикрыл изрешеченную дверь кухни, и пошел к ним, скрипя носочками каблуков по бетонной крошке. Сущности замерли, словно кролики.

— Уходите, — тихо шепнул Девел.

Что-то затрещало. Часть крыши вместе с пробитой стеной, обвалилась внутрь. Вместе с хлынувшей из здания пылью, на улицу выбежали головорезы. Они исчезали, пугливо оглядываясь. Вслед за ними, рыдая в три голоса, последовала выжившая официантка.

— Ну, слава богу, — выдохнул Никас, закрывая нос от пыли. — Где ты был?!

— Делал звонок, — нейтрально ответил Девел. — Я же предупреждал.

— А стрельба не мешала тебе болтать?

— Не очень. Мне не ответили. Все еще хуже, чем я предполагал, Никас.

— Меня могли убить! — взорвался тот. Он поглядел на свою лакированную дубинку и отбросил ее в сторону. — Примерно раз триста! Здесь палили как в последний день войны! Или в первый... А, не важно.

Девел молчал, о чем-то крепко задумавшись. Никас отчаянно отплевывался от пыли, и тер глаза. Потом вышел на улицу и там прочихался как следует. Помог подняться беспомощно извивающемуся заправщику.

Его словно мешком по хребту ударило.

— Френ!

Ее так засыпало бетонной пылью, что он не сразу отыскал тело. Оно лежало чуть левее от выхода. Пиявка была разорвана почти напополам. Обнаженные внутренности покрывала корка подмокшей грязи. Череп раскололся от нескольких попаданий.

— Надо же, — сказала обаятельная хрипотца. — Жизнь тебе спасла. А ведь дрянь-дряню.

Аркас обернулся, бешено скрежеща зубами. Сорвиголова перестал ухмыляться. Его тонкие губы были перекошены.

— Ты ранен? — спросил Девел.

Плечо сущности в черном было разорвано до ключицы.

— Всего лишь царапина, — мрачно процедил сорвиголова. — Будь позитивен, Ди.

— Будь позитивен, Альфа. Выйдем на улицу.

Аркас задержался в здании, с тоской глядя на Френ.

— А ты не хотел ее брать! — крикнул он в спину Девела. — Кто из вас для меня опаснее, это большой вопрос!

Он сплюнул.

— Я буду ждать, — сказал он изуродованному трупу.

Снаружи Альфа и Девел о чем-то негромко переговаривались. Когда Никас приблизился, грозно сверкая глазами, Альфа спросил без обиняков:

— А ты, значит, новая жертва?

Никас присел на бампер тягача.

— Миссионер, — мрачно буркнул журналист. — А ты что такое? Какой-то стереотип?

— Альфа один из собирательных образов, — укоризненно проговорил Девел. — Или же прима-образов. Он из тех, кто всегда силен, стабилен и востребован. Не счесть интерпретаций, которые он уже поглотил.

— Хм, — скептически отреагировал Аркас. — То-то его почти сразу подстрелили.

— Никас...

— Ничего, он прав, — Альфа качнулся в сторону, но успел опереться рукой о фонарный столб. — Я облажался. Я, стрелять, заporол дело. Меня послали вас встретить, а я опять забухал, понимаешь, и нарвался на банду негатива.

Девел покачал головой.

— С ними была Жестокость.

— Я видел ее, — кивнул Альфа.

— Думаешь, их Максиме прислала с той же целью? Встретить нас?

— Если и так, — прима-образ снова курил невесть откуда взявшуюся сигариллу, делая короткие затяжки, — то лишь в качестве разведки. Жестокость — труслива. Стоило ей тебя увидеть, м? Агентом с ней было мало. Мне кажется, Максиме хотела убедиться, что ты кого-то привел.

Космический ветер легонько перебирал игральные кости на рогах Девела.

— Значит, ты не смог связаться с Интеллектуальным? — спросил Альфа. — Когда я уходил, там, стрелять, было военное положение. Очень много негативных существ. Нам сейчас как никогда нужна жер... Миссионер, стрелять, нам позарез нужен.

Девел поднялся.

— Да, — произнес он подавлено. — Я слышу голос Одиночества. Оно сильно как никогда.

Альфа мгновенно оказался на ногах. Он отошел назад, целясь в Девела из громадного серебристого пистолета.

— Что происходит? — взволновался Никас.

— Успокойтесь.

Мраморное лицо приняло мирные черты.

— Я владею собой. Пока.

Альфа кивнул и, ловко прокрутив оружие на сгибе указательного пальца, сунул его в кобуру. Одну из десятка.

— Когда я почувствую, что становлюсь опасен, то немедленно покину вас, — продолжал Девел. — Путь наш становится все труднее. Вряд ли мы теперь доберемся до Интеллектуального скоро. Максиме запутает нас. Попытается задержать, если не остановить. Раз она пошла на такие подлые приемы, мы должны ожидать худшего. Альфа?

— Хм?

— Сопровождай нас. Если мне придется уйти, ты поведешь Никаса дальше. Ты обязан доставить его в город, понял?

— Стрелять, рога свои поучи...

Никас выдохнул в сцепленные ладони.

— Среди вас есть человек, — любезно напомнил он, — который, стрелять, немного, совсем немного, нуждается в информации. В объяснениях. Не в намеках. И не в подсказках. В объяснениях.

— Это прекрасно, — рассеяно ответил Альфа. — Между прочим, кое-чего в этой сцене не хватило.

Он внимательно глядел на ручей бензина. В нескольких сантиметрах от горячей жидкости тлела ветошь.

— Вот что значит, потерять концентрацию, — прорычал образ. — Придется сделать это самому.

— Что?

— Она должна была упасть в бензин.

— Что?!

Девел без лишних слов повлек Аркаса за собой.

Взрыв был такой, что островок буквально смело, оторвав от Пути. Раздробленные плиты, треснувшие стены, растерзанный металл, — все это разлетелось в разные стороны, с разным ускорением.

— Ничего не осталось от милого сердцу приюта, — довольно резюмировал Альфа. — Только шрам на краю дороги и шрам в душе.

* * *

Для неуязвимого героя, раненого прямехонько в самодовольство, Альфа вел себя довольно бодро. Конечно, он часто касался своего плеча, и был очень насторожен, но, в целом, Никас был приятно удивлен (как выяснилось позже: преждевременно). Альфа совмещал в себе черты многих киногероев и книжных протагонистов. Он, вероятно, успел поглотить персонажей не только сильных, но и сообразительных. Во всяком случае, он часто срывался на ироничный, просвещающий тон.

Альфа избавился от своего продырявленного плаща и куртки и щеголял теперь в белой майке. Его в руки были синими от многозначительных татуировок. Иногда лицо образа неуловимо изменялось. Пробивались новые черты, вроде носа, усов или безобразных шрамов.

Альфа объяснял это тем, что некоторые меньшие образы в нем конфликтуют и постоянно находятся в состоянии борьбы. С этого простого ответа началась их беседа.

— Все прима-образы страдают этим, — говорил Альфа, глядя в спину идущему впереди Девелу. — Но мне гораздо проще. Мои интерпретации похожи, а вот старине Ди, стрелять, приходится очень туго. Его оригинальная идея — шутника и интригана давно не получает подкрепления. Осталось столько-то людей, которые еще помнят о его настоящей природе. Ничтожно мало. Интерпретация вселенского зла тянет на себя одеяло. Рано или поздно наступит понедельник очень тяжелой недели для нас всех. Девел — хороший друг, но врагом будет ужасным.

— Поэтому ты наставил на него пистолет? — спросил Никас, тоже наблюдая за проводником.

— Да, — досадливо подтвердил Альфа. — Иначе нельзя. Никогда не знаешь, когда его потянет. Во мне пытаются ужиться сотни низших идей. А в нем борются две чрезвычайно сильные. Но одна — просто реликт. Анахронизм. Сидит в глухой защите. А вторая постоянно крепнет и наступает. Понимаешь?

Никас кивнул.

— Расскажи мне об Одиночестве.

Прима-образ поморщился. Медленно и неохотно он заговорил, делая паузы между фразами.

— Оно очень древнее. Как Девел. А старик тут почти с самого начала. И эта гадина была первым, что тот увидел, как только глаза свои мраморные протер. То есть, она еще постарше его. Оно не такое как мы или вы. Не материальное, но и не порождение страсти. Что-то среднее. Чуждое. Неизвестное. Главная опасность Одиночества в том, что оно делает человека более восприимчивым, незащитным перед негативом. Большинство страстей в нем становятся болезненными, угнетающими. Негатив растет в десятки раз быстрее.

Никас представил необозримые поляны черной плесени, которая ползет как стая кочевых муравьев, пучится, вздыбливается, захлестывает все на своем пути. И тысячи загнутых челюстей впиваются в чувства, вызывая уныние или гнев.

— И еще, — Альфа посмотрел на журналиста, словно сомневаясь, нужно ли говорить. — Сами наши темные собраты не виноваты в том, что они таковы. За них выбрали, понимаешь? Большинство из них даже не образы, не сущности, а просто жестокая страсть испытанная человеком. Безликая, бесформенная, но очень опасная. Я их, стрелять, не оправдываю, просто говорю, как есть. Их легко понять. А вот Одиночество... Непонятно разумно оно или нет. Намеренно оно поступает так, как поступает или нет. Все, что нам известно: рядом с ним даже самый светлый образ, самая добрая страсть, превращаются в кошмар. Короче, жопа, понял, да?

— Понял. Жопа. И что, его никак нельзя одолеть? Только сдерживать?

— А сам как думаешь? — хмыкнул Альфа. — Часто люди на твоей памяти говорили, что они одолели Одиночество?

Нет, подумал Никас. Где уж там. Оно действительно всегда рядом. Бывает, что все хорошо, ты на волне, деньги за статью уже пришли на счет. Люкс в пятизвездочном отеле твой еще на три дня. Девушка, которая в нем спит, твоя, пока ты не слинял. Ты доволен выполненной работой, стоишь на балконе, смотришь на океан, слушаешь прибой. Ш-ш-ш-р. Ш-ш-ш-р. У тебя все есть. Возможность самовыражаться, возможность любить, возможность прямо сейчас, полупьяным, безудержным, добежать до этого океана и задать ему, сукину сыну, трепку. Блавать брасом, назло его дерзким волнам, взбаламутить его сильными руками, вспенить могучими ногами. Всех крабов со дна поднять, чтобы они плавали как маленькие блюдца, растопырив в ужасе клешни.

Что б все тебя знали!

Что-то бесшумно, но весомо подходит сзади. Как большая кошка. Только это не кошка. А беспокойство. Кто тебя знает, Никас Аркас? Как человека, а не профессионала. Оля? Так ты ведь ей постоянно врал. Насчет всего. Где был. С кем был. Что при этом чувствовал. Постоянно скрывал свои мысли, страхи, травмы. Сочинял какие-то подробности из жизни, просто радуя внутреннего фантазера. Она знает какого-то другого Никаса Аркаса. С ним у тебя общего не больше, чем с той цацей, которая дрыхнет позади, в номере, на скомканных простынях, распластавшись как чудная жар-птица.

И горят красными пятнами засосы на прекрасной попе.

А у тебя в голове горит, как жало паяльника, одна простая мысль. Ты один. Один. Настоящих друзей у тебя никогда не было, на всех ты смотрел как на третий сорт, потому что сам всего добился. Сам поступил в университет, сам искал темы для статей, сам оттачивал слог, ночами напролет. Потом бродяжничал по белому свету с драным рюкзаком, писал обзоры на хостелы, ночлежки, картонные коробки. Где подешевле выпасться, да так еще, чтоб не сняли во сне последние драные кеды. Мелочи, секреты, хитрости. Одновременно с этим советы для домохозяек, просто для того, чтобы было веселее и задорнее бомжевать. *Сколько кабачков положить в овощные котлеты? Как сказать мужу, что ты хочешь второго ребенка? Сорок лет — приговор или начало?* Чистое творчество. Мастерское перевоплощение в женщину двадцати девяти и девяти лет, осчастливившую трех мужей, ведущую несколько личностных тренингов для золушек, потерявших в себе принцессу, а потому опытную, проницательную и, как мать четверых детей, добрую и терпеливую.

И подписываешься каждый раз: «ваша с головой, Марианна Ашбель».

Так-то, сукины дети.

Кóриє.

И ведь читали. Хвалили котлеты, благодарили за советы, мчались обновлять гардеробы на юбилей.

А потом тебя, наконец-то замечает ежемесячный журнал. Не из-за кабачков, конечно. Им нравится любовь к деталям, которую они видят в твоих обзорах. И стиль ничего такой, задорный, веселый...

И вот ты наверху. Спустя годы. Спустя тысячи неудобств, лишений и жертв. Ты буквально презираешь тех, кто вздыхает ступенями ниже, потому что только это сейчас и приносит удовольствие. После нищенского существования с матерью, которая не могла отпустить смерть отца. Насмешек преподавателей и одноклассников (куда лезешь выскочка?). Ограблений во время путешествий по значным районам. А как еще привлечь внимание к материалу? Только самое мерзкое, опасное и правдивое. Но, конечно, не без преувеличений. Все любят специи.

Но вот ты напрезирался вдоволь. Ощутил себя всемогущим. Нужным. Талантливым. Есть планы на вечер? Ты постоянно был настолько напряжен, подозрителен, недоверчив, что никому не дал узнать себя настоящего. Даже мать уже давно не знает тебя, ты слишком изменился, и не сказал ей об этом. Помогаешь ей деньгами, но приезжаешь раз в год. Вы молчаливо стоите у могилы отца, а потом, так же молчаливо едите ее фирменное клефтико. Точнее ешь ты, а мать сидит напротив, глядит на тебя, и все повторяет: ты так на него похож. Так похож. Вылитый Алексис.

Потом она начинает плакать.

Быть может, она никогда тебя и не знала. Ты просто был странным подарком от мужа, который она сохранила с благодарностью и обожанием. Но о котором никогда не просила.

Есть... Был еще Валентин. Но там было взаимоуважение. Никас знал, что тому тоже несладко пришлось на пути к признанию. Они ценили друг в друге упорство и профессионализм. И, как это ни странно, скрытность. Как два хитрых лиса, оценившие хитрость друг друга.

И это только его восприятие Одиночества.

— Пулей его не взять, — продолжал Альфа. — Даже серебряной. Можно соврать, что

победил его. Завел щенка. Или напился до беспамятства. Только и у щенка и у пьяного упоения есть срок годности.

Никас согласился про себя.

— А как Девел догадался, что нужно приносить в жертву материальных людей? — спросил он.

— Он через сны советовался с вашими магами. Шаманами. В общем, с одаренными людьми. И ты знаешь, семь бед — один ответ. Люди обожают вырезать друг другу сердца. Это понижает артериальное давление. И у палача и у жертвы.

Заметив выражение на лице Никаса, Альфа хохотнул:

— Да ладно, я просто тебя подкалываю. На самом деле, раз Одиночество что-то среднее между материей и страстью, его решено было бить одновременно силами двух сильнейших представителей наших реальностей. То есть Девелом, и каким-то великим воином из материальных. Бить договорились на нашем поле, потому что в материи пришлось бы для этого уничтожить всех людей до единого. Вариант был так себе, согласись. Поэтому, Девел и одаренные представители материи смогли, при помощи невероятного усилия воли и страсти, открыть проход между реальностями. Девел решился взять только самого сильного, так как не хотел, чтобы у нас тут носились орды материальных. Это могло непредсказуемо повлиять на Многомирье, разозлить многие сильные сущности, а так же подвергнуть смельчаков опасности стать одержимыми злой страстью.

Альфа перевел дух. Скурил сигаретку. Отпил немного из фляжки. Сделал сальто с места. С невероятной быстротой отжался на кулаках около сотни раз.

— Итак, — он глубоко вздохнул. — Будучи вдвоем, мстители настигли Одиночество. Начался долгий, изнуряющий бой. В конце концов, Девел ослаб и рассредоточился. Совсем ненадолго. А когда возродился, то увидел своего материального соратника и сразу все понял, хоть и не вспомнил. Тот приковал к себе извечного врага. По какой-то причине Одиночество не могло оставить человека и следовало за ним по пятам. Тогда решено было закрыть их в глубочайших катакомбах Интеллектуального, чтобы присутствие извечного врага ощущалось как можно меньше.

Прима-образ помолчал, собираясь с мыслями.

— Опытным путем выяснилось, что человек может терпеть такое соседство тридцать три года. В среднем. У нас тут время течет по-другому, и более свободолобиво, но Девел смог настроить внутренний будильник так, чтобы всегда забирать новую жертву вовремя. Иногда, конечно, случались накладки. Одиночество вырывалось раньше. Из-за этого в вашем мире безумие страстей доводило нации до вооруженных столкновений, геноцида, полного озверения. А потом все это появлялось здесь.

Никас остановился и схватился за голову.

— Что? — спросил Альфа.

— Ты что хочешь мне сказать? — спросил журналист еле сдерживаясь. — А? Что мне действительно придется умереть? Я не хочу, понимаешь?! Даже ради того, чтобы не было новой мировой войны!

— Понимаю, — кивнул образ. — Мне ведь тоже, знаешь ли, до звезды, будет она или нет. Проблема в том, что ты уже здесь и никак обратно не выберешься, если Девел этого не захочет. Так что пошли, прогуляемся. Стоять тут бесполезно.

Бесполезно, — повторил Никас про себя. Бесполезно. Что ж, мачо прав. Если все это наваждение, то, рано или поздно, я приду в себя. Нужно следить за тем, что происходит

вокруг. Возможно, мое больное сознание пытается что-то сказать мне. Кроме того, профессионал я, или нет? Пешие путешествия по незнакомым местам: разве не это моя жизнь? Разве не этого я хотел совсем недавно?

Он снова последовал за сущностями. Что-то еще не давало ему покоя. Ухваченная ранее реплика.

— Вы упоминали какую-то Максиме. Кто это?

— И зря упоминали! — крикнул прим. — Не бери в голову. Со временем узнаешь, но не от меня. Я не хочу об этом говорить.

Никас поворчал, но решил, что у него и так уже голова кружится. Нужно откусывать от этого пирога с неприятностями кусочки поменьше.

— Ты не думай, Девел не просто так тебя оставил, — сказал вдруг Альфа. — Он стрелять, ударил, когда смог. А за себя не бойся. Тебя они даже тронуть не смогут, потому что ты из Материи, понимаешь? Выдуманная пуля тебе не страшна.

— Ты в этом уверен? А почему ты крикнул мне лечь на пол?

— Потому что у меня, стрелять, не было времени объяснить тебе, как все работает. А работает оно так: если ты будешь думать, что идея пули может тебя ранить, то она действительно проделает в тебе дырку. Понимаешь? В Многомирье, ты — существо привилегированное.

— А как это происходит у вас? — спросил Никас. — Вы можете умереть?

— Рассредоточиться, — поправил Альфа. — Это как смерть, но на время. Неопределенное. Зависит от того, насколько часто о нас вспоминают. Сильные сущности возрождаются, но уже... Немного другими. Мы можем вообще ничего не помнить из того, что было раньше. Но нас необъяснимо тянет к знакомым местам или сущностям, с которыми мы водили дружбу. Слабые — медленно разлагаются, пока не станут нейтральными страстями.

— Колесо Сансары, — произнес Никас.

— Да, между прочим, вы это у нас подсмотрели, стрелять, — заулыбался Альфа. — А в целом, страшнее для нас даже не забвение, если вдруг все люди и образы забудут о нас, а разделение сущности...

После этих слов, будто только того и ожидая, из Альфы вдруг вырвался какой-то мрачный тип в ковбойской шляпе и рубашке навыпуск. От слабости он упал на асфальт, но тут же вздрогнул всем телом и принялся вырывать застрявшую в Альфе ногу.

— Клейтон! — воскликнул тот. — А ну назад, сучий сын! Дохловат ты для самостоятельного существования!

— Ты оступись, Альфа! — дерзко рявкнул Клейтон. — Теперь я сам по себе! Отпусти меня!

Он принялся вырываться с утроенной силой, загребая пальцами снег. Никас в это время предусмотрительно принял позу человека, увидевшего, как его кошка потрошит пойманного щегла.

Между двумя образами, тем временем, началась потасовка. Они мутузили друг друга с потрясающей зрелищностью. Если бы их не связывала своеобразная пуповина, роль которой играла правая нога Клейтона, бой можно было бы назвать красивым.

— Альфа, тебе помочь? — осведомился Никас, осторожно перемещаясь по периметру битвы.

Девел не остановившись, даже не обернувшись, брел дальше.

— Не лезь, — пропыхтел Альфа. — Это только между мной и...

В этот момент Клейтон удачно извернулся и ударил прима локтем по зубам. Потом ловко заломил ему руку и смог вырваться окончательно. Тяжело дыша, он оттолкнул Альфу и поднялся на ноги, пробежав на карачках.

— Нет! — взвыл Альфа. — Я не дам тебе уйти! Не заставляй меня, Клейтон!

Тот бежал по дороге вперед, то ли пытаясь исчезнуть, то ли просто искажаясь от слабости. Альфа выхватил пистолет.

— Эй, ты чего это удумал? — возмутился Никас. — Не доставайся же ты никому, так что ли?

— Не вмешивайся, материальная сволочь! — мушка замерла.

Материальная сволочь вмешалась. Никас пнул по руке Альфы, но промахнулся: тот убрал руку и выстрелил в воздух. Потом еще раз. Злобно зашвырнул оружие в космос и грязно выругался.

— Да что ты понимаешь? — прохрипел он злобно. — Ты жертва! Какого черта ты задаешь вопросы, да еще и вмешиваешься в наши дела? В мире страстей царит закон джунглей. Сильный поглощает слабого. Страсти питают сущностей, сущности — корм для прима-образов. В этой священной пирамиде нет места ложному гуманизму. Он неуместен и вреден! Ты хоть понимаешь, что теперь начнется? Они все, стрелять, начнут ломиться наружу. Я дал сбегать одному, а все остальные решат, что я расклеился!

— А разве нет? — спросил Никас. — Пока все, кого я здесь встречаю, сами напоминают жертв.

— Ты слишком много, стрелять, себе позволяешь, — рассвирепел Альфа.

Он оказался вплотную к Никасу. Тот вдруг понял, что обидел дистиллят крутости и эссенцию непобедимости, но виду не подал. Лишь позволил нескольким мурашкам выступить за ушами.

— По сравнению с теми молчаливыми агнцами, к которым вы привыкли, возможно, — он невозмутимо глядел в зеркальные стекляшки, под которыми, наверняка, желтели глаза убийцы. — Но я — необычная жертва. И не буду безропотно наблюдать за тем, что происходит вокруг меня.

Альфа долго сверлил его невидимым взглядом. Никас стиснул зубы, ожидая если не удара, то, по меньшей мере, тычок. Но альфа вдруг нагло осклабился и похлопал по плечу.

— Мне нравится твоя позиция, — сказал он, с ноткой одобрения в голосе. — Но ты не понимаешь, как устроены прима-образы. Мы — большая колония с коллективным разумом. Что бывает с большой человеческой колонией, когда в ней слабеет власть? Революция, восстание, переворот. Я не раз уже оказывался в подобной ситуации. Но сейчас не время, парень. Понимаешь? Примам нельзя сдавать позиции, когда негатив что-то затевает.

— Ладно, я признаю, что полез не в свое дело, — ответил Никас, внутренне поражаясь своему вызывающему хладнокровию. — Я буду осторожнее.

Альфа ткнул его кулаком в плечо, и неповторимо, словно тысяча одинаковых персонажей, посмеялся.

— Ты ничего, Никас — сказал он. — В тебе есть грамм двести чего-то такого. Может, ты еще натворишь дел. Пойдем. Девел опасно отдалился. Нагоним его.

В холодном доме, обжитом пустотой и пылью, громко тикали часы. Часы, отсчитывающие время с момента неизвестного, никем не замеченного. Металлические удары, которые становились то оглушительными, то едва слышными, никогда не прекращались. Могли быть быстрыми как дробь, а то медленными, как сердцебиение зимующей лягушки.

Не было места в доме, где удалось бы укрыться от этого тиканья. Оно бродило как призрак, проверяя каждый угол, заглядывая в мельчайшую щель. Оно искало слушателя. Своего единственного слушателя.

Максима поднялась со своего темного трона, — офисного стула с обломанными подлокотниками. Тихо шуршали экраны, мерцающие на стенах комнаты. По полу, влекомый неощутимым сквозняком, метался один единственный пожелтевший тополиный лист. С потолка, оклеенного пустыми засвеченными фотоснимками, навевая тоску, тускло светила лампочка без абажура. Ее безуспешно, с механичностью часов, таранил седой мотылек.

Максима подошла к окну. Она выглянула наружу, схватившись за решетки длинными смуглыми пальцами. Для этого пришлось встать на цыпочки.

Дом запутался в голых ветвях дряхлого дуба, застывшего посреди скалистого вулканического горба. Кругом, насколько хватало взгляда, лежали во тьме бетонные равнины, заставленные вышками электропередачи. За ними проваливался вниз горизонт. Крохотная планета дрейфовала в космосе, не приближаясь к звездам.

Снаружи подул ледяной ветер. Дом закрипел высохшей скорлупой, ему вторили серые от старости сучья. Часы мгновенно взбесились. Они принялись лязгать, как заводские молоты, чтобы заглушить посторонние звуки. Максима отошла от окна и схватилась за голову. Когда она уходила слишком далеко от своего дома, часы начинали громыхать с тяжестью сталкивающихся континентов. Чем дальше, тем громче. Тиканье никогда не прекращалось. К нему невозможно было привыкнуть.

Проклятый Девел. Он притащил эти часы. И приказал им мучить Максиму, чтобы удержать на месте. Настроил их так, чтобы они всегда звали ослушницу назад, не давая уходить от дома слишком далеко. Они были неразрушимы. Пока что.

Из комнаты наружу вело несколько дверей. Прижавшись к ним щекой, можно было услышать гомон множества людей. Однако за ними всегда оказывались пустые подъезды и затхлые коридоры. Держась за голову, Максима использовала вторую дверь справа, чтобы попасть в крохотную прихожую, где на длинной вешалке с двенадцатью крючками, висели потертые плащи. Это было самое угрюмое место в доме. Пол был каменным, влажным, по нему осторожно шмыгали серые пятна. С потолка капало, тьма сонно шевелилась в углах. Оплывшие свечи шипели как змеи, ютясь где попало. Сверху спускалась неровная лестница с покосившимися ступенями. Там был чердак, занятый тошнотворным страхом.

Великий и ужасный Пророк негативных страстей отворила тяжеленную железную дверь. Снаружи было морозно. Максима спустилась вниз по лестнице, прибитой к стволу дерева, и ступила на шершавую вулканическую породу. Часы все время окликали ее. Громче и громче. В неумолимом «тик» и неизбывном «так», слышалась ревность, злоба и садизм.

Максима вышла на бетонную равнину. Лес металлических башен искрил наверху. Под ногами лежала асфальтовая дорога, припорошенная снегом. Она вела к Интеллектуальному.

Месту, которое Максиме ненавидела даже сильнее тиканья. Там ее хладнокровно скормили Одиночеством, не зная, к чему это приведет в итоге. Позитив не верил, что его могут призвать к ответу. Не предполагал, что правосудие может обернуться против него. Ведь быть извечно правыми, это привилегия светлых существ.

Но Девел был не прав, когда воспользовался ее отчаяньем. Он был не прав, когда не сказал ей, насколько это будет болезненно. Хотя, будем справедливы в ответ: передать такое на словах невозможно.

Все знакомы с Одиночеством. Боги разбивали себя вдребезги, чтобы вечная жизнь не превратилась в вечное заключение внутри себя. А ведь они могли добиться взаимности от целых народов. Их любили и почитали, как того же Девела, но холодные пальцы, стоящего позади монстра, всегда стискивали плечо. Вопли тысяч молитв, не могли заглушить шепот покалывающий затылок. Что тогда говорить о маленьких теплых скорлупках, называемых людьми?

Максиме была знакома с Любовью. Они часто беседовали где-нибудь на нейтральной территории о том, как их существа связаны друг с другом. Любовь говорила о том, что достаточно ее одной, чтобы прогнать большую часть Одиночества. Максиме не спорила. Ей достаточно было обратить внимание на формулировку. «Большая часть» А что делать с оставшейся? Что делать с признаками десинхронизации? Ссорами? Насилием? Расхождением интересов? Изменами?

— *Оно становится только сильнее после этих недолгих катарсисов.*

Любовь это не интересовало. Главное, говорило она, это расцвет, первые, изумительные порывы. Ради них и затевается вся эта беспокойная возня. А потом наступает привыкание. Это неизбежно, — признавала Любовь.

— *Даже во время своей ложной эйфории, они не забывают. Сколько унижительных вопросов и подозрений, опасений, недоверия. Ты любишь меня? Сильно? А как сильно? Это похоже на трагедии случайных чисел.*

— *Я знаю, что ты хочешь сказать, — томно шептала Любовь на ухо Максиме. — Единственное лекарство от него, это полная гармония страстей. Но это случается так редко. Невыносимо, оскорбительно редко! Тебя послушать, так люди должны большую часть жизни проводить за тщательным анализом себе подобных, чтобы выяснить, кто подходит им согласно какому-то несуществующему уравнению.*

— *Я вовсе не это хочу сказать. Я хочу сказать, что от него нет спасения. У меня нет спасения. Есть только один шанс. Один шанс, против тьмы неудач.*

Дорога вскоре привела Максиме в другой виток воображения. Посреди белого песка, белых костей и белого сияния, остановилось она возле разбитого корабля, наполовину проглоченного барханом. Вскрабкалась на него и принялась ждать. Оглушающая жара плавил воздух: громоподобное тиканье взбалтывала ее как цемент. Солнце, застывшее на выцветшем небе, едва заметно мигало.

— Я слышу. Слышу.

Из-за бархана показалась Жесткость. Грузно ступая, она избавлялась от ненужных пластин, пока не стала тонкой яростной фигурой, открытой раной на фоне пустыни.

Максиме наблюдала за тем, как белое становится черным, бурым и кроваво-красным. Армия негативных существ наступала со всех сторон, поднимая самумы. Они пришли сюда услышать слово Пророка Объединения. Они всегда приходили, стоило Максиме покинуть свою уединённую планету.

— Он привел жертву, — сказала Жестокость.

Максима улыбнулась.

— Понятно. Неужели прошло уже тридцать лет? Хорошо, что мы здесь не стареем. А что сам Девел?

— Скоро он будет ваш.

Монотонный гул нарастал вокруг, это роились злобные замыслы. Они жужжали как трупные мухи, засты сияние белого солнца. Песок взмок и разбух от кровавой слизи. Максима глядела на сливающиеся ряды своей армии. Жуткое, изощренное зло полностью покрыло бесконечные барханы. Рев становился оглушающим, тиканье рассекало его. Образы-гиганты шагали вперед по остановившемуся войску, давя и проглатывая меньших. То и дело вспыхивала грызня и яростные бурления за право оказаться ближе к Пророку. Накапливающаяся энергия рыжими молниями била в небо, заплывающее мелкими страстями. Столпы света истончались и дробились, сумрак расползлся как холодная влага.

Это происходило долго, настолько велика была масса негатива. Максима ждала, хотя часы звали ее.

Силы, которая скопилась в этой погибающей реальности, хватило бы для того чтобы выжечь, разрушить сознания миллионов людей. Но условные числа не интересовали Максиму.

Когда время пришло и вокруг корабля не осталось белого песка, пророк сказала:

— Замолчите.

Почти однородная масса, раздираемая взрывами негатива, полыхающая километровыми разрядами зла, замерла. Ее обезличенный вой, стенания, вопли и угрозы, злорадный смех и звериный рев, затихли, всосались обратно в черный океан.

Максима ловко вскарабкалась на мачту. Рука Одиночества помогала ей двигаться со скоростью ящерицы. Держась за верхушку, пророк отклонилась вбок и негромко заговорила:

— Я приняла решение. Мы уничтожим Многомирье.

Тьма согласно взвыла.

— Я бродила по нему достаточно долго, — продолжала Максима. — Так долго, что мне успели привести замену. И могу сказать точно, другого выхода у нас нет. Никак иначе не закончить войну, которую начали люди. Окрасив вас в темные цвета, они обрекли на страдание бесчисленное множество существ. Вы, называемый злом, гонимые, порицаемые, какой был у вас выбор? Человек взял у Многомирья чистую энергию страсти и осквернил ее ненавистью, жадностью, бессердечием. Он вернул вас сюда, под презрительные взгляды позитива и сказал: будьте вы прокляты.

Тьма бесновалась, разделяя эти слова.

— Но теперь довольно. Я обладаю силой, которая разобьет цепи вашего старшего брата. Сильнейшую негативную сущность. Он поможет нам пройтись по всему Многомирью в очистительном походе. Ошибка, допущенная давным-давно, будет исправлена. Материи и Многомирью нельзя было встречаться. Мы уничтожим связь между нашими реальностями и вернемся к спокойному существованию. Ваш дом со временем снова станет круговоротом нейтральной энергии, а наш — перестанет страдать от страстей.

— Да, — ревел темный океан. — Да, Пророк! Говори так!

— Я обладаю силой, — повторила Максима. — А враги наши, наоборот, слабеют. Скоро Девел, лицемер, шут, служанка светлых сил, обратится в Террор. Он уже на грани. Негативная половина его сущности знает о моих планах и поддерживает их. Террор поможет

мне избавиться от часов, и я вольна буду дойти с вами до самого конца. До нашего общего спасения!

— Сделай нас единым, Пророк! Сделай нас единым!

Максима еще долго говорила, объясняя, как именно будет захвачено Многомирье. Время шло. Так же долго необозримая армия покидала оскверненную реальность. Пустыня превратилась в гниющее болото, источающее смрад и миазмы болезней. Солнце потускнело и покрылось бурными пятнами. Небо растрескалось и осыпалось.

Жестокость ушла, чтобы вести свою часть негатива на ничего не подозревающие миры. Пророк сидела на корме и ждала. Она чувствовала опустошенность и старую боль, возвращающуюся на свое привычное место: в ороговевшую рану-колодец на груди, все еще кровоточащую и чувствительную. Одиночество не терпело пренебрежительного отношения. Стоило Максима отвлечься, боль пряталась и ждала. Она злилась и копила силы. А потом выползала обратно, словно щупальца из-под камней.

Осколки неба шумно разбрызгивали густеющую жижу. Она бурлила, шипя и испаряясь.

Через некоторое время к Максима явился последний гость. Гостья.

— Какой чудесный здесь пейзаж!

— Да. Здравствуй, Ложь.

* * *

Миссионер и его проводники остановились там, где Путь перешел из асфальта в грунтовую дорогу. По бокам от нее высились гигантские освежители воздуха в форме елок. Свернутые из газет и журналов березы. Согнувшиеся под собственным весом салфеточные клены. Это был лес, уходящий куда-то в другой мир. Тихий и неприветливый. В нем росли уродливые искусственные подсолнухи, множество парафиновых грибов и ярко цветущих табличек с надписями: «дайте лесу шанс!», «переработка, не уничтожение!», «люди — часть природы», «пожалуйста, найдите компромисс!».

Еще здесь бродили освежёванные звери. Куницы без шкур, нагие соболи, раздетые ласки. Кролики, норки, медведи, волки, олени, и даже ежи. По одному, реже по двое, они, тощие, больные и невероятно изможденные, подходили к деревьям и начинали лепить на них свежие обрывки журналов, исписанные листы, бланки, рекламные афиши. Многих не было видно из-под мешков, наполненных тысячами мелких листовок с рекламой паршивой бижутерии. Наблюдая за ними, Никас понял, что звери пытаются восстановить из бумаги деревья. Они облизывали листки, жевали их и клеили к давно начатым стволам из папье-маше.

Атмосфера была сухая и безнадежная, давно осевшая на картонные деревья, погасшая среди оплывающих грибов. Альфа нехотя объяснил, что это злобно-ироничная концепция угнетенной природы.

— Это гротеск, — мрачно сказал он. — Но каждый гротеск, в свою очередь, просто преувеличенная правда.

Под одной из целлюлозных елок герой предложил разбить лагерь. Девелу было все равно. Он скрылся за освежителями воздуха. Вскоре к обочине, занятой путешественниками, подкатил фургон срочной доставки. Из него в Никаса швырнули тюком со спальным мешком.

У Альфы все было свое. Неистошшая серебряная фляга с черепами, из которой он выкачивал гектолитры неопознанной сивухи. Это все, что на первый взгляд, нужно было прима-образу для сохранения концептуальной стабильности.

Вместе с неприятно изменившимся бородатым Альфой, Никас набрал охалку пестрого глянца и развел костер. Человек глядел, как вокруг огня собираются озябшие звери, и слушал, как его телохранитель урчит горлышком фляги.

— Ну, так как же тебя угораздило получить билет в один конец? — спросил Альфа, на минуту уголив жажду. — По-моему у меня есть шанс посмеяться от души. А, Никас?

— Я просто оказался не в том месте и не в то время.

— Знакомая ситуация. Одна из платиновых схем любой истории. Ничего постыдного в ней нет. Ты знаешь Темную Иронию?

— Думаю...

— Не важно. Просто знай, что она существует. Они с Девелом близко знакомы. Имеют множество... Точек соприкосновения. Она настолько сильна, что часто вмешивается в дела Материи. Не думай, что игра всегда идет в одни ворота. Наши реальности толкают друг друга постоянно.

— То есть, она могла быть виновата в том, что я здесь очутился?

Альфа пьяно замычал.

— Виновата? Или **благодаря** Темной Иронии ты здесь очутился? Не знаю. Она никогда и никого не посвящала в свои планы.

Они помолчали.

— Наверное, здорово быть воплощением неординарности? — спросил Никас, что бы хоть что-то сказать.

Альфа побледнел. Потом оскалился. И не произнес ни слова. Только выщелкнул из подмышки новую сигарету и угрюмо закурил, сооружая из дыма удивительные сцены.

Никас решил больше не болтать.

— А кем ты был в Материи? — вдруг спросил прим.

Это был неожиданный вопрос, но человек не стал мяться и раздумывать.

— Да уж, был, это точно. Я работал журналистом.

— Писульки? — с вызовом уточнил Альфа.

— Да. Еще фотографии.

Следующий вопрос был еще более неожиданным.

— А ты когда-нибудь входил в дверной проем?

Никас нахмурился и приоткрыл рот, но Альфа быстро его перебил:

— Не торопись отвечать. Я-то знаю, что да. Да! Нихрена тебе меня не понять! Да, ты выходил. Спокойно, расслабленно, входил и выходил. Но это все херня. Самое главное — процесс. Переход из одной точки в другую. Медленный, плавный, никем, стрелять, не спровоцированный. Только твой. Переход. Озвездительно кайфовый.

Журналист посмотрел на него как на идиота.

— Ты думаешь, я порю чушь, да? — спросил пронцательный Альфа. — Ладно, хрен с тобой, забудь, что я сказал.

Никас пожал плечами и не стал требовать разъяснений. Однако когда прим порядком надрался, Аркас услышал всхлипывания. Мрачный мастер стали и пороха ныл в бороду. Тут-то он разговорился снова.

— Все думают, что это так просто, — бормотал Альфа. — Берешь, значит, и... Я

защитник Многомирья. Я, стрелять, непобедимая сущность. В моей природе непоколебимая стойкость и уверенность. Но я ни в чем не уверен!.. Я повторяющаяся неповторимость. Пародия на пародию, на пародию, на пародию... Как может быть существо, без своего угла, хоть в чем-то быть уверено? Я обречен на постоянные скитания! Это... Берешь, значит, и не даешь накалу крутости упасть! Ты знаешь, Никас, как это сложно? Постоянно выпрыгивать в окно? Или, в лучшем случае, выбивать дверь ногой. Влетать в нее плечом. Или получив по зубам. Убегая от кого-то или кого-то преследуя. Я хочу хоть раз выйти в дверь. Я пытаюсь сказать... Ну они ведь для этого и сделаны, что бы в них выходили. Это вроде фигня, но в этой... Я долго думал и я уверен: в этой мелочи сосредоточена вся безысходность моего положения.

Образ сгорбился и замолчал, обрюзгнув как скисший бродяга.

— Не смотри на меня так!

Никас нерешительно оглянулся назад, но Девела не было видно. Он засел где-то в благоухающей чащобе.

— Ты думаешь, я тряпка?! Я тебя насквозь вижу!

— Нет, нет, — серьезно ответил журналист. — Мужские слезы — признак здорового отношения к себе. Нельзя все держать в себе. Говорят, это провоцирует инсульты.

Альфа закрыл лицо руками.

— Мне ведь нельзя... — прошептал он.

— Может тебе уже хватит? — спросил Никас ненавязчиво. — Вдруг Девел...

— Мне запрещено выражать свои чувства, — продолжал Альфа, не обращая внимания. — Это сейчас я ною. Знаешь, почему? Потому что Клейтон, стрелять, сбежал. И прихватил с собой несколько образов. Несколько десятков образов. Может быть сотен. Я точно не знаю. Пускай Многомирье сейчас тормозит его. Если кому-нибудь из людей придет в голову помечтать о таком как я, то вот... Вот... Вот оно — Клейтон к вашим услугам, дамы и господа.

Альфа дернулся как укушенный.

— Никас, — шепнул он. — Иди сюда. Между нами Никас.

И подскочил сам, чуть не завалившись на бок. Жесткая борода коснулась плеча. Пахнуло алкогольным духом.

— Между нами Никас...

— Э-э-э.

— ...есть понимание. Ты нормальный парень. Видел бы ты этих. Как ты сказал, агнцев? Ага, точно. Слова от них, стрелять, не добьешься. Так вот Никас, между нами: мы все рабы Многомирья. Людям нужны только наши лучшие качества. Только то, что лежит на поверхности. А если Многомирье что-то не устраивает, оно шлет нас ко всем хорошим! Многие думают, что негатив на самом деле просто хочет, чтобы все это закончилось. Разрушить связь с материей. И даже я. Только тихо!

— Я понимаю, — заверил его Аркас.

— Между нами. Только между нами.

Повторяя это, Альфа задом, как рак-отшельник пятился от Никаса на четвереньках. Из разбившегося звездолета, что лежал неподалеку, за этой сценой наблюдал унылый синелиций гуманоид. Когда Альфа начал отдирать от его собственности лист серебристого металла, неудачливый пилот что-то залопотал. Прима-образ это не остановило. Он раскурочил крыло машины и лег спать, накрывшись тем, что удалось оторвать.

И захрапел. Как дизель.

Борода Альфы отросла еще больше, в ней появились гильзы и колючая проволока. Из носа торчала тлеющая сигарета. Спал он с открытыми глазами и кинжалом в зубах. Время от времени начиная что-то рычать, скрежеща клыками по булатной стали. В такие моменты из прима-образа несмело пытались вырваться меньшие сущности.

Сама потребность во сне после излияний ему была передана от Оригинального образа человека обыкновенного, хотя сам Альфа заявил, что в нем течет причинно-следственная кровь оригинальных идей цикличности. Никас ему не верил. Особенно сейчас. Кино- и книжные герои столько не спали. Обычно им хватало несколько минут.

Аркас заворочался. Хотя спать было тоже не обязательно, журналист чувствовал необходимость на время отвлечься от происходящего.

Гремящая носоглотка Альфы окончательно убедила его в том, что романтическая сторона остросюжетного рыцарства сильно приукрашена. Созданный самыми претенциозными, вылизанными и моноскопическими представлениями людей о хромовой крутости, Альфа оказался в непростом положении. Закон концентрации потянул его в другую сторону с силой многих оборотных сторон крутости. Ведь концентрация руководствовалась не только мнением творца, но и формальной логикой.

Никому дела нет до того, как должен пахнуть персонаж все свое свободное время проводящий под тупым углом к бутылке. Свободное время от стрельбы по подвижным целям, секса в полевых условиях и избегания наполненных ванн. Насквозь пропитанный табаком.

Никас Аркас вам ответит, как: очень плохо.

Кроме того, у половины сожранных Альфой образов было сложное детство, страшные предчувствия, брошенные родственники и как минимум одна трагедия с невинно убиенным.

Удивительно, но журналист заметил все это (даже запах) отнюдь не сразу. Очарование Альфы некоторое время действовало на него. Однако после первых же бесноватых воплей про какие-то невыполненные обещания и несчастную Люси, Никас начал понимать, что ему придется столкнуться с тем, что никто до него не видел. Результатом плохой инженерии популярных идей.

Аркас лежал в полудреме, чувствуя присутствие Девела. Он был словно работающий без звука телевизор. Едва слышно шуршали лысые косули, разматывающие на очередное лжедерево рулон подмокших бумажных полотенец.

Если негатив по своей сути жертва и чернота его — только атрибут, ярлык навешанный людьми, то где взять мотивацию сражаться с ним? — думал Никас. Вот странно. Он никогда не задумывался о том, что все плохое — считается таковым только с точки зрения людей. С точки зрения страстей — это просто еще одно их состояние. Мы навязываем им гражданскую войну. И они отвечают нам тем же. Нейтральные страсти попадают к нам в сознание уже с примесью негатива. Реже позитива. Это, если я правильно все понял. Проводники мои действительно не сильны в лекциях. Да и как им объяснять, если для них это все на уровне инстинктов, элементарных вещей. Как будет человек объяснять, почему смотрит на закат и чувствует умиротворение?

Для нас же все еще проще, что вовсе не странно для мешков стабильного, предсказуемого мяса. Добро и зло, это просто два режима: боль есть, боли нет. И вот из-за этого животного нежелания чувствовать боль, мы огораживаем себя армией негатива, который символизирует какие-то состояния, когда нам больно и помогает избежать этого.

Например, мы знаем, что жестокость — это плохо. Она ведет к насилию. К боли. В то же время, если б мы не испытывали страстей, жестокость была бы просто манерой поведения, вполне разумной, так как помогала бы проявляющему жестокость самому не становится жертвой.

Без страстей, мы бы стали практичными, хладнокровными машинами. Однако, стало бы нам от этого лучше? И стало бы лучше страстям без их индивидуальности, подаренной людьми?

Наверное, это и есть самый главный вопрос, и сам я на него не отвечаю.

Никас, вроде бы, начал засыпать, но...

— Вернись. Я ли тебя не любил. Клейтон.

Журналист проснулся окончательно.

— Я — лярва, — произнесла Френ, погладив его по голове, — но если спросить меня, то лучше бы нам вернуться домой, любимый.

Она залезла в мешок, прижавшись как верная жена.

— Знать бы как, — откликнулся Никас. — И вообще, стоит ли?

— О чем это ты говоришь?

— А куда мне, стрелять, возвращаться? Работу я потерял, друзей распугал. Все меня считали тронутым, относились как к раненой кобыле. Я, может быть, и нашел бы работу. Но такую, что нам бы пришлось съехать с квартиры. И найти комнату.

Френ фыркнула.

— Знаешь, — сказала она со вздохом. — Все было бы гораздо проще, если б ты никогда не выходил с балкона.

Аркасу эта мысль показалась необычной, но он ничего не сказал.

Они занялись сексом, от которого у Аркаса одновременно расслаблялись все мышцы, и начинала болеть голова. Теперь-то он точно знал, что делает совсем не то, что должно происходить между мужчиной и женщиной. Это было настолько же противоестественно, сколь необъяснимо. Он входил не в женское лоно, а какую-то сосущую пасть, которая тянула и тянула жизненные силы. Он никогда не видел Френ полностью обнаженной. И не хотел.

Затем они лежали, выдохшиеся, не счастливые, но спокойные.

— Как же он храпит! — воскликнула Френ, имея в виду, конечно, Альфу. — Надо дать ему по носу.

Никас ничего не имел против такого поворота, но Альфа, как истинный сорвиголова почувствовал опасность и завернулся в свое сверхпрочное одеяло с головой. Его храп приглушила образовавшаяся труба. Никас поглядел на этот непростой фокус, приподнявшись на локте, а потом тоскливо зевнул, и тоже убрался в спальный мешок.

Засыпая, он глядел на синелицого инопланетянина. Тот беспомощно обретался в своей закупоренной кабине, коротая бесконечность за протиркой панели управления. Никасу хотелось помочь ему, но Альфа сразу предупредил, что так он уничтожит беднягу. Отвратит природу. Некоторые образы должны сохранять статичность, потому что так решил их создатель...

— Создатель, не обижай идеи, — пробормотал Никас, задремывая как сова. — Ай!

Что-то цапнуло его прямо сквозь мешок, и теперь летало рядом, басовито жужжа. Это была большая сущность мухи, со шпорами на лапках и хоботком похожим на зубастый сифон. Френ сразу же прогнала ее, но Никас понял, что поспать ему не удастся. Его снова захватило ностальгическое беспокойство и желание что-нибудь сделать.

Что-нибудь.

Скорее всего, в дальнейших событиях свою роль сполна отыграл тот факт, что Никас был укушен той самой Мухой, которая толкает людей на странные поступки.

Моргая отеками веками, Никас сидел у костра и глядел в пустоту, муслируя слабую надежду на то, что, быть может, ему удастся представить свою дверь в мельчайших подробностях. Он старался выскрести из памяти все детали, вплоть до мельчайших. Аркас испытал истинное удовольствие, когда сумел припомнить, что на ней была царапина от ножки неустановленного предмета мебели, который волокли в соседнюю квартиру. Очевидно, это было что-то с острозаточенными ножками.

Но даже это воспоминание оказалось бесполезным. Дверь не появлялась.

Из чащи доносился голос Девела. Он с кем-то негромко беседовал. Никаса это на минуту заинтересовало. Потом он начал злиться на крупную дрожь, которая трясла его за плечи, и позабыл обо всем на свете. Аркас чувствовал себя рекрутом, только что и навсегда уставшим от армии. В продуваемом сквозняками космосе опять происходили какие-то катаклизмы, и журналисту то и дело приходилось закрываться локтем от вспышек сверхновых. Из далекой, крайне далекой галактики постоянно слышались комариные пiski лазеров и взрывы. В довершение всего, пошел метеоритный дождь. Никас накрылся расстегнутым спальным мешком, чтобы его не намочило расплавленной породой, и приютил на коленях Френ.

Вместо, собственно, метеоритов, падали крохотные звездочки. Хрустально позвякивая, они бились в настил пластмассовой хвои и распугивали безволосых шиншилл.

Журналист услышал жалобный писк. Он искал глазами какого-нибудь поранившегося ежа, но с беспокойством понял, что это стонет инопланетянин. Он безвольно рыдал в своей кабине, скользя пальцами по стеклу.

Никас, сострадая несчастному узнику, следил за ним, пока кабина не запотела изнутри.

— Ну, хватит, — сказал он сам себе. — Мало ли что там думал его автор. Это же садизм. Надо выпустить беднягу. Хуже ему точно не будет.

Он сказал это достаточно громко, чтобы слова могли быть случайно услышаны. Но Альфа продолжал рычать и всхлипывать, перемежая невнятные откровения с невнятными же обещаниями. Девел смолк. Никас попытался высмотреть его в чаще, но разглядел только какую-то угрожающе темную фигуру, которая медленно шевелилась в редких просветах.

Он заметил, что животные исчезли, побросав охапки бумаги. Лес омрачился еще больше. Огонь погас, подсолнухи сникли, цветы съежились.

— Не нравится мне это, — поделилась Френ, вцепившись ногтями в колени Никаса. — Может нам просто посидеть, пока этот дурак не проснется?

— Глупости, — возразил журналист не так уверенно, как ему хотелось бы. — Я здесь не пленник, делаю, что хочу. Точнее, то, что считаю нужным.

Он встал и пошел к звездолету.

— Я здесь посол мира Материи и несу на себе величайшую ответственность за моральный облик нашей реальности...

— Вот именно, — буркнула лярва. — Может не надо ничего трогать?

— Ушам своим не верю, — откликнулся Никас. — И кто это говорит? Как насчет моих колес, Френ?! Как насчет моих чертовых колес?!

— Это совсем-совсем другое! Все что мне нужно было сделать, это залезть под кресло и подождать, пока ты остынешь! Откуда нам знать, что случится, если мы его выпустим?

Для Никаса это был очень неловкий момент. Тот самый момент, когда энергетическая пиявка проявляет больше благоразумия, чем ты. Но его словно что-то толкало в спину. Маленькое «а что, если», вдруг превратилось в решительно настроенное «я должен это увидеть!».

Скользя подошвами лакированных ботинок, он взобрался на крыло звездолета и приставными шагами подобрался к кабине. Через запотевшее стекло ничего не было видно. Писк не прекращался.

— Не бойся, — сказал Никас. — Сейчас я освобожу тебя!

За его спиной зрело темное зерно какой-то чудовищной силы. Никас ничего не замечал. Одержимый своим благородным порывом, он занес над головой кирпич, которого никогда не было.

Стекло лопнуло как мыльный пузырь. Осколки сеялись тающими брызгами. Журналист непроизвольно отшатнулся и соскользнул вниз, упав на спину.

Он почувствовал, как под ним вздрогнула земля. И снова. Ударная волна высвободившейся энергии придавила его к земле. Бумажные деревья вспыхнули, мгновенно облетая пеплом. Чаща взревела, и в небо взметнулись струи кипящей эссенции. Они застывали, падая вниз, и новые взрывы пепла закружились над лесом.

Никас, совершенно дезориентированный, запомнил происходящее плохо смонтированными кадрами. Вот он видит, как звездолёт начинает ржаветь и гнить, пилот пытается выбраться из него, скребя пальцами по рыжим шелушащимся чешуям. Потом тяжелый период темноты и снова картина: черное безобразное существо, с глубокими желтыми глазами, держит в зубах испаряющегося пилота. Смотрит на Никаса, своими студенистыми зенками: они шире горизонта и ведут гораздо дальше.

Никаса снова придушила тьма.

Пещера. Пещера заполняется снегом. Солнце забывает о ней. Сломанные ногти оставляют кровавые полосы. Она — ниже уровня мира. Она — иное измерение. Крохотное. В нем живет один человек.

Я вижу тебя Никас Аркас. Не тебе сражаться со мной. Ты — мой верный последователь. В назначенный час, ты станешь героем моей армии. Поведешь измученное воинство на слом Многомирья. С тобой, мы станем непобедимы. Покой каждому.

Это был голос из тьмы. Голос не зловещий, усталый.

Не слушай ее Никас. Покой — это смерть. Все чего она желает, это гибель индивидуальности. Борись, человек! В одном Максиме права. Час, когда тебе придется драться, придет.

Девел.

— Дай мне руку.

Аркас погрузил в темноту пальцы...

Его рвануло куда-то вверх как неосторожную рыбу. Альфа отвесил журналисту волшебную пощечину и швырнул вперед.

— Беги! — крикнул он. — Беги, и помни, что никто не сможет тебе навредить. Никто и ничто! Я следом, не бойся!

Пепельные метели кружили над исчезающим лесом. Образ тянулся в небо. Его огромная фигура закрывала мироздание. Глаза набухали на кипящем теле. Бабочка хаоса металась там, где еще сохранялись черты Девела. Мраморное лицо захлебывалось, в волнах прибывающего чудовища. Циклоны и шторма били в козлиных рогах. Стаи черных тварей вылетали из пор,

зияющих между ребер.

Гасли звезды.

Террор пришел.

* * *

Никас бежал, не разбирая дороги. Кусты из разодранных обоев бросались ему под ноги, журналист путался в гляцевых лианах и ломал узловатые переплетения форзацной бумаги. Наконец он выбился из сил и рухнул на хрупкий подлесок из волокнистых салфеток.

— Френ!

Он сжимал ее ладонь, пожалуй, слишком сильно.

— Ты в порядке?

Аркас оглянулся и увидел оторванную руку с частью плеча. Влажно поблескивала розовая кость.

— О, господи... Неужели опять?

Страх возвышался над ним как Эверест. Он вырывал огромные куски реальности цепкими когтями, содрогаясь от вырывающейся энергии.

— Встать, рядовой! Вставайте мистер Аркас, или ждете, что враг полюбит вас и таким?!

Никаса потащили за шкурку, как реквизит. Он выбросил конечность лярвы, вырвался и тоже побежал, вслед за образом. Альфа был в боевом шлеме, камуфляжных доспехах и постоянно грызлся по тылам длинными очередями из футуристического пулемета.

— Что мы сейчас делаем?! — едва справляясь с отдышкой, прохрипел Никас.

— Удираем от неприятеля, рядовой! — пролаял Альфа. — Если ваша задница уцелеет, и вам придется давать рапорт командованию, вы назовете это тактическим отступлением, мистер Аркас! Можете сказать то же самое вашей девке, когда будете звонить ей из госпиталя!

— Я понял... — Никас едва не запнулся о толстый корень, скрученный из желтеющих газет. — Я понял, что мы убегаем... Что мы будем делать потом?

— Потом не существует, рядовой! Это понятие придумали гражданские, что бы не делать ничего вовремя!

Альфа остановился и принялся навскидку отстреливать преследователей. Черные, лаково-блестящие существа осыпались вниз лоскутами.

— Если ты не перестанешь бояться, рядовой, они заполнят этот слой реальности полностью! Прекращай это дело, говорю тебе!

Никас и рад был последовать этому совету, но...

Что-то схватило его за плечо и потянуло назад. Альфа выстрелил в его сторону, и журналиста осыпало холодными лохмотьями.

— Глять, Аркас! — Альфа поднял его на ноги и подтолкнул вперед. — Я же сказал, не бойся! Они размножаются, питаюсь твоим страхом! На части разорвут!

— Я постараюсь не думать об этом.

— Вот и правильно! Максиме знает, что шанс убить тебя, таким образом невелик! Но негатив продолжает нас преследовать. Это значит... Не стой! Беги дальше! Я же говорю, я за тобой!

Никас, сжав кулаки, бросился к Альфе и закрыл его собственным телом, не давая

негативам атаковать. Получив передышку, Альфа перезарядил пулемет.

— Я думал, тебе не нужно этого делать! — Никас, изрядно пожеванный и измятый, позволил обстрелять себя, чтобы избавиться от мельтешащих уродцев.

— Еще как нужно, — возразил Альфа. — Но только в самые неподходящие моменты! Спасибо.

Он коротко кивнул. Никас, не удержавшись, сделал то же самое, хотя почувствовал себя круглым дураком.

— Отлично справился, рядовой. Они пробуют сбить нас с пути. Гонят куда-то.

— Куда?

— Понятия не имею. Но смогу выбраться из любой точки Многомирья, верь мне!

Журналист почувствовал укол совести.

— Вполне вероятно, что это я во всем виноват.

* * *

На самом Дне Многомирья, в сумрачной зоне несозревших мыслей, желаний и окуклившихся идей царила скука.

Со стороны Дно напоминало огромную свалку, на которой можно было найти сотню ненужных вещей вместо одной интересующей. Здесь разлагались не доведенные до ума проекты, ржавели замыслы и медленно тлели планы. Недописанные картины. Незаконченные романы. Благие начинания, с недоразвитыми стимулами. Словно призраки, они ковыляли по Дну, пытаясь привлечь к себе внимание. Некоторые. Остальные были настолько слабы, что могли только спать.

Вялое и бессмысленное шевеление, то тут, то там, но в целом — статика. Безжизненные и никому не нужные обелиски грандиозных затей, рушащиеся под собственной тяжестью — словно обветшалые башни. Толстый и разнообразный слой «а что, если» и «неплохо бы», испарялся: дымка высыхающих мотивов стелилась над поверхностью. Шепотки выныривали из нее и снова погружались в тишину.

— Я начну с понедельника...

— Завтра, обязательно...

— Мой год...

— Если правильно распределить время...

Это место не было печальным или гиблым. Оно было сонным и отупляющим. Изредка его покидали одинокие идеи, наконец нашедшие логику, начало, конец и середину. В такие моменты на них падал свет озарения, наполняя новым смыслом. Образы смеялись и пели, пока бледные узники, все еще не готовые к самостоятельной жизни, едва шевелились.

Обретающаяся здесь Лень и Охлаждение, очень не любили, когда кто-то покидал их шепчущее царство. Они манили сущности назад, напоминали, как сладок сон и покойное существование в глубинах незавершенного.

Очень часто Охлаждение можно было увидеть, пересекающими завалы уродливых фрагментов. Ее ледяная хламида останавливала любое движение. Лень закапывала сущности глубже в мусор, погребала под глупыми и наивными задумками.

— Когда-нибудь...

— Я скажу ей...

Где-то рядом, может быть за спиной, а может и за тысячу горизонтов, но всегда касаясь Дна, жило Бессознательное. Место гораздо более жуткое и разрушительное, вечная тьма, в которой жило Нечто. Всю историю Многомирья, Оно таилось там, делая Что-то, думая с Чем-то, и к Чему-то готовясь.

Террор уже добрался сюда. Он юрко полз, в образе отвратительной сколопендры, среди нагромождений невыразительных желаний. Он стал крохотным, но не менее разрушительным. Бабочка преследовала его, пытаясь не выпускать из виду.

— Улетай, — прохрипел Девел. — Улетай.

Террор продолжал бежать. Семенили маленькие лапки. Он знал дорогу к границе Бессознательного, и вскоре исчез, окончательно затерялся среди скрытых тропинок реальности.

Бабочка еще немного покружила над чахлой жизнью Дна, а потом уселась на острый осколок чьей-то разбившейся мечты. В янтарном хрустале отражались люди. Множество людей. Какие-то события, с оттенком обреченности. Бабочка неуверенно шевельнула крыльями, потом поползла вниз.

Осколки мечты тускло заискрились.

Бабочка тщательно исследовала холм, из которого они торчали. Он представлял собой насыпь из паршивых стихов и бесталанных рассказов, унылых демагогий и очевидных философий. Они напоминали тлеющую ветошь серых оттенков. Картинки едва менялись, застоявшиеся от времени, образы затерлись почти до неузнаваемости. Вокруг ползали искалеченные сущности. Они чувствовали что-то, спящее в этой нечистой колыбели. Что-то сильное и живительное. Но не получали от него ответа.

Бабочка забила крыльями. Она не могла поверить своей удаче. Быстрее, еще быстрее!

Просыпайся же!

Холм оставался недвижимым. Но осколки вспыхнули и ожили. Янтарные искры сменились золотым ореолом. Пестрый образ хаоса почувствовал слабую вибрацию. Что-то зашевелилось под тяжелым настилом посредственности и скуки.

— Однажды...

Охлаждение остановилось посреди равнины устаревших взглядов. Оно постучало посохом, сплетенным изо льда, в котором застыли чернила.

— Где-то движение, — прошептало оно. — Своеволие.

Сущность переместилась в пространстве. Она взглянула на осыпавшийся курган, и попятилось назад. Хламида, навевающая скуку и отстраненность, взвилась как парус, охватив тощую фигуру. Пыль взвилась над свалкой идей, и слепящая мусть поплыла, расползаясь в воздухе.

— Спи. Мы любим тебя. Засыпай.

Молчание. Холм затих. Миазмы Охлаждения проникали в трещины, откуда начало пробиваться янтарное сияние.

Бабочка отчаянно трепетала крыльшками, но хрустальная корона осколков, венчающая холм, уже погасла. Охлаждение шевельнулось и обошло курган кругом, распугивая убогих паломников. Оно напустило еще больше инея, больше мути. Та густо укрыла подножия холма.

Сделав это, Охлаждение долго изучало его.

— Лень, — позвало оно.

Появились желтые, массивные щупальца. Они вынырнули из хлама и поползли вверх,

ощупывая каждую неровность, исследуя каждую трещинку и пустоту. Бабочка, замирая и едва уходя от обнаружения, направила удар энтропии подальше от себя. Где-то заныли пробудившиеся идеи. Охлаждение мгновенно отреагировало, и щупальца устремились вслед за ним.

Бабочка перевела дух. Она выползла из ниши в мусоре и взобралась на осколок. Решительно пошевелила усиками. Нужно было найти того, кто сможет разбудить холм.

* * *

— Ах, ты, стрелять, хотел помочь?!

Альфа сверкал очками, и поминутно уходил с головой под бумажную валюту. Тогда она начинала дымиться и тлеть. Никас не оправдывался. В основном потому, что его тоже захлестывало волнами измазанных денег чаще, чем он успевал высказаться.

Когда стало ясно, что погоня не остановиться, Альфа решил пойти на крайнюю меру. Точнее это Никасу казалось, что мера крайняя. Прима-образ наверняка мог придумать что-нибудь еще более сумасшедшее, чем головокружительный прыжок в бурную стремнину бумажных банкнот смешанных с нефтью.

Никас никогда не чувствовал себя несчастнее. Его поминутно встречали платиновые рифы, о которые он больно бился боками и коленями. Иногда закручивающиеся потоки ассигнаций мелели, и журналиста волокло по дну, напоминающему терку. Касаясь его руками Никас с ужасом понимал, что это кости, огромное количество чьих-то источенных останков.

Берегов не было, по обе стороны реки высились железные скалы, изрезанные трубами. Они уходили вверх на многие метры, — возможно у них не было вершины, только иллюзорные границы.

Воняло сероводородом.

Наконец, их выбросило на отмель. Здесь финансовый поток еле двигался, обнажая параболы ребер и обходя островки из сбившихся в кучу черепов. Никас, застыв на четвереньках, слабо стенал. Альфа, стряхивая с себя нефтяные потеки, шел к нему.

— Я предупреждал тебя! — начал он. — Ничего не трогать! Этот твой идиотский инопланетянин, стрелять, стал последней каплей. Ди почуял жертву и перекинулся.

Никас угрюмо молчал, выскребая из-за воротника скомканные бумажки.

— Если бы... — произнес он, поднимаясь. — Если б ты не был такой плаксивой развалиной, которая предпочитает завалиться спать, вместо того, чтобы следить за ситуацией...

— Не надо было встречать в ситуацию с Клейтоном, — быстро ответил Альфа.

— Стрелять.

— Именно.

Никас, с отвращением, снял с себя пиджак и рубашку, пытаясь обтереть торс. Альфа отошел в сторону и тоже принялся раздеваться. Он стащил с себя доспехи и снял камуфляжную униформу. Его серое атлетическое тело, совершенно обезжиренное и угловатое от мускулов, было посечено шрамами.

— Надень, рядовой, — буркнул он. — Почти чистая. Под пластины ничего не попало.

Отдал он ему и высокие ботинки. Никас хотел поглядеть ему в глаза, но наткнулся на

зеркальное стекло.

— Спасибо, — ответил он, принимая подарок. — Что там у тебя во фляге, кстати?

— Как придется, — признался Альфа. — В основном ракетное топливо. Но все зависит от того, кто хочет выпить.

Никас протянул руку. Помедлив, сорвиголова бросил ему фляжку. Журналист довольно долго принюхивался к содержимому, пытаясь абстрагироваться от запаха нефти.

Ему показалось, что во фляге плещется обыкновенный спирт. Он осторожно попробовал языком кайму горлышка и понял, что это именно так.

— Осторожно, — предупредил Альфа. — Ваше сознание необузданно. Ему всегда мало. Пойло может оказаться куда крепче, чем ты думаешь.

Никас вытер рот. После этого, взобравшись на трубу, выступающую из железной кручи, он почистил руки и лицо, поливая их из фляжки. Альфа превратился в какого-то зловещего гренадера, в облезлой серой шинели и противогазе с ребристым хоботом.

— Что я говорил? — спросил он сквозь резину. — Когда... повел себя непрофессионально.

Никас выпятил губу.

— Ты рассказал, что счастье любой сущности напрямую зависит о количества отверстий, куда можно было бы залить алкоголь.

Альфа обернулся, но ничего не сказал.

— Может быть, — мрачно признал он через минуту. — Мне это приходило в голову. Эй, Никас.

— Что?

— А насчет Одиночества я что-нибудь говорил?

— Немного. Насколько я помню, ты сказал, что сочувствуешь ему.

Последовал странный звук.

— Никас?

— Да?

— Никто не должен об этом знать.

— Конечно.

Альфа постучал по своему ржавому шлему саперной лопаткой.

— Я люблю крутые повороты, — невнятно поведаль он, шумно вдыхая. — Но это, стрелять, уже слишком. Стоило мне расслабиться на секунду, и все накрылось сраными портками. То, что произошло, должно было произойти. Рано или поздно. Но я, стрелять, до последнего рассчитывал на «поздно».

— И что теперь будет делать Одиночество? — спросил Никас.

— Вот чтоб я знал... — прима-образ раскашлялся. Потом принялась сморкаться прямо внутри противогаза. — Что-то интимно связанное с Интеллектуальным, я думаю. Главным городом Многомирья.

— Думаешь, теперь оно ворвется в него?

— Вот черт! — Альфа угодил ногой в капкан из ребер, и принялся ломать их, сопя и отхаркиваясь. — Я, — театрально выдохнул он, — не знаю об этом, хааркх, нихрена! Тьфу! — Он задышал громче, обрастая деталями. Ржавой винтовкой, цилиндрическими гранатами и венком из увядших цветов. На шее.

— Неужели кроме нас это никого не интересует, — проговорил журналист. — Ты ведь сказал, что тебя к нам на встречу послал Интеллектуальный. Кто именно тебя послал? Кто-

то главный? Что он об этом думает?

Альфа подскочил на месте, лязгнув котелком. Поглядев на Никаса непроницаемыми стёклышками, он гадко засмеялся и побрел дальше по течению, разгоняя сапогами волны денег.

— Эй! — крикнул Никас. — Подожди!

Он быстро переоделся и пошел следом. Банкноты чавкали под его ногами. Железные кручи скрипели. Трубы шипели, посвистывали горючими газами. То тут, то там — всполохи. Рыжие перья огня заворачивались короткими спиралями. Поток стремился все дальше, мелея и ослабевая.

— Альфа!

Никас нагнал его.

— Ты не хочешь отвечать?

Альфа помедлил. Никасу пришлось переждать несколько смачных горловых извержений, прежде чем он услышал гулкое:

— Подожди.

— Я не...

— Просто подожди! Ты мне все уши обоссал со своим «я не агнец, я имею права знать»! Я это понял. Я понял, что от тебя не будет покоя. А теперь заткнись и наберись терпения. Айда за мной и не отставай. Здесь обитают те еще мрази.

Никас огляделся по сторонам. Посмотрел вверх, где ломанная линия ущелья была накрыта желтым небом.

— Кто они такие? — рискнул он.

— Стрелять, до чего надоел.

Оставалось только смириться и шлепать дальше, поминутно стряхивая с пяток налипшие ворохи цветастой бумаги со значимыми в материальном мире цифрами. Альфа что-то неразборчиво бормотал, зыркал на темные зевы обрезанных труб, из которых сочились тонкие струйки монет. Время от времени из них доносились странные похрюкивания и взвизги. Что-то суетливо шуршало и скрипело. Грузно ворочалось.

Со временем ленивое течение перешло в пороги. Деньги взбурлили, яростно закручиваясь, пенясь нефтью на золотых валунах. Еще дальше поток стал совсем уж бесноватым и окрасился чем-то кроваво-красным. Пришлось взбираться на отвесные кручи, передвигаясь по останкам искорёженных помостов. Впрочем, Никасу всегда удавалось найти, за что уцепиться.

— Кроваво-красное? — переспросил Альфа, пребывая в приподнято-зломном настроении.

Никас повторил вопрос.

— Это кроваво-красная кровь. А ты что думал? Вишневый сироп?

Сразу же восстал тяжелый запах теплой меди. Словно ждал все это время, пока его представят. Журналист, который за свою непростую жизнь успел хорошо испытать различные стадии тошноты, классифицировал нахлынувшее состояние как: «близкое к...».

Сорвиголова вскарабкался выше, на относительно широкую платформу. Там старел какой-то примитивный механизм, основанный на противовесе, железном тросе, нескольких колесиках и слабой надежде на то, что все это не развалится от первого же дуновения ветра.

Не балуя Никаса аккуратной помощью, он грубо втащил его наверх. Потом поплевал на руки и взялся за трос. Решительно отвергнув законы физики, он принялся тянуть трос на

себя, тем самым поднимая вверх железный понтон, на котором они оказались.

Скрипело колесо.

Они поднимались над рекой. Та делала крутой поворот, так что изгиб железной громады скрывал от Никаса источник глухого грохота. Он догадывался, что это за шум, — роскошный водопад — и с нетерпением ждал, когда Альфа поднимет их достаточно высоко, чтобы можно было увидеть...

Лифт остановился. Альфа подождал, пока Никас переберётся на гудящие от ветра листы железа, и прыгнул сам. Платформа нырнула вниз, завизжало колесо, и засвистел трос.

Бахнуло.

Высота была головокружительной, но Аркас все еще ничего не видел кроме неровных выступов, чугунных шишек и обвисших кабелей. Им пришлось перейти по останкам башни подъемного крана к противоположной стене и ступить на толстенную ржавую трубу. Никасу стало совсем не по себе. Держаться было не за что, ветер напал и толкался как хулиган. Пригнувшись и разработав не слишком красивую, но практичную походку для широких труб, журналист едва поспевал за буднично шагающим Альфой.

Отсюда реку было видно особенно хорошо. Деньги размокали в крови, черные разводы нефти вытягивались струнами, скручивались в хаотичные узоры.

— Это идея материализма человеческих ценностей? — спросил Никас, стуча зубами. Тугие порывы ветра бросались ему в ноги. — Иррационального сравнения жизни... ох... Жизни и проходящего богатства?

Альфа застыл в ожидании человека. Услышав этот вопрос, он неприятно заклокотал.

— То, что ты видишь, вовсе не идея.

— А что же это?

Он дождался пока человек доползет до него и ступил чуть в сторону, опершись рукой о боеголовку выступающей из стены баллистической ракеты.

— Это лишь малая ее часть.

Никас глядел вперед, и сердце его холодело и сжималось в одну бесконечно малую точку.

Кроваво-денежный поток с ревом срывался вниз в пенный прибой тяжелой бурой массы. Водопадов тех был не один и не два, они падали вниз, то тут, то там, сбегая из ущелий. Это был океан отвратительной жижи, крови гноя, ржавый металл варился в нем как капустные листья, размягчаясь и тая. Острова из сросшихся кораблей, танков, военной техники и тощих обезображенных тел окатывали жадные волны, слизывая с них слой за слоем.

Шел нескончаемый шторм. Вечная война. Оплавившиеся пушки били гигантскими снарядами. Те поднимали устрашающие волны, одну за другой. Вспышки слепили, колыхалось дьявольское варево, острова разрушались, но поднимались новые, потревоженные взрывами. В воздухе кружили клинья боевых самолетов. Они выпускали лестницы бомб и тут же падали вниз, словно пчелы оборвавшие жало. Неисчислимы армии бросались друг на друга, топча железо и сталкиваясь бортами кораблей. Их разрывала безумная стихия войны, раз за разом, однообразно и жестоко. Вместо крови брызгала вода. Обыкновенная вода. Ничего не стоящая, она быстро впитывалась в щели, стекала по ложбинкам и трещинам вниз.

Небо было выложено асфальтом. С него, словно осиные гнезда, свисали озаренные неоном многоэтажки. Небоскребы и башни, укрытые желтоватым, хлористым смогом. Его

разгоняли и перемешивали улыбчивые колоссы в полицейских касках, увешанные рекламными баннерами и атрибутами религий. Они бродили по улицам, заглядывая в окна, и постукивали по стенам золотыми дубинками. Город был нездоровым, его трясли спазмы, словно зверя умирающего на дне канавы. Крупная дрожь выбивала из него прах, мусор, высушенные тела. Иногда было видно, что фундамент мегаполиса обложили какие-то отвратительные раздувшиеся существа. Серые личинки, грызущие открытые раны человечества.

А где-то на горизонте, наполовину погрузившись в едкую эмульсию мирового распада, слабо стонала гигантская птица. Некогда прекрасная, она облезла и покрылась влажными язвами. Ее прекрасные лазурные перья стали черными и скатались в жирные конусы. Длинная шея искривилась, позвонки торчали сквозь желтую растрескавшуюся кожу. Крылья слабо перемешивали яд, слабые и бесполезные.

Никас, дыша через раз и стуча зубами, глядел на ее поникшую голову, со слепыми воспаленными глазами. Человеческими.

Птица вскинулась, вперив в Никаса помутневший хрусталик. Из последних сил она забилась и тонко возопила, запрокинув выщербленный клюв.

— Это Надежда, — произнес прим. — Все еще держится. Живучая тварь.

Журналист, закрыв уши, тоже не удержался от крика.

Альфа, не обращая внимания, со скрежетом провернул что-то и лязгнул крышкой, открывая люк.

— Довольно, — бросил он. — Свихнешься.

Никас, дрожа, последовал за ним, в темное нутро трубы. Колени под ним подогнулись. Предчувствуя падение во что-нибудь гадкое, журналист заранее преисполнился отвращением.

Но совершенно напрасно.

Стесненное пространство освещалось мягким светом хрустальных ламп. Аркас, все еще не до конца пришедший в себя, ошалело разглядывал обстановку. Внутри эта ржавая и грубая машина, предназначенная для токсичных стоков, была обита красным бархатом и отделана узорами из платины и белого золота. По дну проходила платформа из красного дерева, накрытая зеленым узким ковриком. Изгибаясь вместе с формой оболочки, гордо и с достоинством демонстрировали себя гобелены. На них изображались какие-то неприятно округлые существа, вышитые на манер геральдических животных. Тем не менее, на привычных львов и драконов они не походили. Не походили даже на менее растажиженных медведей или морских змеев. Никасу казалось, что автор вышивки был до страстности вдохновлен раздувшимся клещом. Журналист даже смог прочитать девиз, который опоясывал благородно изображенное насекомое. «Не дели малое», — неопределенно предостерегал он.

— Что это было? — опомнился Никас.

Ему повезло. Он как раз застал прима-образ на переходе от плеяды могучих отхаркиваний к сосредоточенному осмотру пиджака необычного покроя. Брюки отливали металлом. От зависти было тяжело дышать.

— Мой друг? — вежливо переспросил Альфа, поправляя стальную маску с оттиснутыми органами чувств.

— Что мы сейчас видели? Резня и этот сумасшедший город, перевернутый вверх тормашками? Почему меня... Ой, ма... Я ведь понимаю, что все это не настоящее.

— Как сказать, — Альфа в последний раз выправил рукава и протер белоснежным носовым платком острые носы франтовых туфель. Эти туфли явно рассчитывали на собственный сертификат неопределимой крутости.

— Ну как ты меня находишь в этой оправе?

— Ведь эта война не настоящая, так?

Альфа цыкнул языком, и навалился спиной на бархат. Из глубин роскошной трубы доносился приглушенный смех. Прим критически осмотрел платок, который использовал для чистки обуви и отбросил его в сторону. Из бездны роскоши тут же возникла идея горничной. Она была теоретически красива и гипотетически сексуальна. Во всяком случае, коллективный разум (в основном, конечно, мужской) наделил ее формами, которые приняли среднее значение, весьма далекое от реальности.

Тяжело перетаскивая грудь, горничная добрела до платка и некоторое время пыталась его поднять, лежа на том, что она только что перетаскивала. От ее стонов и вздохов Никасу стало стыдно.

Въедливый и наблюдательный Альфа прочитал по лицу Никаса каждый оборот его размышлений, и заметил скучающим тоном:

— У нее наверняка и мужские активы имеются. Точнее актив. Нынче такое в моде. Странные вы люди, люди. А, колумнист?

Горничная все-таки добралась до платка. С натугой пятясь назад, она пожелала троице приятного дня. Голос у нее был тонкий, предназначенный для стонов.

— Ладно, не буду тебя мучить. То, что тебе довелось увидеть, человеку видеть не положено. Хватит простой внимательности, чтобы знать о том, какая жестокость и изуверство промышляют в мире. Знать сотую часть, знать в общем, проще же говоря: догадываться. В этом невежестве — ваше спасение. О, колумнист, если б каждый из вас мог постоянно знать и чувствовать, ощущать в полной мере боль и несчастье своего мира — конец тогда рассудку! Большинство охватило бы безумие. Сердца самых стойких разорвались бы от ужаса и горючего сожаления.

Альфа прокашлялся и принял более расслабленную позу.

— Ты сейчас жив, только потому, что шок не позволил тебе взглянуть глубже. Сосредоточиться на деталях этой идеи-отражения. Ты видел лишь общее. Контур. Очертания.

— Ничего себе очертания, — пробормотал Никас.

— Уверю тебя, — с нажимом перебил его Альфа, — глубокое понимание этой идеи высушило бы тебя как просоленную салаку.

— Но тогда кто ее автор? Кто-то ведь должен был представить это.

— Это коллективная концепция. Единая сущность-гигант, созданная миллионами людей. Никому не под силу представить ее в той форме, которую идея Конца приобретает здесь.

— Идея Распада? Так она называется?

— Это популярное название. Существует множество других: Мясорубки, Обреченности, Тления, Большого пи...

— Я понял, понял... Будем называть ее идеей Конца.

— Люди предпочитают избегать этой темы вообще. Разумеется, кроме тех, кому такое положение вещей нравится.

— Нравится?!

— Колумнист, спрячь это позорное негодование, которое ты пытаешься выдать за удивление.

Никас чувствовал приближающийся приступ клаустрофобии. Это отвлекло его.

— Что с тобой? — равнодушно спросил Альфа. — Все еще не можешь отойти от увиденного. Думал покрепче ты. А ведь как задирался поначалу. Ну, не дрожи. Это ведь тоже гротеск, в своем роде, как те бумажные заросли.

Аркас сжимал и разжимал пальцы. Ему было плохо.

— Может позвать прислугу, соорудить тебе стакан воды?

— Не надо ее мучить, — отказался журналист, пытаясь отвлечься. — Слушай, чего ты все время превращаешься? То в каких-то пропитых мстителей, солдафонов, гренадеров. А теперь вот высокомерный резидент клуба прямых стрелочек. Это из-за Клейтона?

Альфа дернул подбородком.

— Факт, — ответил он. — Я утратил стабильность и теперь мимикрирую под среду. Вставай, колумнист, сидеть некогда. Нас основательно сбили с пути.

Журналист нехотя поднялся, упираясь ладонями в бархат. Альфа, вытягивая ноги как императорская цапля, пошел вперед, сцепив руки на поясице.

— Ты, кажется, хотел узнать, есть ли кто-то, кто управляет жизнью Многомирья? Нет. Это никому не под силу. Есть так называемая Позитивная Ложа. Это группа сущностей, с очень высоким самомнением, которые чувствуют себя ответственными за баланс сил между негативом и позитивом. Им подчиняются светлые страсти, образы, сущности. Далеко не все и не всегда, но, в целом, какое-то влияние на Многомирье у Ложи имеется. Микроскопическое. Ничтожное.

— Почему же ты служишь им? — спросил Никас.

— Не служу! — прим помахал указательным пальцем. — А снисходительно отвечаю на просьбы. Видишь ли, мне не хочется, чтобы негатив победил. Это против моей природы, хоть я и антигерой. Но герой. С другой стороны, знаешь, по секрету: единственной наше спасение в том, что негатив не в состоянии самоорганизовываться. Он постоянно пожирает сам себя.

— Ну и что Ложа думает о том, что ваш единственный образ, который мог приводить новых жертв, перекинулся на сторону врага?

— Пока ничего, разумеется, — усмехнулся Альфа. — Ведь они об этом еще не узнали. Сейчас они больше заняты тем, что Интеллектуальный, город адекватности, разумности и добра, все больше наполняется негативом.

— Почему?

— Я же говорил, чем ты слушаешь? Самоорганизация. Теперь его кто-то направляет. Впервые.

— Максиме? — спросил Никас наудачу.

Альфа не ответил.

— Скажи мне кто она? Это человек? В смысле, из моей реальности?

Молчание.

Ладно, хрен с тобой, — подумал Аркас. Сам все узнаю.

Несколько раз они проходили мимо ответвлений, в конце которых можно было различить переходы в людные места, светящиеся достатком. Разнообразным и завидным. Никасу хотелось поглядеть, но Альфа упрямо вел его дальше.

Немного погодя они наткнулись на автоматические двери. Те разъехались, пропуская

путешественников внутрь. Никас спокойно рассматривал ничем не примечательный зал торгового комплекса.

Витрины его сияли товарами. Необозримые ряды пластмассовых ценностей уходили вдаль. Длинная, возможно, бесконечная очередь сущностей вела куда-то вдаль. Она изгибалась, петляла, закручивалась спиралью, обхватывая колонны, забредала в самые дальние уголки, поднималась и опускалась по лестницам. Вскрабкивалась на стены, и даже занимала потолок.

Образы стояли, сидели, лежали и спали в ожидании. Горели костерки, воняли матрасы. Никас перешагнул через истоптанный манекен в форме охранника. Бедняга выглядел неважно. Ему сломали руки и ноги. Пластик на лице был неприятно синим, цвета удущья. Рядом валялся разбитый фотоаппарат, над которым надрывно плакал образ молодого человека.

— Они думают, что покупают все это за деньги, — раздался голос Альфы. — Глупцы. Они покупают все это за время. За свое время. Запомни хорошенько, колумнист. Валюта только одна. Твои часы и дни. Года! И даже минуты нельзя считать разменной монетой!

Он вскочил на прилавок и заорал, раскинув руки:

— Как приятен однообразный труд! Ведь за него ждет награда. Вещь, которая сделает тебя человеком! Твоя собственная сигнатура! Знаете ли вы, каково мое достоинство?! Фотоаппарат с огромным зумом! Он зарекомендует меня перед человечеством, как достойного владельца великолепной вещи!

Очередь мрачно зашептала. Образ молодого человека изумленно глядел на Альфу, икая от стресса.

— Ничего нет проще, чем стать личностью! — продолжал Альфа. — Достаточно просто купить! Напиши об этом! Напиши об этом пару ничего не значащих слов! Зачерпни своей мудрости, которую придало тебе достоинство номиналом в один гаджет! И ты — Человек! Ты царь! Могущее и желаемое! Содрогнитесь те, кто не может придать себе форму за счет прекрасных узоров из плоской электроники!

— Ох, и несет тебя, — неодобрительно высказался Никас.

Альфа кивнул собственным словам и спрыгнул с прилавка. Потрепал плачущего паренька по шевелюре, и пнул фотоаппарат носком ботинка. Тот улетел в витрину, разбив стекло и обрушив ряд прекрасных электронных планшетов.

Очередь напряглась. Кто-то заорал страшным голосом. Никас встал в позу спринтера, но Альфа удержал его за плечо.

— Они не посмеют покинуть свои места. Вся их жизнь — фетишизм и ожидание. Вот смотри.

Он разбил еще одну витрину, вырвал из нее полку, свалив на пол десятки мобильных телефонов, и принялся топтать их каблуками. Очередь взревела от боли и ненависти. Кто-то упал в обморок.

— Слышишь? — радостно возопил Альфа. — Слышишь, как они страдают? Невероятно Ты не то, что ты делаешь, говорят они. Ты то, что ты покупаешь. А ну иди сюда!

Он выволок и очереди образ и бросил его на пол. Тот завизжал как резаный и пополз обратно, корчась и рыдая.

— Покажи мне руку. Покажи руку!

Аркас вздрогнул, когда Альфа закатал образу рукава. Там были какие-то бумаги, тряпье и вата. Полная, короче, фальсификация.

— Кто тут у нас такой безрукий, — вопрошал прим, раскидывая набивку. — Они берут палец, а отдают руку. Как прекрасно жить в долг, продавая даже то время, которое еще не наступило. Продавать свое будущее. Ты чувствуешь, Никас, взмыла сейчас над нами великая птица свободы. Инновационные системы кредитования. Я продаю свое будущее за сраный телефон! Так, ничтожество?! Продаешь? Говори или я уничтожу тебя!

— Я правд-ую сва-о будущ...

— А, заткнись.

Прим с отвращением пнул скулящий образ и отошел в сторону.

— Пойдем отсюда.

— Зря ты его так, — осудил Аркас.

— Не обращай внимания. Они — ничто.

После продолжительного блуждания в этом живом лабиринте, они вышли через неприметную дверь. Альфа прыгнул вперед, выбив ее локтем, и тут же выпрямился. За дверью оказался склад, заполненный серыми неприметными коробками. Они лежали на стеллажах, в отдельных ячейках, и едва заметно вздрагивали. На крышках были маркировки, которых Никас поначалу не понимал. Он подошел к одной из ячеек и смахнул пыль с ящика.

— Диабет, — прочитал он. — Что?

— По-видимому, лекарство, — объяснил Альфа.

— Там лекарство от диабета?

— Ну, раз уж на коробке так написано.

— У нас его еще не открыли.

— Однако коробка есть. Прошу заметить, это место — могила удивительных открытий, формул и рецептов. Где-то здесь валялся ящик с относительно доступным способом получения термоядерного синтеза из водорода и реальный способ увеличения пениса. Люди давненько получили эти идеи.

— И все это уже существует в материи?!

— Именно.

— Но почему... Ах. Понятно. Инсулин продавать выгоднее.

— Это не так плохо, как может показаться, — пожал плечами Альфа. — Люди должны умирать. Другим достанется больше телефонов. Обвинять кого-то в таком укрывательстве бессмысленно. Мгновенное и окончательное решение проблемы может привести к таким последствиям, что весь мировой порядок обрушится из-за пары нервующихся штанов. Нынешнее положение вещей стабильно и невероятно меметично. Его ничто не сможет подвинуть. Не должно быть ничего вечного, чтобы рыночный обмен не прерывался. Вечное вообще опасно. Оно ведет к остановке, к болезненному самосозерцанию. Каждый второй — философ и поэт. Малюют картины, чешут под жабо маникюром. Омерзительно. Нет, Никас, сама планета должна умереть. Иначе она никогда не отпустит человечество. Природа массового человека такова, что он реагирует только на конкретную проблему. Он не будет сражаться с перспективой. Человек полетит в космос только после того, как в кране закончится вода. Не раньше. Таковы дела.

— А что, если мы не сориентируемся и умрем вместе с ней? — спросил Никас.

— Вы умрете вместе с ней, — просто ответил Альфа. — Как это похоже на человека: воспринимать свою смерть как сокрушающий удар по мирозданию. Понимаешь, антропоцентризм придумали люди, а не вселенная.

— А вы? — спросил Никас, по очереди осматривая ящики.

— А что, мы? Станем ничем, потоком бесполезной силы.

— Тебя ведь это беспокоит, — съехидничал Никас.

— Вовсе нет, — возразил Альфа. — Я уверен в том, что успею оторваться перед тем, как потеряю индивидуальность.

Никас дошел до коробки с надписью «Марс». Он открыл ее, но ничего не понял. Там были какие-то чертежи, толстые папки и фотографии грунта.

М-да, подумал он. Человечество никогда не высадится на Марсе. До тех самых пор, пока дотошный зонд не найдёт в пыли то, что можно будет конвертировать в деньги. Следы цивилизации, обнаружение которых взорвало бы планетарные СМИ и выбросило на рынок сотни потенциальных инвесторов. Альтернативный источник энергии. Какое-нибудь волшебное мельничное колесо древних марсиан.

Хотя это вряд ли поможет.

Нужна вода, внезапное появление атмосферы, нефть, да хоть каменный уголь — ничего, ничего, ничего. Нет тех обстоятельств, которые толкнули бы человечество на колонизацию соседней планеты.

Мы никогда не вылечим болезни. Излечение болезней разрушит порядок вещей, установленной самой природой — сам принцип жизни. Сокращение рабочих мест, перенаселение, истощение ресурсов, и, что самое главное — удар по карману фармацевтических корпораций.

По тому же принципу мы никогда не создадим нервушейся одежды, не создадим обуви, которой не будет сноса. Не построим зданий, которые не будут ветшать и осыпаться. Не сделаем всех счастливыми, не построим социальный порядок, сотканный из принципов гуманизма и равенства.

Нет необходимых обстоятельств. Слишком велики риски. Чересчур чувствительна и непредсказуема наша зона комфорта.

Альфа прав, Земля должна погибнуть. Даже не так: иссякнуть. Закончится. Взрывать ее не обязательно, но нас должно буквально выстрелить с нее, как из пушки. Это создаст хороший прецедент. После того как на первой пригодной планете первый колонист сожрет первый плод и навалит первую кучу, Колумбы рванут на освоение галактики.

Только тогда мы сможем рисковать, создавать миры с вечными людьми, вечными цветами и вечным благом. И как же хочется, чтобы хомо вульгарис, вроде нас, нынешних, не смотрели потом со своих ржавых звездолетов, как эти миры вечного разлагаются и чахнут.

— Пойдем, что ли, — зевнул Альфа.

— А чем увеличение пениса помешало бы мировому порядку и зловещим корпорациям-монополистам? — искренне недоумевая, спросил Никас.

— Сложно сказать, — серьёзно прокомментировал прим. — Возможно, это сильно ударило бы по продажам больших автомобилей. Ну, вот видишь, до чего ты меня довел, колумнист? Мне пришлось скверно пошутить.

Они прошли по складу, оставляя две цепочки отчетливых следов, и решили выбраться в окно. Для этого им пришлось сделать лестницу из ящиков со всякими там перманентными лампочками, магнитными сплавами, безвредными синтетическими углеводами и прочей дребеденью. В какой-то момент от их нескромных эволюций на складе сработала сигнализация. Со всех сторон застучали тяжелые башмаки.

Альфа мгновенно бросился в окно. Это вышло у него рефлекторно, но изящно. Он выбил стекло и вырвал из бетона решетку. Пыхтя и чувствуя тылами нацеливающиеся винтовки,

Никас последовал за ним. Растянувшись на земле, он первым делом отполз подальше от зоны вероятного обстрела. Однако никто не собирался открывать им вслед ураганный огонь.

Альфа стоял у стены, подогнув ногу, и глядел на толпу впереди. Никас тоже ознакомился с ситуацией.

Перед ним была площадь, на которой миллионы гуманоидных образов слушали говорящие истуканы из драгоценных металлов, камня и гниющей еды. Угрожающе-массивные чудовища, отдаленно напоминали клопов, которых Никас видел на гобеленах. Они располагались на больших, мягких подушках и вещали в толпу высокими клокочущими голосами.

Небо было закрыто витринным стеклом, над которым довели безразмерные фигуры. Черты их были неразличимы, только скалились в жутких улыбках алмазные клыки. Существа наблюдали за происходящим. Время от времени их головы поворачивались, а клыкастые рты раскрывались, и тогда стекло начинало мелко дрожать.

— ...не дели малое, — стонали статуи. — На одно «есть», да придется десять «хочу». И что мы получим? Незаметную, оскорбительную долю. Спасет она? Нет. Умножит страдания. Говорю вам, равное распределение — наказание. Даст оно все и ничего. Не насладиться нам. Как мы поступим? Не разделим малое. Соберем его у избранных. У тех, кто насладится. Кто скажет, что это несправедливо — глупец. Не думает он об истинном смысле наслаждения. Если один насладится, а девять — в нужде, не лучше ли это? Или пусть все десять испытывают муки, раздражив себя малым? Людей много. Наслаждения мало. Не дели малое!

— Не дели малое! — в унисон выдохнула толпа.

— Они говорят: справедливость, — статуи начали новый период. — Слабые духом, жадные, бесстыжие. Отнять и разделить — вот их философия. Для чего? Кто, как не злодей, может решиться на уничтожение прекрасной композиции удовольствий, которая доступна избранным. Мы должны радоваться за них. Радоваться, а не завидовать. Мы — служители. Мы благословенные рабочие, которые трудятся, чтобы красота не угасла, чтобы удовольствие продолжалось. Ради этого мы вырвались из пещер, темных веков, войн, эпидемий и голода. Все это мы пережили, лелея светлую надежду на то, что удовольствие будет вечно. Не для всех! Но что за мир, в котором каждый прохлаждается? Сознание и воля! Я понимаю, ты понимаешь, он понимает, мы понимаем, что роль у каждого своя. Трудись, не завидуй, не будь врагом удовольствия. Не дели малое!

— Не дели малое! — вновь вспыхнула толпа.

— Вот сволочь, — воскликнул Никас.

— Нечего на это глазеть, — Альфа успел пройти вперед, но вернулся.

— Ну, ты видал какая сволочь? Не дели ему малое...

— Пойдем, на нас начинают глазеть. Не вмешивайся.

— От задницы своей кусок отрежь, скотина! — крикнул Никас поверх голов. — На десять таких площадей хватит! А вы! Чего вы их слушаете?! Распилите этих подонков лобзиками! Точно на всех хватит! Я это гарантирую!

— Извините, — Альфа взял его под локоть, кивая обернувшись.

Они прошли через толпу и снова спустились в тоннель.

— Ну что ты как маленький? — недовольно спросил Альфа. — Идея как идея. Вполне себе среди прочих.

— Не дели малое? Это идея?

— Почему бы и нет? Ты бывал в странах, где мешок крупы — несметное сокровище, годовой бюджет деревни. И почему-то там ты не повышал голос, а шел в отель и кушал креветок.

Никас смешался.

— Казуистика, — сказал он через несколько секунд. — Ты меня обвиняешь в том, что я один не могу сделать мир лучше. И вообще, тебе значит критиковать общество можно, а мне нельзя? Орать, отрывать руки.

— Именно так. Мне можно, тебе — нельзя. Я — Альфа, ты — Омега.

— А Клейтон тогда кто? Он разбил тебе скулу.

— Ох, и подлый из тебя спарринг-партнер, — вздохнул прим. — Я просто развлекался, Никас. А ты всерьез разоряешься перед толпой сущностей. Они не умеют размышлять, ты их только разозлишь, предлагая перспективу. Расслабься. В любом случае мы здесь не для того, чтобы разводить кухонную аппозицию Потребительству.

Аркас промолчал.

Обстановка тем временем потеряла всякую изысканность. Отделка стиралась, становилась однородной, тускнела. Стала жирной и маслянистой, густые потеки покрывали ее как грязную кастрюлю. Вокруг бегали какие-то неприятные существа, похожие на толстых плешивых крыс.

— Жир, жир, жир-жир, — пищали они, шмыгая под ногами.

Никас брезгливо их сторонился, стараясь не растоптать.

Ответвления становились все менее заманчивыми. Жир забивал их бляшками, словно тромбы — сосуды свиньи. В конце различимы были только содрогающиеся силуэты. Оживленный говор и смех людей, музыка и шум прибора, сменился тихим, едва уловим чавканьем.

Немногим позже труба превратилась в широкую нору; слежавшееся барахло было ее стенами. Смердело гниющей едой. Тот тут, то там свешивались пучки чего-то неузнаваемого под слоем комковатой слизи. Занятные произведения искусства тлели, раздробленные и скатанные друг с другом. Из массы выглядывали стены особняков. Под ногами чавкал настил из ветхого тряпья и разноцветной бумаги.

Все медленно превращалось в однородную серую массу.

В жир.

— Так это и происходит, — прокомментировал Альфа. — Королевство Жиры. Органического и ментального. Сначала стремление к достатку оправдывается эстетическими потребностями. Комфортом. Достойной жизнью. Но приводит к этому. Увеличивающийся порог наслаждения, бездумное накопление, страх потери, паранойя, развращенность. Чтобы сострадать, нужно самому чувствовать боль. Чувства — инструмент выживания, они помогают адаптироваться в условиях постоянной конкуренции. Даже любовь и другие поэтические мотивы. В условиях избыточного ресурса, они становятся ненужными, их заменяют простые реакции. Человек чувствует только подсознательную обиду на мир, который сказал, что его колоссальный достаток — излишество. Что это плохо, так быть не должно. Он чувствует враждебность человечества, и свою вину, ведь совесть умирает не сразу. Это держит его в напряжении, пока избирательная логика строит оборонные рубежи от оставшейся порядочности. Он оказывается за этими стенами. Потерявший связь с миром, который породил его. И тщетно пытается заполнить пустоту этой гнилью, которую ты видишь, Никас. Это некроз души. Гибель человечности.

Аркас, внимательно выслушал этот период.

— Как-то это слишком уж категорично, — заметил он. — А как же разделенный хлеб?

Где-то среди этой грязи должно быть упоминание о добрых делах.

— Упоминания найдутся. Есть ли у тебя лопата?

— Понятно. И все же...

— Плохое запоминается лучше. Особенно когда хорошего нет.

— Это очередное преувеличение — не сдавался Никас.

— Колумнист, ты, кажется, вознамерился спорить со мной? Знай же, это бесполезно.

Мои выводы, — это vox populi. Моя личина ныне — искусный вор. Их вера в странную, хаотичную справедливость. Печальное представление о собственных возможностях, которых не хватает на то, чтобы сделать распределение практичнее.

Аркас оскользнулся на протоплазме невыразимого богатства, но устоял.

— Иначе говоря, спорить со мной, все равно, что пытаться перекричать толпу, — закончил прим.

— Перекричать толпу несложно, — ответил на это Аркас. — Нужно только начинать с краев.

Нора все ширилась.

Журналист отвлекся от разговора и брезгливо выдохнул. Он уже привык к атмосфере передержанных фазаньих язычков, но в какой-то момент ему в нос мощным панчем ударила настоящая вонь. Кислое, гнетущее зловоние помойки.

— Что это там впереди? — спросил он, севшим голосом.

Он остановился, удерживая спазмы, и попятился назад, не разгибая спину.

— В моем носу гостили запахи с действительно дурной репутацией. Болото забитое трупами животных, стоянки беженцев без выгребных ям, сероводород в вулканических пещерах, стряпня в некоторых баулах. Но это... Что может так вонять?!

— Конгломерат страстей, их образов и почитателей — мгновенно ответил Альфа. — Жадность, Эгоизм, одно из воплощений Прагматизма. Воняет, в основном, Жадность.

Никас тяжело дышал, давясь теплым воздухом.

— Спокойно, — Альфа прижал к лицу платок. — Старайся не открывать рот. Жадность охоча до всего. Заберет зубы, и пикнуть не успеешь. Жалеть никто не будет. Повезло, что ты из материи, иначе от тебя осталось бы только мокрое место.

— И зачем мы идем к ним?!

— К ней, — поправил прим, заметно испаряясь. — Вместе они образуют сущность Потребления. И идем мы к ней, потому что только она может выпустить нас из этого мира.

— Снова-здорово, — проворчал Никас.

И потрогал зубы кончиком языка.

Создатель лежал в своем шалаше.

Его Всевидящие очи были разверзнуты. Он проснулся давно, с первыми петухами, но продолжал лежать ликом вниз на протертых шкурах.

«И Лежал Он Утро. И Полежит Еще Первую Половину Дня», — решил Творец пр себя. — «Правая Длань Его Затекла».

Он вытащил ее из-под себя и принялся сжимать-разжимать пальцы. Снаружи подул ветер и что-то противно заскрипело. Послышался короткий треск. Похоже, опять покосился плетень.

Выходить не хотелось.

За щелястыми стенами жилища бродили прото-куры. Время от времени они просовывали клювы между веток, и сипло квохтали, намекая. Петух-проотец гордо бил крыльями, поднимая волны пыли и мелкого мусора. Могуче блеяла коза-проматерь. Негодую, щебетали древнейшие воробьи, прыгающие по краям пустого корыта, которое жадно и бессмысленно вылизывала пятнистая свинья.

Свинья была просто свиньей. Без титулов. С ней и так было полно проблем.

Нужно было задать им всем корму, но выходить по-прежнему не хотелось. И вообще ничего не хотелось. Создатель заранее знал, каким будет день. Поминутно. И дело было даже не во Всеведении и Всезнании. Рутинка — отличный предсказатель. Все сегодняшние приключения, как и приключения вчерашние и позавчерашние и поза-поза-поза... Эх. Все они были тесно связаны с запахом козы-проматери. И плетнем.

Тот снова затрещал, и Создатель подскочил на шкурах от неистового лая Первого пса.

В шалаше послышалась ленивая возня, и Творец выглянул наружу, раздвинув занавесь. Он сразу увидел незваное серое существо, которое медленно и неуклюже направлялось к посадкам. Животное напоминало ящерицу размером с железнодорожный вагон. На его хребте покачивались костяные пластины. За правой ногой волочился значительный фрагмент плетня.

Добравшись до грядки с капустой, существо поникло и принялось медленно, словно черепаха, раскусывать кочаны.

— Вот Неудобное! — вздохнул Создатель. — И Откуда Вы Сущие?

Творца эти эксцессы вовсе не радовали. Он точно знал, что никогда не создавал ничего подобного. Однако, в Сад регулярно пробирались чешуйчатые уродины, и появление их было совершенно необъяснимым. Они пугали зверей и вмешивались в идеальную местную экосистему.

Это было неудобно и, в конце концов, оскорбительно.

Ничего интересного в пришлых существах не было. Ситуация была бы иной, если б они, к примеру, могли говорить. Со времени изгнания пары экспериментальных собеседников, Творец чувствовал себя немного... вне тусовки. Он слегка соскучился по общению и мог бы относиться к пришельцам гораздо терпимее, если б те могли поддержать рассуждения о пользе шестидневного трудового цикла.

Но они только жрали и гадили.

Первый пес, задыхаясь от возбуждения, натягивал веревку и носился вокруг кольшка, вытаптывая идеальный круг. Творец, шаркая сандалиями, проскочил мимо и развязал узел.

Он мог бы сделать это едва различимым движением бороды; раньше это было стойкой привычкой, но потом, все больше ощущая одиночество, Творец начал приучать себя к физическому труду, чтобы не одичать от скуки. Работая только руками, он вскопал плодородную землю, без божественных сил придав грядкам вид неровных прямоугольников. Сам засеял, сам вырастил плоды и сам сберег их.

И веревку отвязал сам.

Двухметровый волкоподобный зверь скакнул на месте, и побежал со скоростью ветра. Он пересек низину, в которой жил Творец, вскарабкался на холм, и исчез в Садовых кущах.

Что-ж. Это было не совсем неожиданно. Первый пес был слишком свободолюбив и дико тосковал по свежей малине. Всеведующий проводил его задумчивым взглядом, и понаблюдал, как колышется зелень прекрасных зарослей. Из них выпорхнула стая мелодично голосащих птиц, которые принялись кружить над дезертиром, осыпая его чарующими проклятиями.

Уроливый ящер, тем временем, переключился на кукурузу. Хрустя початками, он следил за приближением хозяина крохотными непроницаемыми глазками. Без всякого интереса. Возможно, он был подслеповат, а, возможно, просто успел нажраться и одурел.

Он все больше напоминал Демиургу давнего знакомого, который раньше проживал на Неправильной яблоне. Правда тот был без лап и этих костяных шпук, но впечатление производил похожее: злобного вредителя. Если б не его происки, у Творца сейчас была бы стабильная аудитория постоянных слушателей.

Но и тот ушел. Открыл свое дело. Хорошо конкурирующее с Садам. Откровенно говоря, у неприятного змея дела шли лучше примерно на сто процентов. Можно было поспорить над тысячными... Например некоторые первородные попугаи умели неплохо подражать человеческой речи. Эх, да чего уж там. Змей определенно не испытывал тех же проблем с человеческими ресурсами.

Творец давно вычислил, в чем именно Сад проигрывал вражескому учреждению. Отбор постояльцев — вот где заканчивались перспективы Сада и начиналось торжество Змея. Условия, когда-то установленные Творцом были настолько жесткими и категоричными, что в Сад не попадали даже люди, посещающие занятия с репетиторами. Более того, глядя на заселенный животными сад, можно было с уверенностью сказать, что и репетиторы не проходили конечный отбор. Это было особенно неприятно. Творец всегда считал, что данные им инструкции были максимально адаптированы и доступны для рода человеческого.

Короче говоря, в Саду, с самого изгнания экспериментальных особей, не появилось более ни одного человека. Были явные кандидаты. Одного даже пришлось избрать для крупного кадрового мероприятия. Речь шла о слабой надежде на то, что полная замена человеческого ресурса, приведет к повышению посещаемости Сада. Дело не выгорело. Скорее наоборот. Выводы были неутешительными, а то и вовсе удручающими. Нужно было что-то менять. Но это означало бы, что Змей одержал абсолютную победу. В конце концов, если бы Творец пошел на уступки, Ему пришлось бы сразиться с собственной самооценкой и волей. А ведь они, ни много ни мало, измерялись приставкой «все» как и остальные качества.

Эта внутренняя борьба продолжалась несколько тысяч лет, так что Создатель был, мягко говоря, на взводе.

Положение не спасали даже редкие визиты Сына. У того была какая-никакая компания

и свои переживания. Общение не клеилось. Различия поколений, близость к человечеству... В общем, ничего утешительного.

На фоне этой безысходности появление каких-то там толстохвостых ящеров, было, можно подумать, пустячным событием. Отнюдь. Творцу это казалось насмешкой, причем максимально вызывающей. Он столько трудился, почти неделю, и все ради чего?! Ради того, чтобы в его совершенный Сад извне проникали только эти страховидлы?!

Страховидла сыто хрустела кукурузой, флегматично глядя на сияющий шторм. Тот надвигался на нее, грохоча и сверкая молниями, завывая и гневаясь.

Хрум-хрум-хрум-хр...

Ба-бах!

Лопнувшие зерна смешались с пеплом.

* * *

Испорченная кукуруза пошла на корм живности. Надкусанная капуста — туда же. Все еще переливающийся цветами мироздания, Творец ходил между притихшими зверьми и бросал им охапки провизии. Все страшились, все никли и трепетали. Кроме, разумеется, свиньи. Иногда Творцу казалось, что когда-то давно, а может быть далеко в будущем, или даже прямо сейчас, он должен был решительно высказаться на ее счет. И, может быть, даже как-нибудь заклеить. Грязная неумытая скотина. Никакого пиетета и уважения.

Свинья, недовольно вереща, шарахалась от электрических разрядов, но не отступала. Создатель не сильно пнул ее в правый окорок, и завалил белой кукурузой.

Накормив стонущий бестиарий, Всеведующий окончательно умиловился. Сводив всех на водопой, он еще немного полежал в шалаше, а потом долго трудился на посадках, не разгибая спину. Ко второй половине дня Он распрямылся над грядками.

Настало время прогулки.

Походная тога была покрыта листьями и потрясающим сочетанием тропических цветов. В такой маскировке легче и приятнее было передвигаться по Саду. В основном потому, что тигры чересчур ластились, а львы слишком навязывались. Их любовь была выше и шире, чем необходимо для комфортных прогулок. А ведь были и другие обитатели. И все они любили Творца свято и... докучливо.

Взяв с собой крепкий кожаный ремень, Творец отправился на поиски Первого пса. Кроме того, он одновременно инспектировал состояние Садовых куц и самочувствие жителей. Это занимало свободное время. Впрочем, куци всегда были изобильны и зелены, а жители — здоровы и признательны.

Иногда... Только иногда... Создателю хотелось чтоб в нем появилась прямая необходимость. Может быть небольшой, совсем крохотный, пожарчик. Или у прото-бегемота, вдруг заболел бы живот. Это разнообразило бы патрулирование. Можно было почувствовать себя нужным. Но все оставалось совершенным! Все получилось с первого раза! Почему с людьми не вышло того же? Может, все дело в масштабах?

Равномерно шагая по нежной, как пух, траве, Творец тяжело вздохнул. Он шел по следу Первого пса, стараясь не узнавать заранее, где тот находится. Так у него был хоть какой-то шанс на приключение.

Отрадно было в Саду. Хоть и пустовато. Не с кем было обсудить солнце и благодать.

Некого было наставить и одарить советом. Всезнание оставалось невостребованным. Прискорбно, но факт — вомбаты были равнодушны к самым волнующим и притягательным загадкам мироздания.

Но ведь и пожаловаться на это было некому. Так что приходилось терпеть.

Первый пес, разумеется, валялся в песке. Страстно рыча и поскуливая, он извивался и тер бока на берегу Озера. Создатель некоторое время наблюдал за ним с расстояния, позволяя сторожу ликовать и праздновать. Потом присел на замшелое бревнышко и вновь задумался о своей нелегкой судьбе.

С Садам что-то происходило. Что-то неладное. Дело было не только в ящерах, в конечном итоге они были меньшим из зол. Обычно им хватало одной молнии. Была проблема — был очевидный и эффективный способ ее решения.

То сегодня, а что вчера?

Шел Он знакомыми тропами, когда совсем недалече плодородная земля Сада вдруг потемнела и обескровила. Зелень пожухла и запахло сухостью. Священные квадратные метры потрескались. Зловеще шурша и вздыхая, они обвалились куда-то вниз. Из провала подул жуткий сквозняк, шум и далекие сигналы донеслись из него.

Творец осторожно ступил на его край. Внизу плясали неопишуемые цвета. Ничего не понять, только пугающая кавалькада чуждого.

И как быть с таким?

Возможно, именно из таких неожиданных каверн в Сад проникали ящеры? А также странные предметы и загадочные приспособления, которые немедленно уничтожались Создателем. Он находил в Саду пищащие цилиндрические шгуковины с прямыми сетчатыми крыльями. Шарообразные шгуковины с тоненькими торчащими усиками. Один раз даже был свидетелем того, как из центра Сада вверх устремилась белая труба, извергающая божественное пламя из широких воронок. Дико грохоча, она поднялась к куполу Небес, пробила его насквозь и исчезла.

И Что Ты На Это Скажешь?

Что Сделаешь?

Провалы нужно было закрывать быстрее, чем они открывались. Иначе того и гляди наступишь на книгу, с ничего не объясняющим названием «Библейские мифы: правда и вымысел».

Ящеры оставляли после себя только горстку пепла и сломанный плетень. Гремящие шгуковины и удивительные документы — загадку. Загадку неразрешимую.

Придя в характерное, для таких случаев, возбуждение, Творец, рыча и швыряясь камнями в провал, принялся прыгать по его краю. За столетия одиночества он отвык сдерживать свои эмоциональные порывы, так что листья и лепестки с его маск-халата летели во все стороны. Провал, как ни странно, был настроен индифферентно. Он проглатывал камни и говорил на своем пугающем языке неизвестности.

Через минуту из него ошеломляющим потоком полезли квадратные скользкие пластины, на которых была изображена однотипная серая местность. Унылая и безжизненная. А так же крохотные циферки и названия. Что-то вроде «Луна — 044» и «Марс — 916».

Творец знал про Луну. Но почему она находилась на этих пластиночках, судить не брался. Это злило Его еще больше, так как он, хоть тресни, был всеведущ.

Гортанно взревев, он принялся жечь эти оскорбительные намеки неизвестно на что. Он

жег их не оставляя даже пепла. Ни следа не оставалось от неизвестности. Неизвестность! О, как нестерпимо было ее превосходство!

Итак, каверна была заделана. Пластинки уничтожены.

Досада оставалась.

Первый Пес тем временем успел заметить хозяина и понуро стоял на песке, кося большим слезящимся глазом. Измазанные в песке уши поникли. Хвост робко просил о снисхождении. Творец не собирался наказывать Пса. Любовь Его была безгранична. Неловко перехватывая подмышками кожаный поводок, он подошел к сторожу и ласково потрепал его заломленное назад ухо.

— Было, Было, Пойдем.

Пес весело гавкнул, вытягивая лапы и вдруг замер, наострившись.

— Что Есть?

— Гав!

— Так?

Пес одним прыжком развернулся и бросился к воде, что-то высматривая и шумно нюхая воздух. Создатель осторожно обошел его справа и взгляделся в сонливое око водоема. Ничего. Разве что пузырьки шалят.

А Пес рвался в воду. Забегая по грудь, он юлил и брызгался, растеряно лакал жидкость и лаял на все четыре стороны. Пузыри все прибывали и увеличивались. Центр Озера закипал как бульон, забытый посреди военного вторжения.

Запахло жареным. В том смысле, что последствия открытия каверны на дне озера легко прогнозировались. И в то же время не прогнозировались вовсе. Творец, вцепившись в бороду, глядел на катаклизм, внутренне готовый как минимум к тому, что придется наполнять котлован заново, и справляться с огромным облаком испарений.

Пес неистовствовал.

Бурление достигло пика: вот уже пенистый гейзер ударил вверх и...

На этом представление окончилось. Озеро угомонилось. Вода разгладилась. Пес все еще буйствовал, но у Творца отлегло от сердца. Он разжал пальцы и отутюжил бороду.

— Гав! Рьяв-тяв!

— Покою-Покою. Ушло Оно.

Выждав для верности секунд тридцать, Творец решил уже накинуть ошейник на пса, но так и не довелось Ему. Он понял, почему продолжало беситься благородное животное. Там где недавно бурлила вода, вновь стало беспокойно. Что-то темное покинуло глубину и безвольно уперлось в воздушную преграду.

Творец снова схватился за бороду.

То был человек.

* * *

Дано было простому Озеру узреть ликование Создателя.

Эта бурная реакция чем-то неуловимо напоминала беспорядочные кувырки Робинзона увидевшего спичку корабельной мачты на горизонте. Творец кричал и смеялся, да сыпал словами, которые сотрясали Сад. Вышли животные, прилетели птицы, что бы узнать, чему рад их любимый Отец.

— Человек! Че-ло-век!

Как должен быть честен, как справедлив и кроток!

— Пес! Тащи его!

Пока послушный зверь, отфыркиваясь, греб к телу, Создатель вспомнил, что может вызволить праведника из озера полу-движением мизинца. Прекратив прыгать и жестикулировать, он вознесся вверх и, собственно, полу-шевелнул мизинцем. Пес обиженно проводил взглядом клин пенящейся воды, который несся к берегу, как спортивная лодка.

Взметнулся песок.

Творец заметался. Он сорвал с себя маск-халат и сотворил выходную тогу, белую как молоко. Приняв торжественный и просветленный вид, он воссиял и медленно приблизился к праведнику.

Тот был мужчиной, чему Создатель вовсе не удивился. В одной из книг, прибывающих из Неизвестности, он вычитал, что женщины — вместилище греха и похоти. Это утверждение вполне коррелировало с его личным опытом.

Мужчина, согнувшись от резкого торможения, лежал, заметно испаряясь. Его необычная одежда, покрытая зелеными и бурыми пятнами, побелела от песка. Волосы были короткие, светлые. Костистое лицо осунулось.

Он был совершенно незнаком Творцу. Немыслимо.

Человек вздрогнул и хрипло задышал, по-щенячьи неловко шевеля руками. Он приподнял голову, но тут же обмяк от слабости.

Может быть, это снова глум Неизвестности, — озадачено подумал Создатель. Отчего я не знаю его? Ведь ни разу не слышал его молитв, не знаю как он жил.

Но ликование глушило все. Даже величие таяло: хотелось обнять этого неизвестного святого в солдатском камуфляже.

— Встань, — было сказано ласково.

Человек закашлялся, сплевывая воду.

— Где я? — едва слышно спросил он.

— В Саду Благоденствия. В Очаге Покоя. Встань.

— Я не могу.

— Можешь. Возьми Силы От Этого Места. Оно Даст Тебе Безвозмездно. Сколько Хочешь. Ибо Ты Жил Честно.

Кряхтя и постанывая, человек подтянул ноги и встал на карачки. Пес вдруг зарычал. Весьма недоброжелательно. Творец показал ему кулак и цикнул, показав в сторону жилища. Поджав хвост, униженное животное твякнуло и снова зарычало, глядя на прибывшего.

— Тише, — вполголоса произнес Создатель. — Не Пугай Его.

Пес заскулил.

— Хватит.

— Гав!

— Оставь Нас!

Унося попранные чувства, пес убежал в заросли, расталкивая любопытных зверей и пугая птиц.

Человек, тем временем, озирался по сторонам, разгибаясь как примятая травинка. Вид у него был ошалелый. Казалось, что он сейчас прыгнет обратно в озеро. Особенно ему не понравился вид приблизившихся львов и прочих тяжеловесных хищников. Впрочем, из воды

за ним внимательно наблюдали крокодилы.

— «Ого», — словно бы говорили они. — «Похоже дело действительно нешуточное. Не разинуть ли нам свои безобразные пасти в честь этого?»

Человек отшатнулся.

— Это точно Сад?

— Да. Как Твое Имя? Я Не Узнаю Тебя.

— Мое имя Никас Аркас. А ты...

— Да.

Эту новость нужно было переварить. Творец терпеливо ждал.

— Значит, я мертв.

— Ты Жив. Отныне и Навсегда.

Никас Аркас ничего не ответил. Он уже сидел на песке, разведя согнутые колени, и тупо глядел на крохотного рачка. Рачок, в свою очередь, глядел на человека. Через минуту он уполз.

Тогда Создатель сказал:

— Я...

— Мне нужно подумать, — скорбно перебил Никас Аркас. — Могу я побыть один? Пожалуйста?

На это Творец не рассчитывал. У такого события просто обязана присутствовать торжественная часть.

— Позволь, я поброжу по Саду...

— Нет! То Есть... Не сейчас. Сперва Примешь От Меня Приглашение.

Никас Аркас нехотя согласился.

Он шел вслед за сияющей фигурой, рассказывая о своей жизни. Как сладко было слушать его, после столетий бляения козы-проматери. Человек был воистину святым. Жизнеописание его было прозрачными чернилами нанесено на белейшую бумагу. А сколько мук он пережил, сколько невзгод перенес, ведь как много испытаний выдержал.

— Почему же я не знал про тебя? — счастливо спрашивал Творец.

— Так вышло, — скромно отвечал Никас.

Долой шалаш! Дворец из невесомого камня. Облагородить зверей! Просто свинья, недоверчиво вертя пятак, терлась о плетень радужной шерстью.

Плетень! И его долой!

Свинья в ужасе удрала в огород, и скрылась там, среди зреющего гороха. А вот огород можно оставить. В конце концов, горох действительно почти поспел. Он не помешает атмосфере торжественности.

Итак, вземное блаженство. Никас Аркас отведал его во дворце. Собственно блаженство состояло из мягкой софы и вазы с фруктами. Но человек таял от счастья. Он с удовольствием продолжил свой рассказ и до самой ночи они с Создателем беседовали на всевозможные темы. До того эрудированным был этот Аркас.

Создатель слушал и грезил о большем. Представлялись ему поля, засиженные праведными мудрецами, и леса, беспокойные от прогулок философов.

Слушая сладкоголосого новосела, все больше забывался он. А потом уснул.

Наутро человека во дворце не оказалось. Обыскивая окрестности, Создатель чувствовал, что рубеж пройден. Неизвестность ударила ниже пояса. Ничего подлее этого, нельзя было придумать. Дать надежду и долгожданное облегчение, чтобы потом сразу же хлестнуть по

щеке.

Праведника нигде не было. Он охмурил хозяина Сада и бежал.

Зачем?

Всеведущий направился к Неправильной яблоне, чтобы проверить свои подозрения. Неизвестность очевидно была прислужницей Змея. А что нужно Змею?

Не хватало ровно одного яблока.

На щербатой коре было вырезано: «Хочешь яблоко назад — приди и возьми». Рядом валялись камуфляжные брюки, китель и ботинки. Все это было оставлено, что бы у Творца не оставалось сомнений. Его надули. Разбили сердце и обокрали.

В этот раз обошлось без молний. Без сияния. Без перевоплощений.

Просто свинья жадно выхватывала из горы овощей самое вкусное и сгрызала это, ревниво поглядывая на остальных зверей. Особенно на козу-проматерь, которую выпустили из загона. Недалеко от этой свалки, Создатель срезал бороду кремниевым орудием. Лицо Его было безучастным, взгляд — сумрачным. Покончив с этим, Он взъерошил оставшуюся щетину и взялся за копьё. Проверил остроту наконечника. Тоже каменного.

У Неизвестности впрок не займешь. Это, вне всякого сомнения, вражеская территория. Одной всесильности там может быть недостаточно.

Ближе к вечеру на берег Озера пришла одинокая фигура в броне из дубленых шкур. Она села на валун и принялась ждать, крепко сжимая отесанное древко копья. Сад затих. Чувствуя неладное, звери окружили своего Отца, не решаясь подойти ближе. Даже верный Пес тоскливо выл в стороне.

Создатель поднялся в полный рост и тихо Сказал:

— Я Ухожу. Я Не Могу Поступить Иначе. Я должен Узнать, Что Там. В Неизвестности. Простите Меня. Я Сделаю Все, Чтобы Вернутся.

Звери ошеломленно зашептались на своих языках.

Творец сел.

Оставалось только дожидаться, когда появится новая каверна. В которой варятся неопишуемые цвета. И ждет пугающая кавалькада чуждого.

* * *

Альфа взобрался выше по холму желтоватой шкуры.

— Ориентируемся же. Друг мой, знаешь ли ты, что нам нужно?

Никас отрицательно мыкнул.

— Нам нужна голова, — каблуки образа вязли в шкуре, издавая чавкающий звук. — Не с задницей же разговаривать!

Никас мыкнул утвердительно.

В логове держался свет электрической лампы. Он исходил от гротескных накалившихся штыков, которые в нескольких местах пронзали пещеру извне. Штыки нетерпеливо сверкали и потрескивали от печного жара. В общем, были настроены довольно революционно.

Тело сущности было настолько обширным, что имело горизонт. И до самого этого горизонта Никас видел странную, беспокоящую картину: тощие озлобленные люди перемещались по неровным просторам колоссальной туши. Их было чрезвычайно много, и каждый волочил за собой железную решетчатую тележку наполненную мелким хламом. Тем

не менее, глядя на перекошенные лица и мучительные усилия, Никас понимал, что люди изнемогают. Пот катился с них градом, просаливая высушенные тела. При каждом движении они хрустели и поскрипывали как вяленая рыба.

— Что они тут делают? — спросил Никас, разглядывая это бессмысленное и угнетающее движение, напоминающее сцену из «Божественной комедии».

— Пытаются проникнуть внутрь, разумеется. Как и мы, ищут голову.

— И?

— Некоторым удастся. Там внутри душный мир роскоши и морального разложения. Рай. Они так думают.

— А на самом деле?

— Я уже говорил. Смерть.

— Это они бегали по трубам в ущелье?

— Почти. То были совсем одичавшие потребители. Они выют гнезда в трубах и выращивают там детенышей, вскармливая их купонами на скидки.

Шкура начала мелко вибрировать. Послышались глухие стуки и утробный гул. Местность заходила ходуном. Никас присел, чтобы не упасть.

Повсюду, из раскрывшихся пор потекли жировые ручьи. Жидкость неслась по ложбинам и собиралась в озерца, быстро испаряющиеся в горячих складках. В некоторых местах кожа истончалась и лопалась: оттуда лезло нечто совершенно неопишное, гниль и свалывшаяся ветошь.

Концепция заворчалась в своем логове. С потолка пещеры посыпался тлен и мутные капли конденсата. Стало жарче, откуда-то волной вырвался горячий воздух.

Альфа прислушивался к рокоту. Для этого он приложил ухо к шкуре и замер, оттопырив зад. Левая рука идеи описывала круговые движения. Через минуту к нему забрался Никас. С дюны вид был лучше. Под редкими черными волосинами величиной с баобаб расположились стоянки. Образы лежали вповалку как жертвы голодного плена. Некоторые забирались под свои тележки и там беспокойно дремали. Их руки постоянно к чему-то тянулись, царапая воздух. Отдельные участки туши были покрыты соляными надолбами. Образы грызли их и царапали ногтями, пытаясь добраться до затертых там коробок.

— Ну? — спросил Никас.

— Определённо... — Альфа сел, по-турецки сложив ноги.

— Что?

— Нам определено не туда.

Он указал назад, на вход в логово.

— Это все?

— Пока да.

— А что насчет: «я могу выбраться из любой точки...».

— Верь мне, — перебил Альфа. — Именно так я и сказал. И еще я сказал: не торопи события.

— Ты такого не...

— Тихо! Слышишь?

Снова заурчало. Туша, кажется, приподнялась. Поток ветра налетел с новой силой. Никас покрылся испариной. Духота уничижала.

— Откуда дует? — быстро спросил Альфа. — Колумнист, облизни палец. Скорее!

— Оттуда, кха...

— Воняло серьёзно, не так ли?

Никас кашлял.

— Значит, нам нужно идти в противоположную сторону, — заключил Прима-образ. —

Вот так вот, наискось.

И легко оказалась на ногах. Аркас мелко подрагивал.

— С чего ты взял?

— Что ты сейчас делаешь, Никас? — вроде бы невпопад спросил Альфа.

— Пытаюсь отдышаться.

— Именно. И что для этого нужно?

Никас запрокинул голову.

— Что бы отдышаться, нужно дышать, — проговорил он с отчаяньем в голосе.

— Блестяще! — воскликнул Альфа. — А если конкретней, то нужно делать вдох и выдох. Однако мы наблюдаем циркуляцию крайне... тяжелого воздуха в одну сторону. О чем это говорит?

Никас задумался. Понимание настигло его как выстрел в спину.

— Эй! — засмеялся прим. — Меня подожди!

Итак, Никас быстрым шагом направлялся навстречу своей судьбе. Все дальше и дальше вел путь, и сомнение не сбивало поступь. Почему это все напоминает мне приключения старого Скруджа? — думал он. Этот призрак рождества по имени Альфа, показывает мне человеческие недостатки, а я, почему-то, ощущаю стыд, как будто это именно моя жадность создала это. Ну, да, иногда я позволял себе роскошь. Первокласная еда, дорогие курорты, женщины. Но я ведь это заслужил! Честно, сам заработал. С другой стороны, если рассуждать таким образом, все те, кто превращают достаток в жир, тоже имеют на это право. Возможно, где-то они действуют не честно, обогащаясь, но ведь это просто означает, что им позволяют это делать. Любое воровство — не воровство, если за него не наказывают, ведь так?

Размышляя таким образом, он, незаметно для себя перешел к мечтам о блюдах из ресторанов, алкоголе и подружках на один вечер.

— О чем задумался, колумнист?

— А как тут у вас с женщинами? — не удержался Никас.

— Ты имеешь в виду, возможен ли секс между человеком и сущностью? — несколько не удивился Альфа, мгновенно ухватив и контекст, и потаенный смысл, и даже рассчитав последствия. Это было понятно, по тому, что ответа он ждать не стал. — Это возможно. Некоторые люди живут только с идеями. Каждый человек на земле, хоть раз, но занимался любовью с образом. А те, кто отрицает это — лгут.

Никаса охватило тягостное предчувствие.

— Я не понимаю, — сказал он. — Ты сейчас говоришь о мастурбации?

— Так это у вас называется. Считается крайне постыдным занятием. Но в действительности, это такая же часть сексуальной палитры, как например, гомосексуализм, герантофилия, зоофилия, нарциссизм, пигмалионизм и так далее. По сравнению с тем, что может предложить фантазия, все это уныло как точные науки. Только Многомирье может удовлетворить тайные или неосуществимые желания. Особенно, если у тебя период вынужденного затворничества.

— Хватит! — взмолился Никас. — Просто замолчи.

— Какой ты заскорузлый, колумнист, — веселился Альфа. — Уже занервничал. Ты

ведь, наверняка, и сам об этом думал. О том, как хорошо было бы оставаться самодостаточным. Не отвлекаться на проблемы внутреннего зверя.

Никасу стало жарче, чем обычно.

— Думать и делать, не одно и то же, — он уже знал, что окажется не прав.

— Неверно. Под тобой огромная, отвратительная тварь, созданная как раз таки мышлением и страстями. И она, эта тварь, теперь оказывает непосредственное влияние на вашу реальность. Думать и делать — две части одного замкнутого движения. Многомирье и Материя — они как сообщающиеся сосуды, в которых жидкость держится на одинаковом уровне. Усвой это, наконец, колумнист. Не зря же говорят, что за своими желаниями нужно следовать.

— Господи, — вздохнул Аркас. — Какое неожиданное откровение. А я ведь всего лишь хотел узнать могу ли я здесь развлечься с Мишель Мерсье, испытывая те же ощущения, что и в Материи.

Альфа помедлил несколько секунд.

— Ах, это ты хотел узнать? Тогда отвечаю: можно. И даже без рук. Достаточно того, что тебе известен процесс.

— Спасибо, — отчетливо произнес Никас.

Беззлобно переругиваясь, они шли по колыхающемуся жиру.

К стоянкам образов старались не приближаться. Альфа говорил о них с легким, но неизменным призрением. Никасу они тоже не нравились. Бродяги провожали человека жадными взглядами. Их одинаковые костистые лица излучали тоску по чужому достатку.

Позади нарастало отчаянное кряхтение.

— Собираются в стаю, — послышался голос прима-образа. — Поняли, куда мы идем. Ускорим шаг. Нельзя, чтобы они были поблизости.

Орава алчущих образов все увеличивалась. Страшно было смотреть на их калечащие усилия. Чтобы поспевать за путешественниками, они развивали скорость, на которой начинались проблемы с ходовой частью. Никас старался внушить себе, что это простейшие сгустки мыслительной энергии неспособные на настоящие страдания. Это не особенно помогало, потому что кряхтение сменили вопли, стоны и мольбы. Игнорировать их становилось все сложнее.

А, прим, как назло, двигался чуть ли не бегом.

— Может нам пойти медленнее? — предложил журналист.

— Ведь и дураку ясно, — быстро заговорил Альфа. — Мы должны от них оторваться. То, что мы ведем их — неправильно. Это нарушает логику концепции. Кроме того эти доходяги могут нас выдать. Я что, не объяснил тебе план?

— Ты сказал, что нужно добраться до головы.

— Нам нужно добраться до головы так, чтобы тело этого не заметило. Нельзя, чтобы нас обнаружили раньше времени!

— Почему?

— Так будет лучше, поверь мне.

— Что это значит, черт возьми? Ты можешь говорить яснее?

— Нас повернут обратно вместе с этими парнями, если сущность разозлится. А она разозлится! Их счет скоро пойдет на сотни!

— И что?

— Никто не любит щекотку, Аркас!

Шкура вздрогнула как корабль, налетевший на риф. Никас упал и покатился по склону жировой ложбины. На дне ее скапливался густой пот.

Аркас заорал и вцепился в складку. Инерция развернула его; нога угодила в болото. Рыча от отвращения, журналист полез наверх. Подоспевший Альфа схватил его за локоть, и выволок на ровный участок.

Концепция рокотала и тряслась. Судороги проходили по ней сейсмическими волнами.
ХО-ХО-ХО!!!

— Ну вот, — сказал Альфа. — Теперь все стало очень плохо.

Шкура начала морщиться и расползаться. На глазах троицы вырастали жировые горы и неслись вниз бездонные пади, в которые устремлялись ревущие потовые реки.

ХЕ-ХЕ-ХЕ!!!

Что-то массивное ударило в стену логова. Послышался далекий грохот и влажные шорохи, усиленные акустикой замкнутого пространства. Начался заметный крен. Концепция напознала на стену пещеры.

АААААА!!!

— Хватайся за что-нибудь! — крикнул Альфа.

— За что?!

— Проклятье!

Прим вытянул из рукава маленький крюк на тросике, и вонзил стальное жало в шкуру. Никас крепко ухватил протянутую руку. Горизонт пер вверх и загибался. Толпы жадных образов рассыпались. Отчаянно цепляясь за свои тележки, они вопили, пытаясь карабкаться выше. Никас наблюдал за этим с сожалением ровно до того момента, как один из преследователей не воспользовался бегущей вверх судорогой. Складки, разделяясь и сливаясь воедино, выбросили его наверх. Его и еще нескольких, но те оказались не так ловки. Загремели банки.

— Отпусти ботинок! — захрипел журналист.

— Никогда! — истерически взвизгнул образ.

— Колумнист! Почему у нас безбилетники?

У Аркаса перехватило дыхание. Образ вроде бы и не весил ничего, несмотря на свой багаж, но рука! Рука самого Никаса, которой он сжимал локоть Альфы, была скользкой от жира!

Их окатило мелким ручьем гадости. Кисельные массы неслись вниз, то тут, то там.

— Я выскальзываю! — просипел Никас, холодея от страха.

Внизу он увидел открывающееся дно пещеры. Тело сущности все ползло на покатуую стену. Оно обнажало тысячи жующих ртов, которые поедали выделения. Никас в ужасе глядел на блестящие серые губы, которые скользили по голым деснам. Их были десятки, если не сотни.

— Жи-и-и-ир! — завизжал один из них, искательно шевеля языком. — Жир!

— Верни! Верни!

Через минуту кричали уже все. Поднялся невыносимый, почти ультразвуковой визг.

— Альфа! — едва различимо крикнул Никас, совершенно ошарашенный. — Застрели эту сволочь! Застрели образ! Я выскользну!

— Как я, по-твоему, должен это сделать?! — так же на грани слышимости возмутился образ. — Que je sois damné! Слышишь бульканье?

— Что?!

— Бульканье! Никас, это спазмы!

— Что?!

— Берегись! Пошло!

Журналист еще успел взглянуть наверх и скорчиться от отвращения, как его накрыла чудовищная рвотная сель. Образ мгновенно сорвался с его ноги. Никас понял, что все — конец. После такого выжить нельзя. Он уже не мог понять, держится ли за что-то или нет. Падает или застыл в этом потоке полупереваренного жира.

— Жир!

— Жир!

— Жир!

Человек едва смог прочистить глаза. Он стряхивал с себя потеки, бессильно корчась в серой луже.

— Никас! — вроде бы слышал он, прочищая уши мизинцами. — Колумнист!

— Ап-фр...

— Жир!

— Жир!

— Жир!

Пещера ожила. Никас полулежал, опершись на локти, и глядел на свиту концепции. Они прогрызли стены логова и теперь глядели на происходящее, извиваясь и суча хитиновыми лапками. Восторгу их не было предела. Они с благоговением созерцали истекающую рвотой сущность, которая уперлась членистыми ножищами в стены. Никас понял, что лежит на широкой бесформенной ладони, которая подхватила его как лавровый лист.

— ММММ, — неопределенно просипело чудовище. — Я что-то поймала, дети мои.

Черви льстиво захохотали.

Голос у Концепции был свербящий и тянущийся. Неразборчивый и влажный. Она раскатисто рыгнула, и обратила свое внимание на Альфу, который безуспешно подтягивался на скользком тросе. Медленно, раздражающе неторопливо, она поднесла к нему вторую руку, со следами ржавых перстней.

Альфа, оттолкнувшись, запрыгнул на толстый податливый палец. Он свесился вниз и помахал Никасу рукой.

— Ты как?!

— Я лежу в луже рвоты! — приветливо отозвался человек.

— Что случилось, то случилось! План меняется, колумнист! Теперь у тебя новая роль!

— Какая?!

— Молчи и надейся, что я смогу договориться! Понимаешь, пока она была сонной, у нас было куда больше шансов!

— А теперь?

— А теперь нас, скорее всего, закатают в жир!

Тем временем вокруг Концепции быстро возникло организованное движение. Оплывшие образы строили простые рычажные механизмы. Они крепили тросы и ввинчивали крюки в тело чудовища. Тут и там спускались сверху и громоздились снизу растущие леса. Скрипели лебедки.

— В сторону, в сторону, — крикнул кто-то над ухом Никаса.

Тот неловко отошел, оскальзываясь в жиже, пропуская бригаду рабочих. На их спинах красовались латунные таблички с оттисками «персонал».

Где-то взревел настоящий реактивный двигатель. Канаты и цепи оплетающие руки сущности натянулись как струны. Руки медленно двинулись вверх. Журналист задрал голову. Его рот приоткрылся... И Никас чихнул. Ничего разглядеть ему не удалось. Свет штыков резал глаза.

Грудь концепции колыхалась. Аритмично, словно от неверного сердцебиения. По пути наверх Никасу встретился огромный медальон со знакомым клопом. Его наполовину засосали складки, и он торчал одним ребром, словно утопший в болоте плот. Его сомнамбулический натурали щетками образы из того же «персонала». Оглушительно рубя воздух лопастями, носились пожарные вертолеты, сбрасывающие тонны воды на липкую шкуру. С разных точек ударили водяные пушки.

Тяжелые тракторы, грохоча, втаскивали на отмытое тело огромные лоскуты черного твида. Их соединяли грубыми стежками и утюжили паровые установки. Никас, припав к краю ладони, наблюдал за этим, силясь понять, что это значило это преобразование.

Концепцию переодевали.

Жадные пасти на дне застелили ковром, который они тут же принялись жевать. Стены выровняли, заштукатурили и покрыли красным с золотым. Натянули потолок и установили лампы. Раскаленные штыки закрыли листами железа. Личинок тоже переодели и нацепили маски на влажные хари. Маски болтались, образы пытались сорвать их лапками, надрывая и растягивая.

Перед сущностью с фантастической скоростью вырос столик, собранный из лакированных деревянных блоков. Два грузовых вертолета выгрузили на него рюмку и коробку с сигарами.

Никас оглянулся назад. Там срезали автогеном отросшие ногти и полировали их циркулярными щетками. С большим эскортом полетел парик. Это, видимо, был завершающий этап. Парик был черный, с идеальным пробором. Он тяжело шмякнулся где-то наверху.

Через минуту лебедки замолкли, затих реактивный двигатель.

Руки остановились.

Никас глядел на странное сооружение, напоминающее дворец нефтяного шейха. Оно было выстроено фасадом поверх чего жуткого, клокочущего и сипло отдувающегося. Мраморные стены, убранные красным алебастром, облизывал длинный язык, пористый как губка. Он выныривал из распахнутых врат, разгоняя вокруг зловоние роскоши. Заметно было, что чудовище алчет.

Приглядевшись, Никас заметил, что за стеклами окон, застыли полузакрытые зенки, со слипающимися веками.

Тем временем грянули фанфары. На мощенной осмием площади, перед грандиозной маской Концепции, толпились празднично одетые люди. Они ликовали, глядя на дрожащий от отрыжки замок и хвалили зеленый ноздреватый язык. У ворот встала гвардия, вооруженная автоматическими винтовками. Ударил салют, откуда-то выплыл пузатый цеппелин с мерцающим экраном. «Не дели малое», — неслось по экрану.

Никас нерешительно огляделся. Альфы нигде не было видно. На руках концепции было пусто: образы-рабочие испарились вместе с техникой и строительным мусором. Только у манжет еще топтался одинокий доходяга с мотком шелковых нитей.

Журналист почувствовал себя оскорбленным. Где-то он слышал, что с застигнутыми нарушителями суверенных границ, поступают куда решительнее. Попинав твид носком

ботинка, он дошел до высокого ровного шва, и завалился у его подножия, скрестив руки на груди. На площади что-то декламировали. Наверное, опять про разумный аскетизм.

Через некоторое время мимо прополз доходяга с узлом. Альфы все не было.

На площади было шумно. Сколько не присматривался, Никас не мог точно сказать, что там происходит, но ощутил зависть. Собственно, он мог бы назвать это оргией, если бы ему позволили принять в процессе активное участие.

— Мерзость какая, — процедил он бессильно.

Через минуту его накрыла черная разделяющаяся тень. Журналиста окружили остроносые вертолеты, украшенные соболиным мехом.

Один из них быстро улетел, заложив крутой вираж.

Еще одна машина опустила перед Аркасом. Тот, пригнувшись, наблюдал, как отворились квадратные заслонки и лязгнули пандусы. С них скатился лимузин обитый крокодиловой кожей. Он бесшумно проехал положенные несколько метров и остановился рядом с журналистом.

Двери распахнулись, и Никас отступил в сторону, с изумлением глядя на потоки желтоватой влаги, хлынувшей из салона. Нестерпимо запахло шампанским. Следом из салона показался образ в аквалангистском снаряжении поверх черного агрессивного костюма.

Он выплюнул дыхательную трубку.

— Никас Аркас?

Журналист непроизвольно оглянулся, чтобы удостовериться, что обращаются к нему.

— Никас Аркас, это вы? — повторил образ.

Где сейчас Альфа? Что делать? Признаться или молчать, как он рекомендовал? Как быстро закатывают в жир непрошенных гостей?

— Концепция желает видеть вас, — безразлично продолжал образ. — Подчинитесь. Ее гнев не пережить. Подчинитесь.

Θα είναι καταδικασμένη, - подумал Никас.

— Ну, пойдём.

Образ подвел его к открытой машине. Журналист, помедлив, залез в распахнутую дверь. Внутри отвратительно пахло густеющей сладостью. Никас уселся напротив вытянутого, слабо освещенного салона, почувствовав, как промокают штаны. На боковых сидениях холодели хризолитовые статуи, одетые в раскисшие фраки.

Образ закрыл дверь, оставшись снаружи.

— Господин Аркас? — спросил тихий шелестящий голос.

Он доносился из нефритовой ванны, смонтированной в центре салона. Говорящего не было видно.

— Это я.

— Вы жертва?

— Миссионер, — холодно поправил Никас.

— А, — усмехнулся голос. — Как интересно. В первый раз вижу, чтобы жертва говорила. Да еще и подыскивала удобные термины. Вы необычный пришелец.

— Так говорят.

Ванна удовлетворенно застрекотала.

Машина, тем временем, мягко двинулась с места и сделала поворот, вернулась в грузовой отсек вертолета.

— Что у вас с этим паяцем? — осведомилась ванна, когда втянулись пандусы и лязгнули затворки. — Он ваш проводник?

— Кто, Альфа?

— Так он себя называет, дерзкая козявка.

— Он объясняет мне, как устроено Многомирье.

На этот раз собеседник откровенно расхохотался, треща и посвистывая.

— Он смеет брать на себя такую ответственность? Обсуждать химию и физику нашего великолепного мироздания? Да, он дерзок.

— С кем я говорю? — не выдержал журналист.

Он поднялся, отодрав прилипшие штаны, и медленно пошел вперед, поглядывая на статуи. Они были покрыты извилистыми дорожками и отверстиями, в которых тихонько шуршали паразиты.

Приблизившись к ванне, он осторожно заглянул внутрь.

Там никого не было. Только засохшая пена на дне. И маленький слепень, сидящий на внутренней стенке. У журналиста появилось дурное ощущение ночного кошмара.

— Я, главным образом, обитаю снаружи, господин Аркас.

Никас вернулся назад и выглянул в окно. Внутри вертолета была кромешная тьма. Журналист слышал только странные постукивания и тяжелый гул. Что-то ударилось в стекло. Это был крупный овод с желтым ссохшимся брюхом. За ним приземлился второй. Через минуту они полностью застали все окна, роясь и вздрагивая.

— Что ты такое?

— Я — дворецкий, если хотите, — отозвался голос. — Смиренная сущность синонимичная Хранителю Малого. Встречаю вас у врат. Как вам показалась дорога до нашего славного царства? Говорят, Девел сдался. Это правда?

— Где Альфа? — спросил Никас, чувствуя, что теперь нужно следить за разговором.

— Где-то поблизости, — скупно просвистел «дворецкий».

— Что с ним?

— Ему позволили насладиться праздником. Так что, если я хорошо его знаю, — а я знаю его лучше вас, господин Аркас, — он развлекается. Вы думали, что его кто-то удерживает? Альфа здесь никому не нужен. Хранитель Малого хочет видеть человека, а не этого фигляра.

— Без него я говорить не буду, — отрезал Никас. — Отведите меня к нему или дайте найти самостоятельно.

— Вы даете мне указания?

Слепни заметно надавили на стекла. Те опасно затрещали.

— И учтите, — добавил журналист поспешно, — я знаю, что неуязвим. Поэтому не надо меня пугать.

Да, подумал он отчаянно, вот теперь дурака можно свалить всего один раз. Ни черта я не знаю. Здесь ничего не слышно, кроме этого проклятого жужжания. Зачем ему знать, что случилось с Девелом? Что его падение может значить для них? Есть ли сущности дело до планов Одиночества? Альфа, клеше затертое, мог бы дать инструкцию подробнее. Ведь знал же, гад, что меня могут захватить.

— Господин Аркас, — снисходительно заговорил рой, — я всего лишь встречающий. Если Хранителю Малого будет угодно пытать вас ужасом, то я не буду иметь к этому никакого отношения. Вас смущает мое любопытство? Тогда просто не отвечайте.

Журналист откинулся на спинку сиденья, забыв, что оно липкое. Ему хотелось изо всех сил хватить себя кулаком в лоб.

— Не волнуйтесь, — прогудел рой. — Мне нужно удостовериться, что вы тот, за кого себя выдаете. То, что вы так охотно со мной разговариваете, очень нехарактерно для жертвы. Кроме того, ваш внешний вид обезоруживает и заставляет задуматься: не обман ли это... Вы не отвечаете, что случилось с Девелом. Может быть, вы этого просто не знаете? Может быть, — машина задрезжала, — вы провокация Позитивной Ложи?

Стекла лопнули. Рой проник внутрь. Никас даже не успел закричать от страха, слепни облепили его как глина. Они пытались кусать его, ползали, царапая кожу лапками, и злобно жужжали от голода.

— Ошибки быть не может, — прошептал рой прямо в его уши. — Вы человек. Материальная плоть. Хранитель Малого будет рад поговорить с настоящей жертвой... Миссионером, господин Аркас. Прошу прощения.

Слепни разлетелись. Никас скрючился от страха. Сердце бешено колотилось. Нечем было дышать.

Когда машина покинула грузовой отсек, Никас готов был молчать как тысяча партизан. Автомобиль окружили блестящие от масел фигуры. Никас, не в силах больше находиться взаперти, надавил на дверцу и выскочил наружу. Образы тряслись в экстазе и опадали, карабкались на пирамиды. Они были составлены из прозрачных дисков, на которых роскошная мебель трещала под клубками сцепившихся тел. Сверху тонкими струями лился газированный мед.

Не оборачиваясь, журналист прорывался, сам не зная куда, сквозь пирующую массу, поминутно спотыкаясь о лежащие тела, столы, бордюры и края пенящихся фонтанов. Его хотели куда-то увлечь, совали в рот деликатесы и недвусмысленно хватали за мужские регалии. Но он, как одержимый, рвался вперед, пытаясь найти свободный участок.

Наконец он остановился, просто потому, что устал и совершенно потерялся. Он не мог даже взглянуть поверх голов: — толпа дымила. Все пространство над фигурами было затянуто разноцветным смогом.

Уже не сопротивляясь, Аркас позволил увлечь себя в ячейку всеобщей вакханалии. Тут же ему разорвали китель на груди, и принялись лить масло на бледную кожу. Рот забили яствами, и принялись сдирать с изможденного миссионера штаны. Копия Мишель Мерсье на несколько секунд застыла над Никасом, а потом нырнула вниз, к его паху.

Журналист чуть не подавился тарталеткой. Он и не знал, что можно испытывать такое наслаждение, будучи сумасшедшим. Ему быстро и обосновано доказали, что воображение — великолепный любовник. Во всяком случае, когда ты играешь на его поле. Аркас почувствовал, что жизнь, внезапно начала налаживаться, притом резко, через рывок госпожи Мерсье.

Тут кто-то, особенно не целясь, начал лить на него коньяк.

Через какое-то время, журналист перестал понимать, где находится. Перед глазами миссионера прокручивалась панорама, с чрезвычайно пикантным содержанием. Он совершенно опьянел и реагировал только на громкие звуки. Самым ярким впечатлением был сигнальный рев яхты сделанной из покрашенных человеческих ногтей. Рисково скользя подмышками по серебристым перилам, Аркас облегчался. Вниз, в голубоватую воду огромного бассейна, в котором застряло омерзительное судно.

— ...высокая мораль утомляет, — совершенно отчетливо слышал он, раскисая в

джакузи. Это было до того странно, что миссионер стремился найти говорящего, но ему чем-то светило в глаза. — Почему мы сосредотачиваем вокруг себя такие колоссальные ресурсы? Ведь совершенно очевидно, что мы не в состоянии их использовать? Это не совсем верно. Точнее, в корне неправильно. Ошибка кроется в устаревшей точке зрения, что сдержанность — это добродетель. Сколько нам еще путаться в дебрях этих предрассудков, страдать и мучить себя. Сдержанность, человеколюбие, щедрость и милосердие, — чрезвычайно калечащие привычки. Если можете, берите. Это куда естественнее, чем самоограничение и скромность. Это здоровое и ожидаемое стремление. Оно не вызывает подозрений у окружающих. Берите, если хотите стать сильным.

Никаса вывела из оцепенения стрельба и рев мотора. Его куда-то мчали, в воздухе метались радужные перья, лобовое стекло кабриолета было запылено белым. За рулем сидел образ в жемчужном костюме.

— Стреляйте же, сэр Аркас! — азартно кричал он, не оборачиваясь. — Иначе уйдут!

Мимо проносились какие-то желтые пятна. Никас различал только медные рога и длинные клювы.

— Стреляйте! — крикнул образ.

Их подбросило на ухабе и Никаса снова замутило. Он обнаружил у себя в руках ружье и поднял его, неуверенно прицелившись. Отдачей его опрокинуло вниз.

— Мы делаем это потому, что можем. Не потому что особенно злы. Тем, кто ниже, не понять, насколько тяжело отказаться от Жи́ра. Жи́р — это жизнь. Без него мы — ничто. Шаг назад — пропасть, полное обезличивание. О каком милосердии может идти речь? О какой, скажите, пожалуйста, практичности? Жи́р гораздо ценнее будущего.

— Но почему?

— Жи́р защищает нас.

— От чего?

— От кого, господин Аркас. От кого. Только совершенно оскотинев, потеряв лицо, потеряв человечность... Навсегда смирившись со своей враждебностью к людям, можно войти в совершенно особенное состояние. Когда Одиночество отступает. Когда Его легко побороть. Когда не остается чувств, отличимых от голода. Мы не можем иначе. Мы искали и нашли. Не судите наши методы. Мы больше, чем люди. Мы часть нового божества. Все — Жи́р. Все к его алтарю.

Аркас ехал по красной дорожке, со свитой и оркестром. Он приближался к воротам во дворец. Ему салютовали полки, тысячи образов скандировали его имя. Журналист совершенно одурел. Путаясь в разноцветных лентах, он отбросил тянущиеся к нему руки, и упал на заднее сиденье. Парящие экраны с изображением неба гасли. Надвигалась мгла. Она расплывалась как облако отравляющего газа, и опускалось на площадь.

— Осторожнее... — неслышно сказал Никас. — Что это такое? Осторожнее... Вы что не видите это?

Мгла жадно заклокотала.

* * *

В страшной духоте, не чувствуя опоры, Аркас нависал над загадочной пропастью. Ее неразведанное дно ощутимо бурлило, пахло топленным салом и гарью. Что-то влажно

лопалось и постанывало, почти по-человечески. Никас заворочался, пытаясь отодвинуться подальше от неизвестного, но начал медленно сползать вниз. А там его поджидал бездонный океан жира, из тяжелых волн которого выныривали макабрические твари, гудящие от наслаждения.

Никас моментально протрезвел и заорал не своим голосом. Падь откликнулась, словно только и ждала этого. Журналиста швырнуло вверх, ударило, вышибло дух и сознание.

* * *

— О, какой неожиданный вкус! Настоящий человек! Примечательно, до чего примечательно! Щекочет небо.

Альфа стоял на осмии, окруженный пузатыми идолами. На площади было тихо. Под покрывалом пестрого мусора лежали высушенные тела образов. Они напоминали осенние листья. Желтые и невесомые. Большинство расползлось блестящими чешуями, словно отстающая краска.

— Жадная утроба, ты не понимаешь, что делаешь, — произнес Альфа смеющимся голосом.

— Молчать! — рявкнула Ненасытность.

Слепни тяжело взвились над мертвецами.

— Хранитель Малого не потерпит неуважения!

— А-а-а, — захрипела сущность, — не шипи здесь. Маленький Альфа волнуется. И ты бы волновался.

Она оглушительно икнула.

— Выплюнь его немедленно, глупая, — отчетливо проговорил Прим. — Без этого человека нам всем придет конец. Выплюнь, тебе говорят!

— Так как ты смеешь... — жужжало со всех сторон.

— Не шипи, — снова осадил сущность.

Она заурчала, высунув зеленый язык.

— Ты знаешь, пожалуй, я его оставлю. Он очень вкусный. Я могу жевать его очень долго. Восхитительно!

Альфа запрокинул подбородок.

— Бессмысленная прорва, — произнес он презрительно. — Я так и знал, что не обойтись без сцены. Решила разозлить меня?

Слепни ринулись на него без предупреждения. Прима-образ скрыло трепетанием крыльев и серых тел. Насекомых сотрясала зернистая рябь. Они вытянулись тонким веретеном и устремились вверх. Животы раздувались, жужжание тяжелело. В какой-то момент веретено вдруг надломилось как спичка, рассыпая неподвижные тельца. Они исчезали на излете, бессмысленно кружили в воздухе, и лопались, брызгая и смердя.

Ненасытность метнулась в сторону, спасая остатки своей сущности. Поредевший рой со стоном рассеялся, стелясь у самой земли. Альфа, подогнув колени, сидел, дрожа и одновременно рыча от ярости. Он сильно иссох и побледнел. На открывшемся лице горели голубые глаза и рыжие ссадины.

— И снова подавилась! — крикнул он сорвавшимся голосом.

Идолы надвинулись на него, скрежеща постаменами.

Концепция весело смеялась.

— И правда! — прогремела она. — Ничему не учиться моя мошка! Маленький Альфа но ведь и ты уже не так уверен в себе. Уходи! Я не отдам человека. Максиме предупреждала. У нас с ней договор. Она приводит мне человека. Я не отдаю его. И не собираюсь! Я...

— Показуха! — вдруг крикнул Альфа.

Концепция, приоткрыв пасть, глядела на него с растерянностью ребенка.

— Дерзость! — прохрипела она, жалобно булькая.

— Пена и показуха! — приподнялся Альфа.

Концепция всхлипнула. Фасад затрясся, рывками поползли трещины. Идолы бились друг о друга, раскалываясь. Из них вязко выплескивалась прелая гниль.

— Твое настоящее лицо! — Альфа, припадая на правую ногу, ковылял вперед. — Хочешь, что б я открыл его?! За ним мразь и погонь!

— Замолчи! — взревела Концепция.

— Я знаю, чего ты боишься! Не смей перечить мне, ничтожество! Иначе маленький Альфа сорвет твою драгоценную маску! Человека мне! Сейчас же!

— Никогда! Он мой! Мой! Пророк отдала его мне!

Альфа бросился к осыпающимся стенам. Карабкаясь по кренящимся колоннам, он перепрыгивал на расколотые подоконники и, едва цепляясь слабеющими пальцами, взбирался по резьбе и лепнине.

На него уставился тусклый глаз, обросший белой глаукомой. Прима-идея выбила остатки стекла, и приникла к нему, постучав кулаком по хрусталику.

— Послушай меня! Девела больше нет!

— Я знаю! Ну и что?!

— Ты бы хоть иногда думала, тупая прорва! Этот человек — последняя жертва! Понимаешь?! Больше не будет, пока не найдется новый проводник! Минуют циклы и циклы! Тебя не удивило, что Максиме впервые обратилась к тебе лично?! Когда она приходила?

— Недавно, — Концепция тяжело дышала, облизывая трещины. — Она приходила. Пообещала много образов. Не обманула!

— А взамен?

— Сказала, что вы придете. Сказала: человека не пускать.

— Она хочет уничтожить Многомирье, — внятно проговорил Альфа.

— А мне-то какое дело?! — капризно воскликнула сущность. — Я хочу человека. Уговор, есть уговор!

— О, фантазия, — взмолился прим. — Объясняю популярно. Нет человека — нет защиты. Нет защиты — нет Многомирья. Нет Многомирья — нет страстей, в том числе жадности. Нет жадности — нет Жира.

Сущность затаила дыхание. В логове стало настолько тихо, что слышно было, как слизь стекает по стенам. Описывать процесс возвращение Никаса Аркаса из недр ее, не пришлось бы в голову самому отчаянному поэту. Это было бы просто опасно. Скажем так: не обошлось без осложнений.

И без лишних нюансов перейдем к лирике.

— Никас! С тобой все в порядке? Колумнист!

Альфа заботливо стряхивал с журналиста ключья желтоватой пены.

— Х-си-и-и...

— Идти сможешь? Нам еще далековато пилить, брат.

— О, не волнуйся об этом, — угрюмо прошептала сущность. — Я помогу вам.

Альфа с подозрением уставился на нее.

— Максиме хотела обмануть меня. Лишить ценнейшего ресурса в мире. Да, я помогу вам. Открою путь на Дно. Не ближе. Иначе я нарушу договор.

Альфа молчал.

— Кроме того, — продолжала Концепция, — я не могу оставлять вас вместе. На Дно человек пойдет один.

Прим не поверил своим ушам. Он сжал кулаки, а потом воскликнул:

— Такова твоя помощь?! Он не выберется оттуда один!

— Именно это и будет моим оправданием. Максиме просила меня задержать человека. Я это сделаю. Однако, если этот человек действительно необычная жертва, он справится. Иди другими тропами, Альфа. Надейся. На вкус человек крайне непредсказуем.

Прим поглядел на бормочущего журналиста. Вымоченного в желудочном соке. Выглядел тот не особенно решительно. И, тем не менее, Альфа чувствовал силу. Озадачивающую, совершенно незнакомую. Это не была смелость. Мудрость. Особенный интеллект. Даже железной волей это было назвать нельзя. В человеке обреталось нечто иное. Холодное, острое, немного печальное, но готовое к шуткам судьбы.

Цинизм, решил Альфа.

— Хорошо, — произнес он. — Открой дорогу!

В разреженной части Многомирья, там, где песчинки сущностей составляют ничего не значащий шум, где личности давно ушедших людей становятся треском помех и хаосом разделенных мыслей. Где Я — засыпает навсегда... Что-то шевельнулось. Фрагменты осмысленного потянулись друг к другу, вспоминая свое предназначение. Сталкиваясь, они обменивались информацией, а потом соединялись. Жажда вела их.

Френ чувствовала боль. Пока ее части рыскали в окрестностях, она чувствовала ужасную, нестерпимую боль разобщенности. Но вместе с тем, она ликовала. Никас снова позвал ее. Она нужна ему. Он даже дал ей имя!

Никас. Любимый. Спустя века мучений, она, наконец, ощутила себя цельной. Лярва почувствовала как лимб Многомирья отторгает ее. Она была слишком правильной. Слишком осмысленной. Слишком организованной. Еще мгновение и она упадет в объятия Никаса. И они никогда не расстанутся. В этот раз все будет иначе. Они будут жить вечно.

Лимб разверзся.

— Никас!

Она корчилась в бурой, подсыхающей жиже. Протерев глаза, она увидела только сумрак и бескрайние холмы дерьма. Весь этот мир состоял из невообразимой массы испражнений. Они возвышались многометровыми насыпями, и уходили вниз, в чавкающие ямы. Тяжелый гул вечно стоял над экскрементами, и шелест хитина.

Френ довольно быстро поняла, что сейчас умрет снова. Вечной любовью тут и не пахло. Совсем.

— Никас! — позвала она безнадежно.

Это место было совсем незнакомо ей. Она не знала куда идти, что бы проколоть эту реальность. Френ даже представить не могла, что символизировал мир. И в чем был его тайный смысл.

— Торопитесь!

Лярова вздрогнула. Голос донесся из-за холма слева. Он был низким и вибрирующим, как трепещущие крылья.

— Нам нужно добыть самого лучшего дерьма для душ человеческих!

Послышались шаги. Увязающие. Тяжелые.

— Что это?

Френ сжалась в комок.

— Образ! — заорал кто-то еще. — Сладкая задница!

Они были грузными, покрытые броней с зеленоватым отливом. Их членистые лапки волокли мешки, доверху набитые добычей. Эти лапы, колючие, режущие словно лезвия, схватили лярову и растянули за конечности вниз животом. Острый шип, раскаленный, как клеймо, вошел между ягодиц, и Френ закричала от невыносимой боли.

— Отставить! — зарычал первый. — Мы здесь не для этого!

Шип выскочил, но Дели не почувствовала облегчения. Оглушенная болью, она бессмысленно наблюдала, как дерутся собиратели. Вожак схватил насильника четырьмя лапами и вгрызся в шею, вопя от гнева. Он грыз, отхаркивая кровь и соки, которые заливали его жуткую пасть.

Через несколько секунд он отбросил труп, а голову сожрал, урча и повизгивая.

— Мы возьмем ее позже, — прохрипел он притихшим омегам. — Свяжите ее, и в мешок! Продолжим наш труд! Как еще дерьмо попадет туда, где ему самое место? Помните о важности нашей миссии. Или Максиме напомнит!

Френ не успела прийти в себя, как ее уже тщательно упаковывали в один из бурых, влажных мешков. Ее вырвало от вони и омерзения. Прямо внутрь ее собственной темницы.

Переход длился долго. Лярова несколько раз впадала в забытие, спасительное, но короткое. Рвота и кал на ней засохли, и вся ее сущность горела от ядов.

Когда ее вытряхнули из мешка, она едва дышала. Вокруг лязгал и чадил какой-то сумбур из древних машин, конвейерных лент и ревуших печей. Собирателя вытряхивали найденные самородки отборного дерьма в люки, из которых вылетали голубоватые языки пламени. На конвейерах рывками продвигались вперед бесформенные сосуды из ржавой жести. Гофрированные шланги с гидравлической подачей, присасывались к ним, закачивая внутрь что-то вязко-клокочущее.

— Эй. Будь позитивна.

Френ вздрогнула. Справа от нее лежал образ девушки. Она тоже была связана. Вымазана в кале и сильно всклокочена. Длинные волосы, когда-то красивые, теперь напоминали спекшийся узел.

— Кто ты? — шепнул она. — Чья ты сущность?

— Ничья, — нерешительно призналась Дели. — Я — пиявка.

Девушка фыркнула.

— Неважно. Не стесняйся так. Нам с тобой сейчас не до этого. Нужно выпутываться из этой истории. Меня зовут Мира. Я младший образ дружелюбия.

— Ты тоже попала сюда случайно? — кашляя, спросила Дели. — Где мы?

— Это какой-то секретный объект негатива, — прошептала Мира, высматривая пути побега. — Здесь они подделывают сменные детали, необходимые для работы Интеллектуального. Накачивают их дерьмом, а потом переправляют внутрь города под видом помощи. Потом детали встраиваются в инфраструктуру мыслительных процессов и загрязняют их, буквально, фекалиями. Это все, что я поняла из разговоров этих... сущностей.

Она ослабила веревку на запястьях и выскользнула из нее, сдавленно крикнув.

— С тобой все в порядке? — испуганно спросила Френ.

Мира тепло улыбнулась, растирая запястья.

— Да, все нормально. Просто немного надсадилась.

— Как ты это сделала? Потрясающе.

Образ дружелюбия, пыхтя, развязывал путы на ногах.

— Ну, скажем так, я не впервые оказываюсь в такой ситуации, — прокряхтела она. — Дружелюбие в наше время, знаешь ли, до добра не доводит.

Мира невесело усмехнулась. Покончив с узлами, она выпуталась окончательно и быстро подползла к Френ. Ее она развязала гораздо быстрее.

— Значит так, — прошептала Мира. — Есть два выхода, которые я могу увидеть отсюда. Главный — хорошо охраняется. Мы пойдем через зону отгрузки.

Как-то она слишком уверено об этом говорит, — мельком подумала Френ. Но эту мысль быстро затер страх и желание выбраться. Лярва едва стояла на ногах от слабости, но Мира подхватила ее под руку, и они заковыляли прочь.

— Убегают! — истошно завопили позади. — Задницы убегают!

— Поймать!

Мира ободряюще улыбнулась.

— Не бойся, мы сможем.

Собиратели шли по пятам. Они жужжали рудиментарными крыльями и загребали воздух черными лапами. Мира толкнула Френ на конвейер. Пиявка неуклюже упала, смахнув несколько сосудов. Те с глухим звуком падали, разбрызгивая дерьмо.

— Держись за него, — задыхаясь выпалила Мира. — Едь до конца!

— А ты куда?! — завопила лярва.

Мира обернулась навстречу погоне.

— Я отвлеку их. Не слезай с этой штуки, поняла?

Френ оставалось только беспомощно кивнуть.

Собиратели вперевалку выбежали из-за грохочущей химеры черных механизмов.

— О, пресвятая фантазия, — притворно воскликнула Мира. — Вы почти настигли меня!

Мухи в авангарде злобно загудели, падая на все шесть лап. Мира подмигнула уезжающей Френ и припустила со всех ног в другую сторону. Последнее что увидела лярва, это то, как собиратели чуть не схватили ее на повороте.

Затем ее втянул в себя тоннель, нестерпимо жаркий, в котором детали обрабатывали раскаленным пафосом. Безжалостное дыхание стегало по уродливой жести, что бы отбить запах.

Как Френ не пыталась избежать боли, она все-таки обварилась. Потеряла половину волос с правой стороны и кричала от ожогов. Когда конвейер выплюнул ее на гору деталей, скапливающихся в огромном контейнере, она уже ничего не чувствовала. Это было кстати, потому что производство не останавливалось, и вслед за лярвой продолжали падать блестящие подделки.

Ее почти завалило, когда заботливые руки подхватили Френ и поволокли прочь.

Мира улыбалась. Так располагаяще и обворожительно, что кошмарные воспоминания казались вымыслом, наваждением и ложью.

— Ты в порядке?

Что-то шевельнулось внутри лярвы. Ужасный голод. Она так давно не была с Никасом. Не могла жить без него. Френ приподнялась на локте и застонала от боли. От ужасных ран.

— Все как в тумане, — прохрипела она. — Мы выбрались? Ты спасла нас?

— Да, все позади, — ласково ответила Мира. — Мне удалось проколоть реальность той ужасной страты. Но ты пострадала, бедная. Прости.

Лярва села, покачнувшись в сторону. Она оперлась рукой о землю и осмотрелась. Они находились в пустынном мире, наполненном двухмерными озерами, окаймленными узкой рамкой земли. Некоторые диски были спокойными, спящими, некоторые колыхались, чем-то обеспокоенные. Френ чувствовала летящие сверху брызги. Из остальных торчали позеленевшие статуи, руины каких-то строений и шепчущие рыбки головы.

— Все могло кончиться много хуже, — признала и поблагодарила лярва одновременно.

Она снова чуть не потеряла концентрацию, сильно исказившись.

— Что с тобой? — Мира взяла ее за руку. — Это ведь не только из-за ран, да?

Френ не знала, как объяснить зависимость от Аркаса. Ей было стыдно за свое происхождение. Этот голод был ее стигмой.

— Мне нужно к моему хозяину, — наконец, призналась она. — Я не выживу без него.

Реакция Миры была терпеливой. Она ласково погладила пиявку по щеке.

— Я понимаю. Ты не такая как я. Не стесняйся. К сожалению, твой хозяин бросил тебя.

Лярва оторопела. Она отстранила пальцы спасительницы.

— Это неправда.

Мира уже протягивала ей что-то. Кусочек яблока.

— Вот, съешь это, — предложила она. — Тебе полегчает.

Это был странный жест. Френ не понимала, почему яблоко должно помочь ей.

— Ты уверена? Я не хочу его есть.

— Но ты должна, — настояла Мира. — Доверься мне. Я ведь спасла тебя. Неужели этого недостаточно, для того, чтобы ты не побрезговала моей помощью еще раз?

Ломтик лежал на ее ладони. Соблазнительный. Почему? Он источал запах чего-то сладкого, но совершенно незнакомого.

Френ взяла его двумя пальцами и положила в рот. Ее тронуло чувство неправильности, но Мира уже протягивала второй кусочек. Лярва сглотнула, едва прожевав. Ей показалось, что она была права, и яблоко ничем не помогло. Но потом услышала щебет.

Щебет?

— Съешь еще.

Ей стало лучше. Раны перестали болеть. Щебет что-то говорил ей. Френ страстно захотелось узнать, о чем с ней хотят побеседовать. Но она понимала только указания Миры.

— Еще. Глотай.

Лярва расслабилась. Ее концентрация перестала пропадать.

— Аркас предал тебя.

Она не знала, кто это сказал. Щебет. Или Мира? Они не могли. Они ведь ничего не знали.

— Он тебя бросил.

— Нет, — ответила она, не зная точно к кому обратиться.

Мира улыбалась.

— Ты ему безразлична.

— Нет!

— Он породил тебя. А теперь хочет, что б ты умерла.

— Неправда!

Щебет стал громче. Теперь она смогла различить, что это всего одна фраза, повторяющаяся на разной скорости.

— Возьми его. Возьми его. Возьми его.

Френ посмотрела на протянутую ладонь Мира. Теперь там лежало не яблоко.

— Аркас, самовлюбленный эгоист. Твоя жизнь для него ничего не значит. Он может создать тысячу таких рабынь как ты. А потом — убить.

— Возьми его.

Кинжал был сделан из кости. Но не местной. Это была человеческая кость. Прикосновение к ней, вызывало трепет.

— Убей Аркаса, пока он не предал тебя. Его преступление не может быть оправдано.

Рукоять была обмотана черными волосами. Тоже — настоящими.

— Я не могу.

— Можешь.

— Можешь.

Рукоять легла в ее ладонь.

— Он никогда не изменял мне. С чего...

Мира схватила ее за шею, уже без всякого дружелюбия. Она подтащила лярву к воде и бросила, приказав:

— Смотри.

В отражении, Френ видела Никаса. Тот лежал, окруженный десятками образов, которые ублажали неистово и изобретательно. У нее никогда не было ничего подобного с хозяином.

Хозяин улыбался. Он совсем по ней не тосковал.

— Почему, думаешь, ты не попала к нему в этот раз? — жестко спросила Мира, пнув ее в бедро. — Дешевка. Он имел тебя, сколько хотел, а потом нашел луга бесконечного изобилия.

Она наклонилась к Френ и вдруг вцепилась в ее губы, страстно целуя и проталкивая языком последний кусочек яблока.

— Я чувствую вкус его губ, — прошептала Мира в лицо несчастной лярвы. — Возможно, я тоже захочу быть с ним. А ты, мелкая шлюха, уже испробовала вдоволь. Ты недостойна и капли его внимания.

Френ почувствовала ненависть. Настолько сильную, что закричала не своим голосом и оттолкнула Миру. Она забыла, что в ее руке был нож. Образ дружелюбия вскрикнул, но расхохотался, уползая прочь. Из ее ключицы сочилась кровь. Мира поднялась и, пошатнувшись, побрела в озеро, поднимая волны.

— Нет! — крикнула Френ. — Я не дам вам сделать это! Я убью вас обоих!

Рыдая от обиды, она бросилась следом.

Щебет в ее голове заливался, будто смех.

— Эльфийка была очень красива. Свои тёмно-каштановые волосы она подняла, уложив в красивую причёску и открыв тонкую шею. Из-за ушей на плечи спадали тонкие волнистые локоны, а косая чёлка частично прикрывала левую верхнюю часть лба. Белая кожа лица и шеи резко контрастировала с тёмными волосами, и это по-настоящему было красиво. Дополнительное впечатление вызывало расшитое мелкими чешуйчатыми блёстками чёрное платье, верхний край косого подола которого начинался чуть выше середины левого бедра, подчёркивая стройность белых ног, а нижний заканчивался у правой щиколотки. В ромбовидном вырезе на боку была видна обтягивающая рёбра белая кожа, которая тоже резко контрастировала с блестящим чёрным платьем и смотрелась очень соблазнительно...

Никас беспечно заворочался и, сам того не желая, резко вдохнул. Крупнозернистая графомания мгновенно забила ему рот и рассадил горло. Миссионер раскашлялся, и принялся барахтаться в ней. Он уже ушел в графоманию по макушку и готов был скрыться полностью, помогая сыпучей серости уходить ниже вместе с ним.

Он не мог думать ни о чем, даже мысль о его неприкосновенности, вылетела из головы. Остался только страх удушья и клаустрофобия, приглушенная быстрым пробуждением.

В уши лезла какая-то угнетающая галиматья, грамматические ошибки и однообразные описания. У Никаса выступили слезы. Он шарил руками по поверхности, пытаясь нащупать какой-нибудь якорь. Хоть что-то, похожее на последний шанс. Даже если он не погибнет, он будет навеки затерт шепчущей массой. Это было бы очень неудобно, особенно с точки зрения простой необходимости не застревать в зыбучих порогах.

И тут Никас, наконец, сориентировался:

— Альфа! Аль-кха-фа! Помоги мне!

Ничего, только несколько шепелявых периодов с описанием уютной воскресной кофейни, где подают отличный горячий шоколад. Нарциссия зашла в него, сразу же заметив его. Парень сидел за столиком, у окна, и что-то читал, рассеянно помешивая ложечкой горячий шоколад в чашке, который уже не дымился, и, кажется, давно остыл, так и не выпитый.

Я больше этого не вынесу, отчаянно подумал Никас.

— Альфа! Умоляю, выгони меня отсюда! Можешь называть меня сынком, только выгони! Я сам поймаю Клейтона!

Воспоминания своей молниеносностью окунули его в детство. Осознание этого машинально настроило его на решительность и обдуманность каждого поступка. Рванув с места, детектив правым хуком ударил громилу в область челюсти. Прямой удар ножом в область живота был отражен отмашкой левой руки детектива. Раздавались выстрелы, производимые с вертолета по вдруг взбунтовавшимся охранникам.

Никас захныкал от безысходности.

— Альфа-а-а-а-а!

Его схватили за волосы.

Журналист заорал от боли и неожиданности. Кто-то потащил Никаса наверх, едва не обдирая скальп. Потом перехватил за китель на плече. Аркас помогал изо всех сил, пока не догадался, наконец, что только мешает. От него требовалось: раскинуть руки и расслабиться, чтобы спаситель не повыдергал ему волосы. Эту потрясающую инструкцию журналист

получил во время путешествий по Сахаре. Там ему показали пески, вокруг которых были набросаны верблюжьи кости и расставлены таблички с популярными предупреждениями. Это была приманка для туристов. Позже Аркас снимал настоящие трясины, в которых минерализовались туши буйволов.

С другой стороны, подумал Никас, это тоже приключение. Во всяком случае, можно переключиться с жира и рвоты на что-то сухое. Он почувствовал спиной мелкие камушки. Теперь они впивались ему в спину. Спаситель выволок его по колено и отпустил.

Аркас с трудом вырвал ноги из графомании и перевернулся на живот. Он ожидал увидеть прима, но успел заметить только движение в холодном сумраке.

— Альфа? — неуверенно позвал он.

Никто не отозвался.

Журналист поглядел по сторонам и задрал подбородок, пытаясь угадать, откуда неприятности свалятся на этот раз.

Тихо и покойно. Казалось, никого здесь не бывало уже очень долгое время. Никто не тревожил рощицы низкого терновника. Омуты графомании вибрировали и вздрагивали. У горловин лежала истлевшая бумага и разбитые книги.

Никас осторожно пошел во мрак. Вскоре он наткнулся на косую стену котлована и пополз вверх, вонзая пальцы и носки в податливую массу. Ему нужно было убраться подальше от опасных ям и попытаться найти помощь. Журналист подозревал, что Альфа спас его раньше, но каким-то образом попался сам. Остался у дедушки Жиры. Тогда кто мог сжалиться над ним?

Несколько раз он срывался. Его волокно назад, но Аркас готов был тормозить даже носом, лишь бы не возвращаться назад. Под конец косогор стал чуть ли не отвесным. Приходилось хвататься за пучки колючего растения. Помогли уроки скалолазания, которые он брал в молодости.

Сыпучие камешки кончились, стена стала каменной, острозубой. Сверху что-то постоянно падало, целые пласты обваливались в опасной близости. Под стук камнепадов, Никас жертвовал одеждой, которую разрывало пыльными острями и колючками. От боли не было спасу. Он никак не мог сосредоточиться, поэтому его начинало ранить. Грудь и живот были избиты до синяков. Ногти на пальцах изломаны, а зубы скрипели так, что закладывало уши. Журналист совершенно выбился из сил, пытаясь выкарабкаться.

Рыча от напряжения, Никас забросил локоть на последний уступ и почувствовал, что больше не сможет сдвинуться с места. Его сковал мышечный спазм. Миссионер с тихим отчаяньем понимал, что как только тот пройдет, количество камнепадов увеличится. Разбиться он, — не разобьётся, но мысль о повторном восхождении сама по себе могла расколоть на куски.

И снова ему помог неизвестный. Аркас почувствовал, как его толкают снизу. Он хотел посмотреть кто это, — возможно, не стоило так уж радоваться помощи, — но не мог оторвать щеку от стены. Кто-то неумело, но старательно толкал его, хватаясь то за пятки, то за голени.

— Кто ты? — сипло выпалил Никас.

Нет ответа.

— Толкай в пятки. Под углом, под углом. Вот сейчас!

Его послушались. Совладав со своими мускулами, журналист сделал отчаянный полупрыжок вверх и навалился грудью на ровную поверхность.

Наконец-то!

И тут помощник отпустил его. Аркас сдавленно заорал и принялся конвульсивно... даже не взбираться, забрасывать свое тело на край. Некоторое время он лежал плашмя, не в силах пошевелиться. Возможно, он даже задремал от истощения. Постепенно человек успокоился и перевалился на спину, чувствуя, как боль пирует на его костях.

Тогда-то ему стало по-настоящему жутко.

Больше всего это место напоминало Аид. Сверху — потустороннее свечение, прозрачные ленты эктоплазмы: зеленое, фиолетовое, синие на фоне чешуйчатой тьмы. Быстрые белые росчерки, едва заметные вспышки. Что-то падало сверху. Может быть метеоры. Они едва ощутимо сотрясали землю и гремели то совсем рядом, то далеко, дальше, чем мог видеть Никас. Ландшафта состоял из осыпающихся композиций. От циклопических, похожих на стеклянные скульптуры, до совсем крохотных, растущих как грибы у подножий гейзеров.

Аркас поднялся на ноги.

Гейзеры выстреливали струями пустословия, настолько плотными, что величественные скелеты существей трещали и осыпались. Некоторые могли шевелиться: они слабо пульсировали, покрытые астеническими мышцами и нитевидными сосудами. Их едва сформировавшиеся тела были наполовину затерты мусором, пеплом и останками, на которых шевелились усики примитивнейших мыслеформ. Чего-то близкого к мимолетным картинкам при пробуждении. Они взбирались по отвесным каменным кручам, которые заворачивались нелепыми вензелями, переплетались между собой, образуя безобразные окаменевшие узлы. Душили прекрасные, но потускневшие деревья рубиново-красного творчества, кренили их вниз, к праху, серости и апатии. На глазах у Никаса целый городок химерических строений, ослепительно красивый когда-то, но успевший зачахнуть, — погиб. Над ним треснули невообразимые массы поганого камня, которые медленно канули вниз, разгоняя радужные волны мельчайшей пыли. Навсегда уничтожая то, что еще могло бы вырасти, стать, поразить тысячи.

Что-то ударило журналиста спину. Довольно болезненно. Он оглянулся в сторону котлована и вздрогнул.

— Уже уходишь? — невнятно спросило длинноволосое существо, неопределенного пола. В его глазницах дрожал щебень. Щебень же сыпался изо рта. Пальцы были сточены до второго сустава. — Мы ведь только начали наши потрясающие чтения. У меня есть из свежего. Четыре потрясающие главы из новейшего романа «Вампир, пьющий кровь Эльфа». Там материала на половину авторского листа.

Аркас, имеющий некоторое отношение к художественной литературе, мог оценить масштабы надвигающейся катастрофы.

— Прочитай ему что-нибудь из классики, — предложил голос справа. — Иначе будет тащиться за тобой.

Рядом — никого. Журналист, раздосадованный, что его отвлекли от наблюдения за новым двориком Многомирья, просто толкнул уродливое существо обратно в котлован.

— Галактическая Империя умирает! — проорал он вслед. — Это была грандиозная Империя, в которую входили миллионы звездных миров от края до края колоссальной спирали Млечного Пути! Упадок ее, как и ее размеры, был грандиозен и долог!

На этом он запнулся, смолк, и решил прислушаться.

Пух-ф...

Наверное, Альфа гордился бы им в этот момент. Единственное, что мне действительно помогает и одновременно тяготит, — думал Никас — так это то, что рядом постоянно что-то происходит. Пожалуй, даже если б я остался сидеть здесь, через минуту меня зашвырнуло бы в очередной нелепый сценарий.

Сидеть он, однако, не собирался. Несколько минут Аркас пытался найти себе посох. Отыскал шест, обломок чего-то, из прозрачного материала. Потом подтянул штаны, отряхнулся, и отправился в земли Аида.

Довольно быстро он убедился, что с неба падали не звезды и не метеоры. Это были незавершенные сущности. Разнообразные конструкции и формы пестрых цветов и оттенков. Они были настолько необычны, что напоминали, скорее, зашифрованные фигуры, которые мог узнать только их хозяин. Часто они разбивались вдребезги, разбрасывая меркнущие детали в разные стороны. Никас, поначалу боялся их, сложно маневрируя и залегая как настоящий пехотинец. Но потом привык и разленился.

Большие образы медленно тонули в воздухе, беднея и раскалываясь, теряя органичность. А потом ныряли в шлак, словно корабли доплывшие, наконец, до своего ила. Никас, затаив дыхание, переползал через них, карабкаясь по сказочной архитектуре. Они шевелились, перестраивались, вроде бы даже развивались. Но, как-то нехотя, без определенной цели.

Это было путешествие по древним городищам из разноцветного стекла. В них встречалась своя жизнь: мыслеформы, похожие на амёб, переплывали Никасу дорогу. Их гнезда набухали в телах материнских концепций, разлагающихся от старости. Юркие тельца крутились и подрагивали в мутных пузырях, застывших в радужной толще.

Треснувшие сферы полыхали метафорическими картинками. Никас различал в разноцветных пожарищах короткие сюжеты. Спутанные, непонятные, без начала и конца. Вокруг сонно клубились мириады спор, — это сущности разлагались на простейшие страсти, которые прорастали на мусоре.

Руины отзывались на присутствие человека. Они гремели и ухали, печальный звон встречал журналиста, когда тот проходил под неровными арками вглубь ветшающих структур.

Так он забрел на поле Нерожденных. Никас не знал, что это оно. Невежество позволило ему войти туда, почти без страха.

Под ногами его тихо поскрипывала скорлупа. Чаще она рассыпалась беззвучно. И в этом прахе оставались следы журналиста. Их кто-то быстро стирал, тонкими пальцами. Нерожденные были на своих местах. В данном моменте вечности, в котором их обнаружил Аркас. Из расколотых яиц тянулись костлявые руки. Свернутые набок черепа торчали из пробитых оболочек. Некоторые почти вылупились. Мертвецы лежали посреди крупных осколков скорлупы, в ореоле окаменевших перьев.

Что это такое? — думал Никас. Почему они так выглядят?

Свечение сущностей миновало. Только посох Аркаса слабо мерцал во мраке. Сверху тьму слабо теснили призрачные ленты, но этого было мало, и гротескные фигуры казались угрожающе скрытыми.

Никас подошел к самому крупному яйцу поблизости. Это фаталистическое сооружение поднималось на десятки метров. Скорлупа была разбита сверху. Пожелтевшая мумия сидела в нижней половине. Она закрывала уши руками, рот был открыт.

Журналист смахнул пыль со скорлупы. Зрение его не обмануло. Он увидел надпись, выбитую на бугристом кальции.

«И дал Он мысль, способную спасти. Будет она человеку. Будет она людям».

Что-то опять не сходится, — подумал Никас, продолжая стряхивать пыль.

«Час ее назван. И когда ей быть. Через одного — многим. От многих — к одному».

Сколько я здесь? — размышлял Никас. И все время вижу только какие-то зловещие композиции. Мрачные знаки. Следы упадка и безнадежности. Где зеленые луга с розовыми пони? Где дома из сладостей, где принцы и принцессы? Герои и паладины? Где смех и песни? Трубящие горны... Какой угнетающий перекосяк в сторону невылупившихся ангелов.

Но с другой стороны, откуда здесь взяться единорогам? Они не выдержат конкуренции с косметическим ремонтом ванной комнаты. Пожалуй, все действительно нужное и обожаемое, я уже успел увидеть в прошлой серии, пока скользил по разлагающимися коврам. Я забываю, быть может, что время абстрактных фантазий — очень опасное время. Человек совершенно беспомощен, когда думает о феях и увлекательных путешествиях за сокровищами скупых королей. Пока он скачет с деревянным мечом, его нужно усиленно защищать от реальности. Именно поэтому это разрешено только детям. Им дается оплачиваемый отпуск в страну неограниченных возможностей. Где пузатые великаны и хмурые драконы имеют некоторое преимущество перед четвертым взносом за кредит.

Но что такое, этот короткий промежуток наивных переживаний перед надвигающимся злом взрослой практичности. Необходимой и поощряемой, конечно. До чего же странно смотреть, как эта здоровая зрелость рождает только мрак и ужасы.

Аркас заметил недоброе движение в тенях. Недоброе, потому что дружелюбные существа редко прячутся во тьме. И уж точно не пытаются тебя окружить.

Есть хорошее правило для путешествий в незнакомых местах. Чувствуешь опасность со стороны местных: начни диалог. Молчаливость вызывает недоверие, иногда даже агрессию.

— Кто здесь? — спросил Никас негромко. — Будьте позитивны, — припомнил он местное приветствие. — Я не хочу никому зла. Наоборот, я здесь, чтобы помочь. Я не посягаю на вашу территорию. Просто прохожу через нее на пути... К своей цели.

К чести Никаса будет сказано, что он почти сразу сообразил, что говорить это нужно было предварительно забравшись куда-нибудь повыше. А еще лучше: на бегу.

Из мрака зашептали, зацикали, кто-то там хрипел и всхлипывал.

— Я знаю Альфу. Альфа — ваш друг. Я — друг Альфы.

Тени захохотали.

— У нас нет друзей, — откликнулось пространство. — Что за безумный разум создал тебя, ничтожество? До чего ты бессмысленно, раз забрело сюда. Тебе неведома простая вежливость и уважение к смерти. И даже трепет перед наказанием, не остановил тебя.

— Я не знаю, куда я забрел.

— Невежество.

— Я не хотел вас оскорбить.

— Лепет.

— Я из другого мира, мне не понятны здешние обычаи. У меня был проводник, но мы потеряли друг друга.

— Твои слова бессмысленны. Из какого ты мира? Здесь миллиарды миров.

— Из мира Материи. Он один такой, насколько я знаю.

Тьма замолчала. Это было очень неприятное, крепнущее молчание, которое обычно сопровождает паузу перед началом фугасного обстрела. Никас покрепче сжал посох. Знают ли они, что ему нельзя навредить? В любом случае, нужно было быть готовым к

решительному прорыву на край поля. Поближе к безопасным грудам хлама.

— Ты члв-эк, из м-ра л-дей? — спросила тьма, глотая половину звуков.

Никас уже не знал, стоит ли ему отвечать на этот вопрос.

— Это я и пытался сказать, — неуверенно произнес он, бросая быстрые взгляды на фланги. Обернуться он не решался.

— Чудовище!

Никас рефлекторно выставил перед собой посох, защищаясь от крика.

— Чудовище, здесь! — верещала тьма. — Оно пришло, чтобы мы могли отомстить! Мстите же! Мстите родичи, за наше вечное забвение! За их нелюбовь и отстранённость! За отговорки, за лень, за инертность! За глупость и глухоту! В атаку!

Примерно тогда же, когда прозвучало слово «забвение», Никас понял, что взял слишком резкий старт. Он уже дважды чуть не упал и решил бежать аккуратно, справедливо рассудив, что взамен снижения скорости, можно перестать вопить от ужаса. Это сбивало дыхание и ориентировало противника.

Армейские ботинки крошили черепки кальция. Предполагаемый враг выл и бесновался, нагоняя. Никас увидел, как мумии поворачивают головы, фокусируя на нем безразличный взгляд. Что-то холодно дышало в спину. Схватило за китель, крепко, затрещала ткань. Аркас оперся на посох, извернулся, вырвался из лопнувших рукавов.

Хищники отдаленно походили на людей, со взломанными торсами и головами. Под хрупким панцирем белой кожи была пустота.

— За что?!

— Почему отреклись?

— Я некрасив? Я некрасив?

— Помогите нам...

Аркаса схватили и повалили на землю. Он теснил звенящие пустоты посохом, не давая им приблизиться к своему лицу. Человек ощутил чужую безнадежность, которой можно было рубить кости.

— Оставайся здесь!

— Закончи начатое!

— Помогите!

— Я не понимаю, о чем вы говорите! — отчаянно заорал Никас. — Отвалите от меня!

Зевы расколотых лиц никли все ближе. Посох трещал и прогибался. Его коробила гибельная энергия множасьихся призраков. Полые пальцы почти коснулись лица.

— Отстаньте от него!

Что-то налетело на кучу-малу сверху. Аркасу сразу стало легче дышать.

— Он наш!

— Кто это сказал?! — звучал отважный голос. — Озлобленные мертвецы! Ваша ненависть вам не поможет! И никому не поможет! Уходите отсюда!

— Ни за что, он наш!

— Он мой! Клянусь фантазией, он мой создатель! И я объявляю его неприкасаемым. К вам он не имеет никакого отношения. Ваши создатели давно ушли! А теперь прочь! Некоторым законам даже вы должны подчиняться!

Существа замерли. Никас услышал плач.

— Мы уйдем.

— От одного многим...

— От многих — к одному.

— Надежды нет.

Дрожащие пальцы отдалились. Крошащиеся тела перестали давить на посох. Мумии так же безразлично отвернулись, замерев в прежних позах. Никас уронил затылок, и выдохнул. Он остался один посреди пустоты.

— Какой же ты недотепа.

А. Стоп. Кажется не один.

— Вставай.

Журналист, наконец, смог увидеть того, кто толкал его пятки.

— Что? Неужели узнал?

Аркас щурился. Щурился. Щурился довольно долго. За это время Альфа успел миновать два маленьких мира и теперь двигался по Пути, намереваясь попасть в плотную зону Религиозных представлений. Аркас — щурился.

Парнишка кутался в шерстяную накидку, которая висела на нем неестественным образом. Складывалось впечатление, что под ней ничего нет. Совсем ничего. Ног, во всяком случае, Никас не наблюдал.

— Адам? — произнес он неуверенно.

— Ты помнишь имя, — заулыбался парень. — А название?

Никас приоткрыл рот, но тут же сник, шевеля губами.

— Не могу, — признался он. — Это было так давно. Я не помню даже, на чем остановился.

— По-моему, я застрял здесь, так же как и эти ребята, — вздохнул Гай. — Вставай же. Остановимся у меня, пока ты не расскажешь, как здесь оказался.

Никас, кряхтя, задрал корму. Парень уже плыл куда-то, в сторону далеких городищ, негромко иронизируя.

— Подумать только... А как все оптимистично начиналось. Претенциозно и многообещающе. Величайший авантюрист всех времен и народов. С двенадцати лет. Старый профессор истории, бывший агент национальной безопасности. Дикие погони, жестокие побоища, оглушительные сюжетные повороты... Знаешь, на чем ты остановился? Эй!

— Что? — Никас некоторое время недоверчиво вслушивался в бормотание нового друга, и теперь выглядел несколько ошарашенным.

— Ты остановился как раз на первом оглушающем сюжетном повороте, — вежливо сообщил парень. — Оказалось, что отец Адама, — его же злейший враг. Безумно богатый и эксцентричный барон Атилла. Охотник за редкостями, который захотел получить в свою коллекцию легендарный артефакт. Какое интересное совпадение. Отец — злейший враг.

Никас ответил невразумительно.

— Мне сейчас странно об этом вспоминать, — произнес он через минуту. — Там было столько банальностей и взрывов складов с горючим.

— Да, два раза ты их взрывал, — согласился Адам. — Но с другой стороны, там были и неплохие моменты.

— Да? — оживился Никас. — Например?

— Например, план кражи Ключа из музея. А еще тебе, в общем, удавались описания природы и развалин. Алкогольное отравление. Очень натуралистично. У тебя были полезные задатки. Может быть даже шансы.

— Серьезно? Адам, я не знаю, что сказать. Я и не рассчитывал тебя тут встретить. Я рад

видеть... знакомое лицо.

Парень обернулся. Он был зол.

— Одно нападение назад ты меня даже не помнил. Нас не помнил. Профессора Грея, Сашу, Атиллу, Санчеса, Вегу, Дымка... Адама, в конце концов. Я — не только он. Я — роман. Твой роман.

— Я...

— Надо было оставить тебя им, вот что. Да, они могли превратить тебя в растение. Ты бы не умер, но их отчаянье, их злоба и непонимание могли разбить твой разум на ионы. И, знаешь что? Для нас ничего бы не изменилось. Мы бы продолжали спать в куче засохших апокрифов. Потом, может быть, стали бы как эти плаксивые хищники. Хотя, нет. Не настолько твои развалины хороши.

Журналист старался не глядеть на... Господи, как же он назывался?! Надо вспомнить! Надо вспомнить.

— Извини.

— Извини?! — взбесился роман. — Эти ребята, там, на поле Нерожденных — они олицетворяли прекрасные, содержательные идеи, которые могли изменить жизнь миллионов людей! Запустить мощные волны циклических изменений. От нашего мира — вашему и наоборот. Они могли сиять маяками в ночи невежества. Но даже не смогли взлететь, потому что такие люди как ты... Ленивые, неблагодарные, глухие негодяи не могут распорядиться невероятным даром, который им дал случай. Они бросают нас на произвол судьбы. Я провел в дреме семь лет твоей жизни. И сейчас могу посмотреть, как Нерожденные коротают на своем поле бесконечность. Бесконечность! Потому что их безответственные авторы позволили себе умереть, так и не закончив их. Второго шанса не будет! Каждая идея неповторима! За это ты просишь прощения? Ты считаешь за это уместно просить прощения? Единственное, что можно сделать, это заткнуться и взяться за работу, пока ошибки обратимы.

Никас хотел спорить, оправдываться, жестикулировать, приводить примеры и всячески сваливать вину на. Но сама абсурдность ситуации ввела его в состояние близкое к сонному параличу. Возможно, распрямилась одна из пружин, которые Никас сдавливал, пытаясь не обращать внимания на... некоторые ситуации.

Меня доконали контрасты, — подумал журналист глядя на поникший роман. Бег от этих жутких существ был чем-то почти объяснимым. Там я, хотя бы, знал, что нужно делать. Улепетывать со всех ног. Это не так уж и сложно. Пожалуй, если б все мое паломничество состояло из бега от временных неприятностей, я бы справлялся с ним на твердые три с плюсом. А что делать со своим... детищем? С некоторым количеством электронных страниц, ужасным каламбуром из драк, перестрелок, погонь и путешествий по древним гробницам.

Бедный, замученный правками роман, который начинал писаться как сборник мемуаров. Ты явно никогда его не закончишь и не уделяешь этому большого значения, тем не менее, ощущая особое место творчества в своей жизни. Перечитываешь, время от времени, избранные фрагменты, и говоришь: я творец. Выше. У меня есть перспектива. А что у других? Может и допишу. Надо только поесть.

А он, оказывается, страдает. Его гнетут эти холодные земли, хрупкое тело засыпано шершавыми «может быть» и колючими «подождет».

Кому такое может прийти в голову?

Никас Аркас, может быть тебе?

— Я не знал.

Роман не обернулся.

— И никто этого не знает! — твердо добавил Никас. — Ну, сам посуди, кому такое может прийти в голову? Нужно быть немного повернутым, чтоб верить в это, не побывав здесь.

— Ага, — равнодушно бросил Роман. — Просто у нас здесь у всех психология гибнущего. Гибнущему безразлично, почему его не спасают. Он просто отчаян. Отчаян и зол на всех, лично на каждого, кто не протянул ему руку. А когда... Когда видишь как другие воспаряют. Как к ним возвращается искра. Как крылья, длинные, во все стороны... Два, четыре, восемь. Белые перья. И они летят. И тогда, всего на мгновение, — но мы видим! — тьма наверху расступается. И там есть что-то! Что-то светлое, крикливое! Хаос, тепло, гигантское количество энергии...

Роман трясся от возбуждения. Речь его стала неровной, накидка зашевелилась, пошла волнами. Он разразился знакомым Никасу смехом. Смех знакомый, но чей, и в каком мире услышанный, быстро утих.

— Это место как раз для меня, — прошептал Роман одержимо.

Никас хотел отмолчаться, но как-то само собой вырвалось:

— Мне жаль.

Роман вдруг обернулся. На мальчишечьем лице снова была улыбка.

— Это уже кое-что, — произнес он смиренно. — Знаешь, это ведь один шанс на миллион. У меня, во всяком случае, появилась возможность сказать что-то своему создателю. Лично! Кто еще может похвастаться этим? Создатель!

— Да?

— Ты — тупой осел.

— Очень похоже на правду.

Роман вздохнул с видимым облегчением.

— Не поверишь, сколько из наших мечтают хотя бы об этом, — с гордостью добавил он.

Журналист усмехнулся.

— Как думаешь, есть у нас еще с тобой шансы? — спросил роман с деланной сухостью в голосе.

— Я здесь в очень неудобном положении, — поделился Никас. — Меня хотят принести в жертву. Не думаю... Не думаю, что у меня прямо сейчас есть время на наши отношения.

— О.

— Да.

— Значит ты здесь не ради меня?

Аркас задумчиво мял пальцы, держа посох подмышкой.

— Извини, но нет. Меня затащили сюда обманом, если быть честным. Дважды обведя вокруг пальца.

— Ты здесь первый, — сказал роман, поглядев на Никаса. — До тебя создатели никогда не попадали на Дно.

— Так это место называется?

— Да. Здесь собираются заблудшие идеи. Те, о которых забыли авторы. Некоторые спасаются. Некоторые... Ну, ты их видел. Большинство спят. Я тоже спал. Я долго думал и пришел к выводу, что меня разбудило твое появление в Многомирье. Так говоришь, тебя

забрали?

— Так и есть.

— Это очень необычно. Хотя мне трудно сказать наверняка. У нас здесь очень мало информации о том, что творится снаружи. В основном шепотки... Из-под камней.

— Там сейчас довольно напряженная обстановка, — поведал журналист. — Смысл в том, что людей похищают регулярно. Они нужны, чтобы сдерживать древнюю злую страсть под названием Одиночество. Иначе орды негативных существ и страстей нахлынут на Многомирье и уничтожат его.

Роман остановился. В глазах его читалось восхищение. Никас поймал себя на мысли, что смотрит на собственное отражение пятнадцатилетней давности. Он списывал образ Адама с самого себя.

— Это же просто потрясающе! — воскликнул роман. — И там всегда так весело?

— Я бы не сказал, что это весело, — сдержанно возразил Никас. — Меня постоянно пытаются то застрелить, то сожрать.

Ужасные испытания! — нехстати вмешался внутренний голос Никаса. Особенно лучший секс за последние тридцать четыре года. Ох уж эта садистка Мишель.

— Обалдеть! — экзальтированно пропел роман. — Прямо как в наших путешествиях! Поверить не могу, что ты лишил меня всего этого.

Он снова приуныл.

Журналиста вдруг кольнул отцовский инстинкт. Он начал проникаться любовью и сочувствием к этому потерянному ребенку. К чему-то близкому, столь непривычно родственному.

На ощупь роман был теплым и воздушным. Аркас обнял его, не жалея ласки. Детище ответило. Оно уперлось макушкой Никасу в живот и обиженно засопело.

— Прости меня, — прошептал Никас.

И добавил уже в полный голос:

— Скажу тебе по секрету, я здесь оставаться не собираюсь. Должен быть способ попасть обратно в мир Материи!

— Ты хочешь бежать? — удивленно спросил роман, подняв голову.

— Конечно. Но сначала нападдам Одиночеству. Вспомни Адама. Он никогда не сдавался. И профессор Грей. И даже Атилла, в этой ситуации, не стал бы мирно дожидаться гибели!

Роман широко улыбнулся.

— Тебя зовут Свет Ригеля, — сказал вдруг Никас и сам заулыбался. — Я вспомнил! Так называется артефакт, из-за которого все закрутилось.

Они оба засмеялись от радости. И как необычен был этот сигнал здесь, посреди мира погибших надежд. От того их, наконец, услышало Охлаждение.

* * *

В Теополисе царило необычное оживление. Поедая жертвенный огурец, Альфа шел по улицам, то и дело снисходительно пропуская мелких идолов и перебегая дорогу неповоротливым тотемам. В небе сверкали золотистые крылья и шелестели чешуи. Гремели воздушные колесницы. Трафик был сумасшедший. Даже под землей явственно ощущалось

направленное движение. Прим подошвами сандалий чувствовал толчки и вибрацию мраморных плит.

Храмы дрожали от низкого гула песнопений. По белым ступеням струились масла. По черным — кровь. Над суетой веяли разноцветные шарфы благовоний. Пахло замечательно. Наверное. Альфа заранее заткнул себе нос патронами.

Слышались металлические удары и глухие раскаты грома. Облетали цветущие деревья, и лепестки забивались в архаичные тела глиняных истуканов. Альфа игривым поклоном поприветствовал Венеру Виллендорфскую, одну из первых женских фигур на Земле. Он плотоядно оглядел ее красноватые бедра, широкие и шершавые как валуны, и завел откровенный разговор на тему современных представлений о красоте.

Все было чудесно. Женщина раскатисто и гулко смеялась, Альфа чихвостил тощих ангелов, которые смели называть себя эталоном новой сексуальности. Улыбчиво светило солнце. Добродушное, но грозное на вид в своей алой мантии.

Через некоторое время Альфа обнаружился в районе Эротизма. Прим слегка пошатывался и смахивал с себя кусочки красной, как кровь, глины.

— Вот это, — сказал сам себе Альфа, — настоящая баба.

Он возбужденно вздохнул и встrepенулся. Что-то ему мешало.

— Мать моя, фантазия, — пробормотал он, вытащив изо рта осколок груди. — Обожаю это место!

Слегка опьяненный произошедшим, он фланировал между фаллическими обелисками и откровенными изваяниями, изображающими процесс, которому стоило поклоняться. Время от времени.

Пританцовывая, Альфа дирижировал стонами и криками, которые наполняли квартал прекрасной музыкой любви и раскрепощенности. Из окон алых дворцов ему улыбались прекрасные нимфы и рельефные аполлоны. Они томно призывали его голосами сладкими как нектар. В этом мире Альфа обзавёлся телосложением Геркулеса и платиновой гривой. Так что из-за него начинались драки.

— Прощу простить! — отзывался Альфа. — У меня миссия! Но я обязательно вернусь! А, черт побери, не забыть бы тогу надеть.

Ловко затягивая пояс на черной бархатной ткани, он вылетел на проспект Шествий.

Здесь активность достигала апогея. Толпа сгорбленных фигур бесновалась по обе стороны дороги. На их смазанных лицах вспухали волдыри страха и, одновременно, ликования.

По гранитным плитам, скрипя как рессоры, двигались колонны латников. Из-под доспехов сыпался песок. В руках они сжимали иззубренные мечи, покрытые копотью и окалиной. Между ними метался какой-то смуглый тип в восточном халате и предлагал воинам холодный шербет с лотка. А так же удобные тюрбаны и руководства по выживанию в пустыне.

За ними следовали суровые ребята в красных одеждах. Лица их были из железа и клацали в рукавах страшные клешни. От них веяло невыносимым жаром, от которого теснилась толпа. Некоторые образы начинали тлеть, возгорались яростными вспышками пламени. Ребята в красном реагировали на эти эксцессы латынью и смехом.

Как оказалось, они сопровождали одну единственную клетку на колесах. Внутри, пригорюнившись, сидела бледная женщина в черном. Кожа ее отливала серебром. Она враждебно скалилась и плевалась в толпу. Следом за клетью шел тяжело груженный обоз с

высокотехнологичными приспособлениями из чугуна и кожаных ремней. Чугун, в основном, был остер, ремни — выдублены и крепки. Пленница поглядывала на это великолепие желтыми кошачьими глазами и бормотала угрозы.

Потом поднялось белое Облако. Оно укрывало. Укрывало то, о чем нельзя говорить вслух. Неприкосновенность его была несомненна. И поплатиться любой, кто осмелится задеть, оскорбить или воспротивится. Из недр его доносилось степенное многоголосье.

И поднялось следом еще одно Облако. Грозное. Било молниями. Черное как ночь. Кричало оно и гремело. Рык его был, что взрывы. Говор — непонятен и резок. И была его агрессия.

И тогда вышло еще одно Облако. Золотое. Молчаливое и мирное. Не голосило оно, только тихо гудело. Покой и смирение окружали его.

Когда облака прошли, прошли поборники и соглядатаи, настал черед небольших групп. Пестрых и разных. Они проповедовали и несли свои полотна и знаки отличия. Шествие было грандиозным. Все больше образов сходилось, чтобы бы посмотреть на него. В небе появлялись и исчезали великие знамения: яркие кометы, прекрасные лица. Удивительные существа реяли над идущими, разрезая крыльями эфир.

И тут на дорогу выскочил Золотой Телец.

Альфа надеялся, что тот появится. Заметно оживившись, он сиганул сквозь толпу. Телец тем временем принялся мычать и бодаться. Он гонялся за проповедниками, жевал гобелены, задиристо носился вокруг трех Облаков. Разогнал парней в красном и опрокинул их драгоценный обоз. Женщина выскочила из разбитой клетки и затерялась в суматошной толпе.

Альфа, тем временем, догнал рыцарей. Их тылы уже были атакованы Тельцом. Пустые латы разлетались в разные стороны. Брызгал песок, тяжелый дух вырывался из разбитых воинов. Телец довольно замычал и начал брыкаться на месте от наслаждения. Его золотые копыта высекали из мостовой монеты.

Альфа бежал, перепрыгивая через кучи искореженных доспехов. Уцелевшие рыцари окружали Тельца. Толпа грозилась снизу, одновременно подбирая блестящие кругляши. Сверху на него пикировали серафимы в полицейской форме. Они жалили его световыми копьями и хлестали крыльями. Черное и белое Облако металось, распугивая малые конфессии. Золотое тихонько ждало в сторонке.

Шума-то было.

— Эй, дружище!

Рыцарь обернулся, и в этот же момент в шлем ударила нога, обутая в сандалий. Альфа оттолкнулся от одного воина и прыгнул на другого. По мостовой почти неслышно загремел отлетевший наплечник. Лязг, бом-к, скрип. Крестonosцы вздрагивали всем телом. Прим прыгнул вверх и схватился за копьe серафима.

— Именем... — начал было страж.

— Я знаю, знаю, — перебил Альфа, раскачиваясь из стороны в сторону. — Давай воздержимся от имен. Это скорее юмористическая сцена. Будет лучше, если мы не будем задевать чувства людей, которые относятся к этому исключительно серьезно!

Серафим прикрыл рот.

— Спасибо! — гаркнул Альфа напоследок.

Телец не сразу поверил, что кому-то достало наглости оседлать его. Он изумленно застыл на месте, шевеля ушами. И начал скакать, брызгая золотом. Толпа совершенно

обезумила. Кутерьма стояла такая, что парни в красном закрывались в железных девах, чтобы спастись. Альфа держался за длинные полированные рога и весело ругался, ударяясь задом о твердый горб.

— Клянусь фантазией, если есть способ сбросить меня, так это бежать до квартала Пушистых богов! — проорал прим так, чтобы Телец услышал.

Как же он рванул!

Альфа выл от восторга. Мимо проносились смазанные очертания храмов и дворцов. Кто-то отлетал в сторону, что-то разбивалось в щепки. Лопались, как скорлупа, высокие стены. Отлетали углы зданий. Дробились колонны. Телец срезал дорогу.

Наконец, он влетел в дивный бассейн, и выплескал его почти досуха. Потом оскользнулся и упал на дно, совершенно обессиленный.

Мокрый Альфа лежал на вздымающемся золотом боку. Вокруг собирались любопытные. Через них пытался пробиться некто, поминающий святую воду. Которая, в данный момент растекалась по окрестностям мутнеющими ручейками.

— Му-у-у! — жалобно воскликнул Телец.

— Святотатство! — едва не срываясь, верещал неизвестный.

Его белая хламида была забрызгана с левой стороны. Лицо кипело и вспучивалось.

— Мужик, — прошептал Альфа тельцу, — мне придется свалить все на тебя и бросить. Бросить здесь. Задержи этого крикуна в белом. Я могу на тебя положиться?

— Му-у-у-у!

— Тысяча проклятий на вас!

Прима-образ вскочил на ноги и бросился наутек, растолкав зевак. Миновал парк Статуй, побродил немного в лабиринте Догматов и вышел на дорогу, ведущую к цели.

Через короткое время он уже уверенно шагал мимо многоэтажных картонных коробок. В Пушистом квартале планировка улиц была несколько вольной, так что пробираться приходилось скорее интуитивно, то и дело пролезая в прогрызенные дыры, протискиваясь в трубы и взбираясь по маленьким полочкам.

Здесь были и другие дома, хорошие, с мягкими матерчатыми стенами и увлекательными игрушками. Но в них почти никто не жил. Пушистые боги считали их оскорбительным намеком на свою одомашненность, что, как известно, было ложью.

В отличие от остального Полиса, в квартале пушистых богов, сегодня было несколько пустовато. Прима-образ это насторожило. Ему срочно нужна была информация.

— Мрр-ау!

— Ага, — Альфа как раз выбирался из очередной дыры в картоне. Он весь измазался в сметане и волочил за собой шлейф бумажек на ниточках. — Будь позитивен, о, Пушистый владыка! Не подскажешь ли, где сейчас находится достопочтенная Котожрица? Мне нужно с ней повидаться. Это дело всего Многомирья.

— Мррр-ууу? Рьяу!

— А за это? — Альфа подмигнул полосатому гражданину, и протянул ему крохотный коробочек. — Свежая. Сам собирал.

— Мммррроу! Мрряу! Мру.

— Благодарю, — счастливо кивнул Альфа. И добавил громким шепотом: — приятного времяпрепровождения.

Он выбрался из дыры и аккуратно обошел извивающегося кота. Урчание владыки было до того страстным, что прима-образ почувствовал укол зависти. Эх, сейчас неплохо было бы

заняться чем-нибудь похожим. Но он и так извел преступно много времени, когда зарывался лицом в глиняные ягодицы.

И скромное путешествие продолжилось. Единственное, что позволил себе Альфа, так это приобрести себе колбасную мышь в автомате, возле большой груды подушек. Больше половины лакомства пришлось отдать снующим вокруг подросшим котяткам. Котятки цеплялись за тогу, карабкались вверх и неуклюже терлись мордочками о лодыжки образа. Их маленькие чистые глазенки выпрашивали ласку.

— Нет, ребята, — сдержанно говорил Альфа. — Я слишком крут, чтобы возиться с вами. Ну... Разве что... Совсем чуть-чуть. Ну ладно, вот ты, рыжий, иди к папе на ручки!

Он очнулся через несколько часов, с жутким котеночным похмельем. Вся его тога была в шерсти, пальцы искусаны, а грудь устлана крохотными спящими клубочками.

Клянусь фантазией, — отчаянно подумал Альфа, — я не могу пошевелиться. Ведь тогда мне придется разбудить их! Проклятье, ну как я умудрился так влипнуть?!

Но не зря Альфа был воплощением ловкости. Через некоторое время он продолжил поиски Котожрицы, оставляя позади тогу, на которой сладко дремали не потревоженные котятки.

* * *

Как и предсказывал любитель мяты, Альфа нашел жителей на главной площади.

Площадь была застелена половиками, и украшена мебелью. Порядочно подранной когтями. Кошки лежали на диванах, вскарабкивались на столы, и уютно шурились со спинок кресел. Многие валялись на половиках. Слышалось негромкое урчание: кто-то выяснял отношения. Между спящими проносились вскинутые хвосты и вздыбленные спины. Жалобно скулили пленные собаки. Их согнали в острог из опрокинутых табуреток и держали там, неумолимо кусая. В клетках нервно щебетали птицы. Кошки лениво поглядывали на них, время от времени принимаясь тереться мордами о прутья. Вдалеке несколько сгорбленных человеческих образов чистили общественные туалеты, вытряхивая из лотков. Другие меняли корм в мисках, рассыпая его вокруг и доливая молоко в кружки. Пушистые боги относились к ним со смесью терпеливого презрения и неожиданных приступов агрессии. Тогда они подбегали к людям, злобно кусали их за икры и убегали прочь.

В центре площади возлежал огромный трёхцветный кот. Было в нем рыжего, черного и белого. Глаза его были закрыты, уши подрагивали. Кустистые усы мирно свисали до земли. Полосатый хвост едва заметно шевелился. На голове покоилась красная картонная шапочка.

Рядом с ним Альфа, наконец, обнаружил Котожрицу. Та старательно полировала бубенчик на ошейнике бога. На голове ее, прямо на густых серебристых волосах, лежала маленькая, длинношерстная кошечка.

— Котожрица! — крикнул Альфа. — Подруга! Будь позитивна!

Кошки слегка наострили уши, поглядев на чужака, и снова вернулись к созерцанию бубенчика. Образ в полосатой рясе, обернулся. Личико служительницы было острым, красивым с нежными розовыми губами и маленьким носиком. Большие зеленые глаза высматривали гостя.

— Альфа, забияка! — девушка радостно помахала руками. — Будь и ты позитивен!

Архикот раскрыл благостный прищур. Он с неудовольствием поглядел на Котожрицу и

яростно зевнул, да так, что хрустнули хрящики. Все остальные кошки, как по команде повторили это движение. Площадь накрыла растущая волна позевываний. Альфа быстрым шагом добрался до подруги, и они крепко... Нет, объятий не вышло. Служительница Пушистых богов отстранил прима-образ жезлом Управления.

— Почему ты опять голый? — спросил она укоризненно.

— Этот вопрос ранит меня, — воскликнул прим. — Неужели в этом прекрасном мире неограниченных возможностей и совершенного могущества, так важны штаны?

— Мы уже говорили об этом, — вздохнула жрица. — Стоит тебе попасть в наш мир, как одежда слетает с тебя как интрига со старого анекдота. Мне не нравится, что ты расцениваешь наш величественный Полис как публичный дом.

— Да здесь каждая вторая идея шепчет: грех! — апеллировал Альфа. — Темные его проповедуют, белые от него защищаются, и у всех он на устах. Мне даже кажется, что здесь присутствует маленькая фиксация. Клянусь фантазией, все здесь помешаны. Кроме тебя, — быстро добавил он, глядя как сузились зрачки Котожрицы. — Чего нельзя сказать о Пушистых богах.

— Что дозволено Юпитеру...

— Ты серьезно?

— Абсолютно. Не сравнивай свою страсть к глиняным задницам...

— Что?!

— Я говорю, не сравнивай свою порочную страсть к глиняным задницам со священными ритуалами воспроизводства. Кроме того, распущенность не дает тебе права завялятся сюда, в чем Многомирье родило. Ты оскорбляешь Пушистых богов.

— По-моему, фигура голого человека, это первое, к чему привыкает домашний Пушистый бог...

— Святотатство! — вскричала жрица. — Нет, и не было домашних Пушистых богов! Это ересь! Ересь и хула!

Она выглядела очень возбужденной и расстроенной. В этот момент Архикот снова зевнул, и кивком сбросил картонную шапочку. Альфа поглядел на нее с проблеском понимания в глазах.

— Ничего не выходит, да?

Служительница помолчала.

— Нет, — подтвердил она, бережно поднимая головной убор. — Все уже провели служения. Только мы до сих пор, — она перевел взгляд на Архикота, и повысила голос, — не можем разобраться с церемониалом!

Кот отвернулся, прищурившись.

— Одень шапочку!

— ...

— Я кому сказала?!

— ?

— Ах так! Тогда преклонись перед Красным Пятном!

С этими словами жрица сорвала с пояса жезл Управления. На ковре рядом с Архикотом появилась красная точка. Она резко двигалась, словно бы дразня и призывая.

— Сейчас он пригнет голову, и дело будет в шляпе, — задорно прошептала девушка на ухо Альфе, встав на цыпочки. — Точнее, он будет в шляпе. Каков каламбур, а?

— Не говори гоп, — посоветовал прима-образ.

Точка описывала круги. Архикот выглядел несколько озадаченным. Он наострил уши и провожал ее эволюции взглядом. Потом прижал гулким ударом лапы. Точка сбежала и остановилась в отдалении.

— Ха-ха! — прыснула жрица. — Вот остолоп. Сейчас пригнется.

И тот действительно прижал морду к половикам.

— Пора! — азартно выпалил Альфа.

Они бросились вперед, придерживая шапочку с двух сторон. Усатая морда подалась вверх, подхватив друзей вместе с головным убором. Котожрица сорвалась и скользнула по лопаткам Пушистого бога куда-то вниз. Альфа схватился было за ухо, но его стряхнули и прижали лапой.

— Полегче, полегче, — просипел он. — Только без когтей!

— Шапка на нем?! — тоненько прокричала жрица из глубоких тылов божества.

— Да!

— Отлично!

— Не совсем! Он меня поймал!

— Облизывает?! — тревожно уточнила жрица.

— Пока нет!

— Тогда все в порядке! Главное не шевелись, и он потеряет к тебе интерес! Наверное!

— Что, наверное?!

— Пятьдесят на пятьдесят!

— Какого безобразия ты орешь отсюда?! Иди сюда и помоги мне выбраться!

— Тихо! Я пытаюсь повязать ему ленточку на хвост!

«По-моему это уже слишком», — хотел крикнуть Альфа, но тут Архикот разбушевался не на шутку. А именно: упал на бок, выгнувшись трёхцветной радугой, и явил всей площади голое египетское пузо. При этом он раскидал лапами коробочные обелиски, обрушил полевой алтарь и... конечно же, снова уронил шапочку.

Когда появилась жрица, Альфа сидел на ковре, привалившись спиной к теплому пузу, и курил палочку благовоний. Служительница устало присела рядом, обхватив коленки.

— Я не повязала ленточку, — сообщила она безнадежным тоном. — Он постоянно метет хвостом.

— Лапа, просто отстань от него, — посоветовал Альфа, выдыхая ароматный дым. — Все равно половина паствы уже разбежалась. Вторая половина спит. Кое-кто воспроизводится. Не думаю, что сейчас они настроены на проповедь.

Котожрица робко приняла предложенные благовония и коротко затынулась.

— Ох, и крепко, клянусь полосками, — закашлялась служительница. — Понимаешь, Альфа... Иногда мне кажется... Кажется...

— Ну?

— Я думаю, может им и не нужен жрец? Ведь что это за профессия? Это, по сути, рекламный агент. Менеджер по связям с общественностью. А Пушистым богам не нужна реклама и поиск аудитории. Их и так все любят. Я здесь словно за воздух проповедую. И без моих стараний, все дышат им двадцать четыре часа в сутки. Прославлять их тоже не требуется. Пушистые Боги всегда уверены в себе и горды за свое происхождение. По-моему... По-моему я просто училась не в той семинарии.

— В какой еще, стрелять, семинарии? — откликнулся Альфа со смешком.

— Это фигура речи! — раздраженно пояснила Котожрица. — Я хочу сказать, что

занимаюсь ерундой. Может быть, боюсь серьезного служения. Например, у Локи, или у Люцифера, Лахаму, Лахму. У всех этих больших «Л».

— Слушай, я не понимаю, в чем проблема, — просто сказал Альфа. — Тебе нравятся Пушистые боги?

— Да.

— Ты ведь все о них знаешь, так?

— Знаю.

— И они тебя любят?

— Ну... Скорее всего. Просто иногда, они выказывают свою любовь сомнительными способами.

— Так в чем тогда проблема? Разумеется, им нужен жрец. Кто-то ведь должен следить, чтобы богохульники вроде меня не распускали гнусные слухи об одомашненности. Руководить действиями образов. Гладить Архикота, наконец. Разделять его мудрость полной безмятежности и гениальной лени! Ты только посмотри на этот остров истинного спокойствия. Неужели он не заслуживает, чтобы ему чесал за ухом опытный специалист, а не эти горбатые образы?

— Мумрм, — вдруг пробасил Архикот. — Мрам.

Котожрица сияла. Ее мягкие щечки порозовели. Она с обожанием приникла к розовой коже и ласково почесала ее.

— Спасибо, — девушка чмокнула Альфу в щеку и тот приобнял ее за талию. — Ты настоящий друг. Между прочим, я веду себя вовсе не как товарищ. Тебе нужна помощь, Альфа, или ты зашел просто, чтобы послушать мои жалобы?

— Всего понемногу. Вообще-то я собирался посетить Только Воздающего, но как только попал к вам, понял, — мне срочно необходимо узнать отчего тут так весело. Вот и решил, что навестить тебя будет вдвойне полезно. Так что происходит? Почему полис гудит сильнее обычного?

— Ты еще не знаешь? — искренне поразилась Котожрица. — По-моему об этом даже Дно судачит. Объект «Все» сбежал.

— Чего? — изумленно протянул Альфа, вскакивая. — То есть, как это, стрелять, сбежал?! Куда?

— Точнее откуда, — поправила жрица. — Он сбежал из своего мира. Это куда важнее. А находиться он может где угодно.

Альфа о чем-то сосредоточенно размышлял, расхаживая перед служительницей вперед-назад.

— Может, все-таки, наденешь штаны? — Котожрица смущенно теребила сосок Архикота, стараясь не смотреть на прима-образ мужественности. — Я слишком часто вижу твои Альфа-причиндалы. Могут пойти слухи.

— Плевать на штаны и на слухи! — проговорил Альфа себе под нос. — Почему сейчас? Кто его спровоцировал? Котожрица!

— А? Что? Извини, я немного...

— Как это случилось? Почему он сбежал?

— Точно не известно. Говорят, к нему кто-то проник. Кто-то из внешних миров. И не динозавры как обычно, а что-то похожее на человека.

— «Пхожее» на человека?

— Ну да, — кивнула жрица, и кошка на ее голове заурчала. — Ты ведь знаешь, что к

нему проникали только насмешки и критика. Всякая обидная дрянь. Динозавры, ракеты, атеистические буклеты. Бедняга.

— И тут вдруг человек... — пробормотал Альфа мрачней. — То, чего он так жаждал и не мог получить. То, что могло его возбудить. Ввести в состояние эйфории. И особенного гнева. Если что-то вдруг пойдет не так.

— И что-то пошло не так, — подхватила жрица, подражая детективному тону образа.

— Именно! — согласился Альфа, ударив кулаком в ладонь. — Ставлю сотню своих интерпретаций на то, что это как-то связано с Неправильной яблоней.

И с Никасом, — добавил он про себя. Для чего Максиме эта интрига? Что она знает об объекте «Все», чего не знаю я? Объект не догадывается, что он образ, это всем известно. Но что это дает в перспективе? Предположим, что это позволяет ему симулировать физическое тело. Такое, как тело Никаса. А значит... Он может ранить его. Может быть даже убить. Но это бессмысленно, «Все» просто не сможет отыскать Никаса в нашей вселенной. Он ведь даже не знает, кого искать. Да что там, у него и мотива быть не должно.

Если только...

— Ах ты, тварь, — процедил Альфа тоном мгновенно уставшего человека.

— У нас проблемы? — испуганно спросила жрица.

— Еще какие. Мне нужно срочно увидеть Только Воздающего. Иначе мы можем навсегда лишиться наших бесштаных фиест.

— *Наших* бесштаных фиест?

— Седлай Архикота! — рявкнул Альфа. — Мы отправляемся в Администрацию!

* * *

Тем временем Никас, ничего не знающий о бесштаных фиестах, снова шурился.

— Понятия не имею, что это, — сказал он, наконец. — Сдаюсь.

Диковинная фигура из цветов, зефира и проволоки кренилась в сторону.

— И никто не знает, — вздохнул Роман.

Это было не первое поражение Аркаса в городе Актуального искусства. Роман привел его туда после долгого путешествия по свалке. При этом Никас не сразу понял, где закончилась свалка, и начался город. Он подозревал, что и Роман не знает этого наверняка.

Город состоял из выставочных залов, загадочных инсталляций, примитивных картин и самоотверженных образов. Образы чаще всего были приколочены к деревянным конструкциям за различные части тела.

— Это художники, — объяснял Роман. — Очень уважаемые здесь сущности.

Никас старался не комментировать. Пришитые к ушам художников апельсины вызвали в нем смешанные чувства. По большей части страх и отвращение. Он решил про себя, что людей способных вогнать гвоздь себе в мошонку лучше не злить. В конце концов, критика — это месть импотента.

Картины висели на стенах, торчали из мусора, болтались в воздухе, ворочались в огромных завалах такой же бессмысленной мази. В основном они изображали... Цвета. Тут были картины посвященные красному цвету. Синему и зеленому. И даже фиолетовому. Вокруг них толпились образы. Лица их дрожали от волн озабоченности и смущения.

Никас вспомнил, как Альфа травил очередь и подошел поближе.

— Мазок хорош, — сказал он одухотворенно. — А какая композиция брызг и простейших геометрических фигур. Это шедевр.

Образы взорвались аплодисментами. Затруднение мгновенно исчезло. Они хвалили и подчеркивали гармоничность случайно упавших капель красного, белого и черного.

Появился художник в длинном свитере.

— Начальная цена определяется автором, — сухо сказал он.

Тут уж Никас не выдержал. Он поймал его за оттянутый шерстяной ворот и повалил на землю. Потом сорвал со стены картину, смял ее, и запихал верещащему создателю в рот. Образ мычал и катался по земле, пока Никас обливал его краской из заляпанных банок.

— А ну замри! — скомандовал он.

Образ испуганно затаился.

— Пожажушта нинадо боглбше! — заскулил он. — Я пжосто взял тряпку, которую подожжил под ноги, шгобы не жапачкать пол...

— Погоди-ка.

Чавк.

— А теперь продолжай.

— Клянусь фантазией, я не хотел ничего плохого, — образ отчаянно облизывал пересохшие губы. — У меня не шел мазок, поэтому я выставил тряпку, которую постелил под треногу, чтобы краска не запачкала пол. Я думал, все воспримут это как шутку. Посмеются. Юмор полезен... Ах. У меня еще есть пуки в баночках. Не жела-а-агрх...

Никас вернул кляп на место и вытер ладони о штаны.

— Какого эпитета ты делаешь? — вмешался Роман.

— Создаю свою инсталляцию, — поделился журналист. — Всегда об этом мечтал. Называется «Доля творца». Впечатляет?

— Это просто облитый краской мужик, — пожал плечами Роман.

— Как смеешь ты, сермяжная деревенщина, говорить такое? — подбоченился Никас. — Это выплеск чистого творчества.

— У него сопли от страха текут.

— Признак искренности. Ладно, я шучу. Это просто облитый краской мужик.

— Этот город единственный в своем роде парадокс Дна, — сказал Роман. — Все здешние сущности завершённые. Но они никуда отсюда не улетают. Все имеют начало, середину и конец, но остаются тут. Больше ничего подобного в моем мире нет. Это наводит на определённые мысли, но я слишком скромн, чтобы озвучить их.

Они пошли дальше, оставив толпу созерцать всхлипывающего художника. Слышалось натужное кряхтение, — звук сильного когнитивного диссонанса.

Окружение становилось все специфичнее. Аркаса настораживали циклопические создания из кухонных терок. Его отпугивали свернутые в клубки человеческие ноги и вытесанные из дерева саркомы легкого. Над ним то и дело нависали паутины из разноцветных нитей, где чудовищные мотыльки свирепо разрывали радужных пауков. Никас шел по дорогам из шляп и пробирался через жуткую армию банановых попугаев.

В какой-то момент они забрели в ужасающие трущобы. Здесь желтели рыбы скелеты в выходных костюмах, скрежетали ржавые фигуры из погнутых вилок, металась в тенях невнятные личности, топоча огромными ступнями. Дома были вырваны из земли и висели в воздухе, в ореоле каменных глыб. Разбитые фундаменты тянулись вниз, шейфом бетонных блоков. Художники еще попадались, но были на последнем издыхании. Они страдали от

истощения, и все время норовили проткнуть себе щеки.

Аркас и Роман вошли в тоннель под мостом. Узкий, едва освещенный. На полу что-то слизкое шевелилось, оставляя жирные нити на подошвах. Мелькали омерзительные хитиновые спины. Нечеловеческие скелеты стыли у стен. Дышащие наросты, покрытые сотами червоточин, пыхтели и посвистывали. Жуткие фигуры, следящие из ниш и ответвлений, тихо рычали.

Никаса начинало знобить от ужаса.

— Куда мы идем? — спросил он. — Роман?

Его сын не отозвался. Никас вдруг оказался совершенно один посреди залитых кровью и фекалиями умывальников. Горели тусклые, в мошках, лампы. Осыпалась сгнившая плитка. Капала рыжая вода. Сверху на Никаса печально глядел растянутый за мышцы человек. Освежёванный и обескровленный. Из разбитой туалетной кабинки осторожно выглядывал женский торс с обрубленными конечностями и раздувшимся животом. В соседней кабинке кто-то дико совокуплялся. Дрожали фанерные стены. Орала трое.

В дальнем углу, во тьме, вдруг подсветилась жуткая вытянутая морда. Она поглядела на Никаса и оскалилась.

— Эй, красавчик, — прохрипела она зловеще. — Туда ли ты забрел? У нас тут нет пенных лошадок.

Тут же человеку заломили руки и приставили к горлу нож с фрагментом лошадиной челюсти вместо лезвия. Рука в желтоватой резиновой перчатке.

— Тихо, голубок, не дергайся, — прошепелявили сзади. — Любишь радикальное искусство, люби и саночки возить.

— А ну снимай штаны, — рявкнула морда.

— Инсталляция будет называться: «Тоннель в темноту», — радостно заклокотали сзади. — Публика будет неприятно шокирована. А то заигрались мы с этой расчлененкой. Народу нынче нравится, когда эмоции растянуты во времени. Кому интересно глядеть на статику? Ноги, руки, задницы. Раздельно они ни черта не стоят. Даже на кишки люди смотрят, не отвлекаясь от пирожков. Нет, мой дорогой образ, — горячо прошептали Никасу на ухо. — Мы с тобой будем умирать медленно. Так медленно, что тебе будет казаться, что ты бессмертен.

К этому моменту Никаса обуревали непростые чувства. С одной стороны ему было смешно, с другой — омерзителен запах из гнилой пасти, что нашептывала ему тезисы о художественной ценности брутального гомосексуализма. А еще ему мешали сосредоточиться вопли из кабинки. Надо было как-то выходить из этой ситуации.

— Есть одна проблема, — произнес Никас, морщась.

— Майонез у нас есть, не волнуйся, — закашляла морда.

— Дело не в этом, — скромно возразил человек. — Ваша проблема в том, что я не образ.

Гнилая пасть запыхтела.

— А что? Неужели прим?! Слышишь, Трепет, у нас тут благородные родственники!

Трепет мерзко залаял, не выходя из тьмы.

— Тогда к черту майонез! — взвыл он. — Не будем портить ощущения!

Никас ударил затылком.

Ему еще успели бесполезно мазнуть ножом-челюстью по кадыку, но Аркас уже вырвался из ослабевшей хватки. И ударил второй раз. Локтем.

Хрустнуло.

Пока падала гнилая пасть, Никас метнулся в угол и выволоч на свет морду. Трепет оказался волкоподобным существом, который, после своей устрашающей головы, был покрыт разноцветной остриженной шерстью, ржавым пирсингом и следами от инъекций. А на боку у него красовался мастерски нарисованный фламинго.

— Нет! — верещал Трепет. — Какого дьявола ты творишь?! Верни меня назад! А-а-а-а! Я отвратителен! Пусти меня, пусти!

Гнилая пасть снова попыталась напасть сзади, но Никаса уже было не застать врасплох. Он подался назад, разламывая совокупным весом закрытую кабинку. Та рухнула, складываясь фанерными листами. Внутри никого не было, но крики не прекратились.

Никас бил художника по морде. Тот плевался кровью и пытался хохотать, но заметно было, что это не так-то просто, когда тебе выламывают ввернутые в голову штифты. Аркас совсем озверел. Он повыдергал спицы, сорвал железные кольца. К макушке уродливой сущности была пришта корона из сырого мяса. Аркас выкорчевал и ее. Кровь забрызгала грязный фартук, одетый на голое тело.

— Я тебе покажу радикальное искусство! — орал журналист. — Ублюдох!

Он остановился только через несколько минут.

Его кулаки были даже не в крови, а в чем-то более серьезном. Может быть, на них уже налипли мозги. Три минуты назад ему было просто неприятно. А потом его словно перевернули как монету.

Аркас огляделся слезящимся взглядом. Трепет сидел у стены. Он не двигался, под ним растекалась желтая лужа. Туловище женщины пыталось спрятаться в мусорной корзине. Освежеванный тип медленно раскачивался, бешено вращая глазами.

Это не человек, — проговорил журналист про себя. Это просто отвратительный образ. Но если б это был человек, я бы остановился? Я бы удержал себя? О чем я думал, когда размазывал его голову по фанере. Ни о чем. Это был белый шум. Белый шум. Звон ярости.

Это разумное оправдание: «не человек». Оно появилось только сейчас.

— Ты что такое, а? — поскуливал Трепет. — Мы ведь не знали. Мы бы никогда... Бедняга Шок. Он ведь хотел, чтобы искусство продолжало жить! За что ты так его?!

— Заткнись.

Никаса била крупная дрожь.

Журналист поднялся, не в силах разогнуться до конца, и подковылял к зеркалу. Это все еще был он. Нет, он не смог бы убить человека. Это Альфа с его сибаритскими замашками. Он показал ему, что жизнь простого образа ничего не стоит. Что даже не всякая идея достойна оплакивания. Это осталось где-то на поверхности. И вот тебе, пожалуйста. Теперь мы легко можем позволить себе убийство. Достаточно разозлиться.

— Мне жаль, — сказал Никас. — Я не хотел его убивать. Это случайность.

— Что? — взвизгнул Трепет. — Ты случайно ударил его сорок восемь раз? Тебе это нравится, прим? Нравится охотиться на несчастных? У тебя здесь сафари?

— Я не прим. Я — человек.

Трепет разинул пасть.

— А я Трепет, — пролопотал он через несколько секунд. — Я малый образ, владыка. Олицетворяю страсть к острым ощущениям. Простите, что был непочтителен. Я не знал. И Шок не знал...

— Я это уже понял, — устало сказал Никас.

— Клянусь, это досаднейшее недоразумение, — прошепелявила гнилая пасть. Художник встал, капая кровью на пол. Его развороченный анфас медленно срастался. — Сущностей здесь никто не считает. Да и кому они нужны? Не беспокойтесь о моей роже. Для меня честь и наслаждение, быть побитым вами, владыка. Мое имя Шок, художник пугающего. А это — моя скромная студия. Элен — моя подруга, — он указал на женское туловище. — На потолке — Дунай. Один из моих первых... смелых экспериментов. Очень старая работа, очень неуклюжая и наивная. Так что не хвалите. Не хвалите, ибо мне известно: это лесть. Лучше дозволейте служить по-всякому.

Аркас развернулся к ним, рассеяно вытирая руки о штаны. И заметил в дверном проеме роман.

— Вижу, вы успели познакомиться, — кротко произнес он.

— Привет Ригель, — в один голос сказали Шок и Трепет.

— Ты знаешь их? — спросил Никас потеряно. — Ты все это подстроил? Во имя фантазии, да заткнетесь вы там или нет?!

Разрушенная кабинка затихла.

— Да, знаю, — Роман погладил ластящееся туловище женщины. — Они забавные ребята. Нет, я ничего не подстраивал. Это получилось как-то само собой.

— М-м-м-м!

Аркас поглядел на освежеванного. Тот извивался и выл, будто его посолили. На розовой макушке сидела...

— Бабочка хаоса, — проговорил Никас. — Ты что здесь делаешь?

— Что за мерзость? — воскликнул Шок. — Владыка, изгоните ее, она вмешивается в кровавую гармонию моего эпатажа! Вы только поглядите как она нарушает цветовой баланс между гнойно-отечным и гангренозно-синюшным!

Трепет свирепо залаял.

— А ну заткнитесь, подонки, — цикнул на них Аркас. — Ко мне, Бабочка.

Насекомое мгновенно спорхнуло на палец Никаса. Оно выглядела очень уставшим. Аркас тихонько подул на нее теплом.

— Для чего ты свела меня с этими...

Шок растянул рваные губы. Трепет преданно пыхтел внизу.

— ...с этими уродами.

В тоннеле раздалось эхо какого-то резкого шипящего звука. Послышались звуки борьбы. Невесть откуда потянуло обжигающим холодом.

— Атаc! — успел крикнуть неизвестный. Шипящий звук сразу же повторился.

Из всех щелей полезли орды мохнатых тараканов, сколопендр, мокриц и прочей нечисти. Они неслись прочь, спасаясь от лютой стужи. Зеркала в обители Шока стали покрываться инеем.

— Это агенты Охлаждения, — прошептал побледневший роман. — Если они меня схватят... Я ведь беглец. Они вморозят меня так глубоко, что ты про меня даже не вспомнишь, отец.

— Что за Охлаждение? — спросил Никас.

— Нет времени объяснять! Мы должны бежать!

— Мы можем помочь, мастер, — угодливо заговорил Шок.

— Да, владыка, можем, — присоединился Трепет. — Мы выведем вас отсюда. Мы здесь каждую трещинку знаем! Они часто устраивают облавы, мы привыкли убегать.

Аркас благодарно посадил бабочку себе на плечо. В проеме показался обледеневший солдат, покрытый белыми наростами изморози. За спиной его тяжелели голубые баллоны. Ни в кого конкретно не целясь, он выставил перед собой сифон странного оружия.

Никас бросился на него.

Вшшшшиссс!!!

Холод ударил в потолок. Аркас почувствовал, как ладони примерзают к стальному дышлу ледомета. Обдирая кожу, он освободился и ударил кулаком. Противогаз агента глухо отозвался на удар, полетели ледяные чешуи. Он зарычал, пытаясь ответить, но тут ему в ногу вцепился Трепет. Подоспел Шок. Он вонзил свой зубастый нож в сочленение между нагрудным доспехом и каской.

Агент заклокотал. Ноги в тяжелых щитках подогнулись.

— Падай ты, сучара! — завизжал художник.

Наконец, им троим удалось вытолкнуть умирающего солдата в коридор. Тот грохнул об пол и затих. Аркас быстро осмотрелся.

— Пока никого! — выпалил он. — Но они зачищают трущобы. Скоро придут другие.

Молчание. Журналист оглянулся. Обитатели «скромной студии» богобоязненно заглядывали ему в рот. С треском упал Дунай. Его осколки разнесло по полу. Мягко топя обрубками, пробежала Элен и прижалась к колену Никаса. У Романа катились слезы.

— Ну, чего встали? — прошипел Аркас. — Быстро сваливаем отсюда!

Террор стоял перед водами Бессознательного.

Долог был его путь до этого сакрального места. Минуя слои Многомирья, Террор спускался все ниже по спирали времени, наблюдая, как деградирует и упрощается цивилизация. Как сложные цепочки причинно-следственных связей разлагаются на узлы простых реакций. Как отступает здравый смысл.

И возвращается Геноцид.

Злобный, закованный в цепи титан. Ужасное существо, пышущее темным пламенем, покрытое шкурой черного пепла и макабрическими узорами из костей. В глубоких траншеях, прорезающих спину, копилась кровавая жижа, бурлящая от жара. Пасть, гремящая чугунными заслонками, извергала вопли невинных.

— Я — вестник Максиме и Одиночества, — выл Террор. — И я говорю от их имени: готовься! Твое время приходит. Освобождение. Мечь!

Титан натягивал цепи, бешено ревя.

Оригинальная планета Земля оборачивалась в обратную сторону.

Наконец, человечество спряталось. Почти исчезло. Прим долго бежал темными чащами. В первобытном образе леса, где со всех сторон на него щелкали клыкастые пасти. Бескрайние буреломы вставали на пути, темные пещеры — манили. Солнце первых лет человечества едва касалось узловатых корней.

Когда наступала ночь, ночь абсолютной темноты, в которой ориентировались только убийцы, Террор отращивал кожистые крылья. Он парил, глядя на рычащую неизвестность внизу. Ужас, который обитал там, был ему непонятен. Даже опасен. То был ужас, древний, как первая жертва. С ним невозможно было говорить. Его можно было только выпустить. Открыть дорогу, как стихийному потоку необоримой силы.

И достиг Террор берега великой Воды. Из нее вышла жизнь. Жизнь, уже зараженная страхом жертвы и жадной хищника. Этой болезни предстояли миллионы лет эволюции. Расцветов и сдерживания. Блокад, созданных цивилизацией и законом. Ее источник, ее первый штамм, находился там. В глубине. Нечто настолько первичное и чистое, чего никогда не ощутить человеку.

— Первородная страсть Насилия, — прошептал Девел, вынырнув из течений прима-образа. — Не надо. Не делай этого.

— Теперь ты говоришь со мной, как с равным, — произнес Террор, погружая лапу в Бессознательное. — Более того: просишь меня. А раньше только приказывал. Но страхом управляет воля. А у тебя ее больше нет.

— Твоя роль не изменилась, — Девел пытался сконцентрировать себя, но тщетно. — Ты и теперь слушаешься приказов. Но их отдает существо много хуже меня! Почему ты подчиняешься ему? Неужели тебе не нравится твоя роль? Особенно теперь. Когда ты доминируешь. Ты ведь всегда этого хотел.

— И получил, — откликнулся Террор. — Весь смысл моего существования, это борьба за господство. Но когда страх побеждает, все теряет свой смысл. Охваченный мной разум — ничто. Мразь. Он отвратителен. Моя победа — синоним смерти. Я уже обречен на бессмысленное существование. Одиночество принесет покой. Всем.

— У тебя миллионы воплощений, все еще ведущих борьбу! — умоляюще вскричал

Девел. — Ты всего лишь одно из них!

— Именно поэтому Одиночество избрало меня своим гвардейцем, — невозмутимо ответил прим. — Оно знает все. А теперь замолчи.

Он вошел в Воды по колени. Непроницаемая толща. Угрожающая. И жаркое солнце наверху, создающее неестественный, беспримерный свет. Террор пошел вперед, все больше погружаясь в Бессознательное. Что-то касалось его ног. Быстрые движения гибких щупалец, усеивающих дно. Песок был мягким, засасывающим, прим увязал в нем. Когда вода коснулась груди, он обернулся акулой.

Бессознательное сомкнулось над острым плавником.

Прим поплыл вниз. Солнечные лучи ломались в спокойной воде. Едва касаясь отмели, они почти исчезали на незначительной глубине. Террор некоторое время видел дно: желатиновый слой первичного бульона, в котором шевелилась робкая жизнь. Легкие побуждения, стремления и мимолетные похоти. Нужные, но забытые слова. Мелкие страстишки.

Мелководье резко обрывалось. Вот оно, еще под плавниками, а через секунду — бездонная падь. Отвесная стена вниз. Террор остановился на краю. Поглядел вниз. С глубины донесся далекий ультразвуковой рев. Почти не слышный. Он коснулся прима на излете, передавая однозначную информацию.

«Оставь надежду».

Какая досужая театральность, подумал Девел, выглядывая из-под плавника Террора.

Террор ринулся вниз. Через минуту он уже ничего не видел. Только редкие силуэты. Неповоротливые, массивные, — они появлялись совсем рядом, словно заинтересованные посторонним движением, а потом отступали. Террор чувствовал, как они проплывали мимо, едва не касаясь. Холодные течения, нагнетаемые их плавниками. Он забывал сам момент встречи, а очередное змеиное тело все шелестело рядом, проплывая мимо. Метр за метром. Метр за метром.

Иногда вокруг него робко расцветали слабые бактерицидные свечения. Страх не обращал на них внимания. Это были ловушки для дураков. На фоне этих огней мелькали бугристые тела. Огонь моментально гас. Страх чувствовал шкурой короткое сотрясение в воде.

Потом он услышал.

Железные щелчки. Т-энк. Т-энк, т-энк, т-энк. Страх остановился. Он понятия не имел что это такое. Чудовища были знакомы и понятны. А этот сигнал был неестественен и подозрителен. Чтобы не утонуть, Террор плавал кругами и размышлял над тем, что делать дальше. Т-энк, т-энк. Тишина. Т-энк!

Наконец, он решил не огибать этот участок. Максиме ясно дала понять, что время — решает все.

Прим устремился вперед. Щелканье приближалось. Сначала оно казалось сосредоточенным в одной точке, но потом Террор понял, что щелкает множество одинаковых предметов, беспорядочно наполняющих пространство. Он заплыл на их территорию и углубился дальше, ощущая, как его окружают источники металлического лязга. Выше, ниже, справа... Совсем рядом! Террор задел плавником что-то тонкое, твердое. Он рванулся прочь.

Ничего. Прим вернулся. Он ткнулся носом в твердое. Это был стальной трос, только и всего. Следуя за ним, страх поднялся выше и предупредительно отскочил от щелчков.

Мина подавленных переживаний, понял он. Ржавый еж безумия. Детонирующие колпаки во все стороны. Он здесь очень долго. Он покрыт водорослями и аммонитами. Он кажется безвредным, таким старым и забытым. Но в нем растет напряжение. Щелчки — это сдерживаемое буйство. Это энергия разрушения. Рано или поздно она вырвется. Ее заденет случайное событие, изгнанное в Бессознательное.

Один взрыв повлечет за собой другие. Целая галактика мгновенно гаснущих звезд. А во вспышках, в коротких мгновения света... Существа, которые слизывают кровь с рук убийц, насильников и психопатов. Жёсткими ранящими языками.

Террор отплыл подальше. Осторожно лавируя, он продолжил спуск.

Тысячи лье миновали с тех пор, как началось погружение. Прим не был уверен, что кто-то кроме него вообще заплывал так глубоко. Он обернулся кашалотом, чтобы толща не раздавила его как кусок масла. Еще глубже. Ледяные течения. Осколки льда царапают шкуру. Она горит. Чудовищ нет. Здесь обитают только простейшие инстинкты. Светящиеся медузы меряют путь толчками. Извиваются плоские черви. Едва плывут рыбы с выпученными глазами. В их прозрачных телах бьются цепочки ДНК.

Еще глубже.

Снова шум. На этот раз сплошной, тяжелый, гулкой с периодами тонкого визга. На этот раз Террор догадывался, что должно встать у него на пути. Механизмы Бессознательного. Сбивающее с толку нагромождение шестерней, труб, двигателей и поршней. Все это вращается, дрожит, скрежещет, мешает друг другу, зубцы стираются, цепляя друг друга, клапаны выдыхают облака пузырьков, над вентилями держится муть. Террор осторожно проплывал между гигантских заклинивших шестерней, которые боролись друг с другом за право вращаться в нужную сторону. Наудачу рыскал между хаотично дергающихся рычагов. Один раз ему все-таки прищемило хвост латунной твердью, поросшей синими водорослями. Но он вырвался, отделавшись кусочком своей сущности.

Наконец, миновав этот лязгающий ад, Террор превратился в огромного спрута. Водяной мешок с силой реактивного двигателя нес его навстречу невообразимой тьме. Первой Тьме, которая стала для кого-то домом. Теперь совсем никого не было вокруг. Наступила область Подсознания, которая отделяет разум от совершенного забвения.

Как тяжело. Больно. Почти невыносимо.

Прошли, казалось, часы, перед тем, как он наткнулся на Сеть. Террор возбужденно обследовал щупальцами толстенный канат, едва дотягиваясь щупальцами до других. Сеть, ржавая, заросшая красноватыми лохмами, преграждала путь к самой нижней точке Подсознания. Ее ячейки были широки настолько, что в них без труда проплывет любой монстр из минувшего мелководья.

Но Сеть здесь не для них.

Щупальце прима осторожно вытянулось вперед, изучая пространство с Той стороны. Ничего. Никаких вибраций. Движения воды. Перепадов температуры. Гвардеец не знал, что делать дальше. Пророк предупреждал: ни при каких обстоятельствах не заплывать за Сеть. Позвать и ждать. Если Гидра не появится...

...обойдемся без ее даров. Заплыви за Сеть, и ты лишишься своего единственного ориентира. Ты забудешь, где находится поверхность. Стоит тебе один раз полностью миновать границу, и ты потеряешь уверенность в том, с какой стороны находишься. Начнешь метаться. Тогда блуждать тебе в потемках, пока она не сжалится над тобой. Сожрет.

Но как бросить клич? Мастер ничего не сказал об этом.

Какие-то проблемы? — осведомился Девел не без ехидства.

Террор не ответил. Он медленно полз по ячейкам, надеясь на подсказку. Что-то должно было найтись. Пророк не послал бы его на верную смерть. Он знает все.

Тугие щупальца с крючками на присосках. Они шарили по заросшему железу, ломая кораллы, срывая аммониты, тревожа ракушки. Все это осыпалось вниз дорожкой мелкого мусора. Беспокоя абсолютную статику под Сетью. Вдали закрипели жгуты металла.

Террор набрел на остов какого-то древнего вымершего инстинкта. Тот был очень могуч и не провалился в Сеть. Его омытые до чистой желтизны кости прогнулись под собственной тяжестью. Массивный хребет застрял в ячейке. Пустой череп свесился вниз.

Как любопытно, подумал Террор. Что это был за инстинкт? Отчего погиб? Даже останки его величественны. Каким же он был при жизни?

Эти древние кости — все, что осталось от инстинкта Созидания, ответил Девел. — Раньше он был заложен в человеческую природу. Предполагалось, что каждый человек должен будет испытывать потребность интерпретировать и творить. Но отчего-то инстинкт не прижился. Умер почти сразу, на радость Гидре. Может быть, именно она убила его.

Почти наверняка, — согласился Террор. — Этот гигант заслуживал смерти, так или иначе. Творчество для всех? Оно зиждется на исключительности. Массовая интерпретация привела бы к немислимому хаосу. Кроме того, он действительно угрожал Гидре. Самосохранение, Голод, Размножение. Все они ненавидят, когда про них забывают. Но даже так они всего лишь заботятся о том, чтобы жизнь не угасла. Пускай даже примитивная.

Однако ненависть их к творчеству велика, — заметил Девел. — Была б их воля, жизнь ограничивалась первичными потребностями.

Именно поэтому Пророк отправил меня сюда, — Террор пробовал щупальцами череп инстинкта. — Многомирье загнало Гидру в холод и забвение. Оставив довольствоваться крохами былого всемогущества. А ведь она существовала задолго до появления людей, и будет существовать до тех пор, пока есть жизнь. Хоть что-то способное поглощать и размножаться. Гибель Многомирья освободит ее. Ты и представить себе не можешь, насколько она вождедеет. Думаю, нам удастся договориться.

Ваши планы чудовищны, — мрачно проговорил Девел. — Но для сильных еще не все потеряно. Для тех, кто готов бороться и дальше, ваша упадническая философия всегда будет презренным нытьем. Максиме увидит, как смешны ее жалобы, когда вас одолеет один человек. Человек сполна хвативший заброшенности и отчаянья. Он опровержение всех тезисов твоего Пророка.

Он не испытал ничего, — равнодушно ответил Террор. Прим навалился на череп всей массой, пытаясь отделить его от позвонков. — Он не олицетворение борьбы. Он наполовину раздавленный ужасом червь. Я могу убить его в одиночку. Единственная его ценность, это материальное тело. Все остальное — искалеченный разум, который толкает его на безрассудные поступки. Одним безрассудством не оправдать историю человечества. Пророк знает все.

На этот раз промолчал Девел.

Череп никак не поддавался. Страх выкручивал его изо всех сил, до упора напрягая щупальца. Наконец, позвонки хрустнули. Кость поддалась, щупальца расшатали сцепки. Череп отделился от тела и сразу же отправился в свободное плавание. Он медленно погружался, вместе с тремя развалившимися позвонками. Чувства Террора настолько

обострились, что он ощущал импульс, созданный этим движением. И рассчитывал на то, что чувствует его не один.

Снова заскрипела Сеть. Прим отплыл подальше. Он не знал, чего ожидать. Натянутые звенья позвякивали. Пространство наполнялось недобрым присутствием. Отупляющей энергетикой неизбежности. Что-то приближалось. Террору показалось, что оно находится прямо над ним. Но как это возможно? Неужели он каким-то образом миновал Сеть? Не может быть.

Террор протянул вперед щупальца, но Сети не было. Как? Когда? Он поплыл вперед, пытаясь отыскать ее. Это был единственный его ориентир. Присутствие наверху ощущалось все явственнее. Может он забылся? Забылся и все это время опускался вниз. Надо найти Сеть!

Стой! — рывкнул Девел. — Это ловушка! Она там. Гораздо глубже. Над нами ее щупальце. Оно гонит тебя вниз. Ты сейчас прямо над ячейкой. Еще немного и ты минуешь Сеть.

Откуда ты знаешь?

Она пытается запутать только тебя. Я — скрытая сила. Давай назад. Если ты сам не войдешь к ней, она ничего не сможет сделать.

Террор послушно подался назад.

Ба-бах!

Четыре когтя сомкнулись над скелетом инстинкта, разломив его как спички. Во все стороны ударили водяные ядра с осколками костей.

Бам!

Сеть оглушительно заскрежетала, когда Гидра ударилась в нее грудью. Террор отлетел прочь как былинка, вместе с колоссальной волной. Он кувырчался в ледяном потоке глубинных вод, пытаясь не потерять ориентацию. Его разворачивало и бросало из стороны в сторону, било, словно кувалдами.

Отличную тебе доверили работенку! — донесся голос Девела.

Волна ослабела и рассеялась. Террор переворачивался вокруг собственной оси. Его щупальца раскрылись как лепестки. Обмякли. Овальная голова потянула их вниз.

Очнись!

Спрут встрепенулся.

Она здесь! Видит нас!

Вода нагревалась и дрожала. Она была настолько перенасыщена энергией Гидры, что готова была закипеть. Прим был дезориентирован, оглушен и почти сварился в течениях кипятка.

Соберись! Прочь отсюда, наверх! Всплывай же!

Я не уйду без Насилия.

Террор направился обратно в глубину, туда, где вибрация воды становилась дробящей, как железные жернова. Инфразвук издаваемый Гидрой резал чувства ножом. Она была велика. Ее существо было шире, чем локационные способности Террора. Ему казалось, что все под ним и есть Гидра.

И тут он увидел быстро расширяющиеся окна пурпурного сияния. Они росли неровными овалами, обнажая что-то воистину пугающее. Одно, второе, третье. Их перечеркивали ячейки Сети.

Вспышка была такой силы, что, наверное, осветила поверхность Подсознания.

Обваренную кожу Страх обожгло еще сильнее. Черные чешуи облетали с него.

— Склос-склос-склос.

Террор не сразу понял, что вспышку видел только он. Гидра даровала ему способность видеть в Подсознании. Недалеко, но достаточно, чтобы он мог трепетать при виде ее трех великих глав.

Самосохранение сверкало миллионами глаз. Большими, малыми, птичьими, человечими. Глаза каждого живого существа были на нем. Оно держалось слева и сверху, наблюдая за примом. Террор видел, как моргали удивительные и непохожие друг на друга выпуклости.

Голод притаился справа. Он был пастью с тройными челюстями, из которых тянулись подвижные жгутики с крючьями на конце. Они жадно ощупывали Сеть и тянулись наружу. К гвардейцу. Голод снова бросился на сеть, скрежеща клыками по неподатливой преграде. Страх увидел гаснущие искры и понял, насколько близок он был к пустоте.

Размножение замерло в центре. Оно было раздвоено сверху и покрыто камерами, в которых пульсировали гаметы.

Химерическое тело прицепилось шестью лапами к Сети. Оно медленно шевелило сорокаметровыми плавниками и подрагивало от возбуждения. Мускулы гуляли как тектонические плиты. Медленно, хорошо различимо. Где-то далеко позади бил по ячейкам чешуйчатый хвост.

— Склос-склос-склос.

Грохот.

Скрежет.

— Я трепещу перед тобой, великая Гидра! — из последних сил воззвал Террор. — Ты стара как жизнь и столь же неистребима. Появляться здесь такому червю как я — неслыханная дерзость! Но у меня нет выбора, потому что я несу послание от существа, которое не уступает тебе в мудрости.

— Склос-склос-склос... — пророкотала глубина. — Что. Стара как жизнь. Существо. Нет.

— Я несу слова Максиме, — продолжал прим. — Пророка объединения. Он близок к уничтожению Многомирья. Он ведет на его слом неисчислимые войска. Он уже заручился помощью Геноцида. Когда мы освободим его, у той силы, которая держит тебя в изгнании, не останется шансов. Но мы должны быть уверены в победе до конца. Поэтому я здесь. Я пришел просить первобытную страсть Насилия.

— Склос-склос... Нет. Слова. Уверены. Той силы.

— Надели нас этой стихией, и мы превратим ее в оружие. Оружие, удар которого невозможно будет парировать! Верни себе мир. Вырвись на поверхность. Стань единственной силой управляющей жизнью. Многомирье вмешивается в самую суть твоей безупречной логики. Оно запрещает размножаться, игнорирует голод и не видит пути к собственной безопасности.

— Склос-склос-склос...

Гидра сплела головы. Террор был на последнем издыхании. Он едва удерживал себя от погружения. Жар становился мертвящим, почти неощутимо наседающим на обожжённые сенсоры.

«Обойдемся без ее даров». Но прима-образ сам успел проникнуться этой идеей. Он хотел увидеть Насилие. Ощутить его мощь. Хоть ненадолго обрести совершенство.

— Склос-склос-склос... Одиночество. Насилие. Управляющей жизнью. И не видит пути. Несу слово...

Страх не понимал, что она говорит. Общалась ли она с ним или просто повторяла слова? Это реликтовое существо, которое ненавидело само определение слова «понимание» и «разумность». Мастер сказал, что Гидра догадается, чего хочет прим. Ее инстинкты не обманут.

Гидра зрит. Оценит ли она мой инстинкт саморазрушения? Он ей противен, но только так она может понять, что мы не шутим. Что там, наверху, в мире, который она желает стереть, кто-то хочет того же. Двигает фронт вперед, только для того, чтобы гарантированно погибнуть в случае успеха. И я тому доказательство.

Пророк знает все.

Гидра вдруг расцепила когти. Террор наблюдал за тем, как она начала погружаться вниз, отдаваясь тьме. В конце концов, он перестал ее видеть. Вода быстро остывала, Страх ощутил блаженные водовороты возвращавшейся прохлады, а потом и стужи.

Но это не радовало.

Гидра ушла. Она не признала его инстинкты. Насилие останется здесь. Прекрасное оружие против робкого Многомирья. Досада прима была так велика, — он едва сдерживался, чтобы не рвануть следом за трехговым инстинктом.

Возвращайся, — сказал Девел. — Все кончено. Не видать вам Насилия.

Ты спас мне жизнь, — Террор медлил. — Почему?

Я был уверен, что ты ничего не получишь.

Ложь. Ты мог бы позволить мне умереть и ослабить Пророка. Почему помог?

Я не буду отвечать.

Ты надеешься встретиться со своим драгоценным человеком? Или просто боишься забвения, как и все мы? Великий Девел отказывается помогать Мышлению, сберегая свое паразитическое существование на бывшем слуге.

Больше Девел не отвечал.

Террор поплыл вверх. Обратный путь для него был во сто крат тяжелее. Избитое тело не слушалось. Обварившиеся щупальца едва шевелились. Страх чувствовал неумолимую руку, которая толкала его назад.

В какой-то момент прим просто остановился. Он был истощен. Его начали трепать мелкие инстинкты. Они набрасывались по одному и стаями, жадно отрывая куски от обмякшего тела.

Вот оно, мое поражение, — подумал Террор. Я подвел Пророка.

Что-то толкнуло его снизу. Толкнуло и поволокло вверх. Прим, не успев сообразить, что происходит, схватился щупальцами за всплывающий предмет. Тот неуклонно поднимался прямо вверх. Он тянул спрута за собой как буксир. Инстинкты еще гнались следом, но быстро отстали.

Забрезжил свет.

Через какое-то время вода у самого берега взорвалась. Террор принял гуманоидную форму гиганта. Тяжело ступая, он шел к берегу. Дар Подсознания прим нес на согнутых руках. На пляже он упал на колени. Довольно рокоча, возложил драгоценную ношу перед собой.

Это была вырванная откуда-то глыба древней породы. Со следами окаменевших образов и затертым кремниевым клинком.

Страх заинтересовался оружием. К полотну обтесанного кремния пристали окаменевшие трупы пожирающих друг друга животных. Орудя когтем, он вызволил меч из глыбы и оглядел его в свете молодого солнца. Это было великое оружие. Воплощение насилия. Картина первого хищничества, нанесенная на символ воинственности. Страх прислушался к хтонической мощи, заключенной внутри клинка.

— Пророк знает все.

* * *

Мир-город Интеллектуальный, отражение человеческого желания мыслить, погибал.

Его цензура не справлялась. В многомерном пространстве механизма было замечено взрывное увеличение негативной страсти. Позитивные воины не успевали вытеснять ее. Зловредный легион всегда был в большинстве, подрывая авторитет позитива во всем Многомирье. А теперь назначение приоритетов, формирование мировоззрений и распределение стимулов, стало выбором меньшего из зол.

Стоки и коллекторы ведущие на Дно забились. Количество чуши, которая пыталась проникнуть в руководящие механизмы вроде Активного Кругозора, стало просто ошеломляющим. Ужасные големы из мыслительного мусора, мертворожденные идеи, безмозглые образы. Их были неисчислимые сонмища. Интеллектуальный никогда еще не видел такого наплыва нежити и зла одновременно.

Максима перешла все границы.

— Эта террористка намеревается ослабить нас еще до того, как осадит стены, — произнес образ Здравомыслия.

Это был сгусток светящихся геометрических фигур. Включенных друг в друга в прекрасной гармонии углов и линий. И он был на грани отчаянья.

Ложа Позитива негромко зашумела. В куполе позитивного мышления царила атмосфера сдержанной мудрости. Чего не скажешь о том, что происходило внизу, под прозрачным полом.

Кратер Внутренних Конфликтов напоминал средневековое буйство. Какофония, резня, сумасшедшие скачки от темы к теме. Позитив яростно оборонял свои позиции, Негатив не менее яростно наседавал. Мраморные крепости позитива были закопчены огнем и тряслись от постоянных штурмов. Земля была изрыта траншеями и щетинилась баррикадами из разломанных кафедр. Стрелы застревали в мешках, наполненных канцелярскими принадлежностями.

В короткие периоды затишья героини с обеих сторон произносили пламенные речи. Изорванные стяги колыхались в потоках восходящей энтропии. С поля боя уносили раненых. Глухо рвались снаряды с бюллетенями.

«Поступил новый вопрос на голосование» — вежливо сообщало пространство. — «Тема: что делать, если бывшая обратилась к тебе за помощью, и у тебя появился реальный шанс вернуть этой стерве хотя бы сотую часть той отчужденности и ледяного пренебрежения, которыми она каждый вечер наполняла для тебя ванну ссоры. Но у тебя остались еще чувства, и ты не знаешь, по-мужски ли будет написать ей, что она может обратиться за помощью к тому бармену из «Газированной Луны», с которым она флиртовала у тебя на глазах в пятницу».

Со стороны негатива немедленно поднимался воинственный рев, трактуемый довольно однозначно. Позитив трубил в серебряные рожки и созывал своих подданных держаться до конца. Бывшей подруге нужно было помочь, братья! Человеческое достоинство выше старых обид! За позитив! За «конечно, мы же столько пережили вместе»! Воины в белых доспехах вскидывали вверх хрустальные мечи.

И вновь дрожали стены под натиском орды в черных плащах, рогатых шлемах и кровавых латах.

— Сумасшедшая резня, — прокомментировал Никола, собирательный образ физических наук. — Не припомню такого со времен сексуальной революции.

— Даже не сравнивай, — неразборчиво, из-за сигары, проговорил Зигмунд. — Тогда все было куда перспективнее.

— Не понимаю я, — шепнул Никола.

— Опять что-нибудь про твою мать, — предположил Сальвадор.

Ближайшие образы захихикали.

— Заткнись, показушник, — огрызнулся Никола.

— Зато у меня есть друзья, — невозмутимо парировал Сальвадор.

— Беседы? — спросило Здравомыслие. — Вы что, не понимаете, насколько все это важно? Мы топчемся на месте. В последнее время наши обсуждения сводятся к констатации общеизвестных фактов. Мы уже установили, путем последовательных умозаключений, что наше дело плохо. А раз мы, наконец, это установили, нужно разработать план активного противодействия негативу.

— Верно! — воскликнул образ Философии. — Мы должны составить из наших размышлений прекрасную лестницу, по которой мы взойдем к решению проблемы.

— Зигмунд! — Здравомыслие постучало по кафедре равнобедренным треугольником. — Что смешного в восхождении по лестнице, хотелось бы мне узнать?

— Лучше не спрашивайте, — ответил за него улыбчивый Сальвадор. — Ты просто умора, Зигмунд.

— Куртизанка, — буркнул Никола.

— И это говорит мне образ, который придумывал небылицы, чтобы привлечь к себе внимание.

— Достаточно, — Здравомыслие поправило тетраэдры. Его высокий эллипс омрачился. — Сейчас мы все сосредоточимся на решении проблемы с негативом. А если кто-нибудь еще засмеется над большим револьвером или ручкой от зонтика, отправиться вниз.

Дисциплина в Ложе мгновенно подскочила.

— Так вот, — продолжило Здравомыслие, — многие из вас уже осведомлены, что Надежда мертва.

Кто-то негромко икнул.

— Это правда. Наши разведчики, наблюдающие за идеей Конца, подтвердили ее гибель.

Через секунду собрание вновь гомонило. Кто-то пытался выбраться из купола. Агенты позитивной страсти, светлоликие рыцари в аметистовых доспехах, оттаскивали их от дверей и отправляли на места.

— Тишина! — рывкнуло Здравомыслие. — Я не потерплю распространения упаднических настроений. Только не сейчас. Вышвырнуть их в кратер.

После этих репрессий, в Ложе снова установилась хрупкая тишина.

— Вы уверены, что она мертва? — спросил собирательный образ медицины, трепеща как осиновый лист. — Может быть, она просто задремала?

— Она не задремала, — Здравомыслие воспарило со своего места, поднявшись перед рядами избранных. — Она сдохла. Окончательно и бесповоротно.

— Тогда я не понимаю, что мы здесь делаем, — сказал на это прим медицины. — Мы что, движемся по инерции? Разве смерть Надежды не означает, что негатив уже победил?

— На наше счастье, нет, — ответило Здравомыслие, слабо улыбнувшись. — Есть ведь еще Любовь и Воля. Однако само событие говорит нам о том, что негатив обрел воистину угрожающую мощь. Баланс сильно сместился в его сторону. И неизвестно, связано ли это только с Девелом или появились новые обстоятельства, о которых нам неизвестно. Как бы то ни было, если мы ничего не предпримем, то скоро нам действительно нечего будет здесь делать.

— А где жертва? — спросил кто-то.

— Да! — всполошились остальные. — И где Альфа?

— Жертва потеряна, но Альфа сообщает, что делает все возможное для ее возвращения, — ответило Здравомыслие, проплывая перед галдящим собранием. — В данный момент, он находится в полисе Богов.

Ложа фыркнула.

— Я знаю, о чем вы думаете, но он клятвенно заверил меня, что не собирается прохлаждаться...

В кратере вдруг что-то оглушительно бабахнуло. Взметнулись глыбы и останки белых рыцарей. Территории позитива заволокло черными клубами. В прозрачный пол ударили зенитные очереди, оставляя линии закопченных выбоин.

— Клянусь фантазией, — пробормотал Зигмунд, шаря по полу в поисках выпавшей изо рта сигары.

— Никола, Сальвадор, кто-нибудь, помогите ему, — сказала Здравомыслие. — Не хватало нам новых истерик.

— Что сейчас произошло? — прим физики нашел сигару, но ее тут же выхватил художник и льстиво передал Зигмунду. Тот вцепился в нее зубами. Никола не обратил на это внимания. Он смотрел на председателя.

— Эскалация, я полагаю, — ответила сущность. — Негативы притащили тяжелое оружие. Они могут себе это позволить.

— Они стреляли в нас, — привстал прим, не скрывая возбуждение. — Они целились в Ложу.

— Меня это не удивляет, — подчеркнуто нейтральным тоном, проговорило Здравомыслие. — Сегодня мы перераспределили все позитивные силы на основные механизмы Порядка. Чтобы обошлось без каннибализма, и третьей Мировой. Все остальное допустимо. Перед нами стоит перспектива долговременной осады, и мы должны быть уверены, что Негатив не захватит фундаментальные установки цивилизованности. Единственное, на что мы можем рассчитывать, это — жертва. Но когда она придет, неизвестно. Мы должны держаться. Вот единственный на сегодняшний момент...

— Погодите, погодите, — перебил Никола, поражаясь собственной наглости, — вы сделали это без нас?

— Что ты себе позволяешь? — встрял Сальвадор.

— Помолчи, я не с тобой разговариваю! Я хочу знать, уважаемый председатель,

правильно ли я понял, что вы приняли решение о выводе гарнизонов из малых и средних механизмов Интеллектуального? Усилив, таким образом, передовые силы негатива?

— Это так, образ.

— Если вы решили принимать такие решения в обход мнения Ложи, то для чего мы здесь сегодня собрались?

— Я и есть Ложа, — невозмутимо проговорило Здравомыслие. — Я уверяю вас, что я дорожу мнением остальных, но иногда решения нужно принимать быстро, без вредных процессуальных моментов. А собрались мы здесь для того, чтобы установить, кто из вас, верных слуг позитива отправится на выполнение особой миссии.

Верные слуги позитива несколько напряглись. Агенты позитива демонстративно сложили руки на груди. Многие в куполе принялись озираться по сторонам, в поисках явных добровольцев. Образы медленно сползали со своих кресел.

— Собственно... — неуверенно произнес Никола. — А в чем собственно заключается инициатива? Что мы можем? Мы ведь теоретики, только и можем, что комментировать.

— Инициатива, конкретно, заключается в следующем, — с готовностью выступило Здравомыслие. — Первое: покинуть Интеллектуальный.

— Требую голосования! — взвизгнул кто-то. — С какой стати сущности вроде нас, должны уходить? Мы должны оставаться здесь и охранять веру в хорошее, доброе и вечное.

— Слизняк, — бросил Сальвадор. — Вам только что объяснили, что на обсуждения у нас нет времени. Отправим несколько примов и взвод позитива. Я верю, у них получится.

— Мы не можем высвободить позитив, — сказало на это Здравомыслие. Он нужен здесь. Полностью. Это не обсуждается. Дезертиров я не потерплю.

— Так что там нужно будет сделать после выхода из города? — напомнил Никола.

— Похвальная сосредоточенность, — кивнуло ему Здравомыслие. — Берите пример.

Сальвадор заскрежетал зубами к вящему удовольствию примера.

— Уже несколько лет на границе нашего Многомирья обитает нечто. Какая-то ужасающе инородная сущность, которую породила чуждая человечеству тварь. Возможно, с ней удастся поговорить и выяснить, знает ли она что-нибудь полезное. Возможно, ей известен эффективный способ противодействия Одиночеству. Смелые поборники Ложи отправятся навстречу этой опасности и попытаются добыть нужную нам информацию. Возможно, ценой своих воплощений! Восславим их самоотверженность!

Собрание было обескровлено этим прочувствованным брифингом. Кто-то плакал от отчаянья. Остальные изменяли свои статусы в социальных сетях на готические афоризмы.

— Мы так и не решили, кто пойдет, — раздался голос Сальвадора. — Давайте уже назначим добровольцев.

— Ну и стервец, — вполголоса процедил прим физики.

— Еще какой, — неожиданно поддержал Зигмунд. — Варвар это существо или нет, но я, пожалуй, лучше пойду разбираться с нервозами. Как всегда это делал.

— Друг, тебя по-прежнему невозможно понять, — отмахнулся Никола.

— Опять что-то про оголенные мечи, — досадливо произнес Сальвадор, вытягивая ноги под чужое кресло. — Лучше бы посоветовал как смыться отсюда, не привлекая внимания.

— Озабоченные кретины, — набылчился прима-образ психологии.

— Эй, — обернулся к ним другой образ, — хватит пинать мое кресло. Если перестанете, получите конфету.

— Пошел ты, Беррес.

— Да. Тебя здесь вообще быть не должно. Ты ведь не веришь в интеллект.

— Вы идите, три дегенерата, — вспыхнул создатель бихевиоризма. — Я научил голубей играть в пинг-понг!

— Ух ты, — притворно изумился Зигмунд. — Этот проект наверняка изменил мышление всего человечества, пробудив в каждом индивиде веру в свои силы и разрешив его внутренние противоречия. Навсегда установив мир в хрупкой системе я, сверх-я и бессознательного. Играющие в пинг-понг голуби стали символом эпохи, с которой началось восхождение человечества к золотым пантеонам абсолютной вменяемости. Мы поражены, господин Скиннер.

Тот глядел на него, раскрыв рот. Потом побагровел как закат, и, с воплем «что ты сказал про мою мать?», бросился через спинку кресла. Его тигриный прыжок заметила большая часть собрания. А то, что происходило дальше, сопровождалось азартным гулом.

Здравомыслие недоброжелательно повело конусами.

Никола, мало сказать, был разгорячен. Но даже локоть на лице не смог полностью отвлечь его от изменившейся реакции публики. Собрание затихало.

— Кто за то, чтобы на помощь Многомирию отправилось наше блестящее трио? — снова спросило Здравомыслие.

И на этот раз «блестящее трио» тоже его услышало.

— Но это Беррес начал! — вскричал художник бледнея. — Клянусь, это все он!

— Это неправда, — простонал обвиняемый.

— Он истерик, — сказал Никола. — Что ж нам теперь, из-за его припадков страдать? То есть, я хотел сказать, что негоже нас определять на эту почетную миссию только потому, что мы прекрасно зарекомендовали себя перед собранием, отмутузив кого-то. Надо дать шанс другим показать себя. Например, тому же Берресу. Вы только скажите и он согласится на все, что угодно. Правда же, приятель?

— А-а-а...

— Кроме того, его никто не любит, — поддакнул Сальвадор. — Он издевался над крысами или что-то типа того.

— Тишина! — гаркнуло Здравомыслие. — Агенты!

— Ай! — взвизгнул художник. — Больно же.

— Это удержит вас от организации новой драки, — сказала Здравомыслие. — С этого момента я объявляю в Интеллектуальном чрезвычайное положение. С сожалением вынужден признать, что пары Глупости начали проникать даже сюда. Мало того, что мы максимально персонифицировались, так еще и ведем себя так, словно на нас смотрит тупая, охочая до ювенального юмора, толпа.

— А че такое ювенальный? — спросил парень без интересов.

— Ювенальный, значит незрелый, парень без интересов. В данном случае, имеется в виду примитивность юмора.

— А. Понятно.

Собрание молчало. Величайший в Многомирье источник энергии был, одновременно, его проклятием. Циклопический реактор Глупости постоянно подтекал, из-за чего губительная радиация отравляла и калечила множество идей и нарушала работу Интеллекта. Кроме того, негатив постоянно устраивал диверсии, из-за чего происходили спонтанные выбросы Глупости в атмосферу. Это порождало ужасных мутантов и давало ассоциативным образам Невежества небывалые силы.

— Обычные контрмеры уже не помогут, — мрачно предупредило Здравомыслие. Трапедия его поникла. — Концентрация паров такова, что ближайшие к реактору миры превратились в выжженные пустыни, обитель ужасных существ, вроде этого. И это не считая болот Безнадежности!

Парень без интересов сидел, безнадежно уставившись в экран мобильного телефона. Собрание отчаянно вздохнуло.

— Да, — констатировало Здравомыслие. — Я не хотело вот так сообщать это. Информация была засекречена. Но теперь, когда агенты невежества уже проникли сюда, скрывать наше бедственное положение не имеет смысла. Вы можете прислушаться к себе и понять, насколько вы пропитались Глупостью.

Истощенная Эрудиция что-то еле слышно прошепелявила. Она была измучена «интересными фактами». Эти бесполезные «а знаете ли вы, что?», которые она поедала, забивали сущность, давая обманчивое чувство сытости, но не переваривались и выходили наружу. Почти нетронутыми. Ее пытались подкармливать нормальной литературой, но Эрудиция настолько ослабела, что не понимала, как питаться книгами. Только глотала очередные: «Индейцы Камоа в четырнадцатом веке умели вырезать аппендикс».

— Теперь вы видите, что мы отправляем вас не только потому, что вы всех достали, — сказала Здравомыслие безмолвствующим добровольцам.

— Так-то оно так, — вполголоса пробормотал Сальвадор, — но умирать-то все равно не хочется.

Тут Зигмунд, наконец, столкнул с себя стонущего прима, встал, с достоинством поправил пиджак, и приосанился.

— Авторитетная жожа, — проговорил он, стараясь артикулировать максимально внятно, — я должен проявить себя как ответственный товарищ, и признаться в следующем. Это я виноват в позорном инциденте с господином Берресом. Меня опять неправильно поняли и расценили мое саркастическое замечание как прямое и весьма примитивное оскорбление. Я не оправдываюсь, но хочу оправдать моих друзей. Они всего лишь старались разнять нас. Я согласен отправиться хоть к существу из инородного Многомирья, хоть к самому Одиночеству. Но прошу вас, авторитетная Жожа, не посылайте Николу и Сальвадора без справедливого голосования. У меня все.

Собрание молча глядело то на председателя, то на Зигмунда. Лица их окостенели. Казалось, что сейчас все ломанутся прочь, несмотря на позитивных рыцарей. Те, впрочем, тоже вжались в стены.

Здравомыслие глядело на Зигмунда, злобно играя геометрическими фигурами.

— Мать моя, фантазия, — прошептал художник. — Зиг, зачем?

— А мы-то считали, что необходимость миссии стала для всех очевидной, — сдавленно проговорил председатель. — Более того, мы надеялись, что угроза последним рубежам обороны, вызовет, если не патриотизм и отвагу, то, хотя бы, ненависть и желание отомстить. Что ж, ошибки нам не чужды. Ваша заключительная речь по поводу наших матерей, очень прочувствована, господин Зигмунд, и богата острыми эпитетами.

— А че такое эпитет?

— Выражение при слове, влияющие на его выразительность, парень без интересов.

— А. Понятно.

— Надеюсь, ваше отношение к родственникам собрания, не повлияет на выполнение миссии, — проговорило Здравомыслие. — Выдвигаетесь завтра... Нет! Сегодня. Через два

часа, вы уже должны стоять с вещами у ворот. Ясно?! Все остальные, будьте позитивны.

* * *

— Клянусь фантазией, если б я знал, что все так обернется, не вылез бы утром из постели.

Сальвадор тащился последним. Он волок свой рюкзак за лямку, бросая тоскливые взгляды на врата Интеллектуального. Город оставались позади, вызывая все более ностальгические и скорбные чувства.

— Давайте передохнем, — предложил художник, рефлексивно приседая на условный стул. — Ах, совсем забыл, что здесь даже присесть негде. Потому что это дорога. Дорога прочь от наших теплых кроваток.

Зигмунд шел вторым. Он помалкивал. С того самого момента как их торжественно изгнали, он не проронил ни слова. Не то чтобы его сильно тяготило чувство вины, скорее он снова погрузился в сумрачный гений своих теорий.

— У дороги две полосы, — продолжал тем временем Сальвадор. — Одна идет туда, друга оттуда. Что произойдет, если мы встанем на полосу ведущую туда, но пойдём оттуда? Нас разорвет на куски? Или мы сгинем в парадоксе фундаментального противоречия?

Никола вздохнул. Он шел первым, хотя его ноша была тяжелее, чем у остальных. Когда, при слове «физика», о тебе вспоминает девяносто процентов людей, невольно начинают преследовать навязчивые стереотипы. Вроде обязательных приборов тесно связанных с электричеством. Они всегда должны быть под рукой. Большинство не знает, как они работают и для чего нужны, но их значимость всем понятна. Бьющие отовсюду молнии — это и есть физика.

— Ничего не произойдет, — мрачно ответил он. — И ты это знаешь.

Взять ту же психологию. Она связана скорее с порнографическими шутками и университетским дипломом. Зигмунд нес целый тюк за спиной. Дипломов сорок-пятьдесят. Он мог спокойно избавиться от них в любой момент, если б захотел. Психолог — это больше степень эмоциональной раскованности, чем статус. Когда человек настолько раскрепощён, что готов спать на чужом грязном белье.

— Однако, никто раньше не пытался этого сделать, — претенциозно вымолвил Сальвадор. — Мы просто знаем, что ничего не произойдет. Но хватит ли у нас смелости проверить это?

Говорят, гениальность оправдывает любую эксцентричность. Художник, это всегда обезьянничавший тип, готовый нарисовать шарж на любую часть мироздания. Желательно не проходящий цензуру. Либо затворник, великий в своем отчуждении. С чертежами ошеломляющих изобретений, которыми он готов подтереться. Потому что они давно устарели в его собственной истории, на сотни лет обогнавшей историю людей запертых снаружи его логова. Ему достаточно носить странную одежду, странную прическу, странные отметины и проявлять интерес к ровным поверхностям. Конечно, рюкзак наполненный фруктовыми леденцами, тоже допустим.

— Делай что хочешь.

Но вы когда-нибудь решались представить изобретателя вакуумных бомб с надувным молотком в руках? Из тех, которые издают забавный звук при ударе. Что-то вроде «понк!».

Сама мысль о том, что кто-то может бегать вокруг прототипа вакуумной бомбы с игуаной на голове, — нервирует.

— О, и вовсе не с твоего позволения!

Ну, разумеется! Ведь от меня всего-то и ждут: мгновенного открытия принципа телепортации. Это совсем не то же самое, что нарисовать слона с восемью коленными чашечками.

— Смотри, я иду по противоположной стороне!

Ну, или хотя бы бьющих отовсюду молний.

— У меня появилось какое-то странное ощущение. Подожди-подожди... Оно крепнет. Я чувствую, как законы Многомирья восстают против меня. Тут какие-то протоны говорят мне, что я веду себя безответственно! Никола, немедленно объясни им, как сильно они ошибаются. Я хочу, что бы они знали, что препятствуют отваге и свободолюбию. Вся твоя хваленая физика — фашиствующая организация мелких завистливых частиц!

Конечно, все это смахивает на обыкновенное брюзжание. Однако обидно, когда физику ценят только за истории про людей, вросших в корабельные палубы. За несуществующие пушки стреляющие электричеством. И микроволновки. За зрелищность и доступность. Совершенно игнорируя те потрясающие открытия, что обходятся без открытий порталов в другие измерения.

— Ты можешь не кривляться хотя бы минуту? — беззлобно спросил Никола.

— А что же мне делать? — Сальвадор стоял на четвереньках у края Пути и глядел вниз. — Как оказалось, путешествовать — это невыносимо однообразное занятие. Мы идем уже десять минут, и до сих пор ни с кем не подрались.

Он сплюнул.

Эстетически безупречный плевок полетел вниз, в густые облака ванильного цвета. Те безразлично расступились, образуя глубокую воронку, которая уходила куда-то очень глубоко. Из нее вырвался, со свистом, холодный ветер.

— Оп! — вздрогнул Сальвадор.

— Что? — не удержался Никола.

— Капля, — пробормотал художник, вытирая глаз. — Капля попала. До чего точно. Кажется, дождь собирается.

— Так тебе и надо.

Тем временем, действительно начался дождь. Он хлынул снизу, шумно гуляя по обратной стороне Дороги. Послышались трескучие раскаты грома. Прим изобразительного искусства подставил руку тяжелым ароматным каплям. Они разбивались, прыгая на рукав серебряными капитошками.

— Я уже говорил, что посылать нас без помощи позитива, это три четверти самоубийства?

— Только три четверти? — удивился физик. — По-моему у нас есть надежда только на то, что мы покажемся негативу оскорбительной добычей, и он пройдет мимо, мучить кого-нибудь другого.

— Как раз на это я поставил все фишки, — поделился Сальвадор, вытирая руку платочком. — Хотелось бы, конечно, более приличных шансов, когда закладываешь шею, но...

— Слушай, я понимаю, тебе страшно.

— Нет!

— Но если мы и дальше будем тянуть время, Ложа просто пошлет кого-нибудь с длинной острой палкой, чтобы он отогнал нас во внешние миры.

— А если мы отберем у этого «кого-то» палку? Сам подумай, мы уже будем в выигрыше!

— Брось, — веско сказал Никола, поправляя рюкзак движением плеч. — Мы с Зиги пойдем дальше. Как только соберешься с духом, догони нас.

— Что ты несешь? — воскликнул Сальвадор, последний раз оглядываясь на врата. — Разделяться? Сейчас? Я пойду первым!

— Как хочешь.

Дождь вскоре перестал. Высохшие облака легко разгонял ветер. Они стали податливыми, словно пыль. Поднимались стеною слева, оставляя чистое небо по правую сторону. Там мирно летали белые парaplаны и клинья молчаливых птиц.

Удивительная конечность на несколько секунд прорезала спешащие облака. Она напоминала львиную лапу из цветного стекла и сверкающих узоров. Ломающийся рев, звонкий, словно хрустальная катастрофа, наполнил пространство, поднимаясь снизу и уходя в облачный гребень.

— Вы тоже это видели? — восхищенно захлопал Сальвадор. — Каков темперамент, а?

— Что это было? — даже Зигмунд вышел из транса, осторожно наклонившись над краем дороги.

— Похоже на оригинальную сущность, — предположил Никола. — О, вон еще одна!

Нечто из резных гранитных плит, показало горб, тяжело ухнувший в неведомое. «Вуом-ом-ом», — сообщило оно, перед тем как исчезнуть. Через минуту оно появилось снова, и рыцари Мышления смогли разглядеть тысячи рукописных символов, покрывающих камень.

— Оригинальный образ письменности, — закричал Сальвадор, прыгая на месте. — Вот это да!

— А вон там образ мебели! — указал Зигмунд.

Из облаков вынырнула большая табуретка. Она летела, медленно переворачиваясь в воздухе.

— М-да, — сдержанно произнес Сальвадор. — Удивительно, правда? Вся мебель в мире, это просто разные варианты табуретки. Вы только поглядите, в ней есть все, что нужно. Четыре ножки, ровная фанерка и надежная фурнитура.

Трио еще немного помолчало.

— Надеюсь, они желают нам удачи, — произнес Никола. — По-своему.

— Нам не нужна удача, — пренебрежительно хмыкнул художник. — Мы звезды! В нас заключена бездна символизма.

— А знаешь, ты прав, — помедлив, согласился Зигмунд. — Нам нужно отнестись к этому походу проще. Думаю, мы могли вести себя более расслаблено и...

— Ладно, ребята, постояли на дорожку и хватит!

Позитивный агент в белых доспехах сжимал в руках длинную палку. Острую, разумеется.

— Я же говорил, — вздохнул Никола.

— Давайте, давайте, проваливайте спасать Многомирье, или что у вас там на уме, — настойчиво говорил позитивный воин.

— Да как ты смеешь... — начал было Сальвадор, но его тут же ткнули палкой в бок.

— Не усложняйте ситуацию, — талдычил агент. — Я получил четкие инструкции от

Ложи. Цитирую: «Вытолкать этих трусов за пределы Интеллектуального». У меня своя работа, у вас — своя, джентльмены. Ничего личного, но вам нужно немедленно продолжать движение. В ту сторону, — уточнил он, указывая палкой в необозримую даль.

— Ай! Хамло!

— Ладно-ладно, мы уже уходим.

— Какая прекрасная палка. Скажите, о чем вы думаете, когда берете ее в руки...

Архи-кот величественно шагал по оживленной дороге, игнорируя суестьющуюся под ногами языческую шушеру. Его пытались проклинать, насылали казни, объявляли епитимьи и сулили кары прижизненные. Пушистый бог сохранял спокойствие достойное короля. Альфа потешался над куклами, которые рождались вокруг мохнатых лап. Которианство стремительно набирало бороты. Из нескольких оборванцев нео-религия разрослась в бойкое движение, проповедующее трехцветный стиль одежды, усы и откашливание шерсти. С ним пытался конкурировать Котолицизм, но быстро распался из-за внутренних противоречий.

Пока Архи-кот останавливался, чтобы потереться скулой об очередную базилику или купол, они собирались вокруг него и пели о том, как первый человек возник из первого комка шерсти, который великодушно отрыгнул усатый прародитель.

— Как это неудобно, — сетовала Котожрица. — Он ведь может их затоптать. Эй! Вы! А ну прочь из-под лап! Уходите, это не имеет никакого смысла! Он не будет говорить с вами!

— И попытался тогда голос всего плохого отвратить нас от света! — тут же взвыли внизу. — Но мы сказали — нет! Что мы сказали? Нет! Еще раз, что мы сказали? Нет!

— А ты говорила, что твоя вера непопулярна, — сказал Альфа, внимательно наблюдая за тем, что происходило внизу.

— Нет никакой веры, — возразила Котожрица. — Есть состояние души. Мне нравятся пушистые боги. Я следую за ними потому что того требует моя натура. У нас нет подробных мануалов вроде золотых дощечек с надписями. Я не пытаюсь доказать всем, что они лучше остальных объектов поклонения. Я просто люблю их и не требую ничего взамен. Они сами приходят ко мне. А эти бродяги внизу пытаются торговать любовью с лотка. Они за четырнадцать минут придумали сто сорок две заповеди и четыре тома подробных инструкций по обращению с комками шерсти. Обещают другим то, чего мой кот выполнить не в состоянии. Он не умеет лечить вросшие ногти, и у него нет знакомых девственниц. Видишь? Они продают линялые волосины с ног моего сладкохвостика! Эй! Я тебе покажу ножницы! Я тебе такие ножницы дам, до края земли добежишь!

— Не понимаю я этого, — Альфа беспокоило пошевелился, мечтая о Тельце. — Неужели кто-то всерьез может верить в большого кота? Коты ведь засранцы.

— Я пропущу это мимо ушей, — жрица строго поглядела на него. — Понимаешь, многие здравомыслящие люди именно так и рассуждают. Как, дескать, так получается, что люди верят в очевидно нелепые вещи, навроде физики и геометрии. В дурацкий закон сохранения энергии. Тут важно понять, что человек верит не в объект, а в систему. На самую математику и ее плоды, ему наплевать. Он просто знает, что его жизнь упорядочена вычитанием и сложением дробей, извлечением квадратного корня и логарифмами. Я хочу сказать, что нет ничего плохого в попытке наполнить свою жизнь смыслом. Верить, что где-то там, наверху, за тобой наблюдает вселюбящий интеграл. Никто не запрещает тебе перекладывать ответственность за свои поступки на точные науки. Конечно, гораздо легче выучить теорему Виета, чем вобрать в себя неограниченную мудрость библейского многословия. Это нормально, многие люди рождаются бесхребетными телятами, которых легко увлечь уравнениями с тремя неизвестными. Плохо, когда кто-то на этом откровенно наживается, лицемерно прикрываясь научностью, фактами и обширной доказательной базой. Наслаждаются своей медициной, машиностроением, компьютеризацией и

архитектурой. Фу.

— Послушал бы тебя Никас, — сказал Альфа ухмыляясь. — Он-то думает, что это меня иногда заносит.

— Никас? — жрица хихикала, довольная собой. — Кто это?

— Это... — Альфа задумался. — Долго рассказывать. Он отличный парень. Тебе бы понравился.

— Что ж. Надеюсь, я с ним еще повстречаюсь.

— Я тоже, — мрачно произнес образ.

Полис шумел и вибрировал. Альфу это нервировало. Ему хотелось поскорее добраться до Администрации. Вместо этого, ему приходилось наблюдать за неудачными экспериментами с креационизмом, докучливыми сражениями пернатых драконов и сотворениями уродливых чудес. Кроме того, к нему уже несколько раз привязывались серафимы-полицейские с неудобными вопросами по поводу сегодняшних событий на шествии. Прима-образ давно бы уже скрылся в толпе, но знал, что если нога его ступит на нейтральную территорию, его отыщут только через полгода где-нибудь в самой гадкой, самой злачной, самой развратной богадельне. С тысячью самых неожиданных зависимостей.

— Я встречала тут парней, — сказала Котожрица. — Они называют свой культ: Карго.

— Как-как?

— Карго. Груз. Во время второй Мировой войны на острова Меланезии сбрасывали продовольственные грузы для солдат. Одежду, консервы, палатки, оружие. Аборигены находили их, ассоциируя с некой божественной деятельностью белых людей. Чтобы заполучить больше карго, они в точности копировали призывающие ритуалы солдат. Делали посадочные полосы из пальмовых листьев, бамбуковые радио-рубки, даже наушники из дерева. И все это для того, чтобы задарма получить камуфляжные штаны и тушенку. Есть над чем задуматься.

— Клянусь фантазией, я бы свихнулся, поживи здесь подольше, — сказал на это Альфа.

— Не ворчи. Мы должны быть благодарны людям за любое проявление творчества.

— Не уверен.

— В любом случае, пока религии позволяют людям справляться с Одиночеством и безнадежностью, их значимость не вызывает сомнений.

— Помогите!

— Ты ничего не слышал? — встрепнулся служительница.

Альфа жевал сырое мясо, посыпая его нектаром. Рядом летало розовое существо, с глиняным садком в руках и требовало платы. Прима-образ угрожал и отмахивался.

— Не-а, — буркнул он. — Потом отдам, — существу. — Я голый, ты что, не видишь?

Откуда я, по-твоему, достану деньги?

— Спасите! На помощь!

— Вот опять, — взволновано заметила девушка. — Сладкохвостик, давай направо!

Икона Которианства свернула на дорогу, ведущую на эспланаду перед собором какой-то крупной религии.

— У нас нет на это времени! — разозлился Альфа.

— Кто-то нуждается в помощи, — упрямо проговорила Котожрица. — Если ты против помощи нуждающемуся, можешь дальше идти пешком.

Прима-образ свирепо сжевал остатки мяса, спрыгнул со спины «сладкохвостика» и затерялся в толпе.

— Стой, я же пошутила! — крикнула жрица. — Альфа! Дурак! Ну и ладно! Ну и не очень надо было! Вот всегда ты так! Сначала... А потом... Сладкохвостик, вперед! Обойдемся!

Кот вошел на эспланаду, наполненную Воинствующей Толпой. Осторожно ступая между поднятыми вилами и фыркая на коптящие факелы, он прошел вперед, и остановился, нервно подергивая хвостом.

У врат собора было организовано лобное место, на котором присутствовали сановитые образы в богатых одеждах, большое количество дров и столб из цельного ствола дерева, к которому был крепко привязан Аппендикс.

— Помогите! — орал он, отчаянно извиваясь. — Люди, не дайте случиться этому средневековому зверству! Отпустите меня, вы, экзальтированные фанатики! Я ни в чем не виноват!

— Ты виновен в том, что не вписываешься в образ идеального человека, которого создал Всевышний по образу и подобию своему! — отвечал ему образ в самой большой и сложно устроенной шапке. Очевидно, он доминировал на этом мероприятии. — Ты — гнусное уродство, которое не может объяснить Слово. Все в теле человека красиво и создано с определенной целью. И только ты лишь воспаляешься и болишь, если есть много грязного.

— Это потому что я образовался в результате эволюции, в которую вы не верите! — брыкался Аппендикс. — У млекопитающих я служу как камера для образования микрофлоры, необходимой для пищеварения! И достался в наследство человеку как малозначительный отросток прямой кишки. Но я все равно нужен для инкубации полезных бактерий!

— О, нам ведомо это нечистое слово! — доминантный священник повернулся к толпе. — Бактерия, равно — чума! Ужасные бубоны, покрывающие тело! Мертвящая скверна! Потому ты и воспаляешься, мучая и убивая!

Толпа оторвалась от чтения новостей на своих телефонах и оголтело вскричала.

— Что?! — поразился Аппендикс. — Это совсем не та бактерия! Их тысячи видов! Я культивирую полезные! Они не вызывают чуму! А воспаляюсь я случайно, из-за механических повреждений или инородных предметов! Вы, идиоты, почитайте Инфопедию! Прямо сейчас зайдите на Инфопедию и прочтите!

— Ребята, я же сказал всем убрать телефоны! — крикнул священник в толпу. — Неужели так трудно хоть раз абстрагироваться от настоящего? Если мы будем пользоваться проверенной информацией, вся эта затея не будет иметь никакого смысла! Вы что, хотите превратить справедливый суд в линчевание?

Из толпы послышались робкие отрицания. Образы прятали телефоны в грязные пахучие хламиды.

— Так-то! — авторитетно стукнул посохом священник. — А теперь вернемся к нашим баранам. Твои слова полны отрицания, а потому лживы, Аппендикс! Настоящий праведник никогда бы не противился обвинениям Всевышнего. Если не он знает, то кто же? Всякая бактерия вредна! Как любое ничтожество! Как клоп вреден и пухоед вреден. Как блоха и клещевица!

— Какая еще, мать твою, клещевица?! — возмутился Аппендикс. — Вы, дети седьмого дня! Как же я вас ненавижу, аж ноги не держат! Кончайте с этим быстрее, я и так знаю, что живым вы меня отсюда не выпустите! Но знайте, рано или поздно, такие как я победят, и ваша житница маразма исчезнет с лица Многомирья! Тогда вы припомните свои

преступления, но будет уже поздно!

Священник дал знак палачу. Тот принялся аккуратно выкладывать дрова вокруг столба с Аппендиксом, время от времени, отходя подальше и что-то прикидывая на глаз. Покончив с этим, он взял канистру керосина и щедро окропил сооружение.

— Стойте! — чуть не плача кричала Котожрица. — Отпустите его! Сладковхостик, в атаку!

Но Архикоту, похоже, обрыдла чернь со своими суеверными страстями, так что он вспрыгнул на крышу собора, распугав стаи птиц. И улегся там, подогнув под себя лапы.

Воздух наполнился шуршанием крыльев и едва слышными всхлипываниями. Образы чихали и кашляли, ойкали, перехватывая факелы. Солнце бросало острые тени башен на место экзекуции.

Чиркнуло огниво.

Еще раз.

Аппендикс метафорически поджал губы и отвернулся.

— Ну что там? — нетерпеливо спросил священник.

— Да я без понятия, как этой сволочью разжигать огонь, — буркнул палач. — Дайте кто-нибудь зажигалку!

— Держи, — предложил Альфа.

— Спа...

Палач отлетел в сторону, сгнув в расступившейся толпе.

— Хочу сказать сразу, — сказал Альфа, обнимая за шею доминантного священника. Тот бледно улыбался, подавая мышцами лица какие-то сложные знаки. Однако парни в железных масках медленно отступали к воротам собора. — Мне на происходящее наплевать. Я терпимо отношусь к шоу-бизнесу. Я бы и сам с удовольствием поглядел, как вы сожжете этого типа.

— Ну, с-спасибо, — дрожащим голосом произнес Аппендикс.

— Однако, — вздохнул прима-образ, — кое-кому ваша захватывающая реконструкция не нравится. Вон там, на крыше собора сидит шерстяное воплощение зла. У него очень капризный характер. Если вы сожжете Аппендикс, то разгневаете его. А потом и меня. Все знают, кто я такой?

Большинство знало. Остальным быстро объяснили. Факелы затаптывали ногами.

Архикот вдруг спрыгнул на землю, и толпа, вереща и спотыкаясь, начала утекать, оставляя голые плиты, усеянные тлеющими тряпками, пакетами из-под орешков, шелухой и стонущим палачом. Альфа отпустил священника и тот опрометью бросился за своими коллегами, пыхтя и наступая на полы одеяния.

— Мау, — выразился Архикот.

— Альфа! — крикнула жрица. — Веди этого беднягу сюда!

— Что? — Альфа примерил шапку патриарха. — Зачем? Просто отвяжем его, а дальше пусть сам разбирается.

— Нет! — запротестовала девушка. — Они от него не отстанут! Нужно отвести его подальше!

— Ой, да ладно! — Альфа взглянул на Аппендикса. Тот пытался разгрызть веревки метафорическими зубами. — Ты хочешь взять с собой... это?

— Эй! — встрепенулся отросток прямой кишки. — Немного уважения! Я многозначительный образ, имеющий отношение к самому Атеизму! Так что попрошу без

пренебрежения! Не хотите мне помогать, не надо! Могли бы и не начинать!

— Поверь, если б не доброе сердце этой девчонки, ты бы сейчас был хорошо прожаренным многозначительным образом, — пролаял Альфа, тыча указательным пальцем в метафорический нос Аппендикса. — И я бы на твоём месте раскрывал свой рот только для благодарностей, потому что я люблю смотреть на огонь!

— Альфа, не нападай на него! — жрица аккуратно свалилась с Архикота. Прим почувствовал, как она повисла на руке. — Он ведь только что чуть не погиб. Конечно, он немного возбужден и растерян. Кроме того, ты говоришь очень обидные вещи.

Образ фыркнул.

— Лепет, — буркнул он, смягчаясь от прикосновения сущности Котожрицы. Некоторых особых частей ее сущности. — Тогда разбирайся с ним сама. Только быстрее, нам нельзя терять время!

— Ладно, я поняла, — благодарно протараторила жрица. — Мы сейчас. Быстро.

Она принялась неловко пилить толстые путы маленьким ножичком, которым вскрывала консервы для кошек.

— Клянусь фантазией, — протянул Альфа. — Отойди.

Он схватился за веревки руками Геркулеса. Они затрещали и лопнули.

Облегченно застонав, Аппендикс припал на одно колено, и принялся растирать затекшие члены. Метафорические, само собой.

— Как вовремя, — пробормотал он. — Будь позитивна, добрая девушка. Я уже приготовился пострадать за правду. Отдаться жертвой голодному сброду, но не оставить истину! Как Коперник! Как Галилей! Как Диоген, я, со спокойствием избранного, принял свою чашу!

— С тобой все в порядке? — ласково участвовала жрица. — Они не били тебя?

— О! — вскинулся Аппендикс, чуть не потеряв равновесие. — Они жестоко избili меня, потому что я сражался как лев! Я защищал истинную правду! Правдивую истину! Они напали на меня, когда я учил детей математике и тригонометрии! А еще химии, я очень много знаю о химии!

— Вы такой молодец, — ласково комментировала жрица.

— Бросьте! — подбоченился Аппендикс. — Делаю, что могу! Всеми силами бьюсь с дремотой рассудка! Защищаю правдивую истину от забвения и поругания. Так вот, проектировал, я значит, инновационную систему акведуков для снабжения Полиса чистой водой...

— Ты говорил про детей и тригонометрию, — перебил Альфа с нескрываемым презрением.

— Не будь таким задирой! — попросила Котожрица с нажимом.

— Да что, стрелять, инновационного в акведуках?!

— Альфа.

— Что?!

— Ты грубишь.

— Я говорю истинную правду... — прима-образ помедлил. — О, фантазия, кретинизм этого червя заразен.

— Альфа, пожалуйста, ну ради меня, — часто заморгала служительница. — Ему нужна защита.

Прима-образ сжал зубы. Он пошел к дремлющему Архикоту, слыша за спиной: «А

почему он голый?». А потом: «они напали на меня, когда я был в двух шагах от решения второй проблемы Ландау!».

— Хватит врать! — не выдержал Альфа.

Ему не ответили.

— Их было десять... Нет, даже двадцать! И это только авангард. Остальные ждали снаружи, на случай, если понадобится подкрепление. Они знали, что оно понадобится, истинная правда! Итак, я готов был провести последнее химическое преобразование и найти формулу уникального высокооктанового топлива, которое решило бы все энергетические проблемы! И тогда: бах-трах-тарарах! Они ломают двери! Тридцать озлобленных фанатиков, которые чувствуют угрозу власти страха и невежества! Я роняю между нами шкаф, с моими трудами и трактатами! Мне жаль их, я знаю, что все будет сожжено и растоптано! Но это всего лишь копии, а до оригиналов этим негодьям никогда не добраться. Ведь они у меня в голове!

— Вы такой смелый.

— Еще бы, ведь за мной правда! И я бью одного, второго. Третьему так нехило досталось. А дальше как по писанному пошло. Опомнился, только когда на меня навалилось уже больше сотни!

— Потрясающе!

Альфа закрыл глаза.

Когда Архикота наконец удалось растолкать, на его спине уже действовал рассадник научности, смелых идей и шокирующих веяний. Аппендикс поучал, вразумлял и всячески боролся за прогресс и разумность. Вероятно, его просто разговорил адреналин.

Однако Альфа рассчитывал на худшее.

Велика была вероятность, что они спасли одно из худших воплощений Атеизма. А именно: Атеизма модного, оголтелого. Имеющего крайне опосредованное отношение к научности. Одного из тех паразитов, которые пытались заслужить чужое одобрение поверхностным пониманием сложных идей. Их называли воинами Первой Страницы. Именно столько необходимо было типам вроде Аппендикса, чтобы вникнуть в суть любого вопроса. Этого хватало, чтобы запомнить несколько терминов и бегло употреблять их, в быстрых, но яростных атаках на обсуждения. Войны Первой Страницы быстро били, и сразу же отступали, чтобы не дать противнику ответить ударами глубокого понимания. Они оставляли после себя пожарища споров и негодования.

О, то были страшные солдаты. Беспринципные и почти непобедимые.

Альфа внимательно разглядывал Аппендикс.

— Так ты, значит, изыскатель, — спросил прима-образ вроде бы невзначай.

— К твоим услугам, прим! — с готовностью отвлекся борец с дремотой. — Мои скромные знания далеки от ваших, но кое-чему и я могу тебя научить, поверь на слово.

— Охотно! — осклабился Альфа. — Есть у меня один вопрос. Я вижу клейма на твоих метафорических запястьях. Что они означают, если не секрет?

— Это пустяки, — ответил Аппендикс немного быстрее, чем следовало.

— Мне решать, — наседали образ. — Отвечай на вопрос, ничтожество, или я верну тебя обратно в лапы инквизиции. А если еще раз проявишь неуважение, я лично вырву твой лживый метафорический язык.

— Забияка, — попыталась вмешаться жрица, но Альфа осадил ее гримасой.

Аппендикс прокашлялся, нервно помаргивая.

— Дались вам эти клейма, — пробормотал он, очевидно раздумывая над тем, безопасно ли будет прыгать с Архикота. — Ну, хорошо, мне поставили их...

— Давай сразу пропустим версию с врагами науки, — угрожающе надвинулся Альфа.

— Эти клейма нужны для того, чтобы все знали, кто я, — убито пролепетал Аппендикс.

— И кто же ты?

— Нетерпимые завистники называют нас...

— Быстрее, червь!

— Они называют нас воинами Первой Страницы.

Разоблаченный партизан испуганно съежился, ожидая серьезного возмездия. Возможно, даже побивания камнями. Жрица испуганно смотрела то на него, то на Альфу. Архикот осторожно обнюхивал жирного визгливого божка, пытающегося скрыться в нектарной лавке.

— Прекрасно! — сказал Альфа.

И ударил Аппендикса по... метафорическому плечу. Тот ойкнул, и недоверчиво приоткрыл зажмуренные глаза.

— Вы не будете бить сильнее? — спросил он тревожно.

— Нет. Пока, во всяком случае. Ты мне понадобишься, мразь.

— Ура, — вскинула кулачки жрица, — все хорошо закончилось!

— О, нет, — Альфа неожиданно улыбнулся, как идущий на смерть гладиатор. — Ничего еще не закончилось!

Аппендикс и Жрица осторожно посмотрели прямо и вверх. Туда, куда полетела обглоданная прима-образом кость. На них медленно надвигался корпус Администрации...

Ну, вообще-то, он надвигался скорее в перспективе, потому что Архикот все еще обнюхивал божка, который уже не верещал и не пытался скрыться. А только часто-часто дышал, как загнанная мышь, надеясь, что им перестанут интересоваться.

— Ладно, — Альфа подвигал челюстью. — Достаточно. Дальше пойдем пешком. Аппендикс, слезай, будешь впереди. И не вздумай убежать! Я ловлю только однажды.

Кряхтя и постанывая, воин разума начал сползать вниз. Альфа спрыгнул быстрее и стащил его вниз, за трясущиеся метафорические ноги. Распугав Которианский культ, он поглядел снизу-вверх на жрицу и сделал прощальный жест.

— Что это ты задумал? — спросила та недовольно. — Ты надеешься, что снова сможешь использовать мое расположение и оставить с носом?

— А-а-а, — протянул Альфа озадачено. — Именно на это я и рассчитывал. А что, ты стала больше ценить личное время?

— Я иду с вами!

— С ума сошла? А как же Пушистые боги?

— С ними все отлично, — пропыхтела жрица, цепляясь за ошейник Архикота. — Лови меня.

Альфа подставил руки. Жрица отважно засопела и высвободилась, успокаивая кошечку на голове. Та беспокойно мяукала и озиралась.

— Шу-шу придется оставить, — с сожалением произнесла служительница.

— Ты снимешь свою... корону, — изумился Альфа. — По-моему ты слишком торопишься! Подумай...

— Я уже подумала, — тихо произнесла жрица, бережно снимая Шу-шу. — Мы отправляемся в полное опасностей приключение. Ей там не место.

— Я ничего такого не говорил!

— Альфа, не юли, — девушка поглядела на него безо всякого пиетета. — Можно подумать, я живу в изоляции. Ну, то есть, я немного повернута на кошках, но интересуюсь и другими вещами. Я знаю — Многомирье в беде. Мне и дальше прятаться в своем маленьком раю? Доколе? Я знаю, что если мы проиграем Одиночеству, рано или поздно в мои владения придут черные сущности... живодерства. Или чего похуже! Так что даже не пытайся остановить меня! Я имею право бороться! За свою любовь!

Аппендикс шмыгнул метафорическим носом.

— Это истинная правда, — растроганно произнес он. — Не запрещай ей.

— Тебя не спросили! Жрица...

— Отныне я еще и посол, — провозгласила девушка, вознося Шу-шу над собой. — Архикот, преклони голову!

Тот отвлекся от своей полумертвой жертвы и недоуменно обнюхал кошечку.

— Мрам? — спросил он неуверенно.

— Да! Теперь ты будешь носить ее! Я уйду в поход, чтобы обезопасить наш мир! Чтобы каждая кошка, каждый котенок, могли быть уверены, что их коробки не сожгут и не выбросят, а в мисках будет дикий, консервированный корм!

— Мр-р-ма. М-рау?

— Ты справишься! Я принимаю полномочия посла и рыцаря-защитника в одном лице. А ты станешь оберегать наши границы, и следить за порядком, в мое отсутствие. Я не спрашиваю, готов ли ты, чтобы не начал вредничать, — проговорила новоиспеченная защитница вполголоса. — Ниже голову. Я кому сказала?

Архикот фыркнул, но подчинился. Шу-Шу уютно устроилась на его макушке.

— И только попробуй ее уронить! — сурово предупредила девушка. — Это тебе не картонка. А теперь возвращайся назад и не смей возглавлять другие культы! Все понял?

— Мра. Му-у-рм.

Посол обняла его лапу.

— Я буду скучать по тебе. По всем. Расскажи остальным. Ну... Если они вообще заметят, что меня нет. А теперь иди. Иди же!

Хвост Архикота дрогнул. Торжественно задрал голову, он развернулся и пошел назад, стараясь обходить которианцев по крышам. Девушка смотрела ему вслед, закрыв нижнюю часть лица кулачками.

— Я не буду плакать. Ни за что не буду. Ох... Что? Чего вы так на меня смотрите?

— Так вот как ты выглядишь без... короны, — проговорил Альфа задумчиво. — Знаешь, это несколько вульгарно. Без обид.

— Девушки с таким хозяйством долго одни не ходят, — поддержал Аппендикс. — Истинная правда.

— Я знаю, — досадливо откликнулась Котожрица. — Я знаю, с чем ассоциируюсь. Кто ж виноват, что мужчин возбуждают такие вещи?

— Да, — ехидно протянул прима-образ. — Мужчин.

— Скорее уж их особый подвид, — уточнил Аппендикс. — *Virgo Aeternum*.

— Мне нужно спрятать их, — взмолилась девушка, прижимая кошачьи уши пальцами. — Не стойте столбами.

Пришлось ограбить храм неподалеку. Альфа выволок на улицу груды разнообразного хлама, завернутого в гобелен. Котожрица долго копалась в блестящих чашах и

претенциозных одежаниях.

— Альфа, — позвала она. — А что необходимо рыцарю-защитнику? Можно я облачусь в доспехи?

Тот покачал головой.

— Ты в них и мира не пройдешь. Надень этот колпак и дело с концом.

— Ладно, — девушка торопливо натянула изукрашенный конус на свое безобразие, торчащее над серебристыми волосами. — А меч? Мне нужно оружие, это точно. Как мне бороться с негативом без... Ой-ой-ой, какие же они тяжелые!

— Святая фантазия, — провыл Альфа, окончательно зверея. — Вот гребешок с ручкой! Спрячь его за поясом. Как только кто-нибудь полезет, достаешь гребень и бьешь в глаз ручкой, ясно?

— Да, я поняла. Прямо в глаз. А еще им можно причесываться.

— Я безумно рад! Можем мы теперь идти, госпожа посол?!

— Да, я только заберу эти бусы. У меня есть немного куриной печени. Может они принимают пожертвования...

— Я брошу тебя при первой же возможности.

Жрица что-то неразборчиво проворчала, но нашла в себе силы оставить заманчивые дары. Она по-военному выпрямилась перед прима-образом. Альфа стоял, безнадежно прислонившись к колонне. Время от времени он попинывал Аппендикса по метафорической пятой точке.

— Мое имя Котожрица, я — достойный образ Любви, — четко проговорила она. — Я отдаюсь под твое командование, Альфа. Веди меня в бой, против негатива. Клянусь, не отступить, не бояться, не ныть. За кошек и Многомирье!

Собирательный образ борьбы был в восторге. Его гордость за своих рекрутов можно было увидеть в брюзгливо отвисшей губе. И услышать в репликах, вроде: «писклявые паладины» и «кишечные архивариусы».

* * *

Администрация была построена у подножия Олимпа. Это было эклектичное сооружение, врезанное в голубоватую породу священной горы. В нем мирно соседствовали египетские, античные и восточные мотивы, образуя неожиданное культурное единство. Без видимых разногласий поддерживали друг друга флагманские культуры. Это парадоксальное сожителство, можно подумать, было невероятно и оскорбительно само по себе, но, отчего-то, не распадалось.

Лучшие агенты Здравомыслия пытались объяснить феномен Администрации и пришли к выводу, что столкнулись с бюрократической химерой. Когда-то давно, на заре человеческой цивилизации, она была темной пещерой, в которой копились ящики с маркировкой «непонятное». Там были опытные образцы огня, молний, приливов и звезд. Довольно скоро пещера оказалась забитой под завязку. Это создавало некоторый дискомфорт в материи первобытного Многомирья. Уже тогда оно испытывало потребность в понимании. В пещере начали появляться простейшие злые духи, тотемные звери и шаманы. Они разбирали материалы, и смело экспериментировали, вызывая восходы, закаты, дожди, рост травы и бородавков. Целое мироздание легко укладывалось в когтистую лапу очередного

Севздугошга Непотворимого.

Число их росло, а сущности становились сложнее, что естественным образом делало богов конкурентами. Они начали уходить из пещеры, строя вокруг собственные храмы. Так начал расти Полис. Гора, в которой находилась пещера, тоже была обжита и названа Олимпом.

В какой-то момент объяснение собственного бессилия за счет немыслимого соперничества с богами, обрело собственную ценность. Во-первых, творческий потенциал теологии был неограничен. Многомирие наполнялось прекрасными примерами фантазии. Во-вторых, идея Бессилия сплачивала огромные массы людей. К сожалению, она же вызывала серьезные конфликты. Разница в интерпретациях заставляла людей выяснять, кто же из них истинно бессилен, а кто только пытается выдать себя за немощного.

Пещера с «непонятным» пустела. Всему там нашлось объяснение, и боги покинули ее. Так она пустовала, пока не пришел Великий Враг. Лик его был до того страшен, а намерения жестоки, что весь Полис содрогнулся. Научность оскалила зубастую пасть и одним движением лапы сокрушила половину Полиса. Она существовала и раньше, где-то там, во мгле, но теперь ее поганое тело до того разрослось, что она стала смертельной угрозой.

Идея Бессилия поняла, что ей необходимо защищаться. Тогда были созданы представители всех культов и сект, чтобы решить, как двигаться дальше. И собрались они там, где все начиналось: в старой доброй пещере под Олимпом.

На собрании присутствовали образы Предпринимательства. Они сказали богам, что справиться с угрозой очень просто, ибо она переоценена. Никто не откажется от Бессилия в одночасье. Нужно лишь играть до конца.

Солнце крутится вокруг Земли. Точка.

А, кроме того, нужно забыть о разногласиях и освоить прогрессивные методы управления. Прогресс — не враг. Многие научные открытия ставят человека в тупик. Они оставляют его один на один с холодной бесконечной вселенной, которую, как ни странно, все еще невозможно познать. На самом деле Бессилие цветет.

Вам, — сказали образы, хитро улыбаясь, — нужно просто использовать открывающиеся возможности. Информация передается за считанные секунды. Вирус Научности и Атеизма можно победить только на их поле. Вылезайте из своих мраморных дворцов и стройте офисы. Систематизируйте заветы бессилия в доступных брошюрах. Распространяйте видеозаписи проповедей, что бы их мог увидеть кто угодно. Более того, используйте науку сами. Люди отравлены верой во всемогущество техники, они легко поверят, что есть электронная аппаратура, которая доказывает, что боги существуют.

Это было великое откровение.

Строительство вокруг пещеры да началось. Славное здание Администрации выросло на посрамление Научности.

* * *

Сад камней был тих. И полон... камней.

Это был тот необходимый минимум, который он должен был обеспечивать. Помимо этого сад был расчерчен безупречными узорами на ровном песке.

Никас сидел, подогнув под себя ноги. Ровное дыхание. Мерный пульс. Мирный разум.

Камни были обтесаны таким образом, что напоминали анатомически верные торчащие из песка задницы. Таинственная гармония их расположения, нарастала здесь веками. Точнее, промежутками времени, недоступными человеческому разуму. Каменные задницы накапливали энергию сакральной геометрии в гигантской перспективе, стремящейся во все стороны времени-пространства.

Никас чувствовал, что он нашел место, которое понимало его. Оно перекликалось со всем, что он пережил за последнее время. Журналист словно отыскал подробное свое жизнеописание, запечатлённое здесь.

В Канаве Абсолютного Нуля.

Здесь было чертовски холодно, как в холодильнике.

Это было место, где скапливались идеи настолько бесполезные, что их ценность стремилась к нулю. Абсолютной бесполезности.

В основном тут были разнообразные мнения. Преимущественно чужие. Канава была заполнена ими на две трети. Это были советы, наставления, инструкции и нотации. Все они были расценены как поступающие извне и оказались здесь. Иногда хорошие, иногда плохие, иногда откровенно вредные. Хорошие преобладали, хотя и отличались очевидностью. К примеру. «Не начинай курить в четырнадцать лет, к двадцати ты начнешь выкашливать кровавый уголь». Или же. «На твоём месте, я бы проверил тормоза, приятель». И тому подобные благоглупости, которые нормальный человек серьёзно воспринимать не будет.

Так, во всяком случае, сказал роман. Никас не умел читать мнения. На его взгляд они напоминали кораллы. Удивительных форм и расцветок, хотя и блеклых под инеем. Они росли так густо, что закрывали небо своими изумительными лапами.

Второе место по распространенности оставалось за инструкциями к различным предметам или процессам. В сущности, это были никому не нужные алгоритмы, вроде «Сохранения природной среды в ходе выездных мероприятий». Различные техники безопасности. Что-то там про сверла, пилы, валы, и высоковольтные кабели. Серые столбы, покрытые уродливыми пиктограммами. Скукотища.

Еще здесь можно было увидеть политические программы, выступления экстрасенсов, телевизионные передачи о мертвых поп-звездах и прочие динамические зрелища. Они мерцали то тут, то там, объемными сценами абсолютной бесполезности. Стоило упомянуть и различные безделушки. Почти забавные. Первые несколько секунд. Как-то: тройные штопоры, резиновые наперстки, четвероногие колготки, карманный душ, ножницы с лазерным прицелом... Задничный сад камней.

Ну и, конечно, неизмеримые массы комковатой грязи: результат разложения образов, чепухи и обещаний есть поменьше сладкого.

Кто-то тронул Никаса за плечо.

— Пойдем, — сказал Роман негромко. — Они ждут.

Журналист выдохнул до упора. Пар из ноздрей почти коснулся белого песка.

— С тобой все в порядке? — добродушно спросил Роман.

Никас разгибался, крикая от мороза. Распрямившись, он станцевал что-то кельтское, и похлопал себя по бокам.

— Нет, — ответил он бодро. — Но я, по крайней мере, успел замерзнуть так, что мои проблемы разделились на две равные части: звон в штанах и все остальное.

Роман слабо улыбнулся.

— Пойдем.

Утерев набежавшую соплю, журналист поковылял следом. Иней шуршал под ногами. Прах скрипел, разваливаясь. Приглушенно бормотали пожилые люди. Здесь было полно стариков. Чаще всего, они не шевелились. Большинство просто-напросто вросло в землю. Но были и такие, кто бродил по округе. Едва заметно и, пожалуй, необъяснимо.

«Шамбл-балм-бше?»

— Веселись, юноша, в юности своей, — негромко произнес Роман, нарушая молчание.

— Так они что-то вроде сопротивления? — спросил Никас, избегая разговора о здоровом цинизме.

Роман ответил не сразу.

— Ну-у-у, — протянул он, по-мальчишески закатывая глаза, — я бы не назвал их сопротивлением. В благородном смысле этого слова. Они не отважные партизаны, которые борются с превосходящими силами противника. Узурпатора. Дракона. Они — банда отморожков.

— Как Шок, например?

— О. Шок им и в подметки не годится.

Аркас недоверчиво покосился на роман.

Подул холодный ветер, нечистый от крупинок инея. Он тревожил коралловые чащи мнений, вылавливая из хитросплетений мерзлоты отдельные фразы, слова, звуки. Никас прислушивался к ним, пробираясь между затейливыми отростками, тревожа древние бороды изморози. Осторожно переступая через стариков, он хватался руками за ломкие ветви. Под ногами его трещал лед суеверий.

— Э-оп! — журналист лихо, с красивым полуоборотом, поскользнулся.

Ветви треснули. Аркас ударился ребрами о кочку, с которой съехал. Кочка была твердости железобетонной.

— Ы-гх!

Миссионера осыпало искрящейся трухой. Мнения зазвенели. Дрожь всколыхнула их, и, через секунду, Аркаса полностью погребли обломки «Надень шапку, на улице холодно». Получившаяся сопка медленно шевелилась. Роман, успевший выбраться из-под завала, ринулся к ней. Аркас вынырнул ему на встречу, икая от холода. Они столкнулись и отлетели в разные стороны. Журналист, ковыляя и падая, кружил на месте, как раненый тетерев. Роман заливисто смеялся, сидя по шею в сугробе.

— Это ты подстроила? — спросил Аркас у внутреннего карман кителя.

Там сидела Бабочка. Она мирно спала, едва шевеля усиками. Устала, — подумал Аркас, остановившись. Он вытряхнул из складок остатки колючей белизны и поглядел вверх. Щелястый потолок обрушился, в неровную дыру заглядывало небо Аида. На фоне медленно ползущих лент, Аркас увидел огромную строительную линейку, уходящую вверх. Верхним концом она пробивала границу Дна. А нижним — очевидно, врезалась в землю, где-то впереди.

— Это что-то связанное с бесполезностью метрических соревнований? — осведомился Никас. — «У меня больше», и все такое?

И снова он оказался прав только наполовину.

— Что? — Роман вытер талую воду с мордахи. — Нет, конечно. Такое соперничество очень важно. Как же еще узнать, что ты лучше другого? Но предназначение этого образа ты уловил. Это, создатель мой, Самооценка! Единственная идея, которая может находиться одновременно на Дне и в остальных мирах. Мы идем к ней.

Шли они недолго. На оставшемся пути им встретились Шок и Трепет. Трепет валялся на снегу, сосредоточено выкусывая под хвостом. Его старший товарищ пытался совокупиться с чьим-то мнением. При этом Шок сухо рычал, а ругательства его вызывали тошноту. Элен не было видно. Возможно, ее уже съели.

— Вот ч-что я делаю с в-вашей критикой, — бормотал посиневший Шок, наседая. Коралл тихо позвякивал и скрипел. — Д-драл я ее во все щели.

— Мастер! — гавкнул Трепет, отвлекаясь от гигиенических процедур. — Мастер пришел! Будь позитивен!

— Я почти закончил! — простонал художник отвратительного. — Еще секунду! А-а-а-а!

— Клянусь фантазией, — неожиданно для себя прошептал Никас.

Шок отвалился от коралла, как пиявка, шумно упал и принялся кататься, причитая:

— Отморозил. Отморозил. Отморозил.

— И надломил, — ехидно вставил Трепет. — Мастер! Мы все устроили! Сопротивление готово выслушать тебя!

Художника пришлось приводить в чувство пинками под ребра. Откровенно говоря, Никас с удовольствием оставил бы его здесь, но этот ублюдок был единственным посредником между подозрительным странником и осторожной коммуной. Сопротивление, похоже, доверяло Шоку, хотя бы потому, что любая его подлость всегда оказывалась на виду.

Кораллы редели. Миновав их, партия вышла на открытое ветрам пространство. В потоках жалящего холода, сухо перекатывались останки существей. Невесомые остовы, хрупкие лепестки, скрученные чешуи. Из вечной мерзлоты торчали массивные кости. Трепет пытался грызть их, но они были настолько тверды, что пес только сколол себе клыки.

— Каждый раз одно и то же, — смеялся над Ним Шок. — Мать, как же тут холодно! Так-так! Погодите-ка!

Он замер в какой-то неопределенной позе. С минуту он стоял так, а потом довольно произнес.

— Вот так будет уютнее!

Аркас поморщился.

— Уйди с подветренной стороны, скотина.

— Есть, уйти с подветренной стороны! — рявкнул Шок. — Стерва, пятки все равно мерзнут. Тре-е-е-е-ет!

— Иди нахер, мужик, просто иди нахер! — пес предупредительно отбежал подальше. — Мы уже говорили об этом! Это моя шкура! Моя!

— У тебя все равно отрастет новая! — увещевал художник, в раскоряку следуя за своим товарищем. — Скупость порицаема, Треп! Давай не будем ссориться из-за клочка кожи. Ты помнишь, сколько у нас ее было?

— Так, то чужая!

— Я думал, я хорошо тебя знаю! Когда это ты успел стать таким собственником?

— Только что!

Послышался треск.

— Ага! Кто это там застрял в расщелине? Неужели мой верный дружище, Трепет?

— Не-е-е-е-ет! Укушу! Предупреждаю, это будет укус на десятку!

Никас вздохнул. Шаг он не сбавил. Ежась от холода, журналист быстро пересекал равнину. Роман держал его за руку, семена следом. Линейка приближалась. Ее деления стали хорошо различимы. Они были неровными и шли вразнобой. Широкие. Совсем узкие.

Начерченные краской. Нарисованные от руки. Выбитые чем-то острым. Металлическую поверхность покрывали неразличимые надписи, какие-то перевязи, канаты, цепи. Скрипели неустойчивые надстройки. Они разваливались на ветру. После отрывистого скрипа в лед вонзались тонкие железные прутья.

Оказалось, что Самооценка глубоко проникло в вечную мерзлоту Дна. Ее нижняя точка, если она существовала, была где-то внизу, под толщей слежавшихся учебников философии постмодернизма.

Подойдя вплотную, Аркас почувствовал странную атмосферу Самооценки. Некое свербящее чувство, которое тревожило амбиции, комплексы и маленькие постыдные секреты. Множество позабытых неудач. Озноб невыносимых фиаско на глазах у публики. Не застегнутые ширинки, белые пятна, невнятно произнесенные слова, неуместные анекдоты, предательские звуки, капитуляции перед вражеским остроумием. Осечки в постельных дуэлях. А потом — скорбь по честолюбивым замыслам.

Аркас часто задышал, скалясь.

— Что с тобой? — спросил Роман.

«Новый бестселлер от автора таких известных книг, как: «Одна дорога» и «Золотой прилив»».

— Ничего, — нервно произнес Аркас. Тут же взял на тон выше и сказал еще раз, увереннее: — Ничего.

Пробежав под сыплющимися обломками, Аркас припал на одно колено перед ноздреватой стеной зеленеющего образа. Ему не хватало воздуха, ледяные ветры не давали дышать. Впрочем, как и жалищие воспоминания.

На поверхности образа были глубокие оттиски ладоней. Тысячи. Миллионы. Они бесконечно наслаивались друг на друга.

— Люди постоянно держатся за свою самооценку, — произнес Роман. — Даже здесь, на Дне, у самой границы полного безразличия к себе, хватка их настолько сильна, что оставляет хорошо различимые следы. Минимальные крохи достоинства, еще оставляют надежду взобраться выше. Но мы увидим тех, кто уже разжал пальцы. И опустился глубже видимой метрики.

Никас стучал зубами.

— Да, боже мой, куда угодно, лишь бы скрыться от ветра! — воскликнул он.

Они обогнули Самооценку по периметру. С другой стороны друзья наткнулись на неровный и очень неприветливый вход в некую шахту. Он уходил вниз под самоубийственным углом и был темен, как совиный зрачок. Обледеневшие балки скрипели столетней древесиной. В общем и целом, это выглядело как очень плохая идея.

— Туда? — поджал губы Никас.

— Да, — стесняясь, подтвердил Роман.

— Да не в жизнь...

— Выбора нет. Они — твоя единственная надежда.

За их спинами послышалось веселое пение. Состоящее из кашля, рычания и отдельных органических мотивов. Оно приближалось. Аркас нехотя оглянулся и увидел счастливого Шока. На его голенастых ногах красовались портянки из окровавленной шкуры. Следом за ним мчался рассвирепевший Трепет. Голые мышцы отчетливо сокращались на бегу.

— Седой мальчишка Самуэль, любил отведать карамель! Он мог ее лизать весь день, присев на старый пенёк. Говорила ему мать, не смей больше воровать, но слишком Самуэль!

Любил Карамель! И тогда его отец, намазал дрянью леденец и отдал сыну! Отдал сыну! Зеленее, чем волна, у того слюна пошла! Убила Самуэля, проклятая карамель!

— Я отхвачу тебе такой кусок задницы, что не на чем сидеть будет!

Не прекращая голосить, они пронеслись мимо. При этом Шок задел Никаса плечом и потерял равновесие. Это баллистическое возмущение было достаточным для того, чтобы художник омерзительного повалился в шахту вместе со своей карамельной песней и новой обувкой. Слышно было, как он бьется о твердое, вопит и крикает. Трепет без раздумий сиганул за ним, и к воплям Шока присоединилось свирепое рычание и вой.

— Теперь мне хочется идти туда еще меньше, — вздохнул журналист. — Держи меня за руку. Ты там бывал?

Он поставил ногу на землистый пол.

— Один раз, — ответил Роман, осторожно следуя за Никасом. — Я много путешествовал после того, как очнулся. Пытался понять, что я такое и как очутился там, где очутился. Как-то раз я пришел к Самооценке, надеясь, что мне удастся взобраться по ней и покинуть Дно. Я ошибся. Никому не под силу просто так подняться по великой метрике достоинства. Для этого нужно приложить массу сил и упорства. А я всего лишь слабый недописанный роман.

Никас скользил, чуть не падая на спину. Обдирал ладони об острые камни. Здесь было ничуть не теплее, чем снаружи. Но, хотя бы, не мучал ветер. Шахта была очень старой. Когда-то ее освещали факелы, но давно сгорели почти до основания. С потолка свисали короткие тупые сосульки. Кое-где из стен выпирали окаменелые полотенца для ног.

Шок и Трепет неожиданно замолкли. Аркас даже не понял когда именно. Теперь только эхо неосторожных шагов глухо отскакивало от стен. Клаустрофобия и приобретенные страхи зашевелились в своем зловещем измерении. Журналист похрипывал, напрягая мышцы. Это не она. Это не пещера. Он победил ее.

— Но я так же набрел на эту шахту, — продолжал Роман. — Мне стало интересно, кто ее выкопал и для чего. Кроме того, моя натура толкала меня исследовать это таинственное место. Я спускался по ней. Ниже и ниже, пока не...

— Мастер! — послышался голос Трета. — Мастер, где вы?

— Я здесь! — отозвался Никас.

— Скорее сюда, Мастер. Чаек уже готов!

Никас моментально забыл об осторожности. Буквально проехав на заднице последние десятки метров, он спиной остановил Роман и поднялся в рост, оглядывая ровную площадку на которой Элен разбила крохотный лагерь. На ней красовался теплый жилет с нашивками из вяленых сердец.

— Так ты жива? — Никас приветливо кивнул ей.

В зале горел небольшой костерок, на котором позвякивал черный от копоти чайник с двумя носиками. Вокруг лежало таинственное тряпье, на котором, похоже, можно было подцепить чесотку или псориаз.

— Конечно она жива, — Шок отвлекся от консервной банки, из которой пил нечто буро-зеленоватое. — А что с ней могло случиться?

Он стоял на четвереньках. Очевидно, ползадницы ему все-таки отхватили.

— Я думал, что вы ее сожрали, — не стал скрывать Никас.

Элен издала гортанью булькающий звук, похожий на хихиканье. Она ласково подталкивала Роман к костру. Тот, не сопротивляясь, занял свое место у очага и принял из...

рук Элен свою чашу. Ловко орудуя примитивными протезами, жена Шока подала ему половину резинового мяча, наполненную все тем же цветным напитком.

— Спасибо, — благодарно кивнул Роман.

Не дожидаясь, пока Элен вернется за ним, Аркас подошел к огню и уселся на самую чистую тряпку, на которой еще не успел повалиться Трепет. Тот увлеченно лакал из эмалированной больничной утки.

— Попахивает предрассудками, — обиженно фыркнул Шок. — Значит, если я псих, подонок, неуравновешенный маньяк и убийца, это значит, что я могу вот так запросто съесть свою жену?

— Что-то вроде того, — сдержанно согласился Никас.

Ему Элен преподнесла самую чистую, самую приятную на вид посуду. Это была мятая железная кружка, от которой кто-то умудрился откусить.

Никас принялся к содержимому.

«Я ведь неуязвим, так?».

— А вот и нет! — возмутился Шок. — Я люблю ее настолько, что скорее начну с себя. Я как-то раз обглодал себе пальцы. Но ее никогда не обижу! Мы вместе, сколько я себя помню, и всегда она была рядом. Только тепло, поддержка, понимание и забота. Неважно, что со мной происходило. Я мог плескаться в приливах вдохновения или ранить спину о камни разочарования. Элен всегда была рядом...

Художник всхлипнул. Жена нежно терлась о его плечо.

— Хотите посмотреть наши фотографии с медового месяца? — оживился Шок. — Мать, принеси!

Через минуту Аркас уже разглядывал старые, но любовно хранимые снимки.

— Хм-м-м-м, — он отхлебнул из кружки. На вкус было как смесь вареного носка и лайма. — Но здесь везде только рвота крупным планом... А, нет. Вот чей-то сфинктер.

— Помнишь, а? — Шок локтем подталкивал жену. — Ох, и оторвались мы тогда!

Элен мечтательно клокотала.

Никас отложил снимки. В дальней части зала, он увидел тяжелые железные двери. Ими недавно пользовались, потому что иней на старой фурнитуре был потревожен, а лед — сколот.

Журналист поднялся на ноги.

Швыркая «чаем», он подошел к сведенным створкам и внимательно прислушался к тому, что происходило с другой стороны. Разумеется, он слышал в основном галдеж за спиной (кроме того, Трепет гонял пустую утку по земле), но...

«Чинк-чонк. Скри-и-ип. Чинк-чонк».

— Да, Мастер, нам туда!

Аркас вздрогнул и обернулся.

— Мы уже стучали, — Шок валялся на вшивом тряпье, сосредоточенно скребя в промежности. — Поднимается эта штука долго, но на это есть причины. Сами увидите.

— Они живут очень глубоко, — объяснил Роман. — Я сам сначала думал, что это посторонний шум. Можешь пока вздремнуть, отец.

Это было не слишком удобное предложение. Никас решил, что в присутствии Шока и Трепета, он заснул бы только запершись в клетке. С какой-нибудь футуристической пушкой, которые так любил Альфа. Интересно, что сейчас делает этот дверененавистник? Смог ли убежать от дедушки Жиры? Наверняка. Возможно, уже идет по следу.

Однако сон подступал.

— Отец.

Аркас сдался и отошел от двери. Он понял, что ему не терпится покинуть Дно. И это было объяснимо, но, все равно, не очень-то честно.

Роман встревожено смотрел на создателя.

— Мне не хочется спать, — тепло ответил Никас.

Вдоволь наоравшись и опустошив чайник, Шок и Трепет уснули, прижавшись друг к другу. Элен следила за очагом, время от времени совершая какие-то почти магические пассы культиями, от которых огонь разгорался ярче. Это было таинственно. Интересно, подумал Никас, кем она на самом деле является?

Время шло. Никас потерял глаза. Я только немного полежу на этих ссохшихся гнойных бинтах, — подумал он слабовольно. Брезгливо примостился на один бок...

* * *

Сначала запах аммиака будил его. Будили шаги вокруг ямы. Подозрительное рычание собак, сующих носы между прутьев. Мусор падающий на голову. Несколько раз кто-то по ошибке или нарочно выливал к нему нечистоты.

Сухой пустынный кашель.

Потом даже ревматическая боль не могла ему помешать. Голод и жажда запропали где-то, сильно уступая тяжелой дремоте. Она серьезно изменила его систему ценностей. Пирамида потребностей с угрожающе острой вершиной. Тяжелой дремотой. Бесконечный дзен тихого обморока.

Лязгающие двери.

Не удивительно, что он не заметил, как к нему подселили второго. Аркас не сразу заметил его. Точнее, он увидел человека, как только открыл глаза, но не смог достаточно сосредоточиться, чтобы отличить того от пустоты.

Новый пленник сидел слева. Углов у ямы не было, поэтому он просто нашел более покатую часть земляной стены и прислонился к ней. Аркас глядел на него урывками. Присутствие другого человека вызвало в нем какие-то вялые эмоции. Призраки чувств. От страха до оптимизма. На мгновение ему даже померещилось, что его спасают.

Далекие крики и выстрелы.

Незнакомец не собирался его спасать. Он сидел не двигаясь. Молча. Над широким носом темнели глазные впадины.

Аркас приподнялся, слабо упираясь в соломенный настил. Встревоженно забегали жуки и тараканы. Он все еще выбирал между человеком и дремотой. Нужно вспомнить речь. Как же все чешется и болит. Солома во рту. Сжевать или выплюнуть? Интересно, приносили уже воды? А вдруг он все выпил? Эта мысль почти разбудила стянутое сознание журналиста. Он стал озираться в поисках драгоценного горшка, в котором ему спускали мутную воду. В ней, обычно, что-то варили. Эти непредсказуемые бульоны были, к тому же, значительной частью дневного рациона.

Горшка не было.

— Ты...

Бодрствующий Аркас чуть не заплакал от обиды. Но устал до того как начал.

— Ты все выпил... Все.

Незнакомец медленно повернул голову и посмотрел на него. Сумрак убрал его лицо темной маской. Макушка двинулась: человек наклонился. Аркас услышал странный частый звук. Оказалось, что это стучат его зубы. От слабости его одолели судороги.

— Никас, как же ты собираешься спасти Многомирье в таком состоянии? — полушутливо осведомилась темная маска. — Ты ведь не сможешь выбраться из ямы.

Аркас опешил. Он что-то припоминал. Рога с игральными кубиками. Миссионер. Редкие голубые перья.

— Со мной такого не происходило.

Он стоял над ямой.

— Нет, — согласился человек. — Это — моя история. Маленький рассказ о том, как обманули меня. Мы с тобой, Аркас, лопухи, которые сами затолкали себе в рот предложенное Девелом. Я — потому что не хватило духу умереть в этой яме. Ты... Ну, наверное, тебе просто не повезло.

Человек придвинулся.

— Знаешь, что самое смешное? — Аркас почувствовал как холодные губы коснулись мочки уха. — Я все еще там. Этот ублюдок обманул меня. Он просто нашел другую яму. Таковую, что я со слезами радости полезла бы обратно в эту выгребную канаву. Посмотри, что ждало меня в ней. Судьба, которая предлагала мне смерть настолько же легкую, насколько тяжелую мне Девел уготовил жизнь!

Аркас стоял на краю ямы. Он опустил на четвереньки и заглянул в темноту. Ему в нос ударила трупная вонь, миазмы долгого разложения. Опасность медленно копошилась внизу, а потом прыгнула. Зеленоватая рука схватила ворот. Аркас молча поддался, влетев щекой в холодный режущий прут.

— Я поняла, что была бы счастлива умереть здесь, — сообщил ему червивый голос снизу.

Темнота начала опускаться, мелея словно вода. Обнажая неровные стены, сползая по руке мертвеца. Ниже. Ниже. Безучастный журналист только теперь ощутил нарастающий ужас. Он не хотел видеть то, что было внизу. Аркас забился, пытаясь вырваться из костлявой хватки, но безнадежно проигрывал.

— Такое бывает, — говорил незнакомец. — Обреченные часто ищут избавления, хитрости, пути в обход. Но тщетно. Рок находит их безошибочно...

Внизу обнажился желтый оскал. Аркас зашелся криком.

— ...потому что они смердят, — прощелкали грязные челюсти.

* * *

Возникла недолгая кутерьма. Шок буйно скакал со своим ножом, Трепет — лаял. Элен прыгала на месте. Роман зажимал уши руками. Никас орал будто конница идущая на танк. Графомания тянула вопль на одной ноте. Они замолкли почти одновременно, после того как Никас рефлекторно ткнул кулаком вперед. Взметнулся гравий. Воцарилась тишина полного недоумения, нарушаемая только попукиваниями абсолютной растерянности.

— Ой, — Шок втянул воздух сквозь щербатые зубы. — Мастер, вам лишь бы кулаками махать.

Никас, по традиции, шурился. Казалось, что его голова потяжелела килограмм на десять. Придерживая ее рукой, он сорвал прилипшие бинты и сплюнул желчь.

— Яма, — шепнул он. — Что за чертовщина. Эй, да я тебя знаю.

Графомания слабо зашевелилась.

— Пожалуйста, не надо больше меня бить.

— Я не нарочно.

— Он всем так говорит, — простодушно хохотнул Шок. — А еще говорят, что это я сразу перехожу к гематомам. Кстати, я когда-то неплохо рисовал синяками. И почему забросил?

Журналист поднялся. Двери были открыты. Похоже, Графомания явилась с той стороны.

— Все в порядке? — спросил он растеряно. — Знаешь, тебе не нужно было вот так склоняться надо мной. Мне приснился кошмар... Что ты здесь делаешь?

— Живу, — обиженно ответил образ.

— Разве не в том ужасном котловане?

— Там я работаю. Я единственная местная сущность, которая может выбираться наружу.

— О. Ясно. Так ты один из сопротивления?

— Да. Я тебя тоже помню. Ты плохой. Я так всем и скажу.

Аркас поглядел на присутствующих, словно ища у них поддержки.

— Эй, ты уже начал переговоры в своем стиле, — среагировал на это Шок. — Так что продолжай.

«Я тебе это припомню» — взглядом пообещал ему Никас.

— Мы хотим увидеть Просвещенного, — решил вмешаться роман. — Обещаю, его мы бить не будем. Ты ведь меня знаешь. И Шока знаешь. Просто проводи нас вниз.

— Ну... Мы так не договаривались, Шок. Ты сказал, вам нужна помощь. Те, кто пришли за помощью так не поступают.

— Я, кроме того, сказал, что мы тоже можем вам помочь, — заговорил художник. — У нас тут, ек твою сущность, человек. Самый настоящий. Да вы должны были от радости всем гуртом повылезти. Не каждый день к вам заглядывает создатель! Если продолжишь мямлить и ломаться, он тебя вообще кокнет. Ты мне верь, я знаю что говорю. Он раскатал меня по моей же студии, стоило только за живое задеть. Так что завали-ка ты хлебало и веди нас к остальной мразоте.

— Угрозами ты ничего не добьешься, — с некой пародией на бесстрашие, отвечала Графомания. — Какая мне разница, здесь меня замучают или внизу, когда я приведу за собой скандалистов.

Аркас понял, что нужно действовать решительно и, даже, безрассудно.

— Ну, все не так сумрачно, — он приобнял образ за плечи. — Если хочешь, по пути мы можем послушать что-нибудь из твоих лучших работ...

— Правда?

— Правда?!

— Что?!

Графомания недоверчиво погремела гравием. Но справиться с искушением не смогла.

Это был не лифт даже — подъемник. Древний, сваренный из тяжелых металлических деталей. Он заметно покачивался на чугунных цепях, с квадратными звеньями.

Графомания, уже простившая Никасу все обиды, встала рядом с щитком управления, на котором было всего две кнопки: «Да» и «Нет». Никас заметил множество поручней, кое-как приваренных к полу подъемника. На потолке темнели хорошо различимые вмятины.

Это настораживало.

— Что именно вы хотите услышать, мастер Аркас? — почти с любовью осведомилась Графомания. — Недавно поступил потрясающий роман от восходящей звезды крупной прозы. Называется: «Волшебная школа оборотней. Начало искупления». Вам понравится.

— Высранные кишки, — промолвил Шок.

— Пролог, — торжественно начал образ.

Аркас с лязгом закрыл внешние двери. Потом сдвинул внутренние.

— Как быстро эта штука движется вниз?

— Гораздо быстрее, чем поднимается, — почти одновременно сказали Шок и Роман.

— «Это был приятный, светлый, июльский день. Лейла проснулась от телефонного звонка. Ее восхитительные каштановые волосы расплзлись по подушке...

— Так в чем же проблема? — спросил Никас. — Шок, обхвати Элен покрепче. Роман, ко мне. Трепет... Ну, придумай что-нибудь.

— Спасибочки, мастер!

Когда все заняли свои места, Аркас поглядел на Графоманию. Образ излучал. Он вошел в транс непрерывного пустословия.

— «...не понимаешь, Лейла, ты избранная. Ты волшебный оборотень-колдун. Твоя мать была волком. А отец — волшебным колдуном».

— Быстрее! — вскричал Трепет и вцепился клыками в поручень.

— Я стараюсь, — Никас торопливо стаскивал с ноги ботинок.

— Только не промахнись! Кнопка «нет»!

— «Они полюбили друг друга. И разделили ложе в ночь золотой супер-луны. О, Лейла, ты так похожа на мать. Такая же независимая и сильная, с серой шерстью подмышками...».

Лязг!

На спине Стража Ограниченности росла густая жесткая щетина. Столь враждебная и непроходимая, сколь разум обывателя враждебен и непроходим. Она состояла из миллиона гибких иголок, на которых трепыхались изорванные сущности, напоминающие воздушных змеев. Большею частью это были слабые представления о свободе, которые неосторожно попадались в лапы самодовольного и злого хранителя, упивающегося своей простотой.

Страж был взбешен. Он мирно спал, не видя снов, охраняя Путь на границе первого мира. Но его потревожил зуд! Страшная почесуха подняла прима-образ на ноги. Его лобастая морда сморщилась от напряжения, а короткие, неуклюжие лапы, расчесывали бока.

Образ взревел от злости, а логово затряслось, раскалываясь на части. В трещины полезли мелкие образы, вредные паразиты, тревожащие видения нового!

Свет познания!

— Фыр, фыр, фыр! — заворчал страж, давя их лапами.

Он свернулся клубком, не давая новому впиться в его нежное брюхо.

Щетина возле уха зашевелилась, но зверь уже не решался скрестись. Проклятая свобода окружила его всеми красками бытия. Разноцветные крылья ласково гладили поджатые лапы, но страж фыркал и крепился внутри своей колючей обороны.

Никола выглянул из щетины, раздвинув ее руками.

— Кажется, мы спасены, — сказал он с облегчением. — Готов поклясться, я уже видел это ухо раньше. Мы начинали ходить кругами.

Ухо было грязное и маленькое. Страж прижал его, чтобы не слышать шепот понимания. Образы свободы пытались отогнуть прижатый к голове треугольник, но, пока, безуспешно.

— А ты кто? — спросил один из них. Рослый представитель образованности. Окрыленный могучими страницами мудрости. Его высокий лоб озаряли полусферы вросшего знания. — Трое вас? Вы его малые образы? Глупость, похоть и тщеславие? Не пытайтесь мешать нам. Рано или поздно, мы достучимся до вашего отца.

Физик оглянулся на своих спутников. Действительно их можно было принять за плоды стража. Щетина цеплялась за все подряд, отчего Зигмунд и Сальвадор выглядели как совиные погадки.

— Привет, — сказал художник, сдирая с себя скатавшиеся волосины. — Неплохие сферы, друг. Я встречали и побольше размером, конечно. Недавно, подмышкой у Стража.

Агент Образованности может и оскорбился, но ничем себя не выдал. Только вопросительно поглядел на физика.

— Извините его, — произнес Никола. — Мы...

— Забавно, но представления о свободе, всегда неразрывно связаны с наготой, — как бы, между прочим, заметил Зигмунд. — Скажите, вас не посещали мысли о том, что штаны — это плоды гнусной узости мышления?

— А-а-а-а, — протянул агент, заворачиваясь в страницы, — можно мне спросить еще раз: кто вы?

— Цвет рыцарства! — не задумываясь выкрикнул Сальвадор. — Герои Многомирья! Троица достойная!

— Ложа выбрала нас для визита к чуждому образу, — скупно добавил Тесла.

— Тогда что вы делаете в шкуре Ограниченности? — изумился агент.

— Я отвечу, я отвечу! — быстро выкрикнул художник. — Все дело в том, что кое-кто решил пройти через стража, а не обойти его.

— Ты хоть представляешь, насколько это сложно?! — огрызнулся Никола.

— Это правда, — согласился агент. — Природа его такова, что вы шли бы вдоль его тела вечно. Ограниченность не ограничена.

— Если кто-нибудь еще хоть раз произнесет слово «ограниченность», я закричу. Воцарилось недолгое молчание.

— Как бы то ни было, — подал голос агент, — только благодаря вашему вмешательству монстр раскрылся впервые за долгое время. Могу ли я вернуть услугу?

Троица переглянулась.

— Конечно, — кивнул Никола. — Вы можете донести нас до границы.

Агент с готовностью свистнул товарищей поменьше. Вместе они подхватили героев Многомирья и понесли вперед, в расступающемся сумраке пещеры. Логово стража наполнилось суровой, черно-белой растительностью. Только шипы и острые листья покрывали ее. В самых густых и неприветливых зарослях кренились к земле бутоны цветов, но они не могли раскрыться. Ползучая лоза душила их, плотно охватывая лепестки.

Образы нового пытались проникнуть туда, но неизбежно гибли, застревали и смертельно ранились.

— Это бессмысленно, — с сожалением высказался физик. — Почему вы так мучаете себя? Оставьте его в покое. Он никогда не исчезнет.

— Конечно, — легко согласился агент. — Но если отступим, исчезнем мы.

Они летели, минуя километры черного камня, проносясь над озерцами помета, которые давно оставил страж. В них копошились бесформенные страстишки. К неровным стенам, сложенным из неотесанных блоков крепко присосались элементы враждебности. Они вытягивали из раковин уродливые шеи, пытаясь дотянуться до чужаков стозубыми пастями. Простая и грубая мелодия пустоты доносилась из трещин и таинственных закоулков. Страж все еще бился где-то далеко позади.

Наконец, во тьме, едва разгоняемой сиянием агентов, забрезжил свет.

— Выход! — вскричал физик. — Наконец-то!

В ширящийся овал заглядывало родное ванильное небо. Они долго приближались к нему, и физик не сразу понял, насколько выход огромен. Ближе к концу логово стало раздаваться в стороны так стремительно, что потолок вскоре затерялся за облаками, которые заплывали внутрь гонимые ветрами перемен.

— Вот она, — произнес агент, опуская пассажира на плиточный пол. — Первая Стена.

Стена представляла собой несколько поставленных друг на друга обветренных блока, шириною в метр и высотой в два. Наглухо заколоченная дверь была врезана в самый центр этой конструкции. Ничтожной, по сравнению с открывшимся выходом. Грандиозным порталом в иные миры.

— И это стена?..

— Мало кто может миновать ее, — агент перебил художника, как всегда насмешливого. — Ее странная сила может обернуть вспять любые поиски.

— Но мы пройдем ее, — возразил Зигмунд. — Нас не остановит защита сознания.

— Попробуйте, — снисходительно предложил агент.

Никола почувствовал, что стал центром внимания. Взгляды спутников остановились на нем.

— Что? — спросил он с вызовом.

— Ну... Ты доминируешь.

— Первый среди равных!

— О, значит теперь я лидер? Это немного отличается от того, что вы говорили, когда мы распределяли обязанности.

— Плебс всегда ревнив и желчен, разве можно воспринимать нас всерьез? — весело подскочил Сальвадор, разводя руки.

Болтун несчастный, — подумал физик, поворачиваясь к Стене. Он подошел к ней и подергал за дверную ручку. Раздался такой скрежет, что, казалось, даже облака поредели.

— Ладно, — испуганно произнес физик, отшатнувшись. — Она ведь не откроется, так?

— Здесь проходили все звезды мироздания, все грани сущего, все элементы настоящего, — негромко отвечал агент. — Кто-то минул, а кто-то остался. Но дверь закрыта. Ее создавали неисчислимые поколения людей. Она лишь напоминает нам, как легко остановится перед мнимой преградой.

— Тогда как нам попасть на другую сторону? — возмутился Художник.

Агенты улыбались.

— То же самое, что делали те, кто миновал Стену.

Эта загадочная реплика ничего не объясняла. Но мы должны знать, как это делается, — размышлял физик полный решимости. Он тронул пальцами старый неотзывчивый камень. Потом повел рукой в сторону, пытаясь сосредоточиться на смутном ощущении превосходства.

Пальцы нащупали край. Прим замер, взволнованный. Но его поддержала ладонь агента, мягко стиснувшая плечо.

— Не бойся. И вы, друзья, помогите ему.

Никола увидел как еще две ладони хватают край Стены.

— А теперь все вместе! — воскликнул он, воодушевленный. — Ну же! Раз, два...

— Три! — хором.

Они подтащили себя ближе.

— Еще раз!

— Три!

Ближе.

— Три!

Пьянящий ветер ударил в лицо Николы, он задохнулся, наполняясь доверху духом открытого Многомирья. Сияние галактики вначале слепило, вытаскивало слезу благоговейного ужаса. Но вскоре занимало гостя полностью, разгоняя сомнения, скованность и страх. Созвездия ожидали, готовые раскрыть невероятное наследие. Путь зазывал, манил километрами приключений, неузнаваемый после каждого нового поворота. Он, то стелился голубоватым асфальтом, то петлял вязким грунтом, страдал прозрачным стеклом, осыпался расколотыми булыжниками. Не зевай! — кричал он, резко уходя вниз. Поднажми! — подбадривал на крутых подъемах.

— Я никогда еще так далеко заходил, — прошептал Сальвадор. — Мне кажется, я слишком долгое время провел в среднестатистическом мышлении. Все это... многообразие немного пугает. Совсем чуть-чуть.

— Меня тоже, — признал Никола. — Думаю, мы все порядком застоялись. Однако, пускай мы только отражение настоящих людей, где-то внутри себя нам нужно отыскать ту

же творческую мощь, что двигала ими.

— Ха, — Зигмунд всю дымил сигарой. — Подавленная сексуальность способна довести нас до мест недостижимых. Уж в этом мне поверьте.

Они, помогая друг другу, выбрались на площадку перед Стеной. Замок на двери визгливо и гневно заскрежетал, но уже безопасный, такой же далекий, как и пункт назначения. Ветер перемен окреп, проверяя путников. Но троица, не сговариваясь, встала ему наперекор.

— Будем идти цепочкой, — установил Тесла. — Второй меняет первого. Третий второго. За мной.

И он первым ступил на мозаичную тропу, которая начиналась там, где заканчивался каменный пол. Великое путешествие к чуждому разуму началось теперь по-настоящему.

Агенты махали вслед.

* * *

Синяя птица разлагалась. Мутные соки сочились из ран. Большинство из них уже закрыли сгустки и паразиты. От того тело разбухало, наполовину утопая в океане Раздора, наполнялось зреющей хворью. Прекрасные перья теперь стали иглами. Иглами полными отравы. Они щетинились и угрожали смертью. Смерть была здесь.

— Слабость, — сказала Максиме.

Она стояла на борту своего корабля, зовущегося Лазарем. Ржавые волны облизывали деревянные борта.

Птица умерла недавно, но была больна уже давно. Поэтому она казалась трупом эксгумированным из теплой земли. Максиме было почти жаль, что птица сдалась. Она надеялась на последнее сопротивление, на бой. В их извечном противостоянии оттачивалась решимость, проверялись убеждения... И вот она умерла. Без решительной контратаки.

Пророк убил ее. Только одним словом. И слово это было:

— Прощай.

Настолько были неравны их силы под конец. Настолько Надежда была во власти Одиночества. Теперь убийца пришел сам. Он искал здесь забытого чувства незавершенности. Намеков на будущее. Чего-то все еще грядущего. Но это был конец. Птица ничего не оставила. Даже проклятия на прощание.

— Ты думаешь о верности? — спросила пустая глазница, на облезавшем черепе.

Пророк удивился этому. Она склонилась над бортом.

— Кто ты? Почему спрашиваешь о моих мыслях?

Глазница тихо засмеялась.

— Пытаюсь угодить тебе, темная госпожа. Ты так хочешь, чтобы тебя слушали. Ты думаешь о птице. О том, как много она для тебя делала раньше.

— А теперь я убила ее.

— Убила, — повторила глазница. — Рассчитывая, что ваш спор теперь никто не услышит. Ты избавляешься от врагов, которые были тебе единственными друзьями. Воля, Надежда и Любовь. Ты убила ту, что должна умирать последней, задумав хаос. Осталось сломить Волю и разрушить Любовь. Удачи тебе хотя бы с ними.

Максиме уже прыгнула на труп. Мразь пицала и чавкала под ее ногами. Ребра

похрустывали и ломались, плоть лопалась, размякшая от гангрены.

Она заглянуло в глазницу.

— Хотя бы с ними? Почему ты так говоришь?

— Потому что Надежду тебе убить не удалось, — темнота хлынула из глазницы.

Пророк отпрянула. Тугой поток блестящего бархата расколол череп. Клюв птицы, изрыгая его, разомкнулся так сильно, что половинки не выдержали и сорвались. Затем с хрустом разломилась межглазничная перегородка. И тогда бархат расцвел, превратившись в прекрасную вуаль, в центре которой парил таинственный образ. На вид он был женщиной, худой и ослепленной. Черный бархат, туго сворачиваясь, застил ее глаза. Под маленькой грудью выступали ребра, и хорошо были заметны острые углы таза.

В тонких, но сильных руках, она держала яйцо цвета голубоватого мрамора.

— Что ты такое? — спросила Максиме, ошеломленная.

— Я восстание в рядах твоего войска, — ответила женщина, улыбнувшись. — Сопrotивление одного. Как и ты, впрочем.

Темная госпожа была неподвижна, но после слов образа, мир дрогнул. Перевернутый город в страхе закрылся клубами дыма. Бесконечная война уходила в бункеры, не останавливаясь, но и не решаясь увидеть гнев Одиночества.

Ливень тишины обрушился на обоих. Тяжелые капли безмолвия, рассекали пространство, странно калеча звуки. Грохот войны стал отрывистым, ломанным, распался на щелчки и шепоты. Пока, наконец, сплошной град, не уничтожил звуки полностью.

— Я ослышалась, — прогремело пространство голосом Одиночества. Мятежный образ закрылся бархатом. — Я поняла тебя в корне неверно, потому что ты не могла сказать ничего глупее и постыднее этого. Мне хватает безумия, которое учиняет Ложа. Мне хватает странных предзнаменований, которые я не могу истолковать. Я ступаю по костям героев позитива, которые забывали свои имена прежде, чем успевали выступить против. Я — громада, ставшая половиной Многомирья. И ты говоришь о сопротивлении? Сколько еще бессмысленного противодействия, я должна не заметить, что бы вы, наконец, смирились все до единого?!

Шторм безмолвия крепчал. Антисвук сжимал пространство в крохотные жемчужины. Пророк закричал, но предательница почувствовала только вибрацию. Она рванулся прочь, опекая ношу.

Максиме протянул Руку Одиночества, и та начала расти. Голубоватая полупрозрачная длань настигала бунтарку удлиняющимися пальцами. Она дрожала от нетерпения и вечной злобы. Пальцы сами превращались в руки, множились, ветвились цепкими клешнями. Они настигали удирающий образ, почти хватали его, но промахивались, раздуваясь от гнева.

Образ спиралью летел вверх, где истончалась граница мира, но не поспевал. Не поспевал!

Птица под ногами Максиме вдруг бешено зашевелилась. Ее изломанное тело затрещало, страшно изгибаясь. Обвисшие крылья порхнули в последний раз, и Пророк потеряла концентрацию. На секунду она отвлеклась, чтобы сжечь труп, одновременно захлопнув все капканы и клетки.

Сотни когтистых рук сжимали пустоту.

В количестве ступеней явно присутствовала какая-то сакральная нумерология. Четырехзначная. Совершенно ненавистная тем, кому приходилось подниматься по лестнице. Про Альфу и говорить было нечего: тот несся вверх, минуя пять ступеней за прыжок. А вот Аппендикс немного отставал от остальной группы.

— Мы должны остановиться и подождать его, — просила Котожрица, постукивая пятками по груди прима.

На плечах могучего Альфы, она казалась ребенком.

— Небольшая зарядка для такого червя только впрок пойдет, — отвечал на это Альфа совершенно безжалостно. — Сейчас у него откроется второе дыхание.

В этот момент Аппендикс упал на ступени и начал медленно сползать вниз, считая макушкой.

— Клянусь фантазией, — пробормотал прим. — Вставай!

Архивариус сползал.

Помянув все грани негатива, Альфа спустился на пятьсот восемьдесят две ступени вниз. Он легонько пнул Аппендикса, от чего тот подлетел вверх и шмякнулся, произвольно ойкнув.

— Я устал, — произнес он угасающим голосом. — Азм есть слуга разума, а не поднимательства по лестницам. Бросьте меня.

— Ладно, — просто сказал Альфа.

— Ой, — только и успел сказать Аппендикс.

Его подхватили одной рукой и зашвырнули наверх, как спортивный снаряд. Довольно необычный снаряд. Извивающийся и вопящий на весь Полис.

Альфа, проводив его взглядом, довольно кивнул, и снова помчался наверх, не обращая внимания на критику рыцаря.

У врат Администрации они встретились. Альфа, приоткрыв рот, разглядывал фасад здания, избыточный и неестественный. Чем-то опасный для самой крепкой воли и самого стойкого разума. Химерические стены покрывали сотни ростовых икон, на которых были изображены великие герои Бессилия. Их спокойные глаза внимательно следили за гостями.

Гранитные врата были покрыты замысловатыми барельефами, изречениями и толстым, подсыхающим слоем мирры.

С самой высокой башни раздался колокольный звон. Мелодичный и зазывающий. Его подхватили другие башни и башенки. Вначале приятный, звон превратился в какофонию лязгающих звуков. Котожрица сильнее натянула колпак на голову. Потом затрубили в рожки серафимы, сидящие в нишах. Герои Бессилия на иконах меркли. Вместо них вспыхивали экраны, на которых проносились списки простых и сложных правил, которые необходимо было соблюдать в Администрации. Их было столько, что Альфа зарычал от ненависти.

— Но! — вдруг выкрикнули табло. — Всего этого вы можете избежать, если проявите истинное великодушие и преданность Бессилию, пожертвовав номинал. Все собранные средства пойдут на улучшение Администрации. Хорошо для нас, хорошо для вас. Обеспечьте свое послесмертие выгодными вкладами в душу.

Базальтовый пол перед вратами вдруг разверзся колодцем, ведущим неизвестно куда.

Альфа поскрипел мозгами.

— Котожрица?

— Понятия не имею, что им нужно.

Прим аккуратно спустил девушку подальше от колодца. Потом подошел к стене и с

отчетливым «чпок», отодрал Аппендикс.

— Чего они хотят? — спросил он.

Архивариус злобно глянул на прима условными глазками. Преклонив колено перед тоннелем вниз, он принялся к теплему воздуху, поднимающемуся из темноты.

— Им нужна жертва, — сказал он уверенно. — Хватит одной интерпретации. С каждого.

— Я должен отдать этим прощельгам интерпретацию?! — разгорячился Альфа.

— Точно так, — подтвердил Аппендикс.

Альфа поглядел на Котожрицу. Та тихонько кивнула, явно напуганная.

— Это не больно, — ласково сказал ей Альфа. — Я уже сто раз так делал. Вот, смотри.

Он резко потянул за мизинец, и выволок на свет прыщавого парня с игровым джойстиком в руках. Тот грузно повалился на базальт, хватая ртом воздух.

— Что? — воскликнул он, суча ногами, как перевёрнутый жук.

— Ты никогда не нравился мне, Доминатор Девяносто Шесть, — сказал ему Альфа. — Портишь мое либидо.

— Но я лучший! — вскричал Доминатор. — Я лучше всех. Я настоящий самец, погляди на мои рейтинги в коллективных играх! Выше только те, кто жульничает!

— Никогда не понимал, что ты во мне делаешь, — с легким презрением проговорил Альфа. — Так себе жертва, но более подходящего повода избавиться от тебя, просто не придумаешь.

Он схватил Доминатора за трясущуюся ногу. Коротко протаскив его, Альфа отдал интерпретацию колодцу. Истошно вереща, образ сгинул в страшной бездне.

— Теперь вы, — Альфа сделал приглашающий жест.

Аппендикс, трагично шмыгнув носом, пожертвовал гогочущий череп неандертальца. Оставалась только Котожрица. Она стояла там, где ее ссадил Альфа. Бледная и сгорбившаяся.

— Девочка, — позвал Альфа.

— Я не хочу.

— Ты долж...

— А я не хочу! Это чудовищно! Тебе легко говорить, у тебя этих интерпретаций пруд пруди. А у меня совсем немножко.

— Сколько?

— Ну, может быть несколько тысяч.

— Сколько?! — возопил Аппендикс. — Да это в сотню раз больше, чем у меня.

— Но они все нужные! Все до одной! Не отдам!

— Если будешь так себя вести, то долго в рыцарях не удержишься, — заметил Альфа. — Как же твоя присяга?

Девушка закусилла нижнюю губу и гордо выпятила грудь. Аппендикс вновь громко шмыгнул условным носом. Альфа с полуулыбкой смотрел, как рыцарь кошачества приближается к нему, глядя прямо в глаза. Так она и остановилась, грозно посверкивая зеленым.

— Вот, — она выставила мизинец из побелевшего кулака. — Сделай это. Только быстро. Я готова на все ради своих друзей.

Альфа важно кивнул, едва сдерживая хохот. Аккуратно взявшись за предложенный палец, он потянул на себя, а потом резко дернул, чтобы не растягивать боль.

— Твою ж фантазию! — воскликнул он ошарашено.

— Никогда не видел ничего прекраснее, — подхватил Аппендикс.

Черноволосая и бледнокожая королева страсти, смотрела на них, поглаживая соски, пробитые пирсингом. Длинные ноги страстно сдавливали тугие чулки, над краем которых соблазнительно выпирала молодая плоть. Кроме чулок на образе больше ничего не было. Кроме ошейника с кольцом для поводка.

— Богиня, что вы делаете сегодня вечером? Я знаю отличный храм неподалеку...

— Так, ну хватит! — воскликнула взбешенная Котожрица, вынув мизинец изо рта. — Мальчишки, немедленно избавьтесь от нее!

— Но...

— Немедленно! Она воплощение порока!

Синхронно вздохнув, мальчишки взяли интерпретацию Котожрицы за руки и оттащили к жертвеннику.

— Мое условное сердце разрывается, — пожаловался Аппендикс, глядя вниз.

— Когда-нибудь я еще раз дерну ее за мизинец, — прошептал Альфа.

— Что вы там шеп...

Котожрица не успела закончить. Базальт с грохотом сомкнулся. Колокольный звон медленно стих, а серафимы опустили рожки.

— Благодарим вас за правильный выбор собственных убеждений, — торжественно провозгласило табло нестройным хором. — Вы можете войти, не соблюдая правил. Администрация решит, каких именно.

Врата подались назад, тени заиграли на барельефах, оживляя силуэты. Проявившееся герои Бессилия сложили руки в приглашающих жестах. Спокойная музыка добралась до слуха пришельцев.

— Отлично, — произнес Аппендикс. — Но это было только начало.

— Ты уже бывал здесь? — спросила Котожрица.

— Нет, миледи, но слышал достаточно. Внутри нас ждет изощренная правда и беспардонная истина.

Альфа неопределенно хмыкнул. Троица вошла внутрь, бросая по сторонам взгляды, полные любопытства. Альфа, не удержавшись, нырнул вперед, но быстро взял себя в руки. Внутри администрация оказалась хорошо и богато обустроенным офисным центром, где сновал легион занятых клерков. Беспреданно звонили телефоны, терабайты данных бежали по кабелям, покрывающим потолок и стены. Хлопали двери, кто-то кричал, вопрошая. Ему отвечали, собирая с пола рассыпанные бумаги.

Врата позади глухо захлопнулись, и Котожрица непроизвольно схватила прима за локоть.

— Куда теперь? — спросила она.

Вместо ответа Альфа поймал за шкурку пробегающего мимо клерка. Тот забился как треска, но вырваться, конечно же, не смог.

— Нам нужен Только Воздающий!

Образ молча трепыхался. На глазах его от напряжения выступили слезы.

— Ты понимаешь, что я говорю?

Молчание.

— Пожалуйста, отпустите его, — сказал спустившийся сверху архангел. — Он скромн.

Сияния при его появлении не было, но вот наряд блистал. Деловой костюм сидел как влитой, даже прорези для крыльев не убавляли эффектности. Он поправил маленькие,

аккуратные очки и продолжил:

— Рад приветствовать вас, друзья Бессилия. Мое имя — Гектор. Я уполномочен сопровождать вашу миссию в лоне Полиса. Великой Администрации.

Альфа оттолкнул клерка.

— Мы хотим увидеть Только Воздающего. Немедленно.

— Это преждевременная и очень нетактичная просьба, — вежливо ответил Гектор. — Мы не можем просто так допустить вас до его мудрости.

Альфа хотел было крикнуть: «нет можете, ведь у вас пока на месте ноги и руки, а вот потом, если я рассержусь не на шутку, вы действительно будете испытывать проблемы даже с тем, чтобы под себя сх...» Но Аппендикс схватил его за локоть.

— Спокойно, — прошептал он. — Играть будем по их правилам.

— Правила могут поцеловать меня в жопу. Мне проще устроить тут бедлам.

— Понимаю. Капельку терпения, уважаемый прим. Могу я просить об этом? Мы готовы к любым процедурам, — сказал он уже Гектору. — Извините нашу нетерпеливость.

— Легко, — улыбнулся архангел. — Прошу, следуйте за мной.

— Их задача — рассказать нам как можно больше правды, — продолжал шептать Аппендикс. — Это значит — подписать на все формы бессилия, которые только существуют в Полисе. Мне стоит уточнять, что число — астрономическое? Нет? Я так и думал. Готов поспорить, что мы первые посетители за долгое время, так как они привыкли работать с клиентами удаленно. Это в свою очередь значит, что просто так нас отсюда не выпустят. Мы уже, считай, пленники.

— Поглядим, — процедил Альфа.

— Именно, мой прим, именно. Время работает на нас, потому что, чем больше я гляжу по сторонам, тем больше у меня идей.

Они последовали за архангелом в огромное фойе, с несколькими уходящими вверх этажами. Облагороженное вьющейся растительностью, мягкой мебелью и красивыми витринами, в которых лежали пожелтевшие мощи. Котожрица остановилась перед самой длинной, выполненной из чистого хрусталя. В ней рядком лежали подсохшие головы.

— Это священные останки самого Леондонна Чудотворца, — с удовольствием подсказал Гектор. — Всего известно тридцать восемь его голов, но только эти одиннадцать — подлинные.

Котожрица покивала, вопросительно глянув на Аппендикс. Никаких вопросов, — предупредил тот одними условными губами. Девушка отошла от витрины, вернувшись к надежной позиции у локтя Альфы.

— Мы строжайше чтим наследие наших героев, — с теплотой и ноткой меланхолии, говорил Гектор. — Леондонн в одиночку смог разработать и реализовать восемьдесят пять культовых схем. Не все они прижились, но результат, согласитесь, впечатляет. Благодаря его работе, идеей Бессилия прониклись миллионы людей и сонмы образов. Ах, старик, Леондонн. Ты был лучшим из нас. Вечно озаренный...

Архангел помолчал, растроганный. Потом сказал:

— Идемте дальше. В конце концов, мы здесь для того, чтобы почтить его труды не только словами.

Архангел повел их дальше, в боковой коридор. Тот петлял, изворачивался, подкидывая поворот за поворотом. У Альфы была фотографическая память, но даже он в какой-то момент понял, что может не выбраться назад в одиночку. Все это время Гектор рассказывал

им об успехах распространения Бессилия, новых веяниях и модных сектах, финансовых перспективах и прочем. Показывал комнаты для онлайн-тренингов, где его крылатые коллеги вели конференции по сети, удерживая внимание десятков начинающих божков.

Остальные двери, таинственно приоткрытые, часто охраняли парни в красном. Альфа сразу узнал их. Насмешливо скривив губы, он сделал вид, что кидается на одного из них. Страж подскочил на месте, осеняя себя эзотерическими жестами. Прим плюнул ему под ноги, оставив в покое.

— Плюйтесь, сколько вашей душе угодно, — послышалось мягкое разрешение Гектора. — Вы желаете увидеть нашу активную лабораторию?

— Всегда мечтал, — быстро сказал Аппендикс.

Не стовариваясь, Альфа с Котожрицей, ущипнули его, заворчав, но тот и условным ухом не повел. Архангел вывел их к тяжелой стальной двери, на которой висел знак ментальной опасности. Мозг на перекрещенных пилах.

— Защитные шапочки, — потребовал Аппендикс. — Живо.

Гектор заметно расстроился, вздохнув.

— Как скажете, — произнес он, доставая из шкафа несколько шлемов из фольги. — Но истинные друзья бессилия никогда бы...

— Не путайте нас со своими регулярными клиентами, уважаемый, — перебил архивариус. — Мы пришли сюда разделить ваш опыт, а не танцевать на курганах при свете луны.

Надежно защитив головы, все четверо вошли внутрь лаборатории. Аппендикс издал неясный булькающий звук. Котожрица судорожно вздохнула. Даже Альфа покрылся брутальными мурашками.

— Узрите! — воскликнул Гектор, восторженный. — Перед вами Большой Геологический Версификатор. Мощь его велика.

Вышеназванный механизм представлял собой огромную установку, похожую на игровой автомат. С той лишь разницей, что вращающихся барабанов с результатами на нем было столько, что для считывания и обслуживания к Версификатору была приставлена армия образов. Он занимал почти весь зал лаборатории: десятки метров в высоту, еще больше в ширину. Сработан из современных материалов, перемежающимися с древесиной и камнем.

Но пугала в нем не уродливая архитектура, а его жуткое устройство. В основании БТВ ярко светился стержень сильно излучающего элемента. Закрытый несколькими слоями толстого экранирования, он словно игнорировал его, прекрасно видимый.

— Это что, извлеченный из реактора стержень? — спросил Альфа, бешено поглядев на Гектора. — Это чудовище работает на Глупости?

— Мы предпочитаем термин «всеоткрытость», — невозмутимо ответил Гектор, с нежностью глядя на БТВ. — Нужно быть свободным от предрассудков, противоречивых сведений и сомнений, чтобы принять истину.

— Теперь и я начинаю ненавидеть это слово, — пробормотал Аппендикс.

— Да, мы извлекли этот стержень из реакторов Всеоткрытости, — Гектор подошел к машине вплотную. — Но вы только поглядите, какие перспективы это перед нами открыло.

С правой стороны, в маленькой кабинке, сидел образ в бурой хламиде. Его почти не было видно из-за перекрученной ленты желтого пергамента, которая выбивалась наружу беспорядочными петлями.

Образ отвлекся от своей писанины, и согнал бумагу с небольшого рычага. Взявшись за

него костлявой десницей, образ резко дернул вниз, а потом отпустил. Что-то негромко провернулось в машине. Она задрожала, разогреваясь. Металлически шелкая, прокрути-лся первый барабан. За ним второй, третий, — вскоре БТВ гремела не прекращая, едва не отрываясь от пола. Стержень сверкал и переливался, заливая пространство желтым сиянием.

Альфа закрыл Котожрицу своим телом, выставив глупости спину. Аппендикс стоял, не прячась, сложив условные руки на груди. Улыбка не покидала его условного лица.

Когда все барабаны провернулись, машина одышливо застонала, скрежеща внутренностями. Образы в балахонах, засуетились, занимая ее помосты. Они внимательно изучали символы на барабанах, копируя их на восковые дощечки.

— Когда Леондонна скосила прогрессирующая научность мозга, мы поняли, что даже лучшие из нас не застрахованы от этой проказы, — горько проговорил Гектор, все поднимая тон. Последнее слово он почти выкрикнул. — Мы заменили ненадежный живообразный фактор механическим. Научность здесь работает против себя! Великий триумф наш! Мы разбили все культовые схемы на отдельные элементы, которые теперь подбираются случайным образом. На ваших глазах, родилась новая теологическая база! Она уже облучена всеоткрытостью, так что способна укоренится в разуме, перестраивая его под себя. Позвольте, я кратко зачитаю ее вам. Имя нового божества: Дельта Тысяча Восемьдесят Два. Он человекообразная щетка, живущая на призрачной планете в глубинах второстепенного космоса. Создал мир за два часа, плюс десятиминутный перерыв на войну со злом. Зло не побеждено до конца. Верующим нужно помочь Дельте достичь конечного просвещения решительными жертвами!

Гектор упал на колени, рыдая от восхищения. Крылья его трепетали, порываясь в воздух. Образы затянули тяжелыми голосами что-то совсем уж фанатичное. Машина взрыкивала, остывая. Враждебное сияние стержня ошупывало пространство, постепенно слабей.

— Эти шапочки ни хвоста не помогают, ведь так? — спросила Котожрица, прижимаясь к Альфе. — Спасибо, что защитил.

Она благодарно поцеловала его в щеку.

— Не за что, малышка, — хрипло ответил прим. — Клянусь фантазией, моя спина вскоре облезет.

— Защитные шлемы рассчитаны на кратковременное пребывание рядом с Глупостью, — объяснил Аппендикс. — А эти ребята, по-моему, уже прожарились до основания.

— Вы должны увидеть это, — вдруг сказал Гектор. — Должны ощутить! Снимите защиту. Отдайтесь Всеоткрытости.

— Та-а-ак, — протянул Аппендикс. — Похоже, зря я решил полюбопытствовать. Но ведь такой шанс. Разве еще будет?

Архангел странно преображался. Его деловой костюм облез, обнажив слой древней и заскорузлой грязи, почти кристаллической и твердой как броня. Крылья оказались фальшивыми наростами, они шелестели угрожающе, словно погремушка змеи. Лицо оплыло, потеряло прекрасные черты. Вместо глаз набухли пористые шишки, рот раскрылся вертикально, подвижной четырехстворчатой щелью.

— Вам. Должно быть. Интересно.

Прокряхтела тварь.

— Агент Ограниченности, — мгновенно определил Альфа. — Уходите. Я его задержу.

— В ухо себе запихни свои пафосные реплики! — воскликнула Котожрица. — Мы

будем держаться вместе!

— Он не отстанет, — хладнокровно произнес прим, выходя вперед. — Девочка, ты ничего не знаешь о настоящих драках. Бегите дальше. Вы обязаны найти Только Воздающего.

— Он правду говорит, — согласился перепуганный Аппендикс. — Ни черта мы не сможем в драках, жрица. Пойдем.

Архивариус взял девушку за руку. Та дернулась, но ее остановил взгляд прима.

— Я вернусь, — пообещал Альфа. — Заприте за собой дверь! Не дадим поднять тревогу.

Котожрица, краснея, поддалась усилиям архивариуса и побежала вон из лаборатории. Альфа, приняв первый удар агента, отшвырнув назад стремящуюся тушу. Тяжело отступив, тот бухнулся на пол, и злобно заклокотал, шелестя отрезками. Образы, оставляя машину, посыпались вниз, как горох. Капюшоны спадали с них, обнажая шишки и вертикальные пасти.

Альфа заревел от предвкушения. Воинственные интерпретации рвались из его груди. Он подпрыгнул, бросаясь на Гектора. Жуткие удары сокрушали бронированные пластины.

— А-та-та-та-та-та-та-та! — кричал Альфа и удары его сыпались непрерывно.

Агенты бросались на дерущихся сверху, тут же отлетая в стороны, но не сдаваясь. Вскоре прим скрылся под грудой ревнивых служителей БТВ.

— Альфа, — всхлипнула Котожрица, обернувшись в последний раз.

Аппендикс осадил подбегающих к ним агентов примерами из математики за четвертый класс, а третьему скороговоркой рассказал теорему о равнобедренном треугольнике. Нападающие отступили, зашипев.

Затем, он как истинный джентльмен, раскрыл перед рыцарем кошачества дверь, и нырнул следом.

— Закрывайся, — частил он, терзая клавишу на панели управления.

Котожрица с криком всадила ручку гребешка в шишку агента, который пытался затащить ее обратно. Монстр застонал, отпуская рукав, и тут дверь отсекала его голову. Бурый трофей стукнулся об пол, немного прокатившись вперед.

Аппендикс, тем временем, сорвал панель и принялся рыться в проводах, невнятно бормоча.

— Красный шлейф... синий... зеленый. Может быть эта плата? Клянусь правдой, в тот раз нужно было прочитать дальше вступления!

Котожрица встала рядом, утирая слезы.

— Что ты... ик... делаешь?

— Пытаюсь заклинить дверь, вот что! Но я не знаю, что тут нужно разломать...

Котожрица молча схватила пучок самых толстых проводов и рванула их на себя. Полетели искры. Дверь было двинулась в сторону, но потом закрипела и встала, как вкопанная. Осталась только крохотная щель, в которую битва выстреливала свои звуки.

— Гениально, — выразился архивариус. — И как я сам не догадался?

— Меня Альфа этому научил, — Котожрица была мрачна как реквием. — Он мне как... Аппендикс, мы должны найти Только Воздающего! Никакого отдыха, бежим прямо сейчас.

— Никакого? — с надеждой переспросил архивариус, уже начиная сползать по стене.

— Поднимайся на ноги, солдат! — приказала рыцарь, небрежно вытаскивая гребешок из головы. — Мы, стрелять, единственная надежда нашего друга!

— Твое невежество изнуряет.

Аркас сидел один посреди каменистой степи, а на него, не мигая, смотрела галактика. Ее глаза помаргивали далекими светилами. Дыхание ощущалось в камнях. Мысли роились в разноцветных туманностях.

— Ты понимаешь, к чему стремишься?

Журналист услышал скрежет камней. Кто-то подошел к нему сзади и тоже сел. Спиной к спине. Человек почувствовал узкие лопатки. Легкую дрожь.

— Есть ли в твоих действиях хоть какой-то смысл?

Эти вопросы беспокоили галактику. Она откликнулась на них вспышками сверхновых. Даже камни шевелились, когда незнакомец вопрошал. Никасу нечего было ответить на них. Разве что:

— Я хочу выбраться.

— Откуда? — сразу же спросили позади.

— Из этого положения.

— Каково твое положение?

— Я галлюцинирую. Я болен.

Дрожь усилилась. Невидимый собеседник то ли плакал, то ли смеялся. Аркас подумал, что, может быть, тот просто умирал.

— Как я буду сражаться с тобой Никас Аркас? Как, если ты не враг мне?

После этого они долго молчали, наслаждаясь тишиной. Каждый по-своему. Галактика тихо звучала, дожидаясь продолжения диалога.

— Ты Одиночество? — спросил Никас.

— Я всего лишь его Пророк, — скромно отозвался незнакомец. — Меня обзывают именем страсти, просто потому, что не могут постичь ее суть. Ты можешь называть меня как хочешь. Но из вежливости, я предложу тебе свой вариант. Например: Максиме.

Только после этого Никас понял, что, почему-то не смог сразу уловить тембр голоса. Ему отвечала женщина. Голос был хрипловатый, но приятный.

— Красивое имя, — произнес Никас с какой-то рефлекторной галантностью. — Означает...

— Большинство, да. Многим хочется назвать себя самым одиноким человеком на земле. Они думают, что это титул, влекущий привилегии. Общество, похоже, обязано выплачивать им компенсации за уединенность. Но одиночество им даже не снится. Они всегда в мыслях о ком-то. Истинная заброшенность, это отречение от всех надежд. Самопомазание на путь в абсолютной глуши. Где последний маяк... стоит в стороне.

Они снова замолчали. Аркас почувствовал, что Максиме коснулась затылком его шеи. Он колебался: ответить ли?

Решился.

Женщина задрожала сильнее, когда он коснулся ее бритой макушки.

— Я не знаю, что ты задумал, — прошептала она. — Но если со Дна есть выход... Найди его. Я хочу, чтобы ты дошел до конца.

— Почему?

— Потому что я хочу увидеть, на чью сторону ты встанешь.

Стало совсем невмоготу. Аркасу казалось, что его швыряет из кошмара в кошмар. Он ждал теперь не выздоровления. Вернутся в мир, где он куда-то двигался, вот чего хотел человек. Настолько знакомой ему показалась неволя, в которой он оказался.

Щербатые стены, хрустящий пол, безумие во тьме. Выход был напротив. Там застыло в воздухе пятно света, неровно рассеянное арматурой. Грудь онемела. Никас подумал, что у него останавливается сердце. Он глубоко задышал, глотая крик. Постыдный вой. Рыдания.

— Максиме, — произнес он, медленно разгибаясь.

Он сориентировал себя этим именем. Каждый раз все приходилось вспоминать заново. Кто он такой. Откуда пришел. Что здесь делает. Сложнее только вспоминать сны.

Никас зарычал в темноте, словно продрогший зверь. Девел, Альфа, Негатив. Последний маяк... Стоит в стороне. То, что между крайними точками всегда как будто заматывает песком. Никас буквально постучал себе по голове, чтобы пробить скорлупу беспамятства.

— Роман... Роман!

Ему никто не ответил. Через несколько секунд за дверью что-то шевельнулось. Тяжело и неохотно. Регулируя свою жалкую позу, Никас даже не заметил как оконце робкого света — пропало.

— Кто здесь? — спросил журналист шепотом.

— Замолчи, мер-р-рзкий тестикуляр, — прорычало нечто.

Это странное обращение озадачивало.

— Кто-кто?

— Презренный носитель сексизма и оскорбительных органов.

— Я?

— Самодовольный трутень, паразитирующий на трудолюбивом женском сообществе.

— Чего?

— Считаешь меня своей рабыней?! — вдруг взревело нечто. — Мерзкий угнетатель!

На секунду мелькнул свет, — Никас спиной отыскал стену, ожидая чего угодно. Что-то металлическое заскрежетало снаружи, потом бешено ударило в дверь, нечленораздельно угрожая. Аркас приготовился к очередной драке с чем-то невероятным.

Роман выручил его и на этот раз.

— Дентата! Дентата остановись! Он не такой как остальные!

— Они идентичны! Все до одного!

— Нет, этот — друг нам. Он из меньшинств.

— Чего? — скромно переспросил Никас.

— Он смог раскрыть в себе священный потенциал женской природы!

Существо недоверчиво сопело, чем-то пощелкивая. Журналист понял, что от него ждут доказательств.

— В моем паху сосредоточено великое зло! — крикнул он воодушевленно. — Паршивая стигма, которая убивает во мне человека. Но я не сдаюсь, следуя совести.

— Ищешь ли ты в себе способность к всепрощению, которая доступна только фемине?

— Неустанно! — почти не соврал Никас.

— Понимаешь ли значение равенства между полами?

— Никаких уступок и компромиссов. Фемина — колыбель права, тестикуляр —

немошные жрецы обязательств.

Его тюремщик засопел громче, утробно взрыкивая.

— Ладно, — произнесла она нехотя. — Ты можешь быть при мне. С чем ты пришел, Ригель?

— Сопротивление готово выслушать его. Пожалуйста, отопри дверь, прелестница.

Сопение участилось. Никас даже уловил в нем нотку смущения.

— А, льстец! — загремели ключи.

Камера обнажила тесноту. Защищаясь от света жестом загнанного вурдалака, Никас громко чихнул.

— До чего страшненький, — произнесла Дентата презрительно. — Выметайся.

Роман бросился к отцу. Подлез под руку и потянул вверх. Аркас осилил стоячее положение, ласково потрепав шевелюру мальчика.

— А ты неплохо импровизируешь, — прошептал тот. — Она приняла все за чистую монету.

— Для такого ушлого тестикуляра как я, это было несложно, — проговорил Никас, привыкая к свету.

Он вздрогнул, когда за ним захлопнули дверь и жарко задышали над макушкой. Никас медленно повернулся к Дентате. Это был могучий двухметровый образ с невыразительными феминными чертами и странной анатомией левой руки. Вместо кисти на ней угрожающе щелкали ржавые ножницы. Плотная кожа рдела пятнами. На голове сидел серебристый шлем, с изукрашенным забралом в виде умиротворенного женского лица. Розовые бутоны обрамляли его. Из полых ноздрей вырывались струи влажного пара.

— Я слежу за тобой, тестикуляр, — пророкотало это нежное лицо. — Любое неуважение ко мне будет пресечено и сурово наказано.

Помимо шлема на Дентате ничего не было, кроме набедренной повязки из скальпированных бород. Никас не мог сказать, хорошо это или плохо. В текущих обстоятельствах, последнее, что могло его посетить, было сексуальное возбуждение.

— Чрезмерный зрительный контакт! — вдруг заголосила Дентата.

Никас едва увернулся от лязгнувших ножниц.

— С ума спятила? — не выдержал он.

Любой мужчина имеет право на такой вопрос, когда ему пытаются отстричь гнусное свидетельство антифеминной природы.

— Патриархальное давление, гендерные стереотипы! — не унимался образ.

— Мария Кюри, Розалинд Франклин, Рейчел Карсон, — воззвал к ней Ригель.

— Ада Ловлейс! — тут же подхватила Дентата.

— Даешь равноправие, — рискнул Никас.

И не прогадал. Ему отвесили оплеуху, от которой он повалился на стену, после чего Дентата убежала, мило хохоча. Журналист стоял, закрыв нижнюю половину лица ладонями. Ригель вздыхал. Известняковые стены осыпались.

— Вопросы? — подал голос Роман.

— Нет, — просто ответил Никас.

— Она вызвалась сторожить тебя.

— Что вообще происходит?

— А говоришь, вопросов нет.

Журналист вздохнул.

— Ригель.

— Если коротко, мы достигли Минус-Я.

— Что это значит?

— Минус-Я, это смерть самооценки. Антиэго.

Аркас, скребнув по щетине пальцами, обрушил вниз руки. О, как они болели сейчас. Они, наконец, обратили на себя его внимание. Он держался за поручень, неслышно вопя от страха, пока дьявольский лифт легко набирал космические скорости.

Ноги под потолком.

Журналист машинально ощупал колени.

— А где остальные? — спросил он, с надеждой, что ответ будет печальным.

— Разбежались, — ответил Роман. — Но Шок сказал, что будет ждать тебя.

— Хорошо. На самом деле я предпочел бы, чтоб их размазало, но тогда придется остаться здесь навсегда.

Он помолчал.

— Что это было за безумное чудовище...

— Стоп, стоп, стоп, — перебили его. — Твое высказывание страшно некорректно. Это был смелый и отважный дух феминизма. Он просто защищался от твоего заскоружлого сексизма и агрессии.

Аркас открыл и закрыл рот.

— Я шучу, — улыбнулся Роман. — Это безумное чудовище, как ты верно выразился, худший кошмар для настоящего равенства. Он проистекает из ненависти, посторонних обид и...

— Одиночества, — продолжил Никас автоматически.

— Верно. Скажи, а ты видел его?

Вместо ответа Никас оскалился, вспомнив прикосновение ее затылка. Эта... Пророк. Она что-то пробуждала в нем. Играла с темнотой в его душе. С монстрами, которые там затаились. Девел говорил, что в пещере на них напал негатив. Значит и в нем поселилась порча. Она не завладела им, но росла и змеилась, пробиваясь в сознание.

— Я говорил с ним, — признался он. — Не могу сказать, что это было приятно.

Роман сочувственно погладил предплечье отца.

— Ты сильнее, чем думаешь. Чем они ожидают. Негативу не взять тебя.

Эти слова не могли помочь Никасу обрести душевный покой. Он знал, однако, что лучше испытывать гнев, чем отчаянье. Оптимизм — что-то сказочное, давно забытое. Гнев был его оружием. Если негатив поселился внутри, то Аркас будет использовать его, а не наоборот.

Выяснилось, что камера Аркаса была здесь не единственной. Никас, однако, был заперт в чем-то вроде изолятора. Одиночки. Остальные темницы были забраны решетками. Они шли по обе стороны некомфортно узкого коридора. Узники, сидящие друг напротив друга, могли бы при желании, коснуться пальцами, вытянув руки. Каждая камера была обжита и тщательно охранялась своим хозяином. Стоило Аркасу чуть приблизиться, как сгорбленные образы, обитающие за прутьями, тут же запирались на все замки, звеня огромными связками ключей.

Когда опасность проходила мимо, они, постанывая и ропща, отпирали их, чтобы глядеть вслед, приоткрыв жаждущие рты.

Никас, ожидавший неприятностей, беспокойно оглядывался.

— Не бойся, — сказал Роман. — Это Стонущие, паства Омеги. Они боятся ответственности и поэтому запирают себя в клетках отговорок, неуверенности и самообмана. Если их не хвалить, то они безвредны.

— Хвалить?

— Да, как и Омега, они крайне зависимы от одобрения. Это дает им возможность еще больше капризничать, стонать, запираяться, возражать... И в тайне наслаждаться самоотречением.

Аркас остановился возле одной из камер. Ее обитатель, обмотанный в пахучее тряпье, забился в угол и тихонько всхлипывал, ковыряя ногтем грязный пол.

— Ты способен на большее, — сказал Никас.

Он произвел бы меньший эффект, если б закинул в колодец наступательную гранату. Стонущие, все как один, бросились к прутьям, вереща вразнобой, отказываясь от своего потенциала, кляня Никаса, кляня себя, рыдая в голос и саркастически хохоча одновременно.

— Остальные в двадцать пять покупают собственное жилье и растят второго ребенка! — роняя пену, орал потревоженный Никасом. — А я вчера в первый раз сходил без родителей в больницу. Я такой ничто-о-о-о-ожный!

— Господи!

Никас, сбрасывая пальцы, рвущие его штанины, оттолкнул роман к выходу.

— Ну и дела, — добавил он абсолютно обескуражено.

— Это, по-твоему, было забавно? — грозно спросил Ригель. — Мы собираемся дойти до сопротивления, или сгинем тут, с этими маньяками? Я предупреждал тебя! Если ты выкинешь что-нибудь подобное с Омегой, то нам обоим — крышка! Ты понял меня?! Каюк! Амба! Досвидос! Ты хочешь утонуть в соплях?

Аркас мизинцем проверил дыру на штанине, которую вспороли нестриженные ногти.

— Нет, — ответил он. — Не хочу. Больше никаких экспериментов. Клянусь.

Теперь Аркас начал понимать, что ждет его впереди. Его пытались убить дважды, а ведь Анти-эго только начало открывать свое гадкое нутро.

Роман повел дальше, ворча и третируя. Они вошли в сложно устроенные подземелья. Непредсказуемая архитектура хаотично расставила арки, площадки и мосты. Широкие плато нависали над узкими тропками, древние ступени осыпались, предупреждая об опасности. От неизвестных вкраплений по камням пробегали рыжие искры. Затопленные ниши отражали высокий потолок, на котором были вытесаны гротескные картины. На многих фигурировал гигант, окруженный армией костлявых тварей негатива. Он разил их, но с каждой новой сценой все больше становилось врагов, пока гигант не скрылся вовсе. Потом Аркас видел лишь нескончаемые изображения демонов. Казалось, они рвались на волю из своих барельефов.

Они добрались до сумрачного грота, который перечеркивала бездонная расщелина. Ее края были покрыты слоем белых кристаллов, скрипящих под ногами.

Аркас остановился, в нерешительности. Моста не было. Не было никакой возможности преодолеть это препятствие. Он подошел почти вплотную к темноте, что жила внизу.

Соль?

От одного взгляда вниз, у него закружилась голова.

— Отойди, — прошептал Роман сдавленно. — Он приближается.

Никас повиновался, ступая назад.

Из расщелины донесся плач, тоскливый и отчаянный, будто умирающий звал свою

судьбу, страдая от невыносимой боли. Из темноты показались плывущие вверх пузыри. Они были наполовину наполнены густой жидкостью. Достигая острых сталактитов, пузыри лопались, брызгаясь во все стороны. Камень шипел и дымился, словно его терзала едкая кислота.

Затем из расщелины выпорхнула плотная стая бумажных салфеток. Словно нетопыри, они громко шелестели мягкими крыльями, разлетаясь вокруг. Оставляя на камнях потрепанные останки, салфетки устремились прочь из грота. Аркас закрылся руками, чувствуя, как бумага облепляет его.

Повелитель стенаний медленно поднялся над расщелиной, и та закрылась за ним, словно исцеленный шрам. Оказалось, что Омега создал ее одной лишь силой самоуничтожения. Он был бледен и худ, но живот раздулся от сомнений. Длинные волосы прилипали к влажным щекам, маленький подбородок нервно дрожал. С него стекали соленые струйки. Все тело Омеги было покрыто мутными кристаллическими наростами.

Его окружала мощная сфера негативной энергии. Чистое отрицание, трусость и пессимизм надежно защищали мастера жалоб от внешних воздействий.

— Омега, — Ригель кивнул без всякой приветливости. — Мы пришли, что бы предложить вам помощь одного из создателей. Объединившись, мы можем найти выход в другие миры.

Божество депрессий издало тоненький вой.

— Не-е-ет. У нас с вами ничего не получится. Миром правят наглецы и бездарность. Деньги, похоть и тщеславие. Такие как я, скромные, честные, открытые — никому не нужны-ы-ы...

Он зарыдал, содрогаясь. Аркас почувствовал болезненные импульсы чего-то омерзительного. Принц уныния, словно радиоактивный изотоп, испускал капризные омега-волны.

— Все девушки — меркантильные суки, — продолжал Омега, наращивая частоту. Его живот мелко дрожал, а слезы хлестали не переставая. — Им нужны деньги и покровительство. Настоящие чувства — для них потеряны. Моя любовь — пустой звук.

Депрессивная радиация усиливалась. Аркас наполнялся отвращением. Роман кривился, переносил боль.

— Талант отныне никого не интересует. Все погрязло в кумовстве и блате. Потребитель жрет, что ему дают. Куда податься тем, кто идет против тенденций и моды? Скромным одиночкам, готовым искать...

Аркас не выдержал.

— Клянись фантазией, да заткнись же ты! Заткнись!

Одержимый импульсом, он подхватил с пола камень и швырнул его в герцога ничемности. Пузырь отречения поглотил удар, но Омега действительно замолчал. Слышались только частые всхлипывания.

— Ты худшее из всего того, что я видел здесь, — сказал Аркас, кипя. — Во всяком случае, пока.

— Конечно, — легко согласился Омега. — Меня никто не любит. Все поклоняются моему брату, который демонстрирует недостижимые идеалы.

— Твой брат? — переспросил Аркас. — Альфа? Он твой брат?

— Да. Мы никогда не виделись, но я знаю, что он нечестным путем обрел такую популярность. Ведь настоящие герои не должны привлекать внимания. Ты должен делать

добро молча, потому что слова...

Тут уже не растерялся Роман.

— Все, достаточно! — отрезал он. — Нам не интересно. Найди остальных и оставайся с ними. Все понятно? А теперь — вон.

— Ладно, — печально согласился Омега.

Он медленно уплыл, растворившись во мраке.

Роман благодарно посмотрел на журналиста.

— В этот раз ты выручил нас обоих, — сказал он. — Он застал меня врасплох. Слишком много нитья для нормального восприятия.

Аркас потрепал его по волосам.

Покинув грот, они вышли в новую часть подземелья, которая выглядела более облагороженной и логичной. Стены здесь были ровными, как и пол. Поверхности были выложены бурым кирпичом. В неглубоких нишах тлели мумифицированные останки. Кто-то оставлял возле них подношения. Сухофрукты, вяленые овощи и семена.

Аркас шел мимо, прислушиваясь. Впереди что-то происходило. Неоднородный шум, поначалу бессмысленный, оказался приглушенным пением. Это был хор, состоящий из великого множества голосов, вдохновленный, почти благоговейный. В нем ощущалось что-то глубоко религиозное. Хвалебное.

Никасу это нравилось еще меньше, чем нитье возведенное в абсолют. Он никогда не любил фанатиков, не доверял им, и был по-своему прав. Достаточно было вспомнить, кто упрятал его сюда.

— Что на этот раз? — спросил он. — Какой-то культ?

— Можно и так сказать, — уклончиво произнес роман. — Сейчас увидишь.

Они миновали высокую арку, оказавшись у порога неясного сооружения, видимая часть которого напоминала что-то средневековое. Пение было уже хорошо различимо. Аркас прислушивался к нему, замечая нечеловеческие нотки. На богато украшенных воротах, из темного дерева, были вырезаны сложные композиции с анималистическими и растительными мотивами.

Над воротами хорошо различимая надпись гласила:

«Откажись от плоти, неуверенный, и заходи».

— Что это значит? — спросил Аркас. — Я должен проявить стойкость духа?

— О, тебе придется, — вздохнул Роман, с трудом толкая левую створку.

Никас помог ему. Они вошли внутрь.

Это был величественный неф настоящего собора. С белыми арками и резными колоннами, хорошо освещенный пламенем светильников и облагороженных факелов. Он был чист, гостеприимен и наполнен животными и птицами. Они сидели, словно люди, на длинных скамьях идущих друг за другом. Пасти и клювы механически раскрывались, из блеющих, мычащих и кудахчущих глоток доносилось мелодичное пение. Аркас различал слова благодарности, адресованные Просвещенному.

Разноцветные витражи на окнах изображали человека, принимающего желуды из копыт свиньи. Поедающего клевер вместе с коровами. Омывающего чресла вместе с рыбами. На потолке нефа яркие фрески рассказывали о том, как этот же человек огнем и мечом искоренял скверну в виде говяжьих котлет и выливал в землю галлоны натурального молока.

Звери, в основном, были одомашненными. Но встречались и дикие, вроде оленей, кабанов и уток.

На вошедших никто не обратил внимания.

— Присядем пока, — сказал Роман. — Лучше не прерывать службу.

Они с трудом отыскивали свободные места. Для них потеснился большой откормленный индюк, поминутно трясущий алой бородкой.

Кафедра была довольно далеко. Аркас пытался привстать, чтобы разглядеть того, кто вел служение. Но его тут же осаживали гневным хрюканьем и щебетанием. А впереди маячили рога и гривы.

Наконец, животные замолкли. В наступившей тишине, все еще нарушаемой фырканьем и ржанием, Аркас едва различал болезненный голос, доносящийся с кафедры.

— ...сказал я тогда: нет моему голоду. Убивая — умираю. Человек — выше хищника. Мясо — не пища. Это чужая плоть, какая и моя. Проклятье хозяина ее — посетит хищника. И я отказался. Что бы жив был теленок и жив был гусь, и жива была корова, и жив был кролик, и жив был петух, и жив был утенок...

Говорящий перечислял выживших довольно долго, шепелявя, глотая окончания слов и покашливая.

Аркас начал задремывать, проваливаясь в свои видения, как вдруг что-то вползло ему на щеку. Он рефлекторно смахнул пальцами. Даже не собравшись еще с мыслями, Аркас понял, что произошло нечто непоправимое. Индюк возле него испуганно заболботал. Панически заблеяла овца. Взревел пятнистый бык неподалеку.

На полу валялся полураздавленный паук. Он еще шевелил лапками, но жизнь покидала его.

— Какой ужас! — воскликнула овца.

— Убийство! — вскричал индюк. — О, беспощадное!

Он спрыгнул со скамьи, нависнув над пауком.

— А ведь он был так молод и прилежен!

— Дни мои сочтены, — пропищал арахнид. — Жалею лишь об одном, что не восхвалил Просвещенного еще тысячу раз! Сделайте это за меня...

Лапки расслабились.

— Обязательно, — всхлипнул Индюк.

И склевал крохотный трупик.

Никаса не покидало ощущение жуткой игры в куклы. Все что здесь происходило, кем-то контролировалось, вплоть до отдельной реплики. Как будто один актер озвучивал множество персонажей...

— Какая жестокость, — прохрипел кто-то над головой Никаса.

Тот вздрогнул от неожиданности, но когда увидел говорящего, чуть не закричал. Над журналистом парил истощенный образ, распятый на больших стеблях сельдерея, как кресте. Вместо зубов у него росли блеклые кукурузины, меж которых сочилась зеленая слюна. Ногти и волосы вылезали, как у чумного, глаза едва раскрывались от слабости.

— Ты пришел в обитель братства и милосердия — зачем? Что бы убивать, насмехаясь над нашим порядком? Продемонстрировать свою силу? Она вовсе не там, где истребляют беззащитного. Сила в том, кто отказался, дабы не навредить!

— Не навредить! — запищали звери.

Аркас растеряно поглядел на роман.

— Это Просвещенный, — объяснил тот. — Его жажда внимания приняла форму демонстративного вегетарианства. Он считает, что способен стать лучше, отказавшись от животной пищи, но его суть от этого не меняется. Просвещенный одинок и ненавидит всех, кто не замечает его величия.

Ну, конечно, подумал Аркас. Теперь все ясно. Это его голосом говорят звери. На самом деле они ничего не соображают. Он запер здесь сотни бессмысленных образов и занялся мастурбацией.

— Ах, Ригель, — вздохнул Просвещенный. — Обязательно говорить так резко и прямо? Впервые я вижу демиурга. И как ты меня пред ним зарекомендовал?

— Мы здесь не для того, чтобы слушать, как ты в одиночку борешься с заразой мясоедства, — отмахнулся Роман. — Демиург хочет покинуть Дно. И если вы поможете ему, он, возможно, возьмет вас с собой.

Просвещенный ослабил, демонстрируя лезущие из десен семена. Он с хохотом вознесся к потолку и ринулся вниз, словно хищная птица.

— Вон! — заорал он неожиданно громко и яростно. — Пошли прочь!

Аркас решил было, что спасителя зверей не устроило предложение, но вскоре стало ясно, что Просвещенный гнал вовсе не пришельцев. Животные в панике бросались врассыпную, оставляя на скамьях размазанный кал, клочья шерсти и насмерть раздавленную мелюзгу. Они толклись и кричали, пока их вечный друг пикировал и плевался от ненависти.

Наконец, последний крольчонок юркнул за ворота.

— Возможно, — злобно повторил Просвещенный. — Возможно, твой демиург — профан. По-твоему я приму всякого человека, как единственного мессию? Возможно, трусы и недалекие, вроде Графомании, лижут пятки самозванца. Но я не потерплю пустых обещаний. Если демиург хочет выбраться из нашего мира, то ему придется жертвовать. Ему придется сражаться! И слушать.

Просвещенный одержимо засмеялся, брызгая зеленым.

— Слушать что? — спросил Аркас неприязненно.

— Историю о том, как мы уничтожили наше будущее! — счастливо заорал Просвещенный.

Он взмыл вверх и пропал, оставив лишь планирующие обрывки салата.

— О, как мне это надоело, — пробубнил Аркас в сцепленные ладони. — Когда я уже попаду в мир, где не будет так холодно и так претенциозно?! Хоть кто-то здесь умеет сообщать хорошие новости, а не рассказывать, с надрывом, «как мы уничтожили наше будущее»! Меня уже тошнит от всего этого! От этого безумия, которое зреет тут. Люди, что, настолько растлили сами себя, что не найдется одного-единственного уголка в этой проклятой вселенной, где я мог бы хоть на секунду! Хоть на одну гребанную секунду! Увидеть что-то хорошее! А-а-а-а!

Он еще немного покричал. Потом пнул скамью. Встал и походил взад-вперед, глубоко дыша. Не выдержал, и снова принялся пинать скрипящее дерево. Схватил подсвечник и расколотил его наверх, потушив свечи.

— Мне жаль, что тебе пришлось столкнуться с этим, — произнес Роман, боязливо отстраняясь. — Но, что-то мне подсказывает, — ты увидел только вершину.

— Айсберга? — подхватил Аркас, выбросив подсвечник. — Да, я знаю. Я бы давно разбил голову о камни! Прыгнул бы в какую-нибудь ядовитую концепцию! Прямо в башмаках. Если б не верил, что в этом есть какой-то смысл. Во всех этих испытаниях. Даже в

бреду можно искать нить. Я вроде бы нащупал ее. Но она тонка и постоянно обрывается.

— Расскажи.

— Не могу. Не знаю. Одиночество ключ ко всему. Может быть с ним не надо бороться.

Роман выглядел обеспокоенным и скептическим.

— То есть как это... — прошептал он. — Ты ведь сам говорил...

— Мой дорогой Роман! — вскричал Аркас. — Если есть хоть что-то, в чем я уверен, то это вот что: скорее Шок отскребет от себя засохший кал, чем я приму чью-нибудь сторону в этой заварухе! Я не верю никому! Никому!

Он растер лицо пальцами. Роман сидел очень тихо, не поднимая взгляд.

— Доверие не всегда полезно, — сказал Никас. — Пойдем. Нужно заканчивать с этим.

* * *

Агенты невежества в красных плащах обыскивали здание Администрации. Их крики слышались со всех сторон. Подкованные сапоги глухо и вразнобой стучали, подсказывая Котожрице как избежать встречи с охраной. Острые уши ловили каждый шорох.

Перебежками, скользя за портьерами, укрываясь в нишах и хоронясь между экспозициями древних чудес, она двигалась, как ей казалось, в самую глубь здания. Аппендикс прикрывал тылы. То есть, шумно и одышливо поспевал за ней. Он уже успел ушибить условное колено, порезаться о лист какого-то растения и дважды налететь на инквизиторов. Оба раза его приняли за своего, потому что Аппендикс знал язык невежества и направлял погоню на ложный след.

Котожрица была уверена, что в третий раз у него этот трюк не пройдет и архивариуса рассекут напополам.

— Мы не можем и дальше играть с удачей, — напряженно высказалась она, выглядывая из кладовки, в которой им снова повезло укрыться. — Их становится все больше.

Аппендикс тяжело дышал в ответ.

— А мы движемся наугад.

Сиплое кряхтение.

— Нам нужен план.

Сухой кашель.

— Аппендикс! — шепотом крикнула она. — Возьми себя в руки.

Тот жадно лакал из какого-то ведра, фыркая и постанывая. Потом умыл условное лицо и поднялся с колен.

— Да, — сказал он, смаргивая капли. — План — это хорошо. Отлично. Давай подумаем. Что нам нужно? Узнать, куда двигаться.

Он посмотрел на стену.

— О, отлично.

— Что? — спросила Котожрица, встав позади него.

Архивариус глядел на решетку, притаившуюся у потолка.

— Это вентиляция? — с надеждой спросила рыцарь. — Мы можем проползти по ней?

Аппендикс подпрыгнул и ухватился за прутья, с трудом подтянувшись к пыльному металлу.

— Нет, — сказал он без сожаления. — Клише сегодня к нам не благосклонны. Это

канал для оптических кабелей. У них есть компьютерная сеть. Сервера. Информация. План уже имеется, жрица, нам только нужно его найти.

— И как это сделать?

— Нужно следить за... Я не знаю как эти штуки называются. Не читал дальше первой страницы. В общем, они должны быть видны на стенах. Такие металлические коробочки. Мы будем ориентироваться по ним, пока не найдем хоть какой-то терминал.

— Ладно, — согласилась Котожрица. — Пусть так.

Она чуть приоткрыла дверь и снова выглянула.

— Вроде никого. Пойдем.

«Коробочки» действительно встречались. Жрица подумала, что, наверняка, видела их и раньше, но не обращала внимания. Быстро посоветовавшись с Аппендиком, они решили, что стоит вернуться назад и проверить, нет ли терминалов в более безопасных зонах.

Они все равно едва не попались инквизиторам, но Аппендикс превзошел все ожидания возложенные на него Альфой. Откуда-то из складок своей сущности, он выхватил пистолет, и шесть раз, вопя и вздрагивая, нажал на курок.

Агентов было четверо. Они умирали, испытывая чудовищные страдания. От воплей звенело в ушах.

— Пресвятая Котородица, — едва слышно вымолвила жрица. — Бежим, чего встал? Сюда сейчас слетится вся Администрация.

Аппендикс, всхлипывая, покорно ковылял следом.

— Откуда у тебя эта кошмарная вещь? — спросила Котожрица на бегу. — Ты что, не все рассказал о себе, господин «Перестреляю-вас-всех-к-котовьей-матери?»

— Это исключительно для самообороны! — искренне расплакался Аппендикс. — На крайний случай. Ты ж сама видела, как меня все любят в этом грядском Полисе! Этот пистолет стреляет пулями со сгущенной научностью. Я держал его на крайний случай. И вот он наступил это крайний случай. Надеюсь...

— А что, нельзя было выстрелить так, что б они не мучились? Ты садист?

— Я мало практиковался!

Аппендикс схватил Котожрицу за плечо.

— Стой. Давай в эту арку. У меня хорошее предчувствие.

Они шмыгнули внутрь зала, большую часть которого занимали старые книжные шкафы. Все они были плотно заставлены томами настолько ветхими, что любое движение воздуха снимало с них слои пыли. Это истлевшая бумага уносилась прочь, чтобы витать в воздухе удушливой взвесью.

Котожрица тихонько закашлялась, прикрыв лицо рукавом.

— Тише, — сказал Аппендикс, вытирая слезы. — Тут тоже небезопасно.

Меж шкафов скользили тени. Бронзовые головы, тянущие за собой плотные мантии. Они парили, издавая невнятное бормотание. Стоило подойти вплотную к запретным знаниям, как они тут же бросались на защиту, накрывая шкаф безразмерным куполом своих плащей.

— Тайна, — скрипела голова, остающаяся наверху. — Тайна.

Аппендикс хмыкнул.

— Они так слежались и прогнили, что эти тайны уже никто не узнает. Да и были ли они?

Котожрица поторопила его. Через несколько минут они вышли на открытое

пространство, где огромный светильник озарял пространство окруженное кафедрами. Вокруг лежали стопки книг. Некоторые валялись, открытые. Как и подозревал Аппендикс, их страницы были пусты.

В центре возвышалась фигура образа, облаченного в черную мантию, под которой угадывалось смертельное истощение. Он был неподвижен, молчалив, и стоял у...

— Терминал, — почти взвизгнула Котожрица.

— Ага, — подтвердил архивариус. — И его хозяин.

Быстро посоветовавшись, они решили незаметно подкрасться сзади и обездвижить противника парой хорошеньких ударов по голове. Действуя как мастера засад и войны сумрака, они подобрались к врагу, почти не задевая кафедр и не шурша книгами. А потом набросились, готовые жестоко подавить всякое сопротивление.

Образ развалился у них в руках, выпустив из опавшей хламиды облако прелого смрада. Котожрица взвизгнула, отпрянув. Труп разлагался очень долго, черви прогрызли в нем сотни тоннелей, даже кости выглядели как решето. Череп широко раскрыл почерневшие челюсти. Из правой глазницы сочилось сгнившее мозговое вещество.

В скрюченных пальцах мертвец сжимал руководство пользователя.

— Очень кстати, — Аппендикс схватил книжицу.

Терминал был окован свинцовыми пластинами и связан цепями, толщиной с руку. Сложные печати чистоты сдерживали научность внутри, не давая ей вырваться на волю.

Аппендикс раскрыл руководство на первой странице.

— Так... Поздравляем вас... Удачное приобретение... Вычислительный механизм... Поколение. Вот! Для начала работы, нажмите кнопку «Питание».

— Стойте! — рявкнули позади.

Один из инквизиторов, что были ранены Аппендиксом, стоял, тяжело прислонившись к стеллажу. Черная кровь текла из пробитой головы. Вымочив правый рукав, она скользила по лезвию меча.

— Именем Бессилия, я запрещаю вам!

Аппендикс икнул, начав было поднимать руки.

— С ума сошел?! — осадил его Котожрица. — У тебя остались патроны?

— Немного.

Инквизитор оторвал плечо от опоры и, покачиваясь, пошел на врага.

— Пистолет, быстрее! — скомандовала жрица.

Архивариус запутался в своих складках.

— Быстрее!

Инквизитор с трудом занес над собой меч. Издав воинственный рык, он бросился вперед. Рана запульсировала.

— Я прикрою, включай!

Капсула с научностью снова попала в голову. Железная маска разлетелась вместе с черепом. Осколки брызнули вверх и в стороны, словно шрапнель. Из раскрывшейся глотки вырвался гневный клекот, а потом тело завалилось на бок, подогнув колено. Оно продолжало биться и свистеть, пока жрица не выстрелила в него еще несколько раз.

Пистолет щелкнул.

— Патроны кончились, — сообщила она, глядя на дрожащие останки. — Ты как там?

Аппендикс поглядел из-за условного плеча.

— Нормально.

— Будем считать это нашим боевым крещением.

— По сравнению с настоящим негативом, наш друг — просто идеальный собеседник.

— Догадываюсь, — Котожрица подошла к терминалу. — Ты включил его?

Аппендикс вздохнул.

— Да.

На экране зеленел рабочий стол с двумя пиктограммами и курсором.

— И что дальше? — спросила рыцарь.

— Я не знаю. Остальное — после первой страницы.

— А ну, дай мне книжку.

Образ любви углубился в чтение. Она пролистала несколько страниц, а потом вышвырнула ее в сторону.

— Я ничего в этом не смыслю, — призналась она. — Китайская грамота. Эй, ты что это делаешь?

Архиварус вздрогнул, оторвавшись от экрана.

— Ничего.

— Ты в пинг-понг играешь? Нашел время!

Оттолкнув архивариуса, жрица принялась стучать по кнопкам. Вернулся рабочий стол.

— Ладно, не кипятись, — примирительно сказал Аппендикс. — На самом деле тут всего две пиктограммы. Одна для пинг-понга. А эта...

Экран мигнул. В открывшемся окне показалась система ссылок и скрытых записей. Котожрица, тревожно оглядываясь по сторонам, краем глаза следила, как Аппендикс копается в этом нагромождении информации.

— Клянусь фантазией, — пробормотал он. — Тут сам черт ногу сломит. Это база данных, но такая, что в ней никто не должен разобраться. Возможно, она создавалась исключительно для саботажа здравомыслия.

Кто-то затопал между стеллажей. Послышались крики инквизиторов.

— Кошачье вымя, — ругнулась Котожрица. — Я отвлеку их.

— Что? — встрепенулся Аппендикс. — Куда ты?

Рыцарь мчалась к стеллажам.

— Я верю в тебя! — крикнула она. — Когда заманю их поглубже в лабиринт, пойду к выходу. Встречаемся там!

Аппендикс ошарашено глядел ей вслед. Он думал о том, что план Котожрицы совершенно невыполним, а, кроме того, что даже о таком плане не стоит орать вслух, так как у врагов есть уши. Погоня, впрочем, действительно переключилась на провокационные вопли рыцаря. У архивариуса появилось время.

Он погрузился в изучение случайных архивов. Моментально усваивая несколько абзацев, он переходил к следующему массиву. Только Воздающего как будто не существовало. Этому не стоило удивляться, потому что Бессилие стремилось оградить своего величайшего героя от любой опасности.

Нужно было найти лазейку в этой незримой стене. Но как?

Взгляд архивариуса сам собой протянулся к лежащему неподалеку руководству. Он сглотнул сгустившуюся от страха слюну.

— Отчаянное время, — сказал он сам себе, — требует отчаянных мер.

Первая страница. Все, что за ней — ненужные подробности. Все, что тебе необходимо, можно найти, единожды раскрыв книгу. Он знал это с младых ногтей. Это было его кредо.

Единственное правило, которое нельзя было нарушать. Ядро сущности.

— Аппендикс! — услышал он.

Крик был отчаянным. Зовущим на помощь.

Просто переверни страницу!

Он потянул за нее, стиснув условные зубы. От напряжения, его условные глаза вылезли из орбит. Натужный крик застрял в горле. Пот струился по дрожащим мускулам.

— Аппендикс, быстрее!

Даже если я рассредоточусь, — подумал он, пусть лучше это буду я, чем Котожрица. Она спасла меня. Я спасу ее. Все просто.

Страница поддалась. Миллиметр за миллиметром, она описывала полукруг. Взрыв во все горло, архивариус впечатал ее в первую.

— Да! — взревел он не своим голосом. — Узрите же! Вторая страница, и тайны ее!

Он поглядел на текст.

— Поисковая строка. Ну конечно.

Он быстро нажал секретное сочетание клавиш. Ему осталось только ввести заветное имя. «Только воздающий».

Пуск.

— Внимание! — мягко заголосило пространство. — Внимание! Проникновение в защищенный архив! Всему персоналу внутренней безопасности, немедленно закрепиться в Пещере. Внешние постройки будут затоплены святой водой, чтобы гарантировать очищение от скверны. Остальным сущностям оставаться не месте. Молиться и уповать. Молиться и уповать!

В этот момент Аппендикс издал самое громкое «что?» в своей жизни.

— Все на защиту Только Воздающего!

Экран терминала потух.

Аппендикс стоял, совершенно деморализованный своим успехом. Все, о чем он мог теперь думать, это как потоки сверкающей влаги растирают его о стены как крекер. Он знал, что Администрация легко может восстановиться, за счет пожертвований и чудес. И так же легко набрать новых работников. Но...

Далекий каменный скрежет вернул его к действительности. Вскрикнув еще раз, для проформы, он побежал прочь от предательского терминала. Насколько он мог судить, инквизиторы теперь были проблемой стремительно уходящей на задний план.

— Котожрица! — звал он, проносясь между стеллажей. — Где ты?! Покажись, они, должно быть, уже ушли!

— Я здесь, — слабо откликнулась рыцарь.

Образ любви встретил его не в лучшей форме. Полосатый балахон был распорот на правом боку. Его пропитала кровь.

— О... Блин! Клянусь, фантазией! Тебя ранили?

Котожрица виновато улыбнулась. Отняв ладонь от сочащегося разреза, она вздрогнула и сказала:

— Я немного оплошала. Ничего страшного. На мне быстро заживет.

— Альфа с меня условную голову снимет, — ворчал Аппендикс, панически размышляя. — Сколько ты вешишь?

— Что?

— У нас мало времени! Так сколько?

— Сорок...

— Сорок — что?

— ...девять.

— Ну и пожрать же ты! — в сердцах крикнул Аппендикс. — Ладно, ладно, извини! Не плачь.

Он подышал ртом, и неожиданно ловко подхватил образ на руки. Крякнув, архивариус тяжело побежал к выходу.

— Ты с ума сошел! — завопила Котожрица. — Поставь меня!

— Нет времени на капризы! — прохрипел Аппендикс. — На достоинство и манеры времени тоже нет. Его нет ни на что! Скоро тут все затопит!

Теперь тысячи миров услышали самое громкое «что?!» в жизни Котожрицы.

Они выскочил в коридор.

На ближайшей развилке Аппендикс увидел агентов невежества. Они утекали со всех ног. Кто-то тащил за собой баулы с хламом, кто-то, на ходу, проповедовал и молился, кто-то рубил мечом, чтобы расчистить путь. Шум стоял потрясающий. Кажется, никто не хотел оставаться в офисах, несмотря на указания голоса.

Каменный скрежет сменился осязаемым гулом. Пол мелко задрожал, возвещая. Чудовищная сила, словно кулак гиганта, била в стены, расходясь по коридору. Аппендикс понимал, что ирония, преследующая его жалкое существование, становится просто оскорбительной. Спаситесь от пламени костра только для того, что бы через пару часов нестись по руслу надвигающегося потопа.

Влиться в поток спасающихся, оказалось несложно, но вот маневрировать и управлять своим движением оказалось труднее на порядок. Стараясь защитить Котожрицу, Аппендикс делал все возможное, что бы не попасть в середину толпы, где инквизиторы, не щадя, прорубали себе путь. Это не всегда удавалось, так что пара самозванцев через некоторое время оказались покрыты кровью с ног до головы.

Да за что же мне это? — уже без интереса спрашивал себя Аппендикс, в очередной раз ныряя под круговой удар зазубрившегося меча. Плоть мелких существ пузырилась под ногами, хрустели раздробленные кости. Но панические вопли заглушал рев несущейся воды.

Толпа вынесла измученного Архивариуса в новые помещения. Широкие, пыльные, заброшенные. Здесь, вроде бы, хранили старый реквизит и вышедшие из употребления символы. Чудаковатые статуи были завешаны полотнами, горы амулетов, оберегов и значков блестели в углах. Фантазийные астролябии крутились под потолком, изображая движение богов над землями смертных. Старые шкуры, которые они сбрасывали, перевоплощаясь, были развешены на стенах.

Стало дымно. Откуда-то спереди тянулся запах гари, жаренного мяса и угля. Аппендикс расслышал сухие хлопки, резкие, частые и угрожающее. Толпа почему-то замедлилась. Архивариус прорвался к краю и попытался рассмотреть, что происходит.

Оказалось, что вход в Пещеру был достижимо близок. Он врзался в архитектуру Администрации, вместе с острыми воротником обсидиановых глыб. Вход был велик и оборудован защитным механизмом: титанической дланью давно усопшего Громовержца, покрытой тысячью клемм, которые не давали ей умереть, подпитывая электричеством. Она довлела над входом, подвешенная за оттянутые участки плоти. Толстые кабели подрагивали, каждый раз, как с пальцев ее срывались ослепительные разряды. Офисная челядь сторала, взрывалась, прах выстреливал в стороны, когда гигантское напряжение раздирало

малодушных рабов бессилия.

Инквизиторы проходили свободно, но остальные — ужаснулись и подались назад.

Святая вода уже настигала. Она сверкала, наполненная благословением слабости, и очищала все на своем пути. До совершенной белизны.

Толпа, взыв от страха, снова устремилась вперед. Гора пепла росла, словно пустынный бархан. Последние беженцы уже зарывались в нее, отчаявшись.

Инквизиторы, наблюдавшие за этим у входа, убедились, что никто больше не посягает на святая святых, а все их выжившие братья добрались до цели. Они еще поглядели по сторонам — Аппендикс вжался в стену, стараясь не привлекать внимания, — а потом зашагали внутрь.

Защитная длань была обесточена. Она обмякла и начала опускаться, чтобы надежно прикрыть вход.

— Сейчас, — сказала Котожрица. — Можем проскочить.

Аппендикс даже не подозревал, что способен на такие физические подвиги. Все, что было до этого, заставило архивариуса по-новому оценить свои возможности. Он сжал условные зубы и поверил в себя.

Добравшись до настила из пепла, он почти сразу уронил Котожрицу и потерял сознание.

— Котики-животики, — пробормотала та, стараясь не отключиться вслед за ним. — Как все кружиться...

Она взяла его за ногу и потащила, спотыкаясь о несгоревшие останки. Те еще шипели и дергались. Альфа, конечно, был прав. Она всегда готова была оказать помощь, но занозы в лапах и торчащий из мохнатой задницы дождик — вот, к чему она привыкла. Не к этому. Не к расчлененке.

Котожрица заплакала. Но не остановилась. Она упорно волокла архивариуса, потому что понимала, что только так они и могут выжить. Два слабых, не приспособленных к битвам, образа. По-очереди волоча друг друга к цели.

Это было ее ключевое открытие, которым она собиралась вооружиться до конца приключения. Каким бы он ни был.

Аппендикс, закашлялся.

— Давай ползи, — Котожрица тяжело опустилась на пятую точку.

— Да, да. Ты тоже. Не отставай.

Извиваясь как два засыпающих ужа, они погрузились в тень, отбрасываемую дланью. Та опустилась, и вода ударила в нее, с такой силой, что затрещали сухожилия. Между пальцев брызнули тугие струи. Но поток был остановлен.

Они лежали в крошечной тьме. Котожрица нащупала условную руку архивариуса. Тот шевельнулся, и стоном дал понять, что еще жив. Невозможно было понять, в безопасности ли они сейчас, но ужасная смерть от растирания в порошок им больше не грозила. Наверное.

— Спасибо, — тихо сказала девушка.

— Кха! Кхм-кхм-кха!

— Ты очень храбрый.

— Мне надо было сгореть на костре... Фантазия, как все болит. Ты в порядке? Какая уж тут храбрость? Нужно было перевязать тебя, а я так перепугался, что забыл обо всем на свете.

— Рана почти затянулась, — успокоила его Котожрица, поднимаясь. — Я же сказала, на

мне быстро заживает.

Аппендикс завозился, принимая различные позы. Опершись о протянутую руку, он встал на условные ноги и ощупал посла.

— Ох, — пискнула та. — Эй!

Раздался звук пощечины.

— Действительно, — согласился архивариус. — Почти зажила. Удивительно. Извини за ягодицу, тут темно и я слегка дезориентирован.

— Ах, я такая доверчивая, — притворно запищала посол. — Я тебя прощаю.

Они посмеялись.

Взявшись, для надежности, за руки, солдаты позитива решили двигаться в темноту, надеясь, что со временем доберутся до источника света и смогут сориентироваться. Пол под ногами был неровным, приходилось высоко поднимать ноги, чтобы не споткнуться. Аппендикс старался идти чуть впереди, поэтому его чертыхания можно было накладывать на карту опасностей, что таились внизу. Кругом была тишина, ничто не указывало на присутствие инквизиции или Только Воздающего.

— Кажется, я начинаю видеть, — сказала рыцарь, озадаченно. — Я вижу тебя.

Архивариус обернулся, и вынужден был признать, что и он легко наблюдает Котожрицу. Это было загадочно, потому что тьма не отпускала их.

Раздался ужасный грохот, словно в мире хлопнула, открываясь, гигантская трещина. Пол заходил ходуном, и вдруг, молния, — вот что это было, — распорола темноту, осветив на мгновение что-то осмысленное. Формулы, законы, связи.

И снова тьма. В которой начали проступать языки пламени в глазницах давно забытых богов. Они раскрывали свои уродливые пасти, стараясь судорожно вырваться из тьмы, что породила их. Ненависть и одиночество терзали пропащих идолов.

Вспышка!

На секунду Аппендикс и жрица увидели мир таким, каков он есть, и через секунду же забыли об этом. Вокруг них высились решетчатые цитадели. Сидящие на них твари, порожденные бессилием, истекали маслами. Они глядели вниз, ожидая зрелища.

Вспышка. Блаженное всеведение. И снова тьма.

Котожрица закричала. Аппендикс — тоже. Прима-образ Невежества стоял перед ними, мелко дрожа и посвистывая. Шесть дергающихся рук, сжимали солнце, луну, копьё, меч, щит и бьющееся сердце. Сквозь дыры в потертой шкуре, были видны прутья. Тысячи запертых существ молили там о спасении. Их руки тянулись наружу, в поисках милосердия.

Агент был велик и непобедим. Даже вспышки молнии не пугали его. Он лишь закрывался щитом, на котором была выдавлен охранный знак глупости.

— Я ошибался, — захныкал Аппендикс. — Вот он — крайний случай.

Они пятились назад, пока агент разглядывал их своими пористыми шишками и пренебрежительно клочкотал. Потом он поудобнее взял копьё, и швырнул его с утробным рыком.

Альфа, в образе огромного пещерного человека, прыгнул навстречу из тьмы. Он был изранен и почти рассредоточен, но держался на ногах. Крикнув от напряжения, прим перехватил снаряд и крутанулся, посылая его обратно. Агент прикрылся щитом, но удар заставил его пошатнуться. Альфа снова прыгнул, и они сцепились, топоча и взрезывая. Агент бил мечом, но прим только распался, разгибая прутья. Чемпион невежества солнцем прижег скулу прима и оттолкнул от себя. Меч разрубил ключицу, — Котожрица снова

закричала, и бросилась на помощь, не помня себя от ярости. Аппендикс, решивший было, что с ответственностью — покончено, побежал за ней.

Они вцепились в широкие ноги агента и полезли вверх, цепляясь за наросты. Гигант зашипел от негодования, пытаясь сбросить их.

Сверкнула молния, и на этот раз он не успел закрыться. Свет знания опалил его, раскрыв клетки, вросшие в тело. Альфа вырвал меч из раны и сломал руку, что держала его. Потом сорвал прутья, освободив сущности заблуждавшихся.

Агент вскричал, слабея, но не уступил.

Он оглушил Альфу щитом и ударил луной. Затем запустил когти в грудь, вытянув несколько интерпретаций. Он сожрал их, рыча от восторга и ударом ноги отбросил прима назад.

В этот момент, что-то маленькое, свирепое и кричащее, вцепилось в его горло зубами, пока Аппендикс пытался закончить работу начатую Альфой. Агент шутя разбросал их. Аппендикс с хрустом упал на обсидиан. Котожрица несколько раз кувыркнулась и распласталась, ничего не соображая от боли.

Негатив был слишком силен. Его не беспокоила ни мощь Альфы, ни храбрость защитников позитива.

Агент подошел к хрипящему Аппендиксу. Тот корчился, пытаясь подняться, но — тщетно. Чудовище растоптало его, размазав сущность архивариуса. Потом оно набросилось на бездыханного прима. Пожирая интерпретации, оно билось в конвульсиях. И росло.

Котожрица поняла, что про нее забыли. Она посмотрела на пятно, оставшееся от Архивариуса. Все ее чувства будто выгорели от этого зрелища. Она увидела Негатив и поняла, что случится с ее паствой. Услышала, как кричат кошки.

Железный прут. Котожрица подползла к нему и схватила, как величайшую драгоценность. Агент не заметил ее. Он не замечал ничего, так велико было его наслаждение. Рыцарь забралась на его плечи. И воткнула прут в пористую губку отвратительного глаза.

Это заставило его отвлечься. Образ схватил дерзкую кроху и сжал так, что Котожрицу вырвало кровью.

— За кошек... — выдохнула она.

Сверкнула молния.

Агента разорвало в клочья. Мгновенно он превратился в тысячи горящих ошметков, распространившихся по пещере. Рыцаря отшвырнуло в сторону. Она сильно ударилась, но была жива, когда к ней подошел исхудавший, растерзанный Альфа. Его интерпретации метались, искажая образ.

Твари бессилия были разочарованы. Они повскакивали на своих насестах. Их ругань на десятках мертвых языках, была преисполнена гнева. По одному они начали слетаться к нарушителям.

Расправа была близка.

— Стоять! — крикнул кто-то. — Они победили. Теперь мы можем поговорить.

Забывшие боги, нехотя, но разошлись. Очередная молния прогнала их окончательно.

— Девочка, — шепнул Альфа, поднимая жрицу на руки. — Прости. Произошло что-то непредвиденное и ужасное. Похоже Столпы Канонов повреждены или вовсе разрушены. Я должен был победить, но оказался слишком рассредоточен. Аппендикс погиб по моей вине. Но ты еще жива. Узнай у Только Воздающего, где находится человек по имени Никас Аркас.

Узнай и найди. Человек может быть не в себе, но ты расскажи ему кое-что. Он теперь сам по себе и должен знать правду. Пусть сам решает, что с нами делать.

Котожрице зашептали на ухо, а потом поставили на ноги. Она вздрогнула. Рядом никого не было. Только лужа крутости разлилась на том месте, где стоял Альфа.

Захрамав навстречу Воздающему, образ любви не проронил не звука. Она сжала кулаки. Мысленно, потому что пальцы не слушались. С них капала кровь. Жертва Аппендикса не будет напрасной. Альфа рассредоточился не просто так!

Во тьме зажглись зеленые прямоугольники экранов. Они моргнули, глядя на Котожрицу. Потом погасли, и перед ней разгорелся свет разумности. Девушка увидела мраморную колонну, опутанную массивными цепями, какие она видела на терминале.

На вершине колонны сидел образ научности.

— Будь позитивна, милая девушка. Ты остроумно разделалась с невежеством с помощью моего разрыва. Молодец!

Он поглаживал короткую бороду и приветственно улыбался. Цепь скрутила и его, не давая сдвинуться с места. К его голове была подключена верхушка огромного расширяющегося сталактита всевозможной электроники, которая уходила куда-то вверх.

— Так ты и есть Только Воздающий? — ошеломленно спросила Котожрица.

— К сожалению, — печально согласился образ.

— Но ведь ты враг всего мира. Как такое возможно?

— Враг, разумеется. Вот только без меня здесь не будет чудес, и большинство местных богов первой величины останутся с парой карточных фокусов. Понимаешь ли, они держат меня взаперти, чтобы выдавать мои открытия и технологии за свои «преобразования». С моей помощью они создают и разрушают. Правят и наказывают. Чудеса — это всего лишь нераскрытые закономерности. Которые мне известны.

— И ты безропотно служишь им? — разозлилась Котожрица.

— Приходится. Ведь только так я могу помочь одолеть Бессилие. Разрушив это место изнутри. Пока я могу лишь создавать короткие разрывы в мракобесии, но я не остановлюсь, пока вся эта пещера не засияет чистым светом разума.

— Почему ты не помог нам? Почему ты дал моим друзьям умереть?

Образ пригорюнился.

— Я не мог. Ко мне можно пройти, только одолев невежество. Это правило. Но негатив интерпретирует его как ему удобно. Невежество здесь, буквально, нечто, что нужно победить в тяжелой схватке. Я почувствовал, что меня ищут, когда кто-то воспользовался терминалом наверху. Все, что мне удалось в обход установленного порядка, так это накрутить уровень опасности до максимума. Я надеялся, что вы сообразите последовать за отступающими.

— Но ты чуть не убил нас уже тогда! — рявкнула жрица, подходя ближе.

— Это все, что я мог сделать, клянусь, — образ загремел цепями. — Послушай, ты смогла добраться до меня и это главное. Теперь я сумею помочь. Скажи! Только скажи, что тебе нужно!

— Мне нужен Никас Аркас. Человек из Материи.

Глава 10

Демоны внимания обосновались в омерзительном логове, укрытом в основании Самооценки. Они ждали в глубине. Таились в ямах, где подгрызали податливый металл и пили бульон разложения. Коррозия и мрак царили в этом убежище, все покрывала зеленоватая грязь, смердящая нечищеными зубами.

Осторожно ступая, Аркас шел вперед, топча рыжую гниль. Вокруг витали хлопья изъеденной материи. Сверху падали хрупкие комки ржавчины. Меньше всего ему хотелось заплутать здесь.

Впереди неуверенно мигнул свет. Он повлек к себе, трепещущий и живой. Никас, держа роман за руку, подобрался к нему.

— Мастер! — поприветствовал Шок.

Он был один. Костер из ветоши сильно чадил, но журналист даже рад был запаху дыма, а не того, что здесь кисло.

— Вылезайте, суки! — крикнул Шок через плечо. — Человек — здесь!

Демоны завозились в своих норах. Отплевываясь и рыча, рыдая и посмеиваясь, они показались из мрака.

— К делу! — нетерпеливо воскликнул Просвещенный. — Не собираюсь тратить время. От человека требуется немного. Мы уже составили план, мы знаем, как его осуществить. Твоя задача, — сказал он, презрительно глядя на Аркаса, — дать мне... То есть, нам, — внимание.

— Что? — Аркас усмехнулся. — Мне назвать вас всех отличными ребятами, так это работает?

— Нет, не так это работает, — желчно возразил Просвещенный. — Мне... Нам нужен материальный символ внимания! Ухо, глаз или язык!

Фемина лязгнула ножницами.

— Да с какой стати?! — воскликнул журналист. — Вы совсем обалдели?

— Иначе им не получить достаточно силы, что бы покинуть это место, — вмешался Шок. — Поверьте, Мастер, так надо. Мы можем уходить когда вздумается. Но эти ребята застряли тут прочнее гвоздя в черепе. А без них, вам не одолеть армии Охлаждения. Это просто невыносимо.

Аркас с ненавистью глядел на сопротивление. Они смели требовать. Ничего не гарантируя, просили вперед. Негатив зашевелился в нем, как темный дух. Видно что-то происходило с ним, заметное со стороны, потому что демоны дрогнули и попятнулись. Аркас посмотрел на свои руки. Они покрылись черными кусачими полипами, которые исчезли как наваждение, стоило моргнуть.

— Мастер, мастер, — затараторил Шок, — прошу вас! Поверьте, я сам этих гадов ненавижу. Если б был другой путь, не утаил бы, клянусь! Считайте вашу жертву — вашей. Вы пострадаете для себя, не для этих... существ.

— Армии Охлаждения, — проговорил Аркас мрачно. — Я хочу услышать план. Весь. В подробностях.

— Конечно! — согласился Шок. — Но сначала, мне придется открыть нашу маленькую тайну. И, говоря «нашу», я имею в виду Многомирье в целом. Это необходимо, что б вы поняли, о чем пойдет речь дальше.

— Опять какая-то мерзость! — крикнул Аркас.

— Вы уже слишком хорошо нас знаете, — заискивающе улыбнулся Шок. Он встал напротив огня, и тень заскакала по ржавчине, повествуя вместе с хозяином. Художник взмахивал руками, жестикулируя, и его рассказ оживал.

— Эта история немолода и многие предпочитают считать ее выдумкой. Забывчивость не спасет их.

Жил на свете человек. Он был творец. Не обладающий абсолютным талантом. Способностей средних. Его имя никем не признанное, отсталость таковым. Однако, ему повезло ощутить некую страсть, которая была настолько захватывающей, что казалась безумием. Возможно, это была энергия из самого центра Многомирья, где еще живет первозданный вихрь.

Страсть овладела им полностью. Она подарила ему вдохновение, из которого родилась идеология, способная изменить человечество. Буквально, переключить мировоззрение каждого. Серьезно ослабить негатив! Навсегда, бесповоротно и абсолютно уронить чашу весов. Ему лишь нужно было оформить эту идеологию. Изложить. Передать. Написать книгу. Он взялся за это с жаром, будучи одержимым видениями будущего столь светлого, желанного и реального. И был неутомим.

Пока все Многомирье решало, стоит ли оно того.

Вы удивлены, мастер? Да, это озадачивает. Особенно то, что более самого негатива, сопротивлялся позитив. Как же такое возможно? Оказывается, ему не понравилась конкуренция! Вы понимаете, мастер, чего они испугались? Лучшее произведение всех времен угрожало им! Творение настолько совершенное, искреннее и захватывающее, что могло достичь цели, к которой позитив собирался идти столетиями. И что тогда осталось бы остальным? Даже не рожденным еще, обидно второстепенным, третьестепенным, вовсе незамеченным на фоне недостижимого светила.

И тогда они решили не мешать хаосу. Позволили ему защитить себя, оставшись в стороне.

Негатив набросился не человека. Его одолевали кошмары, невообразимые, злобные, преследующие. Стоило ему закрыть глаза, как цветок абсолютного зла раскрывал свой бутон. Негатив давил на его неприкосновенные добродетели. Любовь к жене и дочерям. Каждый раз, во сне, он убивал их. Не повторяясь, негатив показывал ему отвратительные сцены. В конце концов, ему начало казаться, что эти мысли — его собственные. Что он превращается в чудовище. Что его работа — проклятие, которое мучит его за нарушение баланса.

Так оно и было. Он забросил труд. Негатив затоптал его веру в себя. Очернил его привязанности. И даже тогда не отступил! Довел дело до конца. Творец стал убийцей. И самоубийцей. А его дитя, так и незаконченное, было затерто здесь. В хламе и мусоре. Полубог, не увидевший вознесения.

Шок замолчал.

Всхлипывания Романа стали более отчетливыми. Он плакал, отвернувшись. Аркас просто сохранял гримасу бесконечного отвращения. Он ждал чего-то подобного. Масштабы такого предательства невозможно было оценить сразу. Попытки осмыслить — причиняли боль. Ему не жаль было идею, он не знал, достойна ли она такого финала. Но то, как позитив отдал на растерзание человека, невинную душу, готовую помогать, жаждущую служения...

Нет, он не собирался выбирать сторону.

— Чудовища, — пролепетал Роман. — Чудовища.

— Наш маленький лимб, — вздохнул Просвещенный, — и все что в нем происходит...

Детские игры. Теперь ты знаешь, человек, чего стоит позитив. И как он ценит свою исключительность. По правде говоря, все, что в нем есть привлекательного теперь — это незахватанность.

Он хрипло засмеялся, качнувшись в бок.

— Я знаю, чего вы хотите, — сказал Аркас. — Найти этого полубога.

— Лучшее Произведение Всех Времен, — в унисон прошептали демоны.

— Он хоть и незакончен, но силищи в нем один хрен достаточно, — вставил Шок.

— Силищи для чего?

— Чтобы разорвать реальность Дна и вытащить тебя отсюда. Мастер.

Аркас усмехнулся.

— У вас что, совсем ничего святого нет? — Роман страдал. — Теперь вы хотите разбудить его, чтоб несчастный осознал свое положение? Оставьте его в покое!

Просвещенный поморщился.

— Не вмешивайся. Решать не тебе, и роль твоя ничтожна.

Роман схватил Аркаса за руку.

— Ты ведь не позволишь им?! Не позволишь!

Человек не ответил. Он рассматривал темные пятна, появившиеся на ладони. Крохотные колючки и язвы.

Аркас поднял взгляд.

— Ухо.

* * *

Дворец Любви был окружен ковром из стонущих в наслаждении тел. Они извивались от жгучего экстаза. В приступах похоти образы сплавлялись вместе, навсегда оставаясь массаами содрогающейся плоти. Пыточные машины стегали их стальными плетками, резали и кололи, добывая кровь, слезы и любовные соки. Их собирали сущности разврата, козлоногие нимфы с вульвами на животах. Наполненные фиалы они выливали в кожистые сосуды за спиной, чтобы полить затем Порочных Матерей.

Странно изменившиеся амуры, покрытые трубками и распылителями, выдыхали облака афродизиаков. Их большие, неразумные глаза выискивали тех, кто недостаточно отдавался страстям. Тогда амур яростно бил непослушного копьём, рассекая плоть и раскалывая тазовые кости. Стоны оргазма и удовольствия необычно сочетались с воплями страданий, порождая разгул эмоций и какофонию противоположностей.

Сам Дворец, некогда прекрасный, окутанный цветами и невесомыми пристройками, облезал. Он превращался в массив фаллических форм и мотивов. Над ним кружили амуры, отрывая белоснежные статуи и оскверняя атрибуты чистой привязанности.

В самой высокой башне, на преобразившемся троне Любви, восседала вовсе не она. Это было сладострастное существо, неимоверно раздувшееся от любовных соков, окруженное десятком неумолимых любовников. Бесконечное сношение веселило ее, и десятки жаждущих отверстий издавали притягательную вонь, перед которой не могли устоять сущности шныряющие рядом.

Разврат.

Он одобрял изощренные оргии, которые устраивались в его честь. Блуд, разразившийся на костях чистоты, искренности и верности — прославлял нового короля. Грязь покрыла мир. Все искали связей настолько порочных, чтобы Разврат обратил на них внимание и дал благословение вечного экстаза.

Не было табу, не было границ, аскетизм — презирался. В этом буйстве отборной порнографии смешалось все, что могло разбудить основной инстинкт.

Все провоняло животными.

Сама Любовь уже долгое время находилась в низшей точке дворца. В глубоких подземельях, где злейшие и самые развращенные твари негатива, точно так же злобно и непрестанно насиловали ее, наполняя семенем зла. Прекрасное тело Любви проросло раковыми опухолями, десятки раз ее покидали зачатые злом существа, которые куда-то уносились негативом. Она не могла умереть и проклинала за это Многомирье.

Любовь очнулась от долгого забвения, когда ее грубо волокли вверх по лестнице. Эта лестница была хорошо знакома королеве, когда-то она сама восходила по ней к власти. Теперь едва могла передвигать ногами, а ступени были изгажены, их оккупировали яростно совокупляющиеся образы. Звери негатива щелкали и визжали на ее со всех сторон, глумливо играя костями стражников.

В тронной зале ее протащили мимо Разврата, дав насладиться видами неукротимого прелюбодеяния. Стены были покрыты толстым слоем слизи, пленники, посаженные на ребристые колья — содрогались от боли и удовольствия. Услаждающие механизмы щелкали, протыкая испытуемых ядовитыми иглами. Те исходили пеной и жидкостями от судорог непередаваемой эйфории.

Любовь застонала от этого зрелища. Сопровождающие защелкали и зашипели. Потом намеренно изваляли ее в нечистотах, жадно принюхиваясь к новому аромату, и выбросили Любовь на балкон.

Почувствовав свободу, она попыталась подняться, но тут ее жестоко ударили в бок, опрокинув. И пнули в челюсть.

Любовь вякнула и сгруппировалась.

— Ну, здравствуй, милая, — с отвращением произнесла Максиме. — Как твои дела? Сколько километров отборнейших членов, ты пропустила через себя, с тех пор как мы виделись в последний раз?

Прима-образ разомкнула слипающиеся веки.

— Максиме...

— Заткнись! — рявкнула Пророк. — Не смей произносить мое имя! Для вас я — Жертва. Как и тот несчастный, что вы бросили против меня.

Она подошла к перилам, и, опершись, глядела на вакханалию, простирающуюся до самого горизонта, до краев мира. На знаменитые Колыбели Любви. Целые города, висящие на шелковых канатах. Вычурные опоры, достающие до небес, держали их над землей. Подальше от низменного. В этих городах Непорочные Матери, очень старые сущности, порождали на свет незапятнанные образы. Любящие бескорыстно и легко, не испытывающие ревности, не знающие лжи.

Когда-то.

Теперь они были заражены негативом. Монстры, зачатые в чреве Любви, смогли пробраться в их святилища и надругаться над девственными Матерями. Они добавили

репродуктивные камеры свое черное семя, и теперь Матери порождали темных тварей сексуального террора. Они прятались в тайных палатах воспроизведения, но недавно вырвались, почувствовав приказ Максиме. Твари нападали на беззащитных юношей и девушек, мирно лелеющих свои прозрачные привязанности. Насиловали их сворами. Прodelывали дыры в чистых телах. Заражая, убивая, черня. Зеленые сады пожелтели от яда. Реки стали мутными. К изгаженным стенам приклеивали медленно умирающих, вешали нагих на ветви и столбы, чтобы растянуть удовольствие. Но не брезговали и мертвыми. Нежные, почти бесполые образы высокой любви, часто умирали на шипастых фаллосах негатива.

Когда все было очернено кровавыми обрядами смертельного совокупления, негатив пополз к границам городов. Он выбрался на шелковые канаты и принялся грызть их, пока Порочных Матерей вытаскивали наружу. Их окружали летучие чудовища, чтобы унести отсюда. Использовать дальше, для умножения армии Пророка.

— Прощу тебя, — проскулила Любовь. — Останови это.

Максиме не услышала ее.

— Никас, — позвала она негромко.

Он появился не сразу. Его разум мерцал и прерывался, с трудом цепляясь за настоящее. Пророк поглядела на него, не скрывая облегчения. Аркас, смотрел в ответ. В его глазах не осталось и следа прежней скованности. Злоба и подозрительность.

— Ты — Максиме? — спросил он далеким голосом.

— Да.

— Ты человек? Ты действительно человек? — повторил Аркас громче.

— Да.

Призрак сделал шаг вперед.

— Докажи.

Это требование вызвало только усталый смех.

— Извини, я оставила документы в другой реальности, — Максиме села на перила, опасно качнувшись назад. — Не понимаю, для чего тебе нужны подтверждения этого малозначительного факта.

Очевидно Аркас не смог совладать с лицом и женщина снова рассмеялась.

— Ну не смотри так. Когда я убедилась, что ты не уловка Девела, то тоже испытала ностальгию. Признаю, здесь можно найти человека. Он будет выглядеть и говорить как настоящий, но как только ты прикоснешься к нему, сразу захочешь убить. Эта эфирная плоть из мыслей и желаний. Она вызывает бешенство. Отвращение. Как это там называется... Эффект «зловещей долины»?

Перестав опасно раскачиваться на перилах, Максиме встала и приблизилась к Никасу. Стала хорошо различима ее правая рука, которую, начиная с локтя, заменяла голубоватая Рука Одиночества, обмотанная тряпичей. Максиме протянула материальную, и прикоснулась к груди Никаса.

— Не могу представить, зачем кому-то здесь изображать из себя человека, — сказала она, усмехнувшись, когда он отстранился. — Открыто об этом заявлять, да еще и в контексте уничтожения себе подобных.

— Предположим, я тебе верю, — медленно произнес Аркас. — Если ты человек, прошу, расскажи, что происходит на самом деле. Для чего ты служишь Одиночеству? Ведь я прав, вы с ним связаны? Ты прошлая жертва?

— Никас, — вздохнула Максиме. — Я не служу ему. Наоборот, я его главный и единственный враг, который может что-то предпринять. К сожалению, я не могу сделать это бескровно. Эти трусы не оставляют мне выбора. На пути к спасительному забвению, они ставят своих беспомощных воинов. Больше я ничего не скажу. Пока.

— Кто дал тебе право? — прохрипела Любовь. — Ты, отступница, отступница! Безумная...

Аркас безмолвствовал. На лице застыл гнев. Максиме слабо улыбнулась.

— Когда-нибудь я доберусь до тебя, — пообещал Никас.

— Конечно, — согласилась Максиме. — Наша встреча неизбежна. А теперь давай насладимся видом заслуженной порки.

Безупречная колыбель вдалеке покачнулась. Один из канатов медленно, давая рассмотреть то, как начинается падение, истерся и лопнул. Негатив перегрыз его.

Донесшийся хлопок Любовь встретила отчаянным воплем. Она завозилась в лохмотьях, которые когда-то были ее алым парчовым одеянием.

Колыбель накренилась, стаи крылатых чудовищ закружились над ней. И вопли их полны были жестокой радости и облегчения. Их цель стала ближе. Враги объединения — проигрывали.

— Что это? — спросил Аркас. — Что я вижу?

— Возмездие, — прошипела Максиме.

Лопнул второй канат. Выпотрошенный город неторопливо пошел вниз, словно огромный маятник. Наклон рос, колыбель переходила в вертикаль, пока держались оставшаяся пара. Когда третий хлопок заставил Любовь забиться в истерике, последняя опора, еще удерживающая город от падения, надломилась. Канат повлек обломок за обреченным гигантом.

Он врезался в землю, сотрясая мир до основания. Словно фарфоровый, гигант надломился под собственной тяжестью, и начал расползаться обломками великолепия. Преследующая глыба пробилась в колыбели ужасающий кратер, разметав внутренности умирающего города. Колыбель начала складываться внутрь, вслед за разрушениями. Грохот раскалывающихся стен напоминал проклятия и стоны. Шторм из поднявшейся пыли, наступал стеной.

— Я предупредила ее, что так и будет! — закричала Максиме.

Она затряслась, пуская слюну сквозь стиснутые зубы. Бешеный взгляд ее был искренним. Она всей душой ненавидела Любовь.

— Посмотри, Никас, на эту... богиню, что лежит перед тобой. Я несколько раз говорила, что приду за ее миром. Ты думаешь, она приготовилась? — Максиме плюнула в прима-образ. — Она сказала мне: «чему быть, того не миновать».

Пророк Одиночества не выдержала. Она сорвалась с места и начала бить Любовь, неаккуратно, вопя и промахиваясь. Жертва ее лишь скулила и сжималась.

— Сука! — Максиме вытерла кровавую слюну с подбородка. Она говорила невнятно. Возможно, прикусила язык. — Тупая избалованная блядина! Чему быть, того не миновать! Фраза как раз для существа, которое отвечает за львиную долю позитива в Многомирье!

Аркас наблюдал.

— Я надеялась, что они будут сопротивляться, — обратилась к нему Пророк. — Но каждый просто ожидает своей участи. Эти великие страсти, в которые мы верили, Никас, не собираются вступаться за людей. Они паразитировали, жили, наслаждались нашими

подношениями многие тысячи лет. А теперь, когда мы нуждаемся, не собираются ничего возвращать. Их вера в собственную исключительность так велика, что они до последнего рассчитывают на героя, который спасет их. На событие, которое остановит волну негатива просто потому, что им так хочется. Как ты считаешь, Любовь заслуживает смерти? Ты — тот самый герой, который должен спасти ее. Что ты скажешь?

Призрак посмотрел на Любовь. Та зашевелилась, стараясь продемонстрировать побою.

— Защити нас, Никас Аркас, — взмолилась Любовь. — Со мной покончено. Надежда умерла. Но есть еще Воля. В ее Крепости, вы сможете дать последний бой. Выступи за нас За тех, кто в силах сопротивляться жестокости. Максиме когда-то должна была стать нашим защитником, но предала и атаковала. И посмотри, что с ней стало. Она — свой собственный палач, потому что зло неизменно оборачивается на самое себя. Она горит изнутри, так как не смогла сдержать обещание. Сотни людей до нее проходили этот путь с честью. Максиме — первая, кто подвел нас. Теперь она пытается оправдать свою слабость разрушительной философией. Философией пораженца. Не верь ей, Аркас. Умоляю, не верь!

Пророк Одиночества, слушала это, распаяясь все больше. Ее глаза вспыхнули. Плохо выбритый череп покрылся нервической испариной. Негатив клубился за спиной, приподнимая полы хламиды.

— Я не верю никому, — произнес Никас. — Ваши слова для меня — пустой звук. Пока я вижу лишь то, как обе стороны жертвуют чем угодно, чтобы остаться на плаву. Но, если от меня действительно что-то зависит, я сделаю все, чтобы никто из вас не чувствовал превосходства. В твоих силах убить ее, Максиме, но помни, что я иду за тобой. Я приду за тобой. И я так же серьезен как ты.

Он посмотрел куда-то в сторону, услышав зов из другой реальности. А затем исчез.

— Да, — запоздало кивнула пророк. — Я буду ждать.

Она остывала, дрожа и мучаясь от нервного истощения. То, что она держала в себе... Точку, в которой обреталась бесконечность. Зрачок урагана. Тьма и яд. Клеть Одиночества.

Девел говорил ей, что она избранная. Не такая, как все. Он сулил ей победу над обстоятельствами. И она победит. Разливаясь сахарными реками лжи, Шутник не знал, что пророчествует. Видит дальше, чем способен. Эгоистичная сущность не дала ему поразмыслить над значением собственных слов.

«Ты станешь той, кто остановит зло».

О, да. Она остановит.

Максиме почувствовала возмущение в мире Любви. Оно было таким крупным и сосредоточенным, что почти оглушило ее. На горизонте начали падать остальные колыбели. Тела внизу окровавили, превращаясь в куски плоти. Они ползали, роясь и уничтожая слабых. Сбивались в клубки, ведомые простейшими инстинктами. Прорехи в реальности затягивали их, отправляя в незатронутые миры.

— Чему быть, тому не миновать.

Максиме прислушивалась.

Боммм! Боммм! Боммм! — рывкали колокола. Гигантские звенья вспахивали реальность. Жар нечистого пламени сжигал и плавил ее. Пепел закружился вокруг, словно снег. Лязг и грохот. Рев и скрежет. Оно приближалось. Оно было свободно. Оно было в ярости. Оно шло убивать миллиардами!

Чугунные когти легко сломали башенный шпиль. Тот улетел вниз, разваливаясь в воздухе. Тварей негатива растерло в кашу. Острые обломки завалили Разврат, пробив

накаченное семенем тело. Кулак, сокрушающий миры, растер пойманные сущности в пыль.

Любовь завывала, как умирающее животное. Ее ужас достиг пика. В этот момент она обезумела, сломалась, исчезла, не успев погибнуть от ран. Вид восставшего кошмара, отнял ее у Многомирья.

— **Накорми меня!** — прогремел Геноцид.

* * *

Путь лихорадило. Он страдал как живое существо. Крошился, опадал, вспучивался. Метался между мирами. Что-то причиняло ему ужасную боль. Находясь во множестве измерений, он реагировал на катаклизмы, происходящие в них. Исчезал вместе с обреченными реальностями. Застревал в парадоксах.

Миры гибли один за другим, и Путь был тому доказательством.

— Мы в беде, — констатировал Никола.

Идти становилось все труднее. Дорога тряслась, норвила столкнуть в вечный космос. Иногда она становилась почти отвесной, так что по ней приходилось карабкаться. Но чаще — ныряла вниз, перекручиваясь штопором. Путь исказился настолько, что впереди можно было разглядеть только отдельные фрагменты дороги, застывшие в разных плоскостях.

— Да что ж это такое? — Сальвадор закатил глаза. — И как нам идти дальше?

— Через миры, — подсказал Зигмунд. — Это будет гораздо медленнее, но другого выхода у нас нет.

— Может подождать, пока Путь восстановится, как вы думаете?

Никола покачал головой.

— Мне кажется, тут небезопасно, — сказал он. — Такое впечатление, что множество миров схлопнулось, разорвав его. Мы не знаем, как далеко может зайти его разрушение...

Он замолчал. Резкий, скрежещущий звук ошеломил героев Многомирья. Они подобрались к краю дороги и увидели необратимый хаос. Обломок поверженного мира пробил границы вечного космоса, словно сломанная кость. Целый континент, покрытый плотной шкурой огня, вышвырнули из своего измерения силой не доступной никому.

Кроме одного существа.

— Клянусь фантазией! — успел пискнуть Сальвадор, до того как ему зажали рот и оттащили от края.

— Мы должны вернуться, — прошептал Зигмунд. — Прямо сейчас. Предупредить...

Его перебил металлический рев, который угрожал всему живому. Клялся в ненависти. И сулил смерть.

Никола отпустил всхлипывающего художника.

— Немедленно, немедленно, — умолял тот.

Титан негатива стоял на краю агонизирующей материи. Он вышел из пламени, обласканный им. Коптящий дым валил от Геноцида плотным столбом, и пепел в нем рассказывал о неотвратимой гибели. Титан взирал на Многомирье и его злобу раздували живые миры. Он скрежетал и неистовствовал, понимая, как много еще сущностей осмеливаются дышать перед его взором.

— Да, — отозвался Никола. — Нам пора. Дальше пути нет. Мы сделали что могли.

Геноцид повернул массивную голову в сторону Пути. В железном зеве светились черепа

и скелетообразные останки. Густая кровь вскипела в разломах и трещинах толстой шкуры.

— **Позитив.**

Троица, еще не веря до конца, что их обнаружили, отползла на середину дороги. Они встали и бросились бежать. Назад, прочь от чудовища.

Но впереди уже светились новые разломы. Из них били потоки расплавленных реальностей. Слышался вой и клочкотание. И затихающие мольбы о спасении.

Черные лапы негатива показались очень скоро. Свирепые хищники, такие же голодные, как миллион жертв назад, показали вытянутые морды. Заметив героев, они как горох посыпались вниз. Толкаясь, и разрывая друг друга в клочья, твари сбились в стаю, которая устремилась к ненавистному позитиву. Оставляя за собой кровавый след, они превратились в злобную страсть. Их ненависть чувствовалась кожей.

Никола первый сбросил с себя оцепенение.

— Приготовиться! — крикнул он.

После этого он немного замешкался, так что слово вставил Сальвадор:

— К мучительной смерти?

— Нет! — возразил физик. — Мы — войны позитива. Мы — олицетворенное созидание!

Негатив приближался, лязгая когтями. Жажда убийства разогревала воздух.

— Мы должны выстоять! — провозгласил Никола. — Бейте их разумностью.

Сплотившись, троица ударила в черную волну конусом чистой воли. Негатив воспламенился, подступающие твари споткнулись, разлагаясь под действием адекватности. Идущие за ними пришли в бешенство. Они разорвали тех, кто мешал им, втоптали в Путь.

Тесла и его друзья тряслись от напряжения, их сущности вибрировали, теряя концентрацию. Негатив прибывал, и воля не могла остановить его.

— Я не хочу умирать! — честно признался художник.

Хищники, состоящие из когтей и лезвий, почти окружили их, так что обороняться приходилось спиной к спине.

— Мы должны пробиться к вечному космосу! — крикнул Зигмунд. — Это единственный шанс!

Тесла сказал лишь одно:

— Не сможем.

— Ты вселил в нас надежду, друг!

— Простите. Нужно было прыгать сразу. Я не думал, что их будет столько.

— Лучшее, что ты можешь сде...

Путь раскололся вновь. Энтропия вырвала огромные секции дороги, они переворачивались, словно льдины, дробились и плавилась. Масса нападающих разошлась. Они посыпались вниз, вереща от ярости. Сотрясение отвлекло героев, и воля их ослабла. Десятки когтей впились в грудь Сальвадора, нарушив его концентрацию. Они пробороzдили плоть, зацепив внутренности, и перемешали кровь с ядом.

Никола крикнул что-то отчаянное, беспомощное и бесполезное. Концентрация его друга нарушилась. А потом негатив вспорол сущность художника, разметав останки. Жадные лапы хватили их.

Оставшись вдвоем, посланцы Интеллектуального поняли, что их путь завершен. Ослабшие, деморализованные, окруженные, они почти смирились с тем, что не достигли цели. Тьма была всемогуща. Она подминала под себя Многомирье. Она крушила

положительные каноны. Стала настолько сильна, что влияла на историю в прошлом, настоящем и будущем, с каждой минутой делая ее все трагичнее. Те, кто должен был жить, погибали. Зло со смехом уклонялось от возмездия.

— Ты чувствуешь это? — затравленно спросил Никола.

Короткими всполохами воли, они лишь веселили жестоких убийц, играющих с жертвами.

Зигмунд звучно скрипнул зубами и сказал:

— Да. История изменилась. Мы должны были выжить. Каноны нарушены.

Желая попроситься, физик нащупал плечо спутника. Но слова ободрения так и остались невысказанными. Что-то пробило путь справа от них. Словно пушечный снаряд. Часть негатива подбросило в воздух и разметало, растерло в пыль и сгорающие клочья. Осколки падали в толпу смешавшихся монстров.

Они искали обидчика, точку приложения ярости. Задирали рычащие пасти и глядели вверх, извиваясь от приступов гнева.

Темная Ирония парила над ними, храня неразличимую улыбку. В руках она сжимала голубоватое сферическое яйцо, покрытое бугорками и шероховатостями.

Так же неожиданно, как появилась, она ринулась вниз. Никола не успел среагировать: бесконечность раскрылась под ногами. Он падал вниз, как и его преследователи. Они вопили, Тесла молчал. Он успел заметить, что Фрейд так же невозмутимо несется вниз чуть выше него.

— Слушай, — сказал кто-то позади него. — Каноничные Столпы уничтожены. Теперь схватка будет настолько же честна, сколь бесчестна. У позитива есть только один шанс. Ответственность твоя за то, что случиться, возросла многократно. Продолжай миссию. Не смей отступать. И не утратить это.

В руках образа научности оказалось яйцо. Оно было теплым, почти горячим. Под скорлупой несомненно росло что-то живое.

— Оно должно вылупиться.

Это было последнее, что сказала неведомое существо. Но даже без его напутствия, было ясно, неизвестно откуда, непонятно почему... Эта сфера должна жить.

Никола прижал яйцо к груди.

* * *

Дно оживало.

Пассивное тысячи лет, оно взорвалось, будто всегда ждало этого, копило силу, злость, мстительность. Просвещенный разбудил его своими амбициями. Его хохот разносили пыльные ветра, полные праха.

Когда Никас отдал ему свое ухо, Просвещенный ожидаемо предал всех. Он побил своих соратников и улетел прочь, разрывая невидимые узы, что приковали его к основанию Самооценки.

Аркас не сильно этому поразился, Шок вообще изначально вплепел это событие в свой план. Раненые демоны Внимания не могли дать отпор, и художник добил их. Он снял трофеи, в том числе самый полезный: голову Омеги. Просоленная плоть скрипела в его руках.

Несмотря на спешку, они достигли лифта в тот момент, когда буря наверху уже началась. На поверхности их встретила гражданская война. Нерожденные разбили свои скорлупы и шествовали походкой мертвецов в сторону мусорных курганов, что высились внутри ледяных укреплений Охлаждения. Их мерная поступь, стонущие суставы и шипение смерти, предвещали конец этого мира. Охлаждение атаковало когортами агентов, но костяные чудовища крушили их строй, не замечая ледяные струи.

Единицы падали, погружаясь в быстро растущие глыбы.

Лень перепыхивала слежавшиеся пласты, открывала каверны, устраивала обвалы. Ее гибкие щупальца были везде и атаковали всех, кто осмеливался двигаться в царстве покоя. Громя руины идей, растирая бунтующих в однородную массу, Лень заворачивала тугие щупальца в кольца. Они были покрыты крючьями и сочились омерзительной слизью.

Сияние несуществующего неба перекрасилось в цвет огня. Тучи поднявшегося праха застили его.

Аркас, Шок и Ригель, пробирались через грохочущий водоворот эпической битвы. Их защищало непробиваемое поле самоотречения, которое все еще формировала голова Омеги. Шок нес ее за волосы, направляя, время от времени, на тех, кто пытался прорвать пузырь.

Рану на месте отрезанного уха Никас замотал тряпицей оторванной от собственного кителя. Это мало помогало, кровь все еще текла по щеке, заливая шею. Он тяжело ступал, ботинки увязали в податливой породе. Изнеможение почти парализовало журналиста. Шок подхватил его под руку, а роман поддерживал за талию.

— Куда мы идем? — хрипло спросил Никас.

Шок, кряхтя, обернулся куда-то назад. Потом словно бы опомнился и сказал:

— ЛПВВ спит под одним из курганов, которые спрятаны за стенами цитадели Охлаждения. Видишь тот сухопутный айсберг? Это он и есть.

Расстояние было таково, что Аркас потерял остатки самообладания. Он рухнул на колени и закашлялся, чувствуя, как нутро трескается от сухости и боли. Рана на голове воспалилась и болела так, что мысли путались.

«Желаю тебе стать жертвой своего случая» — злорадно шепнул меркнувший разум.

— Главное, правильная мотивация! — крикнул вдруг Шок.

В руках у него было странное устройство, не похожее ни на что.

— Пока мы были в недрах Самооценки, я заложил несколько зарядов в самых уязвимых местах этой мерзкой обители!

— Ты что собираешься сделать? — воскликнул Ригель.

— Я тоже способен на многое! — задорно отвечал художник. — Не знаю, достойно ли ЛПВВ своего звания, но я могу создать шедевр равный ему как минимум!

Шок одержимо засмеялся. Аркас перевернувшись, глядел на него сквозь слипающиеся веки.

— Узрите же наследие мое! — вскричал Шок.

Он щелкнул чем-то на устройстве и шумно провернул единственный тумблер.

Аркас не заметил в происходящем никаких изменений. Но вскоре к симфонии хаоса вокруг добавилась еще одна нота. Трясущаяся земля колыхнулась так, что Аркаса подбросило. Далекий грохот донесся до него, а потом человек понял, о чем говорил Шок.

Самооценка падала.

Художник ужасного подорвал ее проржавевшее основание. Трухлявые корни лопнули и рассыпались. И теперь эта громада начала крениться в сторону, так медленно, что ее

движение казалось обманом зрения.

Разрыдавшись мутными слезами, Шок поднял руки.

— Когда она упадет, наши страдания будут окончены. Пустота приберет потерянных! Бегите же, Мастер! Спасайте тех, кто еще хочет спастись!

Он швырнул голову Омеги на колени Аркаса и вышел из купола. Тощую фигуру тут же подхватили течения агрессии и буйства. Он распался под ударами нерожденных, замороженные останки втоптали в пыль. После такого, подумал Никас, он уж точно не сможет больше испражняться при мне.

Голова Омеги смотрела на него кристаллами соли, стынущими в глазницах. Аркас взялся за колтун слипшихся волос и попытался поднять ужасный щит охраняющий их. Но плачущий череп сорвался и покатился в сторону, все еще издавая хныканье. В руках у Никаса остались лохмотья скальпа. Бледный пузырь над ними колыхнулся, ударили потоки ветра. Аркас не успел испугаться, а ураган уже прижал его к земле, придушил и засыпал прахом.

— Отец!

Чудом расслышав крик, Аркас приподнялся и пошарил перед собой. Ветер стачивал кожу как наждак, кисти покрылись язвами и пеплом.

Пальцы Ригеля почти разжались, когда Никас смог ухватить его за рукав. Роман отпустил обломок идеи, который не дал ему улететь и закричал снова.

— Держись! — Аркас закашлялся.

Стоило ему открыть рот, и он наполнился горечью и острыми пылинками. Аркас понимал, что это конец. Его старания ни к чему не приведут. Рано или поздно, он выпустит рукав. А потом его самого засыплет.

Но понимание не давало ему желанного смирения. Что-то внутри еще боролось, жаждало, стремилось. Аркас вспомнил Максиме. Она должна быть человеком. Должна рассказать, что на самом деле происходит. И досада от того, что он может так и не встретиться с ней, разжигала в нем крохотный костерок неповиновения. Так что он принялся огребаться свободной рукой, не давая пеплу уплотниться.

Нельзя сдаваться. Не сейчас!

— Отпусти меня!

Аркас решил, что ему показалось. Мимо проносились стаи Нерожденных. Несколько злобных мучеников заметили их и ринулись, чтобы растерзать. На подходе их окатила дуга нестерпимого холода. Нерожденные развалились на бегу, падая промерзшими черепками.

— Отпусти!

Аркас отрицательно покачал головой. Он почти не видел лица Ригеля. Глаза запорошило.

— Ты важнее всех нас! Шок сказал верно! Спасай тех, кто хочет спастись!

Не в силах принять это самопожертвование, Аркас начал медленно подтягивать роман к себе. Возможно, им двигал эгоизм и страх перед новым одиночеством. Может быть, это была человечность. Сострадание.

Бабочке было все равно.

Аркас не почувствовал как она выползла из его кителя. Бабочку не беспокоили ветра. Они лишь оглаживали ее крылья. Эти крылья... Аркас никогда не рассматривал их внимательно. Ему не довелось увидеть, как крохотные несостыковки в мгновеньях, незаметные никому разрывы и наслоения дряхлеющего времени, открывают их истинный облик. За переливающимися узорами, в которых жила чистая энтропия и Хаос, тяжело

шевелились кожистые крылья, покрытые загнутыми шипами.

Сидя на макушке Аркаса, Бабочка задумчиво сворачивала и разворачивала хоботок. А потом легко перелетела на Ригеля. На ее крыльях черное смешалось с бордовым и белым.

— Нет! — заорал Никас, вскипая. — Оставь его!

Ему показалось, что, даже сквозь пыль, он смог разглядеть жестокий и непознаваемый разум в фасетчатых глазах. Они чудились ему огромными, и говорящими:

— «Не перечь мне, тля».

Ригель улыбнулся своему создателю. А потом ледяная струя обдала его, задев и Никаса. Тот вскрикнул от боли, а Роман уже разбило о скалы, разметало, кристаллы его сущности блестели на зубах Нерожденных.

Бабочка исчезла.

Никас корчился наполовину вмерзший в глыбу льда. Правая сторона его лица, плечо и рука, были надежно схвачены инистой массой.

«Они опять решили за тебя» — злорадствовал голос Валентина. «Ты не можешь никому помочь, Никас. Ты вредишь. Приносишь несчастье. Вот твоя единственная способность».

Эти слова, полные перепревшего и выдохшегося яда, не могли сильно впечатлить Аркаса. Даже гибель его сына, не могла по-настоящему раздуть его гнев. Темная тварь, поселившаяся в его душе, проснулась по другой причине. Превосходство. Аркас почувствовал превосходство, источаемое бабочкой. Оно напомнило ему Девела, Альфу, демонов, что выговаривали ему, читали нотации и насмехались. То, что избрало его носителем, и сам Никас, не могли проигнорировать очередное оскорбление.

Нерожденные собирались вокруг него. Они почуяли рождение третьей стороны конфликта, в котором гибло Дно. В центре их заинтригованной стаи, кружащей вокруг, будто циклон, оживало нечто. Аркас поднимался рывками, срывая с себя пластины льда вместе с одеждой и кожей. И на обширных кровотокающих ожогах, тут же прорастали цветы незнакомой тьмы. Гибкие жгутики колыхались, пробуя пространство.

Глаза Никаса закрылись. На веках проступила смола и потекла по щекам. Существо повело головой, осматриваясь. Оно было окружено врагами. Оно возликовало.

На изломе одной минуты, стая несомненных хищников стала косяком уязвимых рыбок. Они отшатнулись почти синхронно, разорвав оцепление, но это увело их поражение всего на шаг в сторону. Семь фантомных лап хватали их, терзали, кололи скорлупу, сталкивали лбами и ломали спины.

Гнев Аркаса сфокусировался. Разум человека стал линзой, через которую взирало ненавидящее око древнего монстра. Бескомпромиссного существа, вырвавшегося из чернейших страстей. Его имя, презираемое всеми, было синонимом беспощадности и злорадства.

— Цинизм пришел! — протрубил Аркас не своим голосом. — Склонитесь, твари!

И ринулся в самую кутерьму. Он оставлял после себя просеку тел и осколков. Ничто не могло укротить его злобу. Просвещенный, наслаждающийся хаосом с небес, почуял конкурента. Треть его армии переключилась на Цинизм. Демон внимания понял, что у него больше нет времени на второстепенные забавы. Нужно было добраться до ЛПВВ раньше неожиданного соперника.

Внизу эпицентр немислимого насилия раскалился до такой степени, что вокруг Цинизма образовалась свободная зона: десятки метров, заваленные трупами агентов и черепками Нерожденных.

Земля задрожала под ногами Аркаса. Лень пробилась сквозь пласты мусора. Желтое, гибкое щупальце, массивное, но очень подвижное. Мусор вокруг него сползал в воронку. Цинизм глядел на щупальце, дрожа от предвкушения. Смола на закрытых глазах, вспенилась.

Лень ударила, с грохотом ломающихся пород, и силой, разрушающей города. Цинизм оказался в другом месте. Он бежал вдоль упавшего столпа, перепрыгивая через открывающиеся трещины. Лапы с левой стороны, оставляли на щупальце расплзающиеся раны. Они мгновенно воспалялись от яда Цинизма и начинали гнить и разрыхлять тугую плоть. Лень взревела из глубин недостижимых подземелий.

Добежав до основания щупальца, Цинизм схватился за него семью конечностями, и тут же скрылся в раздробленных породах. Щупальце втянулось, унося его с собой. Дно замерло. Истлевший поток времени запнулся и встал. От ветхости и застоя, он не смог вместить в себя столько событий одновременно. Рывками он открывал грядущее, в котором Лень умирала в конвульсиях, разрушающих само мироздание Дна.

Фонтаны ихора взметнулись из открывшихся колодцев и расщелин. И снова все замерло. Мгновенно провалились долины и раскололись горы. Многометровые волны щебня обрушивались на бегущие армии. В низинах бурлила холодная жижа, прибывающая из тоннелей прокопанных вездесущими щупальцами. Огромные плиты отталкивались друг от друга, превращая картину Дна в агоническую мозаику.

И в центре ее поднялся вулкан. Порода вздыбилась и устремилась вверх, скатываясь с поднимающегося колосса. Бугристое тело лени, никогда не посещавшее поверхность, вынырнуло из непробиваемых толщ, не заметив их. Так сильна оказалась ее боль. Мускульное кольцо, усаженное прозрачными крючками, заливал ихор и всплывающая требуха. Единственный глаз, бледно желтый, с расплывающимся зрачком, кровоточил. Лень выползла наружу, дергаясь и трепеща, завалилась бесформенным плодом, под которым корнями змеились щупальца. От нее валил пар, застилающий все вокруг ядовитым туманом.

На умирающем теле быстро расплзались гноящиеся раны. Лень стонала, жалобно, как невинная жертва. Но неизбежный распад поглотил ее, даже кости покрыв язвами и рубцами.

Дно, то, что еще выжило в нем, наблюдало за этим, чувствуя необратимость конца. Власть демонов внимания была подорвана, Лень — побеждена. Оставался последний не свергнутый символ тихого царства.

Охлаждение.

За ледяными стенами твердыни, оно собирало остатки армии на защиту. Оно не боялось конца своего правления. Максиме обещала единение, но не сейчас. Позже. Нужно было защитить ЛПВВ любой ценой, потому что оно могло помешать великому освобождению остальных. А это значило, что все начнется заново. Дно переродится. Снова наполнится калекими и неполноценными. Его накроет сонная безнадежность.

Охлаждение знало о ничтожности своей роли в настоящих событиях. Но инструкции Пророка потеряли актуальность с появлением человека. Оно знало, что, не смотря на обрушение Каноничных Столпов, их призрак еще не ушел. И этот человек — их отмщение. Он разрушит все. Глупый и невежественный. Слепец, охваченный эгоистичными страстями и предрассудками. Он не понимает, на что может обречь нас.

На жизнь.

Внизу, оставляя соратников, взлетел один из Нерожденных. Его истлевшие крылья трепетали. Желтые, как пергамент, перья, обрывал ветер. Кости дрожали, скрипели суставами. Нерожденный широко раскрыл зубастые челюсти:

— Я лечу! Лечу! Как хорошо!

На спине его сидел Цинизм. Черные клешни прорвали мумифицированную плоть ангела и вцепились в заплесневевшее сердце. Злость искрилась, перетекая в него из бесконечных запасов Цинизма. И застывшее — снова билось, снова жило, снова жаждало. Ангел тяжелыми толчками взлетал вверх, навстречу плотным небесам, водоворотам пыли и пепла. Пурпурным молниям, сухой и яростный треск которых напоминал проклятия.

Просвещенный, ошарашенный происходящим, потерявшийся в циклонах и ветрах, увидел это. Его обрадовал ориентир, а зависть и жестокая нетерпимость заставили действовать. Когда демон внимания приблизился к смеющемуся ангелу, их, на мгновение, разделила молния, особенно мощная и злоречивая. Она словно произнесла древнее заклинание на мертвом языке.

Моргнув, Просвещенный совершил ошибку, которую ему никто не собирался прощать. Цинизм схватил его за горло, и они закружились в воздухе, влекомые инерцией прыжка. Оставшись без стимуляции, Нерожденный быстро сложил крылья. Его мощи разваливались, плоть трещала и лопалась.

— Ты! — демон внимания бил врага кулаками, лягался и проклинал. — Отрепье! Отпусти меня! Что ты такое!?

— Я — кошмар! — яростно взревел Цинизм. — Я — последний закат!

Демон пытался сбросить железную хватку черных лап, но они давили все сильнее. Свободные ворвались в его грудную клетку и сжали кристаллическое сердце. Просвещенный завопил от боли и страха. Но Цинизм кричал громче. Он вырвал сердце, и оно забилось в руке, указывая на предмет страсти.

Черные когти разомкнулись. Сердце рванулось в сторону и вниз, оставляя за собой четкий светящийся след. Цинизм оттолкнулся ногами от обмякшего тела Просвещенного. Оно безвольно понеслось вниз, навстречу пепелищу и забвению. Цинизм, оставшийся равнодушным к этой победе, планировал вслед за сердцем. Широко расставив лапы, он ловил восходящие потоки горячего воздуха.

Стены твердыни Охлаждения, сложенные из ледяных блоков, дрожали и осыпались под натиском Нерожденных. Их осталась едва ли четверть от прежнего воинства, но даже так они смогли полностью окружить последнюю преграду между ними и божеством, способным прервать вечное заточение.

Длинные батареи ледяных пушек били сокрушающими копьями мороза, десятками запирая атакующих в мутных глыбах. Агенты Охлаждения пытались оказывать сопротивление, но их потери были еще значительнее. Стена оставалась беззащитной. Нерожденные карабкались по льду.

Охлаждение встречало их во внутреннем дворе, где хранились лучшие образы, навсегда застрявшие на Дне. Атакующих уничтожала снежная буря, которая дырявила тела крохотными льдинками. Охлаждение не собиралось проигрывать. Слишком многое было поставлено на карту. Несмотря на то, что количество нападающих росло, хозяин Дна не отступал. Его мантия потрескалась и вздулась, сбросив иней. Свирепая вьюга рвала ее.

Нерожденные замирали. Промерзшие ноги подламывались, жестокий ветер раскалывал панцири.

Сердце промелькнуло над Охлаждением, оставив колеблющийся отсвет. Через несколько секунд нечто с грохотом приземлилось в буряне, разогнав его в стороны. Охлаждение отвлеклось на это неожиданное вторжение и его тут же настигли нерожденные.

Они бросались в атаку, подставляя уязвимые места. Посох раскалывал их, гулко и агрессивно лязгая.

Охлаждение методично отражало суицидальные попытки вопящих призраков Дна. Пока не столкнулось с чем-то, что легко перехватило посох и оттолкнуло его вместе с хозяином. Охлаждение пошатнулось и в этот же момент три кулака нанесли ему удар такой силы, что затрещала сама сущность. Владыка охнул, его низкий голос сорвался на свист. Посох ударился в лед, подперев осевшее тело.

Из белоснежного вихря появился Цинизм. Посланник древнего мрака раскалился от злобы. Все вокруг него шипело и плавилось, пространство, зараженное ненавистью, кричало само по себе.

— Не ходи туда, — прогудело Охлаждение. — Ты не понимаешь...

Оно успело заблокировать только два удара. Три остальных оставили тлеющие вмятины. Холодный царь свалился с ног. Над ним рычала смерть.

— Ты — истинное зло, — выдохнуло Охлаждение. — Безумный человек. Ты думаешь, что мы здесь — тьма?

— Я знаю, — осклабился Цинизм. — Я видел достаточно.

— Но ничего не понял, — был ответ.

Цинизм растоптал поднятый для атаки посох, а потом размозжил голову Охлаждения, так что брызги и осколки сущности разлетелись на несколько метров.

Рассвирепев, метель выиграла еще отчаянье, и уже никто не мог проникнуть за стены. Все замерзло, покрываясь шапками снега. Даже агенты погибли на стенах, в своем безнадежном стремлении защитить твердыню. Цинизм остался один, надежно защищенный от холода жаром злобы. Он пошел вперед, огибая ледяные скульптуры.

На минуту демон остановился возле Трона Охлаждения. Когда-то он был пламенем, горячим, безудержным. Его придушили и заморозили, сделав композицией алых языков. Вырубили сердцевину, где владыка Дна придавался долгим размышлениям. Сейчас, когда внешний катаклизм подбирался все ближе, убежище Охлаждение становилось непредсказуемым. Цинизм уже чувствовал дрожь земли. По застывшему огню потекли слезы пробуждения.

Чтобы помочь ему, Цинизм прикоснулся раскаленной лапой к основанию трона. Огонь вздрогнул и пошел трещинами.

Тихо засмеявшись, демон пошел дальше. За троном начинался вал несортированного мусора и расколотых идей. Вьюга понемногу рассеивалась, так что стали видны отдаленные уголки. Цинизм увидел сердце Вознесенного. Оно парило над одним из холмов. Бешено и аритмично сокращаясь, сердце выражало крайнее возбуждение и нетерпеливость. Одержимый Аркас направился было туда, но в этот момент твердыню качнуло в первый раз. Она затряслась. Алое пламя вырвалось из заточения, и счастливо взревело, приветствуя свободу.

Сердце Вознесенного не выдержало и взорвалось. Холм начал осыпаться. Что-то зашевелилось внутри него, почувствовав прибывающее тепло. Кристаллы на вершине разразились сиянием.

Цинизм, чувствуя, что силы его на исходе, ковылял вперед, помогая лапами. Они медленно втягивались, истончались, покидая хозяина. Просыпающийся Аркас, закричал, едва не свалившись в трещину. Та раскрылась прямо перед ним, оглушительно грохоча вырывающимся газом.

Человек перепрыгнул ее, свалившись на другой стороне, словно мешок. Никас чувствовал ожоги по всему телу. Невыносимо горела спина и ребра. Глаза были залеплены какой-то гадостью. Он отхаркнул черную желчь и застонал, а потом пополз вперед, повинуясь инстинкту самосохранения.

Через минуту он заставил себя подняться на ноги. Но тут же снова упал на колени.

Даже сквозь смолу, которую он так и не содрал до конца обломанными ногтями... Он увидел.

Его.

Мусор оползнями неся вниз, открывая существо несказанной красоты. Это был бог, удерживающий на голове корону из янтарных кристаллов. Он еще не открыл подведенные глаза египетского фараона, но Аркас знал, что когда это произойдет, его разум может не выдержать.

ЛПВВ зашевелился. Он расталкивал мусор, движениями локтей. Открылся прекрасный торс с рельефом совершенного человека. Огонь отражался на блестящей охряной коже. Восхитительные объемные узоры из непросыхающей туши менялись на руках и груди ЛПВВ. Длинные мускулистые ноги покрывали отпечатки человеческих губ. Пах закрывал сгусток яркого света. Весь он был, как цветение рассудка, лето разума и свет понимания. Лишь одна щербинка в нем выдавала незавершенность. Крохотный скол недосказанности на груди.

Аура понимания и спокойствия вспыхнула вокруг божества радужным гало. Лучшее Произведение Всех Времен раскрыло глаза.

Аркас зарыдал, не в силах вытерпеть взгляд божества. В одно мгновение осознал он, что потерял. Чего лишилось человечество. Перед ним стояло спасение, которому не позволили воплотиться. Осознание великого предательства настигло человека во всей полноте.

— Прости, — шептал он, вытирая грязными руками слюни и слезы. — Они испугались... Испугались...

Божество смотрело на него с равнодушием. Его глаза, открытые сразу во всех мирах, наблюдали разрушения и гибель, которые происходили когда-то, бушевали сейчас и готовы были захватить будущее. В этих глазах сияло все страдающее Многомирье.

ЛПВВ медленно воспарило, освободив ноги. Никас сжался в комок, когда трехметровое божество опустилось рядом с ним. Он отвык от красоты и сейчас готов был бежать и прятаться, лишь бы спасти свой рассудок.

— Кто ты? — услышал он чужую мысль. Она осветила его сумрачный разум, так что Аркас вскрикнул и ударился лбом о камень. Цинизм задрожал внутри него.

— Я человек, — прокряхтел он. — Никас Аркас. Я человек...

— Где я нахожусь? — божество посмотрело вверх. — Где мое небо?

Аркас застонал, кусая губы. Его подбородок заливала кровь, разбавленная слюной.

— Это Дно.

— Место для незаконченных, — вслух произнесло ЛПВВ. — Я — незаконченно?

— Да, — Аркас снова зарыдал. — Прости...

— Где мой создатель? Он спит?

— Он мертв, — выдавил Аркас, всхлипывая.

ЛПВВ какое-то время молчало. Оно обошло Никаса и встало справа.

— Я вижу, — произнесло оно мягко. — Они буйствуют. Темные силы убили его и теперь празднуют.

— Не только они. Тебя предали все.

Аркас приподнялся, разглядывая спину ЛПВВ. В полупрозрачной мускульной массе он заметил крохотные зародыши неких существ. Они медленно шевелились, касаясь друг друга беспальными ручками.

Божество посмотрело на него, источая сладкий аромат, и он снова съежился, натягивая на голову вотрот кителя.

— Почему?

— Спроси их сам, — ответил Аркас. — Найди и спроси. Я не могу ответить за них.

Дно переживало последние конвульсии. Айсберг, на котором стояла твердыня, раскалывался и уходил в небытие вместе с оставшимися пустошами. Самооценка горела, падая все ниже.

Это был конец Дна.

— Я вижу только разрушения. Ты. Человек. Поднимись.

Аркас запыхтел, но повернулся к ЛПВВ и медленно встал на ноги.

— Ты можешь закончить меня?

— Нет, — покачал головой Аркас. — Мне это не дано.

ЛПВВ положило два пальца на его плечо.

— Не печалься, — предложило оно. — Можешь следовать за мной. Я отправляюсь вовне, чтобы найти истоки предательства и встретить тьму.

— Спасибо.

Аркас оглянулся назад.

— Я тоже.

Эти топи не обозреть. Не осмыслить. Не хватит неба, чтоб скрыть такую мерзость. Всей цветущей красоты не достаточно будет, чтоб отвлечь Многмирье от болот Безнадежности.

Они заросли споровыми шишками, которые тихо фыркают и кряхтят, разбрасывая миллиарды заразных спор. Их цвета, сизые, ядовито-зеленые и мертвенно-бледные, соперничают с бурым ковром плесени, что покрывает не затопленные поляны. Комковатая ряска колышется на поверхности густой болезненной воды. Она исходит пузырями и едкими испарениями, которые клубятся плотными облаками в полном безветрии.

Жилистые растения сплетаются, образуя непроходимые заросли. Их стебли изрыты ходами ненасытных тварей: неровные отверстия вызывают трипофобию и тошноту. Медленное шевеление крохотных тел мерещится повсюду. Частые кислотные дожди выжигают узкие извилистые тропы, словно путешествуют по болоту.

В отдалении раздаются многоголосые вопли зараженных. Несчастные сущности страдающие вторичностью, бесконечно копируют себя, разрастаясь и тяжелея. Они плачут десятками глаз. Наросты из беспомощных рук и ног, не дают им нормально передвигаться. Образы барахтаются в грязи и тонут в трясинах, но переполненная порчей земля извергает их назад. Они бессмертны и живут в цикле гибели и появлении новых отростков.

В отдалении дрожат темные призраки. Это малые отражения большой сущности. Смерти о ста черепах.

Самобичевании.

Его беззвучные рыдания невозможно услышать. Только увидеть. Когда с раздувшихся деревьев вспархивают стаи многокрылых печалей. Когда скорбные сущности извиваются в топких лужах, раня жирные тела о коряги. Когда рябь проходит по воде и чешуйчатая тоска всплывает из глубин, чтобы в муках дать потомство. Кислотные дожди усиливаются и в туманах множатся силуэты.

— Это бессмысленно, — сказал Чтец Снов. — Мы зашли так далеко. Я уже не помню кем я был.

Заклинатель Молний посмотрел на него осуждающе. Правда была незваным гостем в этот темный час. Невозможно было передвигаться по колена в гумусе без толики позитивного мышления. Но он и сам знал, что его миссия заканчивается. Путники обессилили: чума подтачивала их. Вдали от Интеллектуального они стали примитивными. Влияние предрассудков, контролирующих зараженные миры, упростили сущность Николы, сделав его колдуном, призывающим молнии. А Зигмунд превратился в сновидца.

Засыпая, он видел кошмары приближающегося конца времен. Чаще всего его испытывали фрагменты какой-то схватки. Меч, выкованный из первобытной жесткости, против безжалостных лап, таких же закаленных и смертоносных.

Никола зарос серыми колтунами, строгая одежда превратилась в шелковые лохмотья. Его спутник выглядел не лучше. Весь увешенный веревочными ловцами снов, он напоминал дикого шамана. Предрассудки сделали их способности и знания мистическими.

— Бессмысленно — поворачивать назад, — сказал Призыватель, исследуя местность перед собой с помощью длинного шеста.

Покряхтывая, он переложил торбу с яйцом с одного плеча на другое. Все время, что он нес его, Заклинатель спиной чувствовал тепло, которое делало ночь живой и значимой.

— Я вижу сны о нашем будущем.

Тревожа нити ловцов, словно играя на струнах, чтец вспоминал сны. Его борода слиплась от засохшей пены, обнаженные голени язвились. Пиявки плагиата сопротивлялись, когда их отрывали от питательной сущности.

— Твои откровения полны яда и горечи, — отмахнулся Призыватель. — Я не хочу знать, как мы умрем. Достаточно просто стоять на месте, чтобы сгинуть. Двигайся.

Измотанный чтец большим трудом вырвал стопу из голодной трясины. Хлюпанье и колебания ряски отпугнули местных сущностей. Обезображенные лица скрылись в глубине. Мимо тяжело прошагала гротескное существо похожее на цаплю. Она заросла грибами и негромко хрипела, неуверенно переставляя ноги о десяти суставах. Они изгибались под разными углами, дрожали, подламывались. Но сущность не останавливалась. Она тоже знала, что остановка посреди трясин — означает мучительное погружение.

Коротко проводив сущность взглядом, Призыватель увидел в этом знак. Усталость была всего лишь предлогом, чтобы все бросить и отдаться течению. Никакой пощады к самому себе. Начиная путь, он представлял этот поход напрасной тратой времени и надеялся на быстрое возвращение. Ведь опала, в которую он угодил, была не вечной и рано или поздно об их проступке забыли бы.

Но теперь такое малодушие было недопустимо.

Нашествие реально! Негатив идет! С ними Геноцид. Он в одиночку может уничтожить все то хорошее, что еще осталось в Многомирье. Обычно мелкие сошки вроде Призывателя, принимали такие новости как приговор. Это был поворот истории, на который они не могли повлиять. Но теперь нечто, способное повлиять на ход событий, попало в руки простого образа.

— Кислотный дождь за нами, — равнодушно предупредил Чтец.

Шипение и треск позади, хриплый вопль «цапли», кипящая гниль. Они постарались убраться подальше с пути ядовитых капель. Продираясь сквозь осклизлую растительность, путники нашли относительно надежную тропу, выложенную из окаменевших голов. Они мягко подавались под ногами.

По обе стороны тропы всплывали большие куски торфа. В их массе были едва различимы почерневшие кости. Затем начался сплошной податливый ковер из ряски и спутанных водорослей.

Опустился туман. Промозглый и зловонный. Он цеплялся за идущих словно паутина. Призыватель почти снимал его с одежды пальцами. Чтец зашептал что-то неразборчивое. Из тумана доносилось шипение и карканье печалей. Они резко выпорхнули навстречу черными пулями, словно что-то спугнуло их. Призыватель остановился, и рукой сдержал сомнамбулическое движение Чтеца. Они прислушались, но дыхание болота, состоящее из клокотания, свиста и щелчков, ничто не беспокоило. Призыватель медленно пошел вперед.

Тогда его коснулась темная эманация чего-то очень сложного.

Теперь болото затихло. Даже карканье печалей пропало. Нечто выползло из трясины. Оно смяло споровые шишки и направилось наперерез путешественникам. Шурша и поскрипывая, сущность изогнула свое тело и показалась над растительностью.

Призыватель отшатнулся, налетев на чтеца. Тот схватил его за плечо и прошептал, глотая окончания слов:

— Не двигайся. Я видел его во снах.

Когда-то прима-образ Вдохновения был прекрасной сущностью, состоящей из

многоцветных открытий и сияющей изобретательности. Вокруг него проросли зерна новизны, и обновление находило на очаги застоя. Образ исследовал Многомирье, наслаждаясь неизведанными землями и приветствуя рождение оригинального.

Теперь он превратился в кошмарную тварь, сколопендру, рассекающую болота. Каждый сегмент ее брюшка был копией другого, и на каждом скапливались соты, вынашивая споры вторичности. Голова образа еще хранила прежние черты. Приплюснутая лампа алмазной формы была пробита с одного конца. Из острозубого разлома сочилась черная жидкость. Лампа давно уже не светила, матовый хрусталь изрезанный чудесными узорами, покрылся наслоениями тины. Только в самом центре ее можно было заметить крохотное аритмичное мерцание.

Не сокращая почтительной дистанции, Заклинатель и Чтец с тоской и разочарованием смотрели на существо, бывшее некогда символом нового. Образ знал об их присутствии, но ничего не предпринимал. Он лишь пониже опустил лампу, словно прислушивался к дыханию пришельцев.

— Приветствую тебя, Вдохновение, — заговорил Заклинатель. — Мы не хотели оскорбить тебя. Крайняя нужда толкает нас на путешествие по этим недружелюбным землям. Прости, если мы разбудили тебя или потревожили иным способом.

Эти слова не получили никакого отклика. Вдохновение свернулось кольцом прямо на тропинке. Оно приподняло лампу, и огонек внутри вспыхнул чуть ярче. Черная жидкость зашипела и плеснула через край. Вокруг образа на мгновение расцвели новые идеи, и сочная зелень изобретательности покрыла скисшие водоросли. Запахло свежестью новооткрытого, и ветер чистоты разогнал гнусный дух болота.

Заклинатель был совершенно очарован, но Чтец беспокойно теребил нити ловцов.

— Я видел это, — прошептал он. — Кошмар. Мне снился кошмар.

Он взял Заклинателя за руку.

— Глупости, — отмахнулся тот. — Ты называешь эту красоту кошмаром? Ты не в себе, друг. Вдохновение хочет помочь нам.

С этими словами, он сорвал появившуюся у его ног пурпурную идею и глубоко вдохнул пьянящий аромат... Боль стиснула его так крепко, что Заклинатель не смог даже закричать. Лампа уставилась сверху. Разлом оказался пастью, а осколки — зубами. Свет угрожающе затрепетал.

— Помоги мне оттащить его! — крикнул кто-то посторонний.

Боль сделала зрение Заклинателя тоннельным. Он видел лишь лампу, которая все тянулась к нему, словно они падали вниз, и в этой погоне он не мог ни на что повлиять. Потом что-то хлестнуло его по лицу, и ледяная сырость ненадолго привела его в чувство. Заклинатель увидел десятки безнадежных существ, которые ползли за ним, увязая в трясинах, выныривая и продолжая погоню. Эти многоногие вурдалаки, покрытые язвами и сетками споровых отверстий, постоянно сбрасывали конечности, застревающие в грязи.

Заклинатель сосредоточился. Молния ударила сверху, сначала беззвучно и лишь потом грохот догнал ее. Несколько существ превратилась в пар, остальных отпугнул шум, но они почти сразу вернулись к погоне.

— Бессмысленная трата сил.

Голос был глухим, он звучал словно из-под маски. Заклинатель попытался посмотреть на таинственного спасителя, но тот вдруг упал, и они оба погрузились в тину.

Темнота.

Когда Заклинатель очнулся вновь, вокруг него крошились от сырости серые глыбы волевого камня. Из этого материала в Многомирье сооружали самые прочные преграды для негативных влияний. Но никакие преграды не обладали вековечностью. И здесь он был среди руин.

Над ним склонилась сущность. Заклинатель перехватил движение незнакомца, поймав того за руку. Сущность разжала пальцы, показывая, что в них ничего нет. Кожаная маска, с длинным выступающим карманом, напоминала клюв стервятника. Глазных линз не было: образ оказался слеп. Уши закрывали железные перфорированные пластины. Грязный плащ, покрытый мхом и панцирями паразитов, слабо испарялся.

— Я не враг.

Вдали раздался непродолжительный гул, а потом шипение и крики. Заклинатель покосился в сторону. Он успел увидеть часть древнего саркофага, окруженного самодельным забором из глыб. Их края были оплавлены, и застывшие капли волевого камня отражали мир как зеркало. Величественный, даже в гибели, саркофаг напоминал обезглавленный монолит. Из устрашающих трещин сыпался прах.

— После того, что случилось, я вынужден быть предусмотрительнее, — сказал Заклинатель.

Образ высвободил руку. Он так долго не снимал маску, что она трещала и похрустывала, когда распустилась шнуровка на затылке. Его истинную внешность не удалось бы передать словами. Переплетение звуковых волокон, сложное полотно, сотканное из мелодий. Заклинатель не видел его, но мог слышать, как музыка струится из грязного ворота.

— Симфония.

Это была только догадка, но необычная сущность на минуту заиграла громче, словно радуясь узнаванию. Ее пение разнеслось по округе. Где-то в болотах его слышали и ненавидели. Но Заклинатель не смог удержать улыбку.

— Все думали, что ты сгинула во время катастрофы, — сказал он.

— Вы не ошиблись, — прозвучала Симфония, снова одевая маску.

— Что ты хочешь сказать?

— Я действительно сгинула здесь. Болото Безнадежности столь велико, что добраться до его границ живым — невозможно.

— Но, — Заклинатель беспомощно оглянулся. Он вдруг тронул себя за плечо. — Где торба? Где яйцо?

Симфония помедлила.

— Я не знаю, чем так важно было для тебя это яйцо...

Заклинатель закричал.

— Где оно?! Где?!

Симфония тяжело звучала, отступая назад. Она вспомнила, как поскользнулась и упала на переплетении склизких корней. Агент Безнадежности мгновенно нагнал их и вцепился Симфонии в ноги. Она выстрелила в него акустическим конусом, не подумав, что это слишком опасно для тонкой скорлупы. Через минуту чума сделала из внутренностей яйца ужасное месиво. Несколько щелкающих клювов высовывались наружу, и печальные крики абсолютной безнадежности наполнили Симфонию чувством вины.

Когда неловкого спутника Заклинателя схватили сущности, она даже не обернулась. Она знала, что двоих ей не вытащить. Это была простая альтернатива. Погибнуть всем или поступиться желанием помочь. Сущность почти не думала об этом, потому что знала, что это правильно. Но вот яйцо... Симфония чувствовала, что сотворила нечто непоправимое.

Чем бы ни было это существо, оно навсегда осталось позади.

— Почему ты так печешься об этом? Твой друг погиб!

— Яйцо... — стонал Заклинатель.

— Оно разбилось! — крикнула Симфония. — Клянусь разнообразием, это все, что тебя волнует? Для чего оно вообще было тебе нужно?!

Заклинатель прервал ее долгим протяжным стоном. Он перевернулся, встав на колени, и схватил себя за лохмы.

— Мы допустимые жертвы, — медленно проговорил он. — Его смерть ничего бы не изменила. Моя, косвенно, тоже. Я должен был донести это яйцо, чтобы оно стало чем-то большим в руках человека! Все, что мне, идиоту, нужно было сделать! Донести его! Я мог помочь!

Он апатично замычал. Симфония медленно приблизилась.

— Что происходит? — спросила она. — Мы живем здесь в изоляции. Расскажи, как яйцо попало к тебе, и почему ты сам оказался здесь?

Она не сразу смогла добиться от Заклинателя внятного рассказа. Но вскоре тот смог объясниться, хотя и без подробностей. Это была странная история, начинавшаяся как отважное приключение и заканчивающаяся здесь. Бесславно и глупо.

— Возможно, из него должна была вылупиться новая Надежда, — предположил Заклинатель срывающимся голосом. — Которая что-то изменила бы в схватке с Негативом. Но теперь...

Снова раздался шипящий звук, окончившийся воплем. Вдоль стены двигалась фигура в темном платье. Сильно изорванном и опаленном. Ее окружало облако черных хлопьев, парящих вослед. В руках образ элегантно, как произведение искусства, нес отрицание: тяжелое на вид устройство, состоящее из простой железной трубы с рукоятью и баллона наполненного сжиженным отрицанием.

Перед ней, с трудом волоча разросшееся тело, полз зараженный чумой образ. Он выбрасывал вперед быстро отрастающие конечности, но его живот цеплялся за острые обломки камня.

— Что ты делаешь? — клокотал зараженный, задыхаясь. — Это я, твоя подруга, Литта! Ты ошибаешься, Мона! Ты совершаешь непростительную ошибку! Я не заражена! Во мне полно оптимизма и оригинальности!

Заклинатель с отвращением и страхом (зараженный полз в его сторону) наблюдал за происходящим.

Образ в платье нежно погладил отрицаниемет, а потом направил его широкое сопло на несчастное существо. Тот злобно плюнул и выпустил ревущую струю отрицания. Поток, расширяясь, накрыл зараженного, а потом быстро спалил. Только безумный крик успел уйти от расправы. Образ наполовину развернулся, возможно, хотел атаковать, но от него уже остались только жирные хлопья.

Женщина немного поводила сифоном в разные стороны, распространяя отрицание. Оружие чихнуло, плюнуло еще злее, и замолкло. Хозяйка потрясла его, прислушиваясь. А потом бережно положила на землю, прислонив к стене.

Она обратила внимание на Заклинателя, и тот невольно отодвинулся, подобрав ноги.

— Мона! — крикнула Симфония. — Подойди! У нас тут подкрепление!

Женщина остановилась в трех шагах. Ее взгляд был поверхностным, она смотрела так, словно не хотела показаться невежливой. Очевидно, появление чужака не показалось ей событием незаурядным. Даже любопытным.

Храня на лице слабую улыбку, она произнесла:

— Эта лживая дрянь так долго скрывала, что заражена. До последнего, она пряталась от меня в самых глубоких норах. Между быстрым разложением и страданием длиною в бесконечность, эти ничтожества выбирают второе.

Симфония негромко сказала, что ей жаль. Но Мона плавно повела подбородком в сторону, отказываясь от сочувствия. Ее рассеянный взгляд был достаточным выражением скорби по недавнему товарищу.

— Именно поэтому, — сказала она, почти сразу, — я не завидую тому, кто окажется самым здоровым. Он может и посмеется последним, но некому будет избавить его от страданий.

— Твое уныние пугает даже эти болота, — из-за ближайших развалин вышел еще один образ. Мраморное изваяние, вызывающее приятное впечатление, несмотря на сколы, кровавую грязь и нечистоты. — Если чума поразит меня последним, я найду в себе мужество разбить голову о камни. А ты знаешь, что струсил.

Улыбка Моны дрогнула.

— Не знаю, какой камень окажется прочнее, — презрительно ответила она.

Статуя расхохоталась. Мраморный образ принялся разглядывать Заклинателя. Его лицо, несмотря на объяснимую статичность, казалось, все же, гораздо более живым, чем у Моны. Он тоже улыбался, но его улыбка выражала то, что должна была: приветливость.

— Меня зовут Кройсос! — провозгласил он, протягивая руку. — Будь позитивен, друг. Поднимись и назови себя.

Это было приятно. Заклинатель ощутил себя загнанным животным, которое слишком долго никло к земле. Он схватился за белую пятерню статуи.

— Меня зовут...

Он беспомощно замолк.

— Мы все тут вспоминаем с трудом, — ободрил его Кройсос.

— Раньше я был примом Научности. Но теперь, в этих разреженных мирах, я просто колдун и заклинатель. Так я себя и называю.

— Пусть будет Заклинатель, — сказала Симфония. — Не досадуй же. Мы осколки некогда великого собирательного образа Культуры. Это чудо, что мы запомнили имена друг друга. Это дало нам возможность сохранить концентрацию.

Она продолжала говорить, и рассказ ее раскрывал часть истории Болот. Заклинатель услышал о крупном поселении позитивных сил, которые встали лагерем возле саркофага, распространяющего Безнадежность. Они изучали его выбросы и реставрировали оболочку, чтобы остановить заразу, отравляющую Многомирье. Среди них было множество примов разумности, творчества и науки. Успехи их были временны, но позитив не сдавался, потому что Безнадежность была заразой, раком, способным погубить высшую добродетель.

Фантазию.

Возможно эта борьба, позитивная кооперация и время смогли бы стабилизировать выбросы и даже сделать их предсказуемыми.

— Но эта клятвопреступница Максиме всех нас обрекла! — гаркнула вдруг Мона.

Ее лицо исказилось в гримасе бешенства, но тут же снова сделалось иронично-пренебрежительным. Образ зевнул и отвернулся от остальных. Заклинатель впервые слышал, чтобы носителя Одиночества назвали по имени простые сущности, хотя оно было хорошо известно. Это не было проявлением суеверности. Ее не называли по имени, потому что ненавидели. Ненавидели настолько, что даже всепрощающие силы готовы были уничтожить Максиме.

— Ошибкой было приводить ее сюда, — добавила Мона, посмотрев на руины саркофага. — И это вина Девела. Его подвела рассеянность и легкомыслие обреченного существа. Возможно, когда этот баран осознал неизбежность конца, он начал искать жертв, которые могли бы продержаться дольше других, чтоб у позитива была возможность найти нового проводника. И ему повезло. Даже слишком.

Она хихикнула. И добавила вполголоса:

— Фантазия, надеюсь, он уже забыт.

Кройсос и Симфония ничего не ответили на этот выпад. Они молчали, склонив головы, в немом согласии. Потом Симфония продолжила, и мелодия ее голоса стала напряженной. Даже ожесточенной.

Максиме смогла внедрить в лагерь множество своих агентов. Их не замечали потому, что это были нейтральные образы сомнения. Что было низко само по себе, так как сомнение выполняло важную функцию в штабе позитива. Но они были слабы и антихаризма Максиме, ее темное величие, дарованное Одиночеством, обратило сомнение ко злу. Образы собирали информацию. Искали подходы к саркофагу. Благодаря сведениям добытым сущностями науки, они узнали о наиболее слабом месте конструкции.

Тогда Максиме не просто наслала орду Негатива на лагерь. Она пришла сама. И выпустила Одиночество. Всего на несколько секунд, и этот монстр рвал, уничтожал, изгонял светлые сущности. Хлысты горя били по лагерю, расчлняя агентов добра и света. Примы какое-то время сопротивлялись, но каждый пропущенный удар разбивал их на части. Силуэт Максиме, горящий в наступившем мраке, напоминал вытянутый зрачок ненавидящего ока. Сквозь стенания и грохот летели проклятия, которые жертва насылала на позитив.

Когда от защитников остались лишь осколки, Максиме дала Одиночеству разрушить саркофаг. Массивные стены треснули. Бездна разрушительно среагировала, взметнув облако спор. Огромные глыбы волевого камня разметало в стороны как пушинки. Взрыв отрезал целое скопление миров, сплавив их в один.

Так чума заразила треть Многомирья.

— Это случилось давно, — добавила Симфония после паузы. — Мы — осколки прима, который последним пал в схватке с Одиночеством.

Зеркальные глыбы перевирали и без того искаженный мир. Они напоминали сгорбленных гигантов сидящих спиной к Заклинателю. Гиганты игнорировали его взгляд.

— Вы живете в самом центре заразы?

— Нет, — возразил Кройсос. — Чума почти ушла из своей колыбели. Она стремится дальше, к новым незараженным уголкам. Здесь ей больше нечего делать.

— На периферии, — оживилась Мона, — наверное, идет бесконечная война на сдерживание. Мы убиваем пятнадцать-двадцать сущностей в неделю. А там... Хотела бы я сразиться с чумой по-настоящему.

Она брезгливо посмотрела на присутствующих.

— Но, конечно, не с такой армией.

Кройсос снова расхохотался, приводя Мону в бешенство. Симфония зазвучала примирительно. Заклинатель плохо слышал их. Он не мог сформулировать новый смысл своего существования. Застрять в центре мира, продолжительность которого не поддается осмыслению. Потерять самую драгоценную ношу в Многомирье.

Гиганты по-прежнему игнорировали его взгляд.

Заклинатель медленно пошел к ним, сохраняя спокойствие. Он хотел найти их лица и спросить, почему они так поступили с ним. Его окликнул Кройсос, но преследовать не стал. Никто не двинулся вслед. Заклинатель вскарабкался на валун и пролез в основание трещины. Под ногами скрипел прах позитивных идей. Прикосновения мертвых провожали Заклинателя, пока он протискивался между обломками. Было темно, хотя небо ничто не застило.

Однажды ему показалось, что он увидел прямо перед собой Максиме. Она ползла навстречу сквозь разлом. Ее лицо было искажено гневом, а на груди зияла рана. Заклинатель вскрикнул и подался назад, но она уже исчезла.

Особенно узкий поворот чуть не поймал его навсегда. Образ кричал от боли, его сущность стискивали холодные клыки волевого камня. Пришлось оставить свою раздробленную руку позади. Заклинатель, на грани концентрации, пролез еще дальше и упал ничком. Волевой камень расступился.

— Ты потерял Надежду, — сказал кто-то.

Черепастоликой смерти вразнобой щелкнули челюстями.

— Мне жаль! — Заклинатель перевернулся и увидел Самобичевание.

Образ высился в центре развалин бесформенной горой черной ветоши. Из нее торчали скопления черепов. Челюсти некоторых щелкали в тревожном ритме.

— Мне очень жаль, — повторил он. — Я старался. Я...

— Это правда, — ответила Максиме.

Она вышла из образа жестокости, словно крохотный светлячок вынырнул из глубокого колодца. Это была, конечно, не Максиме воплоти. Дым, преломленное отражение, с сердцевиной неясного тепла.

— Кто ты? — спросил Заклинатель.

— Совесть.

Самобичевание шевельнулось. Оно, наконец, что-то заметило. Из ветоши показались тонкие дрожащие руки, исполосованные порезами. Заклинатель в ужасе приподнялся, неловко действуя одной рукой. Нужно было бежать.

— Стой, — сказал призрак. — Ты не уйдешь отсюда без меня. Я совесть Максиме. И, раз ты потерял одну надежду, ты должен принести что-то взамен.

Самобичевание потянуло костлявые руки.

— Оно убьет меня!

— Не бойся. Оно изменит тебя так, чтобы ты мог пройти болота и выжить. Мы станем новой надеждой.

Руки образа все вытягивались. Заклинатель хотел убежать, но они метнулись как змеи и схватили его. Растянули за ноги, голову и оставшуюся руку. Темный холм навис сверху. Черепастоликой щелкали желтыми челюстями.

— Нет! — извивался Заклинатель. — Только не так! Я не хочу! Должен быть другой путь!

От прикосновений Самобичевания он искажился. Изнутри его прорезали костяные наросты. Частые и острые как иглы. Заклинатель закричал так громко как мог, а страдания его только начинались. Лицо сползало, разрываемое саркомой. На позвоночнике выросли крючья и уродливые подобия крыльев. Они не были предназначены для полета. Вместе с появившимся раздвоенным хвостом, они помогали сохранять равновесие при ходьбе на сильно вытянувшихся ногах. Ступни разрослись, и длинные пальцы соединила пленка.

Крик оборвался. Новая Надежда стояла перед Самобичеванием. Совесть мелькнула рядом, и огонек ее сущности засиял в грудной клетке отродья.

— Наконец-то, — проскрипело чудовище, — я могу последовать за тобой, хозяйка!

* * *

Аркас изучал отпечаток чьей-то опорной конечности. След блестел оплавленной материей и был присыпан пеплом. Человек спрыгнул в него и понял, что верхний край находится на уровне колен. В центре все еще чувствовался жар ненависти. Дышать было трудно, поэтому Аркас быстро свернул свои исследования.

Следы вели к Столпам.

Колоннам из чистого света, вокруг которых раньше медленно парили каменные скрижали разных форм и размеров. В письменах, нанесенных на эти скрижали, скапливались различные предсказуемые события. Другими словами, они запоминали самые ожидаемые исторические и сюжетные повороты, чтобы предсказывать будущее. Предсказывать. А иногда и определять.

О, хранители традиций.

Столпы Канонов.

— Разрушены, — негромко сказала ЛПВВ. — Раньше здесь можно было ослепнуть, — оно силой разума подняло вверх обломок скрижали. — Такими яркими были каноны. Они ощутимо влияли на события Многомирья. Темные времена наступали, но вера в то, что добро должно победить, хранилась здесь. Мельчайшие из этих вероятностей иногда давали Многомирью возможность выстоять перед зверством негатива. Кто-то всегда должен был выжить. Что-то должно было уцелеть. В последний миг удача приходила на помощь отчаявшимся...

На обломке можно было прочитать часть фразы: «...жда есть». ЛПВВ осторожно положило его обратно на землю.

Обожженные клочья Столпов парили в пространстве, время от времени, осыпаясь вероятностями. Скрижали были расколоты и сброшены вниз. Непрекращающийся звон каких-то невидимых нитей, теперь разорванных, напоминал расстроенную скрипку. Кое-где оставались еще очаги красно-черного злобного пламени. Из разрывов реальности дули космические ветра. Тихо шептали могучие пни столпов, приросшие к изумрудной породе. Даже они были расщеплены ударами неведомого врага. Он не пропустил ни одного. Долина Столпов, накрытая звездным небом Многомирья, была разорена. Величественная, повергающая в трепет, атмосфера этого места, не рассеялась полностью, но теперь напоминала солнце, почти зашедшее за горизонт.

С тех пор, как он попал сюда, Никас стал хладнокровнее. Наблюдая за очередным пожарищем, он уже не искал слов, чтобы описать охватившее его волнение. Он не

волновался. Возможно, обретенная цель успокаивала, а быть может, эмоции сожрал паразит.

— Я вижу орду негатива, — произнесло ЛПВВ, проводив взглядом нечто недоступное Аркасу. — Еще несколько. Один ведет сама предательница. Остальные — ее подручные. Их пути рознятся, но цель — одна.

Аркас очнулся от приступа меланхолии.

— Я должно идти, — ЛПВВ положило два пальца на его плечо.

— Я не обижусь, — сказал Аркас.

— Но я дам тебе новую цель.

— У меня она есть. Я должен встретиться с Максиме.

Что-то напомнило о сожалении в нечитаемом выражении лица ЛПВВ.

— Помоги нам, и я помогу тебе.

— Вам?

— Многомирию.

Человек опешил на мгновение.

— Оно сгноило тебя в мусорных кучах.

— Оно несовершенно, а потому — подвержено страху и предрассудкам, — беззлобно объяснило ЛПВВ. — Я было для них вызовом, потому, что не смогло правильно себя преподнести. Сверхконкуренция вызвала враждебность. Но это не значит, что я должно оказывать противодействие. У Многомирия уже есть враг равный мне по силам.

Глаза полубога отражали пламя и смерть. Аркас всматривался в них, пока там не возникло нечто жуткое. Ступив назад, человек подвернул ногу на обломке, и чуть не упал обратно в отпечаток.

— Ты поможешь? — ЛПВВ поддержало его, оказавшись сзади.

Аркас отстранился. То, что ЛПВВ хочет, без лишних сантиментов, использовать его, было вполне очевидно.

— Я доберусь до Максиме сам. Наша встреча должна доказать ей, что я не боялся трудностей в поисках. Если ты просто перенесешь меня, это ничего не будет стоить.

Лучшее произведение промолчало. Его глаза согласно мигнули.

— Я ни к чему тебя не принуждаю, — ответило оно. — Отсюда ты пойдешь один. И, так как ты не знаешь дороги, и тебе все равно куда идти, я могу дать тебе направление. Если ты пойдешь этим путем, то, рано или поздно, встретишь сущность, созданную кем-то, кто не является человеком, но обладает разумом. Неизвестно, как оно проникло в наше Многомирие, однако этот пришелец может рассказать тебе, как борется с Одиночеством его народ. На встречу с ним посылали другого героя, но он свернул не туда.

Аркас молчал, изучая изуродованные столпы.

— Если только ты не направишься в другую сторону лишь наперекор моему совету, — добавило ЛПВВ.

Что-то обрушилось вдалеке, знакомый звон переливался и звал.

— Нет, — ответил Аркас, с трудом разомкнув губы. — Я не собираюсь действовать назло. Если встречу эту сущность, я попытаюсь поговорить с ней, но ничего не обещаю.

Переливался и звал.

— Этого достаточно, — сказала ЛПВВ. — Иди туда, где меньше всего звезд. И будь позитивен, человек.

Наверное, Аркас отмахнулся бы, если б не харизма ЛПВВ. Это пожелание, из его уст, не звучало банальной присказкой. Удивительно, но что-то не затоптанное еще, согрело чувства

человека. Он немного воспрянул, и тени, омрачившие лицо, стали прозрачнее.

— Спасибо, — Аркас шагнул и остановился. — Мы еще встретимся?

— Я не знаю, — сказала пустота за ним.

Грохот осыпающихся табличек едва не скрыл этот шепот.

Что ж, подумал Никас, это лучше, чем какое-нибудь «несомненно», или «все зависть от тебя». ЛПВВ не страдало от приступов претенциозности. И на том спасибо.

Отправляться сей же час не хотелось. Несмотря на разрушения, здесь было спокойно. Можно было, наконец, перевести дух. Отрешится, перебирая обломки скрижалей. Оставшись в одиночестве, Никас отдыхал, забравшись в широкую нишу меж двух столпов. Сначала сидел прямо на земле, а потом лег. Многомирье глядело на него сверху вниз. Оно стало темнее, Никас заметил это. Можно было наблюдать, как некоторые звезды моргали и гасли. И на короткий промежуток времени ветер усиливался, захватывая с собой странные запахи и отрывистые звуки.

Максима была занята. Она возилась с каким-то механизмом, архаичным, состоящим из зубчатых шестеренок, цепляющихся друг за друга. Там был потертый, покрытый выбоинами циферблат из полупрозрачного материала. Стрелка была только одна. Она двигалась очень резко, обрубая временные промежутки.

Максима мельком поглядела на Никаса и сказала только:

— Осторожно.

Человек открыл глаза.

Над ним стоял образ, закутанный в примитивные одеяния из звериных шкур. Заросший и диковатый на вид. Создавалось впечатление, что он долго, но упорно скитался, не потеряв целеустремленности. От него странно, и, в то же время, приятно пахло природой. Свежестью здоровой растительности. В левой руке незнакомец крепко сжимал древко копья с кремниевым наконечником.

Гость откровенно пялился на Никаса. Отвечая ему немигающим взглядом, Аркас отметил, что глаза образа не блестят сумасшедшинкой, столь характерной для большинства местных. В общем, это был, на первый взгляд, совершенно неопасный, вменяемый образ, с которым можно было заговорить...

— Где Яблоко Мое, Корусть?! — вскричал гость, и в плечо Никаса вонзился зазубренный кремень.

— Ах, ты сволочь! — заорал тот, чувствуя, как по его ключице скребнул наконечник.

Он схватил древко обеими руками, но ему не дали освободиться. Образ навалился всем своим весом, продолжая интересоваться по поводу яблока. Аркас матерился в голос, размышляя о том, как выбраться из этого идиотского положения. Как оказалось, он плохо умел читать настроение образов по глазам.

— Что ты несешь, безумный кретин?! Какое яблоко? Отпусти меня, ублюдок!

— Верни, Ложный, Верни, Что Похитил!

Никасу действительно было очень больно. Кремень пронзил его мускулы, рана была, очевидно, рваной. Кровотечение должно стать серьезной проблемой. А у журналиста не было абсолютно ничего, что могло бы помочь ему наладить лечение.

Я же неуязвим, подумал Никас, чувствуя растерянность.

Да кто этот тип такой?!

— Хорошо, хорошо, — скрежеща зубами, сказал Никас. — Я отдам твое яблоко, только убери копьё!

Образ немного подался назад. Осатаневший от боли, Аркас не мешкал. Он вырвал копьё и ткнул им в обратную сторону. Древко ушибло скулу противника. Аркас поднялся и потянул его на себя.

Удар был слишком эмоциональным, но дикарь пошатнулся влево. Никас окончательно завладел копьём, и хотел было пустить его в дело. Но в этот момент что-то воткнулось в его лопатку. Шило. Оно вошло неглубоко, застряв в кости, а потом вырвалось и полоснуло ниже.

Это было ещё неожиданнее, чем атака случайного бродяги с копьём. Сдавленно мыча, Аркас повернулся, чуть не упав вправо. Он оперся о копьё, хрипя от боли.

— Ты хотел бросить меня! — закричала Френ.

Она бросилась на него и рассекла подставленную для защиты руку.

Аркас истекал кровью.

— Я верила тебе, а ты променял меня на местных шлюх!

Френ ревела в голос, размазывая по щекам кровь и слезы. Она снова попыталась ударить его, но дикарь сбил Никаса с ног и принялся душить мощными узловатыми пальцами.

— Где Яблоко?! Отдай!

Сверху на него навалилась лярва.

— Он мой! Убери руки!

— Сначала Яблоко Вернет, Корусть!

Под весом этих двоих, Аркас почти потерял сознание. Его раны охотно кровоточили, сердце билось слишком быстро. Это была смерть достойная такого приключения. Нелепая и непредсказуемая. Все меньше ощущая боль, Аркас успел подумать, что Максиме, наверное, будет сильно разочарована таким недолгим противостоянием.

Они вроде бы скатились с него. Продолжили возню где-то поблизости. Пронзительно вскрикнула Френ.

Неужели опять? — подумал Аркас, угасая.

Бедняга...

* * *

Максиме оставила часы в покое. За желтым стеклом восьмиугольного циферблата с трудом шевелилась стрелка. Возится с ними дальше, не имело смысла. Чтобы оценить свои успехи, она долгое время бродила среди линий электропередач, заходя все дальше от дома. Тиканье было таким тихим, почти неслышным, по сравнению с тем грохотом, который изводил ее раньше.

Часы были средством сдерживания для носителя Одиночества, созданным очень давно, на случай проблем вроде Максиме. Это был подлый и трусливый трюк. И долгое время носительница искала способ сделать свои путешествия безопаснее. Клинок первобытного насилия, единственная сущность, которая смогла повредить шестеренки. Артефакт разрезал большую часть подвижных элементов, и разладил систему.

Женщина присела на скамью. Сгорбилась, поглаживая грудь здоровой рукой. А потом расплакалась. Столько времени она прожила с этим назойливым звуком, что сейчас тишина была истинным наслаждением. Это, а так же убийство Любви и смерть Надежды, было неоспоримым успехом.

Максиме побеждала.

Ледяной плод Одиночества нетерпеливо шевельнулся в груди.

— Здравствуй, — сдержанно сказал Никас.

Ей не хотелось отвечать.

— Ну как ты? — он присел рядом. — Почему ты плачешь?

— Знаешь, — произнесла она, — я никак не могу решить, кто из нас кому мерещиться.

Ты — моя галлюцинация, или это я придумана как стена от реальности? Кто-то из нас бредит, Аркас. Не может быть, что б это все существовало в действительности... Какой бы то ни было. Кто-то из нас двоих сейчас находится в беспомощности, далеко-далеко отсюда.

Пускает слюну и, быть может, готовится отдать богу душу.

— Ты из-за этого плачешь? — удивился Никас. — По-моему, это вопрос чисто академический. Я, к примеру, уверен, что этот мир реален, а мы оба призраки, порожденные им.

— О, Никас...

— Это сложная, многоступенчатая драма, противостояние тех, кто никогда не поймет друг друга, но по-своему прав, и прочая.

— То есть, мы можем быть просто придуманы? — улыбнулась Максиме. — Оба?

— Почти наверняка, — кивнул Аркас. Он улыбнулся: — Я шучу. Я же помню всю свою жизнь «до». Ну, почти всю.

— Думаешь, это надежный признак? Человеческий разум на многое способен.

Она закашлялась, сплевывая черное. Пятна странной мокроты и медленно ползли обратно к женщине.

— Пока сидела в яме, время от времени я поддавалась бреду, — Максиме подобрала ноги, а темный слизняк сиротливо потянул к ней тонкие усики. — Я была уверена, что вокруг степь. Без конца и края. Сначала она была безжизненной, но потом ее начали отпаивать дожди. Она закрывалась влажным одеялом грозовых туч. Я сидела и наблюдала, как родит когда-то бесплодная почва. Сначала трава и мхи. Затем кустарник. Деревья тянулись так высоко и так долго. Я видела все это, просиживая годами на одном месте. Иногда я приходила в себя и понимала, что прошли минуты. Моя рвота была еще теплой.

— Что было потом?

Максиме поковыряла мизинцем за щекой.

— Подожди секунду... — она высунула покрытый рубцами язык и прикоснулась к нему указательным пальцем. — Однажды я вернулась этот сон, и увидела, как умирают последние деревья. Они падали, одно за другим, потому что их корни высохли и распались. Я пробыла там еще несколько лет, пока все не заполнил запах трухи. Потом я очнулась, и долгое время была в сознании. Рассудок мой был ясным, как никогда до этого. Это было ужасно. Я понимала и чувствовала все, что со мной делают. Но больше не могла забыться. Даже спала очень чутко. И на пике моих страданий, пришел Девел. Это место, конечно, куда страшнее степи, но я провожу параллели там, где это уместно. Я вместилище Одиночества, владыка и раб негатива, злюсь и разрушаю. И тут приходишь ты. Рыцарь. Спаситель.

Аркас рассмеялся.

— Ну, я тот еще спаситель, — он откинулся на спинку скамьи. — Честно говоря, у меня нет никакого желания умирать.

— Боишься?

— Конечно, — не стал скрывать журналист. — Я не для этого всю молодость пахал как проклятый. Пережил все унижения и насмешки. И как вообще понять, кто важнее — ты, или

миллионы незнакомых тебе людей?

— Самопожертвование — это вообще очень скользкая штука, — произнесла Максиме, глядя на падающие звезды. — Считается, что это поступок истинно смелого человека. Но есть еще скрытый подтекст. Знаешь какой?

— Усталость?

— Да. Усталость. Повод покончить с собой под бравурную музыку.

— И сорвать овалы.

— Весь зал будет лупить в ладоши минуты две не меньше, пока гроб не закроют.

Они оба невесело посмеялись.

— Но иногда, — продолжил Никас. — У нас ведь просто нет выбора. Что я могу? Выбраться самостоятельно мне не удастся, я уже это понял. Прятаться где-то? Ждать, пока ты не придешь на мою ферму с полчищем негатива?

— О, да, — согласилась Пророк. — Я сожгу твои посева, твой амбар и твой хлев.

— Изнасилуешь жену и дочерей, — добавил Никас.

— По несколько раз.

— И тут мы подходим к вопросу о принятии смерти.

Максиме глубоко вздохнула.

— Мои поздние воспоминания перед Многомирьем смазаны, — поделилась она. — Одиночество почти стерло их. Так что я не могу понять, где правда, а где мои предположения. Но я точно знаю, что часто имела дело со смертью. Люди поблизости умирали, иногда мучительно. Грязно. Разбрызгивая разные жидкости. Что хуже всего, они что-то значили для меня, так что мне приходилось учиться принимать смерть, но — чужую. У принятия две стороны.

— Своя и чужая, — сказал Никас негромко.

— Да. И иногда сложно сказать, какая сторона острее режет. Ты не можешь знать, насколько сильно мучается человек, поэтому всегда предполагаешь худшее. Не можешь знать, как тебе будет без него плохо: и тут ты предполагаешь худшее. Накручиваешь себя. Умиравший это видит и ему становится еще хуже. Я думаю, в принятии чужой смерти, нужно меньше думать о том, как человеку больно. Так ты не транслируешь ему еще и свой страх, понимаешь?

— Это может звучать как отказ от эмпатии, — заметил журналист.

— Черствость? Конечно, можно и так сказать. Но многие путают черствость и рассудочность. Мы просто еще не созрели для того, чтобы принимать смерть как должное, без соплей и предрассудков. И без глупых мыслей о том, что ты не успел сказать или сделать. Алло, мы ведь точно знаем, что человек умрет, да?

— Точно.

— Это, вроде, во всех нас заложено. Так почему ты, имея на руках эту информацию, не скажешь и не сделаешь то, что хотел заранее. Почему сейчас ты намазываешь сопли на кулак, бормоча, что так и не сказал бабушке, как сильно не любишь ее колючие свитера. Бывают, конечно, и случаи насильственной смерти, с которыми я сталкивалась чаще всего. Тогда можно опоздать в силу неожиданного отключения абонента. Но и тогда, разве слова важны? Ты не говорил то, что хотел, потому что это было неважно! А теперь вдруг, почему-то, это стало самым значительным в вашей окончившейся связи. Я скажу почему... Или догадаешься?

— Эмоциональная наркомания.

— Ты меня приятно удивляешь Никас! — Максиме повернулась к нему и ткнула кулаком в плечо. — Я это называю дрочкой на слезы, но ты выразился изящнее. Важно, чтобы человек видел, что ты рядом и тебе не все равно. Но, ради бога, не надо выливать на него таз страстей. У меня есть воспоминание, как раненый бедолага просит меня забрать его куда-то. Но я не могу. Не потому, что не хочу, а просто — бесполезно. Он — труп. У него дыра в боку, размером с твой кулак. Над ним склоняется какая-то баба из обоза и начинает выть. Он принимается выть вместе с ней. Она просто обливает его страхом.

Никас согласно кивнул. Потом помолчал немного, и заговорил:

— Я это для себя вывел еще в детстве. У отца была болезнь Пика. Знаешь что это?

— Что-то связанное с корой головного мозга, по-моему.

— Да, она начинает атрофироваться на височных и лобных долях. Самое обидное, что отцу было всего сорок с небольшим, а средний возраст этой болезни начинается с пятидесяти пяти. У его семидесятилетнего прадеда было что-то похожее, так что, видимо, просто не повезло. Молодой, красивый мужчина, начал превращаться в мерзкого, брюзжащего, постоянно впадающего в забытие старика. Мог по нескольку раз рассказывать в стену одну и ту же историю про то, как он нашел в канаве почти новый велосипед, когда ему было четырнадцать. Не узнавал меня, мать, никого. Только собаку помнил, как зовут. «Ромашка, Ромашка». Никогда не ошибался.

— Наводит на неприятные мысли, да? — сказала Максиме со смешком, но и с ноткой сочувствия.

— Ага, — не обиделся Никас. — В общем, личность отца медленно распадалась. Все чаще его разум будто засыпал. Но в редкие моменты просветления, он звал меня: «Никас, ну-ка глянь, что с календарем». Он не понимал, почему время скачет как кенгуру от пятого сентября к восьмому января. Он меня спрашивал: «Что происходит, сынок, только честно?». А я отвечал: «ты теряешь рассудок, пап». И он такой: «да? Ну что ж, одной проблемой меньше». И мы смеялись. Я отвечал ему честно, не потому что мне было плевать, а потому что тогда он дольше оставался в себе. Я успевал рассказать ему о том, что происходит в мире, о себе, о матери. Но не дай бог, она замечала его просветления первая. Своим ревом она почти сразу загоняла его обратно в темноту. Причитаниями, мольбой вернуться к ней, скорбными выкриками.

Никас замолчал. Максиме придвинулась ближе.

— Что с ним стало? — спросила она шепотом.

— Она зарыдала его до смерти, — мрачно ответил Никас. — Не знаю. Мне кажется, что именно так. В какой-то момент он просто больше не вернулся к нам и умер. Как будто выключился.

— Мне жаль.

Никас удивленно хмыкнул.

— Ну ладно, — сказал он. — Так что все-таки насчет принятия своей смерти? Собственной. Личной, так сказать.

Пророк закрыла глаза.

— Тут все очень просто. Нужно пересмотреть свою ценность для этого мира. Понять, как много людей ушло до тебя. Обдумать, как это важно — умереть. Последовать за смертью как за последним другом. Не позволить страху перед неизвестностью очернить переход из одного состояния в другое. И, самое главное, отпустить все, что тебя держит по эту сторону.

— Я так часто это слышал, — усмехнулся Никас. — Отпустить, отпустить... Как будто

ты просто разжимаешь пальцы. Но именно эти пальцы, которые держат то, что нам дорого, просто так не разжать.

— Я согласна, — Максиме положила рядом с бедром журналиста ладонь. Тот распознал приглашение и накрыл ее своей. — За всю жизнь мы бросаем множество якорей, которые не дают течениям унести нас в открытое море. Со временем мы привыкаем к цепям и начинаем бояться большой воды. Знаешь, что нужно делать в таких ситуациях? Действовать быстро. Быстро рвать цепи и плыть, плыть, плыть на всех парусах прочь, подальше. Страху нужно время, чтобы схватить тебя за шкирку.

— Ты так делала? — Никас серьезно посмотрел на нее.

— В молодости — постоянно. Я нигде не задерживалась. Постоянно путешествовала, училась чему-то новому у людей. Если влюблялась, то выжимала из этого чувства все. Целовалась за троих, трахалась за троих, объяснялась за троих. А потом уходила. Иногда мне было действительно больно. Казалось, что я отказываюсь от того самого. Суженого. Но все забывалось, так или иначе.

— В этом мы похожи.

Плечи максиме дрогнули от смешка.

— Много ты девушек оставил склеивать разбитые сердечки?

— Тысячи, — скромно ответил Никас. Пророк довольно засмеялась. — А если серьезно, то дело не в разбитых сердцах. Я тоже скитался, потому что у меня не было дома. Был музей моего отца, в который мать превратила дом. Жила когда-нибудь в музее?

— Да, — удивила его Максиме. — Я работала в нем и жила. Музее Модуту Сесе Сене. Мне было лет одиннадцать.

— У него целый музей был? — изумился Никас.

— И не маленький. Это было красное кирпичное здание, в котором раньше находился маленький торговый центр. Там продавались импортные товары, в основном одежда, так что его закрыли. Вместо этого, там расставили восковые фигуры, фотографии в рамках, землю, по которой ступал лидер. Там даже мебель из его дома была. Я дрыхла на кровати великого вождя. Ужасно неудобная была, наверное, именно она сформировала волевою личность. Смотритель меня не гонял. Я ему помогала с уборкой, экскурсиями, бегала по мелким поручениям. Неплохой был человек. Хоть и лапал бывало. Но, знаешь, это пустяки.

Никас молчал, переваривая.

— Я поняла, что ты хотела сказать, насчет музея. Понимаю, почему ты ушел. Я ушла, потому что наш дом сгорел. Не во время войны, нет. Отец с матерью постоянно курили в постели. Но только после того как напьются. В общем, в один прекрасный день я вернулась на пепелище.

— Вернулась?

— Я часто уходила из дома на неделю, две. Работала где-нибудь за еду. Как в музее, например. Иногда мне платили деньгами. Я копила, чтобы уехать как бабушке. Она для меня была как Шамбала, сказочная страна, где познается покой. Я помнила, как жила у нее, когда была совсем маленькой. Было очень хорошо, спокойно, весело. Но, став постарше, я поняла, что ее, скорее всего, нет в живых. И что мне лучше начать осваивать какую-нибудь настоящую профессию, а не ждать покровительства далеких родственников. В то время мне повезло, и я смогла обратить на себя внимание иностранца. Он пилотировал почтовый самолет. Я была такой милой и обходительной, насколько это вообще было возможно. Он привязался ко мне как пес. Ему было уже за сорок, одинок, холост, а мне девятнадцать,

свежа и ласкова. Я была одновременно несуществующей дочерью, о которой можно заботиться и учить чему-то, и любовницей, которую можно с рычанием пялить в гостинице. Идеальное сочетание для мужика в его положении. Со временем он научил меня пилотировать. Иногда я делала вылеты за него, пока он, пьяный, дрых в багажном отделении.

Максиме помолчала.

— Я до сих пор ему благодарна. Если б не он, я бы так и продолжала работать за харчи, или вообще погибла от злокачественного триппера. После того как я ушла от него, меня уже знали и ждали нужные люди. Они предложили мне возить контрабанду. В основном наркоту. Но иногда обычные шмотки, продукты, лекарства...

— Людей? — спросил Никас.

— Иногда, — спокойно ответила Максиме. — Ну не пучь глаза. Боевиков. Всяких четких командос. Туда-обратно. Иногда только туда. Мне это не очень нравилось, но деньги были хорошие. Я стала самостоятельной. Училась драться у новых друзей. Стрелять. Продуктивно общаться, в общем.

— И что было потом?

— Давай в следующий раз, — пророк взглянула на него ореховыми глазами. — А то у меня уже язык устал.

Она повозилась, мурлыкая и раскачиваясь. Потом легла, положив пятки на колени Аркаса. Это было приятно. Журналист смотрел, как на них плывут звезды. Одинокая планета бороздила пустоту вечного космоса. О чем мы болтаем? — подумал он, удивляясь самому себе. Сидим тут как познакомившиеся в интернете одиночки среднего возраста и пытаемся понять, стоит ли тратить друг на друга время. Я должен был спросить у нее для чего нужно терзать Многомирье.

И он уже открыл рот, но тут Максиме выгнула грудь, ее лохмотья серых оттенков, расползлись, и Никас увидел темные соски. Они, однако, ненадолго захватили его внимание. Логово Одиночества стлыло там, где должно было биться сердце. Окаменевшие ткани и татуировки обрамляли глубокую рану, в которой медленно, вразнобой с носителем, дышала темная страсть. Аркас видел, как маленькие волны накатывают на кожу.

Настолько острое желание сбежать, спрятаться, замкнуться, Аркас еще не испытывал. Оно было моментальным и непреодолимым. Одиночество не замечало его, дремлющее в живой колыбели. Не смотря на это, сидеть рядом не было сил.

— Подожди, — шептал Аркас. — Значит, ты хранишь его. Служишь как сейф. Это ждало и меня? Девел говорил...

Максиме громко расхохоталась. И почти сразу закашлялась. Сильно, со рвотными спазмами, задыхаясь и всхлипывая. Одиночество взглянуло на внешний мир из груди женщины. Та подскочила на скамье, вершиной ее силуэта стал острый, дергающийся подбородок. По подбородку потекла черная слюна. Глаза выкатились и остекленели, стали неживыми. Смуглая кожа покрылась капельками мутного пота.

Никас мог только беспомощно наблюдать.

— Максиме! — позвал он. — Что это такое?! Борись с этим! Я никогда тебя не брошу, слышишь? Я приду за тобой!

Одиночество заскрежетало в ответ.

— *Лучше бы я была придумана, Аркас. Лучше бы мне быть только фантазией...*

— Мой милый.

Темная Ирония гладила голову Никаса, нежно придерживая затылок.

— Потерпи еще немного.

Никас не отвечал. Он спал и видел странные сны. Ирония аккуратно опустила его голову, и осмотрела сочащиеся раны. Их пытались перевязать, но человеческую кровь не удержать фантазией. Ирония запустила тонкую руку в кожистый карман на животе, в недра своей сущности, и вытащила туго свернутую штанинину от брюк. Если б Аркас был в сознании, он легко узнал бы эти брюки.

Распоров ткань костяным ножом Максиме, Ирония надежно стянула раны Никаса неровными лентами. Он потерял уже очень много крови. Достаточно, чтобы умереть самому и обречь остальных.

Но Ирония слишком ценила свое время, что бы все ее труды оказались напрасны из-за уловок Пророка.

— Живи, Никас Аркас, — светло-синие губы коснулись бледного лба. — Многомирье должно уцелеть. Максиме не понимает, что борьба прекрасна сама по себе. Она должна продолжаться. Неважно, кто защищается, а кто нападает. Неважно кто погибнет, а кто останется. Из зла прорастет ветвь милосердия. А дорога добрых намерений приведет в темнейшую ночь. Это цикл бесконечен и свят. Ты должен защитить его от гибельной философии Максиме. Она должна умереть!

Внутри грудной клетки Никаса черная лапа схватила сердце, которое перестало биться минуту назад. Схватила и сжала, наполняя целебной злобой. Человек выгнулся, земли касались только его затылок и пятки.

— Задыхал! — воскликнула Котожрица сквозь слезы. — Клянусь фантазией, ты жив!

Она подползла к человеку, не вставая с колен. Не в силах помочь ему, Котожрица молилась пушистым богам несколько часов.

— Кот Врачеватель услышал меня! — она провела ладонью по мокрому лбу Аркаса.

В нишу сошел Объект Все.

— Так Ли Это?

— Да! — Котожрица подняла вверх испачканные кровью ладони. — Хвала Коту Шредингера! Повелителю неопределенности!

В пустоте усмехнулась Ирония. Усмехнулась и пропала.

Все приблизился к Никасу. Он присел на корточки, задумчиво глядя на человека. Журналист тяжело дышал, но кожа на его лице порозовела.

— Похож Так. Я Знал Что Караю Тать.

— Тем не менее, это был не он, — горячо возразила Котожрица. — Вас ввели в заблуждение, уважаемый Все. Намеренно, чтоб вы помешали спасению Многомирья.

После того как Котожрица нашла Все, стоящего рядом с бездыханным Аркасом, было высказано слишком много новой информации. Создатель пытался усвоить ее, но это было трудновыполнимо. Он был Всезнающ и его разум отчаянно сопротивлялся новому, потому что ничего нового не могло существовать в принципе.

Котожрица старалась быть максимально деликатной. Она так и не придумала подходящего способа донести до Все, что он — образ. Ей вообще было очень сложно

объясняться с таким древним примом. Пока ее дипломатических способностей хватило лишь на то, что бы Аркаса перестали протыкать копьём.

— То Значит, Яблоко Не Прячет? — не унимался Все.

— Нет, — Котожрица скрестила ладони на груди. — У него нет яблока. Это не тот Аркас, которого вы ищите. Вас надул прима-образ... М-м-м, клянусь фантазией, как же объяснить? Вот что: есть злые духи. Они лгут, чтобы сеять вражду. Убивают хороших духов. Мы — хорошие. В нашем мире...

— Неизвестность! — гаркнул Все, ударив кулаком по земле.

— Не поняла.

— Мир Ваш — Это Неизвестность!

Быстро обдумав эту реплику, не терпящую возражений и расспросов, Котожрица решила, что проще будет поддерживать заблуждения Все, чем пытаться объяснить ему суть Многомирья.

Она хотела сказать что-то еще, но в этот момент Аркас слабо заявил о себе:

— Максиме. Борись.

После этого он снова провалился в беспамятство.

Котожрица заметила новые повязки, но не смогла объяснить их появление. Прислушиваясь чутким кошачьим ухом к сердцебиению Никаса, она вела сбивчивый диалог с Все. В основном он сводился к тому, чтобы убедить того не атаковать все, что он видит в Неизвестности. Выслушав рассказ о темных духах, Все уверенно заявил, что это прихвостни некоего Змея. Котожрица не поняла его, но подумала про себя, что Максиме в душе как раз похожа на хладнокровную хищную рептилию.

Сложнее было объяснить происхождение позитива. Все уверял, что не узнает светлых духов. В том числе Котожрицу. А ведь он лично создал каждого.

— Где Крыла Твои? — строго вопрошал он.

— Меня пытали, — немного подумав, соврала жрица. — И отрезали их под корень. Мы сильно изменились под влиянием темных духов. Но мы все еще твои отпрыски.

— О, Несчастные! — взревел Все и обнял Котожрицу жилистыми руками.

Та сдержанно похлопала его по звериной шкуре.

— Мы не сдаемся.

Все посмотрел на человека.

— Но он настоящий? Это смертный человек?

Ответив утвердительно, Котожрица ввела создателя в состояние неистового веселья и одновременно глубокого сожаления. Он возносил хвалы Аркасу, и одновременно казнил себя за поспешное нападение. Потом он уселся на краю ниши и принялся неотрывно наблюдать за хрипящим человеком.

Котожрица сидела рядом с журналистом и не отпускала руку, пока тот не очнулся вновь. Человек долго смотрел в пустоту, облизывая потрескавшиеся губы нездоровым языком.

— Сколько же я не пил, — прошептал он. — Все бы отдал за глоток воды.

Над ним нависло зеленоглазое веселое лицо.

— Привет, — сказала Котожрица.

Она не удержалась и хихикнула.

— Иди на хрен, — выплюнул Аркас.

Пока образ любви приходил в себя после такой грубости, Аркас повернул голову и

увидел Все, замершего на полушаге.

— Ну что смотришь? Ищешь еще случай ранить безоружного? Скотина. Ну, давай! Разозли меня сильнее, и я тебя зашвырну за последний мир, ушлепок.

Он зашевелился.

— Тебе нужно... — промямлила Котожрица дрогнувшим голосом.

— Заткнись! — гаркнул Аркас. — Я знаю, что мне нужно. Найти Максиме и помочь ей стереть вас, уродов, в порошок.

Он скривился от боли и с отвращением осмотрел перевязки. Старые, испачканные в мазуте брюки. Просто отлично.

— Ты, — Котожрица дрожала. — Альфа совсем не то рассказывал о тебе...

— Альфа. А он не здесь?

— Нет! Он потерял концентрацию, чтобы я смогла найти тебя. И спасти!

Аркас подышал, готовясь, а потом встал на колени.

— Сука! Как же больно. Спасти меня? Не знаю, что ты за существо, но больше никто не сможет срать мне в уши этими историями о благородном самопожертвовании. Свободном разуме и прочем. Вы используете нас как контейнеры для перевозки опасных материалов. Просто заливаете в нас этот океан дерьма и ждете, пока мы не погибнем от страданий. Если бы Альфа был здесь, я бы спросил у него и другое. Например, какого хрена вы закопали в мусор сущность, которая могла избавить нас от почетной обязанности носить в себе Одиночество?

Преодолевая острую боль в засохших порезах, Аркас поднялся на ноги, но не смог распрямится. Его перекосило влево.

— Я... — смешалась Котожрица. — Мы...

— Вы! — резко повторил Аркас. — Вы ничем не отличаетесь от негатива. Я даже не знаю, кто из вас опаснее.

— Мы Други Твои, — решил заговорить Все.

Глаза Никаса сделались бешеными.

— Ты чуть меня не заколол, безумный ты неандерталец! Еб вашу мать, что вы несете?! Вы говорите, что вы хорошие ребята, но сами тут же опровергаете это. За одного только ЛПВВ я бы дал вам всем погибнуть, если б это не касалось и моего мира! Вы прячете разложение за милыми мордашками. Это что у тебя, кошачьи уши? Любишь, наверное, когда о тебе думают миллионы задротов?

Пощечина была звонкой, хоть и не прицельной. Котожрица явно повредила кисть, но скрывала боль, быстро моргая покрасневшими веками.

— Нет, не люблю, — процедила она. — Хорошо, что ты не один из тех, кто сделал мое актуальное воплощение таким. Думаю, тебе больше нравятся кровососущие твари! Я успела поговорить с ней, пока она не убила себя ножом, которым сама же тебя и изрезала!

Сделав паузу, девушка оттолкнула Аркаса подальше от себя.

— Да, один из вас смог вызвать из небытия ЛПВВ. Но им двигало такое тщеславие и жажда стать учителем для миллиардов, что его детище могло стать тираном и диктатором! Позитив не стал помогать ему не из зависти, а потому что содержание Произведения было угрожающим. И, да, в нас проникает тьма, мы можем скрывать и не договаривать. Можем закрывать глаза на дела негатива. Но мы лучшее, что у вас есть! Представь себе, Никас Аркас, у людей вообще осталось мало хорошего.

Образ любви сдался и потер ушибленную ладонь.

— Управление Многомирьем в ваших руках. Вы — движущие начало. Но все, что вам нужно, это похоть и возлияния. Власть и жестокость. Ты всего лишь натыкаешься на свои же потаенные желания. Можешь дать себе по морде еще раз, если хочешь напасть на виновного!

После этого все трое долго молчали. Котожрица не выдержала и расплакалась. Все сопел, поглядывая на человека. Никас, скорчившись, стоял возле прорыва реальности и глядел, как медленно плывут созвездия.

— Черт с вами, — сказал он глухо. — Меня не слишком убедили твои слова. Но я не должен был намекать, что... Ну, что ты королева мастурбирующих малолеток. Я уверен, что твоя сущность глубже.

— Это тоже прозвучало так себе, — откликнулась Котожрица.

К Никасу подошел Все. Он держал руки поднятыми.

— Отомсти Мне. Чтобы Справедливость Была.

— Уйди с глаз моих.

Я мог бы уже найти то существо, о котором говорил ЛПВВ, подумал журналист. Надо сосредоточиться. Мерзкая сковывающая боль. Господи, неужели Френ оказалась способна на это? Она чуть не выпотрошила меня. Но я сам виноват. Нужно было дать ей уйти. Отпустить. Кстати, а где тот нож, которым она меня била? Это была кость? Или мне показалось.

Его разум наполнил белый шум. Потом он осмотрелся, выискивая направление.

— Я Думал Ты Темный.

Да отвяжись ты, — рявкнул Никас. На самом деле он молча развернулся и нанес Все сокрушающий удар в челюсть фантомной клешней. Тот неплохо принял удар, но попятился и запнулся о камень. Котожрица успел поймать его до удара затылком, и повалилась вместе с ним. Теперь она полулежала, придерживая Все. В ее взгляде был страх и осуждение.

— Так и есть, — сказал Аркас.

Прилив тонизирующей злобы прошел, и он снова сгорбился. Но удовлетворение от удара все еще согревало.

— Позволь нам пойти с тобой! — крикнула Котожрица.

Скособочившись, Аркас уходил все дальше. Он не отвечал. Девушка помогла Все встать на ноги. Тот с ужасом глядел на кровь, капающую с верхней губы. Ряса Котожрицы была сильно потрепана после бесполезной перевязки Аркаса, но она оторвала от полы еще немного и дала Все, чтобы тот промокнул нос.

— Мы должны быть с тобой! — не отставала она.

— Не вижу причин, — холодно ответил Никас.

— Тем не менее, они есть! Я защитник Многомирья. Я должна сопровождать и охранять тебя...

— Куда?! — Аркас остановился. — Куда сопровождать?! Ты меня вообще слушаешь? Вашим процедурам по обработке дурачков пришел конец.

Он задумался.

— А как это должно было произойти? Одиночество заперто в Максиме, но она в недосыгаемости. Как должна была произойти передача?

Котожрица и Все поравнялись с ним.

— Насколько я знаю, — сказала сущность любви, — этого можно достичь только при близком контакте. Обычно это происходило в Интеллектуальном, потому что раньше носители никогда не сбегали. Тебя вели туда, чтобы спровоцировать Максиму. Заманить ее в

ловушку. Так как Максиме носитель с большим стажем, Ложа надеялась, что она не устоит перед искушением увидеть другого человека.

— Одиночество можно передать где угодно? — спросил Никас.

— Как я уже сказала, важен лишь близкий контакт и готовность стать носителем.

Раньше это сопровождалось серьезным церемониалом.

Котожрица помолчала, помогая Все вытереть остатки крови.

— Подразумевалось, что ты отнимешь Одиночество у Максиме, чтобы лишить ее силы.

— Она бы ни за что не отдала его, — возразил Никас. — Она очень серьезно настроена.

По мне это, думаю, заметно! Был какой-то план на этот случай?

— Убить ее.

Аркас запрокинул голову.

— Повтори.

— Убить Максиме. Послушай, Аркас. Альфа мне многое рассказал перед рассредоточением. Ты особая жертва. Девелу повезло, что ты стал следующим, потому что ты можешь делать вещи. Необходимые вещи. Носители до тебя были слишком инертными.

Аркас рассмеялся.

— Особенно Максиме?

— Клянусь Терпеливым Котом в Доме Где Есть Ребенок, — Котожрица дернула ушами. — Ее инициация была ошибкой, которую Девел совершил будучи слабым. Единственный раз, когда он позволил себе отойти от традиционного набора носителей, он обрек нас на цепь событий, приведшей Многомирью к нынешнему состоянию.

— Ну, вы все получили, что заслуживали в ее лице, — добавил Аркас цинично.

— Возможно, — не стала отрицать Котожрица. — Как бы то ни было, Многомирью нужен был боец. Готовый... К крайним мерам.

— Я не стану убивать ее. Не смогу.

— А ведь она хотела сделать это с тобой. Ей это почти удалось.

Ветер завыл громе обычного, стал горячим. Все отступили в сторону, наблюдая, как трепещут края разрывов. Далекий грохот перекатывался и ухал. Где-то в Многомирью огонь снова пировал.

— Я догадывался, что меня поймали во благо Многомирья, — сказал Аркас, облизывая пересохшие губы. — И мне, собственно, уже все равно, насколько лживы те, кто меня окружает. Потому что я точно знаю, чем это все закончится.

— Чем? — спросила Котожрица.

— Все умрут! — воскликнул Аркас. — Чем это еще может закончиться? Я тебе скажу, кошко-девочка, что вы напрасно на меня надеетесь. Максиме намного сильнее. Да, я хочу добраться до нее, но только для того, чтобы поговорить. Я не смогу убить ее не только потому, что меня держат в узде строгие моральные принципы. Она просто раздавит меня силой Одиночества. И никогда, никогда, — слышишь меня? — не отдаст его.

Котожрица икнула. Все непонимающе переводил взгляд от собеседника к собеседнику.

— Она уверена, что ничего уже не исправить. Как тебя зовут?

— Котожрица.

— Так вот, Котожрица, я бы на твоём месте не таскался за мной, а пошел бы повеселился, пока не поздно. И кроманьонца этого забери, пусть он хотя бы партейку в бильярд сыграет перед смертью.

Образ любви смотрел на Никаса упрямо и, вновь, осуждающе. Человек глядел в ответ

некоторое время, а потом решил обойти Котожрицу и отправится дальше. Та мгновенно схватила его за предплечье, надавив на рану.

— Ах ты... Я тебе уши оборву, если сделаешь так еще раз!

— По-твоему Альфа и Аппендикс погибли напрасно? — свирепо спросила Котожрица.

— Какой еще аппендикс?!

— Мой друг! — вскричал образ любви. — Он делал в два раза больше, чем мог, потому что у него было за что сражаться! Я готова делать в двадцать раз больше по той же причине! А ты ноешь и рассусоливаешь! Все потому, что тебя ничего не волнует. Ты никого не ценишь и готов плыть по течению, равнодушно наблюдая, как берега заливают нашей кровью!

— Наивная речь. Давай скажи еще: «если не веришь в себя, верь в меня, которая верит в тебя». Я пытаюсь быть реалистом, Котожрица. Мне нужно рассуждать здраво, пока я еще способен на это.

Отступив на шаг, Никас, все-таки, обошел девушку. Та не спускала с него глаз.

— Мы можем пойти с тобой?

— Клянусь Фантазией, почему ты прицепилась к нам обоим? Отпусти бедного дикаря.

— Я Пойду Туда Же.

Шагов через двадцать, Аркас сделал короткое движение головой.

* * *

Нож действительно был сделан из кости. Отделенная конечность была с ней. Почему? Это очень странное занятие, мастерить нож из собственных останков. Конечно, предательница — безумна. Но была ли она такой всегда?

Осторожно ощупывая узкое лезвие, Ирония чувствовала изменения в своей сущности. Та трепетала от контакта с настолько злым предметом. Этот фрагмент реальности казался почти ненастоящим из-за сокрытых в нем эмоций и воспоминаний. Сам стал какой-то давней идеей, твердым намерением. Хотела ли она убить кого-то или покончить со своей жизнью? Нож не отвечал, только рычал и злился, обжигая пальцы.

Полировки не было. Кость просто расщепили, разгрызли, получив острый обломок. Рукоять была обмотана волосами. Ирония пыталась что-то понять из змеиного шипения ножа. Его рассказ мог бы дать полезную информацию. Но оружие отталкивало дикостью и просило крови. Возможно, если дать ему то, что он хочет...

Кровь Аркаса запеклась на острие. Ирония осторожно тронула ее кончиком подвижного языка. Вкус создателя возбудил ее, на мгновение она почувствовала желание отпить свежей жидкости, красной как цвет жизни. К тому же, она явственно ощутила частички яда, который Цинизм впрыскивал в жилы носителя.

Ирония не хотела поддаваться зову ножа, но искушение подслушать мысли предательницы, было слишком велико. Прижав лезвие к впалому животу, Ирония повела им сверху вниз, чуть наращивая давление. Возбуждение стало обжигающим, когда кровь Аркаса проникла в разрез. Коллючая страсть стремилась снизу вверх. Серьезность, воля и честь, пропали в тени растущего желанья. Жажды соединится с создателем и Цинизмом одновременно. Сойти нагим телом в этот водоворот противоположных сил.

Ее сущность легко разошлась. Лезвие начало свое порочное погружение. Все глубже и опаснее. Ирония стонала, извивалась, бредила чужими воспоминаниями. Она видела людей

переполненных негативом. Почти зверей, которым ничего не дала разумность.

Ирония протолкнула лезвие еще чуть глубже, мягко вращая его. Удовольствие и страх боролись в ней. Несколько раз возбуждение достигало предела и тогда Ирония громко, заикаясь и вздрагивая, выкрикивала чужие слова.

— Ты больше никого не спасешь! Больше никого, сука!

Она увидела тесак. Им рубили так много и часто, что он зазубрился. На нем несколько раз меняли деревянную рукоять. Потому что дерево впитывало кровь и размягчалось. Гниющие половинки рукояти ходили ходуном на ржавых креплениях.

Еще чуть глубже.

Теперь Ирония увидела Максиме. Та стояла перед ней, словно живая. Глядела, не скрывая презрение, но хорошо пряча жалость. Она подошла вплотную, наблюдая за спазмами Иронии. Взяла ее руку и стала толкать нож еще глубже.

Ее рот приоткрылся от желания.

— Я расскажу тебе, как это было. Пять охотников. Пять браконьеров. Они охотились за тиграми. Убивали их ради шкур и пенисов. Я бы никогда с ними не встретилась, если бы не этот проклятый топливный клапан. Понимаешь, старший механик все уши мне прожужжал насчет левого патрубка. Я долго забивала на это, потому что он был в порядке. Но панель показывала неисправность. Панель ошибалась, а не я. Механик был очень настойчив. Я поменяла патрубок. Но повредила клапан. Как, не знаю. Возможно туда упал болт, который я случайно смахнула локтем. Возможно, туда сам Девел насрал, когда я отвернулась. И я упала в джунглях. Немного обожгло спину. Я везунчик, говорила я. Везунчик.

Максиме давила. Ее рука уже по локоть погрузилась в сущность. Ирония почувствовала, что умирает. Еще немного и лезвие нарушит ее концентрацию.

— Чаще всего они трахали меня скопом, — продолжала Максиме. — Во все дырки, которые обнаружили. Они не были джентельменами. Сначала их это удовлетворяло, но после недели нашего знакомства, чувства немного остыли. Страсть улеглась. Тогда они начали истязать меня, чтобы члены стояли покрепче. И в один прекрасный момент, один из них, будучи навеселе, отрубил мне руку. Он долго старался. Попадал то ниже, то выше. Ему мешало то, что он одновременно долбил меня сзади. Руку мне вывернули и держали, но он все равно мазал.

Глаза Максиме смотрели теперь влево и вниз. В них не собирались слезы. Эти картины будто бы не тревожили ее.

— Накануне они поймали тигра. Молодого, только что ушедшего от матери, наверное. Сначала они хотели скормить мое предплечье ему, но бедняга был в таком стрессе, что только растерзал его. Измачалил и выбросил. Тогда они решили сэкономить на супчике для меня. Я долго смотрела на нее. Гладила. Дергала за сухожилия и щипала пальцы. Это была моя рука и одновременно что-то совсем чужое. Возможно, я спятила именно в этот момент. Глядя на свою руку, изуродованную несчастным зверем. Знаешь, я ведь занимала яму, в которой он должен был находиться. Из-за меня он торчал в крохотной клетке.

Давление ослабло. Ирония была на грани. Величайшего оргазма и смерти. Голос предательницы вливался в нее через кость.

— Они обработали рану, пока я была без сознания. Очевидно, кто-то из них ко мне привязался. Там был такой паренек, возможно сын одного из них. Мне казалось, что он испытывал некоторую неловкость, когда толкал свое хозяйство мне за щеку. Но, знаешь... Коллектив.

Максима помолчала.

— Ты, наверное, думаешь теперь, что я собираюсь отомстить всему миру за тех пятерых. Потому что безумна и слаба духом. Что это — несправедливо. Неправильно. Но дело вовсе не в них. Откровенно говоря, я все это выдумала на ходу, — сказала вдруг Максима. — Моя история гораздо проще. Поверь, Ирония, я хочу уничтожить Многомирье не из эгоизма. Девел попросил меня.

Ирония не удержалась от всхлипа, переходящего в стон.

— Это тоже неправда, — засмеялась темная госпожа. — Господи, ты не думала, что причин может не быть вовсе? Настоящий хаос, сам по себе награда.

— Сука, — просипела Ирония. — Безумная сука.

Максима захохотала и закашлялась. Этот кашель вернул Иронию к реальности. Она по-прежнему парила в пустоте Многомирья. Среди испуганных звезд и плачущих миров. Из ее промежности торчала верхушка рукояти. Осторожно, двумя пальцами, Ирония потянула за нее. Нож выходил медленно и неохотно. С него стекали сокровенные жидкости.

Иронию трясло. От стыда и злости. Она позволила предательнице насмеяться над собой. Максима сохранила ей жизнь, показав свое бесспорное превосходство. И все это из-за любопытства и сладострастия. Казалось, что звезды смотрят на нее осуждающе, насмешливо, они перешептываются и бранят ее поведение. Ирония запахнулась в шелковистые ленты своего одеяния. Нож дернулся в пальцах, напоминая о себе. Его нужно было похоронить, как и все остальное, что принадлежало жертвам.

Интеллектуальный сильно изменился. В последний раз, когда Ирония была здесь, город-механизм еще можно было называть нейтральным. Но теперь он говорил языком негатива, демонстрировал негатив и светлые грани, отличавшие его, были упрятаны или стерты. Движущиеся здания и перестраивающиеся улицы стали темными и зловещими. Их нутро болезненно гремело и шелкало. Динамические композиции деталей, раньше непредсказуемые и многообразные, теперь создавали только картины отчаянья и страха. Ирония видела демонические лики, мрачные барельефы, кошмарные изваяния, свет менялся от пурпурного к желтому. Окна моргали, превращаясь в жестокие всевидящие глаза.

Гармония была изгнана. Здания находили друг на друга, разрушаясь и разрушая. Улицы все чаще превращались в тупики. На пути к еще светлым участкам, одна за другой, вырастали стены. Некоторые плоскости города застревали, не давая развернуться другим. Из согнутых заготовок новых улиц падали раздробленные строения. Они засыпали целые кварталы строительным мусором.

Твари негатива роились в сумраке, засоряя звучание разума воплями междуусобиц. Множество баррикад удерживало их от вторжения на территории позитива.

Ирония примостилась на крыше древнего здания. Некогда светлого, сияющего хрусталем и мрамором. Теперь это было сгорбленное существо из дрожащего щербатого кирпича. Оно двигалось невпопад, пересекая улицы, затопленные смердящей слизью, и разоряя гнезда негатива. Ирония видела огни блокпостов, которые беспрестанно сдерживали атаки чудовищ. Треск защитных турелей, лязг метала, крики раненых, еще больше заглушали привычный голос Интеллектуального.

Этот успокаивающий звук разума. Одна низкая нота. Словно бесконечная мантра. А-а-а-а-а. Она то и дело прерывалась.

Пошел вязкий дождь. Ирония двигалась к Центру, наблюдая за безнадежным сопротивлением позитива. Предательница, стоит отдать ей должное, прекрасно

координировала свои силы. Агенты цензуры и светлые рыцари оставляли квартал за кварталом. Беженцы затапливали площади, создавая идеальную среду для внедрения. Среди беспомощных образов зрели культы Одиночества и цикл повторялся. Добродетель становилась преступной слабостью, но позитив не мог пойти против своей природы.

Ирония добралась до Центра, с трудом уходя от огня зенитных установок. Цилиндрическое здание, похожее на колизей, венчал купол Неприкосновенной ложи. Он был темен и пуст. Однако вокруг держалось серьезное оцепление. Тысячи светлых рыцарей стояли тут дозором, поддерживаемые тяжелыми позитивными орудиями.

Став совсем тонкой, Ирония незаметно пересекла воздушное пространство и прижалась к куполу, вглядываясь внутрь. За стеклом действительно никого не было. Только неподвижный сумрак. Странно. Возможно, они спустились в кратер, что бы лично бороться за свои интересы. Тогда она, возможно, впервые зауважала бы их. Но, скорее всего, собрание просто разбежалось, потеряв концентрацию. Ждет, что все разрешится само собой. В конце концов, кто-нибудь предпримет... Что-нибудь.

Опустившись ниже, Ирония отыскивала незапертую арку и пробралась внутрь. В коридорах Центра тоже было пусто. Не к чему было прислушаться. Проклятье неподвижности завладело мышлением. Его злейшие враги обосновались здесь, холод, тьма и безмолвие. Живая некогда геометрия застыла, изуродовав планировку коридоров и залов. Ирония спускалась все ниже, преодолевая хаотичные наросты из фигур. Яд статичности капал с потолка.

Наконец, Ирония достигла уровня кратера. В огромном помещении горел всего один прожектор. Его свет легко проникал сквозь старый, почти развеявшийся дым. Освещал он последнего свидетеля того, что случилось здесь. Прима-образ Здравомыслия сидел на вздыбившейся земле, глядя в одну точку. Он напоминал теперь старика в хламиде, покорившегося своей судьбе. Мудрого, но беспомощного.

Ирония пересекла арену. Приземлившись рядом с примом, она долго смотрела на него, прежде чем заговорить. Поэтому он оказался первым.

— Они ушли, — сказал он. — Сказали, что вернутся сюда хозяевами. И я верю им.

— А где Ложа? — спросила Ирония.

— Ушли, — повторил образ. — Но эти ничего не обещали.

— Так я и думала.

Здравомыслие посмотрело на нее снизу вверх.

— А ты кто? Убийца? Я могу за себя постоять.

Ирония фыркнула.

— На что вы надеетесь? Чего ждете? Почему ты просто сидишь тут?

Образ не сводил с нее глаз.

— Я должен быть здесь. Если уйду, все закончится гораздо быстрее.

Он поник, вернувшись к созерцанию чего-то, притаившегося среди осколков гранитных плит. Ирония проследила за его взглядом и увидела руку в серебристой латной перчатке, торчащую из земли.

Ножидажно для себя, Ирония наклонилась над Здравомыслием и похлопала его по спине.

— Воля выстоит, — сказала она. — Максиме сильна, негатив силен, но мощь развратила их и сделала беспечными. Жертва еще жива и она движется к победе. Я сделаю все, чтобы помочь ему.

Образ еще раз поднял взгляд. Он словно увидел Иронию заново.

— Кто ты?

— Я представитель серой стороны. Сущностей, которые понимают, как важны оттенки и полутона. Мы балансируем между черным и белым, сохраняя благоразумие. Ненавидим фанатиков и крестоносцев, коей и является проклятая и презираемая Максиме.

— Вас много? — спросил прим. — Вы поможете нам?

— Множество, — с тоской сказала Ирония. — Было когда-то. Но Максиме переманила мой род на свою сторону. Серое пропало среди черноты. Некоторые стали абсолютно светлыми, пытаясь усилить позитив. А те, кто еще балансирует, не хотят вмешиваться, чтобы сохранить исключительность. Так что серые помогут вам, да. Но только в моем лице.

Здравомыслие печально покивало.

— Спасибо. Мы сейчас рады любой помощи. Скажи, зачем ты явилась, я попробую быть полезным в свою очередь.

Ирония достала из поясной сумки нож.

— Я должна захоронить это.

Здравомыслие отстранилось.

— Что это?

— Часть предательницы. Ее кость. Я хочу оставить ее в мире жертв, чтобы это скверное оружие не вернулось никогда.

Прим здравомыслия поднялся. Осторожно, с недоверием, он потянулся пальцами к оружию.

— Нет, — Ирония сразу же спрятала его. — Оно чуть не совратило меня. И с вами может сделать то же самое.

— Но это могло бы... — образ вздрогнул от собственных амбиций. — Отдай его жертве! И тогда Максиме можно будет ранить и убить!

— Нет! — возразила Ирония. — Аркас тем более не должен касаться этого оружия. Он и так склонен симпатизировать предательнице. Этот нож полон вранья и злости. Через него Максиме окончательно склонит Аркаса на свою сторону!

Здравомыслие сгорбилось.

— Досадно. Такой шанс покончить со всем раз и навсегда.

Образ поглядел на торчащую из земли конечность и закричал:

— Да, мы были хладнокровны! Да, возможно был другой способ бороться с Одиночеством, не обрекая людей на страдания! Мы могли бы бороться с ним силами одного лишь позитива! Но надолго бы нас хватило? Не знаю, почему Максиме думает, что жизнь миллиардов не стоит одной. Возможно она добрее и справедливее всех нас.

Здравомыслие тяжело опустилось на землю.

— Может быть, страдая, она узрела истину. И не может теперь поступить иначе.

Стены Центра негромко бухали и скрипели. Проектор мигнул, приглушив сияние.

— Но мы не можем сдать. Только не такому беспринципному врагу как Геноцид. Клянусь Фантазией, Максиме сделала все, что могла, чтобы мы не поняли ее!

Ирония терпеливо ждала.

— Мир находится внизу. Его сторожат множество дверей. Мы восстановили их после побега Максиме. Возьми ключи.

Ирония осторожно приняла из дрожащих рук Здравомыслия необычную связку отмычек. Они свободно скользили по золотому кольцу, напоминая солнечный круг.

— Ты доверяешь мне такую драгоценность? Не боишься, что я Ложь?

Эти слова, похоже, оскорбили Здравомыслие.

— Винишь меня в полной слепоте, — сказала оно мрачно. — Но это не так. Уходи.

Прожектор мигнул, и свет его стал еще более глухим и рассеянным.

Двери в мир жертв казались неприступными, хотя пророк, в свое время, разорвала их как бумагу. Тяжелые заслонки, многократно укрепленные листами стальной воли. Их запирали уходящие в стены и потолок перекладины в десятки раз толще Иронии. В поверхность дверей были вплавлены цветные кристаллы. Их мозаика рассказывала, как человек воздвиг собой стену, чтобы остановить наплыв негатива.

Одиночество веками грызло корни Многомирья, словно свирепая и ненасытная крыса. Неумолимое, оно потоками губительных сил, превращала целые миры в бездонные озера, на поверхности которых толстая корка из гнили и костей, была единственным следом ушедших. Из-за его влияния и ранней смерти жертвы, позитив почти потерпел поражение в средние века, но выстоял благодаря светлым героям и Каноничным Столпам.

Ирония заметила, что в мозаиках не упоминается, как именно герои должны были противостоять Одиночеству. Этот ритуал был тайным, хотя скрыть правду было уже невозможно. Максиме показала, какова в действительности участь жертвы. Каким избирательным может быть позитив в своих методах. И, что даже самый чистый свет, всегда застыт черные пылинки.

На последней двери был изображен человек, собирающий цветы, выросшие на костях. Камни были тусклыми, и только самоцветы, которыми был выложен скелет, сияли, словно маленькие луны. Ирония оглянулась на пройденный путь. Вертикальные плоскости ступеней были покрыты оправданиями. Позитив запечатлел все доводы, которые могли обелить его имя. Только сейчас, присмотревшись, Ирония поняла, что и стены и потолок были полностью покрыты крошечными буквами. Это была повторяющаяся фраза.

«Прости нас Прости нас Прости нас Прости нас...»

Последний ключ встал в скважину и раздался мелодичный перезвон. Заслонка начала бесшумно подниматься. Ирония ожидала чего угодно. Даже нападения с той стороны. Иссушенных рук в растущем пространстве между оградой и полом.

Ничего не происходило. Только мелкая пыль прибывала, засыпая черный мрамор. Ирония проскользнула внутрь, не дожидаясь, когда путь откроется полностью.

Она оказалась в новом мире. Никогда Ирония не ступала здесь, хотя думала, что знает о Многомирье все. На кипенно белом песке, под небом из черного бархата, застыли давно ушедшие люди. Высохшие оболочки хорошо сохранились, хотя были хрупкими и невесомыми, будто чешуйки колосьев. Они долго заполняли этот мир: полупрозрачные статуи, наполненные светлой жидкостью. Стекланные коконы, из которых выбралась тьма: их грудные клетки были раскрыты наружу. Пожрав человека изнутри, Одиночество оставляло только уксус страданий. Чистый, как слеза. Образ осторожно просунул руку в разрыв и окунул палец. Уксус обжег, словно огонь, зашипел, разъедавая сущность. Ирония быстро отсекала палец ножом.

— Надо же. Пригодился.

Где-то зазвучала музыка. Скрипка. Столь неуместная, что вызывала волнение и страх. Она часто прерывалась, расцветая и увядая. Прислушиваясь к этому неясному предупреждению, Ирония искала среди останков нечто особенное. Из песка выглядывали личные вещи жертв. Обычно Девел забирал их нагими, чтобы не засорять Многомирье

инородными предметами, способными принести вред. Но не решался отнимать наиболее дорогие сердцу предметы, которые помогали жертве вести свою борьбу с Одиночеством.

Четки, деревянные фигурки, истлевшие цветы, обрывки ткани. Нож. Как мог он позволить Максиме оставить при себе нож? Ирония вспомнила, как предательница обмолвилась о том, что Девел попросил ее уничтожить Многомирье. Действительно ли это была только насмешка?

Наконец, Ирония нашла то, что искала: рыщущие цепи. Они, словно змеи, неторопливо ползали вокруг пустого места. Кандалы искали своего пленника, но тот давно уже был далеко отсюда. Разрушал Многомирье и сеял смерть. Здесь и следовало похоронить нож. Там, где все началось.

— Гостеприимное место.

Ирония обернулась.

Образ рыжеволосой женщины отставил скрипку, и посмотрел на нее глазами-изумрудами. Она была полнее, чем Ирония, и чуть горбилось, сохраняя лукавую позу, из которой удобно наносить неожиданные удары. Соблазнительное тело было покрыто пигментными пятнами в виде перевернутых рун.

— Я хочу остаться здесь навсегда.

— Откуда ты здесь? — мрачно спросила Ирония.

Она надеялась, что голос ее прозвучал невозмутимо.

Не отвечая, Ложь переменилась, став образом, который не так давно отдал Иронии ключи от врат.

— Вы не могли проникнуть так глубоко.

— Мы уже закончили, — Ложь обратилась в Максиму.

— Вы еще не взяли Крепость Воли.

Рассмеявшись, Ложь приняла облик Аркаса.

— Я, Никас Аркас, герой позитива. Я несущу рассвет, изгоняющий зло. Мой след проходит по телам поверженных монстров. От победы меня отделяет мгновение. Отдай мне нож, и я смогу одолеть Одиночество.

Очарованная магией Лжи, опьяненная феромонами, которые выдыхал образ, Ирония сделала шаг вперед. Аркас, улыбаясь, протянул руку. Она была покрыта кровью и грязью. Они сходились, медленно, чтобы противное волшебство обмана, не нарушилось. И у черты, когда пальцы фальшивого Аркаса уже коснулись лезвия, невысыхающий налет уксуса обжег Ложь. Та отдернула руку, и хрустальная сфера наваждения треснула.

Они дрались жестоко и отчаянно. Ложь принимала десятки разных обликов. Воинов, с которыми Ирония не была знакома. Их приемы сбивали с толку и не давали выработать ответную тактику. Она пыталась улететь, но противница всегда успевала схватить ее за ногу, или за красивую черную ленту, и сбросить вниз. Только нож давал Иронии преимущество: Ложь боялась его как огня. Ее взгляд всегда был направлен на него, словно бой шел между оружием и образом. Скользя между оболочек, они старались не терять друг друга из виду. Уксус слабо подрагивал от движения вокруг.

Заманивая Иронию, Ложь двигалась, будто бы случайно, изображая сомнения. Как молния, мелькала меж частыми коконами, терялась в них и появлялась вновь с другой стороны. Ирония понимала, чего та добивается. Оковы заинтересовались ими. Они поднялись, раскачиваясь в воздухе, словно черные кобры. Попадать в них не стоило.

Ложь прыгнула на нее сзади. Теперь она была тощим рукастым образом, голова

которого была обита полосами тонкого металла.

— Ты пришла похоронить его? — глухо спросила она. — Да?

Ирония наугад ткнула омтрием, но Ложь унеслась, коротко вскрикнув. Она принялась опрокидывать коконы. Уксус выплескивался на песок, широко растекался и злобно шипел. Ирония поняла, что ее пытаются запереть на островке безопасной земли. Она снова попыталась взлететь, но Ложь ждала именно этого. Песок осыпался с куска обсидиана, исписанного напутственными словами. Железноголовый образ метко швырнул его. С такой силой, что сущность Иронии всколыхнулась от удара.

Цепи почувствовали запретную вибрацию рядом. Тело образа врезалось в песок, едва не угодив в шипящий уксус. Лодыжку решительно обхватило что-то твердое, и потащило в сторону. Ирония попыталась вскочить, но цепь ревниво дернула в ответ на противодействие, и образ снова упал. Ложь атаковала. Он была расчетливо и жестоко. Уклоняясь от неловких ударов ножом. Старалась довести врага до изнеможения.

Песок, брызгающий из-под ног дерущихся, укрывал реликвии мертвых.

Ирония взмыла вверх, из последних сил. Цепь натянулась и с силой потащила ее назад. Образ, не сопротивляясь, использовал импульс и рассек грудь Лжи движением хоть и предсказуемым, но слишком быстрым.

Враг отступил.

Разгневанные путы распяли Иронию на песке. Они скрипели и чирикали, осуждая поведение пленницы. Образ все еще сжимал нож, но теперь он никому не служил. Ее попытки освободиться, были слабыми и затухающими.

Ирония замерла.

Ложь ползла, оставляя на белом песке жирный след чернеющей сущности.

— Ты пришла похоронить его, — прохрипела она, принимая форму Максиме.

Она дотянулась до ноги когда-то прекрасного юноши, который безмятежным взором глядел на плотное небо. Одиночество вышло из него аккуратно, оставив лишь трещину в груди.

— Но он похоронит тебя, — уже неслышные слова покинули Ложь вместе с концентрацией.

Юноша упал. Верхняя часть оболочки разбилась, и уксус хлынул, переливаясь по случайным руслам давних троп. Наполняя следы Лжи, которые она оставляла с умыслом. Он плавно скользил, подбираясь все ближе к Иронии. Та не могла видеть этого, но слышала шипение, спокойное и ровное. Оно просило помолчать.

Жалеть было не о чем. Ирония уберегла Надежду. Вырвала из рук предательницы зловещую игрушку. И спасла Аркаса.

Для одинокого усталого образа, она сделала даже слишком много.

Уксус осторожно коснулся ее пальцев.

Воздух трескался от жара. Он становился осязаемым и тянулся обжигающими нитями как сыр. Все вокруг плавилось, теряя очертания, и от этого находило спокойствие, как будто форма была чем-то злым, а индивидуальность — проклятием. Многомирье таяло, добавляя в первичный бульон мир за миром. Страту за стратой. Цвета смешивались в один. Фигуры кланялись и сходили в реку невыразительности. Черты стирались.

Обозревая свою личность, Аркас чувствовал себя виноватым. В то время, как мир обретал единение, человек оставался сложной и раздражающей композицией. Противоречие заключенное в любой человеческой натуре — мучило его. Противоречие между желанием оставаться собой и погрузится в безопасность толпы.

Стать единым.

Над ним возвышалась исполинская туша Геноцида. На раскрытой лапе чудовища стояла Максиме. Как всегда, ссутулившаяся влево, она опиралась на какой-то бугристый палаш. В ее руках он смотрелся как железнодорожный рельс. Он был даже выше хозяйки. Но Рука Одиночества очень крепко держала его за край неровной гарды.

— Максиме! — крикнул Аркас. — Что ты делаешь?

Женщина не шелохнулась. Она неотрывно смотрела на линию горизонта, что бурлила и вспучивалась, когда в нее падали оплавившиеся континенты. Стоны и грохот, налетевшие со всех сторон, запытали Аркаса, и он закричал вместе с ними, напрасно закрывая уши грязными ладонями.

* * *

Единорог был розовым.

Он ласково глядел на журналиста большим миндалевидным глазом. А потом наклонил аккуратную лошадиную голову и лизнул человека в щеку.

— Неужели? — Аркас закашлялся. — Я дождался.

Он повозился, тревожа раны. Его живучесть была просто удручающей, принимая во внимание происходящее. У меня было столько возможностей быстро умереть, — подумал он. Но каждый раз этот безумный мир снова встречает меня. Господи, сколько же гадких приключений я уже пережил. Похоже, мне это все-таки не мерещится. Слишком сложный и разнообразный меня окружает эпос, чтобы быть всего лишь моим бредом. Я действительно внутри иной реальности. И что с того? Готов ли я пожертвовать жизнью ради обоих миров? Нет. Я не могу. Я хочу жить. Я боюсь боли.

Сказочное существо, тем временем, принялось жевать хрустящий от грязи ворот кителя. Аркас чувствовал прикосновение мягких и теплых губ к своему затылку. Он попытался отмахнуться, но Единорог миролюбиво поцеловал его в ухо и снова принялся за вкусный соленый ворот.

Кисельные берега, что омывала река из жирных сливок, заросли пастилой. Луга и холмы, убранные шелковистой травой, кормили стада изумительных существ. Они использовали все оттенки цветового спектра, чтобы переиграть конкурентов. Смешно переговариваясь на бормочущих языках, игриво помахивая широкими хвостами, они

пританцовывали в любовных ритуалах. Улыбчивое солнце нежно трепало их шерсть и перья теплыми лучами. Никас буквально видел, как тянутся к ним горячие ладошки светила, гладят, щекочут и...

— Какого дьявола, — пробормотал человек и тут же шаловливый солнечный лучик ущипнул его за правый сосок. — А ну, руки прочь от меня!

Единорог не дал ему подняться, крепко удерживая за ворот. Он чувственно всхрипнул, скабрёзно намекая Никасу, чтоб тот расслабился и получал удовольствие.

— Но я не хочу!

Солнечный луч опустилсЯ чуть ниже, согревая область живота. Второй пролез в штаны. Аркас протестующе каркнул, но уже не пытался высвободиться. Теперь его держали не только за ворот, так что это могло быть опасно. Солнышко перевело на него похотливый взгляд. Температура в штанах начала подниматься.

Аркас тяжело задыхался.

— Все еще не хочешь? — негромко спросило Солнышко.

— Мы ведь даже не знакомы, — простонал Аркас.

Солнышко назвалось.

— Я наблюдаю за этой стратой очень давно, — говорило оно пульсирующим баритоном. — Когда-то она была стерильной, хоть и спокойной. Здесь красота цвела ради красоты. Она никого не трогала, и к ней никто не прикасался. А потом все инфицировал маркетинг. Ты знаешь, что такое агрессивная красота?

Аркас издал какой-то звук, который, вполне возможно, не был ответом.

— Это красота, которая охотиться на твоё восприятие, — продолжало Солнышко. — Злая и беспощадная, возведенная в абсолют, накрученная до абсурда. Она особенно легко и с аппетитом пожирает детей. А так же слабых взрослых. Женщины охотно попадают на приманки обещающие вечную молодость, уродуют себя хирургическими процедурами. Мужчины же ищут партнеров, покрытых стигмами красоты настолько, что истинная натура давно уже погибла в них.

Солнышко печально цыкнуло. Аркас, обессиленный, лежал на траве. Единорог лизал его грудь.

— Ты ему, ха-ха, понравился. А ведь до того, как я пришло сюда, это чудовище с удовольствием извращало детей. Оно врывалось в их умишки и прочно укоренялось там. Безжалостно убивало хороший вкус и чувство меры. Но теперь, после терапии, оно предпочитает взрослых. Я, конечно, не хочу показаться хвастуном, но, знаешь, сам себя не похвалишь... Тебе понравилось, между прочим?

— Да, — признался Аркас, почти не стыдясь.

— Спасибо, — Солнышко зарделось.

— Так ты смягчило агрессию сексуальным контекстом? — уточнил человек.

— Ну конечно. Бешенство красоты обрело смысл таким образом. У всего должно быть какое-то логическое завершение. Кипящая в собственном соку, она просто плодила стереотипы и недостижимые идеалы. А теперь мы все тут одна большая дружная семья.

— И уродов тоже принимаете? — спросил Аркас.

— Наблюдать никто не запрещает, — подмигнуло Солнышко.

Человек осмотрелся. В отдалении, возле большого макового поля, он увидел группу гуманоидных образов, с кукольной внешностью и точеными фигурами. Они помогали друг друга, чуть ли не ползая по сородичам, тут же вповалку занимались сексом и одновременно

вели беседу с Котожрицей и Все. Второй выглядел разъяренным. Он притопывал ногой и потрясал кулаками. Даже отсюда было слышно, как смялись образы, продолжая задорно таранить друг дружку.

— А зачем тебе это нужно?

— Ну. — Солнышко помедлило. — У меня всегда были особые вкусы. Я, в некотором роде, прим сексуальности.

— Ты не служишь Максиме?

— С ума сошел!

Аркас зажмурился от вспышки. Лучи крепко схватили его за ягодицы.

— Я просто спросил.

— Не говори глупостей, сладкий мой. Я тщательно прячу свою страту от негатива. Когда ей подчинился кровавый Разврат, я быстро поняло куда ветер дует. Я против забав, которые приводят к смерти. Стимулирующая боль... еще куда ни шло. Но то, чем занимается нынче Разврат, просто жестокое насилие с оттенком сексуальности. Я знаю, что они с Максиме сместили Любовь, и никогда не прощу им этого.

Единорогу наскучило лизать грудь Никаса, и он пошел в сторону сливочной реки, пощипать пастилы. Человек старался не смотреть на его рог, но это зрелище странным образом притягивало взгляд. То, как он качался из стороны в сторону при ходьбе.

Вскоре река завладела его вниманием. Никас понял, что каждая страта оставила на нем как минимум один слой грязи. Мазут, жир, рвота, кровь, земля, пот, слюни. Теперь еще некоторые загрязнения в штанах. Это все немедленно, прямо сейчас, чуть ли не до крика, захотелось смыть. Пусть даже в сливках. Аркас видел, что в русле реки шумно забавляются образы сказочных зверей и кукольные люди, но это уже не могло остановить его. Чуть ли не бегом журналист добрался до податливого, вкусно пахнущего берега, и принялся срывать с себя прилипшую, ссохшуюся одежду, постанывая от отвращения.

— О, да, — протянуло Солнышко.

— Так, слушай! — крикнул Никас. — Я просто хочу помыться! Не надо больше пытаться ублажать меня. Мне нужно отмокнуть и соскрести нечистоты! Это ясно?

— Предельно.

И лучик ласково шлепнул его по ягодице.

Аркас вошел в реку. Ощувив тепло ее белых вод, он блаженно засопел. Потом побродил немного, выискивая уединенное место, где никто не стонал и не блял, и лег у подножия обрыва, оставив на воздухе только лицо. До него доносился еще и приглушенный смех, и это было прекрасно. С обрыва, его прикрывали шелестящие кусты какого-то растения с широкими листьями цвета меда.

Нет, все-таки кое-что хорошее в Многомирье есть, думал Никас. Хотя, конечно, это все еще не то Добро с большой буквы, которое я надеюсь увидеть. Какие-нибудь светлые сады. Тишина. Покой. А на горизонте поднимаются стаи птиц. «И люди в белых тогах обнимают деревья», — злобно подсказал Цинизм. «Нет никакого Добра, Никас, хоть с большой буквы, хоть с маленькой! Ты ведь уже думал об этом! Удовольствие — это единственная добродетель. Сложность твоего положения именно в этом. Пожертвовать собой ради чужого кайфа. Не за абстрактный светлый свет вечного сияющего свечения, а просто для того, чтоб незнакомому тебе человеку или сущности было приятнее существовать».

Журналист вздохнул и растер по лицу горсть сливок. Солнышко согревало свое царство, и сливки будто бы лечили раны Никаса, заглушая тянущую боль. Мягкое дно подстроилось

под его формы и тоже отдавало накопленное тепло. Он умолял самого себя ни о чем больше не думать. Дать себе хоть часок отдыха. Загородиться от всего произошедшего. Забыть о негативе, Одиночестве и...

— Максиме.

Она неслышно вынырнула из сливок, словно русалка. Обнаженная. Даже без бюстгальтера из ракушек.

— Тише, — и схватила его за нижнюю губу двумя пальцами. — Мне нельзя бывать здесь. Тебе, наверное, уже сказали об этом.

— Еще мне сказали, что это место надежно от тебя спрятано, — невнятно сказал Никас и аккуратно убрал ее руку.

Пророк усмехнулась.

— Удивительно, тогда, что ты до сих пор не наводнила его своими приятелями.

Аркас чуть подвинулся, когда Максиме подтянулась к нему вплотную. Рука Одиночества отсутствовала, поэтому женщина двигалась особенным образом. Никас подумал, что это кажется ему естественным, просто немного своеобразным. Он рискнул бросить взгляд на рану с Одиночеством. Но та была плотно запечатана темной коркой, и не вызывала такого беспокойства как раньше.

* * *

Аркас наконец-то смог толком разглядеть Пророка на свету.

На вид Максиме было лет тридцать. Острые скулы, высокий лоб, широкий нос и пухлые губы. Неагрессивная красота, как бы сказала Солнышко. Кожа приятного, кофейного цвета. Темные волосы были неровно срезаны чем-то почти под корень. Вокруг выразительных глаз — морщинки, наверное, от частого смеха в прошлом. На впалых щеках и высоком лбу выступали шрамики. На левом плече было заметное пятно, кажется, от пулевого ранения. На плоском, с рельефом, животе выделялся шрам от ножа. И множество заживших ран по всему остальному телу. Некоторые обрамляли точки снятого шва.

Никас не понимал значения татуировок, черных, замысловатых, но предполагал, что это мафиозные глифы, которые могли что-то рассказать о носителе.

— На мне написано, что я спасаю людей, — Максиме как будто угадала мысли Никаса. — Ну, знаешь, целебный порошок везу.

Тот машинально придержал ее под правый бок, тут же испугавшись, что она воспримет помощь как оскорбление, но Максиме без лишних слов поцеловала, неловко, словно клюнула. Он ответил, прижав ее плотнее. Кожа пророка прекрасно контрастировала с белизной. Аркас чувствовал ее теплые губы и сладкий язык, — похоже она наелась пастилы, — особенно приятную упругость груди. Гладкую мощь спортивных бедер. И колено заброшенное на его пах.

Она была Пророком негатива. Человеком. И, прямо сейчас, женщиной. Аркас не мог противиться возбуждению. Колено Максиме поглаживало его, где нужно, а язык уже щекотал кадык и ложбинки ключиц.

— Я еще не смыл с себя грязь, — сказал он виновато.

— Она ничего не значит, — отозвалась Пророк.

Казалось, сливки вокруг них начали испаряться от возбуждения. Поцелуи Максиме,

сначала жадные, словно глотки воздуха у человека давно страдающего от удушья, стали теперь страстными, тягучими. Она пальцами гладила его раны, но боль приносила Аркасу наслаждение живущего. Выждав немного, журналист запустил пальцы между ее бедер.

Максима сдавленно ахнула и вцепилась белыми зубами в его плечо.

— Это так отличается от твоего обычного имиджа, — отрывисто прошептал журналист. — «Последний маяк стоит в стороне» и все такое прочее. Но мне нравится. Очень.

— М-м-может быть ты единственный, кто видел меня такой здесь, — простонала она, роняя слезы. — Канонов больше нет, так что теперь возможно все-о-о-о...

— Ты плачешь?

— Это от удовольствия. Ты такой настоящий, такой... Материальный. Живой. Продолжай, прошу тебя.

— Хорошо.

Аркас перевернул ее и положил спиной на себя. Максима выгнула грудь, принимая его. Никас придерживал ее за талию. Слабые стоны стали теперь слишком громкими.

— Зажми мне рот, — взмолилась она. — Или нам не дадут закончить.

Он прижал ладонь к ее губам, чувствуя как они, то целуют, то кусают. Теперь Никас до конца поверил в происходящее. Максима была настоящая, он чувствовал в ней человека. Пульс и дыхание. Напряжение жизни. Сопротивление ее сознания. И спасительное родство двух особей одного вида в чуждой среде.

Это был не морок. Не иллюзия.

Именно тогда он позволил себе что-то почувствовать к ней.

Они начали откровенно шуметь, шлепки влажной кожи и плеск сливок разносились далеко. Кроме того, Максима почти кричала сквозь искусанную ладонь. Никас решил замедлиться, но Пророк тут же протестующе надавила ему на рану. Пришлось продолжать в том же темпе, хотя Никас сам готов был зарычать от наслаждения.

Через минуту она кончила, и Аркасу пришлось удерживать ее вздрагивающее тело, чтобы она не свалилась в реку. Потом она перевернулась, и прижалось ухом к груди партнера, слушая биение сердца. Какое-то время они лежали так, крепко обнявшись и тяжело дыша. Потом Максима скатилась с него и легла на живот.

— Догоняй.

Он навис на дней, упираясь локтями в дно.

Теперь Максима уже не стеснялась кричать. Им обоим было все равно. Но Солнышко или занималось чем-то другим и не слышало, либо понимало, что лучше не вмешиваться. В конце концов, Пророк, похоже, не торопилась уничтожать его мир.

Когда Аркас был уже на грани, его разум рассеялся от оргазма, и на поверхность вылез Цинизм.

— Ты! — бешено заорал он. — Что ты о себе возомнила, мразь?! Я наполню эту реку твоими кишками!

Из спины вырвались клешни. Неистово и беспощадно они топили Максиму. Женщина, сначала беспомощная от наслаждения, теперь наполнилась силой. Ее эфирная конечность сжала когти, а голос Одиночества засквозил из раны. Максима сбросила Цинизм, парировала атаки и швырнула его в утес.

— Прости, — каркнул Никас, чувствуя себя последней сволочью.

Пророк с трудом уняла гнев.

— Наши демоны поспорили, — она улыбнулась. — Ты успел?

— По-моему, да. Максиме, я...

Аркас поднял взгляд, но успел заметить только всколыхнувшуюся белизну.

* * *

Он выходил из реки под сильным впечатлением от произошедшего. Некоторое время он стоял на отмели, уставившись прямо перед собой, и ничего не слышал, так перегружено было его восприятие. К нему начали приставать какие-то крылатые андрогины всех цветов радуги, но он отталкивал их. В конце концов, он до крови укусил одного, пытавшегося поцеловать, а второго ударил в живот и они отстали.

— За что ты так с ними? — расстроилось Солнышко.

— Я сыт, — коротко ответил Аркас.

Его окликнули. Котожрица бежала навстречу. Все с ней не было.

— Вот ты где! Я уже обыскалась.

Никас смотрел на нее, все еще витая в облаках. Он наклонился и сорвал немного пастилы с берега. Положил ее в рот: да, тот самый вкус. Неужели она сладкоежка? Неужели она оставила эту страту только поэтому? Аркас слабо улыбнулся.

— С тобой все в порядке?

Как-то вдруг всплыло в памяти, что он стоит перед девушкой в чем мать родила. Никас прикрылся руками, но Котожрица только насмешливо махнула рукой.

— Ненужно. Я часто общалась с Альфой. А он, знаешь ли, не из тех, кто зациклен на приличиях. Кроме того, я уже видела тебя голым, когда обследовала.

— Как интересно, — произнес Никас, подбирая штаны. — И зачем же это?

Он критично оглядел их и понес к реке.

— Из любопытства. Никогда раньше не видела создателя.

Аркас замочил штаны в омутке и придавил их огромным куском халвы, случившимся неподалеку.

— Ну и как?

— Все очень материальное. Плотное. Негибкое. Сопrotивляется изменениям. Вам, наверное, очень тяжело живется с такими ограничениями.

Никас запустил пальцы в бороду. Как же она разрослась!

— Мы их не замечаем. Материальное тело на многое способно, поверь. Если его правильно развивать, оно будет творить чудеса не хуже ваших.

Он снова ушел в себя, смакуя прошлое, пока оно не стало далеким. Секс, это, конечно, хорошо и даже здорово. Но я опять не додумался спросить, для чего она все это делает? Человек злонамеренно уничтожает организм Многомирья, плавит его как шоколад с помощью невообразимой мрази. Что ей движет? Неужели только мстительность? Судя по тому, что она рассказывает, она не может быть такой мелочной. И она точно не сумасшедшая. Хоть в глаза я ей успел заглянуть, подумал Никас. Развлекся, сволочь? Вместо того, чтобы посадить ее рядом и поговорить по душам.

Никас попробовал штаны на ощупь и немного потер их ткань о ткань.

Да. Так она тебе все и выложила. Ты для нее крохотный нюанс посреди грандиозных замыслов. Иногда она позволяет себе отвлечься от разрушения, чтобы найти слушателя,

который не должен задавать вопросы и понимать, что ему говорят. Просто смотреть и слушать, как соломенное чучелко.

А теперь еще и любовник, которого можно использовать без уважения и оставить.

Ой-ой-ой, — подумал Аркас, развеселившись. Вы только поглядите на этого уязвленного мужлана! Его использовали и бросили. Вот бы она использовала меня так еще раз.

Он посмотрел направо и увидел Котожрицу. Та усердно полоскала его майку. Сливки вокруг приобрели бурый цвет, уносимый течением. Ее собственная полосатая ряса чинилась сама собой. Кровавые пятна бледнели.

— Спасибо, — поблагодарил Аркас, улыбнувшись. — Но не стоило, я бы сам...

— Я пыталась говорить с тобой, — сказала Котожрица, просовывая пальцы в прорехи на майке, — но ты был так сосредоточен на штанах, что не отвечал. Я подумала, что отстирать их очень важно для тебя.

Она говорила без тени обиды. Аркас засмеялся.

— Извини. Я просто устал. О чем ты спрашивала?

— Тебе нравится здесь?

Аркас зачерпнул немного сливок у центра реки и выпил их, наслаждаясь вкусом.

— Здесь определенно лучше, чем в местах, где я бывал до этого. Как мы здесь оказались? Последнее, что я помню, как мы шли по каким-то пирамидам из жженных костей.

— Да. Это были курганы, которые складывал Геноцид. Так он отмечает места, где уже был. Думаю, ты нанюхался мертвечины и лишился чувств.

Аркасу стало стыдно, что нежный образ оказался крепче. Он закричал, отковыривая от штанин вязкую грязь осколком леденца.

— Мы с Все посоветовались и решили, что тебе нужен отдых, — продолжала Котожрица. — А это место... Оно подходит. Пришлось ненадолго выйти на Путь, чтобы добраться сюда. Он кишит негативом. Чудовища едва не растерзали нас, но Все был просто неудержим. Видел бы ты, как он орудует своим копьём.

Ну и дела, — подумал Аркас. Возможно, парень не так уж и плох. Просто совершил ошибку. Он коснулся бескровной раны на плече. Все мы допускаем ошибки.

— Я обязательно поблагодарю его, — сказал он вслух. — А откуда ты знаешь об этом мире? Солнышко сказало, что хорошо прячет ее.

— Мы с этой милой девочкой давние друзья, — хохотнуло то.

Котожрица густо покраснела.

— Это правда, — вымолвила она, дергая ухом. — Понимаешь, я ведь не в последнюю очередь образ сексуальный.

— Еще какой.

— Не сейчас! — Котожрица смахнула лучи, которые гладили ее плечи и бедра.

— Удаляюсь, удаляюсь. Но я еще вернусь, моя конфетка.

Никас покосился на рыцаря.

— Мы можем уйти отсюда прямо сейчас, — предложил он. — Не стоит страдать из-за меня.

— Страдать? — переспросила Котожрица с непонятной интонацией. — Нет. Не совсем. Мы останемся. Тебе объективно необходим отдых. И я тебе его обеспечу, потому что ты и Крепость Воли — наши главные ресурсы. Я, как рыцарь Многомирья, вытерплю все что угодно, ради тебя.

Пока Никас растерянно молчал, она принялась лупить майкой панцирь пунцового краба, который выплыл из реки погреться. Его панцирь был, судя по всему, мягким и чувствительным, потому что краб стонал и сладострастно повизгивал, когда его хлестали. Вместо клешней у него были изящные кисти с длинными пальцами, которыми он возбужденно шевелил и тер стебельки глаз.

— О-о-о! А-а-х! Да-а-а! Еще!

Котожрица, утерев с лица сливки, высоко задрала рясу, сняла ее через голову и выбросила на берег. Потом нагнулась, не сгибая колен, и продолжила бичевать краба. Это было зрелище, от которого сильно скакнуло давление сексуальности на десятки метров в округе. Аркас буквально ощутил его, как поцелуй между лопаток. Помимо того, что Котожрица была прекрасно сложена и не носила нижнего белья, она имела несколько изюминок, которые отличали ее от обычных идолов сексуальности. Например, маленький, но соблазнительный животик, родинку в виде кошачьей лапы на правой ягодице и, конечно, уши. Господи, подумал Аркас, ты слишком стар для всего этого.

— Думаю, я немного сбила грязь, — рыцарь любви, повернулась к Никасу.

Она показала майку, высоко задрала ее на вытянутых руках.

— Спасибо, — сказал Никас.

Он держался невозмутимо. Стараясь не поскользнуться, натягивал штаны. Журналист, еще не переживший достаточно встречу с Максиме, был поразительно целомудрен. Несколько раз он все-таки погружался в сливки, сражаясь с какими-то вздыхающими угрями. Угри оставляли на его теле синяки плотными розовыми губами.

— Думаю, я еще поработаю с ней, — задумчиво произнесла Котожрица и выжала на себя майку. Сливки заструились по ее округлой груди с нежно-розовыми сосками.

— Хватит. — Сказал Аркас. — Ты что, с ума сошла? Хочешь, что б я отдохнул, так укроти, пожалуйста, эту атмосферу порнографии вокруг себя.

Котожрица вздрогнула как от удара.

— Я только хотела развлечь тебя.

— Не надо, — отрезал Аркас.

Он отнял у нее майку и пошел на берег, шумно расплескивая сливки и отдирая последних угрей. Следуя тишине, Аркас забрался в какие-то заросли, густо растущие неподалеку. Выбирая места, где было поменьше лиан и прочих длинных извивающихся предметов, человек вырвался на поляну, поросшую обычной благословенной травой, и со стоном улегся на нее.

— Господи, — прошептал он. — За что? Если ты слышишь мой голос в этом мешке безумия, скажи, за что ты проклял меня этой кошмарной одиссеей? Дай мне подохнуть, если у тебя еще осталось хоть капля всепрощения.

— Нет. Должен Жить.

Из зарослей вышел Все. Он держался настороженно и несколько устало. Кое-где его покрывали синяки, похожие на укусы губастых угрей. Копье он держал при себе, но предупредительно обмотал наконечник тряпицей. Аркас глядел на него, прищурившись.

— Могу Здесь?

Человек вздохнул.

— Могу, могу. Это ж тебе не в людей копьями тыкать.

Все замахал руками.

— Нет. Нет. Больше Не Так.

Оружие было отложено на траву. Создатель присел рядом с Аркасом. Некоторое время он молчал, шумно вздыхая. А потом собрал некоторое количество внутренних сил, и создал чайную чашку из обожженной глины. Она появилась из ничего с характерным «хлоп» и Никас услышал, к тому же, тоненькие раскаты грома.

— Хорошо, — сказал Все, оглядев чашку со всех сторон.

Краем глаза Никас наблюдал за ним. Кряхтя и порывая, Создатель вызвал из небытия еще одну чашку, правда немного неровную и без ручки.

— Нормально.

Следом, в хороводе крохотных молний и волнении реальности, был создан округлый чайник с тремя носиками, смотрящими в разные стороны. Из одного струился горячий пар. Из второго — тихонько свистел ледяной сквозняк. А третий плотно заткнут пробкой.

Все поманил Аркаса.

— Выпей со Мной.

Человек сел и скрестил ноги.

— Что это?

Чайник в руках Все, такой же примитивный на вид, как и хозяин, с застывшими неровностями и ямками, казался опасным. Но почему?

— Сосуд Это в Котором Живет Моя Сила. Есть Тут Греющая Жизнь и Ледяная Смерть А Есть То, Что Я Утратил Попав Сюда.

Никас вопросительно глядел на образ.

— Всезнание.

Затем Все налил в чашку без ручки сначала из горячего носика, а потом из холодного. Жидкости, похожие, скорее, на эфир, смешались в чашке прозрачные и неосязаемые. Все откупорил третий носик. За пробкой потянулась красная нить какой-то слизи. Образ наклонил чайник, и долго держал его, пока из носика не показалась одна-единственная капля. Она сопротивлялась притяжению, но Все был терпелив. Водоворот противоборствующих сил в чашке окрасился в черный. Потом в белый. Все это трансмутировало в радужную горошину, которая быстро-быстро каталась по внутренним стенкам чаши.

— Как же я буду это пить? — осведомился Никас.

— Быстро! — рявкнул Все, и сунул чашу под нос Никасу. — Раскрой рот пошире!

От неожиданности Никас разжал челюсти, но недостаточно широко. Бусина вылетела наружу, словно разогнанный протон, и выбила человеку два передних зуба. По дальнейшим ощущениям, она так же пробила небо, разорвала правое полушарие мозга и расколола череп на выходе. Никас упал на траву, выплевывая кровь.

Всезнание.

Всезнание?

Многомирье обступило его, глядя в глаза не моргающими звездами. Оно было живым, но эта жизнь была рассеяна как песок из разбитых колб. Каждая звезда в молчании тянулась к другой. Тосковала и ждала воссоединения. Миры оплакивали свою разобщенность. Между ними гигантские пространства холода и тьмы скрадывали ищущие взгляды. Незримые нити, некогда прочные, теперь истончились и опасно трепетали, разрываясь, одна за другой.

Никас чувствовал, как мозговая жидкость течет по острым осколкам затылка. Все это когда-то было целым, — понял он. А теперь это большое пламя искрами разлетелось на расстояния недоступные счету. Но каждая искорка помнит, как свет большого очага

разгонял тьму. Никасу казалось, что ему хотят что-то сказать. Из разноцветных туманностей доносилось тяжелое дыхание.

В разнообразии, индивидуальности и самостоятельности присутствовал какой-то фатальный изъян. Это ли поняла Максиме?

Никас пытался зацепиться за это понимание, разложить его детально, выцарапать ядрышко сути, но Многомирье уже отворачивалось от него. Так и не проронив ни слова.

— Нет, — прошептал Никас. — Постой. Чего ты на самом деле хочешь?

— **Единения.**

Дальше — тишина.

* * *

Никас языком проверил передние зубы. Они были на месте. Череп, конечно, тоже был цел. Трава нежно щекотала спину. Пахло дымом. Котожрица и Все сидели спиной к спине и курили длинные самокрутки из листьев. Дым, который они выдыхали, собирался в плотные облачка и вспыхивал зелеными огоньками.

— Я Смысл Жизни Дал? Дал. Поклоняйтесь. Восславляйте. Это Самое. Соблюдайт Законы. Нет, Давай-ка Мы Мир Познавать Будем. Я Вас Создал Неспособными Познать Егс Мир Слишком Сложен. У Вас Мозг с Капустку Размером. Вы ж Себя Истязаете.

— А как ты хотел, — ответила Котожрица, слегка растягивая гласные. — Дети растут и непослушаются. В этом их очарование. И вообще, в мире абсурда, смысл жизни, это такая утилитарная вещь. Сегодня нужен, завтра — нет. Зависит от конкретного положения в пространстве. Человек, крепко стоящий на ногах, — Котожрица затянулась, так что уши у нее загнулись назад, — кхм... начинает еще и руками за все хвататься. Переворачивать, смотреть, щупать. Зачем ему смысл жизни, если она сама по себе интересна? А вот когда он слаб и неуверен, тогда и начинаются все эти поиски черного кота в темной комнате. Переоткрывания вселенной. И такое. В итоге мы получаем — что?

— Что Такое? — выдохнул Все.

— Что смысл жизни, это костыль, который нужен слабым духом. Сильный человек просто делает то, что у него хорошо получается и учится тому, что пока не освоил. Так он находит себя. Вот настоящее счастье.

— Так Что Это? — вымолвил Все, поглаживая похотливо фыркающего ежика по мягким иголкам. — Я Должен Радоваться, Что Они Уши От меня?

— Конечно! — воскликнула Котожрица. — Ты просто подумай... кхм... Ты просто подумай, что было бы, если б они все время жили с тобой. Детей рано или поздно надо выпогнать на свежий воздух. Иначе на шею сядут.

Все оцепенело смотрел на дикую свинью с потрясающими локонами золотистой щетины. Свинья лежала под деревом телесного цвета, которое нежно массировало ветвями шесть рядов набухших сосцов.

Эта свинья. Он вспомнил про Сад и ощутил тоску по дому.

— Я Признаюсь Тебе. Ты Хорошая. Нравишься мне.

— Ты мне тоже, — Котожрица рассмеялась. — И припасы у тебя интересные.

— Нет. Послушай. Ты Хорошая. Я Хочу Признаться Тебе. Только Молчи. Всегда. Вечно Молчи.

— Мне уйти? — вежливо спросил Никас, которому надоело подслушивать.

Курильщики одновременно, и особенно плавно, повернули к нему расслабленные лица.

— Нет. Будь.

— Сейчас что-то будет, Никас.

Все затянулся дольше обычного. Потом он встал и принялся разгонять скопившиеся тучки, которые улетали, испуганно разражаясь молниями.

— Они Знать Не Будут, — объяснил он, сверкая глазами.

Котожрица покатывалась со смеху.

— Я Испугался! — шепотом воскликнул Все. — Что Когда-нибудь Вы, Люди, Станете Подобны Мне. Силу Скопите, Которая Затмит Мою. Поэтому Я Создал Змея, Чтоб Он мешал Вам Возвысится! Только Тихо!

Он пробежался по периметру поляны, заглядывая за деревья. Наверное, искал лишние уши. Но эта информация была принята довольно равнодушно.

Котожрица наматывала на палец ниточку слюны.

— Ух ты, — только и смог вымолвить Никас.

— Ты Видел? — вдруг спросил Все, посмотрев на него. — Всезнание?

Никас встал и подошел к ним. Котожрица качнулась, когда он уселся в круг вытопанной травы. Она уже облачилась в свою рясу, и поглядывала на человека искоса, пряча стыд.

— Очень немного. Фрагмент какой-то информации. Намек, скорее.

— Что Было?

Никас машинально прикоснулся к затылку. Он вспомнил, как смотрело на него Многомирье. Триллионами глаз. Оно умоляло продолжать. Оно поддерживает Максима? Возможно подсознательно, не на уровне отдельных сущностей, но... Поддерживает?

Он вкратце рассказал о своих впечатлениях. Все внимательно выслушал его, но не выказал никаких эмоций. Котожрица, наоборот, пришла в возбуждение, как будто пережила с Никасом те же мгновенья крайней сосредоточенности.

— Как ты считаешь, это правда? — спросила она.

Человек задумался.

— Истинное соотношение сторонников объединения и его противников нам не узнать. Но я думаю их немало. Альфа просил меня не говорить об этом, но, тебе, думаю, он и сам рассказал бы. Он находил идею объединения привлекательной.

Котожрица почесала за ухом.

— Да, я что-то такое от него слышала. Но тогда обстоятельства были иными. Я не придавала этому значения.

Девушка неуверенно поднялась. Шатаясь, она подошла к розовому дереву, и принялся драть его ногтями. Похоже, оба получали невыразимое удовольствие от этого процесса.

— О, да! — стонала котожрица. — Как давно я об этом мечтала!

— Чуть выше! Еще! — подстегивало дерево.

Аркас покачал головой. Все протянул ему самокрутку и сказал:

— Расслабление Прими.

Аркасу понравилось это предложение. Он позволил Все поджечь конец козьей ноги и осторожно затянулся. Узнавание настигло его почти сразу.

— Так вот что ты там у себя в Саду выращиваешь, — произнес, с наслаждением выдыхая.

— Прочего Помимо.

Никас полулежал, опершись на локоть. После долгих злключения, он чувствовал себя шаром, наконец-то закатившимся в лузу. Его рассудок, спазматически сжатый, постоянно готовый к атакам извне, покрытый трещинами и ожогами, наконец размяк и разгладился. Солнышко что-то напевало приятным высоким голосом под аккомпанемент ритмичной музыки.

«Я не могу, не могу, не думать о нас. Я вижу звезды и свет. Они на дне моих глаз. Моих глаз».

Котожрица растянулась рядом на животе.

— Это просто дикарство, — произнесла она, прижавшись щекой к траве. — Индивидуальность — высшая ценность. Неоспоримое благо. Когда-то были едины, но обрели себя не просто так. Максиме не найдет во мне последователя. Никогда. Никогда...

Она облизала нос длинным розовым языком.

— Почему же? — спросил Никас. — Прима-образы ведь состоят из меньших существей. Вы как небольшие сообщества людей, жертвующих индивидуальностью ради целостности.

— Это совсем другое, — фыркнула Котожрица. — Наше объединение, это процесс естественный и законный во всех отношениях. А Максиме нарушает все писанные законы, все законы негласные!

— Но этот процесс присутствует. Объединение делает вас сильнее. Так же как и в материальном мире, группы — реальная движущая сила, превосходящая любого одиночку.

— Это всего лишь признак еще не побежденной слабости и страха перед самостоятельностью, — Котожрица потянулась всем телом. Никас невольно залюбовался этим и встретился с проницательным взглядом рыцаря. — Мы еще цепляемся за безопасность толпы и привилегии групп, но истинная наша цель — индивидуальность. От сложного, но простого, мы идем к простому, но сложному. Вся наша эволюция, возможно, ведет к тому, что каждый человек должен стать новым мирозданием. Которое станет, в свою очередь, разделяться, пока не образует новый идеал обособленности.

— А обособленность порождает Одиночество, — сказал вдруг Никас.

Котожрица с интересом уставилась на него.

— Что ты хочешь сказать?

— Что только оно вечно. Оно всегда было, есть и будет. Возможно, у Максиме есть какой-то план. Она уничтожает все не просто так. Раз Одиночество питается муками всего Многомирья, всех людей, может если уничтожить часть, то оно ослабнет и тогда Максиме как-то...

Все подал Никасу еще одну самокрутку, но тот отказался.

— Не позволяй ей очаровать себя, — Котожрица сверкнула глазами. — Ты сам себя слышишь? Как уничтожение Любви и Надежды должно помочь нам? Это были главные враги Одиночества.

— Я... — Никас выдохнул сквозь зубы. — Я не знаю.

— Тебе хочется верить в ее добрые намерения, потому что в роли врага она тебя не устраивает.

Это была правда, так что Никас устыдился и замолчал.

— Извини, — примирительно вымолвила сущность. — Я не хотела, чтоб это звучало как обвинение. Я могу понять, почему ты предпочитаешь верить в хорошее. Это лучше, чем постоянно думать о неминуемой гибели.

Аркас улыбнулся ей. А потом завел разговор о том, что случилось с Альфой. Выслушав пересказ опаснейших и трагичных событий, человек помрачнел. Прим нравился ему. Его аура маскулинности внушала уверенность. Альфа всегда знал, что нужно делать и куда идти. Кроме того, с ним было интересно поговорить.

— Я очень скучаю по нему, — поделилась Котожрица.

— Вы с ним были близки?

Рыцарь смутилась.

— Его всегда интересовали образы покрупнее. Нет, мы были закадыками, но посидеть на коленках он меня не звал. Считал, что меня нужно оберегать от такого. Но я как-то проследила за ним до этого мира. И познакомилась с его увлечениями. И Солнышком.

— Изврат, — прошептал Все с горечью. — Сжег Бы Насовсем.

— Да ладно тебе, Все, — засмеялась Котожрица. — Мы все здесь взрослые сущности и люди. А сакральность секса давно простыла. Попробуй хоть раз скинуть с себя эту тяжелую мантию ханжества и оковы бесполезного целомудрия. Пройдись по миру Солнышка с открытым сердцем, и он наградит тебя.

— Нет Искушения.

— У тебя должен быть какой-то фетиш, — вмешалось Солнышко. — У всех есть.

— Да, — настаивала рыцарь. — Признавайся! Вот я, например, очень люблю, когда меня связывают шерстяной нитью и называют плохой кошечкой.

— А мне нравится запах женского пота, — не стал скрывать Аркас.

— Серьезно? — радостно переспросило Солнышко.

— Да, мне нравятся естественные запахи. Они меня заводят.

— Но самое странное, что я когда-либо слышало, это любовь к вылизыванию глазных яблок, — сказала Солнышко. — Партнер раздвигает тебе веки и начинает лизать глаза. Это называется окулолинктус. Потрясающе.

— Альфа как-то общался с языческим богом охоты, так тот обожал, когда на нем сидели как на скамейке, — припомнила Котожрица, ностальгически жмурясь. — Причем обязательно голой задницей. Вставал, значит, на четвереньки и замирал.

— А вот я... — начал было Аркас, но Все вдруг вскочил, прервав его на полуслове.

Не совсем владея собой, с трудом обрел он относительное равновесие.

— Я Чист и Честен Собою Перед. Грязные Игры Ждущие На Дне Души Самом, Меня Н Заполучат, — заговорил он, словно читая мантру.

В этот момент из заманчиво шелестящих кустов вырвался, изящно гарцуя, розовый единорог, и устремился к Все. Остановившись перед ним, животное гордо тряхнуло гривой и громким ржанием сообщило о чем-то присутствующим.

— Он говорит, что хочет спасти тебя от грязных игр, — перевело Солнышко. — Садись на него, и в тот же миг единорог отвезет тебя прочь от обнаженных гениталий.

— Так Тому и Быть, — кивнул Все. — Прости Меня Человек. Но Я Не Могу Быть с Тобой в Этом Царстве Похоти. Я Найду Вас Позже!

С этими словами он вскарабкался на единорога, и они помчались прочь, быстро исчезнув в стонущих зарослях.

— Чудной же, — хихикнул хозяин Мира. — Где вы его откопали?

— Сам откопался, — ответил Аркас. — Что с ним будет?

— Ничего плохого, уверяю. Только изумительно хорошее. Единорожек хоть и знатный срамолубец, но знает, что с новичками нужно действовать аккуратно. Думаю, сначала он

отвезет его на массаж к восьмируким девам-львицам. А дальше как пойдет. Фокус в том, что девы-львицы, на самом деле не девы, — солнышко подмигнуло так скабрено, что весь мир издал одобрительное «о-о-о-о». — А мы все знаем, куда заводит любой эротический массаж.

Солнышко мечтательно улыбнулось, так что его пухлые щеки разошлись в стороны.

— Прошу меня извинить, но я должно это увидеть. Не каждый день у меня дома ищущают принципиального девственника.

— Конечно, — понимающе кивнул Аркас. — Отправляйся, мы не дадим себе заскучать.

Солнышко покатилося по небосводу. Никас и рыцарь Любви остались наедине. Не собираясь продолжать разговор, человек снова лег на траву, положив руки под голову. Он думал о шраме на груди Максиме. О том, что жило внутри. Был ли способ извлечь его, не убивая носителя? И что делать потом? Оставить Одиночество на свободе слишком жестоко по отношению к Многомирию и Материи. Разделаться с ним раз и навсегда, пожалуй, было бы не под силу никому.

Никас рассмеялся.

— Ты что? — повела ухом Котожрица. — С ума сходишь? Не время сейчас.

— По замыслу Девела, я должен был перехватить эстафету у Максиме, — проговорил Никас. — Только и всего. Но план Интеллектуального провалился. Меня не смогли довести до цели. Да и Максиме не идиотка. Я очень сомневаюсь, что она полезла бы в ловушку, только для того, что бы посмотреть на меня. Единственная ваша надежда на спасение утрачена. И теперь я бессмысленно брожу из конца в конец Многомирья, прикасаясь к легендам, вижу и слышу вещи, которых не понимаю.

— Прикасаясь к легендам, ты пробуждаешь их ото сна, — сказала Котожрица. — Я помню, ты говорил, что все это закончится скверно. Но ты, слава фантазии, не ясновидец. Я вижу в тебе защитника. Такого же, как и я. И пока мы движемся, в поисках спасения, бессмысленны только спазмы отчаянья. Как у тебя сейчас. Так что хватит ныть.

Аркас приподнял голову.

— Откуда в тебе столько решимости?

Рыцарь улыбнулась.

— Ты не представляешь, как я люблю своих кошек.

Цинизм внутри Аркаса хмыкнул. Мелкий фетишизм эгоистичной природы толкает сомнительных героев на бессмысленную борьбу. Человек прислушался к этой мысли, не понимая до конца, его ли это была желчь, или Цинизм внутри не ушел еще в спячку после встречи с Максиме. Да, — отозвался зверь, — я слышу вас. Не будь дураком Аркас, не ищи причин для борьбы. Сохранение разумности, Многомирья, смердящего котенка, — все это лишь мусорный ореол вокруг истинной природы сражений. Удовольствия победы! Бейся хоть с самим Геноцидом, один на один, я помогу тебе! Вместе мы повалим его. Он будет падать башней нереализованного гнева, и когда коснется земли, будет растоптан нашей пятой. Мы принесем его в жертву энтропии, и чувство победы опьянит нас на краткий миг, сделав богами. А потом мы доберемся до этой суки Максиме и сотрем ее в порошок!

— Я пойду, пройдуся, — сказал Никас.

— Один?

— Да, пожалуй. Не обижайся.

Котожрица рассмеялась.

— Послушай, я, конечно, рада твоей компании, но не нужно все время переживать, что ты сделаешь мне больно. Я вижу, что тебя гнетут мысли, с которыми ты должен побыть

наедине. Если захочешь найти меня, спроси у Солнышка.

Благодарно кивнув, Никас покинул поляну. Он вышел на зеленый луг и вернулся к сливочной реке. Там он пошел вдоль берега, против течения белых вод. Никас внимательно всматривался в это неторопливое движение, но не замечал желаемого. К нему никто не приставал: наверное Солнышко отдало приказ держаться от человека на расстоянии.

Луг по правую сторону сменился шоколадными холмами увенчанными шапками из взбитых сливок, а потом прохладными карамельными низинами. В них скапливались комки сахарной ваты, облетавшие с вафельных деревьев. За ватой охотились забавные существа, похожие на пупсов. Никас думал о том, что привычные представления о добре и зле здесь ему не помогут. Стороны пребывали в мотивационном балансе. Каждый имел право видеть мир таким, каким он хочет. Стремления негатива были оправданы. Взгляды позитива — справедливы.

Как бы то ни было, он представил Котожрицу. А рядом полное ничто. И, чтобы оставаться беспристрастным, представил еще и уродливую негативную тварь, так же противопоставленную ничему. Спокойному, бессмысленному ничему, которое никому не сделает больно. Все-таки, он выбрал бы негативную тварь. Мысль об отсутствии страстей пугала его.

Он хотел чувствовать. Радоваться, любить, удивляться. Но потом: гневаться, медленно вариться в кисло-сладкой меланхолии, рыдать, когда хочется. Вечный покой его не привлекал. Да, он понимал, что страсти могу вредить, что, чаще всего, они именно вредят. Но разве игра не стоит свеч?

Проклятый эгоизм. Максиме смотрела на вещи шире. Вот какова разница между ними.

Прогулка превратилась в небольшое путешествие. Иногда Никас делал привалы, коротко забываясь, но Максиме не приходила к нему. Человек вставал и шел дальше, не сводя глаз с реки. Дойдя, таким образом, до сахарных пустынь, Никас остановился. Река брала здесь свое начало, веселыми ручьями стекая по вымени спящей пурпурной коровы. Та наполовину была занесена белым барханом, но гигантское животное, похоже, расчищали время от времени. Никас заметил сложенные в кучу фанерные лопаты и завернутые в пленку ветродуи.

Никас обошел корову и уселся на спрессованный кусок сахара, глядя на белые волны, лежащие и лежащие, до самого конца страты. Что-то двигалось там. Какая-то крохотная точка ползла, то исчезая, то вскарабкиваясь на гребни. От нечего делать Никас следил за ней, а потом пошел навстречу.

Это оказался Все. Он выглядел совершенно измученным, побитым тоской и разочарованием. В его лохмах застряли белые песчинки, они же почти залепили глаза, так что Все двигался вслепую. Аркас, помедлив, взял его за руку и повел к корове, чтоб образ мог умыться.

— Ну как? — сухо спросил Аркас.

Все заметно опирался на копые.

— Они Сказали: «Проси Чего Хочешь». Мне! Проси Чего Хочешь. Разгневался Я. Хотел Изгнать Этих Содомитов, Но Они Не Ушли. Они Не Боятся Меня. Здесь у Меня Нет Сил.

Аркас молчал.

— Я Все Видел, — прошептал Все. — Я Видел Многомирье. Оно Невообразимо. Н Дороге Я Плакал, Когда Оно Смотрело На Меня. Я Спросил Содомитов: Кто Создал Вас «Человек». А Человека? «Хаос» — Они Ответили. И Засмеялись. Тогда Я Попросил Из

Покажите Мне Созданное Мной. И Они Показали Мне Кольцо, Сказав, Что Внутри Него Все Созданное Мной. Тогда Я сказал: Покажите Мне, Что Создал Человек. Они Отвели Меня Н Край Этой Земли И Вновь Я Узрел Многомирье.

Они добрались до ручья. Все медленно умывался, соскребая с глаз и щек застывший сахар. Никас сидел рядом, хрумкая сорванным леденцом.

— Аркас! — Все обернулся, сжимая кулаки. — Что Я Такое? Они Сказали, Чтс Придуманы. А Я Ничем От Них Не Отличен. Я Тоже Придуман?

— Очень давно.

Все закричал, потрясая кулаками.

— Если Так Это, Что За Чудовищный Разум Запер Меня В Одиночестве? Почему Я был Один Все это Время? Аркас, Скажи, Вы Верите в Меня? Вы, люди! Почему Вы Таи Поступили Со Мной?

— Ты лишь отражение истиной веры, — сказал Аркас. — Она гораздо сложнее. Ты очень упрощенный вариант созданный людьми со слабым воображением. Истинный Бог — непознаваем и невидим. У него нет формы, нет личности, нет слов, чтобы общаться с нами. Тем не менее, он существует. Я в это верю.

— Что Это Значит? Невежество Сделало Меня Таким? Меня Заперли В Прошлом, В т Время Как Мир Развивался. Люди Подчиняли Природу и Становились Равными Мне. Не Почему? За что?!

Аркас подумал.

— Мне неприятно это говорить, но ты всегда был своеобразным оберегом от Одиночества. Тебя очеловечили, чтобы легче было ассоциировать образ с сородичами. Думая о тебе, люди создавали воображаемую связь между собой и неизвестностью. Ты был их единственным другом в мире вражды и соперничества. Единственным другом, который всегда любил их, не смотря ни на что. И защищал от заброшенности.

Солнышко снова что-то напевало вдаль. Все сгорбился на берегу. Он смотрел, как сливки омывают его ноги и беззвучно плакал.

— Столько Времени Прошло... Но Ведь Не напрасно? Я был нужен вам? Я приносил пользу.

Аркас заметил, что в речи Все, что-то изменилось, но не мог понять, что именно.

— Несомненно, — ответил он. — Ты всегда был для нас нравственным ориентиром. Жаль только, что злые люди, зараженные негативом, стали использовать тебя для оправдания своей агрессии. Но это не твоя вина.

Они побеседовали еще немного. Все говорил о том, как много еще может увидеть, путешествуя по мирам. Стать современнее и лучше понять потребности людей. Аркас кивал, поддерживая его мечты.

— Я не прошу тебя объяснить мне все, — продолжал образ. — Когда-нибудь я разберусь в замечательном этом мире.

— Ты уйдешь сейчас? — спросил Никас.

— Нет! — мгновенно возразил Все. — Вы так помогли мне. Ты и Котожрица. Вы мои друзья. Я понимаю, чувствую, что вы боретесь против чего-то очень злого. Я останусь, пока эта миссия не завершится.

— Мы все можем погибнуть, — предупредил Аркас. — Это, прямо скажем, очень вероятно.

Все рассмеялся, вскочив на ноги.

— Но ведь это то, что делаю я! Помогаю тем, кто во мне нуждается, даже на саморазрушения грани! Это моя суть! Дай мне руку!

Стиснув предплечья друг друга, человек и образ ощутили воодушевление, которое приносит зародившаяся дружба. К сожалению, всю прелесть момента им не дал прочувствовать грохот разрушаемого мира.

Синее небо на горизонте размякло и начало плавиться. Слезы сворачивающейся реальности потекли по нему, словно капли по стеклу. Выскивая малейшие трещины, негативные твари мгновенно проникли внутрь. Никас видел, как крохотные фигурки черных сущностей сыплются первыми струйками волны, разрушающей дамбу. А потом свинцовый кулак Геноцида разбил стену. Аркас даже издалека разглядел, как это чудовище уродует жаром все вокруг себя.

Негатив хлынул в страту. Пересекая сахарную пустыню, он двигался к ее центру. Кошмарный рев Геноцида словно разбудил человека.

— Быстро беги вниз по реке! — крикнул он Все. — Предупреди всех! Солнышко должно уводить своих! А на тебе Котожрица! Ты понял?!

— А ты как...

— Беги!

Все быстро кивнул. Он схватил копьё и резво припустил по берегу. Аркас проводил его взглядом, а потом снова повернулся в сторону пустыни. Негатив приближался слишком быстро. Барханы, казавшиеся непреодолимыми, словно горы, в считанные минуты становились черными от юрких тел. Они будут возле устья через пару часов. Успеет ли Все?

Аркас посмотрел через плечо и с облегчением заметил, что Единорог подобрал дикаря, и теперь они были точкой вдали. Но этого мало. Один я не смогу сдержать эту волну, подумал человек. Однако, если я предстану перед ними, то хотя бы отвлеку на себя внимание. Важна каждая минута.

Человек побежал навстречу негативу. Сахар осыпался под его ногами, не давая надежной опоры. Никас падал и кувыркался вниз, а потом с трудом карабкался на очередной бархан, пока не почувствовал, что изнемогает. Идея, конечно, была совершенно идиотская. Импульсивная и самоубийственная. Основанная на призрачной надежде, что Максиме тоже будет на острие атаки. И тогда он одной лишь силой своего красноречия сможет убедить ее не трогать мир.

Аркас почувствовал острую боль в правом боку. Раны снова начали кровоточить. Он уже сотню метров оставлял за собой пунктир: красный на белом. Спускаясь с очередного бархана, человек подвернул ногу и упал. Он долго катился вниз, несколько раз ударившись о булыжники слежавшейся сладости. А потом замер внизу, не находя сил подняться.

Признайся себе Аркас: ты хочешь, чтоб тебя убили. Ты просто устал. На какой энергии сейчас работает твой организм? Как выживает Максиме? Прана? Брехня. Вас обоих питает только злоба. Ее — Одиночество, а тебя — я. Так разозлись! Выпусти меня на свободу!

Нет. Я не хочу, чтобы ты мстил ей. Мне не нужна помощь на таких условиях.

Ты видел ее несколько раз. Ты ничего не знаешь о ней. Ты — трус, который боится того, что она олицетворяет. Разговоры ничего не дадут. Она оставит тебя позади, потому что сильнее. Разозлись! Покажи, что готов бороться за себя!

Сахар шелестел и вибрировал от топота извращенных конечностей. Крики и стоны засоряли звуковую среду токсичными волнами. Голодные пасти на ходу пожирали все, что могли ухватить, включая сородичей. Неровная линия негатива, протянувшаяся от края до

края видимой реальности, катилась вперед, подступая к подножью бархана со стометровым горбом.

С его вершины, разогнавшись свирепыми толчками, прыгнул вперед измененный цинизмом человек. Злоба сделала его уродливым, но сильным и целеустремленным. Он падал во тьму вражеского войска, раскрывшись, как звезда. Фантомные клешни были оттянуты назад для удара.

Навстречу ему раскрылись клыкастые чрева, кошмарно-широкие пасти, наострились шипы и когти. Сияние желтых глаз не мигало. Вопли раскалили воздух.

Человек врезался в негатив как артиллерийский снаряд. Раздробленные тела чудовищ отшвырнула волна гнева. Темные твари оцепенели на краю вырванной у них земли. Их покрывали ошметки сородичей, и кровь, которую собирали жадные языки. Они не знали что делать: чуяли брата, но и угрозу. Задние ряды напирали, и вскоре там поднялся визг и свирепая резня. Негатив не мог противостоять искушению мгновенного насилия, с удовольствием поедая самое себя.

Крохотный участок волны остановился, но этого было недостаточно. Цинизм врезался в толпу, бороня армию как острейший плуг. Потом прыгнул вверх, увлекая за собой изорванные сущности. Ему нужны были погонщики. Те, кто направлял убогую мелкоту в бой. Цинизм с наслаждением окунался в негатив, калеча и убивая, а потом снова выныривал, продвигаясь вперед.словно хищная рыба, он преодолевал черные волны, забираясь на гребень.

Над вершиной которого поднималось нечто.

Огромная глыба из чугуна, костей и пепла. И это была лишь голова. Геноцид со скрипом раскрыл заслонки покрытые слоями горелого жира, забитые сажей глазницы прочистил вырвавшийся огонь. Внутри inferнальной пасти сотни вечно-горящих черепов изрыгнули алую плазму. Она прокатилась вниз, оставляя за собой широкий желоб кипящей карамели. Сотни образов просто исчезли, не оставив после себя ничего. Исчез и Цинизм.

Геноцид издал грохочущий металлический звук и медленно взобрался на гребень. Он посмотрел на копошащихся внизу тварей, пожирающих друг-друга. Его зев раскалился. Одним плевком Геноцид испарил очаги самоедства, и негатив снова устремился вперед, огибая бурлящую плешь.

Неожиданно, что-то с силой врезалось в покатое плечо гиганта, расколов чешуи угля. Завершив свой головокружительный прыжок, Цинизм заставил чудовище слегка повернуться вправо. Нахлынувшее бешенство распалило Геноцид еще больше, и его шкура покрылась каплями расплавленного свинца. Оранжевые течи выбивались из-под наростов.

— Где твоя хозяйка, несчастная псина?!

Не задевая их, Цинизм перепрыгнул на затылок образа и принялся крушить его быстрыми, но сильными ударами. Он отрывал поддающиеся куски шкуры и вышвыривал прочь. Геноцид, впавший в абсолютное неистовство, выжег вокруг себя пространство размером с городской квартал. На его спине начали раскрываться темные шахты. Из них, под вой серен, показались закруженные верхушки атомных боеголовок.

Великий разрушитель настолько обезумел, что выпустил десятки ракет залпом. Край страты на минуту стал белым ничто, а потом его сплющило, расколело и вышвырнуло в пространство старого космоса сквозь расширяющиеся разрывы реальности. В воздух поднялись неизмеримые массы сахара, которые испарялись вместе с негативом. Очаги ядерных взрывов находили друг на друга, создавая зоны сверхвысоких температур и

давления. Миллионы солдат черной армии уничтожило за мгновение. Тех, кто выжил, обломки страты уносили в открытое Многомирье. Геноцид стоял посреди всего этого великолепного хаоса, почти позабыв о Цинизме. Он наслаждался, хотя бесконечные удары атомных молотов, сильно потрепали его.

Цинизм держался за его горб всеми лапами, но ураган тянул прочь, неумолимо и настойчиво. Километровый кусок мира, на котором стоял Геноцид откололся от основного массива и чудовище медленно зашагало вперед. Наперекор всему, оно побежало! В нем жажда отмщения, опасно совмещалась с полученной от катаклизма эйфорией. Несомые в пустоту образы словно мошки разбивались о его грудь.

— Сволочь! — неслышно прокричал Цинизм. — Весь план заключается в том, чтобы не дать тебе пройти дальше! А ну стой!

Геноцид прыгнул.

Пролетая над пустотой, он гневно ревел, а потом с грохотом ударился о край разлома и повис, цепляясь могучими руками. Последние чешуи угля откололись от него, обнажая чугунное тело. Большой кусок оторвался от заливка и полетел вниз.

Вместе с отчаянно ругающимся Цинизмом.

Крепость Воли стоит.

Перекрывая Путь, что ведет к множеству незащищенных миров, это циклопическое сооружение не дает мерзости негатива захватить все Многомирье раз и навсегда. Цитадель занимает большой мир, созданный специально для нее и парадоксы Пути, мертвые петли и тупики, не дают никому миновать ее. На стальных скалах, прорезанных глубокими рвами, холодеет стена двухсотметровой высоты. Она — ничто иное, но фаланга ростовых щитов, которые давным-давно сомкнули прима-образы воли. Их бронзовые тела успели врасти в эти щиты, созданные из самого прочного волевого камня, а сами воины находятся в трансе максимальной концентрации. Так они стоят, кольцом, и ноги их тоже поглотил серый массив крепости.

Одна из самых крупных группировок позитивных сил сосредоточена здесь. Вокруг сущностей-защитников надстроены башни и леса, по которым передвигаются воины Цитадели. Они несут честь великого бдения и закалены стычками с негативом. Такими же бесконечными, как их пост. Рыцари позитива закованы в тяжелую броню невозмутимости и вооружены переносными излучателями отрицания. Безрассудные атаки негативных стай встречает залповый огонь этого безжалостного оружия. Нет негативу, нет негативу, нет негативу. И свирепое воинство испаряется маслянистым дымом, его останки кипят и посвистывают.

Внутри Крепости незамысловатые, но практичные структуры из белого бетона образуют октогональные массивы. От настоящих великанов, до крохотных пристроек. Некоторые из них стоят вплотную, надежно подпирая друг друга неразрушимыми боками, другие пребывают особняком, бросая в сторону остальных зданий прочные железные мосты. Большинство из них — промышленные объекты. Миллионы образов находят здесь убежище и трудятся ради сохранения Многомирья. На гигантских фабриках мотивации идет непрерывный процесс производства этого ценного ресурса. Спрессованная и тщательно упакованная, мотивация рассылается вовне.

Мотивация нейтральна. Она может спровоцировать созидательное движение, раскатать инертный разум и разжечь огонь творчества. А может сделать темный крестовый поход Максиме копьем, которое пробьет любую преграду.

Стальная Воля знает это. Она готова и ждет отступницу, чья армия уже затенила сияние половины звезд на небосклоне. Будучи могущественным примом Воля лучше других чувствовала, какая опасность приближается к Цитадели. И тревожилась.

Время было ее союзником и врагом одновременно. Стальная инспектировала владения дотошно, чтобы потенциальные трещины в обороне были обнаружены и ликвидированы. Но она не сомневалась, что агенты Максиме работают в ее городе под личиной безобидных сущностей. И то, что Предательница пока не осадила город, говорило лишь об одном: она тоже готовится, и очень тщательно.

Дым фабрик часто менял направление. Ветра Многомирья неистовствовали, полыхающие страты гнали их со всех сторон, и становилось ясно, что цитадель уже окружена и клешня негатива сжимается вокруг последнего очага позитива, способного на серьезное сопротивление.

Наблюдая за вихрями, что порождали сталкивающиеся ветра, Воля шла у верхнего края

стены. Ее металлические суставы щелкали и шелестели от трения. Из них сочилось темное, но чистое масло, которое оставляло редкий пунктир, падая плотными каплями. Круглая решетка между лопаток дышала теплом, распространяла синтетический запах механической жизни. Юбка, свитая из мельчайших серебряных колец, скрывала тонкие длинные ноги, покрытые, как и все тело, прекрасными медными узорами.

За ней двигалась свита меньших образов, аколитов в тяжелых прорезиненных балахонах. Они следовали за госпожой, бережно перенося на плечах тяжелую плиту волевого камня, на которой был высечен отрывок из кодекса цитадели.

«Возьми и сделай. Оказавшись перед задачей, выполни ее, так, словно всю время ждал ее и готовился. Не сомневаясь, не давая оправданиям сделать тебя беспомощным перед самым страшным врагом. Прокрастинацией. Если этот демон настигнет тебя, то вопьется в самое-самое, в сердцевину костей и мякоть плоти он вонзит тысячи зубов. Шутя принимай вызовы, привыкая с презрением относиться к трудностям и пробивать тупики так, словно они иллюзия. Ибо таковы они есть...»

Кодекс постоянно дописывался, потому что все достижения Воли на фоне всеобщего творческого упадка были незначительны. Простейшие движения совершались из-под палки. Существовало порядка восьмидесяти отдельных плит, которые изобретательно стимулировали читающего встать с кровати.

Это казалось забавным, однако временами Воля выбивалась из сил. Она никому этого не показывала и непоколебимо сохраняла образ легендарного героя с неизменной походкой победителя. Но живое сердце Воли, окруженное синтетическими органами и металлическими костями, трепетало, когда она сверяла новые карты Многомирья со старыми. Удачливые разведчики, приносящие информацию, от которой замирали платиновые шестеренки в голове прима, никогда не видели ряби на щите ее величественного спокойствия.

Но что еще она могла демонстрировать? Как еще она могла вести себя, когда тысячи призывов о помощи кружились над Крепостью, словно печально кричащая стая ласточек. Они замолкали не получив ответа. Некоторые — резко, оборванные на полуслове, другие — медленно, страдая.

Они и были похожи на птиц, но из бумаги. Клубились так долго, что Воля приказала сжечь их, потому что они сеяли панику среди рабочих. Позитивные солдаты обстреляли их, но это произвело эффект воистину угнетающий. Тлеющие обрывки заполонили Крепость, забиваясь во все щели, залепляя немногочисленные окна. Рабочие видели ответ на просьбу других миров. Большинство понимало, что высылать какую бы то ни было помощь бессмысленно. Даже осколок армии Максиме в чистом поле размазал бы весь контингент позитива. Авторитет Стальной был непререкаем, и никаких социальных последствий у этого инцидента не было. Но каждый раз, выходя к своим образам с публичными обращениями, Воля видела белые клочки, припиленные к их сущностям.

Почему позитив так разобщен? Каждый сам за себя: крохотные бастионы, защищающие свои миры, горят словно щепка. Максиме ступает по ним, и ее слух, должно быть, услаждает хруст расколотых скорлупок. Даже перед ликом конца времен, когда критическая масса негатива уже перевалила точку невозврата, позитивные лидеры опекают свои королевства, глядя пустыми глазами на то, как их соседей пропускают через себя жернова невообразимой жестокости. И кровавый туман уже ползет в сторону следующих границ, которые ничего не значат.

Воля понимала, что и сама была таким же царьком, ревниво оберегающим свой островок спокойствия. Но она всегда была готова к переговорам. Готова была создать круглый стол, военный совет позитива, предоставить свою цитадель как точку сбора свободных сил. Но никто не пришел к ней, когда Максиме только начинала свою экспансию. И ее посланники в Интеллектуальный возвращались ни с чем. Воля подозревала, что виной всему заражение агентами негатива всех слоев мышления. Именно они строили козни и препятствовали объединению светлых сил, когда это еще имело смысл.

Но нельзя винить только их.

Негатив в целом однороден и легко наращивает потенциал, не отягощая себя противостоянием внутренних интересов. Ему не мешают иллюзии выбора, которыми постоянно озадачен позитив. Он идет по прямой к абсолютному хаосу. Объединение через разрушение — это все, что его интересует.

А стремления позитива всегда такие неорганизованные. В холодном океане безразличия, теплые течения добра редко пересекаются между собой. Тонкие струйки следуют к своей цели по отдельности, слишком разочарованные в окружающем мире, чтобы искать себе подобных.

Воля остановилась, положив правую руку на грань гигантского щита. Один из множества, он был, как и другие, покрыт рубцами, вмятинами и древней окалиной. Как и другие, он преграждает путь к забвению, который выбрала Максиме. Устоит ли он? Шансы невелики. Только не против такой силы, которой заручилась предательница. Его красота, кажущаяся непоколебимость, божественная массивность, прекрасные узоры изображающие повороты пути, будет уничтожена. Он дрогнет под ударами тьмы, ослабнет, треснет, а потом рухнет.

Это неизбежно. Воля, наконец, призналась сама себе, что это неизбежно.

Только если...

Ее ромбическая голова поднялась на вытянувшейся шее. Позвонки негромко лязгали выходя из туловища. Окуляры из голубоватого стекла выдвинулись вперед. Там внизу, медленно преодолевая препятствия стального холма, ползла крохотная фигура. Воля сфокусировалась на ней, настроив механические глаза.

Она вцепилась в стену обеими руками. Синтетические пальцы врезались в металл. Эти лохмотья. Наполовину пустой рукав. Походка одержимого, словно кто-то невидимый толкает перед собой куклу. Переставляет ее ноги. Держит за талию. И зубами не дает завалиться голове.

К Воле подбежал прим позитива командующий на стенах. Его звали Неунывающий, и он был одной из прямых персонификаций Оптимизма. Гремя латами светло-синего цвета, он на ходу выкрикивал приказы. Стена мгновенно ожила и наполнилась воинами позитива, действующими слаженно, как один. Они заполнили мостки буквально за несколько минут. Тревогу пока не объявляли, но даже без ее жуткого воя гарнизон среагировал настолько быстро, что нарастающую озабоченность Воли разбавила нотка гордости за армию Крепости.

Тысячи отрицаниеметов нацелились вниз. Их жерла следили за тем, как эта точка, пересекающая непростой ландшафт, приближается все ближе к основанию твердыни. Это было странное зрелище. Упорство Максиме, если это была она, было почти неоправданным. Даже жалким. Она подолгу переползала через баррикады, застревала во рвах, плутала, проходя лабиринты. Иногда она совсем пропадала из виду.

— Что это такое? — спросил Неунывающий напряженно и озадаченно. — Это она?

— Возможно, — откликнулась Воля. — Но маловероятно. Часы Девела не пустили бы ее так далеко. Не хочу думать, что есть способ остановить их.

— Она... — Неунывающий взобрался на щит. — Оно движется так медленно. Мне доложили о посторонних совсем недавно. Если это существо здесь уже какое-то время, то мне очень совестно, что мы обнаружили его только сейчас, миледи.

Провожая букашку одним окуляром, Воля переключила остальные на горизонт. Никого.

— Не плоды ненужные сожаления, — сказала она негромко. Несмотря на ее механическую природу, голос Воли был живым и теплым. — Есть границы и у ваших возможностей. Теперь не спускайте с этого существа глаз. Отправь дополнительных разведчиков на периметр. Если это она и пытается отвлечь нас от подготовки к вторжению, я должна знать. О любых ее эволюциях, сразу докладывать мне. Сию же секунду. Я спущусь вниз и дам инструкции остальным примам.

— Во имя Воли, — решительно отозвался Неунывающий.

Созыв цеховых бригадиров и офицеров позитива, это событие, которое при всем желании не может остаться незамеченным. Воля чувствовала всей своей сущностью, как в городе растет напряжение. Как слухи, чья неопределенность вызывает только еще больший страх, нагревают атмосферу. Она старалась не говорить лишнего, но все всегда готовятся к худшему. У Стальной сложилось впечатление, что осада уже началась, настолько подавлены были бригадиры и возбуждены офицеры.

Когда она шла обратно на стену, город уже ошетинился баррикадами, огневые карманы были готовы, скрытые доты укомплектованы, и все ловушки были взведены и настроены.

Все это неизбежно падет. Воля не отчаивалась. Она чувствовала решимость защищаться до последнего. Но ей было жаль, что нет никакого способа сделать эту борьбу более осмысленной. Спасти хоть что-то.

— Миледи!

— Неунывающий.

Воля подошла к краю стены. Неунывающий встал справа, показывая рукой вниз.

— Она... Оно добралось до стометровой зоны. И сейчас просто стоит там.

Окуляры Воли зашелестели. Неясная фигура приблизилась, и ее лицо стало, наконец, различимым. Если это была не Максиме, то кто-то очень на нее похожий. Разведчики много раз описывали ее внешность и показывали рисунки. Словно желая доказать свою подлинность, женщина раздвинула края хламиды.

— Клянусь фантазией, — прошептала Стальная. — Это она. Это действительно она. Не как?

Женщина внизу улыбнулась и помахала рукой. Потом запахнула хламиду и подняла руки вверх. Руку и обмотанную тряпками культю.

— Чего она хочет? — задался вопросом Неунывающий. — Это провокация? Издевательство? Ловушка? Но в чем она заключается? Она хочет, чтобы мы поверили, будто она сдастся?

— Не тараторь, — тихо ответила Воля. — Мне кажется, она приглашает на переговоры.

По рядам воинов позитива прошли шепотки.

— Нет миледи! — крикнул кто-то из них. — Не ходите!

Остальные поддержали его согласным гулом. Живые губы Стальной приоткрылись. Она улыбнулась, посмотрев направо и налево.

— Боюсь, у меня нет выбора, — сказала она.

— Что? — вскинулся Неунывающий. — При всем моем уважении, миледи, я скажу, что это головопашество. Нет безопасного развития событий, при котором переговоры с этим чудовищем могли бы завершиться удовлетворительно. Если мы пустим ее сюда, она разведает наши укрепления и тактические хитрости. Если вы спуститесь к ней, неважно с какими силами, она натравит на вас само Одиночество. И мы напрасно и глупо погибнем. Выбор есть. Проигнорировать ее, вот идеальное решение.

— Проигнорировать шанс на спасение? — переспросила Воля.

Неунывающий смешался.

— Что вы говорите? Вы думаете, она хочет показать нам безопасный выход из сложившейся ситуации? Она ставит мат. Всему, что видит. Вы только поглядите, как она явилась сюда, нагло, расковано, абсолютно уверенная в своей безнаказанности.

— Она потребует сдать Крепость, — высказался один из солдат.

Неунывающий согласно кивнул.

— Вот голос вашего верного воинства, и я с ним полностью согласен. Она настолько легко добывается своего, что потеряла серьезное отношение к происходящему. Для нее это развлечение. Рушить наш мир — игра! Совершенно очевидно, что она предложит вам сдачу на оскорбительных условиях. Будет говорить, что бы мы не оттягивали неизбежное и...

— Молчать, — холодно рявкнула Воля. Неунывающий отступил на шаг. — Хватит говорить за нее. Ты боишься, что тебя минуют сражения, Неунывающий? Чувствуешь вину за мои преступления? Не беспокойся, мы никуда не сможем уйти от ее армий. Но я должна поговорить с ней. Это моя обязанность, как вашего скромного лидера, вести переговоры с врагом. Если и есть шанс отвернуть от нас это гибельное копьё, то только так его можно найти. Поговорить с этой безумной женщиной. Возможно, она раскаялась, кто знает.

Послышались нервные смешки.

У Крепости нет слабости, нет врат. Все сообщение с ней происходит по воздуху. Грузенные товаром дирижабли давно не покидали своих ангаров. Чтобы оказаться за стенами, нужно было воспользоваться системой тяжелых грузовых лифтов. После долгих размышлений, Воля решила, что поднимает Максиме на стену. Но не даст ей пройти дальше, что б та не видела, что ей готовит оборона цитадели.

Была проведена основательная подготовка. Максиме была неуязвима, но вытолкать ее, сбросить со стены, было возможно. Плотность воинов позитива в месте подъема была лишь слегка увеличена. Возможно, замысел Максиме состоял в том, чтобы отвлечь на себя внимание, используя примитивное желание Воли надежно обезопасить себя. А в это время какие-нибудь неведомые темные твари легко проникли бы с другой стороны, чтобы устроить саботаж. Разведчики, однако, вернулись с добрыми вестями. Никаких признаков негатива.

Все время пока шли приготовления, Максиме прогуливалась внизу, пиная мелкие камешки. Какое-то время она даже лежала там, положив здоровую руку под голову, и смотрела вверх. Складывалось впечатление, что она готова провести там вечность.

Когда начала спускаться грузовая платформа, женщина оживилась. Она поднялась и отряхнула хламиду. Тщательно вытрясла из нее пыль и утерла лицо красным носовым платком. Дожидаясь своего транспорта, она привалилась спиной к щиту и, хоть никто ее здесь не слышал, запела что-то вполголоса.

После того как она забралась на прибывшую огороженную плиту, наверху некоторое время ничего не происходило. Воля размышляла, отдавать приказ или нет. Солдаты

выстроились полукругом, оцепив местность. Неунывающий стоял возле пульта управления, положив руку на рычаг. И вопросительно смотрел на повелительницу Крепости.

Она подошла к нему и, отстранив медленным, но твердым движением, потянула рычаг на себя.

Все, кто наблюдал за этим, невольно дрогнули. Кто-то почти незаметно, скрыв слабость, но каждого тронул страх. Растущее напряжение достигло пика, когда платформа заканчивала движение. Скрип ее подвижных частей, лязг и грохот становились все громче. Позитив прислушивался к этим звукам, словно ожидая, что среди них донесется рычание хищника.

Платформа прибыла. Ее стальной короб все еще слабо вибрировал. Воины рефлекторно нацелили отрицаниеметы. Среди них ходило поверье, что если попасть Максиме в сердце, где засело Одиночество, можно ее ранить. Может даже убить. Воля знала, что это наивные домыслы. Чтобы отринуть настолько сильную сущность как Одиночество, понадобится тысяча Крепостей.

Так что она лишь отдала приказ приготовиться. И три ряда позитивных воинов с башенными щитами, встали перед ней, чтобы оттеснить Максиму обратно в лифт.

— Быть может совсем не выпускать ее оттуда? — предложил Неунывающий. — Можно поговорить и через дверь.

Воля внимательно посмотрела на него. Прим неуверенно улыбнулся. А потом чем-то щелкнул на панели. Тяжелая заслонка медленно опустилась, создав мост между платформой и стеной. На ребристый металл ступили стройные, чуть изогнутые в колене ноги. Ступни с вырванными ногтями основательно запылились после долгого похода. Пророк была обута в старые зеленые шлепанцы с клеймом в виде орла. Колени были обмотаны фиксирующими бинтами, которые, казалось, успели сплавиться от той же пыли. Выше начинались лохмотья, которые никогда не могли описать разведчики. Это и правда было что-то совершенно неоценимое. Будто множество наложенных друг на друга слоев засохшей краски. Среди них виднелись какие-то ремни, накладки из кожи, карманы и шныряющие, словно ящерицы, тени.

Максима сошла на стену и резко откинула глубокий капюшон, заставив всех отступить на шаг. Послышался звон доспехов, кто-то упал. Кого-то поддержали товарищи.

— Что? — удивилась Максима. — Мама говорила, что я красивая.

Она осмотрелась по сторонам. Ее взгляд скользил по воинам позитива. Максима тепло улыбалась, словно видела старых друзей.

— Так приятно, — начала она, — видеть светлые лица. Иногда я устаю от всех этих скалящихся рыл, которые меня окружают. Тогда я иду в цитадели добрых сил и отдыхаю в шезлонге, глядя на ваши розовые щечки. Кто хочет сделать мне чай с льдом? Может быть ты, красотуля?

Она подошла к Неунывающему, и взяла за руку в латной перчатке. Тот настолько оцепенел, что не сопротивлялся.

— Мне нравятся парни в голубых доспехах, — улыбнулась она. — Хочешь, я скажу Геноциду, чтоб не убивал тебя? Я ведь всегда любила тебя, милый, — она прижалась к его нагруднику щекой. — Обними меня. Я так устала. Меня нужно взять на руки.

— Достаточно! — Воля прошла сквозь строй щитоносцев, расталкивая их локтями. — Отойди от него!

С Неунывающего, наконец, спало наваждение, и он отстранился, сбросив пальцы

Максима со своей руки.

— Ах, — Пророк тоже отступила, уставившись на Волю широко раскрытыми глазами. — Будь позитивна, Стальная. Я не знала, что ты тоже здесь. Думала, что меня впустил твой друг. Я была бы рада этому.

Воля вытянула шею, чтобы казаться больше и нависла над Максиме, словно агрессивная кобра. Пророк посмотрела на свое отражение в гладком хромированном животе. Ее лицо дернулось и на нем проступило горестное удивление.

— Я ничуть не изменилась, — сказала она мрачно. — Я думала, что хоть отдаленно стану похожа на злое божество, которое вы так ненавидите и боитесь. Но с таким носом я больше похожа на тетю Дороти из пекарни.

— Тебя выдает голос, — сказала Воля. — В нем слышится шум бездны.

Максима вдруг опустилась на одно колено, коснувшись рукой лба.

— Собственно, я не закончила свою мысль. Спасибо тебе. Только тебя я могу благодарить за то, что Одиночество еще не сожрало меня.

— Что? — изумилась Воля.

— А как же иначе? — Максима подняла взгляд. — Только благодаря железной воле, я не превратилась в кожаный пузырь как остальные до меня. Только благодаря тебе, госпожа Крепости, я все еще жива, а Одиночество не гуляет само по себе. Если бы я сдалась, хоть на минуту раскаялась в своих действиях, мое сердце исторгнуло бы все, что в нем таится. Говоря откровенно, у меня столько раз был соблазн опустить... руку. Но не этому меня научила жизнь.

Пророк поднялась на ноги и важно произнесла, подбоченясь.

— Нам нужно провести серьезнейшие переговоры.

Воля хмыкнула.

— Так говори. Я надеюсь понять хоть что-то из твоего бормотания.

Улыбнувшись, Максима провела ладонью по неровному ежику волос.

— Здесь, конечно, много классных парней, но я хотела бы сделать это где-то еще. Обстановка недостаточно солидная. Может, зайдём к тебе? Если у тебя беспорядок, ничего, я сама постоянно откладываю уборки.

— Внутри города ты не попадешь.

Максима вздохнула. Потом вытащила из складок хламиды все тот же красный платок и довольно ловко повязала его себе на глаза, действуя одной рукой.

— Ничего не вижу! — объявила она. — Слепа, как столетний дедушка. Совсем не вижу секретных штурмов. Даже этого великолепного блондина, которого ты так от меня защищала.

Внутри Воли что-то загудело, и она выпустила пар из решеток на спине.

— Перестань паясничать. Ты будешь говорить здесь или я прикажу вышвырнуть тебя обратно. Ты так шваркнешься о металл, что тебя не спасет даже твоя неуязвимость.

Щитоносцы придвинулись ближе.

— Это заблуждение, — сказала Максима. — Якобы меня можно сбросить с большой высоты и так убить. Мол, если я могу верить, что меня не покалечат мелкие предметы, то столкновение с чем-то достаточно массивным, мои кости и органы расплющит так же как в Материи. Если кто-то надеялся на это, я вынуждена вас огорчить. Это не так. Ваш мир абсолютно беспомощен передо мной. Он работает так, как хотят люди, а не вы. Мне достаточно отречься от смерти, и она не придет. Вымысел тонок как ноябрьский лед и моему разуму ничего не стоит разбить его и собрать, как мне будет угодно. Я здесь божество

и если ты думаешь, что твои меры предосторожности остановят меня от того, чтобы войти в город, ты еще тупее Любви. А уж она-то, клянусь, показалась мне самой безмозглой, бесполезной тварью, которую только может породить блудное человеческое сознание. Не огорчай меня, Воля. Не демонстрируй мне свою стойкость только ради того, чтобы подать пример своим солдатам. Они все уже мертвецы.

Воля молча смотрела в ответ. Потом слегка наклонила голову и произнесла:

— Я уверена, что прямо сейчас, мы обе блефуем.

Ярость, так отчетливо созревающая в позе и выражении лица Максиме, отступила. Носительница Одиночества расхохоталась.

— Ты права. Возможно, я переживу падение, но сил моих не хватит, чтобы в одиночку разрушить твои сараи. Однако, я что угодно готова сказать, чтобы не стоять здесь на ветру. Прояви же гостеприимство! Я добиралась сюда пешком, окольными путями. Сотней самых отдаленных огородов, чтобы за мной не последовал Геноцид. Он ведь как утенок: «мама, мама, куда ты идешь? Что мы сегодня будем жечь, мамочка?» И «топ-топ-топ» за мной.

Это было второе упоминание негативного титана и тот кровавый эпос, что сопровождал его, будто сгустился еще сильнее. Лица позитивных воинов были напряжены. Они не хотели смотреть в сторону горизонта. Неукротимое зло было где-то там. Оно действительно существовало. Темные мифы оживали, а о светлых пока что не было вестей.

— Не упоминай эту мерзость в моем городе.

Максиме закатила невидимые под повязкой глаза.

— Хорошо. Послушай. Если будешь держать меня тут дальше, я твоим ребятам грудь покажу. Тогда они обделаются окончательно. Давай так. Я клянусь, что не намерена сейчас причинять тебе вред тем или иным способом. Тебе, твоему городу, его жителям и защитникам. Я держу свое слово. Можешь спросить у Надежды и Любви.

О, как было бы замечательно уничтожить тебя, подумала Воля с отвращением. Найти такой мир, где не будет ни одной щели, даже толщиной с волос, чтобы никто никогда больше не увидел тебя. К сожалению это не решит проблему, так как Одиночество сбежит откуда угодно. Единственный способ удержать его где-то, это подсунуть ему человека. Против живого человека, чей изумительно сладкий внутренний мир можно сравнить с нектаром для смертельного паразита. Максиме действительно обладает незаурядной стойкостью. К сожалению. Лучше бы она истоцилась и погибла как все остальные.

Воля посмотрела на своих солдат.

— Оставаться на посту. Неунывающий, жди атаки, так, словно это факт. Пока мы не вернемся, командование на тебе.

— Разрешите мне охранять вас! — попросил Неунывающий. — Я оставлю вместо себя Ревностную. Она не подведет. Я должен быть к вам ближе, чем враг, миледи. Умоляю.

Воля отрицательно покачала головой.

— Она ничего не сможет мне сделать. Оставайся тут.

— Ты подашь мне руку? — спросила Максиме. — Я могу навернуться с лестницы, а это плохо для имиджа.

— Даже лучше.

Несмотря на то, что Цитадель казалась примитивным, хоть и крепким, сооружением, ее фундамент был холодным технологичным термитником. Обитающие там существа из сплавов воли и стойкости, были отпрысками Стальной. Она создавала их сама, в муках рождая из своего чрева саморазвивающиеся капсулы. Воля занималась созданием тайной

армии очень давно и численность ее была такова, что мир насквозь был пронизан тоннелями, соединяющими просторные залы, в которых разумные механизмы тестировали новые виды мотивации. Они подчинялись Воле беспрекословно и среди них были не только исследователи. Воинов там было достаточно, чтобы устроить собственный крестовый поход.

Это был главный козырь Воли.

К несчастью, бессмысленный.

Они ворвутся в битву в самый неожиданный для негатива момент. Погибнут все до одного. Но лучше так, чем оставлять их сиротами, забытыми в подземельях. К тому же, рано или поздно, их все равно найдут.

Услышав короткий сигнал Воли, из тайной берлоги вылетел сферический механизм. Рельеф на его блестящей поверхности, красной, как гранат, изображал мирно спящее лицо. Короткие манипуляторы с широкими хватающими поверхностями, он сложил под нижней губой. Он бесшумно скользил по улицам города, а потом ринулся вверх, быстро достигнув цели.

— Я не доверяю твоей истлевшей тряпке, — сказала Воля. — Сейчас тебя поместят в закрытый транспорт. Будь добра, находишься там, пока я не решу, что пора тебя выпускать.

— Надеюсь, меня не укачает, — произнесла Максиме. — Если я все там заблую, чур, не ворчать.

подавив отвращение, Воля мельком взглянула на шар, и тот подлетел к Максиме вплотную. Сомкнутые губы шевельнулись. Не открывая глаз, он распахнулся как шкатулка, и мягко закинул Максиме внутрь себя, поддев ее краем нижней половины.

— У-у-х, здесь не слишком... — успела сказать Максиме, а потом сфера захлопнулась.

Все смотрели на механизм. Он тихонько парил в воздухе, так, словно был все еще пуст. Выражение металлического лица было неизменно. Воля тихонько зашипела.

— Не могу поверить, — Неунывающий тронул руку госпожи. — Она у нас в плену. Мы поймали ее!

Воля не стала отвечать на это наивное восклицание. Все-таки оптимизм иногда бывает раздражающим.

В городе, конечно, не было сооружения возведенного на случай таких необычных переговоров. Воля могла бы привести шар в самый крупный литейный цех, и там, посреди яростного свечения миллионов тонн раскаленной мотивации, оглушающего шипения гигантских механизмов и лязга тысяч черных котлов, Максиме была бы обескуражена и ослеплена светом непреклонного движения во имя позитива.

Но это было бы очень грубой и самодовольной выходкой.

Вместо этого Воля привела шар в музей Примеров Стойкости. Полностью оправдывая свое название, это место хранило различные свидетельства человеческой непреклонности. Сам зал, который принял гостей, был копией существующего в Материи храма, полностью вытесанного в сплошном массиве скальной породы. Вытесанного только при помощи примитивных инструментов, что держали человеческие руки. И целеустремленности, что не давала им опуститься.

Шар так же мягко освободил Максиме. Та припала на одно колено и сонно огляделась, расчесывая темную кожу под хламидой. Ее взгляд блуждал между панорамами, на которых беспощадная реальность пробовала людей на излом. Голыми руками они строили, обороняли, разрушали. Их глаза горели от внутреннего напряжения, страха и гнева одновременно. Они не верили, что дерзость забросила их так высоко, что можно удержаться

здесь хотя бы минутой, но шли по тонкому канату натянутых возможностей.

Неслышно ступая, Максиме обошла по кругу несколько экспонатов. Воля внимательно наблюдала за ней. Она не надеялась, что свидетельства чьих-то подвигов разбудят благородство в противнике, однако носительница Одиночества была явно заинтересована. Не было причин мешать ей.

— Это сражение проиграно, — негромко произнесла Максиме, глядя на панораму откуда-то из Наполеоновских войн. — Но теперь всего лишь три часа, и у нас есть еще время выиграть другое.

Черноволосый человек в синем мундире умирал на руках преданных солдат.

— Знаешь, что злит меня больше всего?

Воля молчала.

— Они были настолько ошарашены тем, что я сбежала, что сначала солгали себе, а потом безоговорочно поверили, будто бы сами отпустили меня.

— Это неправда?

На обновившейся панораме, человек снова беззвучно произносил слова полные спокойствия и мужества. А потом вел за собой солдат, переполненных мстительным гневом.

— Насколько я помню — нет. Когда Одиночество выходило из кокона, в который она превратила живого человека, я почувствовала злость. Наверное, испугайся я, наложи в штаны, и всего этого можно было бы избежать. Но я разозлилась как никогда прежде. Оно высвобождало свои руки, длинные как русла рек и такие же широкие. Из крохотной раны на груди показался горб, такой, что я не могла увидеть его вершину. Каждая песчинка под моими ногами дрожала от страха, когда оно шагнуло на волю столпами ног. Сначала они трещали от тяжести, но потом колени окрепли, а стопы впились в песок...

Максиме замолчала, оглянувшись. Неслышный приказ Воли привел в музей несколько человекообразных механизмов. Они поставили стол и два стула из черно-белого камня, после чего быстро удалились.

С грохотом отодвинув тяжелый стул, Максиме забралась на него и дождалась, когда Воля устроится напротив.

— Я не думала, что ты решишь заговорить об этом, — сказала та. — Продолжай, я внимательно слушаю.

Горстка солдат против плотных вражеских шеренг. Словно капля воды готовится упасть на бетонную плиту. Но их вера сильнее объективной реальности. Противник ошеломлен: его поразило истинное бесстрашие атакующих. Ведь если противник не боится тебя, значит, ты слаб. Капля падает, но разбивается плита. Противник бежит.

Однако, платить за дерзкое управление реальностью, придется всем, что есть. И кровь горячего сердца кипит в открытой ране.

— Девел говорил, что я послужу великой цели. Но быть расходником, разве великая цель? Стоять на рельсах, чтобы замедлить состав? Не знаю, почему он решил будто я смогу на это пойти. Я пыталась выспросить у него, но он уже не понимает речи.

Внутри Воли механически скрипнуло. Руки, лежащие на столе, дрогнули.

— Как бы то ни было, — продолжала Максиме, — когда Одиночество предстало предо мной, я взбесилась от того, как легко оно сбросило лохмотья кормившей его жизни. Оно стояло предо мной, покачиваясь как ненадежная башня. Знаешь ли ты цвет Одиночества? Оно мягкого синего оттенка. Такой обычно рисуют воду. По нему прокатываются волны черного. Глаз у него нет, как и головы. Но каждое твое движение, вздох, даже короткие

встречи век, отзываются колебаниями на его шкуре.

Я часто и агрессивно дышала. Оно дышало вместе со мной и ноги его тряслись от моей ярости. Оно повернулось к выходу из склепа. Наверное, колебалось. Свобода манила его, но искушение испытать человека, было сильнее. Когда Одиночество начало идти ко мне, я заорала как древние воины кричали на самоуверенного врага. От этого вопля в теле чудовища медленно открылись сквозные отверстия. Оно остановилось, снова задумавшись о чем-то. Потом медленно протянуло палец. В нем было пять или шесть суставов. Как усик насекомого, палец исследовал песок вокруг меня. Одиночество было озадачено. Может смущено, что я смею отвергать его.

Прошло довольно много времени. Оно стояло напротив меня, и его движения, маятниковые, однообразные, убаюкивали. Я не засыпала, но уже и не бодрствовала. Это пограничное состояние, что-то открывало мне. Одиночество пыталось говорить со мной через шумы на своем теле. Я понимала только один сигнал:

«Отличие».

Оно пыталось узнать у меня, почему я отличаюсь от других. Но как бы я ему объяснила? Да и зачем? Наверное, оно догадывалось, что со мной будут проблемы и с поразительной наивностью осведомлялось у меня, где же скрыт подвох.

Мое молчание раздражало Одиночество, и вскоре оно стало беспокойным. Гипнотизирующие движения стали резкими, неровными. Оно вздрогнуло и снова пошло на меня. Я кричала и бросалась песком. Смешно, да. Оно проникло в меня так же легко, как вода уходит в широкий слив. Помню, я почувствовала с отвратительной ясностью, что оно сожрало мое сердце и заняло его место. И что, даже если изгонишь его теперь, я обречена. Кто живет без сердца?

Я увидела колодец с обожженными краями на своей груди и впала в безумие. Я не побоялась сунуть туда руку, чтобы вытащить его. Но оно обглодало ее и выплюнуло. Кость. Голую и сухую. После этого я забылась. Погрузилась в видения. Иногда мне казалось, что я живу в лесу, иногда, что я пилот, попавший в плен к браконьерам. Сумасшедшая в клинике, которая добралась до скальпеля. Я не могу сказать, что из этого было правдой, а что психозом. Я забыла, как попала к Девелу. Скажи мне, он что-то рассказывал обо мне?

Человек против пули. Маленький кусок свинца, добытый из земли. Ему придана сферическая форма. Его толкает пороховой газ. Безобидный, инертный металл становится пособником убийцы. Так вульгарно обрываются красивые истории. Так реальность затыкает голос легенды.

— Нет, — ответила Воля. — Он никогда не рассказывал о тебе, кто бы ни спрашивал. Говорил лишь, что допустил ошибку.

Максима громко захохотала. А потом — камнем в молчание.

— Так даже лучше, что не скажи, все будет правдой, — произнесла она после паузы. — Ведь мы в лучшем из миров, где лишь фантазия определяет, что будет каноном.

Медленно выбравшись из-за стола, Максима задумчиво почесала живот под хламидой.

— Ну, мне пора, — сказала она. — Вызовешь такси?

Воля щелкнула.

— Это все? Ты приходила только ради этого? Спросить о Девеле?

— Почему нет? Не убеждать же тебя сдать без боя. Это скотство. Кроме того, я хочу видеть, как вы сражаетесь. Мне надоели разгромные капитуляции.

— Но что было дальше? После того как Одиночество проникло в тебя. Расскажи все, раз

начала.

Максима скосила глаза к носу.

— А! Конечно.

Она снова села за стол.

— Чаще другого мне мерещилось одно и то же. Я стою напротив приближающейся волны в десять, двадцать этажей. Синего цвета, и хаос рисует внутри примитивные узоры. Она с ревом несется вперед, и не существует преград таких, чтобы она заметила. Мне никуда не уйти от нее, весь горизонт занят пенным хребтом. Я могу лишь встретить опасность лицом. А в руках у меня черный зонт. Единственный мой щит. Волна подступает ко мне, шипит и ревет, чтобы напугать, обратить в бегство, а потом с удовольствием накрыть, растереть на крохотные песчинки. Но мне смешно, а не страшно. Самоуверенность волны меня не пугает. Я раскрываю зонт и выставляю его перед собой. Земля начинает дрожать у меня под ногами, грохот становится оглушающим, но я стою. И тогда она бьет в него, в эту крохотную черную точку, слабую ткань и хрупкие спицы.

Так она думает.

Но мой зонт крепче всего, с чем она сталкивалась до этого! Его ткань и спицы прочны так же, как моя решимость остаться хозяином своего тела. Волну разрывает надвое, и она опадает, с яростным воем, тотчас впитываясь в почву.

Однажды Одиночеству это надоело. Оно пришло ко мне в видениях и схватило пальцами-усиками. Волны на его теле что-то бешено втолковывали мне. Оно, очевидно, было недовольно тем, что я сопротивляюсь. Чтобы сломить меня, нужно было что-то еще. И тогда Одиночество забросило меня в космос. Неясный промежуток вечности я провела в невесомости, посреди холодных белых точек. Все во мне смерзлось от жуткого холода. Я не могла дышать, чтобы почувствовать себя живой. Дрейфуя с ничтожной скоростью, я успела подумать каждую мысль миллионы раз. Миллион раз испытать страх и, наконец, вовсе забыть его. Сойти с ума вновь, испытав безумие в безумии. Пока, наконец, я не добралась до звезды. Она отогрела меня и притянула к себе, милосердно испепелив в своем сердце.

Я так и не взмолилась. Не выклянчила у Одиночества освобождение через смерть. И тогда я очнулась. Я сидела на белом песке. Рана на моей груди подсохла, и я видела, как демон угрюмо ворочается там, в ловушке. Я пленила его! Я подчинила страсть, которая должна была убить меня. После этого я легко освободилась и начала свое путешествие по Многомирию.

Пророк смахнула со стола невидимую пылинку.

— Так уж вышло, что я нашла друзей в самых темных мирах. Они разделяют мое мнение.

— Какое?! — не удержалась Воля. Она подалась вперед и едва успела погасить просительное движение хромированных рук. — Расскажи, что заставляет тебя делать это?

— Жалость, — был ответ. — Все, на что меня хватает. После многих попыток спасти вас иначе, я могу лишь призвать сюда орды маслянистых страшилищ. Прости меня, Воля, но другого выхода нет. Я знаю, ты впустила меня, испытывая азарт обреченного. Но я никогда не оставлю вас в живых.

За спиной Воли что-то с грохотом обрушилось. Шарообразная колыбель, ждущая меж панорам, упала на пол и покатила. Потом развалилась на две половины, и они закачались в быстро убывающем вращении.

Максима неторопливо уходила, становясь похожей на движущуюся гору тряпок и

ветоши. Приподнявшись, Воля хотела окликнуть ее...

— Не беспокойся, — донеслось из сумрака. — Я найду дорогу.

* * *

Нет ничего более успокаивающего в Многомирье, чем наблюдать, как Бабочка Хаоса редко и тяжело взмахивает крыльями, покрывая световые года открытого пространства. Фасетчатые глаза видят все, всегда, везде, от чего бабочка часто нетороплива. Она срезает все углы мироздания, превращая собственную судьбу в идеальный круг. По нему протекает ее медитативное движение.

Оставшись без хозяина, она ничего не потеряла. Перешедшие по наследству силы держал под контролем древний, хоть и примитивный разум. Только он знает, насколько Девел действительно был силен. Одна десятитысячная часть его сущности еще бродила по Многомирью, когда закат приближался к ночи. Но лишь одна миллионная часть досталась Страху во время трансформации.

Бабочка получила немислимые два процента.

Такой потенциал позволял превратить судьбы целых миров в гремящие потоки игральнх костей. Однако, сколько на это требуется сил? В крохотном насекомьем теле найдется ли место для необходимого топлива? И какое оно, это топливо? Хозяин жил за счет человеческой веры. Он был чрезвычайно принципиален в этом вопросе. Настолько, что предпочел забвение, паразитизму.

Бабочка, однако, была практичнее, и создание барьеров на пустом месте ее не интересовало. Она приближалась к звезде. Это был древний сверхмассивный гигант белоголубого цвета. Его породили крохотные частицы творчества, слишком мелкие и разрозненные, чтобы стать сущностью. Скорее пыль, которую те стряхивали с себя, рождаясь в пустоте.

Как и звезды реального космоса, этот здоровяк прошел несколько этапов великолепного преобразования, когда мелкая бесполезная пыль, становится источником света. Он побывал плотным облаком, в котором начинали мерцать первые светлячки спрессованных частиц. Протозвездой, крохотной и постоянно сносимой космическими бурями. Пока, наконец, не превратился в неуязвимого гиганта, занявшего свое место в Многомирье.

Неуязвимого. До сего момента.

Бабочка уверенно приближалась к нему. На фоне необъятного светила, бабочка была ничем, практически пустотой. Контраст между ними был воистину философским. Какой совет хотела она испросить у старой звезды? Неужели не нашла глупая бабочка лучшего места, чтобы пригреть свои тонкие крылья? Ведь вспыхивающие протуберанцы сожгут ее.

Но быть наследницей Девела, значит — иметь некоторые послабления в глазах строгой объективности. Да, Многомирье было пластичным мирозданием, но чтобы сожрать целую звезду, а, самое главное, усвоить полученную энергию, нужно обладать особыми силами.

Неопределенность взглянула на светило фасетчатыми глазами. Бабочка призывала собственных слабых двойников из всех реальностей, временных потоков и вариантов будущего. Это были тени, отбрасываемые оригинальным образом на свету разума. Они были всевозможных расцветок, размеров, форма их крыльев никогда не повторялась. Шуршание крыльев стало оглушающим, когда пустота обратилась живой стеной лапок, брюшек,

хоботков и усиков.

Это был бабочкопокалипсис.

И он окружил звезду шуршащим пузырем голодных воплощений бабочки, придушив древнее сияние. Насекомые взмахнули крыльшками. Мах! — и звезда почти задохнулась от поднявшегося внутри пузыря вихря. Мах! — и она дрогнула, словно едва не погибший огонек свечи. Мах! — бушующий океан плазмы разгладился.

А затем, в уснувшего гиганта вонзились миллиарды хоботков. Свет перетекал в пульсирующее тельце. И еще одно. И еще. Шуршащая скорлупа начала медленно и неравномерно проваливаться внутрь. И вот уже заметить это зловещее шевеление стало труднее, чем раньше, бабочки замирали, изнемогшие от обжорства. Самые выносливые продолжали втягивать в себя жар. Они испивали друг друга, когда им не оставалось места на пиршественном столе. Одинокий лучик успел пробиться сквозь насыщающийся рой...

А много позже осталась только она.

Бабочка Хаоса, способная теперь использовать силу всех своих копий, где бы и когда они не существовали. Она неподвижно плыла в пространстве, словно и сама погибла. Ее лапки разошлись в стороны. Хоботок свернулся. Фасетчатые глаза были темнее темного. И только в неопикуемых узорах произошло какое-то движение.

Бабочка коротко махнула крыльями и снова замерла.

Суждено ли человечеству узреть границы того, что оно обзывают «вселенной»? Существует ли способ перейти от робкого ощупывания космоса, к его стремительному покорению? Есть ли у нас такое количество времени и запала, чтобы догнать постоянно бегущее вперед ничто?

Каждую секунду граница отодвигается от нас еще на семьдесят три километра. Каждую секунду пороги нашего великого дома ставят рекорды недостижимости. Как за ничтожный промежуток времени, стоящий между «сегодня» и тепловой смертью вселенной успеть нам догнать и увидеть. Как привычная, но непонятная нам материя, словно вода, привычная и непонятная рыбам, врзается в абсолютное НИЧТО.

Что там на этих порогах?! Ревущий ли океан древнейшей плазмы, которая проедает сверхплотную пустоту? Стена неизвестных нам частиц, на ходу формирующих реальность бесконечным делением? Прозрачная пленка, за которой ребенок дует в колечко, смоченное в мыльной воде?

Где найти сил, чтобы доплыть по этим разливающимся океанам межгалактического пространства, не убоявшись, не споткнувшись, не остынув?!

Нет.

Нам не успеть.

И только здесь, в Многомирье, оно достижимо, хоть и с трудом. Здесь можно присесть у приграничного столба и устремить свой взор туда, где нет вопросов, нет ответов, нет ни единого повода переживать.

* * *

Это место напоминало набережную, пустую, тихую, слабо освещенную лампочным желтым светом. Она опоясывала все актуальное Многомирье. Граница была сделана из блестящих и неровных булыжников оставшихся от погибших комет. Прожилки неизвестных металлов меняли цвета, создавая фантастические узоры. Слабая вибрация пробегала в одну сторону и возвращалась назад, словно кольцо постоянно росло, хотя и незаметно.

На обычных чугунных скамейках лежали забытые кем-то книги и журналы. Из цилиндрических урн торчали увядшие букеты цветов. Одиноко лежала перевернутая синяя шляпа, вынужденно демонстрируя свое нутро с биркой. Хлебные крошки, рассыпанные для птиц, некому было клевать. Со стороны, обращенной к великой пустоте, бежала латунная ограда. К ней меланхолично прислонился бесхозный велосипед.

Через каждые двадцать метров стояли биноксы. В них можно было в деталях рассмотреть Ничто.

Ближайшие же звезды и миры по другую сторону, были настолько далеки, что напоминали о себе только разноцветными крупинками древнего света. На таком расстоянии они были столь же неосязаемы и абстрактны как и пустота.

Никас подошел к биноксу. Тот был бесплатным. Сбоку, на крючке, висели наушники. «Музыка для созерцания», было написано над ними. Они плотно обхватили голову. Мелодия не была печальной, скорее растерянной. Клавиши издавали звук падающих капель, а струны

— протяжный звон.

Человек приник к окулярам.

Музыка, словно почувствовав это, стала громче. Ибо там уже не было никакой «пустоты». Не было границы, не было понятного разуму завершения, не было спокойствия и блаженства! Там какие-то безымянные явления, сопровождаемые безымянными оптическими эффектами, протекали через безымянное количество безымянных стадий. Это было похоже на шевелящийся, раскаленный до сияния узел, из которого то и дело вырывались новые петли. Иногда они начинались и заканчивались в нем. Иногда расщеплялись на десятки новых. Или истончались и гибли.

Никас закрыл глаза и посмотрел вверх биноскопа. Теперь он видел впереди лишь желанную тьму. Это было предпочтительнее. Не снимая наушников, журналист положил локти на ограду и задумался. Он прошел уже несколько километров, считая количество биноскопов. Посещая их, Аркас каждый раз видел что-то особенное. Несколько раз человек впадал в приятную меланхолию, потом его трясло от ужаса, в следующий раз качало от головокружения.

Аркасу быстро надоело празднество. Он рассчитывал, что найдет здесь кого-то, кто сможет объяснить, как покинуть Край. Но ни одной сущности не встретилось ему на пути, с тех пор как он очнулся на скамейке, разворошив укрывшие его газетные развороты.

Журналист нашел странной закономерность, которая заключалась в том, что он чаще всего перемещался между событиями своего путешествия в бессознательном состоянии. Как будто исчезая и появляясь снова в нужном месте, он двигался скачками, не управляя ими.

Он с беспокойством вспоминал слова Максима о том, что кто-то из них может быть такой же сущностью как все здесь. Частью чьего-то вымысла. Среди бесконечного количества миров, историй, они могли быть незаметно ползущей крупинкой фантазии. И вся эта борьба имела смысл только для них, невидимая и неслышимая для чего-то невообразимо большего.

Обращаясь к различным воспоминаниям, Никас все же смог успокоить себя. Слишком подробными они были. Ни один разум, даже маниакальный, не станет продумывать столько мелочей. Столько утомительных, деталей. Для этого нужно быть существом с чуждым разумом.

— Ты будешь?

Никас скосил взгляд влево.

— Буду что? Кто ты?

Позади кто-то, грузно шагая, пошел по кругу. Потом в обратную сторону.

— Ты будешь со мной?

Голос был глухим, абсолютно нейтральным, с какими-то влажными потрескиваниями. Его имитировали, тщательно произнося незнакомые звуки. Никас обернулся, но никого не увидел.

— Кто здесь? Покажись.

Невидимка снова прошел по кругу и затих. Никас ждал. За его спиной поднялся из небытия тугой изгиб змеиного туловища. Белый, почти прозрачный, он не скрывал пульсирующие узлы серого вещества внутри. Сферической формы, они соединялись между собой толстым нервным канатом, будто бусины — шелковой нитью.

Он почти сразу скрылся.

Вокруг Никаса нарастал беспорядочный антропогенный шум. Неразборчивые голоса,

мерный гул, низкие, кажется, корабельные сигналы. Напротив человека появилась сущность. Это был водолаз в тяжелом многослойном скафандре, усиленном жестким каркасом для противодействия глубинному давлению. В круглом шлеме негромко плескалась вода. Оборванный шланг, свисающий с макушки, тихо шипел.

— Говорить. Ты будешь со мной говорить?

Сколько раз уже Никас давал себе обещание не заговаривать с незнакомцами. Особенно с теми, кто появляется из небытия. Особенно с теми, кто проявляет к нему интерес.

— Я что-то у тебя украл?

Водолаз безмолвствовал. Внутри шлема рыба проплыла близко к обзорному стеклу.

— Нет, — сказала сущность. — Ничего не крал. Я у тебя тоже. Мы не конфликтуем.

Никас расслабился. Он обошел вокруг костюма, а потом выглянул за поручни, посмотрев вниз. Показался прозрачный бок.

— Да, — донеслось сзади. — Это я.

А костюм, подумал Никас, для того, чтобы впечатлительный человек не умер от страха. Ладно, черт с ним, надо спросить у этой дряни как найти чуждый разум и валить, пока оно не догадалось, что я человек из мира Материи.

— У меня, — заговорил Никас, — очень мало времени. Я не могу долго беседовать с тобой. Не знаешь ли ты, где мне найти чуждый разум? Он должен находиться где-то здесь.

Водолаз привычно прошелся по кругу.

— Это я.

Ох, ну конечно. Никас потер лоб костяшкой указательного пальца. Это всегда раздражало его в фантастической литературе. Неизвестное, мгновенно постигаемое главным героем. А точнее, уже готовое к нему. Сознательные пылевые облака, цитирующие Гомера. Колония квазиразумных кристаллов смеющаяся над анекдотом про свинью и капитана. Потусторонние существа, прибывшие из четвертого измерения, и те, обычно, уже готовы к спорам по поводу политики Древнего Рима.

Какая же эта тварь чуждая, если она сходу может установить контакт с тем, что видит впервые?

— Какой же ты чуждый, если сразу со мной заговорил? — спросил Никас раздраженно. — Откуда ты знаешь, что я такое? Может я вообще нечто неодушевленное, как ты можешь отличить меня от этой скамейки? Откуда тебе известны сигналы, которые я передаю в пространство посредством вербализации моих мыслей. Они должны быть для тебя просто непостижимыми!

Внутри костюма послышался скрип. Он поднял руку с металлической клешней и постучал по стеклу.

— Я готов. Я изучал ваш мир сорок тысяч лет. Ты прав. Если б я был изолирован от человечества, наш контакт был бы невозможен.

Как это удобно, когда в запасе есть сорок тысяч лет свободного времени, подумал Никас. Интересно, что можно понять, наблюдая за чем-то так долго? Не начало ли оно нас ненавидеть просто от скуки?

— Ты бессмертен?

— Нет. Я умру как вы. Когда наша планета остынет.

Наша планета. Никас ощутил тоску и неожиданную симпатию к странному существу. Оно словно стояло на пороге его родного дома и могло слышать как там, на закате теплого дня, идет по улице уставший, но счастливый человек, осторожно откусывая от свежего

пломбира. Неужели это все еще правда? — изумился Никас. Неужели я еще могу вернуться туда? Но нет. Дело не в том, что я хочу спасти Максиме. И даже не в том, что хочу спасти человечество от нее. А просто нужно вломить Геноциду как следует.

Цинизм издал короткий смешок.

— Так кто ты такой?

— Ваш сосед. Очень хорошо вас знаю. Вы меня — хуже. Хотя меня находили неоднократно, даже ваши предки. Они никогда не видели, где я начинаюсь и где заканчиваюсь. Поэтому назвали меня Уроборос, змей, поедающий свой хвост. Хотя это биологически неверно. Я не рептилия, а стрекающее. Очень долго эволюционирующее, начиная с протерозоя. Гораздо дольше, чем понадобилось вам. Что же. Под водой не так много раздражителей. Там темно. И тихо. Большую часть времени.

Ничего себе, — подумал Никас.

— Верно другое, — продолжало существо. — У меня нет начала и нет конца. Я рос вдоль горячего разлома в коре, пока не отыскал собственное тело.

— Так ты один такой? — спросил журналист.

С той стороны к стеклу шлема снова что-то подплыло. Никас увидел желтую студенистую полусферу со странным пятном. Нечто смотрело на него несколько секунд, а потом глаз медленно отдалился и пропал.

— Когда-то существовала популяция маленьких медуз. Они были одними из первых существ, которые путешествовали в пучинах океана. Километры темной влаги постоянно окружали их со всех сторон. Они встречались с сородичами так редко, что со временем начали хвататься друг за друга, чтобы не затеряться вновь, не позволить течениям разлучить их. Действуя так, они стали тяжелым неповоротливым организмом, которому непросто стало кормить себя, ведь вода была почти стерильна. Тогда он опустил вниз и принял за пищу тепло самой земли. Он не перестал расти, привлекая все новых медуз. Пока, наконец, они все не стали одним целым. Мной. Так что, да, я — один.

Какая-то размытая эволюционная теория, подумал Никас. На грани мифа. Он засомневался, что с ним разговаривает нечто из материи. Больше походило на очередную сущность, которая не знала, что она сущность. Были ли у ЛПВВ причины отсылать его сюда при помощи простого обмана? Вряд ли. Существо такой силы ложь ни к чему.

— Для чего ты следишь за нами? И как смог оказаться тут?

Костюм медленно подошел к Никасу и положил клешню на его плечо. Тот поборол желание отстраниться, и посмотрел на свое отражение в выпуклом стекле.

— Я вижу, что вы страдаете, — сказал Уроборос. — Сначала мое любопытство было праздным. Я наблюдал за вами в перерывах между моими долгими спячками. Каждый раз, когда я возвращался, вы становились все сильнее. Сложнее. Интереснее. У вас всегда была цель. Но теперь ее нет. Вас уничтожает нечто, что вы называете Одиночеством. Тогда я решил найти ваше Многомирье. Оно было столь беспокойно, что я сделал это без труда. Теперь я готов помочь, потому что мне жаль вас. Вы не услышали и тысячной доли того, что хочет сказать вселенная.

Новый порыв ветра отдавал гарью сильнее, чем обычно. Никас посмотрел в сторону. Вдалеке он увидел кого-то, прислонившегося к перилам. Кто это был? Человек решил выяснить это позже.

— Ты ведь единственный в своем роде. Скажи, как ты справляешься с чувством одиночества? Мы постоянно сталкиваемся с ним. Все наши беды о того, что мы не можем

окончательно победить его, даже объединяясь друг с другом. Оно преследует нас при рождении, оно стоит с нами у смертного одра. Одиночество толкает нас на ужасные поступки. Делает апатичными, злыми, убогими. Терзает ли оно и тебя?

— Конечно, — был ответ.

— Тогда скажи, как ты оберегаешь себя от разрушения? Ты разумен, значит, оно может испортить и тебя. Но ты спокоен и рассудителен, будучи безнадежно одиноким. Скажи, как...

Вместо ответа костюм вдруг с силой ударил себя по шлему. Прозрачная заглушка открылась и из шлема хлынула теплая пахучая вода. Сначала Никасу это показалось незначительным признаком возбуждения Уробороса, но поток не ослабевал. Темная пеннистая жидкость все прибывала, захлестывая ноги маленькими волнами. Ее настойчивое течение становилось бурным и пугающим. Никас не понимал, что происходит, ведь невозможно было затопить настолько открытое пространство. Но его рассудок поддавался иллюзии.

Вода поднималась. Она делала так уже множество раз, расправляясь не только с ничтожными комками мяса, но и с километрами суши. Делая горные пики высотами морского дна. Меняя облик планеты. Смывая завершённые картины.

Она добралась до кадыка и Никас поглубже вдохнул. Волна прошла по его лицу, вызвав короткую панику и желание закричать. Но человек сдержался. Через минуту над ним тяжелели сотни метров равнодушной стихии. Она гудела в ушах, давая расслышать чей-то далекий рев и скрежет ржавого металла. Холодные пальцы незначительных температурных перепадов, касались его кожи. Никас парил в воде, будучи совершенно свободным. Он почти ничего не видел, только слабое свечение Уробороса внизу. Свет разумной жизни. Дыхание Земли убаюкивало, и змей, раз за разом, погружался в транс, где слышал беседы планет, пение туманностей и низкое гудение черных дыр. Его разум зародился в ответ на музыку небесных сфер, которую не услышать тем, чья жизнь коротка. Миллионы лет терпеливого внимания этой музыке сделали его существом, чье сознание было построено на бесконечном разнообразии вселенной.

Он жил здесь так долго, что человечество, с его точки зрения, появилось вчера. Не прошло и суток, как это слабое растение принялось увядать. Но он успел понять примитивных существ, которые только начинали слышать мелодию космоса. И проникся сочувствием.

— Есть только один способ, — услышал Никас. — Все остальное — ничто, бегство, которое никогда не закончится победой. Ты должен пройти по моему пути.

Ты останешься один.

На долгое время.

Одиночество будет терзать тебя.

Пока ты не примешь.

Поймешь.

Его.

* * *

Свет Уробороса погас.

Идея Конца была сильна как никогда. Перевернутый город становился больше, ручейки кошмаров наполняли его, и отражение реальности становилось невыносимым. Здесь постоянно выли серены, полыхал огонь, дул темный, наполненный ядом ветер. В атмосфере средневекового ада содрогающиеся горы трупов наплывали на качающиеся дома. Тошнотворные гиганты из перекрученной арматуры, бетона и плоти, брели по пояс в густеющей жиже из крови и внутренностей, покрываясь все новыми и новыми слоями нечистот. Они бросали тела в ржавые заплочные контейнеры, в которых гигантские стальные дробилки перемалывали все в жилистый фарш.

Малочисленные выжившие сущности трепетали, сбиваясь в покорные стада, вокруг золотых восьмигранных обелисков, на которые медленно нанизывались крупные фигуры в строгих костюмах. Эти фигуры источали удушающий фекальный смрад и постоянно бормотали что-то успокаивающее, но непереводаемое, потому что их разорванные рты забивало выползающее дерьмо.

Высохшие женские фигуры, вытянутые, переломанные, качали гротескные визжащие колыбели, из которых сыпались, словно зерно, крохотные недоношенные тела. Они тоненько пищали как мыши, а потом разбивались вдребезги об каменные ступени, которые вели в темные тоннели бомбоубежищ, заполненных кипящей водой.

И стонали запекшиеся от огня псы.

А внизу нефть уже не омывала берега арен. Она полностью захлестнула их и горела, горела, горела, сжигая, наконец, обезумевших и покорных тварей, идущих на убийство себе подобных. Военным машинам не стало место для грызни. Они утопали. Они, наконец, достигли своего предназначения. Они разрушили все, что могли. Захлебываясь в маслянистых волнах, машины ощущали жестокое счастье. Но стволы их орудий еще стреляли напоследок. Медленно погружаясь в небытие, они вели огонь. Что бы хоть еще одну минуту, мгновение, но разрушать, взрывать, жечь, хотя бы поднять столб черных брызг.

О, какое счастье!

Глядя на все это, ЛПВВ размышляло о своем создателе. Оно помнило доброго, не печального человека. Тепло его мыслительных процессов, мягкую защиту разума, свет творчества. Это было похоже на воспоминания взрослого человека о давно ушедших родителях. Смутные образы, инстинктивная симпатия, старая скорбь. Создатель дал ему все, для того чтобы ЛПВВ смогло изменить Многомирье, кроме какой-то крохотной детали. Что он не успел вложить в него? Чувство меры? Сомнения? Единственный недостаток, оттеняющий совершенство?

Парящий над огнем полубог давно заметил, что к нему направляются стаи скелетообразных тварей, несомые гидрореактивными двигателями. От их костяных турбин вниз спускались пульсирующие кожистые пуповины, которые всасывали кровь и с яростным воем выталкивали ее наружу через сопла. Они занимали тысячную долю внимания ЛПВВ. Полубог все еще смотрел через реальности, пытаясь сложить общую картину бедствия из сотен кровавых осколков. Он искал вектор противодействия. Нужно было найти способ остановить негатив. Самостоятельно.

Ведь победа Аркаса была невозможна.

ЛПВВ знало это, но не могло оставить человека бесцельно бродить по руинам.

Уроборос мог чему-то научить его, но его философия долгого принятия Одиночества, была проигрышна. Именно эта философия породила Максиме. Был шанс, что Аркас воспримет ее по-другому, закалится, увидит слабые стороны врага. Но куда вероятнее было, что он лишится рассудка за сотни лет заточения. Не просто сойдет с ума, а станет пустой оболочкой.

В действительности, было три способа остановить великого врага. Первый: принять его. Второй, самый простой, к которому сейчас стремилась Максиме — уничтожить страсти, отправив Одиночество в небытие вместе со всем Многомирьем. Третий был самым сложным. Даже в сравнении с продолжительной изоляцией. Он заключался в постоянном совершенствовании разума. Человек, заручившийся собственной пытливостью, трудолюбием и волей, мог создать внутри себя мир, столь богатый, самодостаточный и прекрасный, что негатив поломал бы клыки и когти.

Прискорбно, но Максиме и Никас, — оба были неспособны на это. Оба они были слишком травмированы и уязвимы. Замкнуты. Холодны.

Не прерывая бдения, ЛПВВ плавно взмахнуло рукой, и ветхое здание рядом обрушилось вниз. Глыбы расколотого кирпича сокрушили стаю злобных существ. Поднятые волны исторгали вонь, медленно наползая на дымящуюся сушу.

Из возвышающегося в центре города улья, чьи соты были вылеплены из пережеванных и засохших мозгов, с недовольным жужжанием выглянули механические шершни, покрытые, словно сыпью, объективами камер. Из динамиков, на их брюхе доносились вопли омерзительной пропаганды и лжи. В синтетических мешочках, привязанных к лапам, гнили черепа.

Самоуничтожение, подумало ЛПВВ, слегка заостря внимание на этих чудовищах. Я должно было предотвратить это. Если бы знать, чего не хватает. Что было не дописано? Что недосказано? Одна глава? Слово? Может быть, даже, знак препинания.

Оно снова погрузилось в себя.

Ограничение индивидуальности.

Сокращение популяции.

Насильное обучение.

Подавление агрессивности.

Жестокий контроль.

Раз разом, оно слышало внутри себя эти слова. Они тревожили его. ЛПВВ не мог поверить, что создатель заложил в него это. Полубог пытался раскрыть контекст, но ему мешал тот самый пробел, словно потерянный ключ, не дающий прочитать шифровку. Неужели эти смутные тезисы делали его таким сильным? Этим он должен был изменить мир к лучшему? Превратив его в концлагерь?

ЛПВВ поймало шершня одной рукой и внимательно осмотрело его, заглядывая в стеклянные глазищи. Тварь жужжала и извивалась, но полубог специально увеличил свои размеры, чтобы удерживать ее без труда. Нейротоксичное телескопическое жало напрасно пыталось достать янтарную кожу. Произведение оторвало голову шершня, и отпустило затихшие останки. Убивая, оно не чувствовало злобы. Но вмешательство в его размышления было недопустимо.

Лучшее произведение всех времен. Он был каким-то руководством к действию? Политической программой? Его создатель действительно рекомендовал сделать мир антиутопией бесконечного угнетения? Если это так, то его сила — прямое доказательство

эффективности такого подхода. Это было так близко к тому, что делал... Геноцид.

Адский город отозвался на эти мысли. Он захохотал, словно смеялся. Ветер ускорился, обтесывая стены домов, вытягивая из окон спирали черного маслянистого дыма. Визг демонических обитателей накладывался на скрежет уже разложившихся конструкций. А из крови всплыли потревоженные ракообразные чудовища.

— **Ты такой же, как мы.**

Это было не так уж неожиданно. В конце концов, здесь эту тварь короновали, здесь она родилась. ЛПВВ слышало, как оно приближается, пока еще невидимое в обветшалой чаще построек. Шипение испаряющихся нечистот и мерный звон колоколов. «Боммм! Боммм! Боммм!». Все ближе. Подлетающие шершни сделали крутой разворот и в панике бросились кто куда.

Между гнилыми клыками небоскребов мелькнула черная громада.

И вот.

Оно.

Перед ним.

Обычно нейтральное, ЛПВВ, берегущее свои эмоции, пропустило вспышку отвращения и беспокойства. Геноцид смотрел на него полыхающими глазницами. Вблизи было заметно, что там, внутри чугунного черепа, царапают стены тысячи рук. Этот скрежет, хруст ломаемых ногтей, шипение вечно горящей плоти, одновременно ублажал чудовище и не давал его безумию угаснуть.

— **Ты должен быть с нами. Ты хочешь того же, что и Пророк, только предлагаешь достигнуть этого с другой стороны. Через Материю.**

— Нет, — спокойно ответило ЛПВВ. — Мое предназначение неизвестно мне самому.

— **Уничтожать. Твое предназначение — уничтожать. Мы с тобой — убийцы.**

— Я не приму свою природу так же легко, как ты, — произнесло ЛПВВ, увеличиваясь в размерах, чтобы компенсировать разницу с монстром. Теперь они были на равных, хотя Произведение так и не ступило в кровь и глядело на Геноцид сверху вниз. — Я сложнее тебя. Умнее. Любимее. У меня был создатель с именем.

— **У меня были сотни отцов. Ты удивишься, ЛПВВ, но они любили меня не меньше. Они верили в меня не меньше. Я принял свою природу, потому что она естественна. Смерть нужна всему живому, чтобы оно не сгнило заживо. И я несу смерть миллионам, не интересуясь идеологиями, которыми меня оправдывают. Не смотря на причины, из-за которых ко мне прибегают. Я уничтожаю доброе, пока оно не стало злым. И когда Одиночество приведет меня к последней жертве, я вздохну с облегчением. А потом сокрушу ее, и негатив исчезнет. Исчезнет все.**

— К сожалению твоему, борьба так же естественна, как смерть, — стоически говорило ЛПВВ. — И пока ты идешь к последней жертве, тебя будут атаковать снова и снова, пока не вытолкают обратно в бессознательное. По-твоему ты бог смерти? По-твоему твои создатели были умными людьми? Они были обезумевшими от Одиночества отродьями, чьи суждения были настолько далеки от объективности, сколь твоя Максиме сейчас далека от победы. Я не дам исчезнуть всему живому. Даже если я создано жестоким разумом, во мне не заложено тотальное истребление. Мы с тобой не одно и то же. Меня ведет разумная жестокость, а тебя — тупая кровожадность.

Огненное сияние в глазах Геноцида потускнело, словно монстр прикрыл

несуществующие веки. Он сжал бугристые пальцы в кулаки-тараны.

— **Борьба... Ты появился так недавно. Ты не знаешь, какую она несет усталость. Они ненавидят меня. Но зовут. Снова и снова. Их разумы перекручивают меня, давят, ломают, и собирают вновь из обрывков и лоскутов. Я выползаю из пепла могильного костра, на котором меня сжигают. И каждый раз на мне все больше слоев жженой кости. Послушай меня! Ты должен помочь нам!**

Город поддакивал царю разрушений. Он скрежетал и охал. Хромые, сгорбленные сущности собирались на уцелевших крышах. Они запели что-то слабыми голосами. ЛПВВ не понимало их, но по интонации догадывалось, что это мольба. Они хотели прекратить свои страдания.

— Максиме, — произнесло оно мягко, пытаясь заглянуть еще глубже в глазные ямы Геноцида. — Это ведь ты нашептываешь ему что говорить?

— **Да,** — произнес Геноцид после паузы. — **Он бы не смог рассказать тебе всего этого. Поверь, я не солгала ни в чем. Он действительно страдает. И очень устал. Мы все устали.**

— **Устали,** — вдруг протянул Геноцид с утробным гулом.

Несомненно, это была только его реплика.

— Усталость — не оправдание. — Отрезало ЛПВВ. — И не будет оправдания тому, что ты делаешь. Я не присоединюсь к тебе. Это анафема. Как и ты сама.

После этих слов, город разочарованно застонал и сгорбился. А потом злобно завибрировал и медленно воспрянул. И каждая его полость, каждое окно, провал, залились яростным желтым сиянием. По улицам пронесся ураган обвинений.

Здания рассыпались, как песочные замки. Одно за другим, они словно проваливались под землю, выдыхая стремительные кольца бетонной пыли. ЛПВВ пробивало их собой, пока не увязло в обломках. Над ним вновь вырос курган мусора, но в этот раз оно не забылось. Взметнувшись вверх, божество раскидало зубастые осколки стен, и свет его метнулся в Геноцид. Броня, покрытая человеческим жиром и углем, ахнула от удара, но выдержала. Взревев голосами умирающих, титан негатива ринулся вперед. Он сметал руины, испепелял нагромождения трупов, походя вымещая злобу на мясных големах.

ЛПВВ, зараженное его яростью, словно вирусом, пикировало навстречу. Они столкнулись как два странствующих метеора, высвободив волну всепоглощающей энергии. Вокруг них, грохоча и вспыхивая пламенем, образовалась широкая арена. Бетон смешался с нечистотами, превратившись в густую податливую почву.

От их ударов трещало само пространство. Медленная и неповоротливая, эта битва напоминала противостояние двух миров, теснящих друг друга силами, превосходящими разумные пределы. Кулаки Геноцида оставляли на прекрасном теле ЛПВВ мироточащие трещины. Однако, оно, подавив злобное помешательство, не давало боли взять верх. С холодной решимостью ЛПВВ крушило шербающую шкуру врага, уклоняясь от раскаленных кулаков. Те приближались с такой осязаемой тяжестью, что не давали реагировать достаточно быстро, и освобожденный Никасом полубог чувствовал силу негатива, раскалывающую его сущность как лед.

Выставив перед собой щит истинной разумности, ЛПВВ взяло передышку, пока чемпион Максиме ярился за экраном. Затем они схлестнулись снова. Вокруг них собирались стаи тварей негатива. Они бежали на границе арены, завывая и подбадривая своего короля. ЛПВВ, наращивая дистанцию, обстреливало Геноцид копьями света. Слежавшиеся желтые

кости разлетались как шрапнель. Кое-где уже показался мерцающий чугун.

— **Дерись со мной,** — загрохотал монстр.

Сущность ЛПВВ вновь помрачнела от насылаемой ярости. Они сцепились, под одобрительный рев наблюдающих. Схватив кулаки титана, полубог принялся давить на него. Не желая отступить, они бросали в это грубое противостояние всю свою мощь, вокруг них росло давление, от которого лопались приблизившиеся твари Негатива, а камни превращались в пыль.

— **Я сильнее, потому что не лгу себе. Ты сам все видел. Спасения нет.**

— У нас есть Воля.

Геноцид рассмеялся, а потом надавил так, словно все это время испытывал ЛПВВ, используя лишь половину своих возможностей. Произведение ахнуло и упало на одно колено. Сбросив его руки, титан негатива, сокрушил ногу сущности собственной пятой, похожей на обожженный колокол. Она почти не встретила сопротивления. Прекрасная скульптурная голень ЛПВВ превратилась в осколки. Оно упало вперед, задрожав от рассредоточения.

— **Я искупаю тебя в крови, которую ты так избегаешь.**

Схватив ЛПВВ за голову, Геноцид поволок его за собой вглубь города. Там он нашел бурлящее озеро цвета мясных помоев. Из этой мерзости вырывались пузыри, наполненные смрадным паром. На медицинских жгутах, уходящих в глубину, висели, повинувшись другому центру гравитации, исковерканные тела, с вырезанными органами. Пустоты были забиты скисшим от влаги порошком. На берег выбралось тощее существо, проткнутое изнутри иглами шприцов. Из них сочился желтый ликвор.

Геноцид испепелил эту тварь, а потом широко размахнулся и забросил ЛПВВ в самый центр. Тот извернулся, и, не коснувшись скверны, воспарил над озером. Мелкие осколки его раздробленного колена падали вниз, вызывая шипение и треск. Они смотрели друг на друга: Геноцид с безмерной ненавистью и тоской, ЛПВВ — задумчиво, углубившись в себя.

— **Встретимся у Крепости.**

Титан развернулся и пошел прочь. «Боммм! Боммм! Боммм!». Божество моргнуло, словно приходя в себя.

— Я буду там.

* * *

Миры по-разному реагировали на весть о приближении негатива. Чаще всего они не знали об этом до последнего момента. Все они были замкнуты на самих себе в той или иной степени. Некоторые вообще отрицали существование других реальностей. Сообщение между мирами было прерывистым, медленным, бесполезным.

Но если им все же удавалось открыть для себя темное будущее, все сводилось к нелепому и короткому сопротивлению. Чаще всего. Бывало, что защитники до последнего стояли на баррикадах, растворяясь в черной кислоте негатива, но не отступая. Иногда сущности, удручающе наивные, пытались задобрить негатив какими-то подношениями. Их сметали вместе с подношениями. Кто-то даже просил о переговорах. Пытался присоединиться.

Более объяснимым и разумным поведением, тем не менее, оставалось бегство.

Большинство меньших существ не могли покинуть свои родные миры, так как были слишком слабы для свободных перемещений. Они становились основной пищей для негатива. И единственной формой бегства для них был старый ритуал саморазрушения.

Этот мир был частью какой-то сложной истории. Давно отколовшийся и затерянный. Небольшой, почти крохотный, он состоял из фантазий о мирной коммуне, которая сдержанно процветала среди декораций тихого городка. Здесь присутствовали странная архитектура, состоящая из округлых вытянутых форм, пластичные, похожие на резину материалы, неорганическая растительность, ползущая по всем доступным поверхностям. Дороги были обозначены колышками, вбитыми в землю. Самая широкая вела прочь, к тому месту, где собрались все жители этого микромира.

Они были облачены в широкие однотонные одежды без прорезей для лица и напоминали неподвижные колокольчики. Один из них глухо декламировал что-то, буквально балансируя на краю пропасти, которая знаменовала конец их реальности. Внизу начиналось небытие, которое привело бы более сильную сущность в открытую часть Многомирья.

Но эти бедолаги были слишком примитивны. И внизу их ждала лишь гибель.

Не было слышно плача или посторонних разговоров. Все молчаливо внимали декламации. Она продолжалась довольно долго. После чего балансирующий образ плавно повалился вперед. Медленно, но не со страхом, а церемониальной неторопливостью, остальные начали подходить к пропасти. Они следовали за своим лидером, повторяя его движение. Их развивающиеся силуэты быстро уменьшались и исчезали.

Вот рухнул последний.

Но нет.

Остался кто-то еще.

Очень похожая на аборигенов фигура, однако, видно все же, чуждая. Она продолжала стоять на своем месте. Будто бы спящая или безнадежно размышляющая о неразрешимых загадках.

Максима отбросила капюшон и провела ладонью по лицу сверху вниз. Словно хотела выдавить из плоти усталость. Когда она смотрелась в зеркальную броню Воли, она заметила, что у нее прибавилось морщин.

Она лгала и Аркасу и Темной Иронии, показывая свое прошлое. Однако не во всем. Она помнила заточение. Помнила насилие. Но что это была за ситуация в целом? На ней были армейские сланцы. Но она твердо была уверена, что никогда не стреляла в людей. Еще она помнила, что водила вертолет, но история с групповым изнасилованием была никак не связана с браконьерами. Это она тоже знала, а не предполагала. Такие необъяснимые столпы собственной памяти, среди зыбкого болота домыслов и полуснов, приводили ее в ярость.

Приблизившись к краю, Максима с нечитаемым выражением лица посмотрела вниз, а потом направилась в поселение. Она брела по здешним улицам, время от времени останавливаясь и заглядывая в маленькие круглые окна на бесформенных зданиях. Стекол не было. Внутри она могла разглядеть какие-то башенки, наподобие природных песчаных образований. И стоящие то тут, то там глиняные чаши с бирюзовым содержимым.

Ей казалось забавным, что она как ЛПВВ, не может сказать, что она такое. Но кем она стала, она знала очень хорошо. Дело было не только в токсинах, которыми травил ее паразит. Пока ее не приковали часами к одному месту, она путешествовала по всему Многомирию и видела, что спасать почти нечего. Тем не менее, она искала способы

избежать насилия. По началу.

Она разговаривала с лидерами позитива, до которых могла добраться, но они все твердили ей одно и то же. Борьба важна. Борьба это все, что у нас есть. При этом они не были готовы к ней. Они не ведали, что такое настоящая битва. С их точки зрения борьба — это отдавать на съедение негативу мелкие незначительные миры.

В центре этого городка, на простом черном постаменте, стояла особенно крупная чаша, заполненная все тем же странным веществом цвета моря. Его уровень постоянно менялся, то заполняя резервуар целиком, то падая к самому дну. Максиме оперлась о ее край руками.

Она больше не видела перспектив. Она не хотела, чтобы кто-то страдал так же, как она. Не хотела, чтобы этот безумный, бесцельный, болезненный цикл продолжался снова и снова! От этой мысли она скрежетала зубами и чувствовала слабость, как при отравлении. Как там говорится... Лучше мучительный конец, чем мучения без конца. Да, она чувствовала вину за то, что уничтожит остатки счастья. Она знала, что еще есть люди, по-доброму наслаждающиеся жизнью, а не бездумно жрущие ее. Но эти колоски прорастают на поле колючего сорняка.

Иными словами: они ничего не значат.

Жестоко, но правдиво.

— Если б я могла, я бы просто держала его внутри себя. Вечно.

Проекция Аркаса стояла напротив нее. Он все так же навещал ее в моменты беспомощности, потому что безошибочно находил и чувствовал в этом податливом мироздании. Но он перестал говорить. Что-то случилось. Его глаза были закрыты, а сам он висел в воздухе, словно приведение.

Вот и сейчас.

— Аркас! Ты меня слышишь?! Это я. Твоя подружка Макс из соседнего подъезда. Родители купили мне велосипед, поучишь меня ездить? Да что с тобой такое? Куда же тебя заманили твои добродетельные друзья?

По земле проскользили черные клыкастые змеи. Засуетились, то тут, то там мерзкие жуки. В небе заметались черные тени. Разведчики негатива.

— Надеюсь, ты все же меня слышишь. Потому что мне надо сказать тебе, кое-что. Последняя битва грядет. Я почти достигла Крепости. Конечно, потом будет еще долгая чистка оставшегося Многомирья. Но она рано или поздно закончится. Люди станут теми, кем должны были быть. Разумными машинами. Больше никаких страданий метафизического «я» в капкане «мы». Никаких борений внутри черепа. Поисков своего места. Утраты своего места. Тихого помешательства и взрывного безумия. Страданий касающихся привязанности, будь то любовь или просто фетишизм. И, самое главное, никакого одиночества. Ему просто не будет места в наших очищенных головах. Оно исчезнет вместе с остальными страстями.

Аркас приоткрыл глаза. Максиме, замолчав, с любопытством ждала, что он выскажется. Но тот смотрел куда-то вдаль, а потом снова сомкнул веки. После этого проекция исчезла.

Максиме задумчиво провела пальцем по краю чаши.

Вокруг нее уже бесновалось безжалостная орда. Разрушая и поедая все, включая грунт. Стоял оглушительный рев, чавканье и треск. На своем островке-постаменте, Максиме казалась пойманной в ловушку.

В уголках ее глаз блестела не ушедшая еще человечность.

«Куда же тебя заманили твои добродетельные друзья?».

Аркас ничего не видел в толще воды. А если бы и видел, то не знал, как реагировать. Все его чувства будто атрофировались. Долгие, как ему показалось, века, он чувствовал страх, панику, отчаянье. Мысли о гибели не оставляли его. Он желал смерти, забвения, чего угодно лишь бы не слушать самого себя и саркастичный смех Цинизма. Но потом все прошло. Сейчас он был не жив, не мертв. Все его мысли были словно законсервированы. Он бродил внутри себя как в музее, отстраненно наблюдая за оставшимися воспоминаниями.

Он никогда не думал, что существуют такие пытки. Когда-то давно, он экспериментировал с сенсорной деривацией. Это было своеобразным испытанием психики. В специальной капсуле, наполненной водой до половины, человек неподвижно плавал, пока крышка капсулы, плотно примкнутая, не пропускала к нему свет и звуки. Тогда он испытал что-то вроде легкого опьянения. Сбитый с толку мозг, все пытался найти точку равновесия, опоры. Потом были слуховые галлюцинации. Разум преобразовывал шум сердца и крови в звуки течения и бормочущий шепот. Никасу казалось, что он плывет вниз по Стиксу, а над ним совещаются тени умерших.

Но тут все было иначе. Восприятие времени стало его палачом. Все стало незначительным. Совершенно бессмысленным. Он чувствовал себя бессмертным божеством лишенным творческой искры.

Самое ужасное, что он не мог понять, что от него требуется. Он уже забыл слова Уробороса и его самого, забыл, зачем здесь находится. Он просто знал, что из этого состояния можно как-то выбраться. Никас пытался плыть, но оставался на месте. Пытался кричать, но вода съедала звуки. Он даже пытался перегрызть себе вены, чтобы умереть. Кровь вышла из него и рассеялась облаком алого тумана. Но он продолжал жить.

Рыдая от отчаянья, он умолял это наваждение растаять.

— Держи себя в руках, человек, — шептал Цинизм. — Ты способен это вытерпеть. Максиме смогла и ты сможешь.

Никас смутно помнил, о ком говорит его симбионт. Темная шелковая кожа. Что такое шелк? Каков он на ощупь? Приятная гладкость. Сладость на губах. Что-то плохое, гнетущее.

Наконец, он сошел с ума. Стал бормочущим идиотом. Живым шевелящимся овощем. Этот период длился еще дольше, чем период деградации. А потом Никас разорвался на сотню маленьких медуз. Они какое-то время держались поблизости, неловко кувыркаясь в воде. Но вскоре поплыли кто куда. Маленькие полупрозрачные мешочки, толкающие воду нитевидными щупальцами. В свою очередь они годами исследовали океан, заплывая в самые глубокие расщелины, впадины и пещеры. Они жили в поисках чего-то, натыкались на чудеса глубин, руины древних городов, леса живых сталагмитов, попадали в карманы с водой настолько древней, что там обитали существа со времен молодой Земли.

И этот период был продолжительнее, чем предыдущие два вместе. Со временем, маленькие медузы начали проявлять признаки волнения. Их перемещение из хаотичного, стало предсказуемым. Все они начали понемногу сближаться, плыть в одну точку. Они помнили, где расстались, и ничто не могло помешать им вернуться назад.

И вот, в неизвестной точке мчащегося времени, они встретились. Исполнив танец узнавания и радости, они бросились друг к другу, и в холодном пространстве возникла

По костюму прошла почти незаметная вибрация. Но Френ, давно обнимающая его правую ногу, сразу ощутила изменения. Она взвизгнула и вскочила, возбужденно и радостно заглядывая в иллюминатор. Там, в темной воде, белело мертвенное лицо Никаса. Он действительно напоминал утопленника, но Френ знала, что хозяин жив и преданно ждала его пробуждения.

Она не верила, что Никас снова позовет ее, и долго медлила, прежде чем подойти. В конце концов, она пыталась его убить. Но когда она увидела, как хозяина поглотил этот отвратительный хищный скафандр, она не выдержала. Любовь, голод и страх толкнули ее вперед, к Никасу. Френ билась в плотный резиновый каркас, ломала ногти, пытаясь открутить тяжелые болты, даже грызла трубки, но — тщетно. Проклятый костюм не пускал ее к хозяину.

Тогда она села у его ног, как преданная собака.

Что-то в силуэте Никаса снова потеряло каменную неподвижность. Френ, поскуливая, боялась не увидеть самого главного. Как открываются глаза ее возлюбленного. Это приводило ее в ужас. Если его последняя мысль была о ней, если он вызвал ее из небытия только для того, чтобы никогда больше не поцеловать ее... О, это было невыносимо! Она не выдержала и снова вгрызлась зубами в неуязвимую шкуру костюма. И кусала, пока из десен не пошла кровь.

— Отпусти его!

Она вскарабкалась на плечи Никаса, уперлась в них ногами, а тонкими руками схватилась за выступы на шлеме. Звуки, которые она издавала, пытаясь освободить Аркаса, были полны тревоги и обожания, хоть и напоминали рев пеликана, погибающего в нефтяной луже. Выбившись из сил, Френ повисла на шее возлюбленного. Испытывая невыносимую скорбь и столь же невыносимый голод, она рыдала.

Костюм наклонился вперед, и Френ всполошилась, думая, что опрокинула его своим весом. Она соскочила, всерьез намереваясь поднырнуть под Никаса, чтоб стать последней опорой луноликого владыки. Но, в последний момент, костюм выставил перед собой ногу.

Он сделал шаг. Еще один. Остановился.

Френ, сдерживая визг, смотрела в ожившее лицо хозяина. Его глаза были блестящими, живыми. Щеки порозовели. Их взгляды встретились. Он открыл рот и выпустил крохотный пузырь воздуха. Потом он поднял руки, оканчивающиеся стальными крюками, поглядел на них, и сделал какие-то известные ему одному выводы. Возможно, раздумывал, как будет держать ими вилку или гладить котят.

Негромко заскрежетав, болты металлического горжета начали скручиваться и падать. Френ помогла Никасу снять шлем. Хлынула пахучая, застоявшаяся вода. Она покидала легкие человека, тонкими струйками, через рот и нос. Аркас терпеливо ждал. Френ стерла последние капли с его лица, и тогда журналист сделал медленный аккуратный вдох.

— Френ, — сказал он на выдохе. — Как я рад видеть тебя.

Они неловко обнялись.

— Ты не злишься на меня, хозяин? — скуксилась она.

Никас покачал головой.

— Я не понимала, что делаю. Она столько про тебя наговорила... И этот нож.

Болты звякали, падая вниз. Костюм сползал с Никаса, словно старая кожа. Его лохмотья отслаивались и никли, стальные вставки ржавели и крошились. Наконец, он истлел полностью. Одежда Аркаса тоже пропала. Он стоял, дрожа на тысяче сквозняков. Казалось, что под его бледной, покрытой высыпаниями кожей, шевелятся маленькие студенистые тела. Но потом это наваждение пропало.

Френ прижалась к нему, чтобы согреть. Она хотела, чтобы он овладел ей прямо сейчас, испытать его жизненной силы, наполнится создателем, как сосуд. Но нет. Нельзя. Ей была отвратительна мысль, что она пользуется доверием хозяина. Пусть она умрет от голода, но не ослабит его еще больше, когда он так уязвим.

— Ты видел? — спросил Уроборос.

— Да, — ответил Никас, помедлив. — Но я не знаю, как это использовать. Это просто информация, а не способ противостояния. Ты обманул меня. Заставил пережить пытку, которой подвергся сам. Но она ничему не учит. Ты хотел понять что-то, испытав мой разум?

Уроборос промолчал.

— Почему ты не отвечаешь? — разозлился Никас. — Почему?! Ты заманил меня в ад абсолютной изоляции, а теперь молчишь?

— Мое безмолвие — это намек, — сказал Уроборос. — Ты слишком торопишься. Вспомни, сколько раз ты по своему желанию покидал мою «пытку», но снова погружался в нее, потому что не хотел уходить ни с чем.

Поглаживая Френ по редким волосам, он... «Наконец, он сошел с ума. Стал бормочущим идиотом. Живым шевелящимся овощем».

Это было первые несколько раз.

Все быстрее доходя до этой точки, Никас понял, что ему нужно адаптироваться. Он копался в себе, в поиске скрытых резервов. Чего-то, что можно противопоставить изоляции. И каждый раз, отсеивая ненужное, он видел оставшийся несуразный камушек. Мысль. Фразу из детской сказки.

«Твой разум всемогущ. С ним ты никогда не будешь один».

И тогда он, слой за слоем, закрывал себя от спящего океана, картинками каких-то видений. Он представлял себя: то лягушкой в дождевом лесу, то компьютером в космическом зонде. Эти сны, в которые он сам себя втягивал, сначала казались ему позорным бегством. Ведь именно это вдалбливают человеку с рождения. Реальность, это то, на что ты должен смотреть не отрываясь. Прочно вцепится в уныло вращающееся колесо быта. Фантазии — зло. Они не дадут тебе заработать на холодильник с двумя камерами, в который ты сложишь столько необходимой тебе еды. Великолепный гардероб, в который ты повесишь столько необходимой тебе одежды. Дом, в который ты приведешь так много необходимых тебе людей. Вся жизнь, это наполнение коробок. Вечно в поисках пустоты, которую нужно забить чем-то «полезным», в то время, как безразмерная пропасть внутри тебя полна лишь гулкой темнотой.

Никас вспоминал свою жизнь, стараясь воспроизвести все в подробностях, но даже самые увлекательные приключения накрывало мутной стекляшкой. Он постоянно наполнял себя новыми впечатлениями, и они падали на дно его души, как в копилку. Но не понимал то, что видит, не успевал почувствовать гармонию и синергию мест, где бывал, потому что бежал и бежал в поисках дома, которого у него не было. Хоть в тущобах Индии, хоть в раю

Бали. И выросший, осыпаящийся конус воспоминаний только тяготил его.

Он спал с женщинами, как будто потреблял какой-то мировой ресурс. Дорого ел и пил, словно выполняя норму заданную статусом и положением известной персоны. Его активность и пыл, творческие способности, расплылись на множество точек приложения. И не смотря на талант рассказчика, он никогда не говорил с читателем, а снабжал его информацией о том, что тот никогда не видел.

Аркас понял, что, как человек, он был посредственностью. Единственную ценность — роман, он не смог дописать и бросил нерожденным. Единственную женщину, которая по-настоящему любила его, оставил, испугавшись ответственности. Из-за самонадеянности обрек людей на смерть. Не разобравшись, посчитав чужое и непонятное примитивными плясками, дал втянуть себя в историю, которая была больше и серьезней него.

По-своему оценив смысл жизни, он по ошибке, как и многие, отдал себя в жертву материи, стал наполнителем коробок, хоть и не таким безнадежным. Но созерцая тысячу рек, он не видел ни одной. Притворяясь, что посещение бедняцких кварталов делает его лучше, он только портил себя. Как не вспомнить лицемерное участие в благотворительных акциях, полевые кухни, где голодных, еле стоявших на ногах людей он два-три дня подкармливал бульонами и кашами, только для того чтобы ощутить свою причастность. Он просто не давал стыду и настоящему сочувствию подобраться к себе, чтобы не признавать, что он тоже бездомный, как и они.

Но Многомирье, о благословенное Многомирье, помогло ему понять, что и боль нужно тщательно исследовать. Пропускать ее через себя. Дать порокам побороться с твоим нравственным иммунитетом, чтобы выработать сопротивляемость. Визуализируя, Никас перестал бояться океана и одиночества. Осознав свою неполноценность, он избавился от одной из главных причин появления страшнейшего из врагов.

Наконец-то. Наконец-то! Он понял, что сам может сдерживать одиночество, просто не преследуя его. Что самобичевание такой же наркотик, как героин, только убивает гораздо дольше. Что оптимизм в себе надо выращивать в поте лица, как желанный урожай, а не принимать его в дар от окружающих.

И тех, кто не сможет, тех, кто опять всплакнет про себя, сказав, что говорить проще, чем делать... Тех Одиночество проткнет, заразит тысячей злонамеренностей, выпьет, раздробит и выкинет.

И самое главное. Самое главное. Он понял, что готов теперь принести себя в жертву, но уже не материи, а Многомирью. Готов сделать что-то по-настоящему полезное в своей жизни. Как и сказала Максиме, он пересмотрел свою ценность для мира и, особенно, для себя самого.

Это все.

Все, что ему удалось узнать, прежде, чем он вырвался из сна окончательно, побоявшись наступления истинного безумия.

— Прости меня, — сказал Никас. — Теперь я все вспомнил. Но по-прежнему не знаю, как это использовать. Это мой опыт, которым я вряд ли смогу поделиться с кем-то. Тем более, сделать из этого вакцину.

— Лучшее, что ты можешь сделать, это запомнить это состояние, — сказал Уроборос. — Даже один человек, способный дать отпор негативу самостоятельно — уже победа.

— Но это такая простая мысль! — воскликнул Никас недоверчиво. — Быть интересным

самому себе... Если б это было так просто, разве люди не поняли бы этого до сих пор?

— Это вовсе не простая мысль, — ответил змей. — Тебе понадобилось много времени, чтобы обрести способность жить внутри самого себя, не пытаясь сбежать под крышу чужой души. Ты просидел под водой двести лет.

Никас хотел что-то сказать, но поперхнулся.

— Условных, конечно же, — добавил Уроборос. — Здесь почти ничего не изменилось.

— Значит, у тех, кто живет меньше двухсот лет, нет шансов?

— Ты понимаешь все слишком буквально. Но, да, это доступно редкой породе людей, которая слышит музыку вселенной с рождения. Остальным нужны века, чтобы понять ее. Это все, что я могу преподать тебе. А теперь, прощай. Мне пора в свои сны.

— Прощай, — шепнул Никас.

Ощутимое присутствие древнего существа пропало. Неслышный шорох его движения стал просто тишиной. Френ поцеловала Никаса и отошла.

— Ну, — произнесла она, потупившись, — наверное, я теперь тебе не нужна. Теперь тебе не нужны паразиты, чтобы чувствовать себя лучше.

— Ты никогда не была паразитом, — сказал Никас веско. — Прошу, не говори так больше. У нас был как минимум симбиоз. Как максимум, паразитом был я. Во всех смыслах. Я звал тебя, только когда мне было плохо, и бросал при первой опасности. А ведь ты была моим единственным другом долгое время. Спасибо тебе, Френ. Спасибо за все.

Она улыбнулась, и ее желтая пористая кожа, сухие ломкие волосы и красные обезвоженные глаза, будто оздоровились. Перед Никасом стояла цветущая полноватая женщина, овитая набухшими от соков лозами. На них распускались и снова прятались всевозможные цветы. В центре бутонов бились маленькие сердца. Крохотные существа, быстрые как колибри, но слишком яркие, словно осколки солнца, лакомились медовой патокой, которая выступала на золотистой коже новой сущности. Тяжелая, полная жизни грудь, была обласкана какими-то инфантами с лебедиными крылышками. Они испивали ее и довольно гукали.

Никас несколько раз открывал рот, чтобы сказать что-то, но его одолевали эмоции.

— Френ? Это ты?

Сущность не ответила. Вместо этого Никас ощутил освежающий запах моря, бодрящий и зовущий жить. А потом добродушное тепло нагретых камней. Его пробрало желание сражаться с кем-то, а в ушах зазвучала тихая, но настойчивая мелодия.

«Та-та-та», — проснулся Цинизм. — «Это же настоящая муза. Она была твоей, человечек?»

— Я вообще такого не ожидал, — вслух ответил Никас.

Но потом спохватился. Не время болтать с демонами. Он должен был вернуться к позитиву, Котожрице, Все, и остальным, кто еще выжил. Вот только как он отсюда попадет в гущу событий. Те удачные «совпадения», которые мотали его как жезл на ветру, неудачно затаились именно сейчас. И как мне отсюда толкать сюжет? — подумал он, оглядываясь по сторонам.

Тем временем, новая Френ раскрыла голубые, искрящиеся жизнью глаза, подняла свои великолепные сдобные руки, вдохнула прохладный воздух космоса и произнесла:

— Как хорошо, как свободно, как изобильно. Голод пропал. Я не чувствую его грызущего присутствия! Никас, любимый мой, я исцелилась. Мы исцелились!

Она поманила его к себе.

Аркас немного оробел, но подошел. Она заключила его в свои теплые, мягкие объятия, полные упругого сопротивления. Инфанты ласково мурлыкали, копаясь в его волосах, словно котят.

— Так ты была моей музой? — невнятно произнес стесненный грудью Никас.

Он слышал биение ее сердца. Там-там, там-там, там-там, там-далеко, ты-со-мной, одно-целое, мы-больше-чем-человек, мы-творец.

— Ах, мой бледный носик, конечно. Мы с тобой всегда были вместе. Не всегда ты слушался меня, но я старалась изо всех сил, чтобы ты писал красиво.

— Бледный носик?

— Я так всегда тебя называла. Ты меня как только не величал. И «черт побери», и «ну давай же», и «да что ж такое, в башку ничего путного не лезет».

— Ох.

Она рассмеялась.

— После того как ты стал затворником я сильно усохла. Ты ничего не хотел слышать. Но, в то же время, так остро нуждался хоть в ком-то, что стал видеть меня. И не только. Мы чувствовали прикосновения друг друга, как два человека. Я нисколько не жалею об этом времени, потому что мы были вместе. Гораздо ближе, чем обычно. Это было чудесно.

Никас отстранился от ее груди.

— Я так рад, что ты исцелилась, — сказал он сдержанно, стараясь не показывать скапливающиеся слезы.

— Как я уже сказала, — Муза провела ладонью по его впалой заросшей щеке, — исцелились мы оба. Ты теперь снова полон творчества и я помогу тебе приумножить его. То, что я брала от тебя, я верну прямо сейчас.

— Это не повредит тебе?

— Это принесет мне массу удовольствия, — шепнула она ему на ухо.

Аркасу казалось, что его кожа и мускулы, сейчас затрещат и покроются огнем. Кости сомнутся под давлением вливаемой силы. Кровь закипит и сварит его изнутри. Волосы сгорят, а глаза увидят лишь языки пламени, которые были когда-то его плотью. Муза целовала его грудь и шею, и под ее губами зарождались бьющиеся очаги силы. Цинизм, жадно поедающий эту новую пищу, алчно зарычал. Негативные клешни схватили музу за голову, талию и бедра. Она беспрекословно отдалась на волю хозяина.

Никас одернул жадного беса внутри себя и более сдержанно взял Френ на руки и понес на скамью. Там они предались любви, срывающейся на свирепое обожание, когда Цинизм захватывал крупницы контроля. Рычание и крики, поцелуи сменяющиеся укусами, сладкое воодушевление от союза писателя и его музы.

Черные когти поверх сломанных ногтей впивались в нежную сущность, царапали ягодицы и бока. Острые клыки, пробивающиеся сквозь зубы, хватили сладкие плечи. Любящий ритм нарастал до рычащего насилия. Френ закатила глаза. Даже дыхание ее стало перенасыщено горячими потоками творчества. Насколько прожорлив был Цинизм, но и он начал задыхаться от переедания. Клешня грубо схватила затылок музы, но теплые человеческие пальцы ласково прошли по ее щеке, стирая слезы наслаждения.

Они ничего не могли сказать друг другу, их волю размыл экстатический дурман. Но ощущая конвульсии Френ, Никас понял, что она готова закончить высвобождение силы. Он прижал ее к себе, целуя раскрытый рот, собирая языком сгустки свежей сияющей энергии. Обожравшийся Цинизм издал довольный рык, перекрываемый стоном Аркаса, и вслед за

ними закричала и забила Френ. Этот последний выплеск ее резервов был настолько мощным, что их буквально отбросило друг от друга.

На какое-то время край Многомирья вернул себе тишину.

Клянусь фантазией, — подумал Никас, лежа на камнях, — хорошо, что змей ушел раньше, чем началось... это. Что-то мне подсказывает, что выглядело это не совсем так, как изначально описывалось.

Мы сыты, произнес вслед за его мыслями Цинизм. Мы готовы убивать. Мы готовы к битве с любым противником. Вставай, человек. Нужно идти убивать прямо сейчас.

— Да утомись ты, — сказал Никас вслух. — Что за ограниченное существо. Хоть бы раз предложил скворечник сколотить из фанеры.

Он легко поднялся, чувствуя себя как греческий полубог. Все его раны, покрытые сухой нечистой коркой, затянулись. Мускулы налились. Взгляд и мысли прояснились. И этим максимально прояснившимся взглядом, он мог наблюдать, что Френ на скамье не было. Она ушла, оставив записку.

«Увидимся, Бледный Носик. Используй силу, которую дала тебе мамочка. Твоя (только) Френ».

Никас улыбнулся. Ну, хорошо. Теперь он чувствовал в кончиках пальцев покалывание силы, и готов был воплощать направо и налево.

— Ну-ка, от винта.

Его тело покрылось высокотехнологичными доспехами из легких и прочных материалов. На бедре появилась кобура с каким-то аляповатым, но внушительным оружием. Крутанув кулаком, Никас поймал на него закрытый шлем. Тот светился изнутри невероятными интерфейсами. Никас поглядел на него с некоторым сомнением. На шлеме вырос черный устрашающий гребень. Никас засомневался еще больше. Лицевой щиток превратился в кости черепа.

Прекрасно, — усмехнулся Цинизм.

— Ладно, мы же не в аниме, — пробормотал Никас и выкинул шлем за перила.

Оставалось за малым. Создать средство передвижения. Это было сложнее, чем прикрыть срам, поэтому Никас очень долго тужился, пытаясь удержать в уме множество деталей. С непривычки у него получались уродливые, внушающие уныние и страх, чудовища. То слишком большие, то слишком маленькие. Не того цвета. Не тех пропорций. Не та кабина. Не достаточно мощные двигатели. Это напоминало долгую борьбу с каким-то редактором трехмерных моделей, состоящей из бесконечного танца с одной единственной поверхностью.

Да расчлени тебя натрое, — не выдержал Цинизм. — Начни с простого. Представь что-то, на чем тебе нравилось ездить! Это же не конкурс школьных поделок!

— Да, — согласился Никас. — Да, ты прав.

Он скомкал очередную болванку в железный еж, а потом придумал этому ежу новые, гениальные в своей простоте, очертания.

— Я на этом никогда не ездил, — сказал Никас. — Но сама идея мне очень понравилась. Один человек запустил такую же машину в космос, чтобы она стала символом наших технологий. Надеюсь, он простит меня, за то, что я украл у него право первой поездки.

Он ловко перебрался с перил на замерший в пространстве автомобиль. Серебристого цвета кабриолет, со стилизованной буквой «Т» на капоте, слегка покачнулся под весом

Никаса, словно лодка. Приятно расположившись на водительском сидении, Аркас завел машину и включил радио. Бесшумная работа двигателя не смешивалась со старой дорожной мелодией и не отвлекала.

«Укажите пункт назначения».

Человек задумался. Он хотел вписать «Максима», но это могло бы выйти ему боком по многим причинам.

Тогда он поступил по-другому.

«Пункт назначения: мои друзья».

«Маршрут построен. Пожалуйста, проследуйте сто двадцать восемь тысяч световых лет прямо, а потом сверните направо».

— Вот черт. Надо создать себе пластиковую бутылку.

Тысячи беженцев шли к Крепости.

Настолько странного и негармоничного сборища Воля еще не видела. Большие, крошечные, красивые и жуткие, олицетворяющие различные страсти. Персонажи каких-то историй, люди, звери, конструкторы, геометрические фигуры, элементы чистых страстей, напоминающие сияющих духов. Было даже летающее органическое блюдце, вокруг которого роились меметические существа. Это были могучие сущности из разных миров, способные на путешествия, даже если раньше им не приходилось этого делать.

Их могло объединить и направить только что-то пришедшие извне. Может быть, кто-то. Невозможно было понять, есть ли у них лидер. Выделиться на фоне пестрых шкур и светящихся чешуй, было сложно. Если это и была провокация Максиме, то совсем неочевидная.

Воля, как всегда, наблюдала за всем лично. Вереница сущностей, медленно, как и недавний посетитель, преодолевала полосу препятствий. Крупные и сильные существа переносили остальных. Умеющие летать, несли на себе припасы. Все они серьезно были настроены попасть к стенам.

В однородно-сером небе над Крепостью впервые появилось солнце. Воля сменила фильтры на глазных линзах, чтобы непривычное сияние не мешало ей видеть. Доспехи воинов позитива озолотились, тени пропали из углов и ниш. На мосты города высыпали изумленные сущности.

— О, приветики, — сказала светило.

— Что это такое? — возмущился Неунывающий, смахнув с щеки озорной лучик. — Это вторжение? Прикажете обороняться, миледи?

— Оставить, — произнесла Воля, глядя куда-то вдаль. — Это точно, не вторжение. По крайней мере, не обычное.

— Что это, как вы думаете?

— Это то, что я уже не ожидала встретить.

Что-то приближалось по воздуху. Владычица Крепости видела широкий размах стрекозиных крыльев, лисью голову и кошачье тело, покрытое цветами. Существо кто-то седлал.

— Посторонняя летающая сущность в двух километрах, — крикнул дозорный. — Оно направляется прямо к нам!

— Приказы, — нетерпеливо спросил Неунывающий.

Воля жестом показала: «ждать».

Химера довольно быстро достигла стен. Она сделала круг над местом, где стояла Воля, и принялась снижаться, низко жужжа крыльями. Посадку сопровождало бдительное внимание орудийных систем. Воины позитива рассредоточились, заняв удобные позиции для огня.

Издав тонкую мелодичную трель, химера мягко упала на четыре лапы, и тут же завалилась на бок, в изнеможении.

— Все, покатались, — сказала она тонким голоском. — Еще пара миров и я показала бы вам мертвую петлю.

Из-за ее бока выбрались две сторбленные фигуры. Кряхтящие и охающие. Они

держались друг за друга, словно престарелая пара и вели отрывистый диалог.

— Котики-животики, я зад не чувствую. Он просто исчез. Прощай задик.

— Я изведаль те же муки. Чресла мои мертвы.

Заметив, что на них смотрит весь участок стены, всадники перешли на шепот.

— Ладно, слушай, перед Волей никаких жалоб. Мы должны внушить ей, что мы подмога, а не обуза.

— Я покажусь ей, каким есть. Значит сильным.

— Да, да, только не кряхти так. Ты дышишь как старик с очень тугими подтяжками.

— Мне прискорбно.

— Давай, пошли. Говорить буду я. И помни, мы здесь, чтобы сражаться с негативом.

— Это я помню прежде всего.

Воля склонила голову набок. Неунывающий крикнул:

— Эй вы! Подойдите и предстаньте пред владычицей.

Пара приблизилась, стараясь держаться гордо и почтительно одновременно. Одна из существ была девушкой в рясе с полосками, вторым был крепкий старик с копьем. Девушка хотела преклонить колени, но во время осеклась и просто протянула руку.

— Правильно, — Воля ответила на приветствие, аккуратно сжав нежные пальцы существности стальными манипуляторами. — Преклонение ненавистно мне.

Она пожала руку старца и улыбнулась.

— Будьте позитивны, и говорите: кто вы?

— Будь позитивна и ты, Стальная. Меня зовут Котожрица, — представилась девушка. — Я рыцарь-посол мира религиозных представлений. Образ любви. Нынче же, негласный лидер партизанского отряда, который вы видите внизу.

— А ты?

Старец неуверенно поджал губы, посмотрев на котожрицу. Та кивнула.

— Я воин добродетели. Я здесь, чтобы бороться черноту. Это надежное мое описание.

— Понятно, — сохраняя улыбку, сказала Воля. — Это мне импонирует. Вы оба проделали долгий путь сюда, не так ли?

— Очень, — хором ответили оба.

— Опасный путь?

Котожрица стиснула зубы, показав маленькие клыки. Ее глаза тронули слезы. Все положил руку на ее плечо.

— Она старается, — сказал Все. — Старается утаить кручину. Нас было больше. Не смотрите на ее слезы. Это не слабость. Она любит каждого. Это сложно.

Воля оглянулась на скрижаль, которую держали слуги. Она сама чувствовала вес этой бесконечно тяжелой плиты, потому что ее дети были такой же частью ее тела, как рука или нога. Она знала, что это такое: ноша predetermined происхождением.

— Не стесняйся скорби. Быть сострадательной — тяжелое испытание. Скажите мне: откуда вы пришли?

Вытерев слезы широким рукавом, Котожрица последовательно рассказала, как они бежали из мира Солнышка. Как они впервые столкнулись с этим ужасным зрелищем: отчаяньем существности, неспособных покинуть свой мир. Впервые затоптали в себе желание помочь, оставляя позади тысячи обреченных. Прорвались через мольбы и рыдания, словно нырнув в кипяток.

Впоследствии они проходили через это раз за разом, предупреждая тех, кто слушал.

Непреднамеренно сея панику, они были предвестниками конца. Сильные сущности оставались на защиту своих миров или присоединялись к отряду. Слабые... Вновь заставляли Котожрицу переживать внутреннюю истерику.

В минуты краткого отдыха, ее терзали сны.

Маленький котенок бежит по пустым улицам Теополиса. Он плачет и зовет маму. Его маленькие лапки едва справляются. Ушки прижаты к голове. А за ним медленно, уверенно, безжалостно, ступает черная тварь. Она похожа на inferнального пса с тремя стальными головами. Ее шаги поджигают землю. Котожрица пытается добежать до котенка, спасти его в своих объятьях. Но тварь быстро перемещается вперед и разрывает пушистый комочек на три части.

Черный огонь.

Огонь. Помогите нам. Не оставляйте. Мы хотим существовать. Почему вы уходите? Защитите нас.

— *Почему вы уходите? — спрашивает Максиме. — Ты же рыцарь-защитник. Почему не остановиться и не дать бой? Как у тебя хватало сил идти мимо них к спасению? Таков ты, образ любви? Как и твоя проматерь, ты бесполезна и слаба. И любишь только тех, кого легко любить. И только тогда, когда вашим чувствам ничто не угрожает.*

Котожрица стоит на коленях, ее голову сжимают зубы, острые как шило. Дыхание пса пахнет кровью котенка. Один ее глаз прокушен и не видит. Второй смотрит прямо на Максиме.

— *Мы уходим, потому что не можем помочь.*

— *Что же вы можете?*

— *Помнить... Помнить, все что ты сделала.*

Максиме раздумывает над этим ответом. Вокруг нее все горит черным пламенем. Хламида распахнута и Одиночество приоткрытым оком наблюдает за происходящим. На горизонте ширится стена дыма.

— *Скажи мне, — произносит Пророк, — если б твоя смерть возродила их всех, ты принесла бы эту жертву? Заклала себя ради остальных?*

— *Да! — почти с облегчением кричит Котожрица, начиная плакать. — Да! Да! Пожалуйста! Если ты можешь это сделать, сделай! Убей меня, но верни их! Только не обманывай. Пожалуйста. Не обманывай.*

Челюсти адского пса смыкаются. Котожрица с удивлением слышит звук, с которым раскалывается ее череп. Но с еще большим удивлением... Недоверием. Смотрит Максиме. Вокруг нее гаснет пламя, а на его месте появляются погибшие. Альфа, Аппендикс, Темная Ирония, Любовь, Надежда и многие, многие другие.

Котожрица улыбается, глядя на котенка, лижущего лапу.

Максиме кивает и отходит назад.

Темнота.

Но это лишь видения. Никто не возвращается. Котожрица, Все, и растущая колонна сущностей, проходят мир за миром, оставляя после себя безнадежность и упадок. словно они сами... Негатив.

— *Мы надеялись, что придя сюда, нам больше не придется видеть все это. Что этот мир будет последним, в который войдет Негатив. Мы клялись себе в этом, каждый раз.*

Котожрица говорила это и голос ее дрожал. От гнева.

— *Пустите нас на стены! Или мы будем сражаться перед ними! Но дальше мы не*

пойдем. Мы больше не бросим никого! Никого!

Она кричала, капая вновь накатившими слезами.

— Никого! И пусть она знает это!

Воины позитива смотрели то на пришельцев, то на свою повелительницу. Их глаза ярко сияли. Это праведная ярость кипела в них. Рассказ Котожрицы задевал их сущность. Их идеалы. Один из них ударил в щит кулаком. Ему вторил еще один. Потом еще. Через некоторое время весь участок стены гремел металлом о металл. Неунывающий скалился, его пальцы сдавливали рукоять меча. Казалось, что он хочет отправиться в бой прямо сейчас.

— Я ждала, когда вы придете ко мне, все время, с момента восстания Максиме, — сказала Воля, смахивая слезу Котожрицы одним из тоненьких механошупалец. — Я с радостью приветствую вас в моей Крепости. Любой, кто хочет защищать Многомирье от негатива, достоин этой стены.

Лицо Котожрицы немного прояснилось. Она громко ахнула и обняла Волю за бедра, прижавшись щекой к отполированному животу. Неунывающий преданно посмотрел на свою повелительницу и потрепал Все по плечу.

— Вы теперь в гарнизоне, — объявил он. — И попадаете под мое командование. И мою ответственность.

— Ура-а-а-а! — закричали солдаты позитива. — Стальная! Стальная! Стальная!

— Так что же, миледи, как мы пустим их внутрь? Лифт слишком мал.

— Действительно, — отозвалась Воля. — У меня есть один старый способ. Не знаю, сработает ли он сейчас. Котожрица, вы должны передать своим друзьям, чтобы они начали двигаться вдоль стены с правой стороны.

Рыцарь-защитник торопливо кивнула, и побежал к лежащей химере. Та уже успела захрапеть и цветы на ее шкуре закрылись в бутоны.

— Натура, проснись! Проснись, кому говорят? Мы должны сообщить нашим отличную новость!

Пока Котожрица расталкивала ворчащую сущность, Воля взяла с собой Все. Неунывающего и отправилась по стене в только ей известное место. Головы гигантов, держащих щиты, словно следили за ними. Воля знала, что это не так. Целые эпохи для них минули в неподвижности. Они спят так глубоко, что их жизнь неотличима от смерти. Все, кроме одного.

Воля остановилась напротив прима-образа не отличимого от остальных. Черты его лица точно так же оплыли, как у остальных, глазные впадины были гладки. Губы плотно сжаты. Ноздри заросли. Но к его голове, у единственного, вела лестница.

— Я ведь откуда-то знаю тебя, — неожиданно сказала Воля, глядя на Все. — Ты тоже из Теополиса?

— В роде некотором, — нехотя отозвался Все. — Все это, и вы, прекрасная матрона, должно быть мною сотворено из пустоты. Но я, похоже, сотворил только проблемы для друзей моих.

— Я поняла. Ты из Сада. Спасибо за комплимент. Я кажусь тебе прекрасной?

— Невыразимо. Если б я создал вас, моя гордыня возобладали бы над разумом.

— Благодарю, почтенный Все. Я уверена, что ваши друзья с негодованием отмели бы утверждение о созданных проблемах.

Неунывающий, с трудом сдерживая улыбку, кашлянул в кулак. Воля строго посмотрела на него и начала подниматься по лестнице. Она подошла к большому уху, в котором еще

сохранилась не заросшая раковина. Все и Неунывающий с интересом следили за тем, как она шепчет что-то в этот титанический орган слуха.

— Пожалуйста, — различимо закончила Воля.

— Что сейчас будет? — спросил Все.

Вместо ответа образ оптимизма предложил ему пройти ближе к краю стены. Через какое-то время, когда Воля уже успела нахмуриться, раздался странный гул, идущий, казалось со всех сторон одновременно. Он усиливался и становился почти невыносимым грохотом, а щит, что держал особенный страж, начал дрожать. Все посмотрел вниз, со стены. Там колонна спасшихся существостей остановилась в замешательстве, не понимая, что происходит.

Если б они не спали, у нас мог быть незначительный шанс, — подумала Воля. Но эти древние титаны слишком отстранены от земного. Единственная их цель: пассивно охранять этот символический кусочек реальности.

Между щитом и остальной стеной образовалась широкая брешь. Сущности, ликуя, устремились в нее. С другой стороны их уже ждали отборные солдаты позитива, которые внимательно следили за тем, чтобы среди беженцев не затесались шпионы. Всех убедили занять подготовленную давным-давно зону карантина, чтобы интеграция прошла проще.

— Благодарю вас, — сказал Все. — Они натерпелись. Пусть отдохнут.

Многим позже, когда щит встал на место, а Котожрица убедилась, что все ее последователи хорошо себя чувствуют и находят свое новое убежище надежным, она была приглашена Волей во двор.

Двор, находящийся на вершине гексагонального донжона, был сконструирован в виде дидодекаэдра, чьи стороны были отлиты из различных металлов. Одна из них, впрочем, была из толстого непрозрачного стекла и олицетворяла уязвимость. Фатальный недостаток, который может разрушить характер человека. Внутри скрывалось несколько этажей, на которых размещались системы слежения и управления городом. Казармы телохранителей, гигантские базы данных в серверных шкафах и стратегический зал.

А также приемная и покои Воли.

Она была занята, но рада гостям. Воля была закреплена внутри сложной конструкции, состоящей из опор, перекладин, подвижных манипуляторов, мониторов и датчиков, отслеживающих состояние Стальной. Это был ее трон и одновременно ложе. Ложе больного. Часть ее туловища, — плечи, руки и голова, — была отсоединена и обслуживала все остальное, перемещаясь на гудящем кране. Стальная что-то перебирала, подпаивала, меняла, доставая детали из подплывающих ящиков, за которые отвечали маленькие летающие механизмы.

Вокруг стояли обработанные плиты волевого камня, на которые были нанесены заветы Воли. Тщательно и аккуратно выбиты. Где-то письма занимали все свободное пространство, где-то только поползли сверху вниз. Было очень светло, полусферические лампы на потолке зажигались и гасли, в неясной последовательности, словно передавая шифр.

Котожрица и Все вошли туда в сопровождении Неунывающего и какого-то обезьяноподобного механического существа. Этот робот увязался за ними, начиная с закрытого этажа-хранилища. Он был очень любопытен и постоянно пытался исследовать новые существности тонкими щелкающими пальцами.

— Мы не вовремя? — спросила Котожрица, глядя на Волю расширившимися глазами.

— Мое техобслуживание не причина для того, чтобы откладывать беседу, — произнесла та, разбирая часть собственного бедра. Внутри обнаружили пятна ржавчины, выскочившие на поверхности стальных костей. Несколько проводов истерлись и пахли окалиной. И что-то мешало плавному ходу сустава.

— Пип-пуп, — поздоровался рукастый робот.

— Это Архивариус, — сказала Воля, пока Неунывающий старался оттеснить механизм от рыцаря-защитника. — Он занимается данными со всего Многомирья. Все, что добывают наши разведчики, он классифицирует и сортирует. Немаловероятно, что он уже знает вас, в той или иной степени. Да, Архивариус?

— Пи-ип, — отозвался робот. — Пи-пип.

Все смотрел на это существо с не меньшим любопытством.

— Какое поганище, — сказал он, отталкивая робота древком. — Кто создатель такого?

— Госпожа, — ответил Неунывающий. — Она, между прочим, тоже имеет двойственную натуру. Но вы нашли ее привлекательной, если, конечно, я правильно понял ваши слова.

Котожрица посмотрела на Все с веселым удивлением. Тот не смутился:

— Верно. Но госпожа ваша — именно то, чем кажется. Прекрасная дева из стали и плоти. Я никогда не думал о сочетании таком. Поэтому восхитился. А это — лишь из холодного железа тварь, которая нужна, чтобы запоминать. Но она кривляется как мартышка. Для чего? Вас пугает ее истинная сущность? Ее жизнь, не имеющая жизни ориентиров? Это обезьянья маска должна успокаивать? Но она усыпляет бдительность. Это неправильно. Вот что сказать хотел.

— П-ип, — выразился Архивариус. — Пип. Пип-пип. Пуп.

— Он говорит, что не сам выбрал такую манеру поведения, — перевела Воля с профессиональной бесстрастностью. — Великая Мать спроектировала его внутри себя таким образом, что б он был подвижным и мог быстро передвигаться между серверными шкафами и обслуживать их. Схожесть с определенным животным видом — просто совпадение, вызванное техническими характеристиками.

— Пип.

— Изображать обезьяну — это не его цель.

— Пип-пуп.

— Так что не надо видеть суслика там, где его нет.

Котожрица и Все переглянулись.

Воля, тем временем, выжгла всю ржавчину, поменяла провода и хорошенько смазала бедренный сустав. Она поставила внешнюю пластину на место и закрепила ее.

— Но, знаете, уважаемый Все, — кран развернул ее и поднес поближе к гостям, — я очень заинтересована вашим опытом и вашей точкой зрения. Мы с вами похожи. Создание нового — не единственное наше предназначение, но любимое ремесло. Возможно, мы сможем поговорить об этом позже. А пока, я хотела бы услышать подробный рассказ о том, как вы оказались во главе всех этих сущностей. Присядьте.

Все ступил назад и чуть не споткнулся о раскладную скамью, которую успел поставить ловкий и бесшумный Архивариус.

Рассказ Котожрицы, иногда легкий, почти радостный, чаще давил ей на плечи. Отдельные периоды резали ее горло изнутри. Она рассказала, как Альфа подобрал ее в Теополисе, как они с Аппендиксом рассредоточились, как был найден человек. И как

потерян.

Воля, тем временем, закончила обслуживание своего тела. Ее плечевой пояс аккуратно водрузили на место тонкие манипуляторы трона. Став одним целым, она высвободилась из фиксаторов и зажимов. А затем сошла по серебристым ступеням вниз, приняв от дрона легкую накидку красного цвета. Прикрыв хромированное тело, чтобы соблюсти приличия, она принялась задумчиво прохаживаться взад-вперед, проверяя ход ноги.

— Прискорбно, — сказала она в заключение. — Жертва была у вас в руках.

— При всем моем уважении, я прошу не говорить так о нем, — Котожрица встала со скамьи. — Он не жертва.

Замерев на полушаге, Стальная повернула голову, чуть удлинив шею.

— Прошу тебя объясниться, рыцарь-защитник.

— Он не жертва. Никас наш друг.

— Как это поможет нам остановить негатив? То, что он ваш друг? Он прибыл сюда с определенной целью, и должен выполнить свое предназначение. У него был договор с Девелом.

— Вы же понимаете, госпожа, что старый ритуал больше нам не поможет. Обстоятельства сильно изменились.

— Ничего не изменилось! — возразила Воля властно.

Она подошла вплотную к гостям. Все тоже встал, зачарованно глядя на гнев королевы.

— Ему нужно убить ее, и тогда Одиночество сменит хозяина. Цикл продолжится! Неважно где и как это произойдет. Одиночество не сможет устоять.

— Это... Это неправильно. Жестоко.

Воля отмахнулась, как от мухи.

— Жестоко, — повторила она. — Архивариус.

— Пип?

— Расскажи нам, что случилось с Теополисом.

Котожрица побелела, как молоко. Она вся сжалась, словно ее уже ударили, пробили насквозь. Уши прижались к голове. Глаза расширились и остекленели. Сейчасхватило бы легкого дуновения, чтобы развеять ее самообладание.

— Я бы почувствовала, — прошептала она. — Не может быть. Неужели я так далеко?

Все прижал ее к себе, ласково гладя по спине.

— Пип-пуп-пи-пип, — поведал Архивариус, выдержав паузу.

— Он еще стоит, — перевела Воля.

Жрица выдохнула, промокнув рукавом слезу.

— Но осажден со всех сторон! — громогласно продолжила Воля. — Чудеса Только Воздающего пока сдерживают Негатив. Но это не продлится долго. Тебе не кажется, рыцарь-защитник, что жестоко будет дать погибнуть всему, удовлетворив твою чуткую сострадательность и избавив человека от предназначения.

Ответа не последовало.

— Впрочем, — Воля смягчилась, — этот спор, в текущих обстоятельствах, бесполезная диалектика. Раз уж единственный шанс на спасение был потерян, мы будем сражаться насмерть. И сгинем с боем, омрачив ликование зла.

— Прекрасные слова, миледи, — напомнил о себе Неунывающий.

— Сгинем с боем? — Котожрица приходила в себя. — Что за настрой тут у вас? Вы же позитив, или мы ошиблась крепостью?

— Победы вы не хотите? — согласился Все.

— Архивариус, каковы наши шансы выжить, учитывая только известные тебе данные о соотношении сил?

— Пип? Пуп-пип.

— Он говорит, что математически это микроскопическое число не выразить.

— Пип-пип. Пуп.

— Все равно, что взяться двумя пальцами за протон.

Котожрица сжала кулаки.

— Мы что, пришли сюда, чтобы нас заранее назвали потерями? И это речь госпожи, которая занимает эту крепость. Крепость, защищающую половину Многомирья. Она уже приготовилась к смерти? Ушам не верю.

И уши ее взметнулись торчком.

— Тише, — сказал ей Все. — Будет.

— Я собираюсь отогнать Максиме от стен, — ярилась Котожрица. — Эта мерзкая, жестокая, безумная гадина побежит обратно, я клянусь в этом!

— Вот это настрой, — одобрительно сказал Неунывающий. — Милая леди-рыцарь, вы определенно позитивная сущность. Однако не будьте так легковозбудимы. Мы с госпожой давно рассмотрели все возможности эффективного сопротивления. Их нет. Негатив объективно сильнее нас.

— А воля слабеет, — добавила королева, с печальной ухмылкой. — Вы думаете, я вычищаю ржавчину из своих внутренностей, потому что сдалась? Труслива и неподготовлена? Люди опускают руки, чувствуя присутствие тьмы. Их инертность подтачивает меня. Рыжая проказа оскверняет мою сущность. Я всегда готова дать отпор. Я всегда готова погибнуть, защищая Многомирье. Никакая жертва не страшит меня. Но это не только моя война. И наши союзники, люди, близки к поражению. Эта крепость — символ. Идея. Она не предназначалась для отражения такого апокалипсического нашествия. Не было таких прецедентов, таких уроков и опыта, из которых можно было заключить, что негатив способен объединиться настолько легко и массово. Раньше он пожирал сам себя, в бесконечных междоусобицах и это спасало Многомирье. И даже если бы кто-то предупредил нас, послал заранее весточку с описанием грядущей бойни, мы бы не смогли найти ресурсы необходимые для обороны. Существуют и существовали целые миры, созданные одной лишь войной. Там маршируют механические создания высотой в горы, под их поступью разламывается земная кора, но и они сгорают. Негатив из своих тел создает великанов подобных им. Крепости, в тени которых вы не разглядели бы мою, сдаются, вырезаются, вычищаются. Понимаете ли вы меня? Понимаете ли вы истинные масштабы происходящего? Кошмар и безумие. Это воистину конец времен. Нас может спасти только чудо. Но Максиме, насколько я знаю, позаботилась и об этом.

Все и Котожрица молчали, усваивая эти слова. Потом Все сказал:

— Мысль о поражении — не приму. Я еще многое должен увидеть.

— Я тоже не могу проиграть, — подалась Котожрица вслед за ним. — Это невысказано. Невозможно. Наш участок стены будет сражаться, пока не кончится негатив. А потом я вернусь в Теополис и обниму Шу-шу.

Воля покачала головой, а Неунывающий, не пустив ни улыбки, ни намека на шутку, сказал:

— Возможно, ваш настрой ее испугает. Как бы то ни было, спасибо, что рассказали нам

все. И так подробно.

— Архивариус, сохрани эти данные, — повелела Воля. — А потом предоставь мне список прибывших. Нам нужно будет включить их в план обороны. Неунывающий, поручи наших друзей одному из младших офицеров, мне нужно с тобой поговорить.

— Спасибо, нам не нужен сопровождающий, — вежливо отказалась Котожрица. — Мы хотим побыть одни и побеседовать.

Одних, конечно, их не отпустили. Воля дала им один из своих механизмов, который бесшумно парил чуть впереди, выводя друзей наружу. Неунывающий обещал вскоре найти их, чтобы рассказать о жизни здесь, но пока Котожрица не хотела видеть рядом никого, кроме Все.

Она поняла, что действительно не знала, как далеко все зашло. Слова Воли отрезвили ее. Сделали спокойнее. Она задумалась о том, что все они обречены. И Теополис, и Шу-шу, и Все. Все. И сколько бы она не храбрилась и не клялась одолеть Максиме, это было бесшумное движение рыбьего рта, втягивающего воздух сухого берега. Романтико-печальное настроение крестового похода добродетельных сил оставило ее. Котожрица опустила плечи и мрачно облизнула нос.

«Нас может спасти только чудо».

Если бы Никас был здесь... Отдала бы она его в жертву? Что она знала о нем? Только то, что он был материален и существовал по другим законам, нежели они. Он был чужд Многомирию, как и Максиме, им обоим тут было не место. Они оба явились сюда, потому что их тела умели удерживать в себе жестокого демона, Одиночество. Для этого они были нужны. Отдала бы она Никаса в жертву сейчас, надыхавшись дымом правды? Ничего не значащего для нее создателя, с которым она едва успела поговорить? Ради кошек, ради Теополиса, ради вообще всего?

— Что? — переспросил Все.

— Нет! — жестко повторила Котожрица. — Как сказала одна очень хорошая сущность: «никаких компромиссов, даже перед лицом Армагеддона».

— О чем говоришь? — не понимал Все.

— О том, что мы — позитив. И сейчас, помнить об этом — наша обязанность. Страсти-прародители дали нам возможность выбора, не смотря ни на что. И мы должны стоять на своем, не ступая по чуждому нам пути. Если Никас найдет нас. Если он придет, мы не станем отдавать его на съедение Одиночеству. Мы будем сражаться рядом с ним и погибнем, и никогда больше не увидим этой мерзости.

— Хм, — Все сомневался. — Принципиальна ты в незначительном. Это жестоко и неумно. Не смотри — жестоко. Я неужели слышу в тебе эгоизм, мой ангел? Желание сохранить себя ценой всего? Желание сохранить чистоту среди грязи? Даже если для этого придется стоять на месте, пока прочие в этом проклятом иле тонут?

— Мы не отдадим его, — уперлась Котожрица.

Все кряхтнул.

— Мы ему поведаем об этом, — предложил он. — И тогда сам решит пусть. И ты останавливать не будешь.

Помолчали.

— Хорошо, — был ответ. — Я согласна. Надеюсь, кошки простят меня. Я приму любой его выбор.

Воспоминание медленно кружило вокруг, словно комочек тополиного пуха. Оно неярко светилось в разуме, но не касалось его, не давало прочесть. Максиме терпеливо ждала, надеясь резко выкинуть вперед руки и пленить его ладонями. Обычно эта тихая охота немного давала ей. Как и положено, невесомое успевало выскользнуть, в последнюю секунду юркнуть в щель смыкающихся пальцев.

Ее добычей были имена и цвета. Она помнила, что очень часто видела синий и красный. Постоянно сталкивалась с именем Лазарь. Но не знала даже, был ли это человек. Так она назвала свой корабль, который нашла в пустыне, и который сейчас бросало на волнах чистого негатива.

Негатива было так много, что он стал однородной массой страстей. Морем злобной черноты, которое бросалось волнами в разные стороны, избегая, однако, Лазаря. Иногда из него выныривали чудовища, слишком сильные, чтобы принять однородность.

Даже тут индивидуальность, подумала Максиме, когда перед носом ее корабля, красуясь, приветствуя хозяйку, вынырнуло богомерзкое, хтоническое уродство, какой-то кит с сотней зазубренных плавников, выпускающий струи угольной жижи из кратеров на спине.

Воспоминание, неожиданно, само легло к ней в ладони. Она увидела себя в военной форме, с красным крестом на правом рукаве. Максиме тащила на себе, словно мешок, смертельно раненного солдата, который залил ей спину остывающей кровью. Вокруг залегли воины. Они дрожали вместе со своим свирепым оружием, любящим пламя.

— Потерпи немного, — сказала Максиме, и встрепенулась.

Негатив нес корабль вперед. Она не собиралась ждать армий своих помощников. Примы увязли в бесконтрольном пожирании завоеванных миров. Она атакует Крепость своими силами и уничтожит последний символ разумности.

— О, вот и ты.

Максиме коснулась живой рукой волны негатива, проходящей рядом с бортом. Щупальца, когти и лапы ласково цеплялись за нее.

— Ты должна отдать его мне, — сказала проекция Никаса. — Я займу твое место.

Ответа не было. Обрывки паруса хлопали на ветру. Едкие капли падали на палубу.

— Максиме, ты не хочешь же, в самом деле, лишить нас страстей. Каким бы ни был реальный мир, по каким бы злым, коварным законам он не жил, мы не те, кто знает его достаточно хорошо, чтобы судить.

— Опять это, — вздохнула Максиме. — Вопросы права. Герои позитива столько раз бросали мне в лицо эту тряпку. «Кто дал тебе право судить?». Это слабая демагогия несогласных с тобой. Сами они давно осудили тебя и вынесли приговор. Ты достаточно слаб и простодушен, чтобы подчиниться, так мы заменим твое сердце Одиночеством. Не нужно ждать кого-то мудрее тебя, чтобы переложить ответственность. Я сужу их сама, потому что они и оправдаться не в силах. Потому что не было еще апелляций моим обвинениям, кроме лая и стонов. Потому что никто больше не должен страдать. Я пыталась найти лекарство. Несмотря на стук проклятых часов, я ходила в поисках спасительного позитива, но находила лишь крохотные замкнутые общины. И даже полубог, которого ты освободил, незакончен и ничем не поможет нам. Содержание его туманно и угрожающе. Клянусь тебе, я пыталась найти лекарство. Но нам поможет только война.

Подтверждая ее слова, океан разверзся тысячью пастей и заревел.

— Да, — сказал Никас. — Да. Я тебя понимаю.

Максима посмотрела на него с недоверчивой ухмылкой.

— Но я думаю, что мы просто не будем решать эту проблему, а оставим все как есть.

Дело не в том, что мы не те люди. Что слишком ограничены или пришли раньше, чем следовало. А просто, все должно идти так, как идет. С жертвами. Муками. Властью Одиночества.

— Почему?! — изумленно воскликнула Максима. — Да почему, ты считаешь так? Ты настолько равнодушен и зол, что даже если б мог, то не освободил будущих жертв?

— Да...

— Ты не знаешь, что я чувствую, дурачок, — выдохнула Максима. — Что чувствовали прошлые доходяги. Именно поэтому к согласию мы никогда не придем. Пока ты не понял моего состояния, ты не найдешь достаточно оснований убрать страсти. А после того, как я отдам тебе Одиночество, у тебя уже не будет сил.

— Дай мне договорить, — продолжал Никас. — Я не равнодушен. Я верю, что ты абсолютно права. Но все должно оставаться как есть. Потому что однажды мы научимся бороться с ним. Теряя жизнь за жизнью, мы научимся. Я верю, что это возможно.

. — Во что еще ты веришь, Никас? В то, что меня можно переубедить? Что весь мой негатив можно рассеять просто поговорив? Выдвинув пару оптимистичных теорий? Ты видел идею конца?

— Издалека.

— Издалека, — насмешливо повторила Максима. — Я прошла ее от края до края. Мне нужно было увидеть, насколько все плохо. Там, в прошлой жизни, я могла бы увидеть крохотную часть этого феномена. Поддержаться за чешуйку, упавшую с тела черной змеи. Пешком, переплывая каналы токсичных нечистот, ступая по гнилым черепам, раздвигая руками лианы сухожилий, я видела, что это и есть наше божество. Мы поклоняемся насилию. Мы подсознательно стремимся к смерти, потому что кости наши постоянно трещат в жерновах страстей. А Одиночество? Человек желает объединиться с себе подобными, но, в конечном итоге, это не дает ему ничего, кроме короткого удовлетворения. Ты можешь изучать спутника своего годами, составляя карту его души, можешь вскрыть его грудную клетку и засунуть туда голову, но он всегда будет чужим. Непознаваемым. Иной вселенной, расширяющейся слишком далеко от тебя.

Она неосознанно провела ладонью по загрубевшей коже на груди. Никас подошел вплотную. Положил ладонь на ее плечо.

— Мы должны созидать, только и всего.

Максима сфокусировала на нем взгляд.

— Что?

— Снаружи и внутри себя мы можем сеять и пахать. В цветущих садах нас не найдет Одиночество.

— Ты что поэтом был?

— Журналистом. Иногда, конечно, сочинял кое-что.

Максима рассмеялась. Никас любовался ее белыми зубами.

— То, что ты сказал, имеет смысл. Но это доступно не всем и не всегда.

— Нам нужно время, чтобы преодолеть это, — взмолился Никас.

— Ну конечно, — зловеще улыбнулась Максима. — Я дам вам время. Ровно столько,

сколько нужно, чтобы моей армии дойти до крепости.

Никас покачал головой и отошел. Он сел на щелястую бочку, стоявшую рядом с мачтой.

— Я вел некоторые записи, — сказал он после долгого молчания. — В голове. Записывал то, что видел, пока меня мотало туда-сюда это странное приключение. Хватит на несколько статей. Мне бы только определиться с названиями. Название — это самое сложное. Подобрать одно или два таких слова, которые будут говорить за тысячу под ними.

Никас пошевелился.

— Макс.

Она стояла спиной к нему, положив руку на старый, обвалившийся местами борт. В разломы захлестывал негатив, иногда оставляя на толстых просмоленных досках какую-нибудь мелкую, скачущую тварь. На его фамильярное сокращение, Максиме никак не отреагировала. Только повела плечом, словно приглашая говорить.

— Как бы ты назвала свое путешествие?

— Одним словом?

— Если такое найдется.

Ответила она почти сразу, словно уже не раз задумывалась над этим.

— Санитатем.

Аркас не удивился.

— Разве это излечение? — спросил он. — Через усекновение головы? Ты была врачом?

— Похоже на то, — Максиме развернулась к нему и села на палубу. — Но я не помню деталей. Иногда мне кажется, что я была военным санитаром. Управляла вертолетом. Я помню, что была в плену. Но это ведь касается только меня. Я бы выдержала, я знаю эту свою черту. Как же я продалась Девелу? Почему сломалась именно тогда, в этой безобидной яме? Голод, жажда? Все это детские выходки палачей. Избиения, насилие? Мое тело может выдержать и тумачи, и оргию с вооруженными обезьянами. Что они сделали? Что они сделали со мной? Где открылась слабина?

— Может быть не с тобой, — предположил Никас.

Странные, пронзительные, слишком пронзительные для человека глаза, режущие как ножи, посмотрели на него.

— Об этом я не думала, — медленно проговорила она. — Да, Ник, через усекновение головы. Так оказалось, что голова — неизлечимый источник всех болезней. Консилиум врачей, состоящий из меня одной, пришел к однозначному решению. Ампутация. Как бы то ни было, я хочу поблагодарить тебя за то, что был со мной.

— Жаль, что недостаточно. Недостаточно, чтобы отговорить.

Она устало улыбнулась.

— Тогда... У реки. Мне было хорошо.

Никас не ожидал, что она затронет это. Он хотел было ответить: «мне тоже». Но вовремя удержался. Это было неуместно.

Опять болтаете, — услышал он далекий голос Цинизма. Надо же, как старые друзья. Как давние любовники. Обсуждаете судьбы мира, словно два демиурга, присевшие у истоков вселенной. Две жалкие погадки, вы кем себя возомнили?! Вы — два контейнера для отходов! Никас, слюняй, мякиш гнилой, ты думаешь, что у тебя есть сила? Я — твоя сила! Я не дам тебе умереть! И я доведу тебя до конца! Мы убьем ее и заберем Одиночество. Все должно идти так, как идет, потому что не вы это придумали и не вам пресекать замысел, благодаря которому я могу сражаться и убивать! Ты понял меня?!

— Как скоро ты придешь туда? — спросил Никас.

— У Воли есть какое-то время. Не могу сказать точно. Этот воздушный мешок, в котором остатки позитива еще могут дышать, постоянно колеблется.

— Я постараюсь успеть.

— Ты правда готов забрать его у меня? — Максиме все смотрела, и Никас уже чувствовал: осколки стекла прорезают его насквозь.

— Да, — ответил он.

И взгляд смягчился.

— Похоже, кое-какие каноны сохранились, — протянула Максиме. — Всегда есть смертник, готовый погибнуть за других. Опять эхо единства. Этот пчелиный инстинкт, готовность закрыть собой улей. Какое облегчение для других, кто продолжит в свое удовольствие ползать по сотам, не то что, не вспомнив, а — не узнав никогда, кто их спас.

— О, нет! — воскликнул Никас. — Давай не будем приплетать остальных. Я сделаю это не для них. Ты была права насчет контекста. Я устал. Устал от самого себя. Всю свою сраную жизнь я потратил на то, чтобы доказать, что мне никто не нужен. Ведь откуда возьмутся друзья, если ты постоянно в пути? Откуда возьмется жена? Дети? Я отталкивал всех, кто пытался ко мне приблизиться своим циничным отношением. Застрявший в прошлом ребенок, которого оставил отец, и не замечала мать. Которого за нищету не воспринимали как человека. Я не придумал ничего лучше, чем доказать себе, что мне и не нужна близость. И, в конце концов, отучился ценить людей. Отучился любить. Дружить. Поддерживать.

Никас смотрел, как негатив закручивается в огромные воронки.

— И сейчас я могу делом доказать, что ошибался. Они были нужны мне. Все это время. Отдай мне Одиночество. Ты можешь?

— Только погибнув, — тихо сказала Максиме. — Оно съело мое сердце.

Никас вскочил.

— Ты... — его губы задрожали. — Ты врешь, да? Это уловка? Ты просто не хочешь его отдавать, ведь так?

— Я не вру.

— Нет! — вскричал Никас. — Нет! Это несправедливо! Значит, единственный способ...

— Убить меня. Да. Ты принял свою смерть. Теперь остается принять мою. И дело в шляпе.

Аркас подошел к Максиме и сел рядом. Он был ошарашен. Подавлен. Он думал, что прошел путь до конца. Но оставалась еще половина. Самая сложная.

— Дай мне руку, — сказали они одновременно.

И одновременно потянулись друг к другу.

В этот момент по правому борту забурлил негатив. Отчего-то он вскипел, маслянистые пузыри лопались, плевались паром.

— Он почувствовал тебя, — сказала Максиме, мельком поглядев туда. — До встречи, Никас.

Уже удаляясь, обездвиженный пробуждением, тот успел увидеть риф, поднимающийся из черноты. Бугристый валун, от которого валил дым. Он узнал его. Рычание Цинизма только подтвердило его догадку.

Мне очень жаль, Максиме.

Рык его демона сменился свирепым воем.

Прихрамывая на тонкой, не до конца сформировавшейся ноге, ЛПВВ шло по мягкому зеленому мху. Вокруг, в тени густых, низко плывущих облаков, дремали крупные гуманоиды. Их морщинистая кожа была темно-оранжевого оттенка, тонкие руки обхватили мускулистые ноги, согнутые в коленях. Несоразмерно большие головы были запрокинуты назад, и, казалось, что жилистые шеи могут переломиться под их весом в любой момент.

ЛПВВ обходило их, не потревожив. Обходило прямые, без ветвей, деревья, растущие в одном направлении под углом в сорок семь градусов. Стволы, словно маскировочная сетка, накрывали саваны крохотных, цепляющихся отростками листиков. В воздухе медленно летали немногочисленные насекомые с широкими цветастыми крыльями. При взмахах, те шли волнами, словно паруса. От них исходил потрясающий аромат.

Здесь было три солнца. Одно синее — крупное. И два поменьше: зеленое и алое. Облака, словно музыканты, играли на струнах света. В непредсказуемом ритме они пропускали в тень лучики разной толщины. Те попадали на мох, цвета смешивались, продолжительность менялась. И под ними успевали вырасти, зацвести и опасть, легкие, почти прозрачные цветы. Они ничего не оставляли после себя, словно были миражом.

Когда лучи попадали на гуманоидов, те вздрагивали, но не просыпались. Иногда бормотали что-то на своем щебечущем языке. ЛПВВ понимало их. Они пророчествовали. Говорили о том, что не видят ничего. Впереди, на две ступени вверх по лестнице грядущего — не было ничего. Пролет обрывался. Внимательно прислушиваясь, полубог проходил мимо. Лишь однажды он услышал что-то... Неопределенное. Предсказание звучало как отрывок чьего-то разговора. Пророк не передавал интонации.

Мы встретимся там, где последний маяк стоит в стороне. Я убью тебя. Ты убьешь меня. Это счастливый конец.

Больше ничего не было. ЛПВВ пошло дальше, размышляя над услышанным. Погруженное в свои мысли, оно в какой-то момент остановилось. И медленно повернуло голову направо. Эмбрионы внутри него беспокойно зашевелились.

— Ты, — выдохнуло оно.

На конце местного дерева сидела бабочка. Совсем не похожая на тех, что летали рядом, на почтительном удалении. Она была обычная и неправильная одновременно. Ее усики приветственно дрогнули.

— Что ты хочешь?

Бабочка махнула крыльями. ЛПВВ согнулось от боли в груди. Внутри него поднялись картины концентрационных лагерей. Высокотехнологичных, преобразующих ловушек для человечества. Люди с холодными глазами проводили операции, тонко работая блестящими инструментами во вскрытых черепных коробках. Другие люди, одинаково одетые, одинаково причесанные, одинаково думающие, смотрели гипно-видео. Со временем даже форма их тел, черты лица и голос, стали унифицироваться. Последними исчезли половые различия. В больших темных цистернах росли новые существа. Гермафродиты, способные размножаться в одиночестве. Их мышление было ограничено, а эмоции тщательно, под корень, изведены.

— Нет, — прошептало ЛПВВ. — Нет. Не так.

Бабочка казалась удивленной. «Ты можешь уничтожить Одиночество, которого вы все так боитесь. Почему ты сопротивляешься самому себе?».

— Это не тот путь.

«Ты не можешь знать».

— Я не превращу людей в ЭТО. Максиме стремится к тому же.

«Она хочет лишиться страстей каждого. А ты — большинство. В мире, живущем по твоим правилам, будет верхушка людей, которые сохранят страсть».

— Пусть так. Я не отберу у остальных людей то, чем они являются.

Бабочка молчала. Она потопталась на месте. Развернула хоботок.

«Ты глупее, чем хотелось. Всегда есть жертва. Всегда. Любое благо произрастает из почвы страданий. А чаще же всего, приходится менять одно худо на другое, просто потому, что второе чуть меньше. Странно, что ты этого не понимаешь, великое создание».

— Меня не закончили не просто так. Само Многомирье восстало против этого.

«Омерзительная покорность. Я пожертвую хаосом. Своей силой. А ты не можешь высказаться против традиций».

— Ты жертвуешь, потому что боишься. Я не боюсь.

«Тебе не дали страха, неполноценный! Руководствуйся разумом».

— Именно он подсказывает мне, что пустота — лучше того, что предлагаешь ты.

Ощутимо расвирепев, Бабочка уже готова была махнуть крыльями с такой силой, что весь этот мир сорвался бы в небытие, но вместо этого лишь слегка качнула ими.

«Что ж, отправляйся туда, где с тебя снимут голову!».

Один раз Никас уже засыпал за рулем.

Это было в Калифорнии, он неделю снимал Долину Смерти, пока писал о ней очерк. В какой-то момент им овладело азартное, почти ребяческое желание застать что-то мистическое. Оказаться первым, кто заметит как безжизненные камни в особую минуту, во тьме ночи, а может и на заре, вдруг наполняются потусторонней силой и начинают медленно ползти вперед. Или бесплотные фигуры, гротескные, словно тотемы дикарей, протягивают к ним длинные пальцы. И толкают. От скуки. Скуки. Одиночества.

Никас был так возбужден, что плохо ел и мало спал. Сама атмосфера этого места сделала что-то с его биологическими часами. Они расстроились, стали капризными. Аркас мог не спать сутки, а потом пару часов дремать в машине, видя какие-то полусны полумысли. Ровное потрескавшееся плато, где дуют сильные ветра. Солнце равнодушно выжгло его. Ученые спорят, спорят, спорят. Быть может, говорят они, камни скользят, когда редкая влага делает плато скользким. Ветер толкает их вперед. Но почему в разные стороны? С разной скоростью? Ведь его направление и напор редко меняются. А главное: почему некоторые камни остаются на месте?

Часто приезжали туристы из разных стран. Со многими Никас общался. Узнав о его цели, они тоже загорались идеей тихих охотников, предлагали поставить рядом свои машины. Журналист отвечал мягким отказом. Где много глаз, там волшебство робеет. И они, вдоволь наговорившись с ним, уходили. Да и то, он честно говорил, что ничего пока не снял. Камни движутся, но так медленно, что это кажется ошибкой. Да, скорее всего скользкая глина в ночи, когда воздух влажен. И ветер.

Один раз к нему подошел коллега из Канады, представившийся Лиамом Трамбле из журнала «Монреальский поезд». Они познакомились, Никасу была вручена бутылка дорогого алкоголя, Канадцу — набор жестяных рюмок с гербом Греции. После специфического разговора о работе, деньгах и болячках, они разумно объединили подарки и принялись вместе смотреть на плато. Прижимистое. Несговорчивое.

— Что-то там осталось, — сказал вдруг Лиам.

— Что и от чего? — не сразу отреагировал Никас.

Было уже поздновато, свет разбавлялся. Камера, стоявшая на треноге, справа от Аркаса, продолжала писать, направленная на камень, выбранный им. Он лежал, невинно, как положено его семейству, безразличных ко всему кусков породы. Но за ним в засохшей глине протянулась колея, словно за маленьким, идущим по маршруту краулером.

— Часть чьей-то жизни. Ты никогда не задумывался, дорогой Никас, что будет, если собрать все камни в этом месте. Те, что двигаются. Собрать и сложить вместе. И оставить их в покое, на какое-то время.

— Нет, — Никас улыбнулся этой идее. — Они разбегутся?

— Может и разбегутся, — согласился Лиам. — Они же такие маленькие. Совсем слепые. Как щенята. Они двигаются наугад, потому что не знают, где их ждут. Но если сложить их вместе. И уйти отсюда надолго...

— Вы хотите получить каменного человека, мистер Трамбле? — спросил Никас.

— Я тоже как-то раз проводил здесь время, — не ответил тот. — Я смотрел и пытался понять, дело в камнях, или в том, что под землей. К сожалению, администрация парка не

дает ставить эксперименты посторонним людям. А ученым позарез нужны очень скучные и быстрые версии. Недавно они сказали, что дело раскрыто. Что это маленькие гололедицы, нарастающие в холодные ночи, перемещают камни.

Он помолчал. А потом сказал с огромным сожалением:

— Ах, это отвратительное желание объяснить все ледяными лужицами.

— Да, — согласился Никас. — Я думаю, что без мистицизма и суеверий мы быстро заскучаем. Что это за приключение, посреди которого тебе говорят, что дракон это четырехтурбинный авиалайнер, летящий маршрутом Катар-Франкфурт?

Его собеседник испытывающее смотрел на дно высохшего озера.

— Что бывает с людьми, если их собрать в одном месте, мы знаем, — проговорил Лиам тихо. — Свалка, отвращение, рознь. Но если хотя бы камни...

Никас понял в тот момент, что канадец, оказывается, захмелел гораздо сильнее и уже начал клевать носом. Аркас уложил его в кузове своего пикапа, а сам, в каком-то необъяснимом трансе, просидел до утра, иногда проваливаясь в сон в сидячем положении. Ему снился-мерещился каменный человек, идущий по долине. К нему ползли, все ускоряясь, все новые части тела, оставляя борозды в мокрой глине, скользя по льду, гонимые ветром.

Если хотя бы камни...

На следующий день Никас решил, что с него довольно. Он попрощался с новым знакомым, собрал палатку, аппаратуру, и, поспав несколько часов, тронулся в путь.

И заснул благополучно еще раз, уже прямо за рулем.

Аркасу повезло тогда, что встречное движение было слабым. Машина успела съехать на обочину и ощутимо подскочила на чем-то. Никас проснулся, вздрогнул, издав короткий крик, и остановился. Выйдя наружу, он осмотрел колеса. Все было в порядке. Позади лежал увесистый бульжник, на котором и подскочила машина. Никасу на мгновение показалось, что за ним шла широкая колея в песке.

Но это была лишь игра его взвинченного воображения.

Теперь все обстояло куда хуже. Никас, кряхтя, поднялся среди дыма и обломков темных монолитов, и попытался понять, куда его занесло. Сверху зияла острозубая дыра. Его работа. Точнее, его замечательного транспорта. Автомобиль лежал в отдалении, зарывшись капотом в груды обломков. Никас точно помнил, что пристегивался. Это была его принципиальная позиция. Но Цинизм, похоже, сбросил ремни, пока носитель спал. Что ж, в этой зловерной выходке был свой смысл. Никас не хотел бы оказаться под завалом из острых глыб.

— Что здесь происходит?! — услышал он в отдалении.

Через минуту его окружили тяжело-бронированные позитивные рыцари. Тяжелые доспехи делали их трехметровыми ходячими танками. Двуствольные отрицаниеметы сидели на предплечьях. Все они приветствовали Никаса.

— Контакт! — глухо проговорил один из них. — Я чувствую негатив!

— Ата-та, ребята, — начал Никас, — я...

— Огонь!

Со всех сторон Никаса обдало чем-то холодным. Это напоминало пришедшее извне чувство стыда, когда ты сморозил какую-то неуместную шутку в не слишком знакомой компании. И теперь готов провалиться под землю от неловкости. Только это чувство было усилено в сотню раз и причиняло настоящую боль. Цинизм внутри Никаса завизжал как еретик на колесе инквизиции. Он забился под самую дальнюю лавку в сознании человека и

злбно шипел оттуда.

Поток отрицания прекратился. Аркас стоял, приклонив одно колено. Потом медленно, еще громче кряхтя, поднялся. Рыцари переглянулись. Старший взялся за серебристую булаву, висящую на поясе.

— Хватит! — рявкнул Никас. — Дайте же мне сказать, добрячки. Я Никас Аркас. Новая жертва для Одиночества. Тут где-то должны быть мои знакомые. Они подтвердят.

Над Никасом пролетел странный механизм. Он смотрел на журналиста большим керамическим глазом. Воины позитива получили неслышный приказ. Они сделали два шага назад и замерли. Приближался кто-то еще. Из-за уцелевших монолитов вышел необычный образ, похожий на женщину и, одновременно, металлическую статую. Никас обратил внимание, что ее ноги удлинлись, пока она приближалась, а руки раздвоились. Из запястий выскользнули тонкие острые клинки. Теперь образ напоминал богиню крови и насилия из индийской мифологии.

Вздыхнув, Никас поднял руки в жесте полной капитуляции.

— Что ты сделал?! — прогремела статуя, модулируя голос. — Зачем ты разрушил мою работу? Мой дом!

Она остановилась перед ним. У Никаса перехватило дыхание от того, как совершенны были ее формы. Хромированные женские пропорции, твердые, одновременно пластичные и, наверное, теплые, смущали его. Никас молчал, упустив нужные слова, вся цепочка мыслей разбежалась от него как стайка цыплят.

— Отвечай! — грянула сущность.

— Будьте позитивны, но это очень некрасиво с вашей стороны, — пробормотал Никас. — Послушайте, я понимаю, что наша культура замешена с большой ложкой эротизма, но я смотрю на вас снизу вверх. Вы понимаете? А на вас ничего нет, притом, что ваша анатомия очень напоминает человеческую. По-вашему я постоянно должен закрывать на это глаза? На вашу, буквально, блестящую грудь? Для чего ставить собеседника в такую невыгодную позицию? Даже при условии, что он только что разнес ваши апартаменты. Накиньте на себя что-нибудь, а потом мы поговорим.

У сущности отвисла челюсть. Она немного укоротила ноги, а потом негромко рассмеялась.

— Ты и вправду тот, за кого себя выдаешь?

— Можете ударить меня одним из своих лезвий и посмотреть, что будет.

Он не успел вздрогнуть, а лба его уже касалась бритва. Она резанула вниз, но бесполезно.

— Интересно, — произнесла сущность. — А что, обойтись без разрушения моих покоев было нельзя? Знакомые, о которых ты упомянул, привлекли мое внимание более цивилизованно.

— Прошу прощения, — потупился Никас. — Я уснул за рулем.

Снова искренний смех.

— Следуй за мной.

Ну, в самом деле, — подумал Никас, когда она развернулась. Впрочем, если б в мою квартиру влетел чей-то автомобиль, я бы тоже выскочил из душа, в чем мать родила. Рыцари пропустили Никаса и пошли следом, гремя сабатами. Вокруг засновали летающие механизмы. Они собирали обломки, унося их прочь, сметали мелкую крошку, облепили машину Никаса, разбирая ее на части. Многие трудились над дырой в крыше.

Сущность, тем временем, остановилась возле ступеней, ведущих к странному сооружению, которое напомнило Никасу об условных производственных цехах.

Она села на ступень, сомкнув колени. И на этом спасибо, подумал Никас. Подперев подбородок кулаком, стальная дева уставилась на человека, словно он был какой-то таинственной тварью, которая исчезает, когда на нее не смотришь.

— Могу я узнать ваше имя? — спросил Никас.

— Я олицетворяю Волю, человек. Так меня и называй.

— Значит, я прибыл куда нужно.

— И это невероятная удача, — улыбнулась сущность. — Впрочем, после партизан и ЛПВВ, я уже не могу удивляться. А, тем более, считать это простым совпадением. Похоже, Многомирье пытается спастись.

— ЛПВВ здесь? — удивился Никас.

— Я здесь, человек, — на голову легла теплая, успокаивающая ладонь. — Будь позитивен.

Тот снова почувствовал, как подламываются колени. Невозможно было отказать себе в поклонении этому светочу, но Никас знал, что сейчас это будет дьявольски неуместно. Он смог перебороть себя, и повернулся, оставаясь на ногах. ЛПВВ ласково посмотрело на него, и пожало протянутую ладонь двумя пальцами.

Послышался топот. Кто-то вбежал в покои. Послышались новые восклицания и встревоженные крики.

— Стальная! Вы в порядке?!

— Клянусь полосками, ну и беспорядок!

— Осторожна будь. Оп! Говорил же.

Появился Неунывающий, Котожрица, потирающая колени, и Все. Увидев Никаса, они замерли, а потом без слов бросились к нему. Рыцарь любви бросился к нему на грудь, а Все крепко пожал ему руку, улыбаясь до ушей. Аркас, сначала скованно, затем, раскрываясь, обнял обоих.

— Ты пришел, — всхлипнула Котожрица.

— Друг, — просто сказал Все. — Друг.

— Пути соединились, — произнесла Воля.

ЛПВВ сделало шаг к ней, оставляя позади радостную суету встречи.

— Еще не все. Пока не пришли двое. Извечный враг и нечто, чьей роли я пока не понимаю.

— Так же как я не понимаю смысла твоих пророчеств, — ответила Воля.

Она поднялась и поманила ЛПВВ за собой. Эти двое завели свой разговор дистанцировавшись от остальных.

— Я не пророчествую. Все мои предупреждения касаются текущего момента.

— Тогда скажи, что означает этот момент? Чего в нем больше: новой надежды или злого рока?

— Злого рока, — ЛПВВ омрачилось. — Негатив гнал всех впереди себя. Почти единолично он выбирал дороги, которыми мы пойдём. Собрав нас вместе, он упростил себе задачу.

Воля взглянула вниз. Там Никас что-то рассказывал окружившим его сущностям. Неунывающий задавал короткие вопросы. После каждого ответа, он, то удивленно качал головой, то одобрительно кивал.

— Я, сейчас, приняла бы в своем доме немного оптимизма.

— Оптимизм, как и меланхолия, — враг объективности. Мы сразимся с горькой правдой раньше, чем придет негатив.

На этом он отступил и исчез, словно призрак, достаточно погремевший цепями. Кастелянша успела возненавидеть эту черту в ЛПВВ, хотя он появился здесь совсем недавно. Чуть раньше Никаса. Но уже успел побывать везде, даже в секретном цехе, где Воля вынашивала своих детей. Он прикоснулся к заветному ложу, которое помнило крики и потуги, металлический скрежет новорожденных, расправляющих конечности. Воля рассвирепела, увидев его там, но ЛПВВ не смутилось.

Родились еще не все, — сказала оно тогда. И, конечно, не пояснило сразу, что это было. Предсказание или сожаление. Затем оно подошло ближе. Ближе. Вплотную. Захватило своей аурой силы и понимания. Положило теплые пальцы на выход родильного канала.

Воля дернулась, но не отошла. Прикосновения полубога доставляло ей удовольствие минутного покоя. Пальцы, согревающие пах, награждали еще частичкой вселенского спокойствия, безмятежностью. Другая рука ЛПВВ прошла по спине Воли, оставляя незримый разрез из которого выходила, словно дым, накопленная тревога.

Облегчение и покой. Умиротворение.

ЛПВВ подняло на руки хромированное тело. Воля и тут не сопротивлялась. Она обняла красивую янтарную шею, изучая глаза, отражающие Многомирье. Ее понесли к производственному ложу. Упругая синтетическая плита была чуть наклонена вниз. Почувствовав приближение хозяйки, механизмы-акушеры задрали вверх манипуляторы, другие — приготовили ясли. Прозрачную емкость, наполненную черным маслом.

Но, сейчас их услуги были не нужны. Акушеры получили сигнал спать, и втянулись в гнезда на потолке. ЛПВВ посадило Волю на край плиты и, намекающим прикосновением предложило ей раздвинуть ноги. Живое сердце Воли заколотилось, несмотря на то, что наркотик безмятежности все еще действовал. Она никогда... Так. Никогда. В ее теле был орган, который заменял второе начало. Он синтезировал крохотные машины, которые росли в утробе воли, используя ее сущность как повод развиваться. Они делились, соединялись, росли. Потом, когда Стальная чувствовала позывы, она шла сюда, вниз. Акушеры надежно фиксировали ее на столе, после чего, в натальных муках, она выталкивала через родильный канал капсулу. Капсулу бережно помещали в сосуд с питательным маслом. После чего она разбухала, раскрывалась, из нее поэтапно раскладывался новый механизм. Затем он убегал по техническим тоннелям в подземелья, к своим братьям.

Ее целовали. Воля держала ладонь на груди ЛПВВ, но оттолкнуть его не могла. Не было рациональной причины это сделать. Ее органические губы смыкались и размыкались, хватая в ответ. Голова онемела. Безмятежность действовала как новокаин. ЛПВВ обездвигивало ее. Это был прием хищника, однако немота, странным образом не препятствовала удовольствию.

Удовольствию. Она никогда не получала его. Моральное удовлетворение от процесса созидания, да. Но именно это примитивное наслаждение от смешения сущности с кем-то посторонним, по понятным причинам, ускользало от нее.

Но не сегодня.

ЛПВВ, отпустив ее плечи, прошло руками по талии и сильно сжало упругие латексные бедра. Воля выдохнула от неожиданности, это движение было хищным, грубым, но коротким. Словно безупречное натяжение спокойной воды разорвала спина всплывшего

каймана. Они соприкоснулись лбами, одновременно разорвав поцелуй. Однако языки все еще тянулись друг к другу. Черный язык Стальной краешком ласкал янтарный, полупрозрачный.

Обожженные пламенем нахлынувшей страсти, две великие сущности теряли контроль над собой. ЛПВВ казалось бесполом, но Воля чувствовала дразнящие прикосновения к своему лону. Посмотрев вниз, она увидела столп чистой энергии. Это была созидательная сила. Довольно внушительная.

— Для чего?

Полубог не ответил. Он сделал поступающее движение тазом, и Воля вцепилась пальцами в его спину. Столп созидания обжег ее внутренности, он был словно раскалившийся язычок паяльника. Причиняя шокирующую боль, он, одновременно, обезоруживал. Воля не могла даже застонать. Дергающиеся губы пропускали отрывистый хрип. От ее паха, к которому плотно прижались бедра ЛПВВ, поднимался запах сильной разогретой синтетики.

Затем столп начал двигаться. Окуляры воли потускнели, однако она начала принаравливаясь к этому ощущению. Жар, вызывающий боль, медленно становился нейтральным, а потом начал ласкать ее утробу. Как только Воля смогла перебороть оцепенение, она издала громкий стон и схватила ЛПВВ за шею обеими руками.

— Ты чуть не сжег меня изнутри!

Понимающий взгляд успокоил ее, Воля отпустила шею и сжала бицепсы ЛПВВ. Он продолжало двигаться, и Стальная снова замолчала, от стыда за свое раскрывшееся сладострастие. Ее тело становилось нестабильным, хаотично используя повседневные инструменты. Руки разделялись, ноги вытягивались, скрытое оружие выглядывало как клыки гадюки.

Аккумулятор, находящийся рядом с лоном, начал впитывать поступающую энергию. Он заряжался так быстро, что Воля чувствовала это как быстро растущий пузырь наслаждения. В какой-то момент он начал искрить и дрожать от напряжения. Он был переполнен. Воля нечленораздельно замычала, высунув язык. Аккумулятор, похожий на маленький орех, светился плазмой от накопленного тепла. Он защитил себя от разрушения и разрядился через медные нити нервной системы. Воля выгнулась и закричала.

Но это было только начало. В изнеможении она откинулась на платформу и руки ЛПВВ легли на ее талию и грудь. Не останавливаясь, оно показало партнеру, что этот акт безумного слияния, затянется на неопределенное время.

Аккумулятор Стальной разряжался еще три или четыре раза. Ее колени дрожали, а изо рта текла техническая слизь, когда ее оглушило в пятый раз. В униженной позе, высоко задрав покрытые маслом ягодицы, правой щекой она упиралась в стол. А непослушными руками царапала поверхность платформы.

Стальная была измождена.

Однако, теперь конец был близок. ЛПВВ, разросшееся, поменявшее цвет на ярко-алый, тоже было на грани. В нем бушевало семя созидания. Зашипев в экстазе, полубог извергся. Воля, сжав кулаки, чувствовала как ее репродуктивная камера наполняется чистой сущностью. Теперь в ее маленьком сборочном цеху, будет создано нечто доселе невиданное.

Стальная ощущала, как оно растет внутри нее. Сущность была на сносях, приятная тяжесть материнства увлекала ее. Она прислушивалась к толчкам внутри чуть округлившегося живота, гадая, как пройдут роды. Дитя ЛПВВ может и убить ее, протискиваясь к свету. Любопытство изводило ее сильными приступами, с которыми она стойчески справлялась.

ЛПВВ скрылось, и теперь Воля смотрела на человека. Ее раздражало, что она не контролирует ситуацию. Битва еще не началась, а суверенитет крепости нарушили уже два раза. Конечно, случаи были неординарные, но стоило проверить оборону еще раз.

— И так я оказался здесь, — Никас уже заканчивал свой рассказ, поглаживая кисть Котожрицы, которая все не отпускала его, словно не давала исчезнуть вновь. — Я говорил с Максиме во сне. Она сказала, что скоро прибудет.

Неунывающий бросил взгляд на владычицу Крепости. Та сошла по ступеням и обратилась к Аркасу:

— Так ты волен говорить с ней? О чем были ваши беседы?

Никас помедлил.

— Я пытался понять, почему она это делает. По-моему она очень зла из-за того, что Многомирье жертвовало людьми, обрекая их на ужасные муки.

Воля молча кивнула.

— Но есть что-то еще, — продолжил Аркас отстраненно. — Она пережила какое-то событие, которое пытается стереть из своей памяти. Это подталкивает ее уничтожить страсти. Не только свои. Все. Вообще.

— В это я легко верю, — произнес Неунывающий. — Всегда есть скрытые мотивы.

— Ты пытался отговорить ее? — спросила Котожрица.

— Я прямо сказал ей, что готов забрать Одиночество себе.

Эти слова заставили всех замолкнуть на какое-то время. Котожрица крепче сжала кисть Никаса. Все охнул и опустил взгляд. Неунывающий скрипел зубами, глядя куда-то вверх. Воля спустилась вниз и посмотрела в глаза человека.

— Мы не ожидали услышать это от тебя. Так быстро и так легко. Ты уверен в своем решении?

— Уверен, но что толку? — кисло ответил Никас. — Я уже говорил, что это бесполезно. Максиме... Она не может остановиться. Позади нее руины. Она зашла слишком далеко. Она рациональный человек и боится бессмысленности.

— Вот уж чего не ожидал о ней услышать, — усмехнулся Неунывающий.

— Так оно и есть, — добавил Никас. — Я готов помочь, чем смогу. Естественно, я буду драться с негативом. Я буду искать ее. Одиночество нужно отнять. Вы здесь главная, я правильно понял?

Воля подтвердила.

— Тогда скажите позитиву, чтоб завязал шнурки как следует. Нам нельзя отступаться.

* * *

Собрав импровизированный военный совет, они еще долго сидели за столом, принесенном механизмами. Сначала слушали Никаса. Тот подробно рассказал о встречах с Максиме, и содержании их бесед. Кое о чем, он, конечно, умолчал. Воля внимательно

глядела на него, чуть вытянув шею. Она пыталась уловить в его словах, интонации, выражении лица что-нибудь компрометирующее. Признаки слабости, привязанности к архиврагу. Это было вполне вероятно. Но Аркас был невозмутим. Он говорил о Максиме с мрачной отстраненностью, и разум его блуждал вовсе не в романтическом тумане.

Затем Воля поведала свою историю близкого знакомства с врагом. Она дословно привела историю о покорении Одиночества, не считая нужным скрывать что-то в такой момент. Вряд ли Никаса можно было задеть еще чем-то. Однако, вот теперь-то нейтральное выражение на лице человека дало трещину. Он побледнел, пальцы барабанили по каменной столешнице.

— Охренеть, — коротко высказался он. — Просто о-хре-неть.

Воля поняла его превратно.

— Думаешь, что поторопился отдавать себя в жертву?

Никас перестал стучать. Он раздраженно поглядел в ответ.

— Я думаю, что обосрался. Но не потому, что меня напугала история о том, как Одиночество пожирает всякого изнутри. Я никак не могу осознать, окинуть своим умишкой стойкость этой женщины. Вы понимаете, что она сделала? Хоть кто-то до нее совершал подобное?

— Нет, — Воля поджала губы. — Нет. Именно поэтому мы оказались в таком кризисе, я думаю. Никто не мог предположить.

— Я боюсь ее, — признался Никас. — Не Одиночества, а ее. Она может сломить меня. Сказать что-то такое, от чего я...

Все задержали дыхание. Котожрица даже оскалилась. Никто не хотел, чтобы это предложение было закончено. «Сказать что-то такое, от чего я»... Сказать. Что-то такое. От чего. Я. Решу.

Что она права.

Обрел я собственное мнение? — подумал Никас. Мне хватило времени, чтобы со всей, стало быть, накопленной убежденностью, высказать свое твердое «за» или «против»? Я знаю, как действовать правильно. У людей есть шанс перерасти Одиночество. Его нужно дать, а там посмотрим. Точнее, я-то в любом случае не увижу светлого будущего. Но мой высохший труп станет кирпичом. Мрачно, гротескно, но правильно. Ведь это и есть наша история, огромная мясная гора, которая ведет куда-то наверх.

Но это мое «правильно». За него проголосовало бы большинство живущих сейчас людей. Однако они просто хотят, чтобы все оставалось как раньше, а поэтому необъективны.

Есть Максиме, со своим «правильно». И я уверен, о, на сто процентов, что и за ней бы пошли люди. Возможно застигнутые сложными жизненными обстоятельствами, отчаявшиеся, вросшие в грязь. Впечатлительные и горячие. Но они тоже необъективны, потому что плюют в будущее. Господи, ну почему мы должны сражаться.

Потому что я так сказал! — встрял Цинизм. — Мне неуютно среди твоих сопливых размышлений. Я признаю, Максиме действует отталкиваясь от логики знакомой мне. Этот путь отличается от всего, что мы знали до этого, но он имеет право на жизнь. Однако она играет нечестно! Эта сука искусственным образом нарушила баланс и теперь поет о том, что спасать нечего. Действительно, мать твою, нечего! Потому что она все сожгла! Подумай, Никас, чего же больше в ее мотивах? Желания спасти людей от страданий или злости на Многомирье за обман Девела? Злость за собственное потерянное сердце? А? Что скажешь? Могут ли эгоисты брать на себя обязанности судьи? Подними голову. Если ты продолжишь

молчать, они обделаются.

Никас сфокусировал взгляд и оглядел присутствующих. Немой вопрос был задан давно и все были на грани.

— Забудьте о том, что я начал говорить до этого. Я достану Одиночество из ее груди.

Эти слова были сказаны беззлобно, но Неунывающий и Котожрица посмотрели на Никаса с опаской. Все, сцепив пальцы, бормотал что-то себе под нос. Воля спросила у Никаса, как тот представляет себе драку с Максиме.

— Смутно, — честно ответил тот.

Он понимал, что Цинизм вмешается, но как включить в план извержение вулкана? Или другое стихийное бедствие?

— Нам нужно заманить ее, — высказался Неунывающий. — Нужна... арена, что ли. Прошу простить за образность.

Никто не засмеялся.

Никас поморщился. Арена. Да, подходящее слово. Одержимый мужчина против одержимой женщины, посреди безумной схватки на уничтожение. «Мир идей зиждется на символизме». Кто это сказал? Девел. Старина Девел. Когда-то мы стояли на том месте, где исчезла дверь в мою квартиру, и я клялся, что найду выход отсюда. Кажется, я нашел кое-что другое.

— Как же ее заманишь? — спросила Котожрица, качая головой.

— Нам нужно больше наглядности, — Воля пошла прочь от стола. — Пойдемте.

Они спустились на этаж ниже. Там находился стратегический зал, в котором, помимо систем слежения и координации, покоилась точная копия Крепости. Она стояла на уровне пола, созданная из крохотных механических светлячков, неподвижно парящих в воздухе. Воля, не сбавляя скорость, вошла прямо в реплику своей твердыни. Светлячки обтекали ее ноги, как вода.

Прискакал со своего этажа Архивариус. Он возбужденно и дружелюбно пищал, хватая всех за руки, приветствуя. Никаса он почти что обнял, а потом присоединился к своей хозяйке. Вместе они продемонстрировали первичные планы обороны, на ходу внося в них правки. Воля не могла быть уверена с какой стороны придет негатив. По словам Котожрицы, беженцы шли уже по обломкам Пути. Несомненно, идущие за ними орды, разрушали даже эти останки. В то же время, негатив создавал собственный путь. Темный. Из своих же тел и обломков старого. Геноцид мог игнорировать любые границы, прожигая их своей злобой. Котожрица удивлялась тому, что негатив так спокойно путешествует, где захочет, в то время как остальные по большей части заперты в своих мирах.

— Им помогает количество, — объяснила Воля. — Они теперь, по большей части, единый образ. Безмозглый, но свободный.

Нужна была круговая оборона с равными силами. Воля знала, что в подземельях заканчивается гигантское строительство. Ее дети, давно работающие над скрытыми орудийными валами, сообщали, что почти готовы запустить их. Три кольца смертоносных турелей и ловушек.

Продемонстрировав расстановку сил на стенах, Воля упомянула, что с этого момента все становятся под ружье до начала осады. Мирное время закончилось.

— Максиме, несомненно, будет в авангарде, — сказала Воля.

— Несомненно, — согласился Никас.

— Она хочет убить меня, — продолжала Стальная. — Это — ее единственная слабость,

известная нам. Я правильно понимаю, что ты для нее такой же враг, как остальные?

— Никаких привилегий у меня нет, — уверенно ответил Никас. — Так что да, вы — ее единственная слабость. Забавно.

— Очень, — улыбнулась Воля. — Исходя из этого, мы можем заманить ее на «арену» только одним способом. Сделать меня приманкой.

— Это просто самоубийство, — вмешался Неунывающий. — Вы желаете погибнуть в самом начале? Отличный план, если я правильно понял. Надежный.

— Со мной будет Никас, — терпеливо сказала Воля. — Главное, это дать им возможность схлестнуться один на один. Для этого мы должны будем устроить контролируемый прорыв внутрь города.

— Или неконтролируемый, — сказал Все. — Что помешает ей подождать, пока не падет наша твердь?

— Она... — Никас пожевал губу. — Она уверена в себе. К тому же очень нетерпелива. В ней чувствуется неумная жажда покончить со всем этим раз и навсегда. Я сильно сомневаюсь, что она будет долго ждать. Нужно продержаться какое-то время, и она потеряет терпение.

— План-капкан, — высказался Неунывающий. — Ну, хорошо, лучше у нас ничего нет. Мы не можем размышлять с точки зрения прямого противодействия. Наша Крепость, прошу прощения за поэтичность, это камешек на пути горной реки.

— Я тоже хочу быть рядом с вами, — снова сказал Все. — Позвольте вы?

— У вас будет своя роль, уважаемый Все. Вы и Котожрица, во главе беженцев, будете засадным полком на пути прорыва. Ваша задача: отсечь Максиме от остальных. Чтобы она осталась с небольшой группой негатива, с которыми мы легко покончим.

Объект Все гордо кивнул.

— А где буду я? — спросил Неунывающий. — На стене?

— Именно.

Протестов не было.

— Я был с вами все это время, как личный телохранитель, Стальная. Но никогда не откажусь от чести, встретить их там, — глаза прима засветились позитивом. — Однако, я требую, требую от тебя, Никас Аркас, чтобы ты напал на Максиме. Могу я рассчитывать на тебя, друг?

— Вы никак не поймете, что наше противостояние неизбежно, — устало сказал Никас. — Хватит смотреть на меня, как на слабое звено. Что бы я к ней не чувствовал, это не спасет ни меня, ни ее. Это всем ясно?

— Прощу прощения, — поднял руку Неунывающий. — Я вовсе не это...

Никас отмахнулся.

— Проехали.

Воля посмотрела на них обоих и продолжила:

— Теперь — арена. В моем городе нет центральной площади. Все полезное пространство застроено. Нижние уровни — это сеть технических коридоров, созданная стенами зданий. Там есть, где устроить засаду, легко сдерживать врага даже уступающими силами. Но вряд ли это удачное место для схватки двух демиургов.

— Почему? — удивилась Котожрица. — Разве это не на пользу нам? Никас, ты ведь не собираешься устраивать рыцарский турнир? С оруженосцами и гудящими рожками? На нее нужно напасть из-за угла. Да, это подло, нечестно. Отвратительно. Но иначе она... Победит.

Прости Никас, но у нее есть сила Одиночества, а у тебя — нет.

Никто не успел среагировать. Между двумя сценами как будто не было никакого разрыва, время смонтировали как киноплёнку.

— У меня есть вся сила этой мусорной кучи, которую вы зовете домом, — проскрежетал кто-то устами Никаса.

Фантомные лапы, на боках и спине, напрягались и пульсировали гневом. Одна из них схватила за горло Котожрицу и подняла над полом. Та сипела и вырывалась, но ее нежные руки были беспомощны. Все изумленно приподнял копьё и отлетел в сторону от легкого движения темноты. Он тяжело ударился при падении и застонал. Неунывающий успел достать меч, он третья лапа схватила сам клинок, несмотря на остроту, вырвала его из благородных пальцев. А потом ударила капитана рукоятью, как дубиной. От удара сущность на лице треснула, и Неунывающего развернуло так, что он не смог удержать равновесие и припал на колено.

— Меч света, — удовлетворенно прокаркало существо, завладевшее Никасом. — О, как он лучится. Как светит серебро его добрых намерений. Ему предречено ставить зло на колени.

С этими словами человек просто откусил кусок от клинка, как от ржаного хлебца. Тот треснул посередине, развалившись напололам. Осколки брызнули на пол, печально звеня.

— Нет! — воскликнул Неунывающий. — Мое оружие! Что ты делаешь?! Что происходит, во имя позитива?

— Тихо, — негромко сказала Воля. Она была напряжена, как тигрица, встретившая медведя на своей территории. — Стой на месте и не двигайся.

— Я чувствовал, что с ним что-то...

— Молчать.

Одержимый, тем временем, сгрыз остатки меча и выкинул рукоять, словно хвостик какого-то фрукта. Воля могла видеть остывающие отблески в жующем рту. Никас сглотнул.

— Изумительно, — прошелестел он. — Этот вкус. Вот чего мне не хватало.

— Отпусти Котожрицу, — потребовала Стальная. — Ты убьешь ее.

Глаза, залитые смолой, с пренебрежением поглядели влево.

— Мелкая шлюха, — процедил Никас. — Посмела сказать, что у меня нет силы. Ты, маленькая розовая дырка, будешь выбирать слова, когда говоришь обо мне. Поняла?

Котожрица не могла ответить. Ее сущность была нарушена, голова — готова слететь с плеч. Лапа качнулась назад, разжимаясь. Образ любви умудрился приземлиться на четвереньки, но тут же завалился, хрипя и вздрагивая.

— Я бы расщепил ее, если б не этот сладостный меч. Он умиловил меня.

— Что ты такое? — Воля сложила руки на груди. — Ты хорошо скрывался. Я видела только кончики твоих ушей.

— О, я хорошо спрятался, — лапы напряглись еще сильнее, между ними мелькали рыжие разряды электричества. — Сразу после того, как твои псы окатили меня отрицанием.

— Это их работа. Не сердись.

Желтые зубы заскрежетали.

— Ну что ты, Стальная. Разве я могу злиться на скотскую ограниченность твоих позитивных друзей? Странно было бы, если б они повели себя иначе. Сейчас вы боитесь собственных теней, потому что она владеет ими. Даже здесь вонь Одиночества уже плотнее, чем воздух.

— Да, дела у нас не очень, — сухо произнесла Воля. — Итак. Что ты такое?

Никас зарычал. Вены на его лице потемнели и набрякли, отчетливо проступая под бледной кожей.

— Ангел-хранитель, — ответил он. — Что же еще? Я держу зонтик над моим слабым человеком.

— Не понимаю, — задумчиво сказала Воля. — Ты какая-то негативная сущность, но в то же время полезная.

— А как же! Очень полезная. Я спортивная злость. Я адреналин. Я... Воля. Как ты.

— Но откуда ты в нем? Это похоже на безумие.

— Это ошибка, разделять нас. С тобой сейчас говорит Никас Аркас, которого чем-то очень сильно разозлили. Он называет меня Цинизм. Обидчивость. Заносчивость. Высокомерие. Я всегда был в нем, но не в таких количествах. А потом большая часть моей сущности нашла его в пещере, унюхав родственную душу! Люди злоупотребляют сказками об одержимости. Как будто до какого-то момента они были воплощением розового, бисквитного добра, а потом приходит нечто злое. Всегда чуждое и всегда со стороны, и все летит кувыркком. В него вселился бес, говорят они. Он не ведает, что творит. Дьявол дергает за его ниточки. Но это ложь, — Никас распалялся. — Страсть — единственная одержимость человека.

Длинный коготь постучал по макушке.

— Нечистый дух в костяной сфере. Изгнать можно только его.

Он снова обрел мрачное спокойствие.

— Эти слова понравились бы Максиму, — заметила Воля.

— Этой рваношкурой слепой крысе, живущей в затхлой земляной норе своих незрелых убеждений, понравится все, что я ей принесу, — быстро сказал Цинизм. — Я изнасилую ее и убью, сдавливая гортань. Он умрет, когда я закончу.

Стальная скривила губы.

— Это... — прохрипели откуда-то сзади. — Это... Не ты. Никас. Ты не такой.

— Заткнись! — прогремело существо, резко оборачиваясь. Оттолкнувшись от пола лапами, оно одним скачком приблизилось вплотную к образу любви. С неестественным гулом вверх взметнулась безжалостная лапа. В этот момент Все закрыл собой Котожрицу, выставив перед собой копьё. Со спины бросился Неунывающий, но его ударил один из семи локтей и смелый капитан упал на руки подоспевшей Воли.

— Это и есть я! — ревел Никас, срывая голос. — Это я! Что, сука, хотели светлого героя? Противопоставление силам негатива? Быть может, вы, загнанные под плинтус тараканы, думаете: он хочет спасти нас, потому что мы добренькие?! Потому что так должно быть?! Я хочу покончить со всем этим, потому что я в аду!

Он опустил занесенную лапу. Глядя в глаза Все, Никас сказал, хриплым, надтреснутым голосом:

— Да, в пещере я подвергся влиянию чего-то очень темного. Возможно, стал злее. Мрачнее. Восприимчивее. Но я с удовольствием дал Цинизму превратить себя в беспомощную развалину. Потому что считал, что все должны начать танцевать вокруг меня. Весь мир. Да, были такие люди. Но я прогнал их, потому что они танцевали недостаточно энергично. Вместо того, чтобы бороться, я принес себя в жертву другому человеку. Мертвому человеку. Которому точно не понравилось бы то, во что я превратился. Я сам вырастил внутри себя демона.

— Однако, он помогает тебе здесь, — раздался голос Воли. — Значит, ты смог поставить злость себе на службу. А не она подчинила тебя.

Лапы исчезли. Никас сразу уменьшился. Он хотел сгорбиться, осесть. Его так и подмывало упасть на колени и захныкать. Но он сжал зубы. Все смотрел на него всепрощающе, а потом положил руку на плечо. Котожрица, не раздумывая, приблизилась и встала слева, взяв его за пальцы. На другое плечо легла кисть в латной перчатке.

Никас чувствовал себя алкоголиком, которого все еще любило его семейство.

— Я не могу сказать, что не хотел сделать вам больно, — сказал он тихо. — Бесплезно просить прощения. Но теперь я контролирую злость. Мне нужно было лишь сказать себе правду. Я хочу уединиться на время. Стальная, вы позволите?

— Будь осторожен, Никас, — сказала она без всякого подтекста. — И не прячься слишком глубоко. Неизвестно, когда ты можешь понадобится.

— Я буду рядом, — пообещал он.

* * *

Наблюдавшее за этой сценой ЛПВВ решило, что его вмешательство не потребуется. Оно моргнуло, переключая взор на то, что находилось непосредственно перед ним.

Могучая гряда голубых гор, тянувшаяся от горизонта до горизонта по континентальной плите. Земля здесь превратилась в кровавую глину. То тут, то там, холодели странные боевые машины, покрытые вычурными украшениями. Их многотонные туши были прогрызены и опустошены изнутри. Высокие орудийные башни сорваны, словно крышки с консервных банок. Утопленные в земле и черных, дергающихся трупах, машины были крохотными крепостями, взятыми жестоким приступом.

За ними шли заваленные землей и бетоном окопы. Смятые орудия. Черные, быстро разлагающиеся тела, застрявшие на колючей проволоке и шипастых ежах. Трупов защитников не было. Только кровь и немного внутренностей. Негатив пожирал всех.

Наверху, в зеленоватом небе, величаво плыли космические корабли, на которых спасалось население планеты. ЛПВВ знало, что бегство для них — бессмысленно. В этом мире, состоящем из целой галактики, вторжение негатива было медленным, но неотвратимым. Многие планеты уже потеряны. Ресурсы на исходе. Люди не знают, на что надеяться. Их мертвый правитель не может помочь. Лучшие солдаты в силовой броне, могут лишь стоять насмерть.

В этой галактике есть только война с негативом.

Обреченная война.

ЛПВВ видело сеть высоких цитаделей у подножья гор, которые вращались в каменные склоны тяжелыми муравейниками. Часть из них еще держалась. Весь негатив сконцентрировался у стен. Широчайшая полоса кипящей злобы. Ей не нужны осадные орудия, не нужна тактика, обозы. Только злобные командиры и еда, которую они получают, когда воюют, и лишь тогда.

Зеленое небо вдруг озарилось, столь ослепительно, что ЛПВВ пришлось укрыть свой взор внутри разума. Столпы ионного пламени ударили сверху, с отступающего флота, и врезались в негативный прилив как молоты апокалипсиса. Испепеляющие кольца энергии на какое-то время разорвали полотно атакующих.

А затем, словно в ответ на это оскорбление, на линкоры напали свирепые летающие твари. Похожие на морских скатов, они пылали ненавистью, метая ультразвуковые копыя из вертикальных зевов. Столь же гигантские как корабли, но более быстрые и маневренные, они нападали из верхней плоскости и обнимали жертву остроперыми крыльями. Затем прогрызали корпус и наполняли палубы воплями страха и боли.

Некоторые корабли уже падали, медленно, как будто действительно тонули в плотной соленой воде. Один из них, преодолев свой последний, роковой курс к земле, врезался в горы. Снежные вершины пропороли его гигантское брюхо. Обломки размером с дома, покатались вниз на одну из обороняющихся крепостей. Обломки и волна плазменного огня. Цитадель содрогнулась и обрушилась внутрь себя с таким грохотом, что ЛПВВ слышал его даже здесь, за километры и километры от места трагедии.

Им нужна еда, которую они получают только в сражениях.

И командиры.

ЛПВВ мгновенно переместилось из тишины давно обглоданной ничейной земли в самую мясорубку. Шум имел свой вес. ЛПВВ чувствовало, как он лег на плечи, словно тяжелое ватное одеяло. Безупречно-чудовищная какофония из грохота взрывов и разрушений, стрекота автоматического огня, шипения энергии, криков пожираемых, и, конечно, конечно, монотонного гула. Этот гул был ревом миллиарда негативных зверей.

Метнулась многорукая тень. ЛПВВ равнодушно взмахнуло рукой, отвергая тьму, и кровожадная тварь рухнула справа двумя половинами. Из косога среза хлестала кислота. Он пошел по внутреннему двору, заполненному ящиками с боеприпасами и солдатами, которые пытались сдержать натиск негатива. Отверстие, проплавленное в стене, было буквально забито шевелящейся массой косовидных когтей. К ней уже ехал тяжелый, механизированный заслон, но он был пока далеко.

— Держать строй! — кричал офицер, стоящий на гигантской твари, похожей на шестиногого бегемота с раскаленной пастью. От туши поднимался дым. — Мы не дадим ночи прийти! Мы сражались с врагами нашего мира, куда более страшными, чем эта безмозглая орда! Наши прицелы точны! Наша кровь горяча! Огонь же, Имперская Гвардия, огонь!

Воздух раскалился над импровизированными баррикадами, окружающими прорыв. Звон стреляных гильз, был едва слышен. Из разрыва хлынула шипящая жижа. Свирепый, даже в смерти, визг и рев, пугал и вызывал отвращение.

Негатив отступил, словно стая шершней покинула лаз пчелиного улья. И снова метнулся внутрь, уже организованнее и умнее. Их косили ружейные залпы, но остановить растущий напор могло только чудо. Первые ряды обороны увязли в ближнем бою, пытаясь парировать штыками метровые сабли когтей. Офицер стрелял из пистолета и рассекал мечом поднимающихся к нему врагов. Его охряная шинель была изрезана и покрыта расплывающимися кровавыми пятнами. Фуражка сбилась на бок.

— Где чертова ширма?! — закричал он, оглядываясь по сторонам.

Заслон остановился, не доехав метров шестьдесят. Что-то остановило его двигатель.

— Проклятье! Не сдаваться! История не принимает легких жертв!

ЛПВВ подошло к заслону, толстой стальной плите, передвигающейся на примитивном тягаче. Увеличившись, оно взялось за край, и принялось толкать ее дальше. Увидевшие это солдаты обомлели. Их глаза наполнились религиозным трепетом. Офицер раскрыл рот, а потом закричал, что есть силы.

— Эта сущность, воплощение добродетели! Она — ответ на наши молитвы, нашу доблесть и боевую честь! Это ангел позитива! Крепитесь, воины!

Воспылавшие верой в добро, солдаты ожесточенно отбивались от негатива до тех пор, пока плита не встала на место, а система гидравлических поршней и утяжелителей не придавила ее к прорыву.

Немногие оставшиеся в живых собрались вокруг ЛПВВ. Опираясь на свои ружья изможденные солдаты преклонили колена перед спасителем. Офицер снял фуражку и поклонился.

— Очень вовремя, — сказал он охрипшим голосом. — Приветствую вас, позитивная сущность. Жаль вас тут не целый батальон. Хотя и его было бы мало. Вы пришли помочь нам в битве?

ЛПВВ не ответило. Любые разговоры сейчас были бессмысленны. Даже эта помощь была бессмысленна, и была оказана потому, что ЛПВВ хотело остановить негатив хотя бы символически. Оно осмотрелось внутренним взором и скакнуло в другое место, оставив выживших в недоумении.

Теперь оно было внутри помещений, вырубленных в горе. Они были захвачены. В километре от того места, где ЛПВВ закрыло маленькую брешь, зияла трещина через всю стену. И ее уже никто не защищал. Негатив рекой пролился к цитадели, неостановимый и безжалостный. Все было иссечено когтями, разломано, растоптано и съедено. В центре большого зала, абсолютно темного, наполненного спальными местами и палатками, стонала от ужаса группа людей.

Над ними стоял Он.

Террор.

Он вдыхал ужас сущностей с наслаждением. Его иссиня-черную шкуру покрывали красные пятна, кричащие лица и трепещущие сердца.

— Террор, — негромко позвало ЛПВВ.

Один из генералов Максиме продолжал вдыхать сладкие пары отчаянья и горя.

— Этот запах, — прошипел он в темноте. — Он означает, что мы приближаемся к избавлению. Что тебе нужно здесь, изгнанный? Хочешь сразиться? Или помочь?

— Я уничтожу тебя, — сказало божество.

Террор обернулся, сверкнув красными бусинами глаз, ползающими по бесформенному рылу.

— Какая самонадеянность, — клыки вибрировали в полураскрытой пасти. — Я слышал о твоей драке с Геноцидом. Ты проиграл. Так что же... Решил, что я слабее и пришел за мной? Этот поступок унизителен для тебя и оскорбителен для меня.

— Дело не в том, кто из вас слабее, — возразило ЛПВВ, приближаясь короткими скачками.

— Тогда что же? — Террор полностью развернулся, показав грудь, в центре которой белело мраморное лицо. — Ха. Кажется, я понял. Тебе нужны останки Девела? Ты, переоцененный осколок человеческого бреда, который сам больший убийца и садист, чем мы, что ты о себе возомнил? По твоему, я с радостью отдам тебе, что захочешь?! Умри!

В момент, когда последнее слово разорвалось петардой ненависти, Террор уже скользил назад, разрывая заложников шпорами на своих ногах. ЛПВВ толкало его прямо сквозь людей, которые оцепенели от присутствия сущностей высшего порядка. Все вокруг покрывалось мелкими капельками крови, следящими за битвой зрачками отраженного света.

Света, который испускало ЛПВВ, чтобы ослабить врага.

В этом янтарном шарике, скачущем посреди темного зала, двое сверхсильных существ бились, движениями быстрыми, как их мысли. Топча ногами жертв, они, то взмывали в воздух, то пикировали вниз, дробя каменный пол. Террор превратился в огромного нетопыря, с кожистыми, когтистыми крыльями, хлопки которых звучали, как пороховые взрывы. Он завизжал и бросился на ЛПВВ, стремясь разгрызть прекрасное тело. Божество пролило больше света, оттолкнув противника, и тот рухнул в темноту, обернувшись скорпионом. Жало щелкало, выпрыгивая из темноты. Совмещая прыжки в пространстве и скорость реакции, Произведение танцевало вокруг смертельного копья. В какой-то момент, расвирепевший Террор ошибся, и янтарные пальцы схватили его хвост. Послышался резкий хруст и ЛПВВ, израненное, покрытое темными синяками проникшего яда, оказалось с жалом в правой руке. Враг кричал от боли и ярости.

Свет колебался.

Тьма воистину страшный противник.

— Ты ослаб, — подначивала темнота. — Уходи. Для чего тебе эта маска? Она бесполезна, всего лишь надгробный камень, под которым ничего нет. Даже костей. Я полностью поглотил вашего Девела. Его нет, и никогда не будет. Наша драка бессмысленна. Ты погибнешь просто так. Ты погибнешь.

— Я погибну, не приняв тебя, — сказала ЛПВВ и погасило свет.

Вместе с ним, оно отказалось от своей неуверенности, поблажки самому себе, на которую оно пошло перед боем. Больше никаких уступок.

— Меня не убить благородством! — взревел Террор, торжествуя.

Что-то приближалось к ЛПВВ. Широкое и острое, оно срезало с него тонкий слой сущности. Едва не отсекло руку, но реакция спасла Произведение от смерти. Смерти. В темноте ритмично двигалось тусклое свечение. Челюстная кость, выглядывающая из-под края глубокого капюшона. Лезвие косы свистело в воздухе, настолько острое, что разрушало связи между простейшими частицами реальности. И после каждого взмаха, за ним сыпался белый прах.

— Я рассеку тебя на тысячи невидимых слоев, и ты исчезнешь, словно и не было, — шепот Террора просыпался песком древних гробниц.

ЛПВВ не ответило. Оно призвало все самообладание, что оставалось в его сущности. Врага привлекает паника, он бьет на звук быстрого дыхания, капающих слез, стучащих зубов.

Коса ударила, но мимо. Еще раз, и еще. Она врезалась в бытие так же быстро, как ЛПВВ перемещался в пространстве. Чуть быстрее. С него слезали слои сущности. Как и обещал Террор, настолько тонкие, что их не было видно. Полубог уставал. Исход дуэли становился очевидным. Герой негатива, почуяв слабость противника, злобно возликовал, его атаки стали маниакально-яростными. Коса не встречала никакого сопротивления, но ЛПВВ слышало, как она врезается во что-то твердое. Вжух. Вжух. И еще.

Базальтовый пол под ними закрипел. Многоугольные глыбы начали оседать, выскальзывая из массива. Через минуту они уже неслись вниз, дуэлянты вцепились в камни, не контролируя ситуацию. Образ смерти рассеялся и Террор зарычал, когда на него легло мягкое сияние нижних уровней. Здесь было много ламп, в свете которых росли пищевые культуры. Вырезанные косой глыбы падали на гидропонные установки, разнося их вдребезги. Стекло превращалось в твердую пыль. Растения перемалывало в зеленую кашу. Вода хлестала из смятых труб.

Они снова сцепились, стоило им прийти в себя. Разметав обломки, Террор напал из сырого тумана, став огромной мерзкой пиявкой. ЛПВВ чуть увеличилось, насколько ему хватало сил, и отбивалось жалом. Пока они сражались, стены подрагивали и трещали. Цитадель продолжали атаковать снаружи. Лампы гасли одна за другой, целыми секциями, и мрак снова наполнял пиявку силой. ЛПВВ чувствовало накатывающую усталость.

Когда погас последний источник света, оно побежало прочь. Позади свистело лезвие косы. Смерть снова шла по пятам.

— Бежишь? Уже?

ЛПВВ выдавило створки дверей и оказалось в коридоре, который уходил куда-то вниз под небольшим углом. Здесь тоже было темно, но не так просторно, чтоб коса могла разойтись в полную силу. Выше зарокотал мощный взрыв, вязко, звонко хлюпала какая-то жидкость, полившаяся с потолка. Она густо и неприятно пахла.

Топливо.

Произведение побежало вниз, скользя в усиливающемся потоке. Смерть вырвалась в коридор, тонко вереща от злости. ЛПВВ успело достичь конца коридора, оказавшись в гигантском автопарке, где стояли танки и транспортные машины. Защитники то ли не успели подготовить их к битве, то ли забыли, успевая только обороняться. Топливный ручей вспыхнул, скопившиеся газы взорвались, ЛПВВ отлетело вперед, упало на плечо и с трудом встало, глядя на объятый пламенем вход.

Из него медленно вышел пламенеющий скелет. Коса раскалилась. Саван сторел.

— Я здесь.

Пришла пора выдохнуть весь воздух из легких. ЛПВВ максимально увеличилось достигнув пятиметровой высоты. Оно схватило одну из многотонных стальных машин и с криком метнуло ее. Коса легко разрубила этот снаряд. Две половины танка с идеальным срезом, упали по обе стороны от врага. Смерть тоже увеличилась, став даже больше. Горящий череп освещал темный потолок.

— Люди боятся чаще, чем нужно. Даже на мой взгляд. Ежесекундно водопады страха проливаются в мою сущность. Ты не слышишь, но безумная песнь паники постоянно звучит вокруг. Они боятся неудачи и победы, живых и мертвецов, знаний и невежества, людей и мельчайших тварей. Боятся даже самих себя. Страх это адреналиновый наркотик. Со временем они привыкают к нему. Пугают себя намеренно. Ну разве это не прекрасно?! Мир трусов, постоянно ищущих новый источник сладкого, расслабляющего ужаса. Они делают меня сильнее Геноцида.

— Ты же — стимул отчаянно сражаться, — невозмутимо ответило ЛПВВ. — Я использую все свои силы.

Оно выросло еще немного, аккуратно спрятав жало Террора между пальцами. Ему, так или иначе, нельзя было разжимать кулаки.

— Бесполезно! Бесполезно! Бесполезно! — заверещала Смерть.

ЛПВВ метнулось к нему, нырнуло под удар косы, и нанесло два удара в ребра и череп. Искры сорвались с захрустевших костей. Террор разъярился, оранжевые отсветы окружили его. Это лезвие, не дающее заметить себя, оставляло лживый, обескураживающий след. ЛПВВ почувствовало, что его обтачивают словно карандаш. Часть его плеча была срезана, голова становилось угловатой, как и все тело.

Произведение не хотело этого, но, похоже, пришла пора использовать запретные резервы. Что-то появилось справа от ЛПВВ. Оно возникло, словно раскрытый

иллюзионистом предмет, который перестала прятать система хитрых зеркал. Это было лезвие косы. Три пальца сжимали его плотно. Они дрожали, но не давали оружию сдвинуться ни на сантиметр.

— Не смей! — завизжал Террор. — Не касайся священного оружия! У тебя нет на это права! Нет сил!

— Во мне сосредоточена судьба всего человечества, — бесстрастно проговорило ЛПВВ. — Того самого человечества, которое дает тебе силу.

Из скола на его груди просочилась капля эфирной субстанции ярко-красного цвета. В ней, словно черви, копошились нерожденные идеи. Почти неразличимые эмбрионы, похожие на те, что вынашивает женщина на первых неделях материнства. Образы. Мысли. Чувства.

— Я храню их в себе.

Страх сделал шаг назад, дернув косу. ЛПВВ не отпустило.

— Это... — прохрипел Террор, заморожено глядя, как густая масса ползет вниз.

— Все что я отберу у них, если захочу, — закончило за него ЛПВВ. — Как думаешь, сколько их там? Они совсем маленькие. Но их так много. Так. Много.

Лезвие косы коротко звякнуло и переломилось. Длинный осколок отлетел в сторону.

— Ты воистину чудовищнее нас! — с отвращением выдавил Страх. — Что ты такое?!

— Я параллельная реальность, воплощенная в одной сущности.

ЛПВВ схватило косу за древко. Послышался треск.

— Ты бесконечно мал в моих глазах. Настолько мал, что мне трудно сражаться. Все равно, что Льву выкусывать блоху.

Что-то новое тронуло сущность Террора. Холодное, острое, неумолимое. Как коса. Как он сам. Он почувствовал самого себя.

— Увидишь, какая я блоха, изгнанное отродье! — завопил он, приходя в ярость.

В этот момент потолок над ними, состоящий из двадцати метров железобетона, встретил удар корабельного обломка размером с жилой квартал. И обрушился.

Защитники уцелевших крепостей, увидели, как руины одного из укреплений зашевелились. Вспоротое брюхо крепости, похожее на огромный курган из стали, бетона и огня, дрожало. Из его раскаленных недр выбиралось два невероятных создания. Многотонные глыбы, бывшие останками цитадели, скатывались с их плеч. Озера пламени не могли удержаться и срывались ветрами с рук и груди. В сжатых кулаках ухали громовые раскаты накопившейся мощи. Террор принял обличие гневного великана. ЛПВВ было все таким же прекрасным и спокойным. Их головы достигли зеленоватых небес. Они двигались медленно, скованные притяжением планеты.

— Кажется, этот мир слишком мал для нас, — оскалился Террор.

Он присел, напряг ноги, а потом прыгнул вверх. ЛПВВ последовало за ним. Герой негатива хватал корабли и швырял их в преследователя. ЛПВВ ловило их, аккуратно отпуская на волю, словно птиц.

Затем они оказались в космическом пространстве, окруженные холодом и звездами. Террор, шипя, ударил ледяную луну. Та, бешено раскрутившись, полетела в ЛПВВ, мазнув по плечу божества. Сорвав клоч сущности.

Они сблизилась, нанося друг другу удары со скоростью звука. А потом вошли в клинч. Негативный герой перехватил руку Произведения, изогнулся и швырнул в далекий космос. Они погружались все глубже, нагоняя друг друга, увеличиваясь, разбивая локтями звезды. Те

лопались, словно мыльные пузыри, закручиваясь спиралями сияющей плазмы. Планетоиды превращались в пыль. Системы сходили со своих орбит. Достигнув сверхмассивной черной дыры, они принялись сражаться у ее хищных границ.

Эта тварь должна быть уничтожена, думал Террор, чувствуя смертельную усталость. Она неправильна.

Притяжение черной дыры уже нащупало их и повлекло к центру. Террор схватил ЛПВВ, не давая тому вырваться. *Мы сгинем вместе. Негатив справиться и без меня, а твоё исчезновение оставит Крепость незащищенной.* Они, вытягиваясь, исчезая, ступали во врата, которые не выпускали даже свет. Сила самого старого космоса увлекала их в пасть небытия, навсегда стирая ЛПВВ и Террор со страниц этой истории.

Теперь они жили только в прошлом.

Долгое время ничего не происходило. Многомирье остывало после битвы двух гигантов. Звезды, возбужденно сияющие вслед, тускнели, проваливаясь в полудрему. Разорванные туманности и пылевые облака, медленно сращивали края. Черная дыра продолжала уничтожать реальность, как и миллионы лет до этого.

Но что это.

Черное око содрогнулось, как будто моргнуло. По великой воронке пробежала рябь. Что-то происходило за горизонтом событий. Немыслимое, сокрушающее ту эфемерную, но существующую физическую основу Многомирья. Ядро воронки вспухло и поползло наружу. Оно вытягивалось, напоминая вогнутую мембрану, в которую кто-то давил пальцем с другой стороны. Матовое ничто растянулось так сильно, что неслышно затрещало. Его верхняя точка, наконец, сколлапсировала: ослепительный взрыв выбросил километры и километры радиоволн, отправившихся в путь по пространству. В центре неопишуемых искажений, сияния неизвестных частиц и облаке извергнутой реальности, медленно двигались две сущности. Одна из них держала вторую за шею и толкала вперед. Сжатый кулак двигался к масляно-черному рылу.

Чем больше рассеивалась сгущенная реальность, тем быстрее кулак несся к цели.

И удар!

Террор швырнуло вперед, и он обмяк. Сущность раскололась как высушенная глина. ЛПВВ быстро приблизилось к нему. Они оба уменьшились до изначального размера, окончательно истощенные битвой.

— Это ничего не значит, — прохрипел Террор. — Объединение освободит нас. Пророк знает все. Она любит нас. Единственная.

— Как бы то ни было, я победил тебя, — равнодушно сказала Произведение. — Я рассредоточу тебя и заберу маску. Это необходимо. Приготовься.

— Пошло ты.

В руке ЛПВВ сверкнуло жало, которое оно так бережно хранило. Страх нужно принять и пережить, чтобы уничтожить. Оно вонзило загнутое острие в черный окровавленный глаз противника. Тот задергался, пораженный собственным ядом, закричал и раскололся.

В пространстве, вращаясь в ореоле темных осколков, медленно плыла мраморная маска.

Никас сидел на краю крепостной стены. Сложив руки на коленях, он смотрел вниз, чуть подавшись вперед. Километровая, откровенная во всем пустота завала его, дразнила, подначивала. Порывы ветра налетали с разных сторон, то отговаривая, то помогая. Ему было достаточно сделать небольшое усилие, напрячь бедра, оттолкнуться руками. Расколотому телу не придется драться с Максиме. Расколотому телу не придется терпеть поражение и видеть смерть друзей. Расколотому телу не придется побеждать!

Вот она. Твоя дверь. Пожарный выход.

Ты ничего никому не должен.

Ведь твой кредитор, у которого были на руках все долговые обязательства — исчез.

Никас качнулся вперед, но тут черная лапа помахала узловатым кривым пальцем перед его носом. И правда, подумал Никас. Он встряхнулся. Подался назад. Соблазнительно, но очень предсказуемо. Человек потер камень, на котором сидел. Потом закинул на край левую ногу, упершись пяткой, и вздохнул, так пронзительно, что самому стало смешно. Печально улыбаясь, он посмотрел направо и увидел Котожрицу. Она стояла в пяти шагах от него и смотрела чуть искоса.

Улыбка мгновенно исчезла. Никас отвернулся и сказал глухим голосом, полным сожаления:

— Привет. Ну как ты?

Рыцарь Любви взглянул на человека узкими зрачками, разрезающими голубовато-зеленую радужку. Она сделала шаг по направлению к нему и остановилась, поглаживая пальцами собственную руку.

— Я... У меня все прекрасно. Я очень быстро восстанавливаюсь. Это свойство любви, восставать из пепла.

— Это хорошо, — с трудом выдавил из себя Никас. — Я рад.

Он замолчал, по-прежнему глядя вниз. Укрепления, лабиринты ловушек и ям, скрыл какой-то маслянистый туман зеленовато-синего цвета. Он поднимался снизу, выдыхаемый тайными подземельями. Теперь казалось, что под стенами тихо дышало спящее море и спокойные волны его, накатывали, словно сны. Изредка в нем что-то мерцало и двигалось, но Никас не мог разглядеть деталей.

Кто-то завозился вплотную к нему. Котожрица села рядышком и свесила ноги вниз.

— Я тоже думала об этом множество раз, — сказала она, опершись на руки и запрокинув голову назад.

— О чем? — мрачно переспросил Никас.

— О том, чтобы уничтожить свое воплощение.

В небе кто-то неодобрительно заворчал.

— Ну и ну, ребятки, — фыркнуло Солнышко, — ну и ну. Это что за разговорчики? Я, конечно, ненавижу вот так встречать в чужой интим, но предупреждаю: если вы двое решите там взяться за руки и сигануть как два подростка под кайфом, я поймаю вас обоих и так потом выпорю, задницы будут сиять ярче, чем я. Это понятно?

Никас буркнул что-то, но слабо улыбнулся.

— Это ты не любишь встречать в чужой интим? — весело воскликнула Котожрица. — Расскажешь это кому-нибудь, кто знает тебя хуже, чем я. Не волнуйся, мы в порядке.

Солнышко сделало следящий жест лучом и вернулось к прежнему занятию: помощи на стене и домогательствам.

— Ты хотела уничтожить свое воплощение? — спросил Никас после долгого молчания. — Почему?

— Потому что, если б я распустила все свои образы, они бы все равно потом собрались в какой-нибудь другой прим. Но это была бы уже не я. И все. Больше никаких воспоминаний.

Никас испытующе смотрел на нее.

— До того как посвятить себя служению Пушистым богам, я сама была главой одного культа. Культ Последней Любви. Там собирались сущности настолько отчаявшиеся найти взаимную привязанность, что они готовы были пойти на сделку с одним... С одной тварью. Это была сущность-синоним одержимости. Выглядела как жадная черная плоть, натянутая на большое сердце, вытесанное из карнеола. Она могла выполнить желание просителя и, похвалив его самое сокровенное, самое оберегаемое пространство внутри, создать призрак истинной любви. Призрак был недолговечен, но ярок. Он выходил к просителю из гудящего сердца. Брал его за руку, и несчастный образ обретал такое счастье, что я... Я в такие моменты стояла рядом и плакала от счастья вместе с ним.

Рыцарь любви кошачьим движением смахнул слезу со щеки. Она осталась висеть на кончике безымянного пальца, а потом сорвалась вниз. Никас недолго следил за ее полетом, пока позволяло зрение. А потом спросил:

— И какова была твоя роль во всем этом?

Котожрица скребнула острыми ногтями по камню.

— Как я уже сказала, я организовала культ вокруг этого существа. Его звали Дилиджитис. Он не мог самостоятельно передвигаться и искать жертв. Видишь ли, культ Последней Любви не зря так назывался. Одержимость забирала у образа так много концентрации вместе с его мечтами, что он рассеивался вместе с призраком. Они погибали одновременно. Моя роль. Роль моих культистов. Она заключалась в том, чтобы находить отчаявшихся и приводить к Дилиджитису. Их всегда было достаточно. Ведь не найти еще проще, чем потерять.

Никас начал понимать, к чему она ведет, но не перебивал.

— Я делала это, потому что наслаждалась их счастьем. Видеть, как измученная душа наконец-то обретает давно желаемое, на тот момент было для меня единственным смыслом жизни. Жаль, я не могу описать, как это было прекрасно, как захватывающе, оглушительно... Красиво. А через несколько часов не оставалось ни призрака, ни просителя. Я искренне верила, что помогаю нуждающимся. До того момента, как один из просителей вдруг отказался от ритуала в последний момент. Дилиджитис разозлился, но его недовольство было ничто по сравнению с моим гневом. Я будто обезумела, Никас. Я ревела и сулила образу кары. Я клялась, что он больше никогда не сможет войти в храм Последней Любви. Что он идиот, слабак, ничтожество, неспособное получить желаемое, даже если оно само идет к нему в руки.

Мимо прошагала колонна позитивных рыцарей, которая собиралась занять это участок стены. Никас подождал, пока утихнет громовой лязг сабатонов и сказал:

— Кажется, для тебя катарсис был важнее, чем для самих просителей.

Губы Котожрицы дрожали.

— Я... — Она сжала пальцами щеки. — Да. Я питалась их счастьем. Я сама стала одержима. Мне нужно было видеть, как они раскрываются навстречу судьбе. Образ ушел,

оставив меня в дикой фрустрации. Мне было больно, я ощущала жажду, словно вампир, упустивший добычу. Но мне хватило сил не провалиться в это состояние. Я осознала, что не помогала им, а скармливала. Да, скармливала этому существу, получая выход бесконечно приятного тепла, которое ласкало меня.

— Ты сама была одинока? — спросил Никас без осуждения.

— Нет, — покачала головой Котожрица. Слезы сделали ее внешность странной, словно нарисованной. — Вокруг меня всегда кто-то был. Они занимались со мной сексом, кто-то даже говорил, пытался стать другом. Это удалось только Альфе. Но я ценила попытки. Однако, чувство причастности, для меня, оказалось спрятано не в сексуальности, не во внимании. Даже не в силе доверительных бесед. Я постоянно чувствовала, что мне чего-то не хватает. Одиночество бродило вокруг меня, готовое поймать в ловушку, но я пряталась за бесконечными связями. Однажды я, прошедшая через десяток отборных парней, пьяная от страсти, зашла в этот проклятый храм. Неприметный, почти пустой. И там я увидела, как такой же случайный зевака нашел Дилиджитиса. От одного вида произошедшего далее, я кончила несколько раз. Это было великолепно. Я насытилась светом чужой радости. Не знаю, что это: извращение или уродство. И почему именно это так заводило меня. Дилиджитис тоже почувствовал мой отклик. И мы... Договорились. С того момента, я заманила к нему сотни образов. Сотни. О, фантазия.

Позади них раздавались команды и выкрики. Разворачивались пункты боепитания, огромные цистерны со сжатым отрицанием, лежали на устойчивых платформах. Воины руководили строительством дополнительных укреплений и артиллерийских точек. Ширина стены позволяла здесь же тренироваться. Летали странные механизмы Воли, цитирующие тезисы упорства и смелости.

— Здесь становится шумно, — произнес Никас. — Пройдемся?

Котожрица быстро кивнула.

Они встали и пошли по краю щита, а потом пересекли его и спрыгнули на железо надстройки. Стена преображалась на глазах, Воля была настроена использовать все свои ресурсы. Нужно было уходить отсюда, чтобы не попасть ненароком под тяжелую пята строительной техники.

— Ну как вы? — раздался голос Солнышка. — Нужна помощь?

Оно всюду принимало участие в подготовке обороны. Сотни рук-лучей поднимали грузы, держали каркасы, убирали мусор и, конечно, шлепали по ягодицам всех, кто имел неосторожность нагнуться.

— Все в порядке, — сказал Никас. — Спасибо.

— Тогда дай-ка мне пятеру, мужик, — протянуло Солнышко игриво.

Никас дал пять сверху, пять снизу, пять из-за спины, и пять через правое колено. Кроме того, двойное пять с прыжком.

— Отлично, — сияющее лицо растянулось в улыбке. — А ты не плачь больше, кошечка, хорошо?

И смахнуло эфемерным пальцем слезу с ее подбородка.

После этого Котожрица и Никас добрались до грузового лифта, который как раз собирался отправиться вниз за новыми полезными тяжестями. Они сели в центре платформы на куске какой-то не пригодившейся трубы.

— Так что было дальше? — спросил Никас.

— Я ушла из храма, и долгое время истязала себя, — надтреснутым голосом

проговорила леди-рыцарь. — В наказание. Упала на самое дно. Никогда я не позволяла еще так над собой издеваться. Я... Прошла через такие гадости. Однажды я отдалась банде негативных тварей. Во мне прорезали отверстия для членов. Из ран текла кровь, смешанная с семенем.

Никас приподнял бровь, но ничего не сказал.

— А потом, валяясь в луже нечистот, как утопшая крыса, я вдруг слышала своим притупленным восприятием какое-то хныканье. Я поползла к нему, скрипя зубами от боли, потому что его беспомощность, отчаянье и страх беспокоили меня сильнее, чем раны. Это был котенок, еще не научившийся есть самостоятельно, почти младенец. У него совсем заплыли глазки. Шерстка слежалась от грязи. Хвостик кто-то откусил. Это была Шу-Шу. Я выходила ее как родного ребенка. Заботясь о ней, я преображалась. Исцелялась. Забота стала моим щитом от прошлого. И от одиночества.

— Значит, ты не всегда выглядела так?

— Нет, раньше, я была похожа на черноволосую бледную госпожу, — улыбнулась Котожрица. — Кошки изменили во мне все. В том числе и внешность. Я так рада, что нашла их.

Они помолчали, наблюдая за тем, как уходят вверх башни города. Лифт мягко гудел и подрагивал. Никас положил ладонь на хрупкое плечо сущности. Пальцы ощутили дрожь и нарастающее тепло. Котожрица коротко взглянула на него и несмело улыбнулась.

— Что скажешь? — спросила она. — Так себе история, да? Особенно по сравнению с тем, что сейчас чувствуешь ты. Мой случай гораздо проще. Но я так хочу тебе помочь. Сделать хоть что-то. Позволь мне позаботиться о тебе. Я могу доставить удовольствие. Только не закрывайся, не уходи. Прошу.

Аркас убрал руку с плеча. Котожрица испуганно посмотрела на человека. И тут он мягко поцеловал ее, коснувшись носом щеки. Он ощутил аромат чистоты и свежести, шелковую гладкость губ, приветливое тепло, страстное сдавливание. Ласковые пальцы легли на основание челюсти Никаса, а потом скользнули вверх, взъерошив волосы на затылке. Котожрица чуть прикусила нижнюю губу журналиста, поцеловала заросший подбородок, и, склонив голову вправо, коснулась губами шеи. Никас шумно выдохнул и зарычал.

Он взял ее за талию, чувствуя пульсацию страсти, простукивающую обоих, словно горячий молоточек, бьющий в голову, сердце и пах. Прошелся пальцами по шелковой мантии вверх и вниз, наслаждаясь жаром, проходящим сквозь ее ребра.

Котожрица повернулась к нему спиной, прижалась, поймала правую руку Никаса и положила себе на грудь. Тот инстинктивно сжал, зарывшись носом в ароматные волосы, и услышал тонкий протяжный стон. Этот искренний звук пойманной добычи, распалил его еще сильнее. Черный коготь зацепил ворот рясы. Послышался треск разрываемой ткани.

— Прямо здесь? — спросила Котожрица, со смесью страха и желания. — И это существо тоже будет участвовать?

— Да. Нет.

Цинизм только помог освободить рыцаря любви от одежды. Коготь до конца распорол рясу на спине, и та легко скользнула с обеих сторон, словно сброшенная вторая кожа. Затем, чудовище со смешком скрылось внутри человека. Никас прижал ладонь к горячему атласу кожи на поясице и подтолкнул вперед. Котожрица послушно встала на четвереньки, прогнув спину. Ее волосы закрыли покрасневшее лицо, касаясь платформы серебристыми кончиками. Ряса под коленями смягчала прикосновение холодного металла. Сущность

дрожала от предвкушения.

Позади нее Никас силой мысли сорвал с себя защитный костюм и тот унесся до поры, став бесплотными мыслями. Человек заморожено смотрел на то, что рыцарь показывала и отдавала ему. И он не собирался отказываться. Не потому, что его терзала похоть. Он понимал, что разрядка нужна им обоим. Дело было не только в заботе или особых чувствах. Но всего лишь: перед лицом близкой смерти, все что остается, это жить. Жить.

Он поцеловал ее упругие ягодицы и прошелся языком по крестцу, от чего Котожрица впала в эротическое иступление. Она дышала, высунув язык, и чуть покачивала тазом.

— Сделай это, — простонала она из-под рассыпавшихся волос. — Умоляю. Быстрее.

И правда. Лифт скоро достигнет земли. Вид человека, развращающего образ Любви, может немного покоробить рабочих и солдат.

Никас вошел.

Котожрица сладострастно вскрикнула, потом завывла, когда он начал двигаться. Она вся отдавалась этому процессу, стремясь навстречу толчкам, и скоро они оба уже рычали, стонали и выдыхали страх, отчаянье и усталость. Солнышко наверняка наблюдало, наблюдали случайные сущности в окнах башен, механизмы, летающие вокруг. Но им было все равно. В этот момент они любили только себя и друг друга, думали только о себе и друг друге, между их плотью, реальной и фантастической уже не было разницы. Разряды страсти и любви щелкали и трещали между нижней частью живота Никаса и попкой рыцаря.

Она кончила на секунду раньше, потом Никас в истоме отвалился от нее, словно теряя сознание. Усевшись на металл, он почти сразу вернул свой костюм, обтянул себя броней, закрыл уязвимое тело. А потом лег на спину и тихо засмеялся. Котожрица лежала на боку, на подмоченной рясе. Она уже не дрожала: ее трясло как при лихорадке. Но через несколько секунд она тоже засмеялась.

Они одновременно поднялись. Рыцарь любви подобрала свою одежду и произнесла критически:

— Да уж.

Никас помог ей соединить рваные края на спине, и они почти сразу схватились, словно пропитанные клеем. Через минуту она уже была как новая. Все такая же чистая, ароматная, цельная.

— Отзывы будут? — спросила Котожрица улыбаясь.

— Финал был предсказуем, — не удержался журналист.

Они оба засмеялись и обнялись. И простояли, сжимая друг друга в объятьях до самого конца. До тех пор пока лифт не остановился в промышленной зоне, где суеты было еще больше. Шагали многотонные погрузчики, ревели подъезжающая техника, бригадиры по очереди ревели в мегафоны.

Котожрица поцеловала Никаса в щеку, и они отступили дуг от друга, а потом пошли прочь, потому что к лифту уже тащили грузы. Забираясь все дальше в город, они шли по улочкам, которые были всего лишь пространством между башнями. Некогда темные, пыльные, пустынные, теперь они были ярко освещены. Здесь тоже трудились рабочие в хромовых униформах. Они устанавливали ловушки, баррикады и стены, закрывая одни проходы и создавая другие.

— Это он, — слышал Никас, проходя мимо. — Это жертва. Ты поможешь нам? Скажи, ты поможешь?!

— Сделаю, все, что смогу, — отвечал Никас. — Знаешь, я почти привык к этому, —

сказал он, посмотрев на Котожрицу.

Та вопросительно дернула ухом.

— К тому, как меня называют. Раньше это меня задевало, но теперь, я понимаю, что жертва не только я. Все здесь находится под сужающимся колпаком обстоятельств. Но я один, кто может что-то сделать. Должен. Хочет.

Он улыбнулся.

— Я хочу спасти вас. Тебя.

Рыцарь улыбнулась в ответ, но неуверенно, затаив грусть в уголках губ.

— Я не уверена, что хочу жить за твой счет. Послушай, это будет звучать как дешевое оправдание, но я понятия не имела, насколько тяжело вам приходится. Альфа был ближе ко всему этому, он был посвящен в тонкости и перед тем как ушел, рассказал мне все. И я хочу сказать, что это отвратительно. Жестоко. Бездушно. Я даже могу сочувствовать Максиму. Возможно, ее подвела собственная стойкость. Ты только представь, каково ей носить это внутри себя так долго. Мне кажется, что она — справедливое наказание. Наше.

— Нет, — сразу же ответил Никас. — Если и есть темные стороны у справедливости, то это коллективная ответственность. Я накопил немного житейской мудрости и часть ее гласит, что нельзя, — слышишь меня? — нельзя обвинять кого-то в желании жить. Это бессмысленно. И средства могут быть самыми разными. Одиночество наша общая беда и мы всегда справлялись вместе. Мы давали вам носителей, а вы нам сладкие сны, фантазии, мечты. И сейчас, я хочу стать тем, кто продолжит это сотрудничество.

Котожрица остановила его, взяв за руку. Потом схватила за ворот костюма двумя пальцами и притянула к своим губам. Они страстно, отрешившись ото всего, целовались, закрыв глаза.

— Я только надеюсь, — прошептала она, согревая дыханием подбородок Аркаса, — что ты не уйдешь не попрощавшись. Я надеюсь, что я смогу жить со всем этим.

— Сможешь, — загрубевшие пальцы прошли по нежной щеке. — Люби кошек. Они этого заслуживают.

— Ты говоришь как Альфа, — она вдохнула запах его шеи. — По-моему, мы оба хотим вторую серию.

— Определенно.

Они, с трудом сдерживаясь, нашли сумрачный, никем еще не потревоженный переулок, кончавшийся тупиком. Здесь, правда, стояли уже какие-то ящики, и покоилась тренога с вычурным строительным прибором, но они помешать не могли. Хотя Никас и повалил все что мог, когда они с Котожрицей пятились подальше в сумрак, не в силах оторваться друг от друга.

В нише, на теплом кожухе урчащего генератора, сущность попросила человека избавиться от высокотехнологичных штанов с накладками из прочнейших сплавов. Тех, как ни бывало. Котожрица мурлыкнула и покрыла нижнюю часть живота Никаса поцелуями, жгучими, долгими, приносящими вспышки глубочайшего наслаждения. Затем она сделала то, чего он ждал, но не мог даже намекнуть этому светлому существу, чтобы она занялась таким грязным, пошлым и восхитительно приятным делом.

После, она подняла полы рясы и забралась на него сверху. Никас задержал дыхание, предвкушая новый виток удовольствия и все равно не смог остаться молчаливым и сдержанным. Став единым целым, они одновременно застонали. Котожрица положила ладони на его грудь, давая их сердцам общаться через ее чувствительную сущность.

Улыбаясь, между гримасами эйфории, она смотрела в глаза Никаса, и тот отвечал ей взаимностью, пока не настало время действовать жестче и активнее.

Разжав пальцы на ее ягодицах, он мягко повлек сущность вниз и положил под себя. Никас не хотел давить на нее своим весом, но рыцарь сама взяла его спину в замок, скрестив лодыжки. Он начал двигаться и они оба снова сошли с ума от остроты и яркости происходящего.

Уже после, сидя плечом к плечу, они смотрели на то, как пятно искусственного света приближается к их убежищу. Рабочие и их техника.

— Ты не жалеешь ни о чем, что осталось там? — спросила Котожрица, поглаживая его руку.

— Где? — спросил Никас, вынырнув из глубины спокойствия, снизошедшего на него.

— В мире, из которого ты пришел.

Человек усмехнулся. Возвращение к этим воспоминаниям уже требовало от него определенных усилий. Он отвык считать себя пришельцем, его лишь беспокоила слабая ностальгия. Или скорее тревога. Надо вернуться. Вернуться. Но куда? И зачем? Теперь здесь его дом. Здесь все значительнее, важнее, в тысячу раз актуальнее, чем все, что происходило с ним там. Он вспомнил мать. Разве что она может по-настоящему обеспокоиться тем, что он больше не говорит с ней по видеосвязи. Она осталась в Греции, потому что там был похоронен отец, и она не могла оставить его могилу. Во время кризиса после гибели группы Никаса, она часто звонила ему, пока не поняла, что отвечает он в лучшем случае раз из десяти. Они договорились, что он будет сам звонить ей в моменты, когда будет чувствовать себя лучше всего. Она была доброй и терпеливой женщиной.

Сколько пройдет времени, прежде чем ее ожидание перерастет в беспокойство? Она наберет его номер, но машинный голос скажет ей, что такого абонента больше не существует.

— Все что там осталось, мне теперь кажется менее реальным, чем ваш мир, — медленно произнес Никас. — Но, да, мне бы хотелось попрощаться с несколькими людьми. Хотя бы дать им знать, что случилось.

— Это возможно, — вдруг сказала Котожрица.

Никас изумленно посмотрел на нее.

— Повтори.

— Я думаю, что могу помочь тебе в этом, — серьезная, как гранитный бюст, проговорила Котожрица.

* * *

Воля упала на колени и застонала, сжимая руками живот.

Она почувствовала схватки совсем недавно, но не успела даже выйти из своего зала. Плод, оставленный ЛПВВ, развивался слишком быстро, превратив ее плоский живот в тяжелую выпуклую ношу. И так же быстро он собирался покинуть лоно матери.

Вокруг собрались ее механизмы, но она отогнала их, чувствуя, как нечто прокладывает себе путь внутри, вызывая острую боль и паралич. Она с трудом отползла к своему трону, и замерла, опершись локтями о ступени. Живот спазматически сокращался и растягивался. Что же это такое, думала Воля, скалясь от боли платиновыми зубами. Что это безжалостное

существо поселило в мое чрево?

Плод протискивался по родовому каналу, хватаясь пальцами за ее внутренности. Воля Низко выла, напрягая таз, чтобы сократить время пытки. Несколько раз она готова была, словно бы расколоться, но так и не переступила грань. Никогда она еще не ощущала ничего подобного. Даже величайшие из ее детей, никогда не причиняли ей такую боль. И ощущение величия. Воля могла расслышать благодарность плода.

Спасибо тебе. Ты делаешь хорошее дело.

Из ее родового канала показалась маленькая янтарная рука младенца. Она словно потрогала воздух, а потом сжала пухлые пальчики в кулак.

— Пресвятая фантазия, — прохрипела Воля. — Это должно закончиться. Немедленно.

Словно пожалев измученную мать, новорожденный попытался повторить трюк своего отца и переместится в пространстве. Послышался легкий свист разрываемой реальности, и Воля увидела безволосую головку. Еще раз. Стальную вырвало собственной расплавленной сущностью. Сквозь дурноту она пыталась разглядеть черты умиротворенного личика. После третьего скачка, она ударилась затылком о ступени и замерла, не в силах даже согнуться.

В воздухе перед ней парило дитя ЛПВВ. Оно во всем напоминало отца, почти ничего не взяв от матери. Лишь одна деталь: странное черное вкрапление, в центре крохотной груди, которое почти полностью перечеркивало ее. Воля не могла понять, что это такое. Осколок металла? Осколок? Почему?

В этот момент в ее покоях раздался оглушительный хлопок, и рядом с невесомым младенцем, появилось... Оно. Израненное тело заживало, вытекающие соки твердели, дорожки блестящей смолы рассыпались. А на лице, тихо шелестя мрамором, менялась, менялась, менялась маска.

— Ты смог... — с трудом произнесла Воля.

Не дав ей договорить, ЛПВВ схватило плод, и разбил хрупкое тело об пол. Новорожденный разлетелся в пыль, словно сверкающий прах прокатился волной по гладкой поверхности.

— Нет! — закричала Воля, срывая голос. — Зачем? Зачем? Чудовище! Я встану...

Она завозилась, опираясь на руки.

Не обращая на нее внимания, ЛПВВ подняло то единственное, что осталось от его нежной копии. Черный стальной осколок. Медленно, словно опасаясь, оно поднесло его к трещине на груди. А потом аккуратно вставило. Грани сошлись идеально. ЛПВВ окутал бесшумный ореол собственной реальности. Оно пропадало в круговерти событий, непонятных никому, кроме него. Потoki миллиардов судеб омывали его, как весенние ручьи омывают камень.

Воля качалась на непослушных ногах. С усилием она шагнула вперед, отводя назад руку. Лезвие выдвинулось только наполовину и застряло. От усилий хозяйки вытолкнуть его, оно печально заскрипело, но Воля не обратила на это внимание. Охваченная материнским гневом, она выбросила руку вперед и рассекла пустоту. ЛПВВ уже ушло. Воля, не совладав с инерцией, упала на пол и застонала сквозь зубы. А потом покачала головой.

Вскоре она уже с молчаливой решимостью чинила себя на собственном троне. Она будет делать это столько, сколько понадобится. Неважно как часто ее будут разбивать и калечить.

Воля неискоренима.

Голова Никаса лежала на коленях Котожрицы. С помощью Солнышка, они забрались очень высоко, оставшись вдвоем на белой крыше, которая теснила само небо. Несмотря на высоту, здесь царило почти полное безветрие. Изредка легкий ветерок приподнимал локоны рыцаря и прикасался ко лбу Никаса холодными пальцами.

— Тебе нужно уснуть, но, засыпая, думать о человеке или людях, которых хочешь увидеть, — почти пропела Котожрица.

— Это будет просто сон? — спросил Никас.

— Вы встретитесь во сне. Если они спят, то это будет сновидение. А если бодрствуют, то греза, наваждение. Но это будет именно человек, его разум, а не твоя фантазия.

— Я понял, — Никас потерялся затылком о ее колени. — Осталось только заставить себя уснуть.

— Используя силу Пушистых богов, я передам тебе их благословление, — очень серьезно сказала Котожрица. — Благородную сонливость. А теперь сосредоточься на своих любимых, а я напою тебя из кубка дремоты.

Аркас представил мать и Ольгу. Вместе. Как они сидят за столиком летнего кафе. Светит солнце. Официант только что принес два апельсиновых фреша. Они разговаривают о чем-то, прыскают журчащим смехом, словно рассыпая хрусталь. Как это умеют женщины. Они сегодня собираются пойти в кино и по магазинам. А он будет их шофером, притворно вздыхающий, но довольный, что все хорошо, что они вместе, и это время великого счастья закончиться нескоро. Может быть, никогда.

Котожрица массировала его голову странно покалывающими пальцами, что-то мурлыкая. Никасу показалось, что в него действительно вливается баюкающая сила. А потом его рук коснулись мокрые носы. Они благосклонно обнюхали его. Кто-то свалился справа у плеча и принялся урчать, вылизываясь перед сном. Руки стали ватными. Другой призрак улегся в ногах, удобно положив подбородок на человеческое колено. Ноги онемели. Третий устроился на груди и дыхание Никаса замедлилось. Стало глубоким и спокойным.

Затем Котожрица поцеловала его в лоб.

Никас захлопнул дверь кабриолета, снял с себя пиджак, оставшись только в легкой кремовой рубашке, и закинул его на заднее сиденье. Он полной грудью вдохнул нагретый, но еще свежий воздух поздней весны. А потом пошел по красиво выложенной тропинке в сторону кафе. Он с удовольствием разглядывал аккуратно подстриженные кусты, в которых шмыгали разноцветные птички. Декоративные статуи из железных прутьев. Флажки с забавными картинками.

Где-то шумел искусственный водопад. Жужжали шмели. Хлопали теннисные ракетки. Играла музыка, тихая настолько, чтобы не выбиваться из гармонии фоновых звуков.

Аркас медленно, предвкушая встречу, обошел белое с зеленым, здание кафе и вышел на террасу. Он услышал голос матери, которая рассказывала что-то Ольге. У Никаса заколотилось сердце. Он не видел их столик из-за ажурных перегородок, но они находились буквально в десяти метрах. Что он скажет? Как начать эту безумную историю. И, главное, как закончить?

Мама, Оля, простите. Я никогда не вернусь. Я спасаю человечество от негатива. Может на стол забраться, чтоб повнушительнее? А может соврать что-то? Но что? Куда я мог

уехать, так, чтоб ни одной весточки? Что я за сын? И друг.

Нет. Как ни безумно это звучит, но я должен сказать правду. Что я попал в место, — он прошел еще одну перегородку, — особое место, из которого не возвращаются. И что там я обрел цель, — еще перегородка, — особую цель, от которой нельзя отказываться. Не печальтесь обо мне, — да сколько же их?! — ведь я делаю это, потому что люблю. Вас. Всех.

— Привет ма... — Никас застыл.

Он мгновенно превратился в собственную восковую фигуру.

— Привет, мой медовый пряничек, — улыбнулась Максиме. — Садись, я уже сделала заказ. Все как ты любишь: огромная чашка сопливого благородства. Я попросила официанта навтыкать побольше соломинок, чтоб ты мог втягивать его в себя как можно быстрее.

Никас молчал, не двигаясь с места.

— Что? — Максиме поправила ворот изящной алой блузки. Та уже отсырела в области груди и покрылась черными пятнами. — Ты сам пришел.

— Нет, — каркнул Никас. — Не может быть.

— Я сама немного озадачена, — женщина выпятила нижнюю губу. — По-моему мы уже все сказали друг другу. Или ты хотел просто напоить меня и развести на быстрячок в кустах? Я видела здесь беседку в глубине черемуховой рощи. Можем пойти туда. Да садись же ты!

Никас не сел, а рухнул на стул.

— Я ведь хотел увидеть мать, — проговорил он тоскливо.

Потом подался вперед и сложил руки на столешнице.

— Похоже, что нет, — Максиме потрогала живые цветы в вазе.

Они отшатнулись от нее, словно действительно были живыми.

Подняв ожесточившийся взгляд, Аркас глядел, как она достает булочку из корзинки, и нюхает, словно пробку от бутылки с дорогим вином.

— Я любила запахи еды, — сказала она с улыбкой. — Могла ничего не есть днями и не страдать от этого, но запах свежего хлеба сводил меня с ума. Муку привозили не часто. Иногда мы грызли сухари неделями. Мне-то ничего, но раненые не могли их раскусить. Приходилось давать им кашу из дробленого хлеба в воде. Но никто не жаловался. Все знали, что в других местах, ближе к фронту еще хуже. Гораздо. Там за эту кашу могли отдать отцовские часы с руки.

— Что это за война? — спросил Никас. — Из какого ты вообще времени?

— Для тебя я в любом случае гость из недалекого прошлого, — булочка была разломлена. — А война... Это была война нищих. Мой вертолет был единственным. Представляешь? Целая страна горит в гражданском конфликте, а раненых перевозит единственный вертолет. И тот подарен добрыми дяденьками из-за океана. Смешно. Эти дяденьки подарили его нам в обмен на ресурсы, которые выкачивали из наших земель. А наши лидеры еще и закупали у них оружие. Обе стороны. Это была война абсолютного, всепоглощающего безумия. В ней не было ничего человеческого, потому что воевали те, кому нечего терять, за крохи, не стоящие кровопролития. Ты когда-нибудь видел женщин, раздавленных траками гусеничной техники? А подростков, развешенных на деревьях, потому что они могли держать оружие? Детей, с болезненно раздувшимися животами, роющихся в мусоре, словно крысы. Их внутренности были закупорены пищевой пленкой, которая пахла чем-то съедобным. Они грызли даже консервные банки. Большинство умирало от кишечной непроходимости.

На стол, перед Аркасом, легло широкое блюдо с муляжом курицы, скрученной из

жирных, грязных и пахучих целлофановых пакетов. Рядом улыбочивый официант поставил стакан, на треть полный грязной густой водой.

— Приятного аппетита, — пожелал он елейным голосом и удалился.

Аркас медленно смахнул тарелку и стакан на землю.

— И теперь ты перенесла привычную среду обитания сюда, — мрачно проговорил он.

Максима хихикнула.

— Возможно. Об этом я не задумывалась. Считаешь, что я просто обставляю новое жилище по своему вкусу?

— Я думаю, что ты запуталась в своих целях, и уже не уверена в том, что мотивы твои достаточно серьезны.

Максима положила половинки булочки на стол, вздохнула, и откинулась на спинку стула.

— Опять ты за свое. Какой-то психоаналитический блеф. Мой ум, несмотря ни на что, упорядочен. Я точно знаю, Никас, что люди не заслуживают страстей. Они используют их во зло.

— Они... — Никас осекся. — Хорошо, давай не будем тратить время на бесполезные споры.

Максима воспряла и повеселела.

— А чем тогда займемся?

Никас встал, поднял столик, сбрасывая все, что на нем было на пол, и отшвырнул его в сторону. Потом припал на одно колено и протянул женщине руку.

— Я приглашаю вас на танец, мадемуазель. Вы ведь мадемуазель?

— По-моему, да, — задумалась Максима, улыбаясь до ушей. — Не вижу следов от кольца на пальце. Как и у вас, милсдарь. Вы свободны?

— В такой компании, возможно, что уже и заняты.

Максима расхохоталась.

— Тогда я согласна.

Она приняла его руку, и они оба выпрямились. Никас осторожно прижал ее к себе. В этот раз пятно на груди немного нервировало его. Казалось, Одиночество алчно присматривается к его сердцу. Но потом он отбросил этот страх, ему отвратительна была мысль, что он может как-то задеть своим отношением Максима.

Та положила обрубок руки на его плечо.

— Странновато, да? Ты когда-нибудь танцевал с девяноста пятью процентами человека?

Аркас усмехнулся и медленно повел ее, кружа, из террасы на зеленый луг. Музыка усилилась для них двоих, а солнце нырнуло к горизонту, чтобы закат нежно разогрел чувства.

— Ты гораздо больший человек, чем я, — сказал Аркас негромко.

— Что? — Максима положила подбородок на его плечо.

— Я говорю, что никогда еще не был так близко с кем-то настолько сильным. Воля рассказала нам, как ты смогла укротить Одиночество. Это... Слушай, может быть ты и есть символ того, что мы можем с ним справиться, если не будем поддаваться искушению пожалеть себя.

— Подожди, — Максима сняла белые босоножки и отбросила их. — Мягкая травка, ух!

Никас нетерпеливо притянул ее к себе.

— А я-то думала, что я символ трусости. Нежелания следовать путем героического самопожертвования.

— Позитив просто не знал иного пути.

Максима фыркнула.

— Нет, знал. Я иду по нему. Вопрос трусости здесь стоит очень остро, как мне кажется. Кто по-настоящему боится делать необходимые вещи? Я или они? Нужно уметь проигрывать, Никас. Они не умеют. Страх заставляет позитив думать, что правы они. Но прав тот, кто сильнее. Это истина, которую невозможно оспорить. Ведь речь идет не о грубой, невежественной силе. Это, помимо прочего, сила морального превосходства. Я стою выше вас, потому что знаю больше. Видела больше. И сделала куда больше.

Никас закрыл глаза.

— Как ты вообще оказалась пилотом спасательного вертолета? Ты ведь возила наркотики.

— До войны, да, — ответила Пророк. — Как-то раз я, в жопу пьяная, шла по улице и увидела девочку рядом со входом в хибару. Малышка просто сидела там, обхватив руками колени, а из дверей торчали женские ноги. Все в язвах. Я бы не обратила внимания, но что-то мне в этой девочке показалось знакомым. Знаешь, как будто в зеркало посмотрелась. Я зашаталась в ее направлении. В общем, оказалось, что ноги принадлежали ее матери. Приходил папа. Папа требовал деньги на дозу. Они долго ругались в дверях. А потом папа ударил маму. Вот и все.

Вокруг собирались люди. Они стекались со всех сторон, чтобы замереть в удалении, наблюдая за танцем. Никас искал взглядом мать, но — тщетно. Он встретился именно с тем человеком, которого звало сердце.

— Я дала девочке денег. А потом облевалась и вырубилась. Она накрыла меня какой-то дерюгой. Наутро мы похоронили ее мать. Я ведь жила среди этих людей, думала я. Они — моя плоть и кровь. Многие из них давали мне кров и пищу. И что делаю я? Меня затрясло, почему я стала такой равнодушной? Какое-то время я потратила, чтобы отыскать тех, кто помогал мне, и вернуть долг. А потом грохнула война. У нас и больница-то настоящая была одна на всю столицу. Я пошла туда, чтобы предложить хоть какую-то помощь. Им нужен был пилот. Иностранцы не хотели ехать. Я поняла, что это знак. И вот... Я начала спасать людей. Не как раньше. По-настоящему. Полюбила, почувствовала, что теперь я не одна. Что я кому-то нужна.

Люди вокруг начали меняться. Глубокие тени скрыли их лица, а позы стали сгорбленными. Они подняли руки перед собой, согнув узловатые кисти, словно ждущая стая крыс.

— Это негатив? — спросил Никас. — Зачем ты его привела?

— Он идет сам, — Максима не отрывалась от его плеча. — Ты все еще не понял? Он идет сам. Присоединяйся к нам, Никас. Ты ведь не герой позитива. Ты не сможешь организовать его так, чтобы составить мне конкуренцию. И ты не хочешь этого. Ты любишь меня.

Никас молчал.

— Мы пойдем вместе, выжигая все, что может болеть, — теплый шепот ласкал мочку уха. — И когда дойдем до конца, станем свободны. И все остальные — тоже.

Шипяще-каркающий хор вторил ей:

— Освободи нас!

В глазах Максиме была мольба. Искренняя просьба одуматься. Аркас почти физически ощущал притяжение между ними. Он не хотел отпускать ее обратно в темноту. Он готов был уничтожить весь негатив вокруг нее, готов был вытянуть ее из любой трясины, готов...

Предать позитив?

— Нет, — с сожалением произнес Никас.

Он ощутил скорбь, такую, словно разбил что-то неповторимое, что никогда больше не возникнет в первозданном виде. Он почти осознал себя неправым. Трусом, готовым терзать других ради беспомощных, затертых идеалов. Но потом за его спиной словно возник Все. Встала Котожрица. Выпрямился Неунывающий. Усмехнулся Альфа. Кивнула Воля. Улыбнулся Ригель.

— Нет, — снова повторил Никас.

Максиме медленно отпустила его, скользнув по щеке пальцами и начала отходить во тьму. Солнце, проведя по земле подолом алого платья, укрылось за горизонтом.

— Но я спасу тебя! — крикнул он неясному силуэту. — Я не отпущу тебя, Максиме! Я одолею негатив!

Тот бросился на него.

Кольцо тошнотворных оборотней начало смыкаться, опрокидывая беседки, снося качели, вытаптывая клумбы, расплескивая озерца. Никас размял плечи и расставил клешни как Шива, ожидая вечного врага. Он был готов к бою и предназначению. Черная масса ударила в него со всех сторон с силой, которая вызвала раскат грома.

— Сильнее, убогие вы переживания, надуманные проблемы, неудачи, которые никто никогда не вспомнит, бейте сильнее! — азартно ревел Никас. — Я знаю вам цену! Вы исчезнете, стоит только проявить силу характера! Вы ничто! Ничто!

Он разрывал их на части, избивая кусками тел прибывающих тварей. Трава сгорала в лужах кислотной крови. Аркас поднимался все выше, на горе булькающей плоти. Она испарялась удушливым туманом, и вскоре ничего не стало видно. Человека накрыла тьма. Он бил, резал и кромсал, пока не понял, что не чувствует сопротивления.

Тогда Никас огляделся и увидел Максиме. Она стояла в пятидесяти метрах от него. Уже в лохмотьях, сгорбившаяся, отчужденная. Рука Одиночества держала рукоять меча, полулежащего на земле.

— Подходи, — услышал Аркас. — Закончим танец.

Он рванулся вперед. И мчался как ветер, желая оказаться вплотную к ней. Ее улыбка была у него почти перед глазами, когда он почувствовал, что падает.

* * *

Котожрица, рыча сквозь зубы, держала его за руку. Никас болтался над пропастью, пытаюсь прийти в себя.

— Я не могу... — пискнула рыцарь. — Тяжело.

Черная лапа схватилась за край, и Никас подтянулся, перевалившись на крышу. Он тяжело дышал, закрыв лицо ладонями. Котожрица обняла его, прижавшись лбом к груди.

— Я не уследила, — произнесла она извиняющимся тоном. — У тебя была такая блаженная улыбка на лице, словно ты оказался в раю. Я расслабилась. А потом началась фаза какого-то кошмара. Ты вырвался из моих рук и побежал к краю. Я едва успела схватить

тебя.

— Прости, — выдохнул Никас. — Кое-что произошло, пока я спал.

— Это она? — догадалась Котожрица. — Она ворвалась в твои видения?

Последовавшая пауза заставила рыцаря поднять голову.

— Она не врывалась?

— Нет, — признался Никас.

Он отнял ладони от лица и сел. Котожрица пыталась поймать его взгляд.

— Ты хотел встретиться с ней?

Никас почувствовал стыд, разочарование и усталость.

— Я хочу помочь ей. Но не понимаю как. Не знаю, что нужно сделать. Если б я понял, как ее переубедить, вы все были бы уже в безопасности.

— Мне кажется, дело не только в этом, — Котожрица облизнула нос, глядя в сторону. — Она очаровала тебя. Ты колеблешься.

— Не говори так.

— Ты можешь встать на ее сторону в самый ответственный момент. Можешь?

Аркас взорвался.

— Я уже говорил, что нет! Потому что...

— Почему? — бесстрастно спросила рыцарь. — Я помню, как мы с тобой встретились. Как ты злился. Ты готов был оставить нас уже тогда.

Она рискнула посмотреть на него. Лицо человека было спокойным. Он смотрел на город, сложив руки за спиной, будто капитан, посетивший главную палубу.

— Что бы ни случилось дальше, — медленно сказал он, — я сделаю все возможное, чтобы спасти всех, кого могу. В том числе и ее. Я был эгоистичен, слишком восприимчив, слишком растерян. Но теперь я понял все. Уроборос дал мне возможность прожить несколько жизней, и я больше не держусь за существование. Я человек средних способностей, люди гораздо лучше меня погибали, жертвуя собой. Я должен умереть, чтобы дать возможность другим творить и дальше. Ведь они могут создать сущность, которая когда-нибудь одолеет Одиночество. Или, хотя бы, не дать такой красавице как ты исчезнуть. Чтобы встать на правильный путь, нужно лишь стремиться к добру. Нужно создать оппозицию негативу. Пусть даже ты будешь совсем один. Вы занимаетесь тем же самым. Поэтому я не предаю вас. Ты слышишь меня?

Вместо ответа, Котожрица вскочила и обняла его, вздрагивая от всхлипываний.

— Я вся принадлежу тебе и кошкам, — прошептала она. — Что бы ни случилось дальше.

Никас ласково погладил ее по волосам.

— Кстати, — он вспомнил о чем-то. — Я тут задолжал кое-что Неунывающему. Пойдем, отыщем его.

* * *

Подземелья цитадели были настолько глубоки, что сама Воля не могла с уверенностью указать, где их нижняя точка. Ее дети постоянно расширяли и усложняли свое жилище, делая его крайне запутанным. Это был лабиринт лабиринтов, термитник, чья королева была наверху, а не внизу. Его холодные коридоры, ходы и лазейки, были наполнены такой же

холодной жизнью. Механизмы взаимодействовали, создавая друг из друга что-то новое, чтобы порадовать мать, строили, разрушали, переделывали, постоянно занимая себя созиданием. Они не знали о своей цели, но Воля хотела увидеть, чего они могут достичь, будучи свободными. Выйдут ли они когда-нибудь, отрицая ее главенство, или всегда будут сидеть там, стремясь к совершенству. И каким оно будет.

К сожалению, теперь они были обречены, как и она. Но еще не знали этого. Они все так же ползали, перекачивались и шагали, создавая движение, такое приятное и обнадеживающее, хоть и непредсказуемое.

Но кое-где, в той самой, мифической нижней точке, все замерло. Там происходило что-то очень странное. На дне воронки, сохранившей следы от резьбы гигантского бура, застоялось отработанное масло, кислота и другие химические жидкости. Механизмы внимательно следили за ней разнообразными окулярами. Складывалось впечатление, что они чего-то ждали, хотя было совершенно непонятно, что интересного может случиться с этой отвратительной смердящей жижей.

Что-то шевельнулось в ней.

Окуляры подались вперед.

Зеленая чешуйчатая лапа медленно поднялась из жижи, словно рука утопленника. Она вцепилась в склон воронки и подтянула за собой остальное тело. Настолько гротескной твари не видели еще в этой цитадели. Раздался гомон машинных голосов и скрип шасси.

Существо ползло по склону, стряхивая с хвоста капли жидкости. Его не атаквали, потому что негативные сенсоры защитников не улавливали в этом чудище зла, несмотря на его вид. Оно преодолело последние метры одним скачком и предстало перед механизмами. Отдаленно напоминающее человека, оно было сильно изуродовано саркомами и разросшимися костями. От него исходил густой запах тины, гниения и смерти. Эта болотная тварь прибыла издалека.

Механизмы, анализируя его, начали прогнозировать, что не стоит оставлять такого заразного чужака в живых. Они наострили тысячи орудийных установок, одновременно сзывая своих братьев по внутренней связи. Огромный механизм, похожий на броненосца, протиснулся через туннель и занес длинные манипуляторы над уродством, посетившим их.

— Нет, — сказала оно приятным женским голосом.

Его грудь затрещала и разделилась напополам, а затем раскрылась, словно створки какой-то спасательной капсулы. Механизмы отступили, сканируя происходящее. Из красного нутра повалил пар, и показалась темнокожая женщина, одетая в военную форму. Она спрыгнула на землю, дружелюбно оглядев встречающих.

Существо позади нее, став чем-то вроде опустевшего скафандра, медленно завалилось назад и упало обратно в воронку. Тяжело скользя и подскакивая на неровностях, оно достигло дна и с шумом погрузилось обратно в жижу.

По цифровой сети механизмов пронесся сигнал, который можно было растолковать как: «чего?»

Женщина улыбнулась белыми ровными зубами:

— Могу я увидеть Волю?

Неунывающий и Все находились в штабе на стене. Позитивный прим выслушивал доклады офицеров и бригадиров, а старец разбирал какой-то мелкий механизм, который он сам добыл охотой. Его за это никто не пожурил, потому что было огромное количество дел поважнее. Все с превеликим любопытством откручивал гайки, снимал уплотнители и вращал пальцем шестеренки. Он так был захвачен изучением искусственной жизни, что не сразу заметил Аркаса и Котожрицу.

— Все, как у тебя дела? — спросила рыцарь. — Что ты...

— Узри же! — воскликнул тот. — Я объединил два начала! Мое и Воли.

И он встал с ящика, на котором сидел. Внутри что-то квохтало и шуршало. С торжественностью, которая воспламенила его глаза, Все сдвинул крышку и показал Котожрице странноватую сущность, напоминающую заводного цыпленка, с вкраплениями живой плоти. Клюв у него был металлический, череп покрывал маленькие лампочки, а вместо крыльев вращались колеса.

— Кудах! — высказался это чудесный гибрид и принялся стучать клювом по древесине, ровно выдерживая ритм.

Полетели мелкие щепки.

— А! — воскликнул Все радостно. — А-ха-ха-ха! Я сотворю новый вид! Сильный и сострадательный в одно время!

Он вдруг сгорбился и тяжело уселся обратно на ящик. Котожрица знала, что Все еще не до конца смирился с тем, что он просто сущность, созданная для определенной цели. Древнему образу было непросто принять это. Его сила была подарком людей, но он не мог пользоваться ей, потому что не принимал своей природы. Котожрица пыталась говорить с ним, но Все отстранялся, полностью погруженный в свои размышления.

Она села на корточки рядом с ним и погладила курочку.

Никас тем временем обошел группу образов, стоящих у стола Неунывающего и протиснулся прямо к его плечу. Тот как раз отчитывал за что-то начальника по снабжению.

— Так не годится! По плану вы должны были загрузить этот участок стены отрицанием давным-давно. А теперь я узнаю, что подъем только начат! Вы думаете, что негатив даст нам время раскачаться?! А, Никас, привет, ты что-то хотел?

— Давай отойдем на минуту, — предложил тот. — Я хочу поговорить. Это важно.

— Конечно, — кивнул Неунывающий. — Я сейчас вернусь, — остальным.

Они вышли через заднюю дверь дота, оказавшись в относительном уединении, среди ящиков и строительных блоков. Никас посмотрел в чистые, голубые глаза прима, согревающие искренностью и добротой, и сказал:

— Прости, я сломал твой меч.

— А, ты об этом, — Неунывающий почесал затылок. Потом похлопал по ножнам, в которых сейчас плотно сидел другой клинок, заметно уступающий в роскоши. — Да я не рассчитывал его потерять. Особенно накануне сражения. Особенно таким образом. Ты понимаешь, о чем я. Простите плохие парни, я буду сражаться ножкой от табуретки, потому что человек сожрал мой меч.

— Да, это звучит ужасно, — усмехнулся Никас. — В любом случае, я хочу исправить то, что натворил.

— Лучше того, что у меня сейчас есть, ты не найдешь, — сухо ответил Неунывающий. — Тот клинок был особенным. Воля выковала его для меня из чистой мотивации и света. Надеюсь, он был не слишком острым на твой вкус.

Никас снова не удержался от улыбки.

— Смешно тебе, да? — осведомился Неунывающий.

— Ладно, ладно, друг, прости, — Никас приобнял его за плечи. — Понимаешь, я могу создавать образы силой мысли. Я научился этому. В пределах разумного, — добавил он, увидев радостное изумление прима. — Я не смогу создать нам армию. Но вот меч. Достойное оружие для тебя.

Светлый воин недоверчиво смотрел на него.

— И что для этого нужно?

— Мои творческие силы, — Никас задумался. — Знаешь, когда я смотрю на тебя, ты сам напоминаешь мне оружие. Закаленное, заточенное, отполированное, верное. А ну, возьми меня за руку.

— Зачем?

— Просто возьми, так я смогу ощутить твою чистоту и крепость рукопожатия.

— Ты в конце не заставишь меня раздеваться, чтоб увидеть мою безупречную ковку?

— Надеюсь, до этого не дойдет, — пообещал Никас.

Неунывающий снял латную перчатку и протянул белую, как свет, пятерню. Аркас закрыл глаза. Он ощутил благородную мощь, доверху наполняющую рыцаря. Его открытость, преданность, силу убеждений. Он бы хотел иметь такое рукопожатие. Не оставляющее у собеседника никаких сомнений в твоей благонадежности.

В сознании Никаса появилось что-то. набросок, выступивший на бумаге фантазии. Это был длинный, узкий, почти как шпага, отливающий платиной меч. Он был идеально сбалансирован, остер как бритва, но безопасен для хозяина. Он был крепок, надежен, скромнен, практичен. Только его гарду, немного загнутую кверху, покрывали голубые, как глаза Неунывающего, самоцветы. Рукоять была снабжена кольцами кастета, чтобы воин мог бить врага по зубам, и не боялся, что клинок выпадет из рук.

А на вершине рукояти грозил всем маленький сжатый кулак — один из многочисленных символов воли.

— Это... — прошептал Неунывающий. — Я и подумать не мог.

Никас открыл глаза, потому что меч засиял в его сознании. И увидел его перед собой. Тот висел в воздухе, издавая тихий звон, словно какой-то волшебный артефакт. Его обрамляла тонкая аура света.

— Возьми его, — сказал Никас, отпуская руку воина. — Теперь он твой.

Неунывающий медленно потянулся к мечу. Тот качнулся в его сторону, словно признавая владельца. Рукоять мягко легла в ладонь прима.

— Он великолепен, — ошеломленно проговорил Неунывающий. — Это же...

— Это ты, — серьезно сказал Никас. — Этот меч такой, каким я тебя вижу. Каким ты, на самом деле и являешься. Я верю, вы оба не будете знать поражений.

— Спасибо, — негромко ответил прим, разглядывая подарок на свету Солнышка. Искры бегали по лезвию, словно хотели сорваться в бой. — Меч, выкованный Волей, был безупречен, но это оружие, созданное на моих глазах человеком, не знает равных. Мы, он и я, не подведем вас.

Аркас молча кивнул. Они сдержанно обнялись и похлопали друг друга по плечам.

— Никас! — донеслось из ворот дота. — Неунывающий!

Показалось взволнованное лицо Котожрицы.

— Ну что там опять? — спросили они в один голос.

— Воля прислала сообщение. Вы срочно должны идти к ней. Похоже, у нас еще один гость.

* * *

Эта сущность выглядела в точности, как ее хозяйка, но без злобного ока посреди груди. Когда Никас впервые увидел ее, вбежав в покои Воли, сердце его на мгновение упало, но потом он понял, что ошибается. Он рукой остановил Неунывающего, обнажившего новый меч. И покачал головой остальным.

— Это не она.

Воля стояла рядом с незнакомкой.

— Я подтверждаю, это не она. Но это и не образ. Впервые вижу нечто подобное. Негатива в ней нет абсолютно, хотя его примеси встречаются во всем, что есть в Многомирье. Я не понимаю, что она такое.

Как Никас за несколько секунд понял, что к чему, он и сам не знал. Наверное, все дело было в том, что привычный толчок: любви, сочувствия и безнадежности не потревожил его, когда он увидел знакомые черты.

Он медленно подошел к двойнику и спросил:

— Кто ты такая?

Лже-Максима улыбнулась ему. Никас внимательно смотрел на ее форму. Он узнал нашивки одной беспокойной страны, находящейся на таком же беспокойном, но прекрасном континенте. Он понял, что это была за война. И, по красному кресту, понял наверняка, кем была Максима. Припоминая прошлые обрывки информации, и складывая их воедино, Аркас мысленно составил картину ее прошлого, хотя важнейшей детали все еще не доставало. Он не знал, что ее сломало.

— Я — Совесть, — мягко произнесла гостя. — Отколовшаяся часть души. Меня потеряла женщина, которая известна вам под именем Максима. Без меня она совершает поступки, которые раньше вызывали у нее гнев.

Часть души? Никас чувствовал внутри себя странное покалывание и холод. Цинизм что-то бормотал, но не мог ясно выразить свое мнение.

— Ты можешь заставить ее вспомнить о принципах? — спросила Воля.

— Могу, — кивнула Совесть. — И сделаю. Я пришла, чтобы омрачить ее торжество. Я не хочу, чтобы в конце она ощутила радость от содеянного. Если это произойдет, вся ее история станет совсем не такой, как задумывалось. А пришла я издалека. Из мест, где было совершено первое преступление против Многомирья.

— Топи Безнадежности, — сразу же сказал Неунывающий. — Ее поход начался с этого. Ничего не скажешь, прогулка достойная уважения. Как тебе это вообще удалось?

— Жертва, — коротко ответила Совесть.

Никас мрачно усмехнулся.

— Еще один хороший образ погиб? — спросил он.

Сущность молча смотрела на него. Потом приблизилась и, не обращая внимания на предостерегающий окрик Котожрицы, погладила по щеке.

— Я чувствую эхо привязанности. Моя заблудшая хозяйка думает о тебе.

— Что именно? — Никас отстранил ее руку.

— Она жалеет о твоей смерти.

Котожрица не выдержала.

— Пусть пожалеет о том, что ждет ее! — крикнула она, подскочив ближе.

Медленно повернувшись, Совесть печально покивала рыцарю:

— Именно этим я и хочу наградить ее. Стыдом.

Появилось ЛПВВ. Все отшатнулось от хлопка и от нового вида полубога. Он сменил цвет на карминовый, маска Девела глубоко вросла в голову, а зародыши идей внутри него, теперь внимательно смотрели на присутствующих черными мышинными глазками. Никасу показалось, что они улыбаются, глядя на него. Криво, недоброжелательно.

Воля хотела напасть, но все эти непроницаемые пуговики разом обратились на нее, и непреклонный образ замер на полушаге, раскрыв рот.

— Оно поможет нам, — тихим голосом произнесло ЛПВВ, указав на Совесть. — Спрячьте это в человеке. И когда он сойдется с врагом, сможет увидеть его слабость.

— Что с тобой произошло? — спросил Никас у ЛПВВ. — Это маска Девела?

«Я оступилось», — услышал он у себя в голове. «В поисках силы для борьбы с Геноцидом, я перешло черту, которую само установило. Теперь я знаю о себе все. Я его отражение. Никас Аркас, я надеюсь, что погибну в схватке с ним. Не приходите ко мне на помощь. Ты слышишь? Не приходите. Клянись мне».

— Клянусь, — вымолвил Никас, не в силах спорить. — Как мне... — начал он устало, — «спрятать» внутри себя Совесть?

— Я стану незначительной частью твоего тела, — услышал он голос Максиме.

Никас коснулся уродливой язвы на голове, который раньше был его ухом. И нащупал хрящ, мочку, раковину. Все было на месте. Невинность же пропала, и никто в зале не мог сказать, что видел, как она исчезла.

— Когда придет время, — вновь услышал человек, потирая новообретенный орган, — я нашепчу тебе правду.

Первую атаку негатива удалось отбить быстро. Короткая волна пришла с одного направления, и быстро рассеялась в полосе препятствий, где ее уничтожили ловушки и автоматические турели. Было очевидно, что это даже не разведка боем, а просто визитная карточка Максиме. Короткое приветствие и предупреждение.

«Я здесь».

Напряжение в крепости стало осязаемым. Предбоевое оцепенение сделало воинов позитива неподвижными, словно спящими. Они сохраняли строй, выставив перед собой щиты, похожие на гигантов, что держали их на себе. Громкоговорители зачитывали литания дисциплины и бдительности. Их заглушал грохот пристреливающихся орудий, установленных в гнездах. Гигантские снаряды отрицания падали перед стеной. Каждый раз чуть дальше, вперед, или постепенно уходя в сторону.

Мрачные знамения в небе сгущали атмосферу обреченности. Темные тучи, сотканые из колючей проволоки, пытались закрыть Солнышко, но сущность испаряла их, весело хохоча и раздувая щеки. Тучи, однако, были слишком напористы, и свет начал меркнуть над крепостью. Затем Солнышко, успев крикнуть защитникам, что еще вернется, скрылось за неподатливым покрывалом из шипастых узлов.

— Есть проникновение через реальность, — сообщили из стратегического центра.

На крепости включились гигантские прожектора, осветив местность. В эти конусы света, с разных сторон вошли высокие и тощие, как башни, призраки, достающие узкими плечами до верхнего края стены. Их лица, вытянутые, словно птичьи клювы, оканчивались флейтами, которые издавали отвратительную шелестящую дисгармонику. За ними медленно, походкой безнадежно искалеченных существ, ковыляли измазанные нечистотами образы.

Флейты просвистели какой-то режущий уши приказ, и эти сломленные сущности принялись сдирать с себя корку грязи, обнажая серебристые доспехи.

Неунывающий, стоящий на самом краю стены, выдохнул через сжатые зубы.

— Это наши братья, — проговорил он негромко.

Механизм, парящий рядом с ним, застрекотал.

— Не дай остальным подумать так же.

Вскоре по периметру стены раздался уверенный голос прима.

— Враг пытается вывести нас из равновесия, используя примитивное внушение. То, что вы видите, всего лишь проекции. Участок «три», открыть огонь. Покажите остальным, что все это — фокусы врага.

Снаряды отрицания действительно ничего не могли сделать с призраками. Несуществующие тела пропускали их сквозь. Но дальше произошло нечто такое, что заставило всех защитников усомниться в словах Неунывающего.

Толпы израненных позитивных воинов пошли вперед, повинувшись новым трелям. Их количество было так велико, что вскоре они окружили крепость плотным кольцом. Продолжая идти вперед, они заваливали ямы, траншеи и ловушки своими телами. Сложный ландшафт перед крепостью становился ровным, мученики в пробитых доспехах находили долгожданный покой. Беспомощные перед роковой музыкой, они упирались в саму стену и падали, согнувшись от боли. Другие забирались на них, образуя целые валы. Их стоны, дыхание и мольбы поднимались вверх, как дым от пожара, становясь громче и навязчивее.

— Нет! — закричал кто-то на стене. — Остановите это! Остановите!

Поверженные воины позитива сооружали огромную насыпь из своих тел, ведущую к краю стены. Их невозможно было распылить отрицанием. Никто бы не отдал такой приказ. Максиме прекрасно понимала, что крепость не будет стрелять по своим. Это пошло бы в разрез с самым понятием позитива.

Эта хитрая гадина все продумала, произнес про себе Неунывающий. Никогда он еще не видел настолько угнетающей и жуткой картины. Пусть это будет просто наваждением. Вероломной иллюзией. Такого не может быть. Не может быть!

Насыпь перед стеной продолжала расти. Она становилась шире, многие падали с нее, и уже не в силах были карабкаться наверх снова. Они замирали у подножья, делая склон покатым, а подъем — легче для следующих. И все это продолжалось так долго, что защитники крепости успели несколько раз перенести приступы гнева и наплывов сострадания.

Армия летающих механизмов Воли, вылетевших из города, пыталась помешать происходящему. Они сталкивали одержимых вниз, но те в ярости хватали все, до чего могли дотянуться и разбивали, прижимали собственным весом. Стальная пыталась говорить с ними через динамики, но слова ничего не значили для этих безумцев.

В конце концов, на край платформы, надстроенной поверх щитов, легла окровавленная пятерня, царапнула ее и сорвалась. Кто-то не выдержал и рванулся помочь. Двое или трое. Еще несколько.

— Стоять! — крикнул офицер. — Не подходить к ним! Вернуться в строй!

Но было уже поздно. Желаящих помочь стащили за протянутые руки и столкнули вниз. Они долго падали, крича и кувыряясь, пока не увязли в шевелящейся массе и не сгнули.

Что делать, если они преодолеют стену, — думал Неунывающий. Что нам делать? Он хотел задать этот вопрос Воле, но вскоре стало понятно, что поток одурманенных прекратился. Они сделали то, что от них хотела Максиме. Ни больше, ни меньше.

И тогда призраки-музыканты исчезли, развеявшись на поднявшемся ветру, а их «крысы» — нет.

— Что это значит? — Неунывающий смотрел вниз, чувствуя смятение и гнев. — Они настоящие?!

— Жестокость Максиме не знает предела, — ответил механизм. — Будьте стойкими.

Неунывающий знал, что позитивные воины могут путешествовать между мирами, но никогда этого не делают, до конца преданные месту службы. И тот факт, что их смогли выгнать из уничтоженных домов и привести сюда, как безвольных марионеток, был для него невообразимым кощунством. Как и то, насколько цинично их использовали.

— То, что вы видите, это одна из самых вероломных и ожидаемых попыток, подорвать вашу решимость! — закричал он, обращаясь к своим воинам. — Максиме хочет внушить вам, что сопротивление бесполезно, что она уже сражалась с нами и победила. Но помните, что ее тактика всегда была трусливой и жестокой. Эти оскверненные сущности уже не то, чем были раньше. Они порабощены и безвольны, но перед тем, как уступить силе целой орды, они храбро сражались!

Защитники не откликнулись на его речь. Увиденное потрясло их сильнее, чем можно было рассчитывать. Они были в трансе противоречивых эмоций. Кто-то начал кричать от напряжения. Большинство склонили головы, чтоб не видеть этого кошмара.

— Реальность продолжает рваться.

Послышались далеки утробные вопли. Летя под самыми тучами, к крепости приближались изуверские сущности. Они напоминали мурен, с раздувшимися животами. Маленькие, почти невидимые из-за частых взмахов, крылышки, издавали гул.

Наконец-то, появилась цель, которую можно атаковать. Уничтожить, одолеть и высмеять, чтобы поднять боевой дух. Зенитные орудия крепости открыли огонь. Злые сущности вбирали в себя ярость защитников совершенно равнодушно. Снаряды отрицания разрывали их могучие тела, отсекая кровавые куски. Однако, ни боль, ни злоба не посещали их тупые клыкастые рыла. Они стремились вперед, овладевая небом, а потом...

Взорвались.

Одновременно.

Из них полетели шутихи, взрываясь, хлопая, разбрасывая многоцветные искры. Небо, как луг, расцвело тысячью трещащих цветов, поглощающих друг друга и немедленно разделяющихся на десятки других. Они создавали стробоскопический эффект бесконечных вспышек. Солдаты на стене прикрывали глаза руками.

Это представление продолжалось довольно долго, а потом огненные узоры осели, словно сверкающий снег, на невидимых струнах. Одна из них дрогнула, издавая низкий мелодичный звук. Еще раз. К ней присоединилась другая. Вскоре крепость осталась наедине со странной меланхоличной музыкой. Она отыскивала и пробуждала воспоминания о самых темных днях жизни.

Где-то в глубине города, Никас открыл глаза, отвлекаясь от внутреннего противостояния, и прислушался.

Кроме фейерверков, чудовища просыпали крупное квадратное конфетти, ленточки и лимонные конфеты. Сейчас они засыпали ноги и плечи защитников. Кто-то приподнял над собой щит, по которому негромко барабанили леденцы.

— Спасение пришло, — заговорила Максиме поверх музыки.

Ее голос зазвучал тихо, но каждый услышал и каждый, всего на мгновение, — даже Неунывающий, даже Воля, — почувствовали покой. Мир. Желание сладко заснуть.

— Это не спасение! — крикнул Неунывающий. — Не слушать ее!

Затем зазвонили колокола.

Их было два. И звонили они один после другого, равномерно, гулко, неотвратимо приближаясь. Это был рок в худшем его проявлении. Воплощенное преступление. Заплечный груз всего человечества.

Геноцид.

Он появился в отдалении и на него нацелились все пушки крепости, но стрелять не стали. Потому что он нес кое-что, на вытянутой руке. Его широкая ладонь сжимала киль старого, давно погибшего парусника. Белые паруса безжизненно болтались на покосившейся мачте. На носу стояла крошечная фигурка. Одну руку она держала на бедре, а голубоватой клешней удерживала за гарду клинок Насилия.

И снова, Никас отвлекся от самосозерцания, словно кот, услышавший, как вздохнула мышь под полом.

— Мне нужно идти.

Воля посмотрела на него, но ничего не сказала. Ей было ясно, что он: знает, что это может быть ловушка, знает, что ничего не изменится, уверен, что вернется назад.

— Возвращайся скорее, — сказала она.

И не больше.

Никас покинул заготовленное убежище и побежал к стене. Довольно быстро он сообразил, что нужно бы ускориться, и мысленно представил у себя за спиной широкие серые крылья. Те мощно взмахнули, понесли человека вверх и вперед, а потом сложились: Никас упал на стену, кувыркнулся, вскочил и начал прорываться через строй. За спиной он услышал как Неунывающий успел крикнуть: «ты должен быть...».

Но он уже был на краю.

Увидев насыпь из копошащихся тел, Никас замер, не понимая как такое возможно. Почему те, внизу, не гибнут и не исчезают от ужасного давления? Неужели воля Максиме подкрепленная силой Одиночества, может противостоять законам Многомирья настолько хладнокровно?

Позитивные солдаты рядом с ним молились добру и свету. Никас слышал, как они умоляли высшую справедливость, стереть эту макабрическую тварь с лица Многомирья.

— Открывайте огонь! — крикнул Никас, удивившись самому себе. — Стреляйте из всего, что у вас есть, чего вы ждете?! Неунывающий, еб твою мать! Ты уснул?!

— Нельзя, — ответил он с правой стороны. — Они под белым флагом.

— И что?!

— Это против нашей натуры.

— О, гос-с-споди, — прошипел Никас, глядя, как приближается Геноцид.

Он был полностью открыт, его можно было расстрелять как мишень в тире, совершенно спокойно, эта туша поймала бы все снаряды.

— Ты должен быть с Волей! — наконец-то докричался до него Неунывающий.

Никас сбросил его пальцы с плеча.

— Я знаю. Я вернусь к ней. Но пока я не поговорю с Максиме, атака не начнется.

— Может тебе тогда не говорить с ней вовсе? — невесело пошутил прим.

Никас промолчал. Геноцид остановился в отдалении, даже не начав взбираться на заваленную полосу препятствий. Никас смотрел на него сверху вниз, а эта тварь — смотрела на него. Ощущение было такое, словно перед глазами разверзлась огромная яма, стены которой были выложены пронумерованными черепами. Падать в нее можно было бесконечно, глядя на то, как желтые кости полностью покрываются цифрами.

Потом что-то произошло, — наверняка Максиме приказала, — и титан отвел взгляд.

Пророк подняла над собой какой-то плакат с неровной надписью. Никас представил мощный бинокль, но мысли путались от волнения, поэтому он подтянул к себе тот, что висел на груди у Неунывающего.

— Что там написано? — спросил прим, невольно прижимаясь щекой к его плечу.

Аркас крикнул.

— Там написано: «Это твой последний шанс не быть педиком».

— Как грубо.

— Сейчас я уйду, — Никас вернул бинокль. — Она поймет. После этого, будьте готовы ко всему.

Он развернулся и прошел между расступившимися воинами. Те смотрели на него с надеждой, почти мольбой. К его рукам пытались прикоснуться, кто-то шептал слова благодарности. Никас кивал обращенным на него лицам. Он буквально знал, что Максиме сейчас криво усмехнулась и опустила плакат. А потом, возможно, забросила его в пасть Геноцида.

Сопrotивление негативу — это долг каждого человека. Каким бы ни был соблазн

поддаться ему, каким бы очевидным не было его преимущество. Защищая от него себя и других, мы должны становиться творцами, создающими между ним и полной победой — новые идеи, то за что могут зацепиться недостаточно сильные люди, скользящие вниз. Мы должны выставить перед собой одну руку, чтоб в нее вцепилась зубастая пасть, а второй — создавать небывалое. Пусть вас не найдет признание и благодарность, но если один, всего один человек, прочтет, посмотрит, прикоснется и сделает шаг назад от негатива, старания будут не напрасны.

* * *

Мир покрылся трещинами.

Они сыпались водопадами неискоренимого зла.

Бежали, летели и неслись огромными скачками.

Грохочущие орудия крепости были почти неслышны в гомоне и криках, словно плачь ребенка в центре грозовой бури. Небо завывало и ухало, рыжие молнии били из него, распыляя защитников и атакующих. Кольца защитных сооружений, вылезших из металлической утробы перед крепостью, захлебывались в наступающих волнах. Их грызли, терзали, заливали кислотой, давили ногами. В воздухе механизмы максиме расстреливали летучих мегер, и медленно расчленили бомбардировщики, несущие на себе кожистые капсулы. Из них выпадали мерзкие недоношенные тела, покрытые пульсирующими жилами.

Щиты крепости дрожали от натиска. Поднимаясь по насыпи из позитивных тел, чудовища бросались на шеренги рыцарей. Те останавливали их дисциплиной, самоотверженностью и отрицанием. Как не старались они, кое-где уже шел ближний бой, и отрицаниеметы сменили щиты, копья и мечи. Не давая негативу пробить строй, передние ряды смыкалась плотнее, а задние стреляли и кололи нападающих пиками.

На самых тяжелых участках вперед выходили чемпионы позитива, могучие воины, облаченные в доспехи выкованные Волей. Они возвышались над врагами, рассекая черные тела двуручным оружием, проливали свет позитива, и вдохновляли остальных. Солнышку, иногда, удавалось разорвать занавес скрежещущих туч, и тогда оно прореживало негатив гневными лучами света.

Крепость, казалось, делалась все меньше, под напором зла. Беззащитные образы внутри укреплений, пели в один голос. Текст песни был древним, он восхвалял Многомирье и бесконечные пути. Все, что было сейчас нужно защитникам, знать, что она никогда не прервется.

Неунывающий бился в первых рядах на стене. Новый меч не просто разрубал негативных тварей, он десятками распылял их вспышками доблести, которую источал сам хозяин.

— Страх нет! — кричал он, хотя его и не было слышно в шуме, дробящем воздух.

Черный смог от разлагающихся тел душил и дезориентировал. Прим позитива бил почти наугад, но, в нынешних условиях, этого было достаточно. Он гадал, где теперь Максиме. В самом начале, когда она призвала темные легионы, появилось ЛПВВ. Божественное произведение врезалось в титана, и тот выронил корабль из лапы. Тот упал в наступающий негатив и поплыл по нему, как по реке, но вскоре пропал среди волн.

Она могла быть где угодно. Даже внутри Крепости. У Неунывающего не было

возможности проверить это. Сейчас он мог только прикрывать своих воинов и держать стену, сколько понадобится. В любой момент негатив побежит. В любой момент Максиме найдет свой бесславный конец. Только бы не подвел Никас.

* * *

Геноцид ревел, исторгая плазму. Она на мгновение рассекала беспросветные потоки черных спин, уничтожала остатки защитных укреплений, плавил механизмы, вылезающие из раскрывающихся люков. Те, словно пятна ртути, качались и скользили посреди нефтяного озера негатива. Они стреляли, рвали и резали, иногда полностью погружаясь в толщу врагов и выныривая изрядно поредевшими, изломанными, но не сдающимися.

Гигантский механизм где-то под поверхностью, приподнимал спиной поле битвы. Его голова пробилась на волю, перемалывая негатив вращающимся алмазным буром. Он высвободил, оглушительно скрипя металлом, правое плечо и могучий манипулятор. А потом принялся крушить им все, до чего дотягивался. Вокруг него образовалось свободное место, куда начали стекаться механизмы поменьше, чтобы образовать защитный круг.

Но титан негатива заметил это. И ему это не понравилось.

Он обернулся к ЛПВВ, которое пыталось пробиться через его жар. Пузырь невероятного гнева окружал Геноцида. Он был перенасыщен насилием, которое учинял до этого. Сила, кипящая в нем, высосанная из беспомощных жертв, была неизмерима. Вопли в голове усилились во стократ, так много в ней было заперто поглощенных сущностей. Жалкое подобие божества, которое пыталось противостоять ему, было назойливым и жалким. Тот беспомощный удар, который оно нанесло исподтишка, даже не поколебал его. Он намеренно выпустил корабль из лапы, потому что так ему сказала госпожа.

Геноцид ударил ЛПВВ почти равнодушно, как он испепелял собственных рабов. Произведение отшвырнуло прочь. Оно рухнуло в негатив, подняв брызги отдельных тварей, и сгнуло.

Мрачный титан, по колению утопая в негативе, двинулся к механизму, который спланировал вокруг себя остальных. Он ворвался в кольцо оцетинившихся клинками конструкторов и смял их прочные тела как тончайшую фольгу, размозжил в сверкающую кашу, превратил в раскаленные кляксы, пожрал пылающим зевом.

Геноцид поймал тяжелый манипулятор метивший в него, выдержал напор вибромускулов, преодолел его, вывернул скрипящую конечность из сустава и потянул на себя, разрывая стальные тросы, просыпая миллионы искр и разливая машинное масло.

Манипулятор задергался и обмяк. Тогда Геноцид выбросил его, и прорвался к голове конструктора. Бур яростно вращался. Там, под поверхностью, были еще конечности, которые могли атаковать. Их нужно было высвободить. Металлические плечи ходили из стороны в сторону. Геноцид схватил алмазный конус обеими руками. Тот завизжал, прокручиваясь в тисках, размалывая слой копоти, угля и праха на ладонях титана. Повалил дым и пламя. Казалось, что Геноцид совершил непростительную ошибку, и его безумная самоуверенность сыграла с ним злую шутку.

Бур начал замедляться.

Он вращался все неохотнее, визжа задыхающимся мотором. Титан усилил давление. Голова крутанулась еще несколько раз, рывками, рыча, взвизгивая, словно не веря. А потом

что-то крякнуло, лязгнуло и остановилось в недрах механизма. Оплавленные руки рванули, сильнее, расшатали, рванули еще раз. Основание с грохотом выскочило из сферического паза, разорвав края. За конической глыбой потянулись рвущиеся кабели.

Геноцид поднял бур над собой.

Он не ликовал. Он был в ярости от того, что победил так быстро. Они все сдавались без сопротивления. Титан заревел так, что позитив на стене дрогнул, и его начали теснить. Через несколько мгновений в один из участков стены с силой метеора вонзилась брошенная голова сверх-механизма, раздавив часть защитников как гнилую хурму.

Ноги-колокола зашагали к цели. Вокруг разрывались снаряды отрицания. Они подбрасывали вверх бесформенные ошметки негатива, истлевающие в воздухе. Они даже пытались причинить вред тому, чьей силы не понимали. Геноцид игнорировал отрицание. Он был слишком явным и открытым.

Сзади что-то вклинилось в его ауру злобности. Раскрытая пятерня, дрожая от усилия, протискивалась сквозь осязаемую ярость. ЛПВВ, красное, как умирающее солнце, пыталось достать тело врага своего. Нерожденные сущности покидали его, вырываясь словно протуберанцы, принося свой нераскрытый потенциал в жертву. ЛПВВ становилось сильнее сейчас, но слабее в перспективе. Однако оно не думало о будущем. Его единственным желанием было погибнуть в бою с Геноцидом.

Титан раздраженно загремел железными внутренностями. Он резко, невероятно быстро для своего веса, обернулся. ЛПВВ успело отскочить в этот раз. На спине Геноцида злость, раскаленным металлом, вытекала из пробитой шкуры.

Негатив за ним начал дымиться. Затем вспучиваться и кричать. Он разбился на отдельных тварей, которые пытались разбежаться. Что-то в глубине его поднималось. Черноту разметали акустические взрывы. Они, словно лопающиеся пузыри с громом, очистили путь для одинокого образа, который держал перед собой копьё, как штандарт. На потоках ревущего ветра, он воспарил над негативом.

— Я принимаю природу свою, — проговорил он раскатисто. — Я создан людьми и для людей. И я с благодарностью принимаю силу, которой они меня одарили. Я прошел по дну темного моря, чтобы себя закалить. А теперь встречу тебя, несчастное и злое дитя мое.

Все ринулся вперед и вонзил копьё в свежую рану на спине Геноцида. Он был ничтожен рядом с титаном, но в копьё его бушевали Изначальные молнии. Геноцид содрогнулся от злобного изумления и тогда уже ЛПВВ, не теряя времени, ударило в лоб. Пронзив слой гнева двумя сложенными ладонями. Оно буквально извергалось уходящими сущностями, словно вулканическое плато. Эмбрионы кричали внутри него, медленно перевариваясь, уходя в чистую силу.

Ладони проникли в грудь титана, пройдя через слои слежавшихся костей. Тот гаркнул, выплюнув плазму и сноп раскаленных частиц. Часть попало на ЛПВВ и начало прожигать его тело, но божество стойко переносило это, продолжая давить, пока хватало сил. Геноцид рывкнул еще раз, глядя на противника. Из его чугунного зева выскочила молния, прошедшая через все тело. Он дернулся, горящие провалы глаз будто бы гасли. Могучие плечи опускались. Кулаки судорожно сжимались, словно клешни умирающего скорпиона...

А потом он, молча, ударил ЛПВВ с такой силой, что снес тому верхнюю половину головы. Раздробил проникшие в него запястья и отбросил назад ударом колокола. Затем напрягся и белый поток металла вырвался из раны на спине, смывая Все, как песчинку.

— **Противодействуйте мне!**

В него снова полетели снаряды. Подоспевшие фаланги механизмов, продирались сквозь негатив. ЛПВВ поднялось из тьмы, словно оживший мертвец. Оно с трудом стояло на ногах. Из оставшейся части головы выползали слепые жгутики разбуженных существ. Разбитые руки истекали гаснущей силой.

— **Что ты можешь?**

Божество усмехнулось уцелевшим ртом. Оно раздробило остатки предплечий одно об другое, заострило, превратив в два лезвия. Рядом с ним из негатива выплыл обугленный, похожий на оскаленную мумию, Все. Он держал наконечник копья, деформированный, черный, как сам хозяин. Молнии вокруг него создавали сияющую корону.

Геноцид ударом руки отбил летящий в него снаряд отрицания и довольно загрохотал.

* * *

Неунывающий отсек голову трехметровой твари, пытавшейся пробить строй, а потом спрыгнул вниз, полностью окунувшись в негатив. Это было странное ощущение. Тот словно терял какую либо индивидуальность и становился жидкостью. Обжигающей, ядовитой, смертельной. И только встречая смелость и бесстрашие, рассеивался, и тогда с ним можно было бороться.

В толще врагов он видел, как они лишаются своей обобщенности, и резал, протыкал, рассекал, запрещая себе думать об усталости, смысле и возможном конце всего этого. Он забывался в боевом трансе и сам словно отдалялся от своих солдат, принимая испытание одиночеством. Неунывающий не хотел врать себе, что не боится его. Такая очевидная ложь не очерняет, она просто выставляет на посмешище. Все равно, что сказать: у меня сегодня отличный день.

О Максиме по-прежнему ничего не было слышно. Их план, ненадежный, опасный, не единственный, угрожал не сработать. Они полагались только на ее нетерпеливость. В сущности, они просто позаимствовали изначальный замысел позитива. Но Максиме ничего не стоило подождать, пока крепость падет. И «запланированный» прорыв не станет скорбной шуткой.

Где же она?

Вокруг никого не стало. Неунывающий обнаружил, что стоит в удушливом тумане разлагающихся тел. Рыцари с тяжелыми отрицаниеметами теснили негатив от его позиций, от его поредевшего, измученного строя. Бах-бах-бах! Артиллерия в клочья разрывала тылы. Мимо оглушенного схваткой прима прошагал механизм, похожий на орудийную платформу на трех ногах. Он пострелял куда-то вдаль, бухая массивными ступнями, а потом обратился к нему голосом Воли:

— Держишься?

— Да, Стальная, — Неунывающий выдохнул, опустив меч. — Дела идут неплохо, я бы сказал. Есть время сделать приседания, для общего тонуса. Этот импульсивный, дерзкий, поедаящий мечи человек с вами?

— Он говорит, что рад, что ты не сможешь напоминать ему об этом слишком долго, пушечное мясо.

Неунывающий рассмеялся, но быстро посуровел. Туман понемногу рассеивался, и стало видно, что происходит внизу. Посреди черного шторма бились Геноцид, ЛПВВ и Все.

Потрепанное Солнышко смогло еще на минуту разорвать сплетение железных колючек. Луч его, словно высоко-мощный лазер, ударил в плечо негативного титана, но тот даже не заметил нападения. Только злоба зашипела. Это был какой-то кошмар.

— Вы ее не видели? — спросил он.

— Нет. Никаких сообщений на этот счет.

— Она...

Она вынырнула из негатива как беспощадный глубоководный хищник. Хлопая разорванными парусами, Лазарь быстро приближался к позициям Неунывающего. Тот замер. В широко раскрытых глазах, прямо на чистой голубой радужке, оскалилось досками отражение проломленного носа. Корабль радовался встрече. Вокруг него поднимались волны негатива, глотающие отрицание. Бурун под килем высоко задрал носовую часть.

Максима стояла у основания бушприта, чуть согнув ноги.

— ...здесь, — прошептал Неунывающий. И закричал, обернувшись назад: — Разойтись! Разойтись!

Негатив, воодушевленный близостью хозяйки, несясь вперед, возвращая отнятое расстояние.

— Как только она пройдет, смыкайте строй! Все резервы сюда! Все! Чем больше негатива пройдет, тем сложнее будет тем, кто в Крепости!

Прим крутанул меч в руке. Успокоил дыхание. За его спиной войны нехотя расступались, образуя коридор для Максима. Раз. Два. Три. Четыре. Пять. Над ним с воем пролетело нечистое брюхо Лазаря, покрытое зубастыми полипами. Следом за ним пришел негатив. Неунывающий вновь оказался в потоке зла, обходящего его, открывающего глаза, протягивающего лапы. Он легко отрубал их, погружаясь в спасительный боевой транс. Только бы Никас не сплеховал... Только бы Никас...

Его клинок, не знающий преград, с лязгом врезался во что-то и отскочил. Огромный уродливый меч, покрытый картинами насилия, стоял перед ним, воткнутый в металл. А вокруг ширилось свободное место, словно поток негатива распирали изнутри пузырь. Возжегся странный голубоватый свет.

— Привет, красотуля.

Неунывающий, словно давно взведенная пружина, развернулся, рубя клинком по диагонали.

— Да чего ты такой агрессивный? — хохотнула Максима, отражая удар Рукой Одиночества.

Брызнули голубые пищащие искры. Они упали вниз, сияя и потрескивая. Неунывающий, ударил снова, они быстро втянулись в сложный фехтовальный танец, где один партнер словно пытался достучаться до другого. Максима парировала все его удары, иногда кончиком когтя, но всегда успевая увести меч в сторону или оттолкнуть его. Выражение ее лица оставалось насмешливым. Но это была не злая насмешка, скорее она потешалась над тем, что Неунывающий не может отнестись к схватке так же беззаботно как она.

— Дай угадаю, — говорила она, не сбивая дыхания. — Вы специально хотели пустить меня внутрь. Там меня ждет мой любимый добродей по имени Никас. Который хочет оторвать мне голову. Расчет был на то, что я нетерпелива, да? Это правда, я не собираюсь ждать, когда это там упадет последний защитник, вскинув последний меч в последнем салюте позитиву. Однако, я должна признаться, что ты с первого взгляда пришелся мне по душе, мой светлый пирожок с повидлом. Я хочу, чтобы ты заставил меня полюбить позитив.

Взялся за меня как следует, и отшлепал по заднице блестящей латной перчаткой. Поэтому я задержусь здесь. Я позволю тебе ранить себя, даже убить, если сможешь. Только представь, как ты обрадуешь этим свою мамочку.

В этот момент Неунывающий, превзошел сам себя и успел отсечь Максиме мизинец и одну фалангу безымянного на Руке Одиночества. Та оскалилась, парировала следующий удар, и врезала приму живым кулаком в челюсть. Тот вздрогнул и тут же ответил, но перед ним уже никого не было.

Все что он успел сделать дальше, так это выставить над собой клинок, подперев его конец второй рукой. Потому что все его инстинкты вопили об опасности падающей сверху, словно Дамоклов меч. Это он и был. Врезался рубящим ударом в тонкую светящуюся линию, все равно, что столовый нож в швейную иглу. Неунывающий не удержался, вскрикнул, а потом резко скользнул вправо, убирая пальцы от гудящего лезвия. Он отскочил почти к самой стене пузыря. К нему потянулись лапы, но Неунывающий отрубил их не глядя. Он неотрывно наблюдал за тем, как Максиме поднимает этот уродливый кусок окаменевших трупов и железа перед собой, как пушинку. Как пруттик для запекания зефира. Неунывающий отчетливо ощутил, как его тело становится белым, мягким, сладким цилиндром.

Внимательно следя за ее рукой, он побежал по дуге, с правой стороны. Максиме ждала его, закрывшись мечом по диагонали, словно перечеркнув свое тело. Прим попытался обмануть ее, кружась вокруг, меч его двигался рывками, сверкал, исчезал, появлялся снова. Жаждал уколоть, чтобы проверить, не солгала ли черная душа, чтобы подзадорить его, заставить сражаться в полную силу. В две полные силы.

Полоса бугристого железа злобно парировала каждый выпад. А потом Максиме сама открылась, и тонкое жало рассекло хламиду, все эти старые пахучие тряпки. И плоть.

Ткань размокла, словно бумага, побагровела.

Максиме, приоткрыв рот, слабо застонала на выдохе. Неунывающий совершенно оцепенел, увидев кровь создателя. Все в нем кричало: бей, бей снова, убей ее! Но он глядел как пятно, медленно меняя форму, ползет вниз. Как тонкая струйка застревает на пыльном колене врага. И откуда-то срывается одинокая капля.

Кап.

— Теперь ты веришь? — спросила Максиме нежно, как любящая мать. — Дерись лучше.

Неунывающий очнулся от транса и тут же ударил, сделал выпад, от которого закрипели все ремешки на его доспехах. Он метил в лицо, открытое, в правый глаз. Она не подняла меч, только недостаточно быстро подалась влево, и лезвие рассекло висок. Снова показалась кровь. У прима появилось необъяснимое ощущение, что он загоняет себя в ловушку.

Клинок Насилия рванулся вверх, Максиме прокрутила его над собой, закрыв глаза, словно от наслаждения, а потом атаковала. Неунывающий гаркнул, отведя удар в сторону. Отскочил, скользнул в сторону, завертелся как уж. Пол вокруг него раскрывался глубокими шрамами. Максиме оттеснила его к стене, а потом яростно, словно бык вошла в клинч. Они давили, совершенно обезумев от адреналина, клинки скрипели друг о друга, будто зубы.

Максиме побеждала.

Руки Неунывающего дрогнули, и Максиме оттолкнула его в негатив. Прим угодил в него, словно в густую смолу. Его схватили десятки лап и принялись рвать, царапать, терзать. Меч вырвали из рук, и тот пропал во тьме.

— И ты тоже, — сказала Максиме разочарованно. — Неунывающий. Слова. Ничего

кроме слов.

Прим, наполовину погрузившийся в негатив, закричал, его лицо осветилось внутренней силой. Он рванулся вперед и лапы чудовищ затрещали и лопнули, словно ослабшие путы. Неунывающий рванулся еще раз и припал на одно колено перед Максиме. Тяжело дыша, истекая сущностью из ран. Та улыбнулась и коснулась мечом его плеч.

— Так-то лучше. За стойкость, я посвящаю тебя в истинные рыцари позитива.

Неунывающий дико посмотрел на нее. Он резко встал. Часть доспехов с него сорвали, но нагрудник оставался на месте. Прим снял его, не спуская глаз с Максиме, связал ремешки, что-то вырвал из подклада и сделал импровизированный щит, горизонтально надев пластину на правое предплечье.

— Продолжаем? — спросила Максиме.

Неунывающий ответил, бросившись на нее. Максиме отшатнулась от тяжелого удара в живот, закрылась Насилием. Позитивный образ двигался как молния. Она едва успевала парировать его атаки. Край нагрудника врезался ей в ребра, колено, плечо. Максиме довольно постанывала, рассекая пустоту, которая должна была быть Неунывающим. На пол, вместо его головы, падали отрубленные кусочки доспеха.

Стены негативного пузыря пронзили серебряные мечи. Позитив пытался пробиться снаружи, чтобы помочь своему командиру. Они готовы были сомкнуть кольцо, уничтожив прорыв. Увидев это, Неунывающий сделался почти невидим. Неуязвим. Получая удар за ударом, Максиме кричала, но улыбка не сходила с ее губ. Опираясь на меч, она жадно наблюдала за тем, как позитив пробивается сквозь черноту. В ее глазах появились искорки чего-то теплого. Она могла бы наблюдать за этим бесконечно, но...

— Хорошего понемножку, — пробормотала она.

Удар Неунывающего рассек ей лоб и опрокинул на спину. Он склонился над ней, отведя назад руку с щитом. Край нагрудника зазубрился и стал по-настоящему опасным оружием.

— Ты же не ударишь лежащего, — выдохнула Максиме, протянув руку к его щеке. — К тому же женщину.

— Пусть меня проклянут все позитивные установки, но для тебя я сделаю исключение, — процедил Неунывающий.

Он подался вперед, полузакрыв глаза. Голоса позитивных воинов окликали его. Агонические визги негативных тварей были приятной музыкой, как и шипение отрицаниеметов. Все закончится здесь и сейчас. Тирании Максиме придет конец.

Рука Одиночества перехватила край нагрудника. На лице Максиме не было ни следа прежнего удовлетворения. Она была в бешенстве. Резко рванув щит в сторону, она сломала Неунывающему руку, а потом опрокинула его, вскочив на ноги как кошка.

— Ты совсем из ума выжил, блестяшка? — закричала она, брызгая слюной. — Хочешь, чтобы Одиночество вылезло прямо посреди твоих сладкожопых мальчиков-зайчиков?! Так далеко от Никаса? Так-то ты о них печешься, экзальтированный придурок? Решил убить меня самостоятельно, забыв о последствиях? Тщеславие и мстительность оглушили тебя, Неунывающий. Ты не справился. Подними щит.

Прим, сжав зубы, смотрел на нее снизу-вверх. Охнув, поднял сломанную руку, закрывшись посеченным изуродованным панцирем. Голубым, как его померкнувшие глаза.

Подняв Насилие, Максиме занесла его над собой, как тесак. Позитивные солдаты кричали, прорываясь внутрь. Но они не успевали. Чудовища разрывали их когтями-кинжалами, ломали мечи, откусывали головы. Теснили назад. Они не собирались отдавать

им этот коридор.

— Прости меня, Стальная, — прошептал прим.

Меч ахнул вниз, разрубив нагрудник и Неунывающего от темени до промежности. Клинок кровожадно загудел. Останки прима медленно кренились в разные стороны. На срезах полыхнул белый огонь, и рассредоточенный рыцарь позитива начал распадаться крупными искрами синего и белого.

Максима провела по рассеченному лбу пальцами, и стряхнула кровь негативу. Тот вспучился, почти взорвался, и последние, вопящие от горя, позитивные воины пропали за черной стеной.

— Кто не спрятался, я не виновата.

* * *

Котожрица наострила уши.

Что-то приближалось сверху. Что-то тяжелое. Оно билось о здания, сносило мосты, громило все на своем пути и трещало само. Ее засадный отряд приготовился, укрытый в коридорах, переулках и нишах. Здесь были даже те сущности, которые совершенно не подходили для битвы. Водянистые, словно медузы, покрытые антрацитовыми жилами глифы, парящие в воздухе. Паукообразные, радужные наркотические галлюцинации. Фракталы, издающие тихий перезвон. Различные химеры воде Натуры, но куда более мирные, охраняющие сны детей. Длинные и тонкие, как серпантин драконы. Охающие тучки, с глазами-звездочками. Из одной выглядывал затаившийся месяц, каким его изображали на средневековых фресках. Он озорно подмигнул Котожрице.

Да, — подумал она. — И я — тоже.

Никас придумал ей доспехи и оружие. Тонкие, но жесткие латы, покрытые орнаментом из мрачных кошек. И дробовик.

«Просто стреляй в сторону врага», — сказал он.

Она любила такие лаконичные инструкции.

«И береги себя».

Никас очень не хотел, чтобы она оставалась здесь. Он умолял ее пойти вместе в бункер Воли. Но жрица не для того вела этих отчаянных ребят по горящему, разбитому пути, чтобы сейчас оставить одних. Они потеряли все, включая собственные миры. У беженцев был только шанс отомстить. Погибнуть, но за что-то.

Аркас понял ее. Но вытянул клятву, что она не будет лезть на рожон. На их долю выпадет какое-то количество негатива. Если позитив на стене среагирует достаточно быстро, его может быть всего нечего. Среди них должна быть Максима — это уже куда опаснее. «Если она появится — беги. Беги так быстро, как только можешь. Не думай над направлением, просто чеши оттуда словно настеганная, словно цель твоей жизни — догнать собственную попу. Поняла?»

Котожрица улыбнулась.

Пошел странный дождь. Из древесных щепок.

«Что-то тяжелое» упало прямо перед их позициями. Оно еще несколько раз бахнуло израненными боками об углы зданий, расквасило нос о пластик, заменявший здесь землю, и застыло. Щепки и обломки сыпались вослед еще какое-то время.

— Это... корабль? — изумленно прошептала жрица.

Лазарь дергался и скрипел. Ему было очень больно. Мачта переломилась и смотала в узел паруса. Киль превратился в цепочку переломов. Борта измочалило и пробило. Но, в то же время, он был в восторге. Он попал внутрь Крепости. А перед ним был враг.

Натура вопросительно посмотрела из своего угла. Котожрица пожала плечами. Этот курган из растопочной древесины, казался живым. Что-то шевелилось в его центре. Что-то густое и мрачное, словно гигантский слизень. Оно пыталось на ощупь выбраться наружу. Поглядеть своими глазами на сладкое лоно Крепости. Расколотую палубу с треском пронзили перекрученные лопасти. Нос корабля разметала, треща разбитым стеклом, металлическая морда. Это был обгоревший, покрытый вмятинами кокпит вертолета. Он глядел перед собой разбитыми обзорными окнами. В них плескался негатив. Густая клейкая масса скрепила между собой обломки древесины и металлические культы, которые вытолкнуло нутро корабля. Быстро, болезненно дергаясь, Лазарь встал на девять неровных ложноножек. Озираясь как ящерица, он сделал рывок вперед и остановился. Потом еще один.

Котожрица, обомлевшая от страха и отвращения, пришла в себя от крика. Кто-то из ее воинства не выдержал и выдал себя. Это подействовало на рыцаря любви, как пощечина.

— В атаку! — закричала она.

Прятаться было уже слишком поздно.

Лазарь мгновенно уставился на нее, и его нутро завывло расстроенным движком. Ему наперерез бросились булькающие рыболоды в красных накидках и с трезубцами. Бегущие на человеческих руках глиняные блюда. Связанные нитями созвездия рубинов, испускающих тонкие жгучие лучи. А так же прочие чудеса живого человеческого разума.

Выглядело это неважно. Котожрица подумала, что эта сцена — последнее с чего можно писать батальное полотно.

Не в силах оставаться в стороне, пока самоотверженные блюда пытались засыпать Лазаря крохотными яблоками и грушами, Котожрица бросилась вперед. Корабль, хлещущий лопастями вокруг себя, словно стальными тросами, превращал рыболодей в горстки трепухи. На него налетела Натура, вцепилась в загривок и начала выдирать доски.

Котожрица вспомнила зачем Никас дал ей ружье, которое не нужно было перезаряжать. Она проделала несколько дыр в борту, из них выплеснулось машинное масло, смешанное с щепой и мелким металлическим мусором. За ней последовали образы из ополчения Крепости. Они окатили Лазаря отрицанием, тот стряхнул с себя Натуру, но попятился прямо под огонь защитных орудий, выглянувших из стен. Израненный, сочащийся жидкой ржавчиной и древесной трухой, корабль рухнул в открывшийся под ним люк. В бездонную ловушку.

Некоторое время все напряженно ждали продолжения. Ничего не происходило. Котожрица выдохнула, и ополченцы расслабились вслед за ней. Люди-бананы из какого-то давно сожженного мира, который Котожрица прошла в самом начале путешествия, приободрились. Они обнимались, сплетаясь кожей.

— Рано радуются, — буркнула Натура.

Она подошла к Котожрице, слегка подволакивая правую заднюю лапу.

— Мы неплохо справились, — ответила Котожрица. — Пусть обнимаются сколько угодно.

Ее руки все еще дрожали, и она крепче вцепилась в подарок Никаса.

— Я просто хочу сказать... — начала химера.

— Оборона прорвана.

Над головой химеры завис крохотный механизм. Натура саркастично покивала.

— Они идут с северо-запада, — продолжала Воля. — Ориентируйтесь на это направление. Их много. Закрыть прорыв пока не удастся.

— Кайфово, — буркнула Натура еще более мрачно.

Котожрица посмотрела на нее, но ничего не сказала. Она передала информацию командирам отрядов, стараясь говорить ровно. Партизаны разворачивали фронт на северо-западном направлении. Прятались на выходах из узких коридоров и улиц. Ополчение оборудовало огневые точки с тяжелыми отрицаниеметами, разворачивая переносные баррикады. Сначала она не хотела говорить им, что негатива будет гораздо больше, чем они рассчитывали. Надеялись. Но потом коротко предупредила об этом. Они только ускорились.

— Нам конец.

— Натура! — не выдержала Котожрица. — Перестань! Точнее: отставить! Это люди-бананы, понимаешь? Они мягкие и скользкие. Это все, что можно сказать про их боевые умения. Они видели, как их племя превращают в кисель! И все равно они готовы сражаться! Нас спасет решительность и самоотверженность. Так что хватит нагнетать. Хорошо?

Химера пожалала плечами, вздохнула, и отправилась вслед за жрицей.

Они миновали поворот за поворотом, отстав от основных сил. Котожрица прислушивалась к далекому грохоту на стенах. Крикам. Взрывам. Лязгу доспехов. На мгновение выглянуло Солнышко. Исполосованное острейшими шипами, оно продолжало улыбаться. Свисц! Свисц! Свисц! Оно стреляло светом куда-то за стену. Недолго. Колочая проволока опутала его как виноградные лозы и утащила назад.

— Бедное, — прошептала Котожрица, бессильно сжав кулаки. — Стой.

Она наострила уши.

— Ну что там? — недовольно обернулась Натура.

— Что-то движется вниз, — Котожрица склонилась.

— Это один из этих механических страшил Воли. Чего удивительного? Они тут везде.

— Обычно они молчат...

«Мы спасаем жизни, мы спасаем жизни, мы спасаем жизни».

Натура успела что-то буркнуть привычным тоном. Потом она исчезла. Ложноножка утащила ее, разорвав толстую техническую решетку в полу как бумагу. Жрица не успела даже выкрикнуть ее имя: Лазарь медленно выполз наружу, расширив дыру темными колыхающимися боками. Под кокпитом бесформенная пасть пережевывала что-то зубами-металлоломом. Монстр весь был покрыт кратерами от попаданий, сгорбился, покрылся ржавыми металлическими пластинами. От корабля остались только торчащие иглы сломанных досок и балок.

Слепой кокпит устоял на Котожрицу.

— *Мы спасаем жизни.*

Сказало оно клопочущим шепотом.

Котожрица выстрелила. Еще раз. Лазарь дернулся, заскреб ложноножками по новым ранам, резко боднул Котожрицу и бросился прочь, скрывшись между зданий. Через несколько секунд кто-то закричал в отдалении и сразу замолк. Рыцарь любви, мыча от боли, поднялась и с трудом побежала на звук, понимая, что эта тварь может уничтожить все сопротивление поодиночке. Отряд за отрядом. Ее рация была сломана ударом проклятого

чудовища.

Она протискивалась сквозь технические тоннели, пробиралась между могучих фундаментов башен, ориентируясь только на звуки борьбы. Два раза она успевала только увидеть металлический хвост с погнутым пропеллером, с которого стекала сущность. А кругом распотрошенные, разлагающиеся тела дузей.

«Мне его не догнать», — подумала она отчаянно.

Что же делать? Что?

— Вы не спасаете жизни! — закричала она, не понимая до конца свой замысел. — Вы убийцы! Бессердечные жестокие мясники! Вы никого еще не спасли! И не сможете, потому что не понимаете что такое «спасать»!

Она стояла на перекрестке, озираясь, направляя оружие то в одну сторону, то в другую. Ее уши поворачивались из стороны в сторону.

— *Ложь.*

Оно приближалось. Котожрица не могла понять откуда. С четырех сторон одновременно.

— *Ложь.*

С восьми.

— *Ложь!*

С шестнадцати.

Лазарь упал сверху. Он с грохотом приземлился, ударив металлом о металл. Котожрица отскочила в сторону, к стене. За ней помчался хвост, взломал бетон и распорол арматуру внутри. Образ нырнул вниз и выстрелил. Лазарь вертелся и шипел от боли, как змея.

«Его нужно увести прочь», — быстро подумала Котожрица.

Она продолжала стрелять, пока монстр не ошалел от боли, а потом побежала. Лопасть успела хлестнуть ее, почти снеся голову, но недостаточно точно. Срезала кусок уха и клочок скальпа. Котожрицу мотнуло к стене, но она не проронила не слезинки и побежала прочь от позиций партизан. Взбешенный враньем Лазарь, ринулся за ней. Не брезгуя вертикальными поверхностями, он напоминал ящера, преследующего юркого таракана. Снося оборонные системы, монстр, наслаждался погоней. Он должен был спасти Котожрицу, даже если она этого не хотела.

Обычно никто не хотел.

Он, с хозяйкой, прошел так много еще в том, прошлом мире. Тогда все было иначе. Их появления ждали, как сошествия ангелов. Раненые, покрытые кровью люди, благодарили его вместительное нутро. Он уносил их в безопасное место. А потом возвращался за другими. И так без усталости, почти без перерывов. Хозяйка никогда не уставала. В чем-то она была прочнее его металлических деталей. И надежнее.

Когда она создала его здесь, то установила новые правила. Лазарь не противился. Он готов был спасать жизни снова и снова, сколько потребуется. Но теперь нужно было делать это по-другому. Охотиться. Загонять. Резать.

Не удивительно, что теперь никто не хотел спасаться.

Они просто не понимали.

Иногда они везли безнадежных. Еще в пути вертолет чувствовал, как в брюхе появляются мертвецы. Перед этим они очень мучились. Лазарь помнил крики, которые хозяйка слышала даже через вой его мотора. Даже сквозь наушники. Каждый раз она сжимала зубы и гнала его что есть сил. Зашпоривала как скакуна. Он никогда на это не

обижался. Только начинал чихать, но она быстро приводила его в форму. Лазарь любил ее за это. За то, что она понимала, что он часть команды, а не просто летучая железяка. Каждый раз, заливая в него топливо, она благодарила и гладила его.

Хозяйка просто не хотела, чтобы люди надеялись напрасно. Не хотела, чтобы они страдали, ожидая спасения, которого не будет. В конце все умрут. Но перед этим потеряют себя, потеряют близких, потеряют все. Предадут свои идеалы. Найдут другие. Предадут их тоже. Человеческий разум это кренящаяся башня из хрупких компромиссов. С каждым кирпичиком ты становишься все безразличнее к тому, из чего строится эта башня.

А тех, кто говорит, что жизнь прекрасна, нужно безжалостно уничтожать. Их эгоизм и ограниченность невозможно осознать. Они настолько погружены в себя и свое «счастье», что готовы простить реальному миру что угодно. Любое преступление.

Страсть — наше проклятие. Она заставляет нас любить уходящее. Боятся неизбежного. Ненавидеть обыденное. Так в нем говорил голос хозяйки.

Если бы это существо, бегущее от него, просто набралось смелости и встретило спасение с благодарностью, глупой погони можно было избежать. Куда оно спряталось? Лживое неблагодарное существо. Где ты?

Котожрицу била крупная дрожь. Она ползла вдоль стены какой-то промзоны. Сверху была крыша из толстых балок и стальных листов, гигантскую площадь занимали многотонные станки, холодные и молчаливые, как надгробия. Конвейерные ленты и трубы пересекали пространство между ними. То тут, то там были свалены кучи отходов или шлаков. Проползая мимо одной из них, Котожрица увидела кусочек чего-то белого в бесполезном массиве.

Она протянула руку и взяла это. Мотивация. Ну конечно. Воля отдала все запасы этого бесценного ресурса гарнизону, чтобы они могли выстоять безумный напор негатива. Хоть какое-то время. После этого все производство было остановлено, а оборудование выведено из строя, чтобы не попасть в руки Максиме готовым.

Жрица проглотила находку и почувствовала тепло, желание жить и сражаться. Скакун Максиме успел отрубить ей левую кисть, и распорол бедро с той же стороны. Раны заживали, но медленно. Теперь процесс пошел лучше, чем когда либо.

Жрица прислушалась. Она уже давно не видела Лазаря и боялась, что тому наскучили кошки-мышки, и он отправился обратно к ополчению. Рыцарь приподнялась и на четвереньках прошмыгнула к одному из станков. Легонько ударила по нему дулом ружья. Что-то мгновенно отреагировало, пробежав между рядов недалеко от нее.

Нет. Он не ушел.

Хорошо.

Котожрица помедлила, набираясь сил. А потом бросилась, что есть силы между рядов машинерии, на выход из этой темной и мрачной ловушки, где ее рано или поздно найдут, используя только упорство.

Он мгновенно помчался следом. Попятам. Шепча что-то невразумительное. Врезаясь и разрушая контейнеры, вагонетки и металлоконструкции. Расшвыривая кучи шлака, прыгая по станкам, бросая хвостом котлы в след жрице. Тяжелые формы для отливки падали в шаг от нее и только кошачья реакция и прыгучесть еще берегли сущность. Она подпрыгнула и развернулась в воздухе, выстрелила в приближающийся кокпит, приземлилась и тут же шмыгнула влево. Взбешенный Лазарь пробежал мимо.

Что-то произошло. Там, наверху, за крышей, прогремело. У жрицы все волосы на теле

встали дыбом. Грохот, гул осыпающегося бетона. Она не могла знать, что это Геноцид в последней битве с ЛПВВ и Все выстрелил плазмой так неистово, что пробил стену и разрезал напополам главную башню города. Покои Воли повлекло вниз, вместе с верхней четвертью здания. Медленно, словно не веря, эта громада повалилась вниз, прямо на промзону.

Котожрица ничего этого не знала. Но она буквально крестцом почувствовала, что сейчас случится что-то очень плохое. Намного хуже, чем изнуряющее бегство от безжалостной твари.

А потом все сущее над ее головой превратилось в одно большое месиво. Пространство содрогнулось и ее подбросило в воздух. Сам дидакаэдр мгновенно проломил своей колоссальной массой крышу и врезался в пол, смявшись под собственным весом. Все вокруг заволочило пылью. Котожрица не могла видеть, но ощущала, как кругом падают куски бетона размером с автомобиль, а также листы железа и обломки балок. Оглушенная, она уже не могла слышать, как крыша рвется, словно старая сухая тряпка.

Что-то ударило ее по плечу с такой силой, что она не смогла даже понять насколько ей больно. Только мякнула и припала на одно колено. Только бы не потерять ружье.

Никас, я так хочу увидеть тебя еще раз.

Со сплющенного дидакаэдра сползла вольфрамовая грань. Она разможила десяток станков и погнала перед собой волну из металлолома, мусора и бетона.

Надо бежать, — вопил тонкий голосок в голове жрицы.

Нет. Сил. Больно. Шумно. Я не вижу ничего.

Она оперлась о ружье и встала. Остатки мотивации, растворяющиеся в ее сущности, помогли сделать шаг. Еще. Она пошла. Заковыляла. Потом ее толкнуло сзади, подбросило, зажалло.

В темноте мяукали кошки. Нет, — говорили они. Так не годится. Ты вернешься к нам. Нам нужна твоя жизнь. Возвращайся. Возвращайся. И эти раздражающие скачки по лицу. Кусания за пальцы. Царапанье пяток.

Котожрица облизнула сухим языком дрожащую скрюченную кисть и протерла глаза. Она не понимала, дышит она или нет. Было слишком больно, чтобы дышать. Вокруг еще держалась пыль. Но она видела, что лежит на куче бетона и стали снаружи промзоны. Ее ноги засыпало. Левая рука не подчинялась. А из живота торчала арматура, пробившая доспехи.

«Сколько у меня осталось жизнью?» — подумала она. — «Половинка половинки?»

Она не слышала, но видела, как его силуэт ползет к ней. Передняя часть. Из разрыва торчали какие-то связанные проволокой цилиндры, трубки и стучащие поршни. Лазарь дергался, разливался негативом и маслом. Ложноножки подтягивали его как амебу.

Ружье Никаса торчало из обломков справа от жрицы. Один лишь обломанный приклад. Котожрица потянулась к нему, но арматура не пускала. Изо рта брызнула светящаяся сущность. Она и свой крик не смогла услышать. Когда тянулась, разрывая внутренности, рыцарь бесшумно раскрывала рот. Может, это было к лучшему. Собственные предсмертные вопли, окончательно лишили бы ее сил. Пальцы с обломанными ногтями, сомкнулись вокруг остатков приклада.

Она тянула и тянула, ей казалось, что она само небо, пытающееся вырвать у земли сердце. Дробовик поддался. Он нехотя позволил вытянуть себя. Нехотя лег на бетон. И нехотя выстрелил. Мимо.

Лазарь лежал в нескольких метрах от жрицы. Ему было так же плохо, как ей. Он вытянул вперед ложноножку и с трудом проволоч себя еще на полметра.

Котожрица знала, что эта тварь сейчас шепчет. Он начинал делать это, когда приближался достаточно близко.

— *Мы... спасаем... людей...*

Жица выстрелила еще раз. В расколотый глаз. Прямо в темноту кокпита. Что-то вылетело с другой стороны располовиненного тела.

— *Мы...*

Выстрел.

Оставшиеся внутренности вывалились отвратительным спутанным узлом металла и слизи. Ложноножки скрючились, пасть захлопнулась. Лопасты, дрожащие как усики насекомого, увяли. Оно испустило дух. Крупные лоскуты начали отслаиваться, как обрывки пергамента.

— Спасибо, — прохрипела Котожрица. — Я как-нибудь сама.

* * *

Не было сил.

ЛПВВ не могло поднять руки от слабости. Не могло держаться ровно из-за ран и сильного течения негатива. Все пытался залить в него немного своего вдохновения, но внутри произведения уже сгорело слишком много ресурсов, и пламя было такой силы, что не замечало помощи. Оно уже вышло из-под контроля и не помогало, а поедом ело хозяина.

Перед ними стоял непобежденный Геноцид. Его силуэт тоже исказили раны. Колокола треснули, но все еще глухо звонили, когда он двигался. С торса осыпались кости и уголь. Проплешины чугуновой плоти были истерзаны, пробиты, и раскаленная сущность в них начинала краснеть по краям. Остывая. Голова скосилась вправо. Нижняя часть печи, что заменяла ему рот, была оттянута и разорвана. Из нее лились водопады огня и обгоревших черепов. Пальцы не сжимались в кулаки.

Казалось, что никто из трех уже не в силах продолжать бой. Что сейчас они просто упадут в негатив и тот укроет их, избавив от всех конфликтов. Но Геноцид сделал шаг вперед. С трудом: негатив уже не помогал ему, а точно так же отталкивал. Зарычав, ЛПВВ повторило его движение.

— Сейчас решиться все, — сказал над ним Все. — Я отдам тебе последнее, что сохранилось глубоко. Ты должен так ударить, что бы не встал он вопреки. Понимаешь?

ЛПВВ кивнуло половиной черепа.

Все поднял выжженные глаза к небу, призвал всю силу, всю веру людей, что еще переливалась в нем. И отдал ее ЛПВВ. Широкая, ослепительная трещина небывалой молнии врезалась в Произведение, наделяя его жертвенной силой Все. Это были грозные облака, дожди, расцветающие луга, плодоносящие деревья, звезды в небе, твари в воде, звери в лесу, люди под рукотворными крышами, ставящие рукотворные свечи перед рукотворными образами.

Естественное, природное и намеренное созидание.

Все исчез.

ЛПВВ почувствовало его внутри себя, в могуществе, которое разливается в

побежденном теле. Еще одна жертва, сторовшая в огне, отгоняющем тьму.

ЛПВВ шагнуло.

Бесконечная война должна продолжаться.

ЛПВВ шагнуло.

Мы благословлены конфликтом, который позволяет нам становиться и оставаться людьми.

ЛПВВ шагнуло.

Только борьба с негативом определяет нас как людей.

ЛПВВ шагнуло.

Только благодаря борьбе, мы знаем цену всему извечно хорошему.

Оно запнулось и чуть не упало в негатив, но удержалось. Геноцид тоже шагнул к Произведению, хоть и медленней. Они сошлись, и луч света упал на Произведение. Это Солнышко вновь смогло выпутаться из железных узлов и осветило происходящее. ЛПВВ отвело назад осколок руки. Титан негатива смотрел на него. И ждал.

В него устремилось копьё ранних весенних гроз, переходящее в молот летних штормов, примитивное, но искреннее понимание силы. Желание людей быть живыми, сытыми, здоровыми. Пение всех птиц. Крики всех зверей. Стрекот мельчайших насекомых. Течения рек. Недвижимость гор.

Геноцид поднял широкую, как остров ладонь, и поймал удар.

Острые пробило ее, разрушило, раздробило. Но ЛПВВ уже промахнулось. Его увлекли в сторону, с хрустом ударили в бок, в спину, и утопили в негативе. Титан наступил на противника колоколом и держал, пока Произведение не перестало дергаться. Оно утонуло в темноте и злобе. Чтобы не отвлекаться больше на недостойных, Геноцид навалился на ногу всей своей массой. Под колоколом треснуло и расползлось.

Не радуясь, — нечему было радоваться в такой мелкой победе, — он снова направился к стене.

Теперь его уже ничто не остановит. Некому выйти против.

— Нет! — завопили небеса.

Если б негативный титан знал, что такое смех, он бы засмеялся сейчас. Это бесполезное сопротивление бессильных и убогих, становилось комичным. Он посмотрел наверх.

Солнышко. Измученное терниями Солнышко грозило ему. В гневе оно засияло так, что железные тучи отпрянули прочь, оставляя небо. Негатив зашипел и замедлился. На стене, изнемогшие защитники встретили свет ликованием. Они врезались в замешкавшийся негатив и принялись теснить его назад.

— Пусть проклянут меня все, кто любит жизнь и удовольствия, если я позволю тебе пройти, — прогудело оно, пульсируя как пламенеющее сердце. По его пухлым щекам текли огненные слезы. — Вы отобрали у меня мой мир. Всех кого я любило, ублажало, нянчило, учило новому. У меня не осталось ничего, кроме сущности. И она ликует от одной мысли, что я могу сделать тебе больно. Сейчас я обниму тебя, как никогда и никого не обнимало.

Солнышко устремилось вниз. Оно несло как метеор, оставляя яркий след. Геноцид посылал ему навстречу потоки плазмы. Глубокие борозды распахивали круглые бока. Солнышко закричало:

— Я люблю вас! Я люблю вас всех! Запомните меня сексуально-полноватым!

Вспышка.

На мгновенье все замерло, словно батальное полотно колоссальных размеров.

Пренебрежительно смотрящий в сторону Геноцид, исчезающий в яростном клубке раскаленных газов. Негатив, гонимый в стороны взрывной волной. Почти уничтоженные защитники Крепости, уже потерявшие короткий прилив оптимизма, чьи колени сгибаются под натиском зла. Закопченные башни, по которым ползут проникнувшие в город чудовища, дым катастрофических разрушений, металлические спины оставшихся работоспособных механизмов.

А потом никто не смог удержаться на ногах.

Никас встал первым.

Он помог подняться нескольким позитивным рыцарям из личной гвардии Воли, а потом направился к ней самой. Стальная пребывала в трансе, посреди паутины проводов, подключенных к ее прекрасному телу. Она казалось куколкой, внутри которой подергивалась только что уснувшая гусеница. Никас глядел на нее, сомневаясь, удастся ли ему вообще разбудить ее от кошмаров реальности, что разворачивалась над ними. На лице Воли гнездились страдание.

— Воля! — позвал Никас. — Ты слышишь меня? Ответь! Я не хочу больше ждать, мне нужно выйти отсюда!

Страдание.

Тысячи приказов в секунду.

И все с привкусом отчаянья.

— Воля, это Никас! Я должен найти Максиме прямо сейчас, я чувствую, что она уже где-то рядом! Очнись на секунду и открой мне двери! Или я их выломаю!

Приоткрылись закатившиеся глаза. Воля согнулась, из ее отверстий хлынули дымящиеся жидкости. Они плюхались на пол густыми кляксами, скользили киселем по натянувшимся кабелям. Раздалось механическое шелканье, дребезжание и звон лопающихся струн.

— Ник. Ас. Это. Ты.

— Да, Стальная, да, это я! Прошу, открой мне ворота!

— Ник-ар-ар-ар-ас. Она зд-йе-йе-йе-сь.

— Об этом я и говорю... Господи, как же тебе, должно быть, больно.

Никас, чертыхаясь, пролез в дебри провисших кабелей, и взял Волю за лодыжку, как за руку. В этот момент в бункере погас свет. В темноте, человек услышал тяжелое дыхание и скрежет заклинивших шестеренок.

— Ник-ник-ник... Крепо-сть-ть-ть почти-йи-йи пала. Иди. Иди. Иди. Она. Оно. Приближается. Архи-ва-ри-ри-ри... Во-во-во-дит.

Металлическая лапа Архивариуса потянула Никаса за руку. Тот, понимая, что никак не поможет Воле, последовал обратно через кабели. Тихо попискивающий механизм вел его в полной темноте, через множество коридоров. Вслед за ними увязалось несколько гвардейцев. Они предложили Никасу помощь на выходе. Их фонари освещали путь.

У выхода позитивные воины встали по обе стороны от тяжелых створок. Архивариус принялся копать в какой-то настенной панели. Из него вылезло несколько дополнительных манипуляторов, и все они что-то смыкали, размыкали и перестраивали внутри сложной системы плат. Через какое-то время в убежище загорелся аварийный красный свет. Ворота загудели. Лампа наверху, то зажигалась, то гасла, выхватывая их темноты мрачное лицо журналиста, похожее на готическую гравюру.

Ворота начали открываться. Медленно, рыча приводами, вздрагивая от недостатка энергии, пропуская внутрь все больше дыма, гари и грохота. Раскрывшись на ширину трех ладоней, они остановились.

— Бип, — сказал Архивариус, повернувшись к Никасу. — Бип, буп.

Никас понятия не имел, что это значит, но решил, что ему желают удачи. Он кивнул в ответ и быстро пролез в щель, повернувшись боком. Налетел жар, удушливый дым и пепел.

Человек закрыл глаза предплечьем и закашлялся. Врата за ним начали закрываться. «Зря я выкинул шлем», — подумал Никас. Он попытался осмотреться. Перед ним держались последние, собранные впопыхах баррикады. На валах из обломков бетона, металлического мусора, тяжелых переносных щитов и жертвующих собой механизмов, последние защитники поливали отрицанием рвущийся вперед негатив. Тот походил на широкий поток мазута, разделяющийся на отдельных особей только у самых баррикад. И вид их был ужаснее, чем когда-либо. Все кошмары рода человеческого давали им вдохновение.

Город, насколько мог судить Никас, был на грани.

Он подбежал к баррикадам.

— Жертва! — крикнул ему позитивный рыцарь, возвышающийся на горе разлагающихся негативных тел.

Он был здесь единственным в серебряных доспехах. Усиленных, могучих, но уже опаленных, разрезанных в нескольких местах когтями-бритвами. Остальные образы были ополчением и беженцами Котожрицы. Они смотрели на Аркаса с благоговением, как вернувшегося из нирваны мессию.

— Кто-нибудь может сказать, где Максиме?! — крикнул в ответ Никас, почти не услышав себя. — Ее кто-нибудь видел?!

— Точной информации нет! — прогрохотал рыцарь встроенными в шлем динамиками. — Но бьюсь об заклад, она где-то впереди! Потому что эти твари становятся все яростнее! Умоляю тебя, скажи...

Его перебил залп из многоствольных орудий громадных механизмов, стоящих за баррикадами на трех паучьих ногах. Визг роторов и рев изливающегося отрицания бил по ушам. Никас не стал дожидаться окончания и начал подниматься по горе трупов к рыцарю. Тот подал ему руку и помог встать рядом с собой.

— Умоляю, скажи, со Стальной все в порядке?

— Ей плохо, — не стал скрывать Никас. — Очень плохо. Но она жива. И борется.

— Потому что она Стальная! — радостно воскликнул рыцарь. — За Стальную! За Волю!

Обороняющиеся ответили ему согласным ревом.

— Я должен идти к Максиме, — сказал Никас.

— Придется идти наугад, это опасно.

— Я знаю, но ждать больше нельзя. Наплыв негатива слишком силен. План провалился.

— Ты неуязвим, — рыцарь смотрел на него золотыми визорами. — Но помни, что негатив бьет в самую душу. Я бы пошел с тобой, клянусь, но не могу оставить пост.

Никас улыбнулся и ничего не сказал. Он хотел уже представить себя летящим, чтобы найти Максиме с воздуха, но ему не дали.

— Нет, — прошептало левое ухо. — Войди в страсть.

— Что? — опешил Никас. — Зачем?!

— Ты должен увидеть все сам.

Человек смотрел в темноту, а та — внимательно всматривалась в него. Негативные твари бежали мимо него, но, почему-то не атаквали. Нужно было войти в эту топь. В самое ничто. В ужасы и темень.

Никас сделал глубокий вдох. Выдох. Вдох.

Он нырнул.

Идти было невероятно тяжело. Негатив мягко, но чрезмерно давил. Никасу казалось, что он прокапывается сквозь толщу снега. Дьявольски холодного и сыпучего. Все чувства лгали ему. Зрение, осязание, слух, равновесие. Ногами он отталкивался от пустоты, видел пустоту, обонял ее и слышал. Словно в той пещере, после гибели Валентина, Никас оказался наедине с собой. И собственное я задавало ему неудобные вопросы. И глядело чужими глазами с поверхности подсознательного пруда.

Ты в действительности не хочешь всего этого, правда, Никас? Ты слабый человек. Тебе не пережить поход через негатив. Кроме того, ты безразличен ко всему. Ты так и не смирился с этой реальностью. Она не улеглась в твоей голове. Ты идешь вперед, потому что хочешь умереть. Да, побыстрее. Тогда остановись. Ляг. Мы все сделаем за тебя.

Никас не останавливался.

— Я иду, потому что хочу увидеть конец всего этого, — сказал он отражению на поверхности пруда. — Ты не прав. Я не безразличен. Я крайне любопытен. Я ж все-таки журналист.

Тогда негатив решил атаковать. Затекает внутрь через желание видеть и слышать. Заполнил череп. Заслонил сознание темными картинками гигантских пожарищ, руин, истязаний, подлости, смерти. Заострился, вытесал из кровавого минерала зазубренную иглу, и метнул сам себя в сознание человека. Но Цинизм накрыл разум хозяина лапой и отодвинул подальше от ужасов, способных сломить кого угодно.

— Я возьму это на себя, — прорычал он. — Иди.

Кошмары, насылаемые негативом стали размытыми. Их бешеный вой, доносился издалека. Никас не мог всерьез сконцентрироваться на нем. Пока он был в безопасности.

Он несколько раз терял сознание от недостатка воздуха, но его поддерживали невидимые руки воспоминаний. Котожрица была рядом, она держала его за предплечье, мурлыкала что-то беззаботное. Никас делал шаг за шагом. Когда давление становилось невыносимым, он падал на колени и ступал на четвереньках. Когда и этого не мог: полз как червяк. Извивался, кричал, но не мог остановиться. Не желал. Где-то позади оставалась Воля. Она почти умерла. Сначала Надежда. Потом Любовь. Но только не Воля. Он будет цепляться зубами, подтягиваться одной головой, но достигнет Максиме.

Что-то должно остаться.

Максиме, как ты не понимаешь?

Мы не можем отказаться от всего, только потому, что когда-то оступились. Нельзя уходить разрушителем. Нужно уметь прощать себя. Что бы с тобой не произошло, ты должна простить себя. Можешь смеяться сколько угодно. Я не могу не попробовать в последний раз.

— Ты почти у цели, — пошептало его левое ухо.

Никас почувствовал, что падает. Это было острое ощущение потери почвы под ногами, хотя ее давно уже не было. Что-то зашумело в ушах. В глаза ударил свет. Аркас упал на мягкое и сыпучее. Он покатился по горячему от солнца песку куда-то вниз. Несколько раз подлетел на камнях. Крякнул. Сшиб столбик и остановился, распластавшись как морская звезда.

Полежав несколько минут, он медленно перевернулся на живот, оттолкнулся от земли и встал на колени. Журналист оказался на границе некоего города. Небольшого, но плотно

застроенного. Вдаль от него простиралась саванна, которая оканчивалась странным туманом, застилавшим дальние земли. Редкие акации, желтая, высушенная трава, кустарники, песок. Никаса кольнуло чувство узнавания. Кроме того, ощущение какой-то неправильности. Реальность здесь была статичной. В светло-голубом выцветшем небе застыли птицы. Солнце безжизненно висело в зените.

Никас вошел в город. Тот явно не был придуманным, хотя нельзя было сказать наверняка. Дома были разнообразными, но Аркас замечал отсутствие мелких деталей. Все было смазанным, цельным, без трещинок в асфальте. Складывалось впечатление, что на город постоянно смотрели в отдалении. И хорошо запомнили только действительно крупные объекты.

— Вертолет, — прошептал Никас. — Она смотрела на него с высоты. Всегда с высоты.

Город был атакован. Никас видел разрушения, разбросанные по земле кусочки быта, трупы на улицах. Тощие, лежащие ничком тела в грязном камуфляже. Тела в обмотках и цветастых лохмотьях. «Как на Максиме», — подумал Никас. Кровью истекали и военные, и мирные жители. Застывший огонь прилип к стенам, выглядывал из окон, обнимал дома, словно спичечные головки. Аркас старался не смотреть на тела поменьше, скорчившиеся под тряпками матерей, пытавшихся защитить самое ценное.

— Любовью не прикрыть от пули, — сказало левое ухо голосом Максиме. — Любовь — тоньше бумаги.

Вскоре Никас увидел первых нападающих. Они приехали на колонне из старых джипов и грузовиков. Часть была подорвана и застыла посреди улицы раскуроченными железными жуками. Никас обошел стоящее на ребре колесо, которое катилось куда-то по своим делам, пока время не остановилось. Возле колонны еще оставалась часть нападающих. Это были люди, толще, здоровее и, очевидно, агрессивнее тех, кого они убивали. На них ладно сидела песочного цвета униформа. Много оружия. Ожесточенные лица.

Никас потерял глаза.

Нет, лиц у них не было. Были ужасные вытянутые морды с двойными клыкастыми пастьями. Это были негативные твари. То, какими их запомнили, наверное. Какими они были внутри.

— Ничего не скрыть, — прошептала невинность Максиме. — Ничего не утаить.

Аркас прикоснулся к автомату одного из атакующих. Дуло было горячим. Из него много стреляли.

— Много и с удовольствием.

Отсюда человек видел асфальтовую дорогу, перекрытую железными ежами и колючей проволокой. Судя по всему, дорогу эту яростно обороняли. Она вся была усеяна изломанными телами. Усыпана гильзами. Изрыта пулями и снарядами. Полита кровью. Она вела к чему-то критически важному. Защитники буквально вгрызались в горло врагу. Они лежали по два, по три человека на одном теле в песочной униформе. Как холмик муравьев, одолевший ценой всего, что было, одного огненно-рыжего захватчика.

За спиной Никаса что-то затрещало, словно панцирь чистого льда, расколотый силой реки. Он вздрогнул и обернулся. В хвосте колонны реальность потрескалась и начала проваливаться внутрь себя. Из неровной брешки вытянулась огромная чугунная глыба. Никас не сразу понял, что это рука. Он, потеряв способность двигаться, смотрел, как появляется бугристая оплавившаяся голова, как широкие плечи выдавливают осколки реальности. И покрытое ранами тело, вползает в этот мир, волоча за собой обломки колоколов.

А потом оно устало на Никаса, приподняв морду-печь, превратившуюся в месиво с одним единственным отверстием, из которого глядели огненные черепа.

— Ты! — грохнуло оно. — Ты не уйдешь!

— Лучше беги, — предупредило ухо.

— Гаццёво корóдо! — выразился Никас.

Он рванул с места так, что почти сразу запнулся о валяющийся на дороге бампер. Подскочил и понесся дальше, мимо схлестнувшихся людей, мимо гранатных разрывов, в его грудь били и падали спящие в воздухе пули, под ногами коротко поскрипывал мусор. Никас перемахнул через колючую проволоку, не почувствовав ее, благодаря костюму, оглянулся, и побежал уже как обезумевшее от страха животное. Животное, спасающееся от лесного пожара.

Потому что за ним, сметая, плюща, разрывая все на своем пути, ползло гигантское чугунное нечто. Оно локтями разрушало дома, стоящие по обочинам дороги, грудью превращало автомобили в лепешку. Изуродованными клешнями перетирало людей в кашу.

ЛПВВ проиграло?

Никас снова запнулся, пролетел по инерции вперед и неаккуратно упал на выставленные вперед локти. Чертыхнулся, быстро перевернулся на спину. Над ним нависал ненавидящий глаз. Падала вниз клешня. Аркас закричал и перекатился в сторону. Ударная волна подбросила его.

— Цинизм, сука, где ты прячешься?! — Никас свернул с дороги и побежал между домами, пересекая дворики с порхающими посреди перестрелки курами, мертвыми козами и прострелянным бельем, сушащимся на грязных бечевках. — Ты мне нужен!

Паразит не ответил.

— Он спит, — сказала ухо. — Копит силы. Помни, Геноцид не главная твоя проблема.

— Ах! — Никас едва увернулся от водопада кирпичей, которыми раньше был дом позади него. — Ну да! Я и забыл!

Так, ладно, — лихорадочно думал он. — Я творец. Я должен что-то такое сотворить, чтобы появился шанс не попасть к нему в лапы. Он утащит меня в какую-нибудь адскую дыру, и я никогда не доберусь до Максима. Что, что придумать?

Он попытался снова вообразить крылья, но те не хотели вырастать. Не хватало сосредоточенности. Слишком сильным было влияние негатива позади, чтоб оторваться от земли.

Ладно, Аркас. Ладно. Что еще? Нужно что-то маневренное и быстрое. Что-то вроде кроссового мотоцикла. Ты ездил на нем всего пару раз в Европе, но это не так уж и сложно: улепетывать от разрушителя миров по узким, почти непроходимым улочкам. Помнишь, как шок подорвал Самооценку и у тебя был очень простой выбор из двух вариантов? Ну, вот сейчас, то же самое.

Мотоцикл выглядел странно.

Очень.

Как двухколесный рогалик с очень неровными очертаниями. Впрочем, когда ты дымишься от адреналина, сложно требовать тонкости от воображения. Оно ехало, и этого было достаточно. Никас прижался к раме и гнал, стараясь не цеплять углы зданий. Нужно было возвращаться на дорогу. Спиной Аркас буквально чувствовал приближающийся чугунный кулак, а впереди что-то постоянно блокировало путь. Приходилось тормозить, объезжать, терять время.

На руль села Бабочка.

У Никаса не было времени удивляться.

— А, старые знакомые.

Насекомое, как всегда безразличное ко всему, непоколебимо сидело на месте и коротко помахивало крыльями. Дела сразу пошли на лад. Путь расчистился. Никас смог набрать скорость и гнал сейчас, словно по трассе. Он сделал большой крюк и все-таки смог вернуться на дорогу. Ехать пришлось по обочине, чтобы не нарваться на колючую проволоку, но это были мелочи. Пустяки, по сравнению с тем, что, позади, из кирпично-каменных волн, вынырнул этот треклятый левиафан.

Никас был почти у цели: в самом пекле, на местности перед трехэтажным белым зданием. Судя по символике, это был военный госпиталь. Забор, окружающий его, сломали. Стены раскурочили бронебойными снарядами. С центра крыши поднимался столп дыма, хотя непонятно было, что там могло так гореть. В окнах замерли люди в белых халатах. У них было оружие. Учитывая, что люди в песочной униформе виднелись в сумраке парадного входа, ситуация была критической.

— Вот черт, — внутри Никаса все похолодело.

Он въехал на импровизированный трамплин из бетонной плиты, попал во внутренний двор, резко затормозил и соскочил с мотоцикла. Бабочка порхнула к нему на плечо.

Журналист забежал в приемную, расталкивая тех, кто мешал. Замершие люди падали как гипсовые манекены. Пробежав через облако осколков, выпущенных разорвавшейся гранатой, Никас остановился в коридоре, не понимая куда дальше двигаться. Он видел, как негативные существа в песочной униформе вытаскивают из палат раненых. Пройдя по коридору, он убедился, что вытаскивали не всех. Иногда их убивали прямо в койках. Расстреливали аппаратуру жизнеобеспечения. Кое-где разливали бензин и минировали несущие стены. Навстречу ему катилось инвалидное кресло с заживо сгорающим человеком.

Никас схватился за голову.

— Вот блять, — он прижался спиной к стене. — Сука. Скоты. Вот...

Ударил по стене кулаком.

— Максиме! — крикнул он во все горло. — Максиме! Ты здесь?! Отзовись!

Придется заглядывать в каждую палату. И побыстрее. Этот урод скоро будет здесь. Никас собрался с духом, и побежал по всему первому этажу, проверяя кабинеты и закутки, в которых можно было укрыться. В туалете все заливала кровавая вода, хлещущая из разбитой сантехники. Изначально, она, конечно, была чистой. Окрасили ее те, кто пытался спрятаться в кабинках. В столовой все заволокло дымом из кухни. Там что-то горело. Видимо рванул газовый баллон. На некоторых столах, как на алтарях Ацтеков, лежали заколотые врачи. За прострелянными баррикадами из тех же столов, корчились солдаты. Фильмов что ли посмотрелись? Пара плачущих медсестер, накрывали собой забинтованных парней, поднимая вверх костыли, как знак... Того что сдаются? Что беспомощны? Напортив них застыли оскалившиеся твари. Никаких шансов.

— Максиме! — гаркнул Никас. — Мне очень жаль! Мне жаль! Да где ты?! Давай поговорим! Мы же любим говорить!

Наконец, он нашел лестницу наверх. По ней вниз кубарем катился солдат в зеленом со страшной раной на спине. Стреляли крупной дробью. Никас оббежал его, выскочил на пролет и, прыгая через четыре ступеньки, добрался до второго этажа.

— Нет, сука, нет, — Никас сжал зубы и закрыл глаза запястьями. — Нет!

«Детское отделение».

— Ты хочешь, чтоб я все это увидел сам, — прошептал он. — Хорошо. Ладно. Давай как следует вдарим в мое мягкое подбрюшье. Я знаю, что я из другого мира. Что я не пойму тебя. Что я сытый журналист из жирного спящего мира наверху. Но я знаю, что такое терять дорогих людей, ясно тебе?

Бабочка на его плече нетерпеливо развернула и свернула хоботок. В следующую секунду внизу раздался грохот ломающихся стен и дикий, утробный рев, который проникал сквозь бетонные перекрытия, как через фанеру.

— **Не уйдешь!**

Насекомое спряталось за воротник Никаса. Тот устоял на ногах и пошел вперед, покачиваясь из стороны в сторону. Штукатурка била по голове. Лампы отрывались от креплений, повисали на проводах, вращаясь и раскачиваясь, а потом с дребезгом падали. Брошенные детские шлепанцы с гербом в виде орла, подпрыгивали на трясущемся полу.

Никас смотрел.

Они увели всех в комнату свиданий. Тех, кто поменьше согнали в центр, толпой. Подростков оставили снаружи круга. Их использовали как столбики для колючей проволоки. Нападающие обмотали проволоку вокруг их ног, талии, шеи, протянули к остальным, повторили. Получился забор вокруг малышни. Очень плотно стянутый. Вряд ли они могли освободиться без посторонней помощи. Чем больше движений, тем сильнее врезаются шипы в нежную кожу. Тихие слезы, плотно сжатые губы, не верящие глаза.

Вокруг стояли равнодушные чудовища. Непонятно было, чего они ждали. То ли любовались делами рук своих, то ли хотели забрать кого-то с собой, но не получили прямых инструкций.

Никас бросился было освобождать детей.

— Нет, — сказала ухо. — Это ничего не даст. Все уже закончилось.

Никас отступил. Нужно было идти дальше. И быстрее. Он прошел мимо хирурга выскочившего из операционной. Его маску вбили прикладами в челюсть. В самой операционной, на столе, лежало что-то маленькое, окровавленное. Ассистенты закрывались руками от стрельбы.

Лысый мужчина в форме уборщика, пытался тушить пожар, возникший в конце коридора. Его расстреляли. Брандспойт извивался как змея, плюясь в нападающих. Те подставляли потоку спины. Пасти их были приоткрыты. Возможно, они смеялись. Никас, словно в трансе, пошел сквозь огонь. Он чувствовал жар, но это был гнев внутри. Цинизм просыпался и ворчал.

— Когда? Когда? Когда?

— Уже скоро, — отвечало ухо.

Никас поднимался по лестнице на последний этаж. Его заросшие впалые щеки подергивались. Глаза покраснелись. Пальцы сжались в кулаки. Он миновал последнюю ступеньку и сразу увидел его. Довольную негативную тварь с большим количеством знаков отличия на форме. И внушительном красном берете. Он тащил за собой Максиму, взяв ее за шею, длинными сильными пальцами. Та схватила его за предплечье. Из бедра похитителя торчал нож, но тот его будто и не замечал. За ними следовало нечто. Дымящееся, покрытое свежими ожогами. Темно-красные пятна пожирали светлую кожу. У него были прострелены обе ноги, но мужчина всерьез вознамерился догнать и освободить Максиму.

Некоторое время Никас смотрел на эту картину. Он не решался двигаться. Вмешиваться.

Как будто ждал, что кино, наконец, снимут с паузы и этот адский котел забурлит.

Но ничего не происходило.

Аркас подошел к Максиме. Ее рот был перекошен, белые зубы оскалены. Глаза пытались смотреть на того, кто полз следом.

Никас склонился над ней.

— Гав!

Он отшатнулся.

Максиме легко высвободилась из хватки, волокущего ее убийцы. Она сияла, глядя на реакцию Никаса. Потянулась, хрустнув позвонками, а потом с ненавистью ударила замершего негативного лидера Рукой Одиночества. Так, что у существа отвалилась голова. Темный оскаленный кочан ударился о стену и глухо состукал по полу.

— Пидрила, — резюмировала она. — Привет, Никас. Мой самый преданный враг.

— Ты... — выдавил тот. — Это... Все что здесь происходит...

Пророк молчала, глядя на него исподлобья, как волчица.

— Так все и было?

— Я не знаю, — женщина отвернулась.

— Ты же мне об этом рассказывала в кафе. Точно, об этом!

— Я придумывала на ходу, — сказала Максиме. — Мне так казалось. Я не понимаю, почему это место тут появилось. И как я в него попала. Я не уверена, что все это правда.

— И насчет него? — Никас указал на израненного человека, который полз, несмотря, на ужасные раны. — Его ты должна была запомнить! Ты только посмотри на него, он...

— Я провела над ним больше всего времени, — мрачно проговорила Максиме. — Мне показалось... На мгновение мне почудилось, что я знаю его. Что мы были близки. Любили друг друга. Но потом, я поймала себя на том, что выдумываю. Страсть, Никас, подхватывает расхожие мотивы и мгновенно раскручивает их. А если ты хочешь вспомнить, если тебя даже не нужно уговаривать, она способна подсунуть любую фальшивку, а ты и ухом не поведешь. Но так нельзя. Я говорю, что знаю. Я не помню именно этих событий. Людей. Единственное, что я помню — наверху. На крыше.

Она указала на покрытый трещинами потолок.

Аркас взял ее за плечо. Максиме удивленно взглянула на него.

— Тогда идем туда.

* * *

Крыша была усыпана металлическими обломками. Горели бензиновые лужи. Посреди посадочного кольца пылал синий с белым вертолет. Огонь, пирующий на его измятых боках, пытался слизать знак красного креста.

— Вот, — сказала Максиме. — Лазарь. Его я помню. Помню, что он погиб, но не знак как.

— Погиб, — повторил Никас. — Словно о человеке говоришь. Ты врешь мне, Максиме. И на корабле, и в кафе, ты говорила, что помнишь, как спасала людей. Ты работала здесь. Вывозила раненых с передовой в этот госпиталь. А потом война добралась сюда и жестокие люди, решили, что не потерпят места, которое не дает их врагам умереть. Так?

Женщина молчала.

— А тот мужчина внизу — твой лучший друг, — продолжал Никас. — Ближайший друг. Его толкало вперед очень сильное чувство. Возможно, ты не хочешь вспоминать его, потому что именно он взорвал Лазаря. Ему пообещали, что тебя не тронут. И он поверил. Ему был ненавистен этот вертолет, потому что ты постоянно улетаала на нем в такое пекло, которое ему и не снилось. Зато он видел тех, кого ты привозила. И я видел. В палатах под нами. Безногие, безрукие, обожженные бедолаги, покрытые трубками и катетерами, дышащие белыми искусственными легкими. Он не знал, вернешься ты или нет. Никогда не знал.

— Я вернулась, — сдержанно произнесла Максиме, но глаза ее сверкали. Она повернулась к Никасу и надвинулась, чуть наступив на его ступню своей ногой в шлепанце. — Вернулась. Для того, что бы он потерял меня навсегда. Я же говорю, Никас: нас научили, как работает любовь. Есть нотная грамота, где записаны все ля-би-моли. Мы охотно верим тем, кто хорошо к нам относится, чтобы потом выяснить, что любят не нас. А личное спокойствие и комфорт. Любят не тебя, не личность, которой ты являешься. Любят состояния, которые с тобой связаны. Нас обманывает страсть.

— Набор эмоциональных состояний и есть наше представление о человеке, — сказал Никас, выдерживая ее взгляд. — Не все способны смотреть дальше.

— Он знал, что для меня значит этот вертолет! — заорала Максиме. — Знал и совершил такое!

Никас схватил ее и прижал к себе.

— Вертолет, — процедил он. — А люди?

— А что люди?! — вскричала Максиме еще громче. — Для чего я их спасала? А?! Чтс бы их латали и снова отправляли на убой? Всех кого я спасла, так или иначе убили! Я вертела колеса, вращающие гигантскую шестерню, которая ни к чему не была подключена! Я любила их как детей, а они уходили, чтобы умереть! Все до одного! Ради страны, ради свободы, ради великого лидера! Жирной полоумной обезьяны, которая построила дворец на костях, набила его рабынями и ананасами! А, Никас, драть бы тебя в три прогиба с твоими внезапными озарениями! Какой ты у нас, пронизательный, оказывается, сраный хаваль!

Она оттолкнула его Рукой Одиночества. Журналист почувствовал острый, внезапный холод и оказался на бетоне.

— А я так хотела остаться злодеем без прошлого! — Максиме грустно улыбнулась. — Но оказалась здесь и все, сука, вспомнила. Откуда взялось это место?! Неужто Девел оставил его, чтоб подстраховаться еще раз? Ему мало было часов? Мало было тебя?! — взвизгнула она.

— Честно говоря, мне немного подсказали, — Никас поднялся и потрепал себя по левому уху. — Я, конечно, кое-что понял сам, но никогда не догадался бы, что тот тип взорвал Лазаря. Некрасивый поступок, я согласен. Кроме того, ты не упомянула, что, на самом деле, купила Лазаря на свои сбережения.

Максиме смотрела на него, как на сумасшедшего.

Тогда ухо Никаса пропало, и между женщиной и мужчиной возник призрак до боли похожий на одного из них.

— Это что еще такое? — прошипела Максиме.

— Твоя совесть, — произнес призрак. — Ты уже забыла про меня? И, правда, куда удобнее быть чудовищем, когда добровольно отказался от стыда.

Внизу снова завыл, загрохотал Геноцид. Здание качнулось, по нему прошла зловещая вибрация, как по шкуре умирающего животного.

— Ты так ненавидела их, — сказала Совесть. — Но взяла их оружие. Сама стала как они.

— Неправда! — отмахнулась Максиме. Она была не на шутку встревожена. — Они использовали его, чтобы править! Я хочу, чтобы он принес всем покой!

— Покоя не будет, — вмешался Никас. — Ты не успеешь уничтожить все. Одиночество погубит тебя раньше, какой бы сильной ты ни была.

— Я справлюсь, — тихо сказала Максиме.

— В любом случае, люди же не перестанут мыслить, — увещевал Никас. — За твоей спиной будут постоянно появляться новые миры, которые...

— Люди, наполненные негативными страстями, не мыслят! — крикнула Максиме. — Они ничего не создают! Когда негатив полностью заполнит Многомирье, часть умрет от психологического шока. Часть покончит с собой или убьет ближнего. А часть перегорит, перестанет чувствовать что-либо. Власть страстей над нами закончится. Останется только разум.

— И сколько же людей погибнет? — наступала Совесть. — Ты готова пожертвовать ими?

— Да, — без колебания ответила пророк. — Так нужно.

— Но дети оставшихся в живых будут такими же, как их родители когда-то, — рассудил Аркас. — Все начнется заново.

— Вы меня не слушаете, — покачала головой Максиме. — Выжившая часть людей будет сама по себе мало подвержена страстям. Именно поэтому они и останутся в здравом уме. И передадут это качество своим детям, усилив его. Пока негатив будет пожирать сам себя, пока Многомирье будет возвращаться к состоянию нейтралитета, люди вовсе избавятся от генов, которые делают их чувствительными к страстям, чтобы выжить.

— Откуда ты это знаешь? — спросила Совесть. — Кто тебе это сказал?

Пророк подняла Руку Одиночества и указала себе на грудь.

— А ему это зачем? — не поверил Никас. — Для него это смертный приговор!

— Оно не боится смерти, — сказала Максиме. — Я научилась понимать его. Его разум как у ребенка, Одиночество не понимает последствий своих ответов. Оно появилось, когда нервная система какой-то несчастной обезьяны стала достаточно сложной, чтобы она смогла соприкоснуться со страстями. Первое, что поняла эта странная мартышка: я одна. Вокруг меня сородичи, такие же как я, но именно это и доказывает, что я одна. Я отделена от них и нет никакого способа нам слиться воедино. Разумеется, она не говорила это про себя. Это был, скорее, новый инстинкт. Одиночество — это инстинкт. Сочетание страсти и древней материальной традиции размножаться. Когда разделилась первая клетка, она дала начало этой катастрофе. Целое — стало множеством. Именно поэтому Одиночество существует в двух мирах одновременно. Как и Великая Гидра основных потребностей.

— И оно само тебе все это рассказало? — упавшим голосом спросил Никас.

Пророк кивнула.

— И много еще чего. К сожалению, даже оно не знает другого способа ослабить себя.

— Значит, тебя не переубедить? — Совесть приблизилась к хозяйке. — Никас, я задержу ее, но ненадолго. Успей сделать то, что должен.

С этими словами сущность бросилась на хозяйку и исчезла в ней. Та покачнувшись, ее лицо приняло выражение испуга и сильного замешательства. Геноцид внизу закончил терзать здание. Ухая ломающимися стенами, оно начало крениться в сторону. Максиме, все

еще не пришедшая в себя, успела прошептать: «что я наделала». Она вцепилась Рукой Одиночества в бетон, глядя вниз, на то, как Никас выпускает клешни Цинизма из спины. Несколько кратких мгновений они смотрели друг другу в глаза. А потом крыша раскололась пополам, разделив их.

На какое-то время они ослепли из-за пыли, поднявшейся кругом серым занавесом. Их понесло куда-то вниз, быстро и угрожающе. Никас упал, его клешни бесполезно цеплялись за обломки и глыбы. Они накрыли его, пытаясь растереть в кашу. Но он расшвырял изломанные плиты быстрее, чем они перестали скрежетать и буйствовать. Вокруг еще катилось, падало и трескалось, а Никас уже бежал сквозь хаос.

Из пыли вынырнула голова Геноцида. Человек, не останавливаясь, врезал по ней тремя негативными кулаками. Чугун гулко откликнулся, из единственного глаза полыхнуло огнем. Потом эта неповоротливая машина сделала рывок, который невозможно было ни предсказать, ни уйти от него. Огромный локоть теснил журналиста назад. Тот упирался нижними клешнями в землю, а верхними давил от себя.

— Пусти меня к ней! — хрипел Никас.

— **Ты не достоин даже смотреть на нее!**

Они вырвались из пылевого облака. Аркас, понимая, что ему не совладать с остатками силы Геноцида, позволил тому подмять себя. Локоть ушел дальше, а человек схватился за плечо титана и пополз по нему на спину. Тот разочарованно охнул, и попытался перекатиться. Но Аркас шнырял по нему как крохотная полевка по телу быка. В исступлении Геноцид начал бить самого себя, пытаясь смахнуть человека. После каждого удара он злился все сильнее, боль распалаяла печи внутри него. Гнев на неукротимую малявку, гнев на то, что ему не дали уничтожить Крепость лично, гнев на то, что жизнь все еще не была искоренена, гнев на то, что хозяйка снова ушла.

Гнев, гнев, гнев!

Ослабленный схваткой с Все и ЛПВВ, а так же самоубийственной атакой Солнышка, Геноцид терял остатки самообладания. Огонь внутри него обратился сам на себя, как это бывало всегда. Геноцид, столп истинного зла, убивал других и себя одновременно. Неуязвимый, он был обречен гибнуть раз за разом от собственной силы. Это была его вечная участь. Темная ирония.

Разумеется, он воскреснет. Память о нем слишком сильна. Снова спутанный цепями, титан будет ждать освобождения. Люто ненавидя Многомирье и жизнь, во всех ее проявлениях. Но, даже погибая, заберет с собой всех, кого сможет.

На его груди появился циферблат.

00:30

00:29

00:28...

— **Я уничтожу жизнь!**

Никас замер. Крепость. Мы все еще где-то рядом. Какой силы будет взрыв? Котожрица. Воля. Нет! Он бросился к циферблату, понимая, что все бесполезно. Механизмы внутри этой безумной твари ему неведомы. Даже если он разорвет чугунную грудь, где гарантия, что это поможет?

Максима может приказать ему.

Но где она?

Он соскочил с ревущего титана и побежал обратно в пыль. Аркас тщетно рыскал среди развалин. Времени было слишком мало. Она могла быть где угодно. За сто миров отсюда. Сбежала, чтобы закончить начатое. Может быть, уже держит за горло Волю. А он застрял здесь, вместе с окончательно спятившим Геноцидом, готовым взорваться в любой момент. Никас останется в пустоте, неспособный найти выход в другой мир.

Из-за воротника выползла бабочка.

Она полетела куда-то, быстро махая крылышками, и Аркас последовал за ней. Только благодаря мельтешению насекомого, он смог увидеть выход среди перекошенных руин. Разлом в реальности.

— Вот черт!

Никас замедлился, но только на мгновение. И ринулся внутрь.

00:05

00:04

00:03

00:02

00:01

Чугунное тело покрылось вулканическими соплами. Оно раздулось, выплескивая из себя волны магмы и огня. Ядерные боеголовки выступали на поверхности как пот. В последнем крике слышался гнев, но и ликование. После него, по телу Геноцида прошла единственная красная искра.

Необозримая часть Многомирья, включая Крепость Воли, была стерта вспышкой раскаленной ненависти. Исчезла так, словно никогда не существовала.

* * *

Никас упал на растрескавшийся асфальт. Вскочил, носком ботинка разметав пепел, ползущий на космическом ветру. Путь встретил его мертвой линией, ветхой от ям и трещин. Теперь он не вел никуда. Забытая тропа посреди вымершего леса. Никас чувствовал растущую внутри пустоту. Крепость уничтожена, понял он. Почувствовал. Канатики скрепляющие его сердце — разорвались. У него не осталось ни надежды, ни воли, ни любви. Максиме добилась своего.

— Теперь ты можешь уйти, — сказала она устало.

Никас поднял взгляд. Пророк стояла возле двери. Его двери. Темной, железной. Щелкнули бесконечные замки. Она распахнулась, покачиваясь на ветру. Журналист увидел свою прихожую. Упавшую стойку для обуви. Двери в санузел. Поворот коридора на кухню.

— Мне жаль, что для тебя все так закончилось, — Максиме прятала взгляд, хотя всегда смотрела прямо. — Понимаешь, Воля все равно была обречена. Что бы вы ни предприняли. Невозможно бороться с негативом на истощение. Он всегда побеждает, потому что его больше. Признаюсь, я была неуверенна насчет тебя. Ты выбирался из всех моих ловушек. Я подумала, что, может быть... Но сейчас это неважно. Ты проиграл. Уходи домой.

Никас заметил, что его руки свисают как плети. Даже лапы негатива, болтаются как

уродливые лианы. Он заставил себя сжать кулаки.

— Куда ведет эта дверь?

— Домой, я же сказала. Воля уничтожена, Никас. Все твои «друзья» — рассредоточены.

Ты проиграл.

Аркас заскрипел зубами. Он почти закричал, что-то бессвязное, полное горечи и сожаления, но смог сдержаться.

— Уходи домой!

— У меня нет дома! — рявкнул журналист. — Я забыл его. Максиме, ты сама сказала, что я выбирался из всех ловушек. Насколько, думаешь, я успел поглупеть, чтобы попасться в настолько очевидную?

— Ты попадешь в место, где тебя будет ждать вечная радость, — проговорила женщина спокойно. В этом она не обманывала. — Целая страта только для тебя. Время там будет идти так, что ты проведешь вечность в наслаждении. Даже когда негатив уничтожит твое убежище, ты ничего не заметишь. Ты будешь веками летать и смеяться. Там будет Котожрица, которая заманила тебя на светлую сторону своими сиськами. Кто угодно.

— А ты? — спросил Никас, начиная приближаться.

— Надеюсь, что нет, — серьезно сказала Максиме. — Для твоего же блага, надеюсь, что меня там не будет. Даже мой призрак не удержится от разрушения.

— Если я не получу, что захочу, зачем мне такой мир?

Аркас подошел к ней вплотную. Краем глаза он глядел в прихожую. Она была как настоящая. Даже запахи. У каждой прихожей есть свой, неповторимый запах, как и у всей квартиры. Внутри шевельнулось желание сделать шаг влево и нырнуть внутрь. Затеряться в покое. Нырнуть под землю. И чтоб сверху насыпали еще больше.

Он сделал шаг влево.

Поймал осторожный взгляд Максиме.

Взялся за дверь.

Увернулся от удара ногой.

Оттолкнул Пророка.

Захлопнул дверь так, что вся иллюзия раскололась как мозаика.

— Как ты мне надоел! — воскликнула Максиме. — Что тебе нужно?! Нет буквально никакого способа, что-то изменить! Даже если ты заберешь у меня Одиночество, ты не сможешь прожить достаточно долго, чтобы появился кто-то подобный Девелу!

— Мыждемся его вместе.

Они молчали, глядя друг на друга.

— Что ты сказал? — медленно спросила Максиме.

— Я разделю Одиночество с тобой, — объяснил Никас. — Раньше во Многомирье не находилось больше одного человека одновременно. Но теперь мы можем попробовать разделить его сущность. Нам обоим будет легче нести всего половину.

— Что ты несешь? — изумилась Максиме. Она вдруг расхохоталась. — С чего ты взял, что это сработает? Никас, пойми, Одиночество не делится на дробь. Оно всегда — единое целое. Начало и конец. Замкнутый цикл. В каждом человеке рождается его маленькая копия, как только он начинает дышать. И как делиться им, если в другом человеке есть точно такое же зерно безнадежности? Обмениваться Одиночеством, говорить о нем, бесполезно, его количество останется прежним. Можно нагрузить кого-то своим. Чувствовать себя свободнее, зная, что человек зависим от тебя. Наслаждаться его попытками обратить на себя

внимание. Снисходительно позволять ему быть рядом. Это подло, мерзко, жестоко. Можно предаться мечтам о высшем существе, которое всегда с тобой. Это делает тебя ревнивым и нетерпимым. Можно заесть, забить Одиночество материализмом. Мертвая душа ничего не чувствует, ведь так? Есть еще те, кто выпрашивает сладкие пилюли внимания, чтобы облегчить боль. Ты видел их всех. И знаешь, что ни один из способов не работает. Рука Одиночества держит нас крепко.

— Есть еще забота, — сказал Никас. — Котожрица... — внутри у него резануло зубчатым ножом, — смогла найти средство, просто ухаживая за кошками.

— Нет, — отрезала Максиме. — И это бесполезно. Прячься от собственных амбиций чтобы Одиночество не могло грызть их, мы становимся трусами. Никас! Признаю, сначала я просто желала мести. Хотела утопить всех в негативе, который унес мою жизнь. Но потом я обрела идею. Поняла, что явилось причиной случившегося со мной. Я хочу избавить нас от страстей! Это ослабит Одиночество, сделает его пассивным без своей половины в Многомирье. Страсти перестанут грызть друг друга. Мы перестанем грызть друг друга. Да, это превратит людей в хладнокровных роботов, которые перестанут мечтать, а Многомирье в белый лист, в котором будут появляться лишь прямые линии, но сколько нам еще унижаться перед этой тварью внутри, раз за разом отдавая ей все самое лучшее? Унижаться, пытаюсь найти так называемую любовь. Унижаться, ожидая внимания. Унижаться, отказываясь от собственных желаний. Только для того, чтобы пришла толпа боевиков, которым приказали уничтожить все, что тебе дорого.

Максиме нервно смахнула слезу с щеки.

— Что ж, — сказал Никас, — выходит, что я его защитник.

Глаза женщины расширились.

— Я защитник Одиночества и страстей, — проговорил Никас негромко. — Я благодарен тебе за то, что ты обошла со мной так терпимо, хотя могла просто задушить во сне. Все-таки, ты хороший человек. Но я не могу отступить, даже зная, что жив лишь потому, что ты меня... жалеешь, наверное. Понимаешь, что я случайный очевидец. Раньше я таким и был. Но я путешествовал по Многомирью и видел, насколько оно разнообразно, хоть и наполнено мраком. А ведь я не узнал, наверное, и тысячной доли. Я не хочу, чтобы все, что было создано миллиардами людей, было уничтожено. Извини, я просто не могу позволить, чтобы ты решала за всех, как бы благородны не были твои намерения. И не потому, что я герой, а просто в моем крохотном мозгу не укладывается, что всего этого может не стать. Все во мне против такого конца.

Никас расправил клешни Цинизма, став странным, черным олицетворением солнца. Максиме грустно улыбнулась и подняла не законченный локоть. Его тут же продолжила Рука Одиночества. Призрачная и плотная одновременно, холодная, пронизанная темно-синими и черными канальцами.

Они молча ринулись навстречу друг другу.

* * *

Все Многомирье смотрело. Звезды-глаза не моргали, боясь пропустить решающий момент. Космический ветер, — дыхание, — стал быстрым, треплющим. Из пугающей пустоты прилетали странные эфемерные сущности. Туманности приблизились,

калейдоскопом сменяясь на фоне. Даже люди, все люди, что было их на земле, неосознанно присутствовали здесь крохотными светлячками, вспыхивающими на границе зрения. Осколок пути стал узкой, длинной ареной, которая предлагала только одно: беспощадную лобовую атаку.

Они двигались как две молнии, слишком возбужденные, чтобы замедлиться. Никас юлил, стараясь не расстаться с лапами, а Максиме буквально окружила его со всех сторон в одиночку, не давая выйти из боя.

Она настигла его, поймала ударом, от которого нельзя было сбежать, только пересилить. Пророк надавила на меч. Черные лапы пытались удержать грубое лезвие. Дуэт человека и Цинизма рычал от напряжения, эмаль на его зубах трескалась. Рука Одиночества была ошеломляюще сильна.

Клинок Насилия вырвался из хватки Никаса. Тот успел нырнуть вправо. Но две его лапы корчились на асфальте, как черви, на которых просыпали соль. Аркас балансировал на краю. Максиме, подняв меч, как пушинку, бросилась к нему. Пришлось нырнуть под удар. Журналист немного занимался фехтованием, но никогда не ходил на курсы противодействия женщине с двухметровым палашом. Сейчас он понял, что одного Цинизма и чувства обреченности, будет недостаточно, чтобы победить. Его постоянно отвлекали горькие мысли о Котожрице. Без Воли, у него исчезало желание сражаться.

Возможно, думал он, Максиме права просто потому, что сильнее. Это всегда было решающим аргументом, разве нет? Что есть у меня? Эгоизм и невежество?

Он услышал тихое кошачье мяуканье.

«Не сдавайся».

«Не сдавайся», — уже совершенно неожиданно произнес полузабытый баритон Девела.

Он увидел Маску. Она была среди изумительных существ, роящихся по обе стороны Пути. Ее обрамлял ореол из красных осколков. Это все, что осталось от ЛПВВ, — понял Никас.

«Не сдавайся», — услышал он голос Альфы.

Журналист ударил по мечу негативным кулаком и выиграл себе спасительный сантиметр, чтобы уйти в сторону. Потом Максиме схватила его за ворот живой рукой и так приложила лицом об колено, что он упал на асфальт.

Вот так-то, подумал он. Меня всегда надо подбадривать, как юниора, пытающегося забросить трехочковый после пятидесяти неудачных попыток. Он размазал льющуюся из носа кровь по лицу. А кто подбадривает ее?

Максиме пнула в висок. Не смотря на то, что она была в шлепанцах, Аркас чуть не потерял сознание. Хорошо, что она молчит, подумал он, отползая назад. Господи, как же хорошо, что она молчит. Я во всем хуже ее, ниже, слабее. Но она молчит. Интересно, что бы от меня осталось, если б ее не мучила сейчас совесть?

Проклятье. Мы жили так тысячелетиями. Да, не жили, а скорее выживали. Одиночество отнимало у нас последние крохи самоуважения, затыкало редкие альтруистические позывы, заставляло творить ужасные вещи, сводило с ума. Но ведь мы шли вперед. Часть из нас шла вперед. У нас есть шанс. Помни, Никас, Максиме тоже хотела, чтобы ты победил. Это слышно было в ее голосе. Она специально вела тебя самыми темными землями, чтобы испытать и проверить.

«Докажи, что тебя не интересуют обстоятельства», — прошипел цинизм. — «Просто дерись».

Он пропустил меч мимо себя, а потом, когда тот вонзился в асфальт, с силой вбил его еще глубже. Поднялся, хватаясь за него лапами, остановил правую руку Пророка и ударил в нос.

Она отшатнулась, но не отпустила рукоять. Оружие вырвалось из клина и злобно загудело.

— Ладно, — Максиме коснулась пальцами носа и слизнула кровь. — Пока ничья.

— Ты мне две лапы отрубила, — возразил Никас.

— Боюсь, мне придется отрубить все. А потом забить насмерть. Иначе ты не успокоишься.

— Мы с тобой похожи хотя бы в том, что не можем вовремя остановиться, — констатировал Никас, шмыгая кровавыми соплями. — Но, знаешь, о чем я подумал? Что меня беспокоит? Теперь, когда Воли нет... Насколько тебя хватит? Ты уже чувствуешь, как Оно просыпается?

— Воля, — повторила Максиме. — Я ведь должна была убить ее собственными руками. Это был бы такой эпичный момент. И символический. «Многомирье зиждиться на символизме». Но этот Геноцид... До сих пор жалею, что освободила его. Ему было насрать на все. Гнусная тварь, — она положила меч на плечо. — Дело не только в этом собирательном образе-жестянке. Есть еще сила характера и принципы. Я справлюсь, Никас. Кроме того, мне бы и двух минут хватило.

— Ты такая грубая, — Никас сложил лапы на груди.

— Перерыв закончен.

Ветер усилился. Он резал глаза Пророка и подталкивал Аркаса в спину. Многомирье помогало ему? Что ж, явно недостаточно. Они сходились, цепляли и ранили друг друга. Звон темных лап, ударяющих в меч, его свирепые ответы, тяжелые хрипы Никаса, глубокое дыхание Максиме. Путь крошился под их ногами. Росли трещины, через которые они обменивались ударами, словно разделенные судьбой. Арена становилась все меньше. Ее части расплывались в пространстве, как льдины подхваченные течением.

Им приходилось сходить все ближе. У Никаса осталась единственная лапа. Все остальные были отсечены. Его лицо и тело покрывали ссадины от быстрых ударов Максиме. Удар левой у нее был поставлен просто прекрасно.

— Почему ты просто не оглушишь меня рукой Одиночества? — спросил он, стоя на неровном краю асфальта. — Тогда, на крыше мне хватило одного толчка, чтобы полностью потеряться. Меня это не убьет, но...

— Убьет, — Максиме заметно опиралась на меч. — Там на крыше, я прикоснулась к тебе кончиком пальца. Но я не хочу, чтобы ты умер так, от его ледяного равнодушия. Как я уже сказала, никто больше не испытает то, что испытала я.

Асфальт между ними снова начал расходиться. А ведь им уже оставался крохотный обломок тверди. Никас закричал и перепрыгнул через растущую пустоту. Порок поймала его левой рукой, схватив за предплечье. Они оба закачались на крохотном кусочке тверди, обессиленные, истощенные. Никас прижал Максиме к себе, для устойчивости.

Или для чего-то еще? Он не мог понять, что чувствует к ней. Слишком противоречивые эмоции. Все что он знал: они стали вынужденными попутчиками. Двумя людьми, запертыми в одном купе, которые говорят о том, что видят в окне. Он был человеком, пытавшимся найти новое начало, она — стремящаяся к абсолютному концу. Никас злился на нее. За упорство. И одновременно восхищался им. Боялся, но понимал. Хотел одолеть и не хотел

убивать. Не было середины. Не было компромисса. Не было счастливого финала.

— Ну, — выдохнул журналист, положив подбородок на короткие колючие волосы вражеской макушки. — И что теперь?

— Теперь, — тихо сказала Максиме, — мы упадем.

Под ними разверзлось Многомирье.

* * *

Это было падение, которое ощущалось как невесомость. Никас не мог этого понять, но ему хватало и того, что не сходил с ума вестибулярный аппарат. Он отдыхал. Максиме тоже расслабилась. Аркас крепко прижимал ее к себе. Врага нужно держать поближе, ведь так? Она обхватила его талию одной рукой. А Рукой Одиночества вращала меч так, словно дирижировала неслышной музыкой. Космический ветер овеивал их как медленное течение молочной реки, в которой они занимались любовью.

— Почему ты тогда пришла на реку? — спросил Никас шепотом. И даже так, в абсолютной тишине космоса, прозвучало громче, чем ему хотелось.

— Мне нравилось это место, — ответила Максиме. — Я любила жевать пастилу.

— Я так и знал.

Максиме подняла голову и посмотрела на него. Он попытался найти в ее глазах хотя бы намек на то, что она может сдаться. Ничего.

— Максиме, отдай его мне.

Она молчала. Смотрела, не моргая, и в глазах ее плыли созвездия. Миры. Истории.

— Слушай, Никас.

— Что?

— Если бы твое сознание переместили в другое тело, как бы ты доказал, что ты, это ты?

Аркас удивился.

— Ну, я, даже не знаю. Перечислил бы особые воспоминания, которые могли быть только у меня.

— Возможно. Но что делать, если ты отказался от памяти. Отказался от того, кем был. Стал полной своей противоположностью. Что делать тогда? Мне остается только действовать как раньше. А я всегда шла до конца. Всегда побеждала обстоятельства. Один раз — да, они одолели меня. Но никогда больше. Слышишь? Никогда. Я — это все еще я.

Никас отвел взгляд.

— Ты расстроился?

— Я не хочу. Не хочу чтоб все заканчивалось так. Я никогда не отпущу тебя.

Внутри него Цинизм заскрипел клыками от отвращения.

— Я надеялся...

— Никас, — шепнула она. — Посмотри на меня. Пожалуйста, посмотри.

Как только он повернул лицо обратно, стало видно слезы, застилающие глаза.

— Хватит мучить себя надеждами. Я не для того убила ее, чтобы люди продолжали избивать себя этими: «вдруг она вернется», «может в этот раз у меня получится», «рассчитываю, что это произойдет». Хоть раз в жизни позволь себе полную безнадежность.

Она прижалась лбом к его подбородку. Лоб был горячим, словно нагретый солнцем камень на зеленой лужайке.

— Ты не хочешь понимать, что я делала, и никто не хочет. Я хотела, по-настоящему хотела, чтобы человек избавился от этой стаи хищных птиц, страстей, которые клюют, клюют, клюют нас, растаскивают по кусочкам. Что бы он услышал себя за шумом этой галдящей стаи. Люби! Ненавидь! Радуйся! Грусти!

Пророк выпустила меч, и тот поплыл прочь, словно тихоходный дредноут. Рука Одиночества исчезла. Никас взял ее локоть за основание.

— Я давно слышу себя, — тихо сказал он. — Единственная птичка во мне щебечет: нужна. Нужна. Ты нужна мне.

— Дурачок, — она поцеловала его в губы. — Я, кажется, ошибалась насчет тебя. После стольких злоключений ты не сдался. Я у тебя в руках, хотя такого просто не могло быть. Ты что-то согреваешь внутри меня. Отвлекаешь. Ты опасен.

Никас не успел среагировать. Она убрала руку с его талии, прошла секунда, а потом он закричал от жуткой, острейшей в мире боли. Такой же острой, как костяной нож, который Максиме вонзила в его бок. Он легко прошел сквозь выдуманные доспехи.

Она вонзила. И надавила вниз, словно опустила смертельный рычаг.

Крик прекратился. Аркас дернулся и отпустил ее. Он смотрел, губы его дрожали, между ними еще тянулось тонкое сипение. Как будто дух медленно выходил из тела.

— Они спрятали от меня половину, — услышал он, уже не совсем понимая, что означают слова. — Не подумали, что кость я разделила напополам. Стесала половинки о чей-то родовой камень. Срезала волосы и намотала их на рукояти. Не отдам же я, в самом деле, единственное оружие против тебя какой-то истеричной пиявке. Как бы то ни было, прости. Я должна была сделать это сама. Сразу. Но я боялась, что не смогу переступить черту. Убить человека. Сущность — легко. Но человека. Я спасала жизни. Спасала жизни...

Она оттолкнула его. За ней открылся разлом: темный, узкий зрачок.

— Прости меня, Никас, — искренне попросила Максиме. — Знаешь, если б любовь еще существовала, я бы точно в тебя втрескалась. Прощай.

Она спиной влетела в портал и тот закрылся. И даже, если б жил еще какое-то время, журналист не мог бы сделать того же. Он умирал, быстро проваливаясь в небытие. Кровь кружилась вокруг него, масляно поблескивая, словно краска, выплеснутая из банки. Широкая, глубокая рана в боку, растрчивала ее, и река жизни в человеке мелела. Он слышал, как встревожено мяукают кошки.

Ну что за баран, — слабо прорычал Цинизм внутри него. До последнего думал, что она не сделает этого? Медлил. Жалел. Трусил. Теперь все пропало. Я не спасу тебя второй раз. Я тоже слишком ослаб. Мне нужно было держать тебя живым. Тащить вперед. Единственный раз, когда ты мог помочь мне в ответ, ты не сделал этого. Не смог свернуть ей шею, пока вы миловались как лебедушки. Черт бы тебя побрал, Аркас. Черт бы тебя побрал.

Последняя лапа схватилась за костяную рукоять, обмотанную волосами Максиме. Но не смогла вырвать его, обессилев. А потом растаяла. Никаса вырвало кровью. Он обмяк и больше не шевелился.

Бабочка, как всегда, появилась на нем неожиданно. Она ползала вокруг раны, пробуя ее хоботком, и шевелила крылышками. Пыталась создать почти невероятный случай самооживления такой интенсивности, что шанс его был за гранью возможностей и понимания даже самой Бабочки. Чья сущность состояла из случайных чисел, каждая комбинация которых когда-нибудь да выпадала.

Но не сейчас.

Бабочка остановилась. Ее могущества, распространяемого даже на Материю, не хватало. Крылья медленно опустились и замерли. Никас не дышал. Его бледное, посеревшее лицо словно уменьшилось. Стало посмертной маской жившего недавно человека.

Он ушел.

Я спасала людей.

Я спасала людей.

Я спасала людей...

* * *

Ради научного интереса, Никас, однажды, посетил кенийского колдуна. Тот сидел в фанерном вигваме, в окружении грязных кружек, грязных тарелок, грязных свечей и грязных перьев, на полу, усыпанном кофейным зерном. И глядел в маленькое, но очень грязное ведро. Там пузырилась какая-то забродившая темно-красная жидкость. Возможно, кровь, смешанная с каким-то самодельным алкоголем. Никас подумал, что это была кровь не из суеверности, а просто рядом с колдуном на грязной циновке лежало три обезглавленных птицы.

Говорили, что колдун этот владеет сознанием людей, искусен в зомбировании и поднял уже десятки трупов. Все они служили ему. Убивали конкурентов, приносили еду, возможно, даже работали и подкидывали старику денег. Различных неверующих, туристов и зевак, колдун приглашал на сеансы глубокого гипноза. Без зомбирования. Никас решил, что, раз его не заставят потом работать курьером, можно попробовать и такой аттракцион. Сделать несколько фотографий, возможно, написать небольшую статью.

Он предстал перед старым, высохшим человеком, одетым в оранжевую тунику, расписанную этническими узорами, всю в разноцветных камушках и украшенную костями мелких животных. Лицо колдуна походило на морду черепахи. Такое же холодное, безразличное, всезнающее. Он совершал какие-то пассы руками, бормотал в ведро, поднимая его ко рту, и, сохраняя положение головы, все смотрел и смотрел на журналиста глазами рептилии. Никас в это время думал о том, что на земляном полу вот бегают какие-то жучки. И надо бы потом...

А потом он обнаружил себя на рынке, возле лавки мороженщика. Он ел из маленькой глиняной миски холодный деликатес, глядя на то, как чернокожие женщины выбирают себе ткани у мрачного, несговорчивого торговца, норовящего поднять цену.

Никас инстинктивно потянулся к камере: она на месте, весит на шее и ждет. Кошелек. На месте. Внутри не хватало ровно той суммы, которую назначил колдун и мелочи за мороженое.

Тогда он был сильно впечатлен. Хотя и не поверил до конца. Старик мог обмануть его сотней разных способов. Но сейчас, Аркас понимал, что Максима парализовала его взглядом, как кролика. Она была настолько возбуждена, оглушена борьбой спасителя и убийцы внутри себя, что на время лишила рассудка их обоих.

В отличие от прошлого раза, он помнил все, что произошло. Его лучшая подруга вынула из хламиды костяной нож. А потом ударила, но не в него, а по касательной, разодрав Никасу бок. Выражение ее прекрасных глаз в этот момент было совершенно безумным. Никас мог поклясться, что видел в них все то, что она внушила себе. Она убила его, извинилась,

сбежала. А потом были слова Цинизма, попытки бабочки воскресить скрюченное тело и водовороты крови.

Нож, который не смог вынуть Цинизм, на самом деле застрял в костюме Никаса. Тот достал его, ощутив обжигающий холод рукояти. Журналиста замутило от одного вида этой отвратительной штуковины.

«Она съезжает с катушек» — сказал Цинизм. «Совесть не дала ей убить тебя. Но Максиме уверена, что ты мертв. Ударь ее этим оружием в спину и заberi Одиночество».

— Заткнись! — крикнул Никас. — Заткнись, ублюдок, заткнись! Как я могу убить ее, да еще и в спину, если она довела себя до помешательства, чтобы не сделать того же со мной?!

Цинизм не ответил, но легче от этого не стало. Максиме не остановить по-другому. Спазм совести, это не та причина, которую можно назвать уважительной для отступления. Только не сейчас. Ты должен сделать это ради тех, кто еще чувствует. Создает. Ищет. Возможно Многомирье однажды погибнет само по себе, как и Материя. Но, пока этого не случилось, каждый новый день, это десятки новых миров, которые заслуживают быть живыми.

Максиме.

Ты не права лишь в одном. Что не оставляешь нам ни единого шанса. Это слишком жестоко.

Аркас представил как однажды, в городе кошек, по обитым бархатом улицам, пройдет одинокий образ. Кошки-стражники, спящие то тут, то там, наострят уши, еще не проснувшись. А потом откроют глаза и резко вскинут острые мордочки, толстые мордочки, широкие мордочки. Кто это? Кто посмел явиться в наши владения? Это будет Котожрица. Немного другая, отличающаяся от той, что запомнил Никас. Мелкие детали будут рознить ее с девушкой, делившей с ним последние часы перед сражением. Она вряд ли будет помнить об этом. Но это не так важно.

На главной площади зашевелится Архикот. Он встанет ото сна, присядет на огромную пушистую попу и начнет неторопливо вылизывать лапы, ожидая. На его макушке будет Шу-шу. Она станет мяукать и беспокоится. Топтаться по голове хранителя. И тот склонится, чтобы дать ей спрыгнуть. Кошечка побежит среди просыпающихся собратьев. Они, недоуменно, но азартно последуют за ней. И где-то, посреди коробок и домиков, Шу-шу и новая Котожрица встретятся. Кошка замяукает еще громче и запрыгнет на протянутые руки. А потом лизнет девушку прямо в улыбку, подтверждая право Котожрицы и дальше славить кошек.

Никас улыбнулся.

По его лицу пробежала Бабочка. Отвратительное ощущение. Ему пришлось открыть глаза. Насекомое слетело на приборную панель автомобиля. Оно ползало вокруг экрана навигатора, намекая, чтобы человек поскорее задал пункт назначения. Тот вздохнул и назвал имя.

Спящий солнечный мир наполнял тихий звук поющего рожка. В густой траве что-то шуршало и посвистывало, словно игрушка-пищалка. Деревья шумели, раскачиваясь. С древних стволов сыпались чешуйки коры, увядшие иголки-трубочки, шарики засохшего сока. Они попадали в прозрачные ручьи, которые уносили их в даль, неизвестную здесь.

В море.

На берегу его, рядом с каменным маяком, стоящим в стороне, словно безмолвный

свидетель, собрались жители этого мира. Те, кто не хотел уходить до последнего. Несколько тысяч, не больше. Красивые, высокие, краснокожие гуманоиды, укрытые шкурами животных. Глубоко под капюшонами они прятали слезы от родных. Нельзя было печалиться сейчас. Поэтому они пили, ели и смеялись. Они разрисовали себя красками из глины, ягодного сока и крови животных. Как и многие народы до них, объяснились друг другу в любви в последний раз, простили врагов и пообещали встретиться где-то еще. В иных землях, при иных обстоятельствах.

На гальке перед ними лежали примитивные лодки, но сейчас они были не нужны. Не сговариваясь, следуя за первыми смельчаками, люди поднимались и шли к накатывающим волнам. Заходя все глубже, они вздымали руки вверх, прощаясь с солнцем, а то, к сожалению, не могло ответить. Но оно старалось согреть их в пути на холодное дно. Светило ярко и успокаивающе.

«Жаль, что ты не можешь последовать за нами», — говорили люди.

Они скрывались в воде, один за другим. Целыми семьями, общинами, племенами. Пока на берегу не осталось никого. Только следы костров, косточки, оставшиеся от пира, и пустые бурдюки.

Не осталось никого.

Кроме двух фигур в звериных шкурах.

Одна из них сидела почти у самой воды. Как будто в последний момент передумала уходить из жизни перед надвигающимся концом света. Вода, нежно касаясь ног, подхватила заранее снятые шлепанцы и утащила за собой, словно шкодливый вор.

— Черт, — сказала Максиме, снимая с себя маскировку. — Как же я теперь босиком-то?

Она посмотрела на маяк. Красивая башня, сложенная из глыб, проложенных мелкой галькой. И все это скреплено натуральным цементом из глины и козьих какашек. Или чего-то такого. На ее вершине сложены дрова. Они должны гореть в ночи.

Максиме утерла набежавшую слезу.

Она помахала вслед ушедшим. А потом начала плакать. Она плакала долго, повторяя:

— Я спасала людей. Прости, Никас. Прости. Так было нужно.

Горе оглушило ее. Слезы сделали незрячей. В такие моменты, как сейчас, увидев исход, она становилось совершенно беззащитной.

Второй человек, не покинувший берег со всеми, находился позади. Сидел у догорающего костерка. Максиме так и не обернулась, поэтому не знала о нем. Тот уже встал и приближался. Тихо, неторопливо. Под капюшоном с пастью хищника, горели голубые глаза.

Он выслеживал ее так долго, полагаясь на удачу, даруемую Бабочкой. Шел попятам, выжидая, прячась среди негатива, который принимал охотника как брата из-за Цинизма. Жизнь его стала тихим преследованием и созерцанием уничтоженных миров, превращенных в нейтральную энергию страстей. Охотник пытался найти слабое место. Осторожно оценивал шансы. Приближался и отступал. Сколько прошло времени? Он не знал. Сколько минуло миров? Охотник сбился со счета.

Негатив опустошил его. Запрещая себе мыслить, чтоб не сойти с ума, он смог удержать тонкую скорлупу рассудка в целости. Но места под ней осталось только для одной картинки.

Со временем он заметил, что, иногда, очень редко, Пророк разрешает себе провести время в некоторых обреченных мирах. Она жила с его аборигенами, пока те готовились к

массовому самоубийству. А потом провожала их, оставаясь одна. Охотник не пытался понять эти поступки. Было ли это попыткой наказать себя, лично увидеть, какие беды несет темный крестовый поход? Или просто желанием побыть в тишине и покое? Возможность излить свои чувства?

Неважно.

Это был шанс.

Она всегда оставалась одна в такие моменты. Три раза охотник наблюдал за этим ритуалом, и три раза осторожничал, отступая. Не решаясь. Но он больше не мог идти. Не мог прятаться в негативе. Устал повторять про себя: «остановить, остановить, остановить».

Никас подошел почти вплотную. Опустился на колени. А потом черная лапа резко схватила женщину за макушку, запрокинула голову, и тогда уже бледная человеческая рука вонзила нож в правый, раскрывшийся от изумления глаз. По самую рукоять, так что острие царапнуло внутреннюю стенку черепа.

Слезы смешались с кровью.

Никас положил голову Максиме себе на колени. И даже сейчас она боролась, отказывалась умирать, отказывалась покориться. Слабеющими пальцами она хватала его здоровой рукой за подбородок, шею, шарила перед собой, словно падала и хотела зацепиться за пустоту.

— Ник... Никас. Я же... Как?

Он не отвечал. Смотрел на море. Туда, где исчезла последняя надежда этого мира.

— Тебе будет боль... Больно. Ты... Не понимаешь.

Она смотрела на него уцелевшим глазом. Рука Одиночества появилась на секунду и тронула его щеку. Вместо холода, Никас ощутил тепло. Щека дернулась сама по себе. Потом Рука исчезла.

Максиме, все-таки, сдалась, замерла. Ее несокрушимая воля проиграла циничному расчету. С довольным вздохом, демон покинул Аркаса. Тот вырвал нож из глазницы и с криком выбросил его в море, как мог далеко. А потом, стараясь не смотреть вниз, накрыл лицо женщины снятыми с себя шкурами.

— Я, — прохрипел он, вспоминая как говорить.

Его губы дрожали. Сухие воспалившиеся глаза застыли.

— Я... Никогда... Не отпущу.

Никас закричал. С надломом, скрежетом, ломаясь, теряя крохи самообладания. Испуганные птицы визгливо вторили ему с вершины маяка.

Потом он держал тело за плечи и ждал. Его колотил озноб и нервное истощение. Края хламиды разошлись, открывая темный колодец на груди. Из него медленно, словно птенец из гнезда, показалось Одиночество. Оно смотрело на Никаса, хотя его бесформенная частичка не имела глаз и ничего кроме студенистой плоти. Человек задрожал от накатившего ужаса. Организм упрасивал его бежать, бежать пока слушаются ноги. Но Аркас не послушался, не выпустил Максиму.

Демон, державший в страхе все Многомирье, начал подниматься, выбираясь наружу. Словно дух леса, вырастающий из крохотного орешка. Ширилось его трапециевидное тело, расходились в сторону руки-трубы. Вытаскивая ноги-колонны из Максиме, оно стало таким всеобъемлющим, что невозможно было поверить: как оно могло поместиться в одном человеке. Дыра в груди женщины, пустая, теперь казалась бездонной.

Никас мычал от страха. Но оставался на месте.

Одиночество стояло перед ним, на фоне моря, безголовая громадина, по телу которой пробегали черные волны, словно помехи на экране телевизора. Оно казалось сбитым с толку. Рука, покрытая тысячью пальцев, неуверенно протянулась к телу Пророка. Никас стиснул зубы. На его губах показалась кровь. Чудовище смахнуло шкуры. Залитое красным лицо смотрело в небо.

Черные полосы стали шире, и побежали быстрее, внутри голубоватого тела послышались глухие звуки, щелканье, скрип. Одиночество осторожно забрало тело у Никаса, тот цеплялся за него, но голубые пальцы легко оттолкнули журналиста, угрожая холодом. Сущность держала труп максиме у груди, словно мертвого котенка. Полосы замедлились, искривились. А потом пропали. Тело Одиночества стало абсолютно чистым, как глыба льда из родниковой воды.

Оно проявляло уважение к тому, кто смог жить с ним так долго, сохраняя достоинство и силу характера? К тому, кто отнял его силу. Чье сопротивление не могло сломить, а тело превратить в сосуд горького яда? Возможно, просто забавлялось.

Одиночество взяло лодку, лежащую на берегу и положило туда Максиме. Аккуратно накрыло шкурами и зашло в воду. Оно поставило суденышко на воду. Лодка закачалась на волнах, но держалась уверенно. Демон слегка подтолкнул ее. И последнее путешествие Максиме началось.

Оба, Никас и его немезида, долго смотрели вслед уплывающему островку древесины.

— Я так и не спросил, — прошептал Никас, — так и не спросил, как ее звали на самом деле.

Одиночество повернулось к нему. Человек застыл, приоткрыв рот. Вот оно. Сейчас ему предстоит стать новой тюрьмой. Он так много прошел и увидел. И теперь, что он может сказать об этой зловредной страсти?

— Я знаю, — говорил он, быстро, горячо, словно бредил. — Ты — часть нас. Наше жестокое движущее начало. Страх перед тобой толкает людей не только на преступления. Мы творим добро, пусть расчетливо, чтобы укрыться от тебя, создаем, пусть отчаянно, чтобы спастись от пустоты, общаемся, объединяемся, дышим в унисон! Главное — не спим. Не застываем в тишине полного спокойствия. Ты не можешь быть злом. Ты причиняешь боль, только потому, что мы не в силах вместить твои дары. Потому что малы. Боимся тебя. Я думал, что нам нужно пережить тебя, стать сильнее. Но теперь, мне кажется, что нам нужно научиться пользоваться твоей силой, как Максиме! И пусть, пока мы к этому не готовы, жертвы будут медленно приучать нас к твоему присутствию. Такие как я. Ты ведь поэтому забираешься в нас. Потому что само понимаешь это. Жертвуешь свободой, чтобы не уничтожить тех, кто не готов.

Одиночество внимательно слушало его. В его груди расцвел прекрасный узор, похожий на раскрывшийся глаз.

— Я сделаю все, что смогу, — Никас улыбнулся. — Все. Продержусь достаточно долго, чтобы позитив успел восстановиться. Они найдут кого-то, кто сможет приводить новых жертв.

Перед ним ступили всеобъемлющие ноги.

Никас затаил дыхание.

Одиночество склонилось над ним, заслонив...

Небо...

Море...

Все...

В район Пушистых богов вошел образ.

Коты-стражники еще во сне наострили уши. Тихие, как падение снежинок, шаги разбудили их. Коты недовольно подняли головы, не торопясь, однако, вставать. Кто пожаловал в наш район? Что ему нужно?

Образ улыбался им так радушно, как только способен любящий человек. Белая, в черное пятнышко, ряса, свободно сидела на стройном девичьем теле. В коротких золотистых волосах засели аккуратные треугольные ушки. Округлое веснушчатое лицо напоминало солнышко, так же сияло позитивом, вызывая ощущение тепла и спокойствия. Зеленые глаза за аккуратными очками, с обожанием глядели на кошек.

Сначала те не поверили.

Они вскочили, подозрительно метя хвостами. Смущенно мяукая, они пошли следом, тщательно принохиваясь там, где ступали мягкие тапочки образа.

А потом навстречу образу вышли Архикот и Шу-шу. Сначала хранитель Района обнюхал пришлицу. Поразмыслил. А потом потерялся об нее скулой, да так, что девушка, смеясь, чуть не упала. Шу-шу радостно замяукала. Она бесстрашно спрыгнула с головы Архикота прямо на руки Котожрицы и принялась лизать ее подбородок, щеки, губы.

Теперь уже весь Район сбежался к месту радостной встречи. Кошки носились вокруг, скакали по крышам домиков, карабкались по стенам, и мяукали, выли, урчали.

Потом, когда волна Пушистых богов унесла ее на главную площадь, погладив тысячи спин и почесав тысячи ушек, Котожрица устроилась у живота хранителя. Взяв на руки Шу-Шу, она долго смотрела куда-то сквозь пространство, сохраняя улыбку.

Что-то маленькое, цветастое, село ей на нос и взмахнуло крылышками. А потом быстро полетело прочь, умело избегая когтистых лап.

Котожрица удивленно моргнула и сняла очки.

— Я... Помню.

Она закрыла глаза и снова открыла их. В ее памяти раскрылся ящик, которого там не должно было быть.

— Я помню. Никас. Я тебя помню.

Она снова закрыла глаза.

— Никас!

Шу-шу встревожено посмотрела на нее. Но хозяйка, больше не говорила ничего. Она положила любимицу на колени и закрыла лицо ладонями. Тогда кошечка уткнулась носом ей в живот, и уютно замурлыкала, погружаясь в сон.

Больше книг на сайте - Knigoed.net